

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Включен в Перечень ВАК

Научный диалог

2020. № 1

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • Международная база ERIH PLUS с 11 июня 2015 года • Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • EBSCO • Index Copernicus • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Импакт-фактор РИНЦ 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Владивосток	Принс-Джордж (Канада)
	Екатеринбург	Пятигорск
	Елабуга	Санкт-Петербург
	Иркутск	Снежинск
	Кемерово	Сызрань
	Киров	Тюмень
	Красноярск	Череповец
	Москва	Чжэньцзян (КНР)
	Нанкин (КНР)	Чжухай (КНР)
	Нижевартовск	Чита
	Нижний Новгород	Якутск
	Новосибирск	Ярославль
Авторы, имеющие ученую степень	92 %	

Дата выхода в свет 31.01.2020

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2020. № 1

Impact factor RSCI 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • Russian Science Citation Index (RSCI) • Index Copernicus • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

10.02.00 ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, доктор филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Галина Дмитриевна Фигуровская, доктор филологических наук, профессор (Россия, Елец)
Екатерина Андреевна Дюжикова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Елена Иосифовна Голованова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Челябинск)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Ирина Ивановна Скачкова, доктор филологических наук, доцент (Россия, Волгоград)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, доцент (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ольга Викторовна Дедова, доктор филологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ольга Викторовна Трофимова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Тюмень)
Светлана Петровна Васильева, доктор филологических наук, профессор (Россия, Красноярск)
Сергей Павлович Праведников, доктор филологических наук, доцент (Россия, Курск)
Татьяна Николаевна Бунчук, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Татьяна Юрьевна Уша, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Асиф Аббас оглы Гаджиев, доктор филологических наук, профессор (Азербайджан, Баку)
Галина Ивановна Родина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Диана Владимировна Абашева, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Елена Николаевна Брызгалова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Тверь)
Игорь Анатольевич Голованов, доктор филологических наук, доцент (Россия, Челябинск)
Павел Федорович Лимеров, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Александр Николаевич Садовой, доктор исторических наук, профессор (Россия, Сочи)
Марина Витальевна Белозерова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Сочи)
Михал Вархола, доктор наук, профессор (Словакия, Кошице)
Николай Семенович Модоров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Горно-Алтайск)
Ольга Николаевна Богатырева, доктор исторических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Татьяна Петровна Нестерова, кандидат исторических наук (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Тамара Алексеевна Муравницкая, доктор философских наук (США, Луизиана)

Главный редактор:

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод аннотаций: Валерия Кучко, Ирина Волгина, Игорь Гладкий

EDITORIAL BOARD

LINGUISTICS

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor, Editor-in-Chief (Russia, Yekaterinburg)
 Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
 Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
 Galina Dmitriyevna Figurovskaya, Doctor of Philology, professor (Russia, Elec)
 Ekaterina Andreyevna Dyuzhikova, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
 Elena Isosifovna Golovanova, Doctor of Philology, professor (Russia, Chelyabinsk)
 Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
 Irina Ivanovna Skachkova, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Volgograd)
 Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
 Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
 Olga Viktorovna Dedova, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Moscow)
 Olga Viktorovna Trofimova, Doctor of Philology, professor (Russia, Tyumen)
 Sergey Pavlovich Pravednikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Kursk)
 Svetlana Petrovna Vasilyeva, Doctor of Philology, professor (Russia, Krasnoyarsk)
 Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
 Tatyana Yuryevna Usha, PhD in Philology, associate professor (Russia, Moscow)
 Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
 Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
 Asif Abbas ogly Gadzhiev, Doctor of Philology, professor (Azerbaijan, Baku)
 Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
 Diana Vladimirovna Abasheva, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
 Elena Nikolayevna Bryzgalova, Doctor of Philology, professor (Russia, Tver')
 Igor Anatolyevich Golovanov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Chelyabinsk)
 Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
 Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORICAL SCIENCES

alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
 Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of Historical Sciences, professor (Russia, Yekaterinburg)
 Aleksandr Nikolayevich Sadovoy, Doctor of Historical Sciences, professor (Russia, Sochi)
 Marina Vitalyevna Belozerovala, Doctor of Historical Sciences, associated professor (Russia, Sochi)
 Mihal Varhola, Doctor of Science, professor (Slovakia, Košice)
 Nikolay Semenovitch Modorov, Doctor of Historical Sciences, professor (Russia, Gorno-Altaysk)
 Olga Nikolaevna Bogatyreva, Doctor of Historical Sciences, associated professor (Russia, Yekaterinburg)
 Tatyana Petrovna Nesterova, PhD in Historical Sciences (Russia, Yekaterinburg)

Science Editors

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
 Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of Historical Sciences, professor (Russia, Yekaterinburg)
 Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
 Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
 Tamara Alekseyevna Muravitsky, Doctor of Philosophy (USA, Louisiana)

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Содержание

Языкознание

<i>Аксельруд Д. А., Бродская М. С.</i> О специфике актуализации события в английской глагольной группе с вершинным глаголом движения	9
<i>Васильева С. П.</i> Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX—XXI веков	27
<i>Го Лицзюнь, Щетинина А. В.</i> Идеографическая реконструкция номинативного множества «Основы властных отношений в государстве»	45
<i>Иоанесян Е. Р.</i> Имплицитная оценка и аргументация	62
<i>Кондратьева О. Н., Каменева В. А.</i> Лингвополитическая персонология (метафорический ракурс исследования)	78
<i>Лаврова С. Ю.</i> Концептуальный статус нереферентного употребления местоимений в литературно-критическом дискурсе писателя-беллетриста XIX века Н. Д. Ахшарумова	97
<i>Мельникова Е. М., Гапонова Ж. К.</i> Производные с формантом -тека в современном русском языке	112
<i>Обвинцева О. В., Питолин Д. В., Обвинцева Т. О.</i> Прагматические маркеры в англоязычном предвыборном дискурсе (на примере выступлений кандидатов на пост лидера Консервативной партии Великобритании)	124
<i>Осинчук А. Е.</i> Грамматические средства выражения семантики императивности в речевом жанре «приказание»	141
<i>Сергодеев И. В.</i> Опыт анализа и синтеза контекстных значений доминантной единицы child поэтического текста У. Блейка «The Lamb»: интертекстуальный аспект	158
<i>Сигал К. Я.</i> Роль установки в синтаксисе художественной речи (на материале сатирической пьесы-миниатюры В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...»)	175
<i>Токарчук И. Н., Ерышева А. Ю.</i> Частица уже и способы её перевода на вьетнамский язык	192

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

<i>Григоровская А. В.</i> В поисках целостности: повесть Айн Рэнд «Гимн» и роман Дж. Керуака «В дороге»	212
<i>Скачкова В. Н.</i> Документальность как множественная реальность: вербатим «Солнце всходит»	229
<i>Чжан Линь, Чжэн Луянь.</i> Семиотическая система одежды и украшений в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме»	242
<i>Шастина Е. М., Казакова Ю. К.</i> Функционирование литературных антропонимов в произведениях Э. Канетти и К. Хоффера	257

Исторические науки

<i>Валов Т. В.</i> Реализация денежного этапа российской приватизации в 1997 — начале 1998 гг.: ключевые тенденции и региональная специфика (на примере Санкт-Петербурга)	271

<i>Гехт А. Б., Неровный А. В., Цвериянашвили И. А.</i> Академический расизм в Швеции в первой половине XX века: создание и деятельность Государственного института расовой биологии	288
<i>Дорохов В. Г., Карпинец А. Ю., Пьянов А. Е.</i> Растениеводство и животноводство Кузбасса в конце XIX — начале XX веков	303
<i>Иванов А. А.</i> Чиншевое право в Западном крае Российской империи и законодательные попытки его ликвидации (вторая половина XIX — начало XX веков).....	322
<i>Кулешова Е. В., Старостин Д. Н.</i> Проблема переосмысления достижений французской историографии XVI века в труде Филиппа Лаббе (1607—1667) «Новая библиотека рукописных книг»	341
<i>Мамкина И. Н.</i> Условия развития государственной системы начального образования в Восточной Сибири в XIX — начале XX веков.....	356
<i>Мамяченков В. Н., Львова М. И.</i> Социально-экономическое положение Свердловской области в 1992 году: первый год «шоковой терапии» (по данным региональной статистики).....	370
<i>Маркова М. А.</i> Семья помещичьих крестьян Санкт-Петербургской губернии середины XIX века (по данным исповедных росписей Царскосельского уезда)	386
<i>Мокурова Е. Ю., Тарасов К. Н.</i> Монетное обращение на территории Вятского края в 30—90-е годы XVIII века (по данным монетных кладов).....	400
<i>Наливайко Р. А.</i> Эволюция образа Московского государства в исторических трудах Яна Длугоша и Матвея Меховского: вторая половина XV — первая треть XVI веков	422
<i>Рагулина М. В.</i> Хозяйственная аккультурация нижеилимских эвенков: земледельцы и охотники-оленьеводы (XVIII — начало XX веков)	433
<i>Скитина И. В., Московкин В. В.</i> Феномен «Пермской катастрофы» 1918 года в оценке современных исследователей гражданской войны в России	451
<i>Спичак А. В.</i> Добровольный уход духовных лиц в светское ведомство в первой половине XIX века: причины, результаты и порядок делопроизводства (по материалам Tobольской духовной консистории).....	469
<i>Суслова Л. Н., Яркова И. В.</i> Становление системы пенсионного довольствия гражданских служащих Tobольской губернии XIX — начала XX веков	484
<i>Филиппова В. В., Саввинова А. Н., Фондал Г.</i> Эвенки бассейна реки Олёкма: расселение и землепользование в XXI веке	495
АВТОРАМ.....	510
CONTENTS.....	515

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Анастасия Евгеньевна Осипчук, преподаватель (Сызрань)
Анна Викторовна Щетинина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Анна Юрьевна Ерышева, старший преподаватель (Владивосток)
Вероника Александровна Каменева, д-р филол. наук (Кемерово)
Го Лицзюнь, канд. филол. наук (Чжухай, Китай)
Данил Викторович Питолин, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Евгения Рафаэлевна Иоанесян, д-р филол. наук (Москва)
Екатерина Михайловна Мельникова, канд. филол. наук (Ярославль)
Жанна Константиновна Гапонова, канд. филол. наук (Ярославль)
Илья Витальевич Сергодеев, канд. филол. наук (Снежинск)
Ирина Николаевна Токарчук, канд. филол. наук (Владивосток)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Владимировна Обвинцева, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Ольга Николаевна Кондратьева, д-р филол. наук (Кемерово)
Светлана Петровна Васильева, д-р филол. наук (Красноярск)
Светлана Юрьевна Лаврова, д-р филол. наук (Череповец)
Татьяна Олеговна Обвинцева, старший преподаватель (Екатеринбург)

Аксельруд Д. А. О специфике актуализации события в английской глагольной группе с вершинным глаголом движения / Д. А. Аксельруд, М. С. Бродская // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-9-26.

Axelrood, D. A., Brodskaya, M. S. (2020). On the Specificity of Event Actualization in an English Verb Phrase Headed by a Verb of Movement. *Nauchnyi dialog*, 1: 9-26. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-9-26. (In Russ.).

УДК 811.111'367.4+81'372

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-9-26

О СПЕЦИФИКЕ АКТУАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ГРУППЕ С ВЕРШИННЫМ ГЛАГОЛОМ ДВИЖЕНИЯ

© Аксельруд Дина Ароновна (2020), orcid.org/0000-0001-8353-7070, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» (Пятигорск, Россия), deaxel@mail.ru.

© Бродская Мария Сергеевна (2020), orcid.org/0000-0002-1478-3451, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» (Пятигорск, Россия), mashuchok@gmail.com.

Статья посвящена когнитивно-семантическому анализу события и его проекции на глагольную группу с английскими глаголами движения / перемещения. Материалом для исследования послужила группа глаголов движения в английском языке, представленная в работе американского лингвиста Б. Левин. В статье показано, что все многочисленные классификации и последующие уточнения и дробления на подгруппы этой части лексикона не создают их четкой, качественной категоризации. В процессе анализа были выявлены корневые семы глаголов перемещения, наличие которых позволяет им адекватно передавать ядерный смысл объективированной ими ситуации. Все дополнительные семы выделены у каждого глагола в зависимости от функционально-коммуникативных, стилистических, социально-психологических требований контекста. На основании этого в работе вводится понятие позиционных вариантов многозначных глаголов — аллосемантов. Особое внимание было уделено исследованию фреймовых различий глагольно-ограниченных и спутнично-ограниченных событий. Анализ второго вида событий, обозначаемых глаголами движения, позволяет выделить новый вариант словообразования, основанный на когнитивной компрессии. В исследованной группе глаголов были определены перспективные для расширения словаря механизмы инкорпорирования компонентов фреймов MANNER, PATH и INSTRUMENT в семантическую структуру глаголов движения.

Ключевые слова: английские глаголы перемещения; фреймовая структура события; корневая сема; прототипическая сема; аллосемант; спутнично-ограниченная глагольная группа; глагольно-ограниченная глагольная группа; когнитивная компрессия; инкорпорированные компоненты фрейма.

1. Введение

Теория события получила достаточно широкое освещение в современной лингвистике, можно утверждать, что она является одним из удачных детищ языкознания [Parsons, 1989; Pustejovsky, 1991; Pietroski, 2005; Rappaport Hovav et al., 2010]. В то же время последние исследования в этой области показывают, что основное внимание в настоящее время переключено на изучение или типологических свойств событий [Croft et al., 2010], или частных характеристик, таких как когнитивно-семантические свойства предикатов, обеспечивающих объективацию ситуаций реального мира, специфика структуры событий, корреляция их составляющих, роль компонентов, создающих локальную и темпоральную привязку сгенерированных единиц и др. [Events ..., 2014; Дубовский и др., 2009]. С другой стороны, исследуются и внешние функциональные характеристики событий, такие как соотношение ситуаций и актуализирующих их событий, а также механизмы проецирования на лингвистические единицы элементов воплощенного мира, то есть процесс перекодировки информации от реальной картины мира к ментальному уровню и далее к их объективации в естественном языке [Аксельруд, 2016а, 2016б]. Несмотря на наличие большого количества различных исследований по теории события в них прослеживаются общие черты. Практически все они называют базовыми компонентами события (в его текстовой реализации) глагол и его аргументы (или семантические падежи по Ч. Филлмору), а также традиционные для когнитивной грамматики элементы: **Фигуру**, **Фон**, **Ориентир**. Проблема выявления структуры события занимала очень многих исследователей, потому что она практически эксплицировала семантические и валентностные возможности английских глаголов, которые после первых работ по падежной грамматике и семантическому синтаксису сделали все предложения вербоцентрическими структурами [Fillmore et al., 2001]. Но особое внимание при исследовании семантико-синтаксических свойств различных групп глаголов стало уделяться глаголам движения. И, как показывает обширная библиография по данной теме, это происходит неспроста. Одной из основополагающих работ по этой проблеме считается исследование Л. Талми, который описал «событие движения» как конфигурацию, состоящую из четырех когнитивно-семантических элементов: **Фигуры** (Figure) — объекта, который считается движущимся или локативно идентифицированным по отношению к другому; **Фона** (Ground) — элемента, по отношению к которому Фигура считается или движущейся, или локативно закрепленной, но совершающей «действия-движения»; **Процесса активации** (activating

process) — у предложений с глаголами движения это Направление (*Direction*) — вектор, по которому происходит перемещение, и *Ассоциативной функции* (*association function*) [Talmy, 2000, pp. 25—36].

Л. Талми приводит общее определение физического события движения. Это, по его мнению, не только физическое передвижение объекта с изменением места пребывания, но и стационарное выполнение им действий при локативном пребывании [Ibid., p. 35]. При этом исследователь считает, что и при первом виде движения, и при втором обязательно есть *Фигура*, но не всегда возможно наличие *Фона*. Фактором, влияющим на наполняемость структуры события, он считает вид *Процесса активации*, или, другими словами, различия в протекании события. Так, автор утверждает, что в первом варианте движения присутствует физическое действие, а во втором подразумевается стационарное явление, что представляется не совсем точной характеристикой, так как физическое действие есть в обоих вариантах, просто во втором варианте нет изменения места действия. Поэтому сформулированное Л. Талми определение движения не вполне ясно для понимания.

А. Веркерк дает другое определение, которое представляется более точным и предпочтительным, трактуя понятие так: «...движение движущейся фигуры (*mover*) по какому-то пути относительно фона, или цели, или источника, или других точек отсчета» [Verkerk, 2015, p. 225]. А терминологическая неточность первого определения связана, скорее всего, с многозначностью слова *motion* в английском языке, выражающего и значение ‘передвижение’ (как процесс), и значение ‘движение-действие’ (как компонент действия). В естественном языке они разделены и репрезентированы разными словами, имеющими в своей структуре разные прототипические семы. В первом случае это сема ‘move’ (‘передвижение’) (*go* — *идти* / *ехать*, *run* — *бежать* и др.), а во втором — сема ‘action’ (‘движение-действие’) (*put* — *положить*, *wave* — *махнуть рукой*, *take* — *взять* и др.). Но если провести наиболее точную (*fine-grained*) семантическую декомпозицию всех глаголов действия (*Verbs of Action*), то картина окажется иной. Когнитивно-семантическая декомпозиция глаголов открывает и много других моментов, связанных с их классификацией и с особенностями развития у них новых значений, а также объясняет расширение глагольных групп за счет новых слов, сгенерированных нетипичным для английского языка способом. Поэтому все вышесказанное объясняет не только выбор группы глаголов для исследования, но и использование более утонченной методики анализа, что предопределяет актуальность проблемы и новизну поставленной задачи.

2. Глаголы движения в английском языке и их классификации

Как оказалось, группа английских глаголов движения имеет целый ряд специфических свойств. Рассмотрим их далее, но предварительно уточним, какие глаголы следует относить к группе движения.

Для объяснения этой ситуации следует обратиться к имеющимся семантическим классификациям английских глаголов. Их существует огромное количество — от ставших классическими до сравнительно недавно появившихся. Отметим только те, которые наиболее релевантны в современных исследованиях.

Наиболее известной из классики считается классификация З. Вендлера [Vendler, 1967], которая и в настоящее время чаще всего упоминается в многочисленных работах, посвященных глагольной группе, потому что в ней впервые, еще задолго до появления теории валентности стала учитываться сочетаемость глаголов. И, как показали дальнейшие исследования, названия вычлененных групп глаголов оказались когнитивно обоснованными (о чем З. Вендлер, возможно, и не подозревал), так как в них приводились основные характеристики ситуаций, которые глаголы актуализировали в естественном языке: *глаголы деятельности, свершения, достижения, а также глаголы-стативы*.

В последующие годы классификация З. Вендлера подвергалась многочисленным усовершенствованиям и дополнениям. Так, А. Вежбицкая в 1980 году предложила похожую классификацию, разделив глаголы на классы под названием *states, changes, actions* и *events* (*состояния, изменения, действия и события*) [Вежбицкая, 2011, с. 226—227]. В 1979 году Д. Даути [Dowty, 1979, р. 60] провел семантическую экспликацию классов З. Вендлера и разделил их по признаку агентивности на два (приблизительно то же сделала Е. В. Падучева [Падучева, 2010, стр. 122—152]).

Классификация З. Вендлера до сих пор пользуется большой популярностью у лингвистов, но многие из них переименовывают или интерпретируют данные классы по-своему.

Отсчет семантических классификаций глаголов и появление новых революционных методов исследования можно начинать с У. Чейфа [Chafe, 1970, pp. 119—143], выделившего четыре основных семантических класса глаголов: «действие», «процесс», «состояние» и «действие-процесс» — и шесть глагольных групп, в которые входят глаголы, обозначающие состояние, процесс, действие, процесс-действие, амбиентное состояние, амбиентное действие.

Следующий этап в этой области представлен трудами Ч. Филлмора, появившимися почти параллельно с работами У. Чейфа и обозначившими на-

чало перехода в зарубежной лингвистике от классики и генеративизма к семантической грамматике. Свои исследования в данной области Ч. Филлмор начинал с создания падежной грамматики, которая очень быстро трансформировалась в анализ существующих в нашей ментальности структур, объективированных глаголами. Ч. Филлмор дал им название «фреймы», а фреймовая семантика произвела полный переворот в лингвистике. Возьмем, например, глагол *see* (видеть). Объективированное этим глаголом действие подразумевает присутствие рядом с ним слов, актуализирующих роли экспериенцера и стимула. В семантике другого глагола — *show* (показать) обязательным стало уже наличие агенса, адресата и пациенса, причем адресат выступает в роли экспериенцера по отношению к пациенсу. По такой же схеме можно описать не только отдельные слова, но и их значения. В этом случае на смену семантическим ролям приходят конкретные смыслы. Так, при анализе значения глагола *sell* (продавать) нам необходимы знания о существовании товара, денежной единицы, продавца и покупателя. И, хотя эти знания носят уже энциклопедический характер, нам приходится учитывать их воздействие на формирование всего ситуационного фрейма.

Самая большая и наиболее широко распространенная классификация глаголов в английском языке — классификация Б. Левин [Levin, 1993], в которой глаголы группируются на основе их семантико-синтаксических свойств. Она относится уже к современным классификациям глаголов в английском языке, так как использует разработанные позднее методы анализа, в частности, характерные для семантико-когнитивного подхода. Это классификация глаголов, у которых проявляется один и тот же или схожий набор диатезных чередований аргументов при реализации их структуры, и характеризуется она определенными смысловыми компонентами, организованными в семантически когерентный класс. Хотя выбор чередований в качестве основного средства для определения классов глаголов представляется спорным, но для того периода он был перспективен.

В то же время появились работы, которые отличались сложными формальными исчислениями для выяснения семантики комплексов, обозначающих движение (глаголов с предлогами). Это делается главным образом на основе разделения пространства на внутреннюю, внешнюю зону и зону контакта. Б. Ландау и Р. Джекендофф используют такое структурирование для статических пространственных предлогов, концептуальные структуры которых описывают семантику движения [Landau et al., 1993].

Позже Д. Златев, вслед за Р. Лэнекером, в своём исследовании в 2003 году представил семь пространственных семантических категорий: Trajector, Landmark, Motion, Frame of Reference, Region, Path и Direction

(Траектор, Ориентир, Движение, Референциальный фрейм, Район, Путь, Направление). Выделение этих категорий помогло уточнить концепцию движения, заданного комплексом глаголов. Например, мы можем описать траектории объекта и человека в привязке к наземным и относительным ориентирам. Далее мы можем также выбрать случаи воспринимаемого движения в аллоцентрических и дейктических системах отсчета. В общем и целом, «дейктичность присуща языковым единицам, а для некоторых, например, детерминативов является “базовой, фундаментальной характеристикой”» [Долматова, 2016, с. 91]. Хотя английские глаголы в основном дейктические, но иногда встречаются случаи, когда *Trajector* (траектор) может быть нацелен аллоцентрически, то есть извне, со стороны. Например, *come near the earth* / приблизиться к земле или *come to me* / подойди ко мне. В то же время его направленность может быть и дейктической — *come closer to a fight* / подойди поближе к драке.

Примерно то же самое можно сказать о глаголах с компонентом *motion*, которые могут быть восприняты со стороны (аллоцентрические) — *walk, run, crawl* / гулять, бежать, ползти или быть дейктическими (не воспринимаемыми без определенной отсылки) — *move up in the rank* / продвигаться по службе.

Другой подход к классификациям глаголов представлен в работах, посвященных созданию компьютерных словарей или программ. Так, в работе К. Киппер, А. Корхонен, Н. Райанта и М. Палмер приводится самый большой компьютерный лексикон, созданный на основе работы Б. Левин. Он получил подробное семантико-синтаксическое описание с дополнением из 57 новых классов глаголов, которое, как считают авторы, дает большие возможности при машинном обучении языку [Kipper et al., 2008].

Другие классификации учитывали наличие переходности и непереходности [Faber et al., 1999], а также такие компоненты фреймовой структуры, как *path* (путь), *manner* (манера движения).

В российской лингвистике особо следует отметить работу по временной отнесенности и локализации Т. В. Булыгиной [Булыгина, 1982]. Интересна классификация глаголов Г. А. Золотовой [Золотова, 2010], которая построена на функционально-семантических критериях. А точка зрения Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1976], позволившая автору построить свою классификацию глаголов на семантическом разделении ментальных актов и актуализаторов механического действия, стала позже основой для многих других работ.

Были и более узконаправленные классификации: например, функциональные классификации глаголов [Болдырев, 2016], классификации гла-

голов зрения [Шабанова, 1998], глаголов воображения [Шерсткова и др., 2018] и многие другие.

Из наиболее поздних работ, основанных на когнитивном подходе к анализу семантики глаголов, назовем диссертации М. С. Бродской [Бродская, 2014] и Н. В. Зубенко [Зубенко, 2015]. Авторы этих исследований проводили разделение глаголов на кластеры, складывающиеся вокруг вычлеченных прототипов, что позволило более четко с когнитивно-семантической позиции дополнить известную классификацию Б. Левин.

В то же время подобные исследования показали, что в настоящее время именно когнитивный подход к изучению глагольных групп дает наиболее многообещающие результаты. Однако при этом возникла новая проблема, которая ставит под сомнение необходимость в очень «строгих» классификациях. Дело в том, что интенсивное развитие многозначности в этом разряде слов приводит к стабильной смене наполняемости глагольных классов. Возникает потребность в постоянных уточнениях этих группировок, что свидетельствует о большой нечеткости (размытости) их границ и что косвенно умаляет и качество, и значимость таких классификаций. Отсюда возникает вопрос: какой механизм ответственен за такую гибкость и многоликость ряда глаголов, позволяющих относить их сразу к нескольким семантическим группам с совершенно разными прототипическими значениями? И почему именно глагольная среда становится источником большого количества так называемых радиальных категорий в лексиконе?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к эмпирическому материалу. Прежде всего определим, какие глаголы все-таки следует называть глаголами с прото-семой движения (или, точнее, передвижения), а какие — глаголами действия с компонентом движения.

3. Специфические свойства фреймовой структуры события и ее проекции на глагольную группу перемещения

Вслед за З. Вендлером [Vendler, 1967] мы в своей работе используем общепринятое в современной лингвистике деление английских глаголов на actions — действия, processes — процессы, accomplishments — свершения и states — состояния. Нами было обнаружено, что в семантике всех глаголов из первых трех названных групп присутствует сема ‘move’; она отсутствует только у глаголов состояния. Приведем примеры, сравнивая семантические декомпозиции некоторых глаголов действия:

1) Глагол *put* (положить) в работе Б. Левин отнесен к группе *Verbs of Putting*, из чего следует, что прототипичное значение этой группы глаголов — «контакт с твердой поверхностью и оставление объекта на ней». И

какие бы другие семы в семантику глаголов этой группы ни входили, без этой семы действие, соответствующее *putting*, не произойдет. Рассмотрим формальную запись:

put → [+MOVE, +HAND, +DIRECTION, +OBJECT, +CONTACT, +ON, + SURFACE, +LOCATION, +LEAVE]. Это базовые семы, которые отличают действие *put* от других действий при его употреблении в первичном значении.

E.g. *But I'm Jessel, and I have Jessel's life to lead. I put all the documents I've found into my own Summerchild file* (BNC, J 17) / Но я Джессел, и я должен жить как Джессел. Я положил все документы, которые я нашел, в свою собственную папку (здесь и далее перевод авторов. — Д. А., М. Б.).

Без сем [+SURFACE, +ON, +LEAVE] мы должны будем использовать вместо глагола *put* глагол *touch* (тронуть), а добавление в его семантическую запись таких сем, как [+MOVE, +ALONG, +SURFACE], приведет к выбору слова *pat* (погладить).

2) Глагол *take* (*брать*). Формальная запись его семантической структуры: *take* → [+MOVE, +HAND, +CONTACT, +OBJECT, +CHANGE OF POSSESSION]. У этого глагола другой набор семантических примитивов, однако сема 'move' также присутствует. При этом прототипической, главной для этого глагола выступает сема 'change of possession' (изменение обладания). Без неё опять получим глагол *touch* (трогать).

У названных глаголов, которые не считаются глаголами перемещения или собственно движения, тоже есть сема 'move', но их отличие от глаголов движения заключается именно в том, что они, обозначая изменение локации, не передают его в виде перемещения всей Фигуры, а фиксируют лишь перемещение её частей. Другими словами, это действия, происходящие в пределах самой Фигуры. E.g. *Yeah, I'll take your car* (BNC, SP:PS532.) (Да, я возьму твою машину). Или, если быть еще более точными, глаголы действия вместо движения всей Фигуры используют движение её мереологического (партитивного) компонента [Donnelly, 2014, 43—56; Varzi, 2019]. Поэтому подобное явление часто становится основой сравнения, метафоризации или метонимизации.

Приведённые в качестве примеров глаголы обладают обширной многозначностью, но, какой бы она ни была (можно сказать: *put their skills on snow* / проявить умения на снегу; *put diplomatic pressure* / оказать дипломатическое давление; *put away doctor's letter* / отложить письмо доктора; *put something away* / отставить что-то), во всех примерах всегда будет присутствовать идея [MOVE], которая инкорпорирована в сему 'action', но не обуславливает вектор перемещения.

Если же случится замена какого-либо из других упомянутых базовых компонентов в семантической структуре глаголов действия, то может произойти их переход в другую группу. Так, в приведенном ниже примере глагол *take*, один из самых многозначных глаголов, потеряв семы [+OBJECT, +CHANGE OF POSSESSION], становится типичным глаголом перемещения или настоящим глаголом движения.

E.g. Luke was on his feet and in front of her before she could take a step towards the doors. You're not running off yet, Fran' (BNC, 34K23W) (Льюк был уже на ногах и предстал перед ней, прежде чем она успела шагнуть к двери. «Ты еще не убегаешь, Фран»).

3) Глагол широкой семантики *put*.

E.g. I was anticipating severe disapproval from that quarter, because my father was bemused, to say the least, by my refusal to settle down into a job with a future, as he put it (BNC, CS4 76) (Я предполагал, что встречу резкое неодобрение с этой стороны, потому что мой отец был, мягко говоря, озадачен моим отказом поступить на службу с перспективой роста, как он **выразился**).

В этом примере глагол *put* потерял практически все свои базовые семы, то есть в приведенной ситуации вместо руки двигался язык. Человек говорил, а не брал что-то. С таким значением глагол *put* попадает в другую группу глаголов — говорения, коммуникации.

Если таким же образом рассмотреть десятки других значений у глаголов *put* и *take* или других многозначных слов, то мы придем к выводу, что изменение варианта фреймовой развертки у каждого английского глагола может серьезно повлиять на их когнитивно-семантические параметры, то есть или ограничить, или расширить их активационные и функциональные возможности. (Отсюда и появление радиальных категорий!). Кроме того, у каждого из глаголов есть такие корневые семы, без которых они не могут функционировать в своей роли. Поэтому одной из первых проблем любой классификации становится выявление корневых значений (по-настоящему прототипических) для каждого глагола, а потом уже организация их в когнитивные группы. Все остальные семы используются ими только при взаимодействии с другими компонентами контекста, а по необходимости — для воссоздания реальной ситуации. Таким образом, подвергается сомнению идея вербоцентричности, поскольку не глагол создает предложение, а к нему подключается то количество аргументов, которое необходимо для объективирования описываемой ситуации. Но возможности гибко изменять семантическую структуру глагола доступными средствами должны потенциально присутствовать в самой структуре языка. И они имеются.

Просто каждый отдельный контекст подбирает семы для обеспечения адекватной интерпретации семантической структуры. Например:

Jane walks (every day) / Джейн **гуляет** (каждый день).

Jane walks her pet (every day) / Джейн **выгуливает** своего любимца (каждый день).

Jane walks her shoes ragged / Джейн **износила** свои туфли до дыр.

John walked Jane home to her door / Джон **проводил** Джейн домой до двери.

Airline pilots walked off the job last week / Летчики **прекратили (забастовали)** работу на прошлой неделе.

В каждом из приведенных примеров значение глагола меняется в зависимости от ситуации. В первом примере глагол *walk* — глагол перемещения, во втором сема ‘change of place’, которая является ядерной для этих глаголов, заменяется семой ‘object’, которая считается базовой для переходных глаголов действия. Ситуация в этом примере тоже другая. Речь в нем идет не столько о перемещении, сколько о представлении о том, как это делается. Три следующих примера показывают переход глагола *walk* в совершенно иные группы глаголов: (а) сопровождать, эскортировать; (б) изорвать, истрепать; (в) забастовать, оставить работу. Что касается компонента [MOVE], то он действительно есть у всех глаголов действия, хотя практически никакой роли в радикальном изменении значения не играет.

Рассмотрим, как выглядит в этом случае формальная запись типичного глагола перемещения — *go*. Корневой семой у таких глаголов является сема ‘change of place’ (‘перемена места’).

E.g. *He went home* / Он пошел домой. Формальная запись: [+AGENT, +MOVE, +DIRECTION, +PLACE]. Для всех английских глаголов перемещения обязательной также стала сема направления, хотя в реальной ситуации возможно и бесцельное движение, но тогда внимание фокусируется не на перемещении, а на образе самого действия [MANNER]. Глаголы такого типа становятся пограничными между группой перемещения и действия / движения. Например:

E.g. *He walked in the park* / Он гулял в парке.

Исследованный материал показал, что в английском языке есть глаголы движения с ингерентным значением направленности в их семантике, и для них экспликация этой семы избыточна. Хотелось бы отметить, что практически все они заимствованы из французского или латинского языков, то есть происходят от романских корней. Поясним этот случай примером:

The murderer escaped the police / Убийца избежал попадания в полицию. Глагол *escape* в своей семантической структуре уже имеет значение ‘из-

бежать кого-то, чего-то'. Другой вариант этого предложения с указанием направления на самом деле немного изменяет значение. Е.g. *The murderer escaped from the police* / Убийца убежал из полицейского участка. Присутствие на первый взгляд избыточного предлога на самом деле показывает, что во втором случае речь идет не о полиции вообще, а о месте действия, то есть в нем есть сема 'place', но не сема 'direction'.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что различные комбинации аргументов при глаголе в различных ситуационных фреймах обеспечивают их расширенное функционирование в языке, а каждую из таких семантических комбинаций, удовлетворяющую требованиям контекста, следуя принятой в лингвистике традиции, следует считать не новым глаголом, а его когнитивным контекстуальным вариантом, или аллосемантом.

Проведенный комплексный анализ глагольных групп позволил выявить еще одну особенность глаголов движения (перемещения). Прежде чем описать её, хотелось бы обратить внимание на весьма интересное деление глаголов, приведенное Л. Талми: на глаголы, в семантику которых включен компонент [PATH] (путь), и на глаголы, у которых он находится за их пределами [Talmy, 1991, p. 8]. Первые он назвал глагольно-ограниченными (verb-framed), а вторые — сателлитно-ограниченными (satellite-framed). Из индоевропейских языков все, кроме романских языков, относятся ко второму типу. А романские, финно-угорские и китайский языки считаются глагольно-ограниченными. Этим можно объяснить тот факт, что в нашем примере *escaped the police* глагол *escape* французского происхождения уже содержит компонент [PATH] и его дублирование не требуется. Аналогичным образом можно проанализировать глаголы *enter* и *go*. *He entered the room* (Он вошел в комнату). *He went into the room* (Он пошел в комнату). Первый глагол заимствован из французского языка; происхождение второго — германское.

В работе анализируются все глаголы группы передвижения и её подгруппы (всего — 7), что позволило получить интересные результаты. Самыми большими группами оказались: (1) *Roll Verbs* (глаголы вращения) и (2) *Run Verbs* (глаголы со значением бега). Основные семы у этих глаголов 'move', 'manner', причём подавляющее большинство глаголов имеет германское происхождение. Иными словами, в английском языке, как и утверждает Л. Талми, глаголы движения — сателлитно-ограниченные, и в их корневую основу может быть инкорпорирована сема 'manner', а не 'path'.

Еще одну группу *Waltz Verbs* также можно отнести к этому типу, поскольку в нее входят глаголы, передающие названия уже исполненных танцев. Все эти заимствования взяты из разных языков, откуда эти танцы

пришли, но все они тем не менее фокусируют внимание на манере исполнения. Например:

They waltzed across the room / Они протанцевали по комнате.

He waltzed her across the floor / Он повел ее в вальсе по залу.

She waltzed the soles off her shoes / Она истерла туфли в вальсе.

В первом примере присутствует глагол перемещения с семой образа действия, во втором — есть перемещение, но со сложной структурой, так как партнёр ведёт девушку за собой в танце. А в третьем примере потеряна сема передвижения, но фокусируется результат действия — подошвы истерты напрочь.

А вот две другие группы глаголов требуют отдельного рассмотрения: *Vehicle Names* (названия транспортных средств) и *Vehicles not names* (средства транспорта, но не имена). Все они тоже разного происхождения, но возникает вопрос, почему невозможно употребление такого предложения как **Horse to the next village?* Но можно сказать: *Helicopter to Paris to discuss the first Carter Autumn Collection* (BNC CAD) / Слетай на вертолёте в Париж для обсуждения осенней коллекции Картера. Или, например, нельзя сообщить **We carred to London yesterday* / *Мы «промашинили» в Лондон вчера. Но можно заметить, что *Eric suggested we should borrow a driver and jeep from the ASC ...* (BNC, G38) / Эрик предложил нам нанять водителя, который «проджипит» нас из ACK (Американское спортивное общество).

Анализ показал, что в результате конверсии от имени существительного *лошадь* нельзя получить глагол, а существительное *вертолёт* вполне с этим справляется. Аналогичным образом, невозможно *промашинить* в Лондон, но на джипе достичь этой цели вполне возможно.

Такое замещение названия глагола именем средства перемещения появилось буквально у нас на глазах благодаря новым «умным» машинам, поскольку перевозки сегодня осуществляют уже почти интеллектуальные системы. Современные машины превратили человека скорее в экспериенцера, нежели в деятеля. Отсюда появилась новая форма словообразования — когнитивная компрессия на базе концептуальной метонимии, а не просто транспонирование слова одной части речи в дистрибуцию другой, как при конверсии. И показателем такого сжатия является нетипичная для сателлитно-ограниченного языка попытка инкорпорировать RATH (путь) в семантику глагола движения: *to helicopter, to jeep, to jet, to rocket, etc.*

Что касается другой группы *Vehicles not names*, здесь все гораздо проще — имеет место замена какого-либо транспорта его частью, то есть обычное метонимичное замещение. Но оно в ещё большей степени подтверждает наличие когнитивной компрессии одного из членов ситуаци-

онного фрейма — *Инструмента*. Пока таких примеров немного, но они стали появляться все чаще. Например:

She loved being able to run over meadows and explore woods and paddle in streams (BNC BOB) (Ей нравилась возможность бегать по долинам и исследовать леса, а также грести по протокам).

There was no reason why they should not sail on the Sunday following. (BNC EWH) (Не было никакой причины, почему бы им не пойти под парусом в следующее воскресенье).

4. Заключение

Итак, когнитивно-семантический анализ понятия «событие» и его проекции на глагольную группу с английскими глаголами движения / перемещения показал, что все многочисленные классификации этой части лексикона не создают четкой и качественной категоризации. Но в процессе исследования удалось выделить интересные явления, объясняющие разрастание радиальных категорий и развитие многозначности. Они связаны с разделением сем в структуре глаголов на корневые, наличие которых позволяет адекватно передавать ядерный смысл объективированной глаголами ситуации, и на дополнительные, адаптирующие глагольный фрейм к контексту. Дополнительные семы появляются у каждого глагола в зависимости от функционально-коммуникативных, стилистических, социально-психологических требований контекста. На основании этого в работе вводится понятие позиционных вариантов у многозначных глаголов — аллосемантов. Особое внимание в работе уделяется исследованию фреймовых различий глагольно-ограниченных и сателлитно-ограниченных событий. Второй вариант событий с английскими глаголами перемещения показывает, что в подгруппе глаголов движения выявлен новый способ словообразования, основанный на когнитивной компрессии. Кроме того, в исследованной группе глаголов были определены перспективные для расширения словаря механизмы инкорпорирования компонентов фреймов MANNER, PATH и INSTRUMENT в семантическую структуру глаголов движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксельруд Д. А. О когнитивно-семантической структуре события / Д. А. Аксельруд // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016а. — № 12—1 (66). — С. 56—59.
2. Аксельруд Д. А. О зависимости структуры события от семантики профилированной фигуры / Д. А. Аксельруд // Лингвистика XXI века : традиции и новации : сборник трудов по материалам международной научной конференции памяти профессора В. В. Лазарева. — Пятигорск : ПГЛУ, 2016б. — С. 3—8.

3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 338 с.
4. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н. Н. Болдырев. — Москва-Берлин : Directmedia, 2016. — 211 с.
5. Бродская М. С. Когнитивно-семантические аспекты полисемии в условиях экспрессивности английского глагола : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04. — Пятигорск : ПГЛУ, 2014. — 30 с.
6. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. — Москва : Наука, 1982. — С. 7—85.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая // Язык. Семиотика. Культура. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — 568 с.
8. Долматова О. В. О базовой характеристике английских детерминативов / О. В. Долматова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9—2 (63). — С. 88—91.
9. Дубовский Ю. А. Когниолингвистический аспект оценочности в спонтанном дискурсе. / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская, О. Г. Колесник. — Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2009. — 520 с.
10. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — Москва : Эдиториал УРСС, 2010. — 368 с.
11. Зубенко Н. В. Когнитивно-семантические параметры наречий с суффиксом -ly в английском языке : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. В. Зубенко. — Пятигорск : ПГЛУ, 2015. — 30 с.
12. Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке ; Семантика нарратива / Е. В. Падучева // Язык. Семиотика. Культура. — Москва : Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.
13. Шабанова Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения : Теоретико-экспериментальное исследование / Т. Д. Шабанова. — Уфа : Восточный университет, 1998. — 198 с.
14. Шерсткова И. А. Английские глаголы воображения в когнитивном аспекте / И. А. Шерсткова, Ю. В. Валова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2018. — № 8. — С. 410—414.
15. Chafe W. Meaning and the structure of the language / W. Chafe. — Chicago : University of Chicago Press, 1970. — 374 p.
16. Croft W. Revising Talmy's typological classification of complex event constructions / W. Croft, J. Barðdal, W. Hollmann V. Sotirova, Ch. Taoka // Contrastive Studies in Construction Grammar. C. Boas Hans (ed.). — Constructional Approaches to Language, 2010. — V. 10. — Pp. 201—236.
17. Donnelly M. A linguistic account of mereological vagueness / M. Donnelly // K. Akiha and A. Abasnezhad (eds.) Vague objects and vague identity. — Springer, 2014. — 357 p.
18. Dowty D. R. Word Meaning and Montague Grammar : The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ / D. R. Dowty // Synthese language library. — V. 7, Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1979. — 415 p.
19. Events, Arguments, and Aspects : Topics in the Semantics of Verbs / K. Robering (ed.). — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2014. — 384 p. — DOI: <https://doi.org/10.1075/slcs.152>.

20. *Faber P. B.* Constructing a Lexicon of English Verbs / P. B. Faber, R. Mairal Uson // Functional Grammar Series 23. — Berlin : Mouton de Gruyter, 1999. — 373 p.
21. *Fillmore Ch. J.* Frame semantics for text understanding / Ch. J. Fillmore, C. F. Baker // Proceedings of WordNet and Other Lexical Resources Workshop, NAACL. — 2001. — 6 p.
22. *Kipper K.* A large-scale classification of English verbs / K. Kipper, A. Korhonen, N. Ryant, M. Palmer // Language Resources and Evaluation. — Springer, Netherlands, 2008. — V. 42. — № 1. — Pp. 21—40.
23. *Levin B.* English classes and alternations / B. Levin. — Chicago : The University of Chicago Press, 1993. — 348 p.
24. *Landau B.* “What” and “where” in spatial language and spatial cognition / B. Landau, R. Jackendoff // Behavioral and Brain Sciences. — 1993. — V. 16. — Pp. 217—265.
25. *Malka Rappaport Hovav.* Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure / Hovav Malka Rappaport, Edit Doron, Ivy Sichel. — Clarendon : Oxford University Press, 2010. — 421 p.
26. *Parsons Terence.* The Progressive In English : Events, States And Processes / Terence Parsons // Linguistics and Philosophy. — Kluwer Academic Publishers, 1989. — V. 12. — Pp. 213—241.
27. *Pietroski P. M.* Events and Semantic Architecture / P. M. Pietroski. — Clarendon : Oxford University Press Inc., 2005. — 276 p.
28. *Pustejovsky J.* The Syntax of Event Structure / J. Pustejovsky // Cognition. — 1991. — V. 41. — Pp. 47—81.
29. *Talmy L.* Toward a cognitive semantics / L. Talmy // The MIT Press. — 2000. — V. 2. — 495 p.
30. *Talmy L.* Path to Realization : A Typology of Event Conflation / L. Talmy // Proceedings of the Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society : General Session and Parasession on The Grammar of Event Structure, 1991. — Pp. 480—519.
31. *Varzi Achille.* Mereology [Electronic resource] / Achille Varzi // Stanford Encyclopedia of Philosophy. — Access mode : <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/mereology>.
32. *Vendler Z.* Linguistics in philosophy / Z. Vendler. — Cornell University Press, 1967. — 203 p.
33. *Verkerk A.* Where do all the motion verbs come from? The speed of development of manner verbs and path verbs in Indo-European / A. Verkerk // Diachronica. — 2015. — V. 32. — № 1. — Pp. 69—104.
34. *Zlatev J.* Polesymy or Generality? / J. Zlatev // Cognitive approaches to lexical semantics / H. Cuyckens, R. Dirven, J. Taylor (eds.). — Mouton de Gruyter, 2003. — Pp. 447—494.

ON THE SPECIFICITY OF EVENT ACTUALIZATION IN AN ENGLISH VERB PHRASE HEADED BY A VERB OF MOVEMENT

© **Deana A. Axelrood (2020)**, orcid.org/0000-0001-8353-7070, PhD in Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pyatigorsk State University” (Pyatigorsk, Russia), deaxel@mail.ru.

© **Maria S. Brodskaya (2020)**, orcid.org/0000-0002-1478-3451, PhD in Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pyatigorsk State University” (Pyatigorsk, Russia), mashuchok@gmail.com.

The article deals with the cognitive-semantic analysis of an event and its mapping onto a verb phrase headed by an English verb of movement (changing location). The object of the study was a group of English verbs of movement, presented in the work of the American linguist B. Levin. It is marked in the article that all the numerous classifications and subsequent refinements and splitting into subgroups of this part of the lexicon do not give their accurate and proper categorization. In the process of the analysis, the root semes of the verbs of changing location were identified, the presence of which allows to convey adequately the basic meaning of the situation they have objectified. All optional semes in each verb are highlighted depending on the functional-communicative, stylistic, socio-psychological requirements of the context. Based on this, the concept of positional variants of polysemantic verbs — *allosemants* — is introduced into the work. Particular attention was focused on the study of differences in the frame structure of the verb-framed and satellite-framed events. The analysis of the second type of events, actualized by the verbs of movement, gives a possibility to mark the appearance of a new variant of word formation based on cognitive compression. In the analyzed group of verbs, there were identified mechanisms for incorporating such components as *MANNER*, *PATH*, and *INSTRUMENT* into the frame structure of motion verbs that give the opportunity to enrich the English lexicon.

Key words: English verbs of changing location; frame structure of the event; root seme; prototype seme; *allosemant*; satellite-framed event; verb-framed event; cognitive compression; components incorporated into the frame structure.

REFERENCES

- Axelrood, D. A. (2016a). O kognitivno-semanticheskoy strukture sobytiya. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12—1 (66): 56—59. (In Russ.).
- Axelrood, D. A. (2016b). O zavisimosti struktury sobytiya ot semantiki profilirovannoy figury. In: *Lingvistika XXI veka: traditsii i novatsii: sbornik trudov po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati professora V. V. Lazareva*. Pyatigorsk: PGLU. 3—8. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2016). *Funktsionalnaya kategorizatsiya angliyskogo glagola*. Moskva-Berlin: Directmedia. (In Russ.).
- Brodskaya, M. S. (2014). *Kognitivno-semanticheskiye aspekty polisemii v usloviyakh ekspressivnosti angliyskogo glagola: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04*. Pyatigorsk: PGLU. (In Russ.).
- Bulygina, T. V. (1982). K postroyeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke. In: *Semanticheskiye typy predikatov*. Moskva: Nauka. 7—85. (In Russ.).
- Chafe, W. (1970). *Meaning and the structure of the language*. Chicago: University of Chicago Press.
- Croft, W., Barðdal, J., Hollmann, W., Sotirova, V., Taoka, Ch. (2010). Revising Talmy's typological classification of complex event constructions. *Contrastive Studies in Construction Grammar*. In: C. Boas Hans (ed.). *Constructional Approaches to Language*, 10: 201—236.

- Dolmatova, O. V. (2016). O bazovoy kharakteristike angliyskikh determinativov. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 9—2 (63): 88—91. (In Russ.).
- Donnelly, M. (2014). A linguistic account of mereological vagueness. In: K. Akiba, A. Abasnezhad (eds.) *Vague objects and vague identity*. Springer.
- Dowty, D. R. (1979). Word Meaning and Montague Grammar: The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. In: *Synthese language library*, 7. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers.
- Dubovskiy, Yu. A., Zagraevskaya, T. B., Kolesnik, O. G. (2009). *Kogniolingvisticheskiy aspekt otsenochnosti v spontannom diskurse*. Pyatigorsk: Pyatigorskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. (In Russ.).
- Faber, P. B., Mairal Uson, R. (1999). Constructing a Lexicon of English Verbs. In: *Functional Grammar Series* 23. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Fillmore, Ch. J, Baker, C. F. (2001). Frame semantics for text understanding. In: *Proceedings of WordNet and Other Lexical Resources Workshop, NAACL*.
- Kipper, K., Korhonen, A., Ryant, N., Palmer, M. (2008). A large-scale classification of English verbs. In: *Language Resources and Evaluation*, 42 (1). Springer, Netherlands. 21—40.
- Levin, B. (1993). *English classes and alternations*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Landau, B., Jackendoff, R. (1993). “What” and “where” in spatial language and spatial cognition. *Behavioral and Brain Sciences*, 16: 217—265.
- Malka, Rappaport Hovav, Doron, Edit, Sichel, Ivy. (2010). *Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure*. Clarendon: Oxford University Press.
- Paducheva, E. V. (2010). Semanticheskiye issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrative. In: *Yazyk. Semiotika. Kultura*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Parsons, Terence. (1989). The Progressive In English: Events, States And Processes. *Linguistics and Philosophy*, 12. Kluwer Academic Publishers. 213—241.
- Pietroski, P. M. (2005). *Events and Semantic Architecture*. Clarendon: Oxford University Press Inc.
- Pustejovsky, J. (1991). The Syntax of Event Structure. *Cognition*, 41: 47—81.
- Robeing, K. (2014). *Events, Arguments, and Aspects: Topics in the Semantics of Verbs*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. DOI: <https://doi.org/10.1075/slcs.152>.
- Shabanova, T. D. (1998). *Semanticheskaya model' angliyskikh glagolov zreniya: Teoretiko-eksperimentalnoye issledovaniye*. Ufa: Vostochnyy universitet. (In Russ.).
- Sherstкова, I. A., Valova, Yu. V. (2018). Angliyskiye glagoly vobrazheniya v kognitivnom aspekte. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8. Tambov: Gramota. 410—414. (In Russ.).
- Talmy, L. (1991). Path to Realization: A Typology of Event Conflation. In: *Proceedings of the Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on The Grammar of Event Structure*. 480—519.
- Talmy, L. (2000). *Toward a cognitive semantics*, 2. The MIT Press.
- Varzi, Achille. *Mereology. Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/mereology>.
- Vendler, Z. (1967). *Linguistics in philosophy*. Cornell University Press.

- Verkerk, A. (2015). Where do all the motion verbs come from? The speed of development of manner verbs and path verbs in Indo-European. *Diachronica*, 32 (1): 69—104.
- Vezhbitskaya, A. (2011). Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty. In: *Yazyk. Semiotika. Kultura*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
- Zlatev, J. (2003). Polesymy or Generality? In: *Cognitive approaches to lexical semantics*. Mouton de Gruyter. 447—494.
- Zolotova, G. A. (2010). *Kommunikativnyye aspekty russkogo sintaksisa*. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
- Zubenko, N. V. (2015). *Kognitivno-semanticheskiye parametry narechiy s suffiksom –ly v angliyskom yazyke: avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk*. Pyatigorsk: PGLU. (In Russ.).

Васильева С. П. Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX—XXI веков / С. П. Васильева // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 27—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44.

Vasilyeva, S. P. (2020). Experience of Identifying the Specifics of Everyday Linguistic Consciousness of Russians according to Associative Dictionaries of the XX—XXI Centuries. *Nauchnyi dialog*, 1: 27-44. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44. (In Russ.).

УДК 811.161.1'23+81'374(038)=161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44

Опыт выявления специфики обыденного

языкового сознания русских по данным

ассоциативных словарей XX—XXI веков

© **Васильева Светлана Петровна (2020)**, orcid.org/0000-0003-1091-4829, SPIN 6688-8259, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева» (Красноярск, Россия), vasileva@kspu.ru.

Статья посвящена сопоставлению данных о результатах ассоциативных экспериментов разных лет. Основное внимание сосредоточено на концептуальном ядре — первых десяти словах с наибольшим количеством ассоциативных связей. Сообщается, что в 2013—2017 годах исследователями Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева при поддержке научных фондов был подготовлен «Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири», включающий 29 550 ассоциативных полей, сформированных на основе результатов, полученных при предъявлении респондентам 1000 стимулов (стимулы предложены коллективом сектора этнопсихолингвистики ИЯ РАН под руководством Н. В. Уфимцевой). В статье выполняется сопоставление полученных данных с материалами концептуального ядра других ассоциативных словарей русского языка XX—XXI веков, таких как «Словарь ассоциативных норм русского языка» А. А. Леонтьева, «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю. Н. Караулова, «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус» Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой. Доказано, что данные ассоциативных словарей свидетельствуют об изменении показателей на шкале ценностей языкового сознания носителей русского языка. Предпринят опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских территориально ограниченной общности. Делается вывод о том, что изменения в языковом сознании русских обусловлены в большей степени временными, нежели региональными условиями.

Ключевые слова: языковое сознание; ядро языкового сознания; концептуальное ядро; свободный ассоциативный эксперимент; ассоциативный словарь; ассоциативное поле; Приенисейская Сибирь.

1. Введение

С учетом фундаментальной взаимной связи языка и мышления несомненным является то, что проникновение в сознание человека возможно

только при условии изучения фактов речи. При этом в поле зрения оказывается не только коммуникация, но и языковая способность, анализируемая посредством ассоциативного эксперимента, одного из методов исследования феномена языкового сознания в рамках *психолингвистики*. Как известно, у истоков этого направления в русском языкознании стояли такие корифеи науки, как А. Н. Леонтьев и А. А. Леонтьев. Ими были разработаны основные принципы, методы и задачи в области психолингвистики.

В рамках данного направления в XX веке лингвистами были созданы ассоциативные словари на базе массива данных ассоциативных экспериментов. Первым в этом ряду был «Словарь ассоциативных норм русского языка» А. А. Леонтьева [САНРЯ], затем — «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю. Н. Караулова [РАС]. «Исследования на материале “Русского ассоциативного словаря” привели к созданию нового научного направления — ассоциативной лингвистики, к получению новых инструментов исследования культуры и ее бытования в обыденном сознании носителя языка, к исследованию системности языковой картины мира, к ее моделированию на основе системно-целостного принципа А. Ф. Лосева, выявлению закономерностей ее изменения в процессе жизнедеятельности социума, к построению ассоциативно-вербальной сети как модели языковой картины мира и множества конкретных исследований отдельных фрагментов этой сети» [Уфимцева и др., 2014, с. 194]. Одна из программ Отдела психолингвистики Института языкознания Российской академии наук (ИЯ РАН) посвящена подготовке региональных ассоциативных словарей. В последнее десятилетие XXI века созданы такие региональные базы данных, как «Славянский ассоциативный словарь», (2004), «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус» (2014), Ассоциативная база данных «Уральский региональный ассоциативный словарь» (УрРАС) (2008—2013), «Русская региональная ассоциативная база данных 2008—2015» (2008—2015). В Омском государственном университете имени Ф. М. Достоевского реализованы проекты «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» [Бутакова и др., 2018, с. 146—176], «Ассоциативный словарь подростка» [Гуц, 2004], в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского — «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников» [Гольдин и др., 2011].

В 2013—2017 годах исследователями Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева при поддержке фондов РГНФ, РФФИ и Краевого фонда науки были реализованы проекты по изучению языкового сознания носителей русского языка на террито-

рии Красноярского края (Приенисейской Сибири). По образцу «Русского ассоциативного словаря» (1994—1998 гг.) [РАС] коллективом лингвистов КГПУ имени В. П. Астафьева¹ создана электронная база данных «Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири» (2013—2017) [ЭАСПС], включающая 29 550 ассоциативных полей («прямого» и «обратного» входов) на основе 1000 стимулов, разработанных коллективом сектора этнопсихолингвистики ИЯ РАН под руководством Н. В. Уфимцевой².

В данной статье предпринят опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских территориально ограниченной общности путем сопоставления реакций «Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири» с материалами ассоциативных словарей XX века («Словарь ассоциативных норм русского языка» [САНРЯ], «Русский ассоциативный словарь» [РАС], «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус» [ЕВРАС]).

Исходя из того, что языковое сознание народа, территориальной или социальной группы складывается из множества индивидуальных характеристик, исследователи обращаются к изучению регионального языкового сознания путем массового ассоциативного эксперимента на определенной территории. Это даёт возможность получить материалы, свидетельствующие о региональной специфике, обусловленной геополитическими и социальными условиями.

2. Способы изучения языкового сознания

Успех любого исследования зависит от выбора адекватных методов. При выборе метода изучения языкового сознания исследователи основываются на положении о том, что его структура изоморфна психике человека и соответственно подразделяется на область осознаваемого и неосознаваемого, или бессознательного. По З. Фрейду, «сознательная умственная жизнь представляет собой лишь довольно незначительную часть бессознательной душевной жизни» [Фрейд, 1990, с. 6]. Структуры когнитивного бессознательного проявляются в ассоциативных связях между лексическими единицами, которые при определенном воздействии на сознание (например, с помощью слова-стимула) активируются.

1 Автор выражает благодарность участникам коллектива по созданию электронной базы данных ЭАСПС: А. Д. Васильеву, Т. В. Мамаевой, М. В. Шибаеву, Е. В. Устьянцевой

2 Автор выражает благодарность коллективу сектора этнопсихолингвистики Отдела психолингвистики Института языкознания Российской академии наук под руководством Н. В. Уфимцевой за возможность использования методики создания ассоциативного словаря.

На этом явлении строится технология свободного ассоциативного эксперимента, суть которого заключается в следующем: на слово-стимул (S) информанты, не раздумывая, отвечают словами-реакциями (R), первыми пришедшими в голову (экспериментатор не ограничивает испытуемых ни формальными, ни семантическими особенностями слов-реакций), таким образом исследователь получает набор спонтанных реакций.

Использование метода свободного ассоциативного эксперимента позволяет получить данные о неявных, скрытых смыслах обыденного сознания, в частности, ценностных ориентирах, основополагающих чертах мировоззрения, ментальности [Уфимцева, 2015], в данном исследовании — такой территориально ограниченной общности, как сибиряки-красноярцы.

Предпринимая анализ концептуального ядра языкового сознания русских Приенисейской Сибири, мы следуем опыту Н. В. Уфимцевой в описании ядра языкового сознания русских по данным РАС, которая отмечала высокий эпистемологический уровень подобных исследований: «Именно анализ материалов Ассоциативного тезауруса современного русского языка открывает перед нами, русскими, уникальную возможность познать самих себя в том современном состоянии нашей души или образа мира, который в ней отражается, и решить, хотим ли мы оставаться самими собой» [Уфимцева, 2003, с. 141].

Основой ассоциативного анализа является ассоциативный словарь. Ценность ассоциативного словаря заключается в генерировании такой исследовательской единицы, как ассоциативное поле. «Ассоциативное поле — экспериментально создаваемый артефакт, который авторы “Ассоциативного тезауруса русского языка” (1993—1999) ставят в один ряд с такими формами фиксации общенационального словаря, как академические грамматики и толковые словари» [Тарасов, 2000, с. 24].

Путем анализа ассоциативных полей «от стимула к реакции» можно создать ассоциативный портрет испытуемых, выявить общие и специфические черты картины мира русских в зависимости от параметров возраста, пола, территории проживания, заложенных в электронной базе данных ЭАСПС. Еще одним достоинством созданной нами электронной базы данных является возможность прямого входа «от стимула к реакции» и обратного — «от реакции к стимулу». Обратный вход «от реакции к стимулу» позволяет получить наиболее важные данные о языковом сознании, поскольку представляет глубинный уровень сознания; спектр ассоциативных связей, вызвавших ту или иную реакцию, был назван Ю. Н. Карауловым ассоциативной вербальной сетью (далее — АВС). По его мнению, ассоциативный словарь фиксирует в АВС разные виды знаний, имеющих

вербальную форму выражения, которые составляют большую часть наших знаний о мире. На самом деле ассоциативная вербальная сеть, полученная в массовом ассоциативном эксперименте, подтверждает мысль о том, что «логически строгая и системно упорядоченная картина мира — это абстракция, которая не воплощается ни в индивидуально-личностном знании отдельного носителя, ни в обобщенной сумме знаний речевого коллектива, которому носитель принадлежит» [Караулов, 2002, с. 755]; «Одно, по крайней мере, ясно сейчас: национальный характер проявляется в том числе в языке, в этом сердце культуры, проявляется в двух его ипостасях — языке-тексте и языке-способности, а значит, в ассоциативно-вербальной сети» [Караулов, 2002, с. 766].

Исследователи московской психолингвистической школы считают АВС, полученную в результате массового свободного ассоциативного эксперимента, моделью языковой картины мира носителя того или иного языка / культуры [Уфимцева и др., 2017, с. 13].

3. Ядро языкового сознания

Набор лексических единиц, отличающихся наибольшим количеством ассоциативно-вербальных связей, называют «ядром ментального лексикона», или «ядром языкового сознания». Выделение лексических единиц по мере снижения частотности ассоциативных связей представляет ближнюю и дальнюю периферию ментального лексикона.

Используя АВС «Обратного электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири», мы получили набор наиболее частотных ассоциативно-вербальных связей, то есть ментальный лексикон регионального носителя.

Н. В. Уфимцева в своей статье «Русские: опыт еще одного самопознания» выделила ядро языкового сознания русских на материале Ассоциативного тезауруса современного русского языка [РАС, 1994, 1996]. Исследователем было проведено сравнение ядра языкового сознания англичан, описанного А. А. Залевской [Залевская, 1981, с. 28], с ядром русского языкового сознания. Подводя итоги сравнения, Н. В. Уфимцева писала: «Тем самым мы получаем возможность выявить круг понятий, наиболее существенных для современного русского языкового сознания, т. е. для образа мира современных русских» [Уфимцева, 2003, с. 143—144].

Ю. Н. Караулов в своей статье «Показатели национального менталитета в ассоциативной вербальной сети» [Караулов, 2000, с. 191—206] на материалах испанско-русского ассоциативного словаря провёл сравнение ассоциативных полей испанского и русского ядра языкового сознания.

Психолингвисты и лингвокультурологи видят в списке ассоциатов ядра языкового сознания перечень базовых ценностей. Основное внимание исследователей ядра языкового сознания сосредоточено на концептуальном ядре — первых десяти словах с наибольшим количеством ассоциативных связей АВС, являющихся ключевыми, определяющими мотивацию, норму и цель поведения территориальной или социальной общности [Васильева и др., 2018, с. 176].

Обращение к сравнительному анализу ядра языкового сознания по данным ассоциативных словарей русского языка разных лет позволит выявить особенности языкового сознания русских, исследовать динамику ценностных смыслов языковой картины мира в зависимости от временного и территориального факторов.

4. Концептуальное ядро языкового сознания

Анализируя ранжирование ассоциатов по количественным показателям в АВС ассоциативных словарей [САНРЯ; РАС; ЭАСПС], созданных в разные годы, с 1977 по 2017, мы выявляем аксиологические доминанты языкового сознания носителей и возможные динамические процессы, связанные с экстралингвистическими факторами (эпохой, социальной, политической и экономической обстановкой того или иного времени), а также актуальную для нашего исследования региональную специфику. Выводы о значимости отдельных единиц АВС основываются не только на ассоциативном значении, но и на количестве их ассоциативных связей, определяющих положение в иерархии ценностей, что отмечается современными исследователями-психолингвистами: «Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение, и значимость / ценность одновременно» [Уфимцева и др., 2017, с. 14].

Обратимся к ассоциатам концептуального ядра языкового сознания, то есть к десяти словам АВС, отличающимся наибольшим количеством ассоциативных связей (табл. 1).

В представленной таблице мы видим список ассоциатов концептуального ядра языкового сознания, зафиксированный в ассоциативных словарях разных лет, где слово *человек* имеет одинаковый ранг — 1, то есть занимает первую строчку в системе ранжирования.

Кроме того, в списках концептуального ядра наблюдается совпадение еще трех ассоциатов, имеющих в исследуемых словарях различный ранг: *дом, друг, жизнь*. Концепт ДОМ является ключевым для русской культуры, он выражает в основной ментальной оппозиции «свой — чужой» смысл «свое, родное» [Потураева и др., 2014]. Ассоциат *дом* в словарях XX века

Таблица 1

Концептуальное ядро языкового сознания
(по данным ассоциативных словарей разных лет)

САНРЯ (1977)	РАС (1994—1998)	ЭАСПС (2013—2017)
1. Человек — 74	1. Человек — 1404	1. Человек — 3162
2. Хорошо — 69	2. <i>Дом</i> — 864	2. Деньги — 1172
3. <i>Дом</i> — 65	3. <i>Жизнь</i> — 711	3. <i>Друг</i> — 796
4. <i>Друг</i> — 51	4. Плохо — 691	4. <i>Дом</i> — 730
5. Книга — 46	5. Большой — 684	5. День — 566
6. Быстро — 45	6. Хорошо — 677	6. Мир — 528
7. Хороший — 43	7. Нет — 667	7. Домой — 519
8. <i>Жизнь</i> — 42	8. Деньги — 587	8. <i>Жизнь</i> — 465
9. Стол — 39	9. <i>Друг</i> — 565	9. Язык — 421
10. День, большой — 38	10. Дурак — 565	10. Время — 384

имеет высокий ранг: в САНРЯ — ранг 3, в РАС — ранг 2. Однако в словаре XXI столетия ЭАСПС ассоциат *дом* сдвигается на 4 место, хотя и сохраняет еще приоритетную позицию. Высокий ранг ассоциата *дом* в языковом сознании в разные временные промежутки обусловлен, конечно, важным во все времена для человека фактором защиты.

Слово *жизнь*, обозначающее онтологическую, бытийную категорию, отмечается рангом — 8, как в 70-е годы XX столетия, так и в XXI веке, однако в 90-е годы XX века поднимается до 3 ранга.

Показательны данные о месте в АВС ассоциата *друг*, который в САНРЯ имеет ранг 4, в РАС его ранг «падает» до 9-го по значимости (отметим, что это наблюдается в сложные для общества 90-е годы), в современном языковом сознании сибиряков ассоциат *друг* занимает 3-е место. Можно предположить, что данная «кривая» изменений в обыденном языковом сознании носителей может свидетельствовать о различиях в значении, значимости и функционировании слова *друг* в XX и XXI веках. В исследовании, посвященном концепту *ДРУГ*, отмечается: «... Узус репрезентаций такого концепта зависит от специфики социума, в котором он употребляется» [Попович, 2016]. В ЭАСПС ассоциат *друг* входит в почетную тройку лидеров в концептуальном ядре языкового сознания современного сибиряка. В содержательном плане парадигматические реакции на стимул *друг* в ЭАСПС совпадают с репрезентациями в ассоциативных словарях XX века: *товарищ*, *брат*. В САНРЯ при прямом входе (от стимула к реакции) репрезентирована ассоциативная пара: *друг* — *товарищ*, в обратном (от реакции к стимулу) — ассоциативная пара: *брат* — *друг*; в РАС при прямом входе представлена ассоциативная пара: *брат* — *друг*. Следовательно, можно констатировать,

что в содержательном плане ассоциата *друг* изменений не произошло, но повысилась его значимость / ценность в концептуальном ядре языкового сознания. Хотя, нужно сделать оговорку, что в современном употреблении, в частности в молодежной речи, слово *друг* наполняется и новым смыслом: друг не только тот, с кем мы имеем близкие отношения (*товарищ, брат*), но и человек, который подписан на мой канал, блог, аккаунт в социальной сети (например: *За первые сутки существования страницы на нее подписались более 1300 человек. Сейчас количество подписчиков перевалило за 60 тысяч человек. Около трёх десятков человек добавлены актером в друзья* (М. Клапатнюк. Здравствуй, самурай // Новгородские ведомости, 2013) [НКРЯ]). Это явление требует отдельного исследования.

Ассоциат *деньги*, имеющий в современном языковом сознании сибиряка ранг 2, в 90-е годы находился на 8 месте, а в советское время [САНРЯ] не входил в «горячую» десятку и занимал 18 позицию, подтверждая лозунг советского времени «Не всё измеряется деньгами».

Обращают на себя внимание факты несовпадения или изменения ранга отдельных ассоциатов первой десятки: например, отрицание *нет* имеет в РАС ранг 7, в ЭАСПС слово *нет* занимает 54-е место, в САНРЯ в числе первых десяти слов с наибольшим количеством ассоциативных связей отсутствует. Вероятно, в ядре обыденного языкового сознания носителей русского языка в 70-е годы XX века, называемые часто «застоем», ассоциат *нет* находился далеко на периферии сознания и был репрезентирован синтагматическими ассоциациями: *нет (денег, дяди, его, жизни, конца, смысла); нету (отца, газеты, дочери, фамилии)* [САНРЯ]. В 90-е годы XX века ассоциативное поле *нет* представлено следующими реакциями: *нет (времени, денег, пива, нигде, ничего, пальца, бюджета, воздуха, (нет) коммунизму, мыло, удобства, сахара, совсем, чая и др.)* [РАС]. В ассоциативном поле *нет* респондентами перечислен ряд отсутствующих в этот период потребительских товаров: *пива, мыла, сахара, чая* (напомним, что в некоторых регионах страны были введены карточки на продукты первой необходимости). В ядерной зоне обыденного языкового сознания сибиряков слово *нет* не отмечается. Оно зафиксировано на периферии языкового сознания жителей региона со следующими синтагматическими реакциями: *нет (денег, ничего, мозгов, смысла, жизни, любви, ответа)* [ЭАСПС]. Отсутствие отрицания *нет* в ядре означает потребительскую удовлетворенность (время дефицита товаров в торговой отрасли ушло в прошлое); релевантными стали смыслы, реализуемые в узуальной сочетаемости слов, традиционно маркирующие смысл 'лишенность материальных, духовных или иных ценностей'.

5. Аксиологический аспект языкового сознания

Оценочные слова *хорошо* — *плохо* лежат в основе аксиологической системы человека и чрезвычайно значимы для понимания истории русской культуры. Ответ на вопрос, что такое *хорошо* и что такое *плохо*, определяет набор ценностей человека и социума [Васильева и др., 2017, с. 78].

Анализируя ценностный аспект языкового сознания по данным ассоциативных словарей, следует учитывать различие понятий «оценка» и «ценность». В философской интерпретации ценность — это одна из основных понятийных универсалий, обозначающая положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта или явления действительности [Шохин и др.], а «оценка — это многозначное понятие, обозначающее способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта» [Абушенко].

В нашем исследовании ценностный (аксиологический) аспект языкового сознания сибиряка представлен ассоциативными полями, возглавляемыми реакциями «хорошо» — «плохо».

Следует заметить, что в тройке ассоциатов концептуального ядра САН-РЯ с высоким рангом, на 2-м месте, находится слово *хорошо*. Считаем это важным оценочным показателем обыденного языкового сознания носителей 70-х годов XX века. В РАС, представляющем результаты ассоциативного эксперимента 90-х годов XX века, слово *хорошо* занимает 6 позицию по значимости, а слово *плохо* располагается на 4 месте. В ЭАСПС слово *хорошо* фиксируется за пределами концептуального ядра, на 15-м месте, в то время как ассоциат *плохо* находится на 12-м. В связи с этим уместно заметить, что слово *хорошо* в грамматическом отношении не только наречие, но и слово, обозначающее физическое и психологическое состояние человека, окружающей среды, а также средство выражения смысла 'согласие' [ОШ]. Таким образом, можно констатировать, что в обыденном языковом сознании современников (в частности, в Приенисейской Сибири) состояние, обозначаемое словом *хорошо*, не находится в десятке доминирующих смыслов, как в языковом сознании носителей XX века.

Исследователями замечено, что «оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и неприятие формируют и деформируют оценки» [Арутюнова, 1988, с. 6].

Сравним содержание ассоциативных полей, возглавляемых ассоциатами «хорошо» — «плохо», в трех исследуемых словарях. Поскольку возглавляющие ассоциативные поля слова являются наречиями, основ-

ная функция которых — дать характеристику действий, называемых глаголами, рассмотрим, какие именно действия оцениваются данными наречиями.

Приведем наиболее многочисленные стимулы ядерной зоны названных полей в САНРЯ. Ассоциативное поле «хорошо» включает следующие стимулы-действия: *учиться, работать, знать, понимать, жить, сделать, видеть, отвечать, петь, ответить*. Стимулы ядерной зоны ассоциативного поля «плохо» САНРЯ представлены глаголами *видеть, учиться, поступить, говорить, работать, понимать, существовать, думать, отвечать, сделать*. Сравнительный анализ показывает, что ядерная группа стимулов ассоциативных полей, возглавляемых ассоциатами «хорошо» — «плохо», в САНРЯ представлена словами *жить, учиться, работать, знать, понимать, ответить / отвечать*.

В РАС среди наиболее многочисленных стимулов ядерной зоны в ассоциативном поле «хорошо» репрезентированы глаголы *относиться, учиться, жить, получать, живет, работать, выглядит, подумать, отдыхать, поживать*. Среди наиболее многочисленных стимулов ядерной зоны ассоциативного поля «плохо» РАС — глаголы *относиться, получать, кончиться, поступить, поступать, учиться, живет, кончить, работать, воровать*. Сравнительный анализ ассоциативных полей РАС показывает, что ядерная группа реакций-ассоциаций ассоциативных полей, возглавляемых ассоциатами «хорошо» — «плохо», представлена совпадающими действиями: *относиться, жить / живет, получать, учиться, работать*. Эти факты свидетельствуют о том, что оценочная шкала «хорошо — плохо» в языковом сознании информантов XX века применяется для оценки перечисленных действий, среди которых в обоих исследуемых словарях отмечается совпадение следующего набора глаголов: *жить, учиться, работать*, — обозначающих наиболее важные явления действительности, оцениваемые носителями обыденного языкового сознания.

В ЭАСПС среди наиболее многочисленных стимулов ядерной зоны в ассоциативном поле «хорошо» репрезентированы глаголы: *относиться, учиться, жить, получать, поступить, подумать, обращаться, работать, отдыхать, слышать*. А среди наиболее многочисленных стимулов ядерной зоны ассоциативного поля «плохо» всего 3 глагола: *воровать, поступить, бедствовать*.

Таким образом, отмечаем, что в ЭАСПС оценочная шкала «хорошо» — «плохо» применяется для оценки различающихся списков действий, что позволяет предположить наличие в языковом сознании сибиряков-красно-

ярцев более резкой поляризации положительно и отрицательно оцениваемых действий.

Рассмотрим околоядерную зону ассоциативных полей ассоциатов «хорошо» — «плохо». В поле «хорошо» САНРЯ включены стимулы: *свет, любить, надеяться, чистый, прекрасный*; в поле «плохо»: *война, делать, отец, петь, хороший, учить, слышать, деревня, кончать, кончиться, оказываться, уехать, утро, папа, стараться, занятие, кричать, слава*.

В РАС среди реакций на уровне околоядерной зоны ассоциативного поля, возглавляемого реакцией «хорошо», находятся слова *танцевать, удовольствие, устроиться, это, будет, видеть, замечательно, клево, одеться, петь* (среди реакций на уровне околоядерной зоны и на периферии ассоциативного поля, возглавляемого стимулом «хорошо», отмечаются культурные факты советской эпохи: *в стране советской жить, поэма (хорошо)*; на периферии поля — ассоциация *Маяковского*).

В РАС среди реакций на уровне околоядерной зоны ассоциативного поля, возглавляемого реакцией «плохо»: *двойка, заболеть, недуг, неправда, подумать, чувствовать, это, бедствовать, лгать, не очень*.

Очевидно, что на уровне околоядерной зоны полей набор действий и понятий дифференцируется.

В околоядерной зоне ассоциативных полей «хорошо» — «плохо» ЭАСПС также отмечается несовпадение состава: околоядерная зона поля «хорошо» включает такие приметы нашего времени, как *качество, стабильность, демократия, практичность, богатство, достаток*, не отмечаемые словарями XX века. В ядерной зоне поля «плохо» ЭАСПС находятся *зависть, воровать, хуже, зло, поступить, совсем, эгоизм, болезнь, одиночество, бедствовать, пьянство, алкоголизм, простуда*.

Представленный в ЭАСПС набор отрицательных ассоциатов характерен и для обыденного сознания европейской части носителей языка, о чем свидетельствует перечень слов ядерной зоны обратного словаря ЕВРАС (2014). Ассоциаты околоядерной зоны ЕВРАС отличаются от ЭАСПС только рангом (совпадения в таблице выделены полужирным шрифтом) (табл. 2).

Из 13 ассоциатов ядерной зоны ЕВРАС и ЭАСПС совпадают 12 (совпадения выделены полужирным шрифтом), в околоядерной зоне из 22 слов отмечаем 11 совпадений с учетом того, что отдельные слова переместились из ядерной зоны в одном из словарей в околоядерную зону в другом. Можно предположить, что аксиологический аспект обыденного языкового сознания носителей в меньшей степени зависит от регионального фактора, нежели от временного, памятуя о том факте, что ЭАСПС

Таблица 2

**Сравнительный анализ ассоциативного поля «плохо»
в словарях XXI века**

ЭАСПС	ЕВРАС
Ядерная зона: 1) зависть, 2) воровать, 3) хуже, 4) зло, 5) поступить, 6) совсем, 7) эгоизм, 8) болезнь, 9) одиночество, 10) бедствовать, 11) пьянство, 12) алкоголизм, 13) простуда Околоядерная зона: 14) обман, 15) ложь, 16) ошибка, 17) лень, 18) вранье, 19) терять, 20) война, 21) тщеславие, 22) обращаться, 23) злоба, 24) коррупция, 25) гнев, 26) наркотик, 27) отчаяние, 28) трудности, 29) бедность, 30) тюрьма, 31) карьерист, 32) табак, 33) недуг, 34) беззаконие, 35) смерть, 36) очередь.	Ядерная зона: 1) воровать, 2) хуже, 3) зависть, 4) совсем, 5) зло, 6) относиться, 7) поступить, 8) эгоизм, 9) пьянство, 10) вранье, 11) наркотик, 12) лень, 13) одиночество, Околоядерная зона: 14) тщеславие, 15) болезнь, 16) неудача, 17) алкоголизм, 18) злоба, 19) ложь, 20) невостребованность, 21) обман, 22) злость, 23) бедность, 24) бедствовать, 25) бюрократия, 26) кончиться, 27) сплетни, 28) война, 29) голод, 30) очень, 31) получаться, 32) простуда, 33) недуг, 34) коварство, 35) коррупция, 36) эгоист.

(2013—2017) — региональный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири, а ЕВРАС (2014) — региональный ассоциативный словарь европейской части России.

6. Выводы

На основе сопоставления сведений о концептуальном ядре по данным ЭАСПС с материалами ассоциативных словарей XX века (САНРЯ, РАС) нами были выявлены общие черты обыденного языкового сознания русских и отдельные изменения регионального и временного характера.

1. Основу концептуального ядра языкового сознания русских составляют слова *человек*, *дом*, *друг*. Во всех анализируемых словарях эти слова имеют высокий ранг от 2 до 4, за исключением слова *друг* в РАС, где оно имеет ранг 9.

2. Оценка онтологического понятия *жизнь* (ранг 8) сибиряками [ЭАСПС] совпадает с его оценкой в советское время [САНРЯ], а в 90-е годы XX века [РАС] поднимается до 3.

3. В иерархии ценностей, представленных в концептуальном ядре языкового сознания сибиряков [ЭАСПС], отмечается более высокий ранг слова *деньги* по сравнению с рангом этого слова в ассоциативных словарях XX века. Если в советский период [САНРЯ] слово *деньги* находилось за пределами концептуального ядра, на 18 месте, в 90-е годы (РАС) — на 8 месте, то в ЭАСПС — на 2-м.

4. Показателен ранг отрицания *нет* в языковом сознании сибиряков [ЭАСПС]: слово *нет* располагается за пределами концептуального ядра, на 54 месте, как и в советский период [САНРЯ], отрицание *нет* не входит в ядро языкового сознания. На этом фоне показательны данные 90-х годов XX века, когда слово *нет* имеет ранг 7 в концептуальном ядре [РАС].

5. Важно отметить динамику смыслов оценочной шкалы языкового сознания «хорошо — плохо». В языковом сознании сибиряков [ЭАСПС] оппозиция *плохо* — *хорошо* находится за пределами концептуального ядра (на первом месте оппозиции стоит слово с более высоким рангом в иерархии ценностей): ассоциат *плохо* — на 12 месте, *хорошо* — на 15-м. В РАС оценочная оппозиция выглядит так же: *плохо* — *хорошо*, но в пределах концептуального ядра, занимая 4 и 6 места. В САНРЯ слово *хорошо* имеет наиболее высокий ранг из всех анализируемых словарей — 2, слово *плохо* — 18, демонстрируя наибольшее «расстояние» между полюсами шкалы «хорошо — плохо».

При этом в содержательном плане перечень оцениваемых объектов в рамках ассоциативных полей «хорошо» — «плохо» значительно различа-

ются: в околоядерной зоне поля «хорошо» [ЭАСПС] отмечаются такие категории (маркеры) современности, как *качество, стабильность, демократия, практичность, богатство, достаток*; в ядерной зоне поля «плохо»: *зависть, воровать, хуже, зло, поступить, совсем, эгоизм, болезнь, одиночество, бедствовать*, не отмечаемые в словарях XX века (с РАС совпадает только слово *зло*).

Таким образом, по данным анализируемых словарей XXI века, в сравнении с материалами ассоциативных словарей XX века, изменения в языковом сознании русских, представляющих национальную общность, обусловлены в большей степени временными, нежели региональными условиями.

Источники и принятые сокращения

1. ЕВРАС — Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт языкознания РАН, 2014, Т. 1—2. — Режим доступа : <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>.
2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/new/index.html>.
3. ОШ — Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : — 2010. — Режим доступа : <http://ozhegov.textologia.ru/definit/horoshho/?q=742&n=206130>.
4. РАС — Русский ассоциативный словарь : ассоциативный тезаурус современного русского языка [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. С. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — 1994—1998. — Режим доступа : <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/>.
5. САНРЯ — Леонтьев А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. — Москва : Московский университет, 1977. — Режим доступа : <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>.
6. УрРАС — Уральский региональный ассоциативный словарь : ассоциативная база данных (2008—2013) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/urras>.
7. ЭАСПС — Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири [Электронный ресурс] / С. П. Васильева, А. Д. Васильев, Т. В. Мамаева, М. В. Шибаев. — Режим доступа : <http://react.ftn24.ru/statistic>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушенко В. Л. Оценка. [Электронный ресурс] / В. Л. Абушенко. — Режим доступа : <https://gtmarket.ru/concepts/7320>.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука АН СССР Институт языкознания, 1988. — 339 с.
3. Бутакова Л. О. Проект «Региональное языковое сознание : возрастной аспект» / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц, Н. В. Орлова // Вопросы психолингвистики. — 2018. — 2 (36). — С. 146—176.

4. *Васильева С. П.* Модель ВРЕМЕНИ в языковом сознании сибиряков / С. П. Васильева, А. Д. Васильев // Вестник КГПУ имени В. П. Астафьева. — 2018. — № 1. — С. 174—181. — DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2018-43-1-50>.
5. *Васильева С. П.* Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири : монография / С. П. Васильева, А. Д. Васильев, Т. В. Мамаева, Е. В. Устьянцева. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2017. — 180 с.
6. *Гольдин В. Е.* Русский ассоциативный словарь : ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. — Т. I / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартынов. — Саратов : Саратовский университет, 2011. — 500 с.
7. *Гуц Е. Н.* Ассоциативный словарь подростка / Е. Н. Гуц. — Омск : Омский государственный университет, 2004. — 153 с.
8. *Залевская А. А.* О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : межвузовский тематический сборник. — Калинин : Калининградский государственный университет, 1981. — С. 28—44.
9. *Караулов Ю. Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира : сборник научных статей. — Москва : Институт языкознания РАН, 2000. — С. 191—206.
10. *Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов. — В книге : Русский ассоциативный словарь : в 2-х томах / Ю. Н. Караулов и др. — Москва : АСТ ; Астрель, 2002. — Т. 1. — С. 750—782.
11. *Попович Е. С.* Социальные аспекты развития концепта «Друг» в русском языке [Электронный ресурс] / Е. С. Попович // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 115 (01). — Режим доступа : <http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/79.pdf>.
12. *Потураева Е. А.* Концепт «дом» в гуманитарных науках : анализ понятийного, ценностного и образного компонентов [Электронный ресурс] / Е. А. Потураева, Е. А. Шерина // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 6. — Режим доступа : <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16663>.
13. *Региональное языковое сознание коми, русских, татар : проблемы взаимовлияния : коллективная монография* / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, О. В. Балясникова, А. Г. Полянская, А. В. Разумкова, Е. Г. Свинчукова, А. А. Степанова / под ред. Н. В. Уфимцевой. — Москва—Ярославль : Канцлер, 2017. — 240 с.
14. *Тарасов Е. Ф.* Язык как средство трансляции культуры / Е. Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры : научное издание. — Москва : Наука, 2000. — С. 45—53.
15. *Уфимцева Н. В.* Предисловие. Славянский ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — Москва : Институт языкознания РАН, 2004. — 800 с.
16. *Уфимцева Н. В.* Русские : опыт ещё одного самопознания / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. Изд. 2-е. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт языкознания РАН, 2003. — С. 139—162.
17. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание — образ мира — языковая картина мира / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 2 (24). — С. 115—119.
18. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание и методы его изучения. Региональное языковое сознание коми, русских, татар : проблемы взаимовлияния : коллективная монография

фия / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, О. В. Балясникова, А. Г. Полянская, А. В. Разумова, Е. Г. Свинчукова, А. А. Степанова / под ред. Н. В. Уфимцевой. — Москва—Ярославль : Канцлер, 2017. — 240 с.

19. Уфимцева Н. В. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова // Филология и культура. — 2014. — № 4 (38). — С. 193—199.

20. Шохин В. К. Ценность [Электронный ресурс] / В. К. Шохин, В. Л. Абушенко. — Режим доступа : <https://gtmarket.ru/concepts/6895>.

21. Фрейд З. Избранное. Книга 2. Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд. — Москва : Московский рабочий, 1990. — 176 с.

EXPERIENCE OF IDENTIFYING THE SPECIFICS OF EVERYDAY LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS ACCORDING TO ASSOCIATIVE DICTIONARIES OF THE XX—XXI CENTURIES

© Svetlana P. Vasilyeva (2020), orcid.org/0000-0003-1091-4829, SPIN 6688-8259, Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia), vasilyeva@kspu.ru.

The article is devoted to comparing data on the results of associative experiments of different years. The main focus is on the conceptual core — the first ten words with the most associative links. It is reported that in 2013—2017, researchers of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, with the support of scientific foundations, prepared the “Electronic associative dictionary of Yenisei Siberia”, which includes 29,550 associative fields based on the results obtained when 1000 respondents were presented (incentives were proposed by the team of the ethnopsycholinguistics sector of the Institute of Atomic Energy RAS under the direction of N. V. Ufimtseva). The article compares the obtained data with the materials of the conceptual core of other associative dictionaries of the Russian language of the XX—XXI centuries, such as the “Dictionary of associative norms of the Russian language” by A. A. Leontyev, “Russian Associative Dictionary” edited by Yu. N. Karaulov, “Russian regional associative dictionary-thesaurus” by G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva. It is proved that the data of associative dictionaries indicate a change in indicators on the scale of values of linguistic consciousness of the Russian language native speakers. An attempt was made to identify the specifics of the everyday linguistic consciousness of Russians in a geographically limited community. The conclusion is made that the changes in the linguistic consciousness of Russians are caused to a greater extent by temporary rather than regional conditions.

Key words: linguistic consciousness; core of linguistic consciousness; conceptual core; free associative experiment; associative dictionary; associative field; Yenisei Siberia.

MATERIAL RESOURCES

EASPS — Vasilyeva, S. P, Vasilyev, A. D, Mamayeva, T. V, Shibayev, M. V. *Elektronnyy assotsiativnyy slovar' Priyeniseyskoy Sibiri*. Available at: <http://react.ftn24.ru/statistic>. (In Russ.).

- EVras — Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V. (2014). *Russkiy regionalnyy assotsiativnyy slovar' -tezaurus, 1—2*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. Available at: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://ruscorpora.ru/new/index.html>. (In Russ.).
- OSh — Ozhegov, C. I., Shvedova, H. Yu. (2010). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Available at: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/horosho/?q=742&n=206130>. (In Russ.).
- RAS — Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V., Tarasov, E. F. (1994—1998). *Russkiy assotsiativnyy slovar' . Assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka*. Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/>. (In Russ.).
- SANRYa — Leontyev, A. A. (1977). *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka*. Moskva: Moskovskiy universitet. Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>. (In Russ.).
- UrRAS — *Uralskiy regionalnyy assotsiativnyy slovar'*: assotsiativnaya baza dannykh (2008—2013). Available at: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/urras>. (In Russ.).

REFERENCES

- Abushenko, V. L. *Otsenka*. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7320>. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt*. Moskva: Nauka, AN SSSR Institut yazykoznaniya. (In Russ.).
- Butakova, L. O., Guts, E. N., Orlova, N. V. (2018). Proekt «Regionalnoye yazykovoye soznaniye: vozrastnoy aspekt». *Voprosy psikholingvistiki*, 2 (36): 146—176. (In Russ.).
- Freyd, Z. (1990). *Izbrannoye, 2. Neudovletvorennost' kulturoy*. Moskva: Moskovskiy rabochiy. (In Russ.).
- Goldin, V. E., Sdobnova, A. P., Martyanov, A. O. (2011). *Russkiy assotsiativnyy slovar' : assotsiativnyye reaktsii shkolnikov I–XI klassov: v 2 t., I*. Saratov: Saratovskiy universitet. (In Russ.).
- Guts, E. N. (2004). *Assotsiativnyy slovar' podrostka*. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2000). Pokazateli natsionalnogo mentaliteta v assotsiativno verbalnoy seti. In: *Yazykovoye soznaniye i obraz mira: sbornik nauchnykh statey*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. 191—206. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2002). Russkiy assotsiativnyy slovar' kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti. In: Karaulov, Yu. N. [et al.] *Russkiy assotsiativnyy slovar' .* Moskva: AST; Astrel. 1: 750—782. (In Russ.).
- Popovich, E. S. (2016). Sotsialnyye aspekty razvitiya kontsepta «Drug» v russkom yazyke. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*, 115 (01). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/79.pdf>. (In Russ.).
- Poturayeva, E. A., Sherina, E. A. (2014). Kontsept «dom» v gumanitarnykh naukakh: analiz ponyatiynogo, tsennostnogo i obraznogo komponentov. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 6. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16663>. (In Russ.).
- Shokhin, V. K., Abushenko, V. L. *Tsennost'*. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/6895>. (In Russ.).

- Tarasov, E. F. (2000). Yazyk kak sredstvo translyatsii kultury. In: *Yazyk kak sredstvo translyatsii kultury: nauchnoye izdaniye*. Moskva: Nauka. 45—53. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2003). Russkiye: opyt yeshche odnogo samopoznaniya. In: *Etnoturnnaya spetsifika yazykovogo soznaniya. Sbornik statey*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. 139—162. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2015). Yazykovoe soznanie — obraz mira — yazykovaya kartina mira. *Voprosy psikholingvistiki*, 2 (24): 115—119. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (ed.) (2017). *Yazykovoye soznaniye i metody yego izucheniya. Regionalnoye yazykovoye soznaniye komi, russkikh, tatar: problemy vzaimovliyaniya: kollektivnaya monografiya*. Moskva—Yaroslavl': Kantsler. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A. (2014). Assotsiativnaya leksikografiya i issledovaniya yazykovogo soznaniya. *Filologiya i kultura*, 4 (38): 193—199. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A., Karaulov, Yu. N., Tarasov, E. F. (2004). *Predisloviye. Slavyanskiy assotsiativnyy slovar': russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A., Balyasnikova, O. V., Polyanskaya, A. G., Razumkova, A. V., Svinchukova, E. G., Stepanova, A. A. (2017). *Regionalnoye yazykovoye soznaniye komi, russkikh, tatar: problemy vzaimovliyaniya: kollektivnaya monografiya*. Moskva—Yaroslavl': Kantsler. (In Russ.).
- Vasilyeva, S. P., Vasilyev, A. D. (2018). Model' VREMENI v yazykovom soznanii sibiryakov. *Vestnik KGPU imeni V. P. Astafyeva*, 1: 174—181. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2018-43-1-50>. (In Russ.).
- Vasilyeva, S. P., Vasilyev, A. D., Mamayeva, T. V., Ustyantseva, E. V. (2017). *Bazovyye tsennosti regionalnogo yazykovogo soznaniya russkikh Priyeniseyskoy Sibiri: monografiya*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni V. P. Astafyeva. (In Russ.).
- Zalevskaya, A. A. (1981). O kompleksnom podkhode k issledovaniyu zakonomernostey funktsionirovaniya yazykovogo mekhanizma cheloveka. In: *Psikholingvisticheskiye issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki: mezhvuzovskiy tematicheskiy sbornik*. Kalinin: Kaliningradskiy gosudarstvennyy universitet. 28—44. (In Russ.).

Го Лицзюнь. Идеографическая реконструкция номинативного множества «Основы властных отношений в государстве» / Го Лицзюнь, А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 45—61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-45-61.

Guo Lijun, Shchetinina, A. V. (2020). Ideographic Reconstruction of the Nominative Set «Fundamentals of Power Relations in the State». *Nauchnyi dialog, 1*: 45-61. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-45-61. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:070+81'373.218"20"

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-45-61

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

НОМИНАТИВНОГО МНОЖЕСТВА

«ОСНОВЫ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕ»¹

© Го Лицзюнь (郭丽君, 2020), orcid.org/0000-0002-9711-4180, доктор филологических наук, доцент факультета русского языка, институт международных исследований, Университет имени Сунь Ятсена (Чжухай, Китай), guolj5@mail.sysu.edu.cn.

© Щетинина Анна Викторовна (2020), orcid.org/0000-0002-9085-8697, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), anna-73.schetinina@yandex.ru.

Рассматривается номинативное множество «Основы властных отношений в государстве», структурированное с применением метода идеографической реконструкции. Актуальность исследования обусловлена отсутствием исчерпывающего идеографического описания социально-политической лексики русского языка и необходимостью планомерной разработки каждого из его секторов. Отмечается, что идеографическая реконструкция номинативных множеств, которые объединяют лексемы и идиоматические выражения, позволяет системно описать фрагменты действительности: отношения в государстве, обществе, между частными лицами — в виде фреймовых конструкций, воспроизводящих схему действий в реальной жизни. Языковые единицы для исследования извлекались из современных и исторических толковых словарей русского языка, фиксирующих лексику с XI по XXI века. Показано, что идеографическая сетка «Основы властных отношений в государстве» организована в виде «лесенки» идеограмм, уровни которой (43 слота) отражают ветви семантического подчинения между группами синонимических единиц, образующих ряды в пределах каждой идеограммы. Описываются идеограммы ядерной и приядерных зон, а также находящиеся на ближней и дальней периферии. Указывается, что данное поле объединяет более 1400 единиц: современных и вышедших из употребления лексем и идиоматических выражений. Делается вывод о научной и методической значимости идеографического описания лексики в аспекте изучения как русского, так и иностранных языков.

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда фундаментальных исследований исследовательского института «Один пояс — один путь» университета им. Сунь Ятсена.

Ключевые слова: метод идеографической реконструкции; социально-политическая лексика; семантика; идеограмма; идеографическая сетка; лексикография.

1. Введение

Чтение газетных и журнальных публикаций, новостей и их обсуждений в сети Интернет, просмотр передач на социально-политическую тематику — необходимые составляющие знакомства с особенностями организации жизни как в своей, так и в другой стране, в частности при изучении родного и иностранного языков. Системно организованный массив слов и выражений как результат идеографической реконструкции номинативного фонда, объединяющего лексические факты из разных языковых идиомов, отражающих представления носителей языка о тех или иных явлениях, событиях, процессах и др. реальной действительности, предоставляет иностранцу, осваивающему язык и интересующемуся социокультурными особенностями другой страны, необходимые знания и позволяет лучше понять изучаемую культуру и ее представителей. Если толковый словарь фиксирует слова и их значения в алфавитном порядке, то идеографическая реконструкция позволяет увидеть целый фрагмент действительности (см., например: [Глазырин и др., 2017; Еремина, 2018; Леонтьева, 2018; Мухина, 2015 и др.]), репрезентированный посредством лексических и фразеологических единиц, соотносимых с ментальными единицами. В состав номинативного множества могут входить языковые единицы из разных идиомов: литературного языка и его нелитературных форм (диалектов, жаргонов). Последние обычно не являются предметом изучения в процессе освоения иностранного языка, хотя студенты, как показывает практика, с удовольствием осваивают жаргонизмы, особенно когда проживают в стране изучаемого языка и активно общаются с его носителями. В свою очередь, диалектизмы могут быть интересны для иностранных ученых-лингвистов с точки зрения понимания языкового сознания представителей традиционной крестьянской культуры, которые в другие эпохи (в XX веке и ранее) составляли существенную часть русского общества (что нашло отражение в том числе в художественной литературе).

Цель настоящей статьи — описать лексико-семантическое множество «Основы властных отношений в государстве»¹ на материале языковых единиц, зафиксированных в лексикографических источниках, а также номинаций, извлеченных из текстов медиадискурса и ранее не описанных

¹ Данное лексико-семантическое множество зафиксировано в словаре: Щетинина А. В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика / А. В. Щетинина. — Екатеринбург: Ажур, 2018. — 768 с.

лингвистами, системно представив структуру семантического пространства, соотнесенного с представлениями о властных институциональных отношениях в современной российской действительности и ее историческом прошлом. Идеографическая реконструкция номинативных множеств, включающих в себя лексемы, фразеологизмы, поговорки, дает возможность представить фрагменты бытия государства, общества, человека в виде фреймовых конструкций, которые воспроизводят схему действий в реальной жизни. Материалом для исследования послужила лексика, извлеченная из толковых словарей русского языка с XI по XXI века [БТСРЯ, 1998; БУСРЯ, 2017; СлРЯ, 1999; СлРЯ XI—XVII, 1975—2008; СлРЯ XVIII; ССРЛЯ, 1950—1965; ТСРЯ XXI, 2008; Язык Совдепии, 1998 и др.], жаргонных и диалектных словарей [БСРЖ, 2001; СРНГ, 1965—2004; ССМЖ, 2006 и др.], а также словарей поговорок [Бирих, 2007; Иллюстров, 1915; Мокиенко, 2001; Снегирев, 2014]. Кроме того, современная лексика, не зафиксированная в словарях извлекалась из медийных текстов (преимущественно статей электронных СМИ).

2. Идеографическая сетка лексико-семантического поля «Основы властных отношений в государстве»

Далее, не захватывая лексику из сферы организации жизни в государстве, которая объединяется в номинативное множество «Государственность как основа организованного общества» [Щетинина, 2018], и политики, которая может объединяться в семантические поля по разным основаниям, в частности представлять идеограмму «Политика как государственно-властная сфера» и др. [Там же], проведем идеографическую реконструкцию лексико-семантического поля «Основы властных отношений в государстве».

Ядерной идеограммой, воплощающей представления носителей языка о власти, в том числе государственной, является семема «власть» (слот 1), которая интегрирует разные номинации самого факта власти: *большинство* 'старшинство, власть, первенство' [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 287], *бразды правления* 'книжн., высок., шутол. о государственной или административной власти' [Бирих и др., 2007, с. 65], *владычество* 'господство, верховная власть' [СлРЯ, т. 1, с. 183], *вага* 'курск., перен. влияние, власть, могущество, сила' [СРНГ, т. 4, с. 9], *скипетродержательство* 'владычество, верховная власть' [СлРЯ XI—XVII, вып. 24, с. 198] и др. Часть дефиниций, зафиксированных в словарях, включает в себя сему 'власть', которая может репрезентировать властные отношения в широком смысле, при этом семантика власти в системе институциональных отноше-

ний актуализируется и в иллюстрациях (*право* ‘арх., ленингр. власть’ Арх. *Потом революция была, право-то сменилось* [СРНГ, т. 31, с. 59]; *империум* ‘власть, могущество’ Я, *государь, не мно конечно сему быть, чтоб пропустить Шведа в Саксонию для сохранения империум цесарства* [СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 86]).

Как известно, власть имеет строгую организационную структуру и символику, поэтому указанная выше идеограмма семантико-мотивационно связана с идеограммами следующих уровней: «ветвь власти» (слот 2) (*вторая власть* ‘публ. об исполнительной власти (в отличие от первой — власти законодательной, представительной)’ [НСИЗ, т. 1, с. 321]; *третья власть* ‘публ. о правах и полномочиях судебных органов’ [БСРП, 2008, с. 89] и др.); «вид власти; система управления» (слот 3) (*геронтократия* ‘о правлении, верховной власти глубоко пожилых людей’ [БТСРЯ, 1998, с. 148]; *венец* ‘перен. царская власть, престол’ [Ефремова, 2000, с. 653]; *кравество* ‘власть, правление короля; королевство’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 8, с. 11] и др.); «относящийся к власти, связанный с властью» (слот 4) (*административно-бюрократический* ‘публ. административно-командный’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 47]; *коронный* ‘относящийся к короне, правительственный, государственный’ [ССРЛЯ, т. 5, с. 1456] и др.); «символ власти, государства» (слот 5) (*бунчук* ‘конский хвост на древке — символ власти турецких пашей’ [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 167]; *сѣдалище* ‘престол, трон, символ власти, правления кого-либо’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 24, с. 18]; *серп и молот* ‘государственная эмблема СССР, символизирующая власть трудящихся, союз рабочего класса и крестьянства, мирный труд’ [СлРЯ, т. 4, с. 83] и др.).

Поскольку власть предполагает установление системных отношений между ее акторами и объектами подчинения, в первой приядерной зоне находится идеограмма «управлять, руководить» (слот 6) (*быти въ правительствѣ* ‘быть правителем, править (государством)’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 18, с. 109]; *властвовать* ‘высок. управлять, править (страною, государством)’ [СлРЯ, т. 1, с. 183] и др.), которая становится семантическим источником для формирования идеограмм других уровней: «управление, руководство» (слот 7) (*браздодержательство* ‘правление, управление (государством)’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 337]; *властвование* ‘высок. действие по значению глагола властвовать’ [СлРЯ, т. 1, с. 183] и др.); «связанный с управлением» (слот 8) (*административный* ‘связанный с управлением чем-либо’ [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 25]), «способ управления» (слот 9) (*в ручном режиме* ‘обст. ирон. при полном отсутствии системы правил и мероприятий, в зависимости от обстоятельств

(действовать, делать что-либо)' [Жуков и др., 2016, с. 43]); репрезентанты двух последних идеограмм немногочисленны.

Во второй приядерной зоне находятся идеограммы преимущественно одного уровня, репрезентирующие действия, процесса, отношений, которые осуществляются в сфере власти. Так, власть можно показывать: «демонстрировать свою власть» (слот 10) (выявлено одно выражение без дефиниции *показывать свою власть* [СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 205]), при этом еще одна идеограмма связана с признаком выражения власти: «выражающий власть, повелительный» (слот 11) (выявлена также одна лексема *властительный* [СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 204]). Кроме того, зафиксированы идеограммы, отражающие различные действия, связанные с обладанием, получением, захватом власти и т. п., и процессы, которые осуществляются в реальной действительности:

— «обладать равной властью» (слот 12) (*равновластвовать* 'обладать равной с кем-либо властью, силой' [СлРЯ XI—XVII, вып. 21, с. 114]) и на следующей ступени семантико-мотивационных отношений — «возможность управлять, руководить» (слот 13) (*все ниточки в руках* 'прост., экспресс. кто-либо располагает всеми возможностями руководить, управлять кем-либо, чем-либо' [Федоров, т. 2, с. 33]);

— «иметь особое правление, правителя» (слот 14) (*государствовать* 'иметь особого государя — об области, стране' [СлРЯ XVIII, вып. 5, с. 199]);

— «подчиняться кому-либо, обладающему властью» (слот 15) (*быти под мечем* 'быть под чьим-либо игом, под насильственной властью' [СлРЯ XI—XVII, вып. 9, с. 138]);

— «отдавать / отдать в чью-то власть» (слот 16) (*выдати головою* 'отдать в чью-либо полную власть' [СлРЯ XI—XVII, вып. 3, с. 197]);

— «избираться во власть» (слот 17) (*идти во власть* 'публ. избираться, быть избранным во властные структуры' [НСИЗ, т. 1, с. 649]);

— «получать / получить власть» (слот 18) (*огосподиться* 'получить власть, стать господином, властителем' [СлРЯ XI—XVII, вып. 12, с. 254]);

— «захватить власть, подчинить» (слот 19) (*узурпировать* 'книжн. совершить (совершать) узурпацию чего-либо' [СлРЯ, т. 4, с. 477]) и на следующей ступени семантико-мотивационных отношений — «захват власти» (слот 20) (*узурпация* 'книжн. насильственный, противозаконный захват власти или присвоение себе чужих прав на что-либо, чужих полномочий' [Там же]);

— «наделять властью» (слот 21) (*облекать* 'перен. наделять, снабжать кого-либо властью, полномочиями и т. п.' [Ефремова, 2000, с. 4626]);

— «отбирать власть» (слот 22) (*снимати* ‘лишать чего-либо — сана, власти’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 25, с. 259]);

— «терять / потерять власть» (слот 23) (*выпускать возжси* ‘прост. терять власть над кем-либо’ [БСРП, 2008, с. 94]);

— «делить, разделять власть» (слот 24) (*соцарствовати* ‘разделять с кем-либо престол, власть; соцарствовать’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 26, с. 261]).

В третьей и четвертой приядерных зонах находятся идеограммы, воплощающиеся в обозначениях акторов власти.

В аспекте репрезентации институциональных отношений прежде всего это глава государства — «носитель верховной власти» (слот 25): в данное лексическое множество объединяются слова и идиоматические выражения, обозначающие правителей в разные периоды истории и в различных формах власти, например, *архикнязь* ‘великий князь’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 52], *бѣлый царь* ‘название московского царя в обращении к нему восточных народов (перевод тюркского «ак» в значении ‘западный’)’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 138], *геронтократ* ‘правитель страны, чиновник высокого ранга в преклонном возрасте’ [НСИЗ, т. 1, с. 384], *деспот* ‘верховный правитель в рабовладельческих монархиях древнего Востока, пользовавшийся неограниченной властью’ [СлРЯ, т. 1, с. 391], *лидер* ‘глава, руководитель (государства, политической партии, общественно-политической организации, общественного движения и т. п.)’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 539] и др. В семантико-мотивационных отношениях находятся лексические воплощения данной идеограммы с репрезентантами идеограмм, передающих характеристики правителя или значение принадлежности к нему: «обладающий верховной властью, имеющий верховную власть» (слот 26) (*владствующий* ‘обладающий высшей властью’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 2, с. 212], *державный* ‘обладающий верховной властью, владетельный, царственный’ [СлРЯ, т. 1, с. 389]); «относящийся к верховному правителю; принадлежащий верховному правителю» (слот 27) (*высочайший* ‘свойственный, принадлежащий богу, лицам царствующей фамилии; относящийся к ним, исходящий от них’ [СлРЯ XVIII, вып. 5, с. 42], *кесарев* ‘принадлежащий кесарю’ [СлРЯ, т. 2, с. 46]); «управляемый верховным правителем» (слот 28) (*скипетродержательный* ‘управляемый верховным владыкой, правителем, царем’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 24, с. 198]). На этой же ступени находится идеограмма «быть верховным правителем, получать верховное правление, править» (слот 29) (*держати корону* ‘быть королем где-либо, получить королевство’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 7, с. 343]), являющаяся семантическим источником для идеограмм следующих ступеней:

«пребывание у власти в качестве верховного правителя» (слот 30) (**диктаторство** ‘пребывание у власти в качестве диктатора’ [СлРЯ, т. 1, с. 399]), «праздник в честь вступления во власть верховного правителя» (слот 31) (**инаугурация** ‘полит. торжественное вступление в должность главы государства’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 399]), **царский день** ‘в дореволюционной России день коронования, а также именин царя или царицы, считавшийся праздником’ [СлРЯ, т. 4, с. 477]).

Кроме того, именование лица, обладающего верховной властью, возможно в соответствии с титулом, поэтому ключевая идеограмма рассматриваемой приядерной зоны «носитель верховной власти» соотносится с идеограммой следующей ступени «титул верховного правителя; членов семьи верховного правителя» (слот 32) (**Август** ‘титул царя’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 19], **Великий князь** ‘титул киевского князя; с XII в. также и владимирского князя’ [Там же, вып. 7, с. 207] и др.).

Благодаря средствам массовой информации в русском языковом пространстве появилось большое количество прозвищ известных деятелей (наряду с прозваниями, закрепившимися исторически), в том числе верховных правителей, которые, на наш взгляд, могут быть включены в идеографическое описание как полноправные средства отражения исторической действительности, российской и международной: «Масштабность некоторых из них (прозвищ. — *Г. Л., А. Ш.*) благодаря средствам массовой информации достигает глобальных размеров, превращая их в онимы-интернационализмы» [Вальтер и др., 2007, с. 13]. Таким образом, идеограмма «прозвище верховного правителя» (слот 33) объединяет онимы, называющие деятелей, давно вошедших в историю (**Амфитрита** ‘уподобит. о Екатерине II (миф. морская богиня)’ [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 63], **Великий кормчий** ‘публ., патет. Мао Цзедун (1893—1976), идеолог и руководитель Коммунистической партии Китая, главный теоретик маоизма’ [БСРП, 2008, с. 315]), так и современных политиков, управляющих государствами (**бацька** ‘об Александре Григорьевиче Лукашенко, политическом и государственном деятеле Республики Беларусь, действующем президенте с 1994 года’ [Щетинина, 2018, с. 295], **ВВП** ‘В. В. Путин, Президент Российской Федерации, Верховный Главнокомандующий Вооружёнными силами Российской Федерации с 2000 года по 2008 год, с 2012 года по 2018 год, с 2018 года вновь избранный руководитель государства; в 1999—2000 годах и с 2008 по 2012 годы — Председатель Правительства Российской Федерации’ [Там же, с. 296]). Отметим, что, на наш взгляд, словарные дефиниции, разрабатываемые для обозначений исторических реалий, должны включать энциклопедическую информацию, которая дает возможность

пользователю, обращающемуся к словарю, получить главную информацию об историческом деятеле, событии, явлении и т. п.

Кроме того, у носителя верховной власти всегда есть сторонники, чьи названия образованы обычно от имен тех людей, за которыми они следуют: так идеограмма «сторонник верховного правителя» (слот 34) объединяет лексемы *ельциноид* ‘публ., презрит. приверженец взглядов и политики Президента РФ Б. Н. Ельцина; тот, кто уподобляется ему’ [НСИЗ, т. 1, с. 570], *ленинец* ‘сторонник политики В. И. Ленина, советского политического и государственного деятеля, главного организатора и руководителя Октябрьской революции 1917 года в России, создателя первого в мировой истории социалистического государства’ [Щетинина, 2018, с. 303] и др. На следующей ступени располагается идеограмма «поддерживающий политику верховного правителя» (слот 35) (*проельцинский* ‘поддерживающий Б. Ельцина и проводимую им политику; отражающий поддержку Б. Ельцина’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 803], *пропутинский* ‘поддерживающий В. Путина и проводимую им политику; противоп. антипутинский’ [Там же, с. 811]).

В четвертой приядерной зоне находятся лексемы и идиоматические выражения, называющие людей, которые, являясь акторами власти, осуществляют ее на разных уровнях государственной структуры. Здесь объединяется значительное количество лексических репрезентантов, воплощающих идеограмму «человек (люди), обладающий (-ие) властью; начальство» (слот 36) (*архитекторы перестройки* ‘реформаторы, которые в период перестройки (масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни СССР во второй половине 1980-х годов) осуществляли преобразования в разных сферах’ [Щетинина, 2018, с. 306], *божок* ‘перен. человек могущественный, обладающий властью над другими людьми’ [Ефремова, 2000, с. 455]), которая взаимосвязана с идеограммами «характеризующий власть имущих» (слот 37) (*амбициозный* ‘связанный с посягательствами на власть, властолюбием’ [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 57], *полноправый* ‘а мур. наделенный, обладающий властью’ [СРНГ, т. 29, с. 83]), «быть у власти, править» (слот 38) (*быть в силе* ‘иметь власть, влияние’ [СлРЯ, т. 4, с. 92], *владеть* ‘оренб., сарат. держать в своей власти; управлять, распоряжаться кем-, чем-либо’ [СРНГ, т. 4, с. 315]), «воздействие человека (людей), обладающего (-их) властью» (слот 39) (*политическое лидерство* ‘постоянное воздействие политического субъекта, имеющего в своем распоряжении определенные политические ресурсы, которые заставляют с ним считаться других субъектов или участников политического процесса’ [Щетинина, 2018, с. 339]).

На дальней периферии (в пятой приядерной зоне) находятся лексемы и выражения, репрезентирующие желание человека иметь власть: «стремление, любовь к власти» (слот 40) (*любоначалие* ‘желание властвовать, властолюбие’ [СлРЯ XVIII, вып. 12, с. 15]), «человек, любящий власть» (слот 41) (*властолюбец* ‘человек, любящий власть, стремящийся к власти’ [СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 205]) и на следующей ступени «любящий власть» (слот 42) (*любо начальный* ‘един. любящий власть, властолюбивый’ [СлРЯ XVIII, вып. 12, с. 15]); «любить власть, стремиться властвовать» (слот 43) (*властолюбствовать* ‘любить власть, стремиться властвовать’ [СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 205]).

Таким образом, метод идеографической реконструкции позволяет описать фрагменты политической действительности, воплощающиеся в языке таким образом, чтобы можно было наглядно представить, как в разные периоды истории развития языка и в разных формах языка репрезентируются те или иные политические реалии, в какие взаимоотношения они вступают и др.

3. Лексические репрезентанты властных отношений в государстве

Лексическое множество «Основы властных отношений в государстве» объединяет более 1400 единиц: лексем и идиоматических выражений, имеющих разную стилистическую окраску, современных и вышедших из активного употребления, а также новых, еще не зафиксированных словарями. Ниже охарактеризуем основные особенности языковой репрезентации властных отношений в аспекте идеографического описания.

(1) Лексические единицы, называющие понятия из сферы государственных властных отношений, имеют место в разных идиомах: литературном языке, городском просторечии, диалектах, жаргонах. Большая часть языковых единиц, репрезентирующих властные отношения в государстве, принадлежит к книжным стилям, что вполне ожидаемо, поскольку понятия из институциональной сферы имеют прежде всего официальные наименования и реже — принадлежащие нелитературным подсистемам языка. Так, лексические воплощения идеограмм «ветвь власти», «вид власти, система управления», «относящийся к власти, связанный с властью», «управление, руководство», «праздник в честь вступления во власть верховного правителя», «титул верховного правителя» и др. представлены только фактами литературного языка. Часть номинативных множеств включает в себя единичные лексемы и идиоматические выражения, извлеченные из жаргонных словарей (например, идеограмма «человек (люди), обладающий (-ие) властью; начальство» воплощается

в двух жаргонизмах: *паник* ‘жарг. о крупном руководителе (сотруднике государственного аппарата, партийном функционере и т. п.)’ [НСИЗ, т. 2, с. 1374] и *товариственная хромосома* ‘угол. женщина-руководитель’ [БСРП, 2008, с. 720]) или диалектных лексикографических источников (например, идеограмма «быть верховным правителем, править» представлена только одним найденным нами в СРНГ выражением *служить царем, князем* ‘олон., арх. быть царем, князем’ [СРНГ, вып. 38, с. 311]). При этом диалектизмы более активно представлены в тех группах слов, которые называют общие понятия, например, значительное количество диалектных слов (по сравнению с их представленностью в других группах) воплощают идеограмму «власть»: *вага* ‘курск., перен. влияние, власть, могущество’ [СРНГ, вып. 4, с. 9], *владость* ‘калин. власть’ [Там же, с. 316], *засилье* ‘моск. власть, сила’ [СРНГ, вып. 11, с. 32], *право* ‘арх., ленингр. власть’ [СРНГ, вып. 31, с. 59] и др. Такие языковые единицы могут обозначать и неинституциональные феномены.

Кроме того, часть репрезентантов властных отношений извлекается из словарей паремий, причем они могут иметь как книжную, так и разговорную окраску: например, идеограмма «символ власти, государства» наряду с литературными лексемами: *венец, жезл, мономахова шапка, престол, серп и молот* и др. — вербализуется также посредством выражения *чернобыльский бройлер* ‘разг., ирон. один из проектов герба России — царский двуглавый орел без короны’ [БСРП, 2008, с. 60]; номинативное множество «быть у власти, править» включает в себя идиоматические выражения *держать бразды правления* ‘устар. править чем-либо, властвовать над кем-либо’ [Федоров, т. 1, с. 196]; *прибирать возжжи к рукам* ‘экспресс. сосредоточивать в своих руках власть, управление, руководство’ [Федоров, т. 2, с. 141]; *стоять у руля* ‘книжн. управлять, руководить чем-либо’ [БСРП, 2008, с. 582]). И опять подобные номинации могут характеризовать не только институциональные феномены, но также, например, и отношения в семье, межличностные отношения.

Лексика разговорного характера частотна среди обозначений людей, обладающих властью (*большая рука* ‘разг. влиятельный, значительный по своему положению человек’ [БСРП, 2008, с. 575], *кремлёвцы* ‘разг. члены правительства, высших органов власти Российской Федерации’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 514], *системщик* ‘разг. руководитель, хорошо представляющий системную взаимосвязь людей и подразделений в управляемой им структуре; специалист по управлению’ [НСИЗ, т. 3, с. 815] и др.). Кроме того, в разговорной речи активно появляются и прозвища представителей власти, поскольку «многие прозвища политических деятелей,

ставшие “вторыми именами”, не имеют очевидных авторов (субъекты номинации), сопровождая своих носителей (объекты номинации) в течение длительного исторического периода как продукты “коллективного творчества» [Вишнякова и др., 2017, с. 72] (см. например, *Бровеносец Потёмкин* ‘жрр., ирон. Леонид Ильич Брежнев’ [Вальтер и др., 2007, с. 110], *Горбач* ‘О Михаиле Горбачеве, последнем Генеральном секретаре ЦК КПСС (1985—1991), первом и последнем президенте СССР (1990—1991)’ [Щетинина, 2018, с. 297], *кукурузник* ‘шутл.-ирон. Никита Сергеевич Хрущёв’ [Вальтер и др., 2007, с. 311] и др.

(2) Языковые единицы, называющие понятия из сферы государственных властных отношений, представлены как устаревшей, так и современной лексикой. При этом большая часть идеограмм воплощается практически в равной мере и тем, и другим типами слов, например, лексические группы «быть верховным правителем» (*взимати великое княжение, владѣти княжением, главенствовать, диктаторствовать* и т. п.), «носитель верховной власти» (*анакось, бѣлый царь, вѣнчанный глава, первое лицо, лидер-реформатор, хозяин белого дома* и т. п.) и др.; другие включают в себя преимущественно устаревшие языковые единицы, например, номинативное множество «власть» объединяет 93 лексемы: 9 диалектизмов, 2 жаргонизма, 21 слово из современного русского языка, 61 лексему, извлеченную из исторических словарей русского языка с XI—XVIII века; третьи представлены только современными словами и выражениями, например, идеограммы «ветвь власти» (*вторая власть, нятая власть, контрольная власть, президентская ветвь власти* и т. п.), «сторонник верховного правителя» (*ельцинист, путинец, сталинист* и т. п.) и др.

(3) Принадлежность языковой единицы к группе понятий из сферы государственных властных отношений определяется на основе выявления сем институционального характера как в составе дефиниции, зафиксированной в словаре, так и в контекстном употреблении при отсутствии таких сем в определении, предложенном толкователем слова. В большей части значений институциональная сема фиксируется в дефиниции. Так, сами идеограммы включают в себя архисемы, тематически принадлежащие институциональной сфере: ‘верховная власть’, ‘верховный правитель’, ‘власть имущий’, ‘государство’, ‘управлять / управление’, ‘править / правление’, ‘властвовать / властвование’. Соответственно, значения лексем, воплощающих идеограмму, включают в себя данные семы, например, *синдром динозавра*

‘о чрезмерной централизации *управления государством* в России’ [НСиЗ, т. 3, с. 793] или *держава* ‘*верховная власть, владычество*’ [СлРЯ XVIII, вып. 6, с. 103]. Однако если в приведенных примерах институциональный характер значений слов очевиден, то в ряде случаев значение в словарях формулируется широко и институциональный характер семантики требует подтверждения примерами речевого употребления. Мы исходим из того, что семантические множители, отражающие социальные смыслы, могут иметь место не только в ассертивной, но и в пресуппозиционной зонах значения, притом главным образом, как отмечает Л. П. Крысин, на периферии значения [Крысин, 1988]. Контекстуальное употребление, отражающее прагматику использования той или иной языковой единицы, имеет существенное значение для выявления смыслов, актуализирующихся в речи, что признается многими исследователями [Воробьева, 2000; Карасик, 2005; Леонтьева, 2014; Кобозева, 2000 и др.]. В частности, значения, включающие семы ‘власть’, ‘управлять / управление’, ‘властвовать / властвование’, могут трактоваться широко, ср.: глагол *вести* ‘перен. направлять деятельность кого-, чего-л., управлять, руководить кем-, чем-л.’ [СлРЯ, т. 1, с. 156] называет действия как в обиходно-бытовой сфере (*Бабушка вела домашнее хозяйство, дом держался ее энергией и умом*. М. Павлов, Воспоминания металлурга [Там же]), так и в области государственной политики (*Пламенный трибун, умеющий силой своего ораторского дара поднимать и вести за собой массы, он стоит в одном ряду с неистовыми якобинцами Великой французской революции Робеспьером и Дантоном*. Б. Ефимов. Десять десятилетий, 2000 [Щетинина, 2018, с. 194—195]).

Особенно актуально широкое толкование для диалектных слов, см. например, *начало* ‘олон. власть’ *Не своя воля, начало есть* (1852) [СРНГ, вып. 20, с. 279], поскольку лексика репрезентирует характерные для традиционного крестьянского общества внутренние механизмы самоуправления: «в период до формирования институциональных органов управления в деревенской общине не предполагалось расслоения на “власть” и “остальных”», управленческие функции выполнялись сообща» [Леонтьева и др., 2017, с. 173], что и получило отражение в языке: ср. *ладить (наклонять) под свой ноготь* ‘тобол. стараться взять под свою власть’ *Волости все ладят под свой ноготь* [Там же, вып. 27, с. 324], *владать* ‘оренб., сарат. держать в своей власти; управлять, распоряжаться кем-, чем-либо’ *У кого штыки острые, тому городом владать* [Там же, вып. 4, с. 315] и др. — в таких случаях наличие институциональной семы проверяется посредством наблюдений над иллюстративным материалом.

5. Заключение

Идеографическое описание в словаре языковых фактов на основе выявления идеограмм является формой сохранения и генерализации знаний человека не только о языке, но и о мире в целом. Идеографическая реконструкция номинативного множества «Основы властных отношений в государстве» позволяет путем составления типологии языковых фактов, называющих понятия из сферы государственных властных отношений, изучать весь комплекс их языковых воплощений в системе — в рамках разных объединений (фреймов и слотов), отражающих особенности реальной организации жизни людей в государстве и представления об этой области действительности. Именно идеографическое описание дает более или менее полное представление об особенностях репрезентации фактов действительности в языке, в частности, в его литературной и нелитературных разновидностях, что позволяет увидеть, как представители разных социальных групп в настоящее время и на протяжении длительной истории развития языка называли явления, события, процессы, персоналии, связанные с институциональной сферой жизни.

На основе анализа языковых единиц, извлеченных из современных и исторических толковых словарей, нами выявлено более 1400 языковых фактов, которые воплощают 43 идеограммы указанной семантической области.

Принципы и методы идеографического описания могут использоваться и для составления небольших по объему тематических словарей, собранный и описанный языковой материал — в качестве справочных данных при чтении текстов социально-политического содержания, а также как дидактический фонд при разработке упражнений, полезных в преподавании лингвистических курсов, предполагающих знакомство с лексическим уровнем языковой системы.

Источники и принятые сокращения

1. Бирих, 1996 — *Бирих А. К.*, Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. — Ростов-н/Д : Феникс, 1996. — 352 с.
2. БСРЖ, 2001 — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 720 с.
3. БСРП, 2008 — Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 1026 с.
4. БТСРЯ, 1998 — *Большой* толковый словарь русского языка / Ин-т лингвист. исслед. ; авт., сост., глав. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : НОРИНТ, 1998. — 1535 с.

5. БУСРЯ, 2017 — *Морковкин В. В.* Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Словари XXI века, 2017. — 1456 с.
6. Иллюстров, 1915 — *Иллюстровъ И. И.* Жизнь русского народа въ его пословицахъ и поговоркахъ : сборник русскихъ пословицъ и поговорокъ. Издание 3-е, исправленное и дополненное / И. И. Иллюстровъ. — Москва : [б. и.], 1915. — 469 с.
7. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.ruscorpora.ru.
8. НСиЗ — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гоновоблева ; отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009.
9. СлРЯ XI—XVII — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. — Москва : Наука, 1975—2008.
10. СлРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века* / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. — Ленинград : Наука, 1984—1991. Вып. 1—6; Санкт-Петербург : Наука, 1992—2011.
11. СлРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
12. *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирев ; отв. ред. О. А. Платонов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2014. — 528 с.
13. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Т. 1—38. — Москва, Ленинград, Санкт-Петербург, 1965—2004.
14. ССМЖ, 2006 — *Грачев М. А.* Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. — Москва : Эксмо, 2006. — 672 с.
15. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1950—1965.
16. ТСРЯ XXI — *Толковый словарь русского языка начала XXI века* / под ред. Г. Н. Складневской. — Москва : Эксмо, 2008. — 1136 с.
17. Щетинина А. В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика / А. В. Щетинина. — Екатеринбург: Ажур, 2018. — 768 с.
18. Язык Совдепии, 1998 — *Мокиенко В. М.* Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальтер Х.* Прозвища как объект лексикографии (Предисловие05 / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Большой словарь русских прозвищ. — Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. — С. 5—27.
2. *Вишнякова О. Д.* Антропонимическое прозвище как индикатор оценочности в политическом дискурсе / О. Д. Вишнякова, В. А. Александрова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2017. — № 2. — С. 70—82.
3. *Воробьева О. И.* Политический язык : семантика, таксономия, функции : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. И. Воробьева. — Москва, 2000. — 382 с.

4. Глазырин В. А. Авторский идеографический словарь : теория и практика (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень») / В. А. Глазырин, Ю. В. Казарин // Лексикография и коммуникация — 2017 : сборник материалов III Международной научной конференции. — Белгород : Издательский дом «Белгород», 2017. — С. 25—31.

5. Еремина М. А. Идеографический словарь русской социальной лексики : Трудовые отношения. Традиция / М. А. Еремина. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 232 с.

6. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 25—53.

7. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи : «значение» и «смысл» / И. М. Кобозева // Язык о языке : сборник статей / под ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 304—359.

8. Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц / Л. П. Крысин // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — Москва : [б. и.], 1988. — С. 124—143.

9. Леонтьева Т. В. Обычай в русском языке : слово и понятие : монография / Т. В. Леонтьева. — Москва : Флинта, 2014. — 200 с.

10. Леонтьева Т. В. Идеографический словарь русской социальной лексики : общество и человек / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 554 с.

11. Мухина И. К. Проблемы формирования денотативно-идеографической группы, «Названия наций, народов» в идеографическом словаре синонимов / И. К. Мухина // Перевод и сопоставительная лингвистика. — 2015. — № 11. — С. 93—96.

IDEOGRAPHIC RECONSTRUCTION OF THE NOMINATIVE SET “FUNDAMENTALS OF POWER RELATIONS IN THE STATE”¹

© **Guo Lijun (2020)**, orcid.org/0000-0002-9711-4180, Doctor of Philology, associate professor, Department of Russian Language, School of International Studies, Sun Yat-sen University (Zhuhai, China), guolj5@mail.sysu.edu.cn.

© **Anna V. Shchetinina (2020)**, orcid.org/0000-0002-9085-8697, PhD in Philology, associate professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), anna-73.schetinina@yandex.ru.

The nominative set “Fundamentals of power relations in the state”, structured using the method of ideographic reconstruction, is considered. The relevance of the study is due to the lack of a comprehensive ideographic description of the socio-political vocabulary of the Russian language and the need for the planned development of each of its sectors. It is noted that the ideographic reconstruction of nominative sets that combine lexemes and idiomatic expressions makes it possible to systematically describe fragments of reality: relations

1 This article was prepared with the support of the Foundation for Fundamental Research at the “One Belt - One Road” (Sun Yat-sen University).

in the state, society, between individuals — in the form of frame constructions that reproduce the scheme of actions in real life. The language units for the study were extracted from modern and historical explanatory dictionaries of the Russian language, fixing vocabulary from the 11th to the 21st centuries. It is shown that the ideographic grid “Fundamentals of power relations in the state” is organized in the form of a “ladder” of ideograms, the levels of which (43 slots) reflect the branches of semantic subordination between groups of synonymous units that form series within each ideogram. The ideograms of the nuclear and circumnuclear zones, as well as those located on the near and far periphery are described. It is indicated that this field unites more than 1400 units: modern and obsolete tokens and idiomatic expressions. The conclusion is drawn about the scientific and methodological significance of the ideographic description of vocabulary in the aspect of studying both Russian and foreign languages.

Key words: method of ideographic reconstruction; socio-political vocabulary; semantics; ideogram; ideographic grid; lexicography.

MATERIAL RESOURCES

- Birikh, 1996 — Birikh, A. K., Mokiyenko, V. M., Stepanova, L. I. (1996). *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka*. Rostov-n/D: Feniks. (In Russ.).
- BSRZh, 2001 — Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (2001). *Bolshoy slovar' russkogo zhargona*. Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).
- BSRP, 2008 — Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *Bolshoy slovar' russkikh poslovits. Okolo 70 000 poslovits*. Moskva : OLMA Media Grupp. (In Russ.).
- BTSRYa, 1998 — Kuznetsov, S. A. (ed). (1998). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: NORINT. (In Russ.).
- BUSRYa, 2017 — Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutsкая, N. M. (2017). *Bolshoy universalnyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Slovare XXI veka. (In Russ.).
- Illyustrov, 1915 — Illyustrov, I. I. (1915). *Zhizn' russkogo naroda v yego poslovitsakh i pogovorokakh: sbornik russkikh poslovits i pogovorok*. Moskva: [b. i.]. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: www.ruscorpora.ru. (In Russ.).
- NSiZ — Butseva, T. N. (ed). *Novyye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 3 t.* Sankt-Peterburg: DMITRIY BULANIN, 2009. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V. (2018). *Ideograficheskiy slovar' russkoy sotsialnoy leksiki: gosudarstvo, vlast', vnutrennyaya politika*. Ekaterinburg: Azhur. (In Russ.).
- SIRYa — Evgenyeva, A. P. (ed.) (1999). *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.).
- SIRYa XI—XVII — Barkhudarov, S. G. i dr. (1975—2008). *Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- SIRYa XVIII — Sorokin, Yu. S. (ed.) (1984—1991, 1992—2011). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka, 1—6*. Leningrad: Nauka; Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Snegirev, I. M. (2014). *Russkiye narodnyye poslovitsy i pritchi*. Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P., Sorokoletov, F. P. (ed.) (1965—2004). *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1—38*. Moskva, Leningrad, Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- SSMZh, 2006 — Grachev, M. A. (2006). *Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).

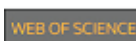
- SSRLYa — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* (1950—1965). Moskva; Leningrad: Izd. AN SSSR. (In Russ.).
- TSRYa XXI — Sklyarevskaya, G. N. (ed.) (2008). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka.* Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Yazyk Sovdeprii, 1998 — Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdeprii.* Sankt-Peterburg: Folio-Press. (In Russ.).

REFERENCES

- Glazyrin, V. A., Kazarin, Yu. V. (2017). Avtorskiy ideograficheskiy slovar': teoriya i praktika (na materiale knigi stikhotvoreniy O. E. Mandelshtama «Kamen'»). In: *Leksikografiya i kommunikatsiya — 2017: sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Belgorod: Izdatelskiy dom «Belgorod». 25—31. (In Russ.).
- Eremina, M. A. (2018). *Ideograficheskiy slovar' russkoy sotsialnoy leksiki: Trudovyye otnosheniya. Traditsiya.* Ekaterinburg: Azhur. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2005). Lingvokulturnyy tipazh «russkiy intelligent». In: *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokulturnyye tipazhi: sbornik nauchnykh trudov.* Volgograd: Paradigma. 25—53. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2000). Dve ipostasi sodержaniya rechi: «znachenie» i «smysl». In: *Yazyk o yazyke: sbornik statey.* Moskva: Yazyki russkoy kultury. 304—359. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1988). Sotsialnyy komponent v semantike yazykovykh yedinit. *Vliyaniye sotsialnykh faktorov na funktsionirovaniye i razvitiye yazyka.* Moskva: [b. i.]. 124—143. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (2014). *Obychay v russkom yazyke: slovo i ponyatiye: monografiya.* Moskva: Flinta. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (2018). *Ideograficheskiy slovar' russkoy sotsialnoy leksiki: obshchestvo i chelovek.* Ekaterinburg: Azhur. (In Russ.).
- Mukhina, I. K. (2015). Problemy formirovaniya denotativno-ideograficheskoy gruppy, «Nazvaniya natsiy, narodov» v ideograficheskom slovare sinonimov. *Perevod i so-postavitelnaya lingvistika, 11:* 93—96. (In Russ.).
- Valter, Kh., Mokiyenko, V. M. (2007). Prozvishcha kak obyekt leksikografii (Predisloviye). In: *Bolshoy slovar' russkikh prozvishch.* Moskva: ZAO «OLMA Media Grupp». 5—27. (In Russ.).
- Vishnyakova, O. D., Aleksandrova, V. A. (2017). Antroponimicheskoye prozvishche kak indikator otsenchnosti v politicheskom diskurse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya, 2:* 70—82. (In Russ.).
- Vorobyeva, O. I. (2000). *Politicheskiy yazyk: semantika, taksonomiya, funktsii: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).

Иоанесян Е. Р. Имплицитная оценка и аргументация / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 62—77. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-62-77.

Ioanesyan, E. R. (2020). Implicit Assessment and Argumentation. *Nauchnyi dialog*, 1: 62-77. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-62-77. (In Russ.).

УДК 81'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-62-77

ИМПЛИЦИТНАЯ ОЦЕНКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

© **Иоанесян Евгения Рафаэлевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-4950-6315, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), ioanevg@mail.ru.

Статья посвящена проблеме имплицитности. В качестве объекта изучения были выбраны предложения с союзом *но*, предложения с союзом *и*, предложения с кванторным словом *любой* (квантор общности) и предложения с конструкцией вида *не важно P(X)* (модус безразличия). Проанализированы типы оценок, которые могут имплицитно содержаться в таких предложениях. Исследование показало, что предложения с союзом *но* и предложения с союзом *и* часто содержат негативную или позитивную имплицитную оценку одного из участников описываемой в предложении ситуации. Установлено также, что в отличие от квантора общности в логике — $\Box xP(x)$, который означает, что «для всех x имеет место свойство P », в языке кванторные слова и слова модуса безразличия могут ориентировать не на всю шкалу X , а на крайние точки этой шкалы. Указанные особенности квантора *любой* и конструкций *не важно P(X)* определяют тип оценки, которая может имплицитно содержаться в высказываниях с этими единицами, и особенности их функционирования в аргументативном дискурсе. Актуальность исследования состоит в направленности на выявление имплицитных смыслов. В контексте современной лингвистики имплицитность является предметом интереса многих исследователей.

Ключевые слова: семантика; имплицитность; оценка; кванторные слова; модус безразличия; союзные конструкции; теория аргументации; аргументативный дискурс.

1. Вводные замечания

Работа посвящена теме имплицитности в языке. Объектом изучения были предложения четырех видов: предложения с союзом *но*, предложения с союзом *и*, предложения с кванторным словом *любой* (квантор общности) и предложения с конструкцией вида *не важно P(X)* (модус безразличия). Были исследованы типы имплицитных оценок, которые они могут содержать, а также функционирование указанных предложений в аргументативном дискурсе.

В работе мы опирались на положения теории аргументации, разработанной французскими лингвистами Ж. К. Анскомбром, О. Дюкро,

Кл. Оливье [Anscombe, 1985; Anscombe et al., 1983; Ducrot, 1980; Ducrot et al., 1980; Olivier, 1985]. Аргументативному аспекту высказывания посвящено много научных исследований, см., например, работы [Баранов, 1990; Васильев, 2016; Мысль ..., 2006; Ракка, 2011; Фанян и др., 2017]. Основной идеей теории аргументации является тезис о том, что высказывание часто обладает аргументативным значением: для высказывания иметь аргументативное значение равносильно ориентированию собеседника в определенном направлении. Теория аргументации занимается изучением вопроса о том, как функционирует язык для того, чтобы убеждать адресата, как язык маркирует то имплицитное содержание, на базе которого осуществляется акт аргументации (см. также определение аргументативного акта в [Баранов, 1987, с. 13]). Принципиальным моментом в теории аргументации является положение о том, что аргументативное значение не совпадает с такими компонентами, как презумптивный, ассертивный и имплицативный: логические и аргументативные импликации часто не совпадают; к тому же аргументативное значение могут иметь единицы, не имеющие логических импликаций. Аргументативное значение не является также имплицатурой дискурса: его нельзя вывести из значения единицы на основе речевых постулатов Г. П. Грайса, Д. Гордона и Дж. Лакоффа [Грайс, 1985; Гордон и др., 1985]. Аргументативная ориентация высказывания определяется наличием во фразе определенных единиц — лексем, союзов, грамматических конструкций, маркеров статуса предложения (например, утвердительного или вопросительного) и т. д. Аргументативное значение высказываний часто содержит в себе оценочное суждение.

2. Основные положения

2.1. Конструкции с союзом *но*.

В одном из своих значений союз *но* выступает маркером противопоставления двух аргументов, ориентированных на противоположные выводы (см. [Иоанесян, 2011; Санников, 2008]). При аргументировании конструкции вида *P, но Q* используются для выводов, основанных на истинности компонента *Q*. Ср. (1) *Комната маленькая (P), но удобная (Q)*; возможная аргументативная ориентация предложения, базирующаяся на компоненте *Q*, — ‘комната нам подходит’. (2) *Комната удобная (P), но маленькая (Q)*; возможная аргументативная ориентация предложения — ‘комната нам не подходит’. Предложения с союзом *но* часто содержат негативную или позитивную имплицитную оценку одного из участников описываемой в предложении ситуации. В качестве примера рассмотрим конструкции вида *P, но кто (P)? P, но кому (P)? P, но как (P)? P, но сколь-*

ко (P)? P , но какой ценой P ? и т. п. В зависимости от характера предиката P и его актантов подобные конструкции могут ориентировать на негативную или положительную оценку одного из его актантов.

Мы выделили несколько классов предикатов, присутствие которых определяет знак оценки высказывания. Ниже приводятся наиболее часто встречающиеся конструкции.

А. Предикат P обозначает положительную или нейтрально оцениваемую ситуацию, например: *выиграть у кого-то, достичь чего-то, иметь что-то* и т. п. В этом случае предложения P , но кто (P)? P , но кого (P)? P , но как (P)? P , но сколько (P)? и т. п. ориентируют на вывод о негативной оценке говорящим соответствующего актанта глагола P . Например: (1) *Победить победил, но какой ценой?* (Виктор Некрасов. Саперлипопет (1983)) [НКРЯ]; имплицитная оценка — ‘слишком большой ценой’. (2) *Если верить производителям, есть и концентрированный березовый сок, но сколько его от общей массы?* (Александра КРЫЛОВА. В Подмосковье можно собирать березовый сок: Прошу к стволу! // Комсомольская правда, 2012.04.26) [Там же]; имплицитная оценка — ‘мало’. Негативная оценка может быть эксплицирована в следующем предложении, например: (3) *Да, они, конечно, защитили республику, отбили вражеский натиск. Но какой ценой? Ценой собственной жизни!* (Анатолий Гладилин. Большой беговой день (1976—1981)) [Там же]. (4) *Согласен — на защиту граждан никаких денег не жалко. Но кому они пойдут? Тем же генералам, которые не сумели предотвратить столько кровавых терактов за десять дней?* (ЧЕМ ВАС ОБРАДОВАЛ И ЧЕМ ОГОРЧИЛ ТЕЛЕЭКРАН НА МИНУВШЕЙ НЕДЕЛЕ? // Труд-7, 2004.09.23) [Там же]. (5) *Да, «Бавария», потратившаяся на усиление состава, крупно выиграла. Да, голы забила именно те, на кого эта роль и возлагалась. Но у кого выиграли, кому забили?* «Энерги» <...> считается одним из главных претендентов на вылет (Александр Левит. Кобиашвили открыл немецкий сезон // Советский спорт, 2007.08.13) [Там же]. Количество предложений указанного типа в корпусе [НКРЯ] в несколько раз превышает количество предложений, рассматриваемых ниже.

Б. Предикат P обозначает агрессивный акт, например: *убить, украсть, обмануть, дать пощечину, вынести приговор* и т. п. В этом случае предложения P , но кого (P)? P , но у кого (P)? P , но к кому (P)? и т. п. ориентируют на вывод о негативной оценке говорящим соответствующего актанта глагола P , которая часто получает эксплицитное выражение в следующем высказывании. Например: (1) *Он убил, но кого? Негодяя и садиста.* (2) *Он всегда был беспощаден, но к кому? Продажным чиновникам и взяточникам.* (3) *Она украла, но у кого? Известного мародера* и т. п. Аргументатив-

ное значение таких высказываний близко к оправданию действий субъекта агрессии.

Предложения *Р, но кто (Р)?* с предикатами указанного типа часто содержат негативную оценку субъекта действия *Р*: — *Ладно, пускай я дезертир, но кто мне выговор выносит?* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960) [НКРЯ]: слова *кто мне выговор выносит?* содержат имплицитную оценку ‘выговор вынесли недостойные люди’.

В. Предикат *Р* обозначает какой-нибудь промах, неудачу, проигрыш, например: *провалиться на экзаменах, проиграть (партию, матч), уступить* (кому-л. в чем-либо) и т. п. Предложения *Р, но кому (Р)? Р, но куда (Р)? Р* и т. п. ориентируют на вывод о высокой оценке говорящим соответствующего актанта глагола *Р*: (1) *В решающем матче Кубка они уступили, но кому?* Имплицитная оценка — ‘сильному сопернику’. Часто указанная имплицитная оценка получает эксплицитное выражение в следующем предложении: (2) *Он провалился на вступительных экзаменах, но куда? На мехмат.* (3) *Выступаем достойно, а три года назад по своей зоне «Север» мы даже заняли первое место. Другое дело, что дальше не продвинулись — проиграли. Но кому? Команде «Сатурн» из Раменского, в составе которой были игроки, блиставшие когда-то в первенстве* (Виктор Лихачев. Вести со спортивных арен (2003) // «Встреча» (Дубна) [НКРЯ]. Ср. этот пример (‘проиграли сильной, достойной команде’) и приведенную выше в п. А конструкцию с антонимичным глаголом *выиграть* — *выиграли, но у кого* (предложение (5)), содержащую негативную оценку соперника: ‘выиграли у слабой команды’.

Ввиду ограниченности объема отметим лишь, что конструкции вида *Р, но кто (Р)! Р, но кому (Р)! Р, но как (Р)! Р, но сколько (Р)! Р, но какой ценой Р!* и т. п. могут имплицировать как положительную, так и негативную оценку соответствующего актанта предиката *Р*. Например: (1) *Юный Эрик Горин <...> приходит в аспирантуру к маститому ученому и говорит, что хочет стать физиком. Он им и становится, но какой ценой!* (Р. М. Фрумкина. О нас — наискосок (1995)) [НКРЯ]; негативная имплицитная оценка — ‘слишком большой ценой’. (2) *Кажется — все говорят — удалось. Но какой ценой! Несчастные семь страниц на машинке выбили из сна; три дня я жила с мигренью, с горячим лицом, обожженными изнутри глазами — больная, потерянная* (Л. К. Чуковская. Иосиф Бродский (1963—1972)) [НКРЯ]; негативная имплицитная оценка, эксплицитированная в следующем предложении. (3) *<...> оба поставили перед собой задачу воспроизвести этот удивительный ансамбль и воспроизвели — Гусев скопировал, а Холдин сфотографировал, но как сфотографировал! Всё до*

мелочей рассчитал, и на его фотографиях нет ни малейшего искажения красок и цвета (Л. В. Носырев. Подсолнух для «Антошки» я взял из своего детства (2015)) [Там же]; положительная имплицитная оценка, эксплицированная в следующем предложении.

2.2. Конструкции с союзом *и*

В предложениях с союзом *и*, в которых оба суждения аргументативно коориентированы, тоже может содержаться имплицитная оценка. Так, например, конструкции вида *Р, и кто (Р)! Р, и как (Р)! Р, и где (Р)!* часто ориентируют на вывод о высокой (положительной) оценке говорящим соответствующего актанта предиката *Р*: (1) *Поймите, что здесь, в Городе, он набрал бы пятидесятитысячную армию, и какую армию!* (Михаил Булгаков. Белая гвардия (1924)) [НКРЯ]; имплицитная оценка — ‘сильную армию’. (2) *Маленький улан сразу почувствовал, что он, как никогда, в голо-се, и розоватая гостиная наполнилась действительно чудовищным ураганом звуков, пел Шервинский эпиталаму богу Гименею, и как пел!* (Михаил Булгаков. Белая гвардия (1924)) [Там же]; имплицитная оценка — ‘прекрасно пел’. Имплицитная оценка, как и в случае с союзом *но*, может эксплицироваться в следующем предложении: *Весь нижний этаж теткин-го дома был занят рестораном, и каким рестораном! По справедливости он считался самым лучшим в Москве* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929—1940)) [НКРЯ].

Конструкции другого вида — *Р, и кто (Р)? Р, и как (Р)? Р, и где (Р)?* и т. п., могут имплицитировать негативную оценку соответствующего актанта предиката *Р*. В одном случае это может быть низкая оценка положения человека, участника ситуации *Р*, например: *<...> и вот теперь он, этот самолюбивый и самоуверенный человек, повержен во прах и — кем? — За эту твою дерзость мы тебе, душа, воздадим!..* — добавил он. — *Да уж, наверно, не спустите, — согласился наборщик* (Максим Горький. Озорник (1897—1898)) [НКРЯ]. «Самолюбивый и самоуверенный человек» получил отпор от «простого наборщика» — имплицитно выраженная низкая оценка статуса человека, посмевшего ему возразить. В другом случае это может быть оценка места осуществления *Р* как совершенно неподходящего для подобного действия, как, например, исполнение песни «подпольной группы» на конкурсе песни в пионерском лагере: *Ничего себе, это же знаменитые «Марионетки», песня подпольной группы «Машина времени»! И где? На конкурсе песни в пионерском лагере! Ну, сейчас их уроют, как пить дать, у нас в школе даже на танцах директриса запрещала подобное играть* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)) [Там же].

2.3. Квантор общности

В логике квантор общности $\Box xP(x)$ интерпретируется следующим образом: «для всех x имеет место свойство P » [ФЭС, с. 253]. В языке лексем, соответствующие квантору общности (далее — кванторные слова), представлены такими единицами, как *любой, всякий, как угодно, какой угодно, что угодно, когда угодно, где угодно* и т. п. Использование этих единиц в речи, в соответствии с вышеприведенным определением, означает, что говорящий ставит знак равенства между разными элементами множества X (между X_1, X_2, X_3 и т. д.). Например: (1) *Согласно этому закону в обций трудовой стаж включалась любая работа, подлежащая социальному страхованию* (Пенсионное обеспечение шахтеров России // «Горная промышленность», 2003.06.25) [НКРЯ]. (2) *Общая система нуждается в адаптации, так как любой человек индивидуален* (Йога с точки зрения рукопашника // «Боевое искусство планеты», 2004.09.09) [Там же]. Но в действительности семантика кванторных слов гораздо сложнее: существует целый класс высказываний с кванторными словами, которые свидетельствуют об ориентации говорящего не на всю шкалу X , а только на крайние точки этой шкалы — на самое большое или на самое маленькое значение некоторого признака или параметра, на положительный или отрицательный полюс шкалы. Например: (1) *В условиях безработицы <...> люди соглашались порой на любую работу и любые оклады* [‘на самую тяжелую работу, на самые низкие оклады’] (Татьяна Иванова. Где рыбаку найти ответ? В книге «Русские под флагом»! // «Рыбак Приморья», 2003.01.23) [Там же]. (2) *Она заплатит любой гонорар, если понадобится* [‘самый большой гонорар’] (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977) [Там же]. (3) *Любая царапина приводила его в состояние паники — нужно было срочно мазаться йодом* [‘самая незначительная царапина’] (Денис КОРСАКОВ. Владимир Маяковский: «Лучше застрелиться, чем общаться с дураками!» // Комсомольская правда, 2013.07.19) [Там же]. (4) *В любой мороз иди, и валенок не надо* [‘в самый сильный мороз’] (Г. Я. Бакланов. Навеки девятнадцатилетние (1979) [Там же].

Таким образом, высказывания с кванторными словами вида *любой X* могут содержать имплицитную оценку, соотносящуюся с крайними полюсами шкалы X : самый большой — самый маленький, самый трудный — самый легкий, самый умный — самый глупый и т. п. Это объясняет, например, возможность использовать в качестве аргумента в пользу утверждения о том, что для англичан свой дом представляет самую большую ценность, и фразу (1), и фразу (2): (1) *Собственный кров — вот цель, ради которой английская семья готова идти на любые жертвы* (В. В. Овчинников. Ка-

лейдоскоп жизни (2003)) [НКРЯ]. (2) *Собственный кров — вот цель, ради которой английская семья готова идти на самые большие жертвы.*

Имплицитная оценка может быть продублирована на поверхностном уровне, например: (1) *По законам жанра героя детектива положено выходить сухим из воды в любых, самых безнадежных ситуациях* (Читая Бориса Акунина (2003) // «Вестник США», 2003.07.23) [НКРЯ]. (2) *В памяти возникли герои книг Джека Лондона: мужественные, сильные, выносливые мужчины, неизменно выходившие победителями из любых, самых жестоких схваток с Севером* (Георгий Жженов. Прожитое (2002)) [Там же]. (3) *Беда этого уравнения в том, что любая, самая ничтожная погрешность в расчете не меняет приемлемый, ожидаемый результат, а уничтожает его вовсе* (Александр Терехов. Каменный мост (1997—2008)) [Там же].

Мы выделили шесть типов шкалы, с которой может соотноситься имплицитная оценка высказываний с кванторными словами.

1. Шкала параметрических признаков — величина, длина, ширина и т. п. Конструкции с кванторами ориентированы, соответственно, на значения ‘самый большой’ — ‘самый маленький’, ‘самый длинный’ — ‘самый короткий’, ‘самый широкий’ — ‘самый короткий’ т. п. (см. выше *заплатит любой гонорар, соглашаются на любые оклады* и т. п.). 2. Шкала общеоценочных признаков — ‘хороший’ / ‘плохой’. Конструкции с кванторами ориентированы на значения ‘самый хороший’ — ‘самый плохой’: (1) *Занятия проходили при любой погоде* [‘даже при самой плохой погоде’]; (2) *Сokolov может купить любую квартиру в любом районе Москвы* [возможная имплицитная оценка — ‘самую лучшую квартиру, в самом лучшем районе Москвы’]. 3. Шкала частнооценочных признаков — ‘терпение’, ‘важность’, ‘доверчивость’, ‘смелость’ и т. п. Конструкции с кванторами ориентированы на значения ‘самый терпеливый’ — ‘самый нетерпеливый’, ‘самый важный’ — ‘самый неважный’ и т. п.: (1) *Он так уверенно говорил, что любой ему поверил бы* [‘поверил бы самый недоверчивый’]; (2) *Ради него она отложит любую работу* [‘даже самую важную’]; (3) *Она без конца звонила ему, по поводу и без повода, тут уж любому надоест* [‘надоест самому терпеливому’]. 4. Шкалы параметрических, общеоценочных или частнооценочных признаков, на которых крайние полюсы (или один из них) имеют языковое обозначение. Для шкалы параметрических признаков, например, это лексемы *великан, богатырь, гренадер, карлик, букашка* и т. п.: (1) *Болезнь, которая любого богатыря в могилу сведет* [‘тяжелая болезнь’]; *богатырь* — шкала «Здоровье» и «Сила»]; (2) *Он тонкий, как глиста, через любую щель в заборе пролезал* (Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)) [НКРЯ]; *щель* — крайний полюс шкалы «Ширина»];

(3) *Это был, конечно, директор, это был его голос, который любого храбреца в одну секунду превращал в кроткую овечку* (Владимир Железников. Жизнь и приключения чудака (1974)) [Там же]; [шкала «Смелость — Трусость»] и т. п. 5. Иерархическая шкала. Конструкции с кванторами ориентированы на значения ‘высшая позиция в какой-либо структуре / сфере’ (президент, академик, начальник) — ‘низшая позиция в какой-либо структуре / сфере’ (уборщица, дворник, инженер), например, *простой инженер, который любого академика за пояс заткнет* [‘очень знающий, компетентный’]. 6. Эталоны. Существует также целый класс единиц, которые представляются эталонными носителями каких-то свойств, способностей умений и т. п.: врач хорошо лечит, математик хорошо считает, скальпель хорошо режет, у собаки прекрасное чутье, валериана прекрасно успокаивает, манекенщица обладает прекрасными внешними данными и т. п. Конструкции вида *S делает что-либо лучше / не хуже любого X, S лучше / не хуже / умнее, чем любой X* и т. п. усиливают эксплицитно выраженную высокую оценку актанта S — его самого, его действий, его состояния, эффективности и т. п.: *ставить диагноз лучше любого врача* [‘ставить диагноз очень точно’], *считать лучше любого математика* [‘считать очень хорошо’], *успокаивать лучше любой валерианы* [‘очень хорошо успокаивать’] и т. п. Например: (1) *<...> лучше любого лодмана он знал нагонные течения, фронты столкновения ветров* (Александр Иличевский. Перс (2009)) [НКРЯ]. (2) *Вообще их даже нельзя сравнивать. Леди Ди — красавица по чине любой манекеницы* (Фото АП. «Лишь Камилла умеет так возбудить принца Чарльза» // Комсомольская правда, 2005.04.06) [Там же].

Отметим, что высказывания с конструкциями вида «любой + слово-эталон» могут содержать и имплицитную оценку, например: *В ту же секунду у принявшего его обострилось обоняние, да так, что любая собака может просто отдохнуть* (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)) [НКРЯ] [≈ ‘обоняние становилось очень острым, сильнее, чем у собаки’].

Конструкции вида *S делает что-л. хуже любого X, S хуже / опасней, чем любой X* и т. п. усиливают эксплицитно выраженную негативную оценку актанта S — его самого, его действий, его состояния и т. п. Например: (1) *Это зверье! Они неизлечимы, и они опаснее любого зверя!* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Обитаемый остров (1967—1969)) [НКРЯ]. (2) *<...> пропади она пропадом, такая воля, если она в тысячу раз хуже и страшней любой тюрьмы* (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)) [Там же].

В качестве эталонов могут выступать также конкретные люди, персонажи литературных произведений, организации и т. п.: Клаудиа Шиф-

фер — как известная красавица и модель, Андропов — как председатель КГБ, ОБХСС — как беспощадный борец с хищениями, Лекок — как известный сыщик из романа Э. Габорио и т. д. Ср. приведенное выше предложение *Леди Ди — красавица почище любой манекеницы* и предложение *Леди Ди — красавица почище любой Клаудии Шиффер*, в котором в качестве эталона выступает конкретный человек. Приведем другие примеры с эталонами рассматриваемого типа: (1) *Собственник сам у себя не крадет, он бдительнее любого ОБХСС следит за происками воров и является против них лучшим гарантом* (Павел Бунич. Есть ли выход? // «Огонек». № 7, 1991) [НКРЯ]. (2) *И эта шваль для меня — страшнее любого Андропова* (Сергей Довлатов. Марш одиноких (1982)) [Там же]. (3) — *Теперь я уверен, что убийца будет отыскан. — Я тоже! Это, я тебе скажу, чище, чем любой Лекок: все найдет и докажет* (А. Е. Зарин. В поисках убийцы (1915)) [Там же].

Объекты, которые представляются эталонными носителями каких-то свойств, в картине мира разных языков могут не совпадать. Так, явно лингвоспецифичными являются привычные для нас образы ежа как тугодума или извозчика как грубого сквернословя. См., например: (1) *Голый сюжет, понятный любому ежу!* (Владимир Рецептер. «Эта жизнь неисправима...» (Записки театрального отщепенца) (2001)) [НКРЯ]. (2) *Оказывается, здесь могут ругаться почище любого извозчика* (Лебедина Любовь. ШУТ С ВАМИ! // Труд-7, 2001.05.19) [Там же]. Помимо закрепленных в языке, существует также большое количество авторских эталонов, например: (1) *<...> и мы уходим теперь в тот же лес, сиречь в народ, который для нас глух и темен не хуже любого леса!* (И. С. Тургенев. Новь (1877)) [Там же]. (2) *Настя была в селе Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии* (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830)) [Там же].

Значение имплицитной оценки, содержащейся в высказываниях с кванторами, определяется семантикой и валентной структурой глагола, управляющего сочетанием с кванторным словом. Так, например, у одного класса глаголов ориентация сочетаний вида *любой X* может быть направлена на противоположные полюса в зависимости от того, какую валентность глагола это сочетание заполняет. Ср., например, фразы (1) и (2), (3) и (4), (5) и (6): (1) *В сборной России собраны великие мастера, которым по силам обыграть любого соперника* (Кирилл Планкин. «Сюрпризов от Биллетдинова на Олимпиаде в Сочи ждать не стоит» // Известия, 2014.02.11) [НКРЯ]; [‘обыгрывает даже самого сильного’ — объект]; (2) *Если у нас не будет самоотдачи, нас сможет обыграть любой соперник* (Игорь ЕМЕ-

ЛЬЯНОВ. Полузащитник Марат Измаилов: Я восхищаюсь Че Геварой // Комсомольская правда, 2002.04.13) [Там же] [‘обыграет даже самый слабый’ — субъект]. (3) *На его месте любой бы пришел в отчаяние* [‘даже самый стойкий’]; (4) *Он приходит в отчаяние от любой неудачи* [‘даже самой маленькой, незначительной неудачи’]. (5) *Хирургическое вмешательство ослабляет любого человека* [‘даже самого сильного, крепкого человека’]; (6) *Любое хирургическое вмешательство ослабляет человека* [‘даже самое легкое’].

Имплицитная оценка, которая часто содержится в высказываниях с кванторами, определяет особенности их функционирования в аргументативном дискурсе. Приведем несколько простых примеров: (1) *Тут любой испугается* (Андрей Житков. Супермаркет (2000)) [НКРЯ]. (2) *Петрович, он любого может убедить* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)) [Там же]. Такие предложения могут выступать аргументом для выводов следующего вида: ‘это — серьезная угроза’; ‘это напугает и самого смелого человека’ (пример (1)), ‘Петрович обладает большим даром убеждения’, ‘это убедит и самого недоверчивого’ (пример (2)).

2.4. Модус безразличия

Модус безразличия включает такие единицы, как *не важно, все равно, безразлично* и т. п. Собственно говоря, *любой, кто угодно, какой угодно* и т. п., то есть универсальные кванторные единицы, тоже можно рассматривать как относящиеся к модусу безразличия: их использование означает, что в определенном отношении автор высказывания ставит знак равенства между объектами данного класса. Иными словами, в значении кванторных единиц типа *любой* наличествует смысл ‘безразлично’. Интересно, что близость ‘всеобщности’ и ‘безразличия’, которая представляется нам логически очевидной, находит свое подтверждение в семантическом развитии французского глагола *importer*. В конце 16 века у этого глагола зафиксировано значение ‘быть важным, иметь значение’: «1543 trans. «concerner, être de conséquence pour (qqn, qqc.)» [TR]. В середине 18 века у конструкции *n’importe quoi / qui / comment...* — ‘не важно, безразлично, что / кто / как...’ отмечается значение ‘любой’: «(mil. XVIIIe) N’IMPORTE QUI, QUOI. Une personne, une chose quelconque, qui, quoi que ce soit. *N’importe qui pourrait entrer*» [PR, p. 876]. Например: (1) *Il fallait désormais considérer cette ville comme n’importe quelle autre ville étrangère* (Patrick Modiano. Quartier perdu (1985). Отныне мне надо смотреть на этот город как на любой другой чужеземный город [НКРЯ]. (2) *Tout est possible avec ça... N’importe lequel de vos désirs peut être exaucé* (Patrick Modiano. Quartier perdu (1985). Она открывает безграничные возможности... Любое ваше желание будет испол-

нено [Там же]. Модальный смысл ‘безразлично’, объединяющий универсальные кванторные единицы и единицы типа *не важно, все равно, безразлично*, лежит в основе частичного сходства их аргументативных свойств (см. ниже).

Использование выражения *НЕ ВАЖНО P(X)* [косвенный вопрос] свидетельствует о том, что для говорящего / носителя авторской точки зрения альтернативы $P(X_1)$, $P(X_2)$ или $P(X_3)$ и т. д. равноценны, говорящему, так сказать, «все равно». Например: *Наше высшее решение, наше спасение, — писал он, — состоит в том, чтобы <...> уяснить, каково наше искреннее отношение к каждой и любой вещи. Не важно, каким это отношение может быть — мудрым или глупым, позитивным или негативным* (Э. Ю. Соловьев. Экзистенциализм // Вопросы философии, 1966, № 3, 1967, № 1, 1966) [НКРЯ]. При подобном способе аргументирования говорящий не выделяет какой-либо из альтернативных вариантов.

Однако реальное употребление выражения *НЕ ВАЖНО P(X)* свидетельствует о том, что в нем часто содержится имплицитная оценка. Использование конструкций *НЕ ВАЖНО P(X)* в подобной функции очень многообразно, остановимся на одном классе употреблений указанной конструкции. Высказывания с конструкциями вида *не важно кто / где / какой X* часто ориентированы на отрицательный полюс шкалы, имплицитно негативную оценку компонента *X*. В тех случаях, когда объекты класса *X* выстроены по шкале общеоценочных признаков «хороший» — «плохой», конструкция ориентирует на значение ‘самый плохой’, если по иерархической шкале — на значение ‘самый низкий статус’ и т. п. Например: (1) *Она с детства мечтала выйти замуж, не важно за кого, лишь бы уйти из этого дома.* (2) *Не важно, в каком виде, но бандероли все-таки доходили.* Ориентация на отрицательный полюс шкалы подтверждается возможностью введения дополнения с союзом *хоть*, например: (1) *Срочно нужен узбек. Причем любого качества, хоть тунядец* (Сергей Довлатов. Чемодан (1986)) [НКРЯ]. (2) *Она с детства мечтала выйти замуж, не важно за кого, хоть за простого работника (*хоть за бизнесмена), лишь бы уйти из этого дома.* (3) *Ему срочно нужно какое-нибудь жилье, не важно где, хоть в коммуналке.*

Если объекты класса *X* выстраиваются по шкале «Величина» с полюсами ‘большой’ — ‘маленький’, то конструкция *НЕ ВАЖНО P(X)* ориентирует на тот полюс шкалы, который оценивается для данного *X* негативно. Так, низкая зарплата, небольшое количество денег у человека оцениваются отрицательно, и конструкции вида *не важно, какая зарплата, не важно, сколько денег* ориентированы на полюс ‘маленький’, имплицитно значе-

ние ‘низкая зарплата’, ‘мало денег’ и т. п. Например: (1) *Он готов работать сутками, не важно сколько будут платить* [‘готов работать и за небольшое вознаграждение’]. (2) *Он всегда дарил ей роскошные букеты цветов, не важно, сколько у него было денег* [‘даже если у него было мало денег’]. Напротив, высокая стоимость чего-либо, большое количество усилий, которые необходимо приложить для достижения цели, оцениваются отрицательно. В терминах А. Н. Баранова, это гомеостатические оценки, суждения о достаточности или недостаточности чего-либо для достижения цели [Баранов 1990, с. 29]. Конструкции вида *не важно, каких усилий это потребует, не важно, сколько это стоит* и т. п. ориентированы на полюс ‘большой’, имплицитно значение ‘большое количество усилий’, ‘высокая цена’ и т. п. Например: (1) *Он всегда добивался своих целей, не важно, каких усилий это требовало*. (2) *Он всегда дарил ей роскошные букеты цветов, не важно, сколько это стоило*. (3) *Не важно, по каким ценам, но в магазинах было все*.

Направленность конструкций НЕ ВАЖНО Р(Х) на отрицательный полюс шкалы определило, как представляется, развитие значения ‘не очень хороший, плохой’ у русского прилагательного *неважный* и значения ‘не очень хорошо, плохо’ у наречия *неважно*. Показательно, что в процессе развития языка у французских конструкций *n’importe quoi/quel/comment* и т. п., о которых мы писали выше, тоже появилось значение отрицательного полюса шкалы: «*C’est dur, hein, de se sentir n’importe qui?* (Sartre), *une personne insignifiante* [PR, p. 876]», ‘Ну что, неприятно ощущать себя ничтожеством? (Сартр), ничтожным человеком’; *se sentir n’importe qui* — букв. ‘ощущать себя не важно кем’. См., например, переводы русских выражений, несущих негативную оценку, на французский язык: (1) *Стены были небрежно обиты фанерой* (Сергей Довлатов. Заповедник (1983)). *Les murs sont tapissés de contreplaqué cloué n’importe comment*. [НКРЯ]. (2) — *Мандельштама я не знаю, — сказал Дрелинг, — а Хлебников — это маразм* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960)). — *Mandelstam, connais pas, rétorqua Dreling. Quant à Khlebnikov, c’est vraiment n’importe quoi!* [Там же].

3. Выводы

Итак, объектом нашего исследования были предложения четырех типов: предложения с союзом *но*, маркирующим противопоставление аргументативной силы двух суждений, предложения с союзом *и*, указывающим на одинаковую аргументативную направленность двух суждений, предложения с кванторным словом *любой* (квантор общности) и предло-

жения с конструкцией вида *не важно* $P(X)$ (модус безразличия). Нашей целью было изучение того, каким образом языковые элементы, имеющие логические прототипы (союз *но*, союз *и*, кванторы *любой* и *не важно, какой*) могут применяться для оценки, то есть базовой мыслительной операции, предполагающей сравнение и расположение на шкале. Как показало исследование, предложения с союзом *но* и союзом *и* часто содержат имплицитную оценку одного из участников описываемой в предложении ситуации. Использование конструкций вида *любой* X в речи, в соответствии с определением квантора общности, означает, что говорящий ставит знак равенства между разными элементами множества X (между X_1 , X_2 , X_3 и т. д.). Однако существует класс высказываний с этим словом, которые свидетельствуют об ориентации говорящего не на всю шкалу X , а только на крайние точки этой шкалы — на самое большое или на самое маленькое значение некоторого признака или параметра, на положительный или отрицательный полюс шкалы. Конструкции вида *не важно* $P(X)$, тоже не предполагающие выделения какого-либо элемента множества X , часто ориентированы на отрицательный полюс шкалы. Указанные особенности квантора *любой* и конструкций *не важно* $P(X)$ определяют тип оценки, которая может имплицитно содержаться в высказываниях с этими единицами, и особенности их функционирования в аргументативном дискурсе.

Как представляется, актуальность исследования состоит в том, что оно направлено на выявление и толкование имплицитных смыслов. В контексте современной лингвистики имплицитность, восходящая к субъективности в языке, о которой писал Эмиль Бенвенист, является предметом интереса многих исследователей. См., например, в [Падучева, 2011] подробный анализ так называемых эгоцентриков, таких как субъект речи, субъект дейксиса, субъект сознания и другие фигуры второго плана, часть из которых не выражены и не могут быть выражены синтаксически.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/new>.
2. ФЭС — *Философский энциклопедический словарь* / ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
3. PR — Robert P. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. — Paris : Dictionnaire LE ROBERT, 1970. — 1967 p.
4. TR — *Le Trésor de la langue française informatisé* [Electronic resource]. — Access mode : <http://atilf.atilf.fr>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореферат диссертации доктора филологических наук / А. Н. Баранов. — Москва, 1990. — 46 с.
2. Баранов А. Н. Эксплицитный модус в аргументативном диалоге / А. Н. Баранов // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. — Москва : Наука, 1987. — С. 13—17.
3. Васильев Л. Г. Проблема речевого воздействия: отечественные и зарубежные подходы / Л. Г. Васильев. — Калуга : Калужский государственный университет, 2016. — 151 с.
4. Гордон Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 16. — С. 276—302.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 16. — С. 217—237.
6. Иоанесян Е. Р. Аргументативные значения языковых единиц (на материале русского и французского языков) / Е. Р. Иоанесян. — Москва : Институт языкознания РАН, 2011. — 219 с.
7. Иоанесян Е. Р. Об одном виде имплицитной оценки / Е. Р. Иоанесян // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: (15—17 октября 2019 г.). — Екатеринбург : Ажур, 2019. — С. 24—26.
8. Мысль: Аргументация : сборник статей / под ред. А. И. Мигунова, Е. И. Лисанюк. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2006. — Вып. 6. — 272 с.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — 480 с.
10. Ракка П. И. Семантическое описание лексики : как эффективно помочь интуиции? / П. И. Ракка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2011. — Том 9, выпуск 2. — С. 96—120.
11. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 624 с.
12. Урысон Е. В. Семантика союза НО: данные языка о деятельности сознания / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 2006. — № 5. — С. 22—42.
13. Фанян Н. Ю. Лингвистическая аргументация как новая дисциплина / Н. Ю. Фанян, Л. Г. Васильев // Вестник Удмуртского Университета. Серия: История и филология. — 2017. — Том 27, выпуск 3. — С. 779—783.
14. Anscombre J.-C. De l'énonciation au lexique: mention, citativité, délocutivité / J.-C. Anscombre // Langages. — 1985. — № 80. — P. 9—35.
15. Anscombre J.-C. L'argumentation dans la langue / J.-C. Anscombre, O. Ducrot. — Bruxelles : Mardaga, 1983. — 184 p.
16. Ducrot O. Dire et ne pas dire. Principes de sémantique linguistique / O. Ducrot. — Paris : Hermann, 1980. — 311 p.
17. Ducrot O. Les mots du discours / O. Ducrot, D. Bourcier, S. Bruxelles. — Paris : Ed. de Minuit, 1980. — 241 p.
18. Ducrot O. Operateurs argumentatifs et visée argumentative / O. Ducrot // Cahiers de linguistique française. — 1983. — № 5. — P. 7—36.
19. Olivier CL. L'art et la manière. Comment dans les stratégies discursives / Cl. Olivier // Langages. — 1985. — № 80. — P. 71—98.

IMPLICIT ASSESSMENT AND ARGUMENTATION

© Evgeniya R. Ioanesyan (2020), orcid.org/0000-0002-4950-6315, Doctor of Philology, leading research scientist, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ioanevg@mail.ru.

The article is devoted to the problem of implicitness. As an object of study, sentences with a conjunction *but*, sentences with a conjunction *and*, sentences with a quantifier word *any* (a quantifier of generality) and sentences with a construction of the form *not important P(X)* (modus of indifference) were selected. The types of evaluations that may be implicitly contained in such sentences are analyzed. The study showed that sentences with a conjunction *but* as well as sentences with a conjunction *and* often contain a negative or positive implicit assessment of one of the participants in the situation described in the proposal. It was also established that, in contrast to the generality quantifier in logic — $\forall xP(x)$, which means that "property P takes place for all x", in the language the quantifier words and the words of the mode of indifference can focus not on the whole scale X, but on the extreme points of this scale. The indicated features of the quantifier of *any* of the constructions *not important P(X)* determines the type of assessment that can be implicitly contained in statements with these units, and the features of their functioning in the argumentative discourse. The relevance of the study is aimed at identifying implicit meanings. In the context of modern linguistics, implicitness is the subject of interest of many researchers.

Key words: semantics; implicitness; assessment; quantifier words; modus of indifference; conjunctive structures; theory of argumentation; argumentative discourse.

MATERIAL RESOURCES

- fES — Ilichev, L. F., Fedoseev, P. N., Kovalev, S. M., Panov, V. G. (eds). (1983). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new>. (In Russ.).
- PR — Robert, P., Rey-Debov, J., Rey, A. (1970). *Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française*. Paris: Dictionnaire LE ROBERT.
- TR — *Le Trésor de la langue française informatisé*. Available at: <http://atilf.atilf.fr>. (In French).

REFERENCES

- anscombre, J.-C. (1985). De l'énonciation au lexique: mention, citativité, délocutivité. *Langages*, 80: 9—35. (In French).
- Anscombre, J.-C., Ducrot, O. (1983). *L'argumentation dans la langue*. Bruxelles: Mardaga.
- Baranov, A. N. (1987). Eksplitsitnyy modus v argumentativnom dialoge. In: *Propozitsionalnyye predikaty v logicheskom i lingvisticheskom aspekte*. Moskva: Nauka. 13—17. (In Russ.).
- Baranov, A. N. (1990). *Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod): avtoreferat dissertatsii doktora filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Ducrot, O. (1980). *Dire et ne pas dire. Principes de sémantique linguistique*. Paris: Hermann. (In French).
- Ducrot, O. (1983). Opérateurs argumentatifs et visée argumentative. *Cahiers de linguistique française*, 5: 7—36. (In French).

- Ducrot, O., Bourcier, D., Bruxelles, S. (1980). *Les mots du discours*. Paris: Ed. de Minuit.
- Fanyan, N. Yu., Vasil'ev, L. G. (2017). Lingvisticheskaya argumentatsiya kak novaya distsiplina. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 27/3: 779—783. (In Russ.).
- Gordon, D., Lakoff, Dzh. (1985). Postulaty rechevogo obshcheniya. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 16. Moskva: Progress. 276—302. (In Russ.).
- Grays, G. P. (1985). Logika i rechevye obshcheniye. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 16. Moskva: Progress. 217—237. (In Russ.).
- Ioanesyan, E. R. (2011). *Argumentativnyye znacheniya yazykovykh edinits (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).
- Ioanesyan, E. R. (2019). Ob odnom vide implitsitnoy otsenki. In: *Aksiologicheskiye aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: (15—17 oktyabrya 2019 g.)*. Yekaterinburg: Azhur. 24—26. (In Russ.).
- Migunova, A. I., Lisanyuk, E. I. (eds). (2006). *Mysl': Argumentatsiya: sbornik statey*, 6. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet. (In Russ.).
- Olivier, CL. (1985). L'art et la manière. Comment dans les stratégies discursives. *Langages*, 80: 71—98. (In French).
- Paducheva, E. V. (2011). *Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni i vida. Semantika narrative*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Rakka, P. I. (2011). Semanticheskoye opisaniye leksiki: kak effektivno pomoch' intuitsii? *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 9/2: 96—120. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2006). Semantika soyuza NO: dannyye yazyka o deyatelnosti soznaniya. *Vo-prosy yazykoznaniya*, 5: 22—42. (In Russ.).
- Vasilyev, L. G. (2016). *Problema rechevogo vozdeystviya: otechestvennyye i zarubezhnyye podkhody*. Kaluga: Kaluzhskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).

Кондратьева О. Н. Лингвополитическая персонология (метафорический ракурс исследования) / О. Н. Кондратьева, В. А. Каменева // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 78—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-78-96.

Kondratyeva, O. N., Kameneva, V. A. (2020). Linguopolitical Personology (Metaphorical Perspective of Research). *Nauchnyi dialog*, 1: 78-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-78-96. (In Russ.).

УДК 811.111.1'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-78-96

ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ (МЕТАФОРИЧЕСКИЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

© **Кондратьева Ольга Николаевна (2020)**, orcid.org/0000-0001-9469-3634, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия), Olnik25@mail.ru.

© **Каменева Вероника Александровна (2020)**, orcid.org/0000-0001-8146-9721, ResearcherID L-3938-2018, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия), russia_science@mail.ru.

Статья выполнена на стыке таких актуальных направлений современной лингвистики, как политическая лингвистика, лингвоперсонология и лингвометафорология. Цель работы — представить обзор работ зарубежных и отечественных лингвистов за 2009—2019 годы, посвященных анализу метафорических моделей в идиолектах политиков, выявить основные тенденции в исследованиях подобного плана. Анализ показал, что лингвоперсонологические исследования метафоры в политической коммуникации выполняются в когнитивном, прагматическом, стилистическом, риторическом, семиотическом, психолингвистическом ракурсах. Выявлено, что по критерию «объект анализа» они могут быть охарактеризованы в территориальном, статусном, идеологическом, гендерном, хронологическом, темпоральном и сопоставительном аспектах. Представленный в статье аналитический обзор демонстрирует, что в современной лингвополитической персонологии существует исследовательская асимметрия: работы о федеральных политиках значительно преобладают над работами о региональных политиках, работы о представителях политической элиты — над работами о политических оппозиционерах, работы о мужчинах-политиках — над работами о политиках-женщинах, работы о действующих политиках — над работами о великих политиках прошлого. Авторы полагают, что в связи указанной асимметрией в объектах исследований задачей лингвополитической персонологии должно стать заполнение существующих лакун.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Ключевые слова: политическая коммуникация; политический дискурс; лингвополитическая персонология.

1. Введение

Лингвополитическая персонология, сосредоточенная на изучении специфики «проявления профессиональной языковой личности в политической сфере» [Никифорова, 2016б, с. 182], лишь в последние годы начала обособляться от политической лингвистики и теории идеологических исследований. Первоначально изучение особенностей речевого поведения политических лидеров было точно сконцентрировано на частных проблемах анализа языковой личности, и только относительно недавно оно оформилось в самостоятельное лингвистическое направление, обладающее единой научной идеологией и собственным методологическим инструментарием, см.: [Никифорова, 2016а; Чудинов и др., 2018; Чудинов и др., 2019 и др.]. Как и любое направление, находящееся в стадии становления и формирования своей методологии и понятийно-терминологического аппарата, политическая лингвоперсонология продуктивно применяет достижения смежных научных направлений: политической лингвистики, теории идеологических исследований, лингвоперсонологии и социально-речевого портретирования.

2. Метафорический ракурс лингвополитической персонологии

Лингвополитическая персонология помогает раскрыть новые грани феномена человека говорящего и вносит вклад в исследование политической коммуникации, выявляя ее индивидуально-личностную и национально-культурную специфику. В данный момент языковая личность политиков изучается во всем ее многообразии, в различных аспектах и ракурсах. Наиболее распространенными являются когнитивные, прагматические, стилистические, риторические, семиотические, психолингвистические подходы к исследованию этого феномена.

Лингвокогнитивные работы, составляющие ядро современной лингвополитической персонологии, рассматривают языковую личность политика сквозь призму доминирующих в его идиолекте концептов, метафор, отсылок к прецедентным текстам. Учитывая, что большинство концептов получает в речи политиков метафорическое воплощение, а прецедентные тексты зачастую становятся источниками ярких метафор, именно анализ метафорических моделей является базовым методом лингвокогнитивного исследования языковой личности политика.

Лингвополитическая персонология использует сформированное в рамках когнитивной лингвистики восприятие метафоры как феномена,

имеющего не только собственно языковую, но и когнитивную природу, как основной ментальной операции, способа познания, структурирования, объяснения и оценки мира. Благодаря подобному подходу исследовательское внимание сосредоточилось на высоком идеологическом и манипулятивном потенциале метафор, что позволило акцентировать внимание на следующих значимых моментах: во-первых, на процессах создания и корректировки посредством метафор выгодной для политического деятеля оценочной шкалы политических, экономических, социальных и культурных явлений, во-вторых, на продуктивности метафоризации в процессах идеологического структурирования политического и социокультурного контекста любого общества, в-третьих, на изменении метафорического репертуара политика в связи с его целями и задачами в конкретный период политической деятельности, с его политическим статусом или ролью, а также с его ориентацией на определенную целевую группу.

В зависимости от источника материала для метафорического анализа в лингвополитической персонологии выделяется несколько направлений, которые можно охарактеризовать по территориальному, статусному, идеологическому, гендерному, хронологическому параметрам. Лингвистами рассматривается специфика использования метафорических моделей политиками своего государства и политиками иных стран, первыми лицами государства и политиками регионального уровня, представителями официальной власти и оппозиционерами, политиками-мужчинами и политиками-женщинами, политиками современности и политиками прошлых эпох. Таким образом, изучение метафор в речах политических деятелей является одним из наиболее актуальных направлений современной лингвополитической персонологии.

Цель предлагаемой статьи — представить обзор работ зарубежных и отечественных лингвистов за 2009—2019 годы, посвященных анализу метафорических моделей в идиолектах политиков, и выявить основные тенденции в исследованиях подобного плана.

Территориальный аспект исследований. В мировой политической лингвоперсонологии наибольший интерес исследователей вызывают *американские политики* (Б. Обама, М. Ромни, Х. Клинтон, Д. Трамп, Ф. Рузвельт, Дж. Буш-мл., Дж. Керри, Дж. Кеннеди, Г. Гувер и др.). Особенности их метафорического инструментария оказываются в центре исследовательского внимания лингвистов не только из США, но и из других стран, что объясняется той активной ролью, которую страна длительное время играет на мировой политической арене. Анализируются тексты американских политиков на разных стадиях их политической карьеры: предвыборные

материалы, инаугурационные речи, тексты и выступления, относящиеся к периоду пребывания на посту президента.

Поскольку предлагаемый обзор охватывает последнее десятилетие, то вполне закономерно, что основным персонажем, метафорический инструментарий которого становится объектом исследовательского внимания, является Б. Обама, занимавший пост президента США с 2009 по 2017 годы, также существуют работы, посвященные метафорам в выступлениях его политических конкурентов (например, М. Ромни), а также метафорам в речах участников президентской гонки 2018 года Х. Клинтон и Д. Трампа.

В. А. Каменева и А. А. Перевалова на материале текстов, произнесенных американским президентом Б. Обамой, рассматривают метафору как средство трансляции политиком своей оценки некоторых сфер жизни американского общества и средство формирования своего политического имиджа. Доминантными сферами-источниками метафоризации признаются строительство, спорт, мореплавание, природа, медицина. Чаще всего в своих выступлениях политик использует строительную метафору, формируя образ президента-созидателя, помогающего американцам строить лучшую жизнь [Каменева и др., 2012].

А. А. Эргашев посвятил исследование особенностям отражения общественных и политических процессов в США средствами военной метафоры в речах Б. Обамы. Политические метафоры рассматриваются как эффективные способы языкового представления социального, гендерного, расового или этнического неравенства, делается вывод, что военная метафора позволяет политику давать положительную оценку своим действиям и отрицательную — действиям оппозиции [Эргашев, 2015].

Исследование, посвященное Д. Трампу, имеет говорящее название «Роль метафоры в победе Дональда Трампа» [Тимофеев, 2016]. В статье рассматриваются метафоры, которые, по мнению автора, оказали существенное воздействие на электорат и привели претендента на должность президента к победе на выборах.

Отдельные исследования посвящены российским, украинским, немецким, испанским, китайским, нигерийским, египетским, итальянским политикам. Так, метафоры в речи политиков, владеющих испанским языком, становятся объектом изучения в работах О. М. Винниковой, А. С. Калашовой, П. В. Пантюховой, И. В. Селивановой.

О. М. Винникова и И. В. Селиванова рассматривают метафоры в рождественских речах двух испанских монархов — Хуана Карлоса I (1975—2013) и Филиппа VI (2014—2018) [Винникова, 2018; Селиванова, 2019], исследуя эти образные средства как способ выразительности. Соответ-

ственно, за рамками исследования остались важные функциональные особенности метафоры по реализации дискурса власти, по созданию идеологически корректной оценки социально-культурного и политического контекста.

А. С. Калашова и П. В. Пантюхова анализируют роль метафоры в выступлении президента Венесуэлы Уго Чавеса на Генеральной Ассамблее ООН. В их работе метафора рассматривается как средство аргументации, способ корректировки политических взглядов аудитории. Авторы приходят к выводу о том, что Уго Чавес использует когнитивную метафору «семья» для создания ощущения родства между собравшимися в зале и собой, что позволяет политику заручиться поддержкой слушателей, побудить их к принятию требуемых решений [Калашова и др., 2016].

Т. А. Пасарибу в качестве материала для исследования политической метафорики избирает выступления Джоко Видоодо — индонезийского государственного деятеля, избранного президентом страны 20 октября 2014 года. Автор также концентрирует внимание на сферах-источниках метафорической экспансии, отмечая преобладание следующих метафор: *unity* ('объединение'), *war* ('война'), *journey* ('путешествие'), *human characteristics* ('персонификация') и *navigation* ('навигация'). Основной причиной этого видится четкость, ясность, привычность данных сфер для избирателей и коллег [Pasaribu, 2016].

И. Камалу и П. Б. Иниврикабо опубликовали данные об исследовании метафор в выступлениях нигерийских политических деятелей [Kamalu et al., 2016], уделив особое внимание потенциалу метафор в процессах идеологизации и детально рассмотрев роль метафор в убеждении избирателей и оппонентов. Выявлены доминантные сферы-источники метафоризации: *war* ('война'), *building* ('строительство'), *disease* ('болезнь'), *journey* ('путешествие'), *games and sports* ('игры и спорт'), *family* ('семья') [Ibid.].

Сюй Лихун исследует метафоры в речи председателя КНР Си Цзиньпина в рамках лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов. По мнению исследователя, с помощью метафоры политик получает возможность донести до слушателей сложные концепции и понятия в форме, которая будет доступна всем [Ли Хун, 2017].

Е. Семино и М. Маски рассматривают доминантные метафоры в дискурсе Сильвио Берлускони. Исследователи фиксируют три ключевых сферы-источника метафорической экспансии в дискурсе итальянского политического деятеля: «футбол», «война» и «религия». Авторы доказывают, что С. Берлускони варьирует метафоры в зависимости от цели метафорической экспансии [Semino et al., 1996].

СТАТУСНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ. Исследования метафор в речи политиков подразделяются на работы, посвященные изучению метафорического инструментария, используемого первыми лицами государства, то есть политиками мирового и федерального масштабов (президентами, премьер-министрами, канцлерами, генеральными секретарями, председателями главенствующими политическими партиями и т. д.), и политиками регионального уровня. Первая группа составляет безусловное большинство (все проанализированные выше работы посвящены метафорам в речи политиков, занимающих высшие должности в своих государствах). Исследования речи политиков регионального уровня по-прежнему остаются немногочисленными, хотя «свою уникальность языковые личности демонстрируют вне зависимости от положения в иерархической структуре государственной власти» [Никифорова, 2016б, с. 182]. Вопросы метафорического моделирования мира политики в выступлениях региональных политиков затрагиваются в работах М. Никифоровой, рассматривающей речевое поведение мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана [Никифорова, 2016а].

ИССЛЕДОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ. С этой точки зрения можно рассматривать метафоры в речи представителей правящей элиты и оппозиционных сил. Анализ метафор в речи оппозиционных политиков представлен, например, в диссертации Т. В. Вершининой, где описана риторика В. Новодворской, Э. Лимонова, В. Жириновского, Б. Немцова и др. [Вершинина, 2002].

В статьях О. Н. Кондратьевой и К. А. Ковалевой охарактеризованы метафорические модели, используемые Юлией Тимошенко в период ее пребывания в оппозиции действующей власти (период судебного процесса и тюремного заключения). Отмечается, что в это время в речи политика доминируют театральные метафоры, представляющие судебный процесс как фарс и имеющие целью его делигитимизацию, а также религиозные метафоры, формирующие образ политика как иконы свободы, жертвы, невинно пострадавшей в борьбе за светлое будущее Украины.

В целом дискурс оппозиционеров редко выступает объектом лингвоперсонологических исследований, что определяется как экстралингвистическими факторами (слабая выраженность оппозиции в ряде стран), так и факторами лингвистическим (например, низкая образность текстов главного российского оппозиционера А. Навального).

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ. Лингвоперсонологические исследования метафорического репертуара политиков с позиций гендерных различий также достаточно неравномерны. Объектом исследования становилось преимущественно речевое поведение мужчин-политиков (при их

численном преобладании в политике в принципе). Тем не менее в последнее десятилетие появились работы, посвященные метафорам в речи женщин-политиков из Германии, США, Украины, Великобритании, Италии, Нидерландов, Испании и Ирландии.

К выступлениям Х. Клинтон обращается Ю. В. Майкова. Полученные данные дают возможность автору установить доминирование военной, спортивной и морбиальной метафор в риторике политика. Активное использование морбиальной метафоры способствует формированию представлений о политике как о специалисте, который избавит общество от проблем во всех сферах [Майкова, 2018].

А. М. Нехорошева исследует концептуальные метафоры в выступлениях канцлера Германии Ангелы Меркель. Метафоры рассматриваются автором как механизм реализации когнитивной матрицы «свой — чужой». Осмысление концепта POLITIK осуществляется с помощью онтологической (с областями-источниками «физиология», «родство», «здание», «мост», «механизм», «предметы быта», «животное», «растение»), структурной (с областями-источниками «игра», «театр», «дорожное движение», «война», «школа») и ориентационной метафор. Их привлечение «позволяет канцлеру эффективно воздействовать на адресата, более наглядно и в выгодном для себя свете представлять свою принадлежность и непринадлежность» [Нехорошева, 2012].

На лингвокогнитивных позициях базируется и работа В. А. Цаголовой, рассматривающей метафоры политического дискурса Ангелы Меркель, нацеленные на формирование политиком своего социопersonального концепта. Особое внимание уделяется установлению наиболее продуктивных образных средств, к которым относят протекционные, спортивные, кинематографические, сексуально-ролевые, вещественные, психологические и библейские метафоры [Цаголова, 2014].

О. Н. Кондратьева анализирует особенности метафорического моделирования политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко в период ее пребывания на посту премьер-министра и делает вывод, что посредством метафор политик не только создает негативное представление об идеологических противниках, но и формирует в народном восприятии свой образ как бескомпромиссного, решительного, мужественного борца за будущее страны [Кондратьева, 2010].

Л. А. Бегаян рассматривает метафору как одну из продуктивных коммуникативных стратегий профессиональной коммуникации Маргарет Тэтчер, способствовавших формированию имиджа «Железной леди» [Бегаян, 2015]. В похожем ключе Ш. Ду исследует метафоры в идиолекте

Ирины Хакамады, отмечая, что метафоры, наряду с фразеологизмами, риторическими вопросами, парцелляцией, усиливают выразительность высказываний политика, делают речь убедительной, способствуют формированию образа опытного общественного деятеля [Ду, 2017].

В коллективной монографии «Politics, Gender and Conceptual Metaphors» собраны работы, посвященные изучению метафор в профессиональном дискурсе женщин-политиков Германии, Италии, США, Ирландии, Великобритании, Испании и Нидерландов. Среди вошедших в сборник работ выделим исследования В. Коллер «Metaphor, Politics and Gender: a Case Study from Germany», Е. Семино «Metaphor, Politics and Gender: a Case Study from Italy», Э. Тэнорио «The Metaphorical Construction of Ireland», Дж. Чартрис-Блэк «Metaphor and Gender in British Parliamentary Debates», П. Меер «Power as a Conceptual Metaphor of Gender Inequality? Comparing Dutch and Spanish Politics» и Е. Т. Лим «Gendered Metaphors of Women in Power: the Case of Hillary Clinton as Madonna, Unruly Woman, Bitch and Witch» [Politics, Gender ..., 2009]. Метафора рассматривается авторами как мощное орудие в политических дебатах, позволяющее одерживать победу над оппонентами, склонять на свою сторону избирателей.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ. Лингвисты в большей степени сосредоточены на описании речевого поведения (в том числе и метафорического) действующих политиков. Тем не менее расширение и углубление методологической базы политической лингвоперсонологии побуждает исследователей обращаться к анализу метафор в текстах политиков прошлого (как недавнего, так и давно минувших эпох). В частности, О. Н. Кондратьева рассмотрела особенности метафорического моделирования образа политического оппонента в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского. В итоге установлено, что оба политика использовали метафоры, формирующие концептуальные оппозиции «здоровье / болезнь», «жизнь / смерть», «праведное / греховное», «чистое / грязное». Оба автора используют метафоры с целью дискредитации политического оппонента и для легитимизации собственных политических решений.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ. Помимо моноперсонологических исследований, посвященных специфике метафорического инструментария одного политика, выполняются и полиперсонологические исследования, имеющие целью сопоставление метафор, частотных в речи нескольких языковых личностей. Это могут быть представители как разных стран, так и одного государства, одновременно стремящиеся к одной цели (победе на выборах), либо деятели, обладающие одинаковым политическим статусом, но в разные эпохи (например, занимающие пост пре-

зидента в те или иные периоды истории государства), либо политики, характеризующие общую политическую проблему (экономический кризис, политический конфликт, brexit и т. д.).

Наиболее часто сопоставляются метафоры в текстах российских, американских и британских политиков. Например, И. Ивановичем проанализированы выступления американских и британских политиков с 1994 по 1997 годы. По мнению автора, метафоры позволяют риторам воздействовать на массового адресата, упрощая сложные политические концепции, делая их доступными. В работе исследователя превалирует дескриптивный подход к анализу метафорики политика [Ivanović, 2017].

А. А. Горностаева изучала выступления политиков России, Великобритании и США за 2011—2017 годы. Метафора рассматривается в работе ученого как средство актуализации иронии, выявляются тенденции в употреблении иронических метафор, обусловленные изменениями в политическом дискурсе, демонстрируется взаимозависимость между появлением новых политических течений и созданием новых метафор [Горностаева, 2018].

Сопоставительное исследование метафор распространяется на все этапы политической карьеры кандидатов. Лингвисты изучают метафоры в предвыборном, инаугурационном и президентском дискурсах политиков разных стран и разных эпох. Безусловно, эффективность используемых политиком метафорических стратегий эффективнее всего оценивать в сопоставлении с конкурентами, в период острой политической борьбы, что и определило появление работ, посвященных сопоставительному рассмотрению метафор в *предвыборных выступлениях*, например, в выступлениях Б. Обамы и его политического конкурента М. Ромни. В исследовании Е. А. Медведевой и Н. А. Спицыной метафоры интерпретируются как эффективное средство, обеспечивающее в далекой перспективе захват, удержание и перераспределение власти, мощный рычаг скрытого воздействия на избирателей в предвыборных дебатах. Авторы приходят к выводу о том, что кандидаты получили практически равное количество голосов (Б. Обама — 51 % голосов, М. Ромни — 47,2 %), поскольку их предвыборная борьба проходила в едином метафорическом пространстве [Медведева и др., 2013].

М. В. Тричик также обращается к *предвыборным выступлениям* Б. Обамы и М. Ромни, рассматривая когнитивные метафоры предвыборного дискурса как языковые маркеры социополитической действительности США и показывая, как анализ когнитивной метафорики политиков позволяет дешифровать когнитивные процессы [Тричик, 2014, с. 204].

И. А. Ширманов сравнивает концептуальные метафоры в предвыборных текстах Дж. Буша-мл. и Дж. Керри. В целом создаваемая этими кандидатами «метафорическая картина политического мира, который включает в себя такие основные моменты, как образование, экономика, безопасность, здравоохранение, экология и, конечно же, демократические ценности, в значительной степени влияет на интерпретацию этих далеких “простому обывателю” понятий» [Ширманов, 2010, с. 171]. Оба кандидата используют однотипные источники метафоризации, отличия проявляются в составе фреймово-слотовой структуры. Например, сфера-источник метафоризации «война» присутствует в текстах обоих кандидатов, но фреймовая структура модели у Дж. Керри гораздо «богаче», что, возможно, объясняется его большим военным опытом в связи с участием во вьетнамской войне [Ширманов, 2010, с. 171].

Особый интерес лингвистов разных стран вызывают метафорические модели, представленных в текстах, характеризующих переломный момент в политической карьере, а именно в *инаугурационных речах*. При этом для авторов важным оказывается сопоставление метафорического инструментария нового президента с метафорами, содержащимися в инаугурационных речах его предшественников.

С. Е. Тимофеев и Е. С. Храброва обращаются к инаугурационным речам Б. Обамы и Ф. Д. Рузвельта. Проводится детальный анализ вариативности контекста употребления натурморфной метафоры в их выступлениях, высвечивается взаимосвязь между спецификой метафоризации и динамикой социо-политического контекста эпохи. Акцент делается на хронологической устойчивости и изменчивости метафор как индикаторе социальной и политической значимости проблем, связанных с заботой о здоровье граждан, защитой живой и неживой природы, экологией окружающей среды [Тимофеев и др., 2016, с. 226].

Е. В. Бабенкова вписывает инаугурационную речь Б. Обамы в еще более широкий метафорический контекст, обращаясь к материалу инаугурационных речей Ф. Д. Рузвельта, Дж. Буша, Дж. Адамса и Дж. Ф. Кеннеди. Зафиксирован рост метафорически закодированной информации в инаугурационных речах американских президентов с течением времени. В работе также анализируется взаимосвязь политических метафор с системой культурных ценностей нации, самосознанием народа и социально-политической системой государства [Бабенкова, 2016].

Китайские лингвисты также исследуют инаугурационные речи американских президентов: Г. Гувера, Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Р. Никсона, Р. Рейгана, Дж. Буша-ст., Б. Клинтона, Дж. Буша-мл. Авторами описаны

метафоры, восходящие к субсферам «путешествие», «человек», «война», «строительство», «семья», «окружающая среда / природа», «свет», «болезнь» [Хуе, 2013].

Президентский дискурс с функционирующими в нем метафорами, представляющий собственную политическую программу, политическую ситуацию в стране, а также содержащий критику политических оппонентов, также регулярно становится объектами лингвоперсонологических исследований.

Работа Цзи Сяосяо выполнена на материале выступлений американских президентов (Дж. Буш-ст., Б. Клинтон, Дж. Буш-мл. и Б. Обама) и посвящена выявлению повторяющихся метафорических моделей в политической риторике американских президентов. Согласно полученным данным, доминирующей выступает метафора «путешествие», также частотны метафоры «материализация» и «персонификация» [Сяосяо, 2016].

С. А. Жаботинская систематизирует концептуальные метафоры в официальных публичных речах Б. Обамы и В. В. Путина и приходит к выводу, что анализ политических метафор с позиций идеологии позволяет выявить типичные «способы того, как президент страны доносит до избирателя определенный мировоззренческий паттерн и формирует у адресата определенные идеологические установки», то есть метафора рассматривается как инструмент суггестии [Жаботинская, 2016, с. 66].

Сравнительный анализ метафор в выступлениях американских и российских президентов представлен также работе Е. В. Приваловой, проанализировавшей выступления Дж. Кеннеди, Б. Клинтона, Б. Обамы, Дж. Буша, Б. Ельцина, В. Путина и Д. Медведева, в итоге автором сделан вывод о доминировании метафор «строительство / разрушение» и «путешествие» в речах американских и российских президентов [Привалова, 2016].

Особый интерес представляют работы, посвященные анализу роли метафор в репрезентации разными политиками некой острой политической проблемы. Примером исследования подобного плана является работа Х. Пэнник, в которой анализируется метафорика выступлений политиков США и Великобритании во времена двух мировых экономических кризисов — 1929 и 2008 годов. Из американских политических деятелей были выбраны президенты США Г. К. Гувер (1929—1933), Ф. Д. Рузвельт (1933—1945), Дж. Буш (мл.) (2001—2009) и Б. Обама (2009—2017), из британских — премьер-министры С. Болдуин (выступления за период с 1935 по 1937 годы), Д. Г. Браун (2007—2010) и Д. Кэмерон (2010—2015). Для анализа были отобраны только те выступления, в которых затронута

проблема финансового кризиса. Самая высокая плотность метафор зафиксирована в выступлениях Дж. Буша [Penninck, 2014, pp. 48—49].

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ. Особую группу лингвоперсоналогических исследований метафорики образуют исследования *статические* и *динамические*, то есть такие, в которых осуществляется описание метафорического инструментария политика только на определенном этапе его деятельности (президент, лидер партии, губернатор, сенатор и др.), и исследования, в которых учитывается темпорально-дискурсивный аспект анализа, позволяющий установить взаимосвязь между событиями в карьере политика и метафорами, используемыми для их описания, а также для описания политической ситуации в стране и воздействия на избирателей в каждый период, что позволяет эксплицировать когнитивные стратегии политика.

М. В. Никифорова, анализируя речевой портрет Е. Ройзмана, сопоставляет метафорический инструментарий политика в двух политических ситуациях: в первой — Е. Ройзман выступал в роли кандидата на должность мэра Екатеринбурга, а во второй — уже в роли мэра города [Никифорова, 2016a].

О. Н. Кондратьева и К. А. Ковалева анализируют динамику метафорических моделей в выступлениях Юлии Тимошенко в 2010—2016 годах. Установлено, в каждый период политической карьеры доминирует определенная метафорическая модель, что вытекает из политической ситуации и идеологических установок, которыми политик руководствуется в своей деятельности, из целей, которые стремится достичь. В частности, во время первого участия в президентских выборах в выступлениях Ю. Тимошенко доминировали милитарные и спортивные метафоры, демонстрирующие стремление к победе, в период судебного процесса — театральные метафоры, актуализирующие постановочный характер процесса, его нелегитимность. В период баллотирования в президенты в 2014 году активизируются криминальные метафоры, демонстрирующие несовершенство политической деятельности оппонентов и тревожную ситуацию в стране [Кондратьева и др., 2014].

Н. В. Зиновьев и Е. А. Нахимова анализируют метафоры в текстах британского политика Д. Кэмерона. Исследователи сопоставляют метафорическое моделирование в период избирательной кампании и в период пребывания на посту премьер-министра Великобритании. Доказано, что на всем протяжении политической карьеры доминантной является метафорическая модель со сферой-источником «движение», но в период пребывания Д. Кэмерона на посту премьера метафоричность его речи существен-

но возрастает, увеличивается количество ярких образов, активизируются новые сферы и фреймы метафорического притяжения, то есть изменение статуса политика ведет к преобразованию его риторики.

3. Заключение

Представленный аналитический обзор продемонстрировал, что исследование метафорики в выступлениях политических лидеров является одним из наиболее актуальных направлений современной лингвополитической персонологии, а также позволил сделать следующие выводы:

1. Лингвоперсонологические исследования метафорики в политической коммуникации достаточно разнообразны, по объекту исследовательского внимания они могут быть охарактеризованы в территориальном, статусном, идеологическом, гендерном, хронологическом, темпоральном и сопоставительном аспектах.

2. При всем разнообразии аспектов исследования метафорического инструментария политиков все большее число лингвистов избирают интегративный подход к анализу языкового материала. В частности, наблюдается соединение когнитивного и коммуникативного подходов (рассмотрение роли метафоры в разнообразных стратегиях и тактиках политиков), синхронного и диахронного подходов (рассмотрение метафор на определенном этапе политической карьеры политика с последующим сравнением данных о разных этапах), сопровождающееся интенсивным развитием сопоставительных исследований в обозначенной сфере.

3. В современной лингвополитической персонологии существует определенная исследовательская асимметрия: работы о федеральных политиках значительно преобладают над работами о региональных политиках, работы о представителях политической элиты преобладают над работами о политических оппозиционерах, работы о мужчинах-политиках — над работами о политиках-женщинах, работы о действующих политиках — над работами о великих политиках прошлого. Соответственно, задачей направления должно стать заполнение существующих лакун.

Таким образом, перед лингвополитической персонологией стоит ряд важных задач, решение которых не только обогатит современную политическую лингвистику, но и будет способствовать более эффективной политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенкова Е. А. Функциональные параметры политической метафоры / Е. А. Бабенкова // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации : теоре-

тические и прикладные аспекты. — Саранск : Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарёва, 2016. — С. 41—45.

2. Беганян Л. А. Коммуникативные методы харизматических лидеров : Маргарет Тэтчер / Л. А. Беганян // Коммуникация в современном поликультурном мире : прагматика лингвистического знака / отв. ред. Т. А. Барановская. — Москва : Pearson, 2015. — С. 24—32.

3. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. С. Вершинина. — Екатеринбург, 2002. — 226 с.

4. Винникова О. М. Специфика использования метафоры в политическом дискурсе / О. М. Винникова // Современная филология. — Казань : Молодой ученый, 2018. — С. 18—20.

5. Горностаева А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе / А. А. Горностаева // Вестник российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. — 2018. — № 1 (22). — С. 108—125.

6. Ду Ш. Речевой портрет современной деловой женщины (Ирина Хакамада) / Ш. Ду // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка и литературы. — Санкт-Петербург : СПбГУПТИД, 2017. — С. 99—103.

7. Жаботинская С. А. Концептуальные метафоры в публичных речах Барака Обамы и Владимира Путина (2014—2015 гг.) / С. А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс. — 2016. — № 13. — С. 43—91.

8. Зиновьев Н. В. Доминантная метафорическая модель движение в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерна : методика исследования темпоральной динамики / Н. В. Зиновьев, Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 57—64.

9. Калашова А. С. К вопросу о роли когнитивной метафоры в испанском политическом дискурсе / А. С. Калашова, П. В. Пантюхова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4 (58), Ч. 2. — С. 96—100.

10. Каменева В. А. Сферы-источники метафорической экспансии в речах Б. Обамы / В. А. Каменева, А. А. Перевалова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 17 (271). — С. 80—86.

11. Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко / О. Н. Кондратьева // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 101—112.

12. Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) / О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 40—54.

13. Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование внутреннего мира как способ создания образа политического противника (образ Ивана Грозного в интерпретации Андрея Курбского) / О. Н. Кондратьева // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3. — С. 220—226.

14. Ли Хун С. Метафора в речи председателя КНР Си Цзиньпина / С. Ли Хун // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 135—140.

15. Майкова Ю. В. Метафора в политическом дискурсе (на материале выступлений Х. Клинтон) / Ю. В. Майкова // Молодой ученый. — 2018. — № 24. — С. 353—354.

16. Медведева Е. А. Манипуляция сознанием с использованием концептуальной метафоры в первичном политическом дискурсе / Е. А. Медведева, Н. А. Спицына // В мире

науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — Новосибирск : СибАК, 2013. — С. 99—112.

17. *Нехорошева А. М.* Концептуальная метафора как механизм реализации когнитивной матрицы «свой — чужой» в политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) / А. М. Нехорошева // Политическая лингвистика. — 2012. — № 4 (42). — С. 157—162.

18. *Никифорова М. В.* Динамика речевого портрета регионального политика (на материале устной диалогической речи мэра Екатеринбурга Е. В. Ройзмана) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. В. Никифорова. — Екатеринбург, 2016а. — 253 с.

19. *Никифорова М. В.* Методология и методика лингвополитической персонологии / М. В. Никифорова // Теория и методика лингвистического анализа политической коммуникации / отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УРГПУ, 2016б. — С. 182—198.

20. *Привалова Е. В.* Метафора в политических речах американских и российских президентов / Е. В. Привалова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2016. — Т. 5, № 4 (17). — С. 108—110.

21. *Селиванова И. В.* Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании / И. В. Селиванова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 4. — С. 61—65.

22. *Сяосяо Ц.* Об исследовании метафоры в американском президентском дискурсе / Ц. Сяосяо // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 239—243.

23. *Тимофеев С. Е.* Натуроморфная метафора в американском президентском дискурсе (диахронический аспект) / С. Е. Тимофеев, Е. С. Храброва // Вестник Брянского государственного университета. — 2016. — № 4 (30). — С. 224—227.

24. *Тимофеев С. Е.* Роль метафоры в победе Дональда Трампа / С. Е. Тимофеев // Научно-технический прогресс : актуальные и перспективные направления будущего. — Кемерово : ООО «Западно-Сибирский научный центр», 2016. — С. 63—66.

25. *Тричик М. В.* Анализ когнитивных метафор, представленных в корпусе политического дискурса предвыборной президентской кампании в США 2012 года / М. В. Тричик // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. — 2014. — № 1 (147). — С. 200—205.

26. *Цаголова В. А.* Политическая метафора в структуре социоперсонального концепта Kanzlerin Angela Merkel (на материале немецкого языка) / В. А. Цаголова // Известия Сочинского государственного университета. — 2014. — № 2 (30). — С. 141—144.

27. *Чудинов А. П.* Лингвополитическая персонология как научное направление / А. П. Чудинов, М. В. Никифорова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2018. — № 1. — С. 45—52.

28. *Чудинов А. П.* Российская лингвополитическая персонология : исследование дискурса политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 14—31.

29. *Ширманов И. А.* Концептуальная метафора в дискурсе президентской предвыборной кампании (2004 г.) / И. А. Ширманов // Политическая лингвистика. — 2006. — № 1 (20). — С. 170—175.

30. *Эргашев А. А.* Отражение общественных и политических процессов в США в военных метафорах Барака Обамы / А. А. Эргашев // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 393. — С. 48—54.

31. *Ivanović I.* Comparative study of metaphor in British and United States of America (US) political discourse / I. Ivanović // *XLinguae Journal*. — 2017. — Vol. 10 (2). — Pp. 16—29.
32. *Kamalu I.* Metaphors in Selected Political Speeches of Nigerian Democratic Presidents / I. Kamalu, P. B. Iniworikabo // *California Linguistic Notes*. — 2016. — Vol. 40 (2). — Pp. 71—84.
33. *Lu L. W. L.* Ideological influence on BUILDING metaphors in Taiwanese presidential speeches / L. W. L. Lu, K. Ahrens // *Discourse and Society*. — 2008. — 19 (3). — Pp. 383—408.
34. *Pasaribu T. A.* Domains of Political Metaphors in Presidential Speeches / T. A. Pasaribu // *LLT Journal*. — 2016. — Vol. 19, № 2. — Pp. 96—104.
35. *Penninck H.* An analysis of metaphor used in political speeches responding to the financial crises of 1929 and 2008 / H. Penninck. — MA : Universiteit Gent, 2014. — 79 p.
36. *Politics, Gender and Conceptual Metaphors* / K. Ahrens (Ed.). — Palgrave Macmillan UK, 2009. — 275 p.
37. *Semino E.* Politics Is Football : Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy / E. Semino, M. Masci // *Discourse and Society*. — 1996. — № 7 (2). — Pp. 243—269.
38. *Xue J.* Conceptual Metaphor in American Presidential Inaugural Addresses. Theory and Practice in Language Studies / J. Xue, Z. Mao, N. Li. — 2013. — Vol. 3, № 4. — Pp. 678—683.

LINGUOPOLITICAL PERSONOLOGY (METAPHORICAL PERSPECTIVE OF RESEARCH)¹

© **Olga N. Kondratyeva (2020)**, orcid.org/0000-0001-9469-3634, Doctor of Philology, professor; Department of Russian Language and Literature, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University” (Kemerovo, Russia), Olnik25@mail.ru.

© **Veronika A. Kameneva (2020)**, orcid.org/0000-0001-8146-9721, ResearcherID L-3938-2018, Doctor of Philology, professor; Department of English Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University” (Kemerovo, Russia), russia_science@mail.ru.

The article was accomplished at the intersection of such relevant areas of modern linguistics as political linguistics, linguistic personology and linguistic metaphorology. The purpose of the article is to provide an overview of the work of foreign and domestic linguists for 2009-2019, devoted to the analysis of metaphorical models in the idiosyncrasies of politicians, to identify the main trends in research of this kind. The analysis showed that linguistic-personal research on metaphors in political communication is carried out in a cognitive, pragmatic, stylistic, rhetorical, semiotic, psycholinguistic perspectives. It was revealed that according to the criterion “object of analysis” they can be characterized in territorial, status, ideological,

¹ This work was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00522, “The Problem of Legitimization in Political Discourse: Linguistic Personological Aspect”.

gender, chronological, temporal and comparative aspects. The analytical review presented in the article demonstrates that there is a research asymmetry in modern linguistic-political personology: the work on federal politicians predominates over the work on regional politicians, the work on representatives of the political elite over the work on political opposition, the work on male politicians over the work on politicians — women, work on existing politicians - on work on the great politicians of the past. The authors believe that due to the indicated asymmetry in the objects of research, the task of linguopolitical personology should be to fill in the existing gaps.

Key words: political communication; political discourse; linguopolitical personology.

REFERENCES

- Ahrens, K. (ed.) (2009). *Politics, Gender and Conceptual Metaphors*. Palgrave Macmillan UK.
- Babenkova, E. A. (2016). Funktsionalnyye parametry politicheskoy metafory. In: *Lingvisticheskiye i ekstralingvisticheskiye problemy kommunikatsii: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty*. Saransk: Mordovskiy gos. un-t im. N. P. Ogareva. 41—45. (In Russ.).
- Beganyan, L. A. (2015). Kommunikativnyye metody kharizmaticheskikh liderov: Margaret Thatcher. In: *Kommunikatsiya v sovremennom polikulturnom mire: pragmatika lingvisticheskogo znaka*. Moskva: Pearson. 24—32. (In Russ.).
- Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A., Nikiforova, M. V. (2018). Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovaniye diskursa politicheskikh liderov. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 9 (1): 14—31. (In Russ.).
- Chudinov, A. P., Nikiforova, M. V. (2018). Lingvopoliticheskaya personologiya kak nauchnoye napravleniye. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*, 1: 45—52. (In Russ.).
- Du, Sh. (2017). Rechevoy portret sovremennoy delovoy zhenshchiny (Irina Khakamada). In: *Sovremennyye tendentsii v izuchenii i prepodavanii russkogo yazyka i literatury*. Sankt-Peterburg: SPbGUPTiD. 99—103. (In Russ.).
- Ergashev, A. A. (2015). Otrazheniye obshchestvennykh i politicheskikh protsessov v SSHa v voyennyykh metaforakh Baraka Obamy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 393: 48—54. (In Russ.).
- Gornostayeva, A. A. (2018). Ironicheskiye metafory v politicheskom diskurse. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Lingvistika*, 1 (22): 108—125. (In Russ.).
- Ivanović, I. (2017). Comparative study of metaphor in British and United States of America (US) political discourse. *XLinguae Journal*, 10 (2): 16—29.
- Kalashova, A. S., Pantyukhova, P. V. (2016). K voprosu o roli kognitivnoy metafory v ispanskom politicheskom diskurse. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 4 (58) / 2: 96—100. (In Russ.).
- Kamalu, I., Iniworikabo, P. B. (2016). Metaphors in Selected Political Speeches of Nigerian Democratic Presidents. *California Linguistic Notes*, 40 (2): 71—84.
- Kameneva, V. A., Perevalova, A. A. (2012). Sfery-istochniki metaforicheskoy ekspansii v rechakh B. Obamy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 17 (271): 80—86. (In Russ.).

- Kondratyeva, O. N. (2010). Metaforicheskaya reprezentatsiya politicheskoy zhizni Ukrainy v idiosile Yulii Timoshenko. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (34): 101—112. (In Russ.).
- Kondratyeva, O. N. (2011). Metaforicheskoye modelirovaniye vnutrennego mira kak sposob sozdaniya obraza politicheskogo protivnika (obraz Ivana Groznogo v interpretatsii Andrey Kurbskogo). *Politicheskaya lingvistika*, 3: 220—226. (In Russ.).
- Kondratyeva, O. N., Kovaleva, K. A. (2016). Dinamika metaforicheskikh modeley v politicheskoy kommunikatsii (na primere vystupleniy Yu. Timoshenko). *Politicheskaya lingvistika*, 4 (58): 40—54. (In Russ.).
- Li, Khun, S. (2017). Metafora v rechi predsedatelya KNR Si Tszinpinga. *Politicheskaya lingvistika*, 6 (66): 135—140. (In Russ.).
- Lu, L., W. L. (2008). Ideological influence on BUILDING metaphors in Taiwanese presidential speeches. *Discourse and Society*, 19 (3): 383—408.
- Maykova, Yu. V. (2018). Metafora v politicheskom diskurse (na materiale vystupleniy Kh. Klinton). *Molodoy uchenyy*, 24: 353—354. (In Russ.).
- Medvedeva, E. A., Spitsyna, N. A. (2013). Manipulyatsiya soznaniyem s ispolzovaniyem kontseptualnoy metafory v pervichnom politicheskom diskurse. In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii*. Novosibirsk: SibAK. 99—112. (In Russ.).
- Nekhorosheva, A. M. (2012). Kontseptualnaya metafora kak mekhanizm realizatsii kognitivnoy matritsy «svoe — chuzhoy» v politicheskom diskurse (na primere vystupleniy Angely Merkel). *Politicheskaya lingvistika*, 4 (42): 157—162. (In Russ.).
- Nikiforova, M. V. (2016a). *Dinamika rechevogo portreta regionalnogo politika (na materiale ustnoy dialogicheskoy rechi mera Ekaterinburga E. V. Roymana): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Nikiforova, M. V. (2016b). Metodologiya i metodika lingvopoliticheskoy personologii. In: *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskoy kommunikatsii*. Ekaterinburg: URGPU. 182—198. (In Russ.).
- Pasaribu, T. A. (2016). Domains of Political Metaphors in Presidential Speeches. *LLT Journal*, 19 (2): 96—104.
- Penninck, H. (2014). *An analysis of metaphor used in political speeches responding to the financial crises of 1929 and 2008*. MA: Universiteit Gent.
- Privalova, E. V. (2016). Metafora v politicheskikh rechakh amerikanskikh i rossiyskikh prezidentov. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 5 / 4 (17): 108—110. (In Russ.).
- Selivanova, I. V. (2019). Voennoye metafory v rozhdestvenskikh obrashcheniyakh korolya Ispanii. *Politicheskaya lingvistika*, 4: 61—65. (In Russ.).
- Semino, E., Masci, M. (1996). Politics Is Football: Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy. *Discourse and Society*, 7 (2): 243—269.
- Shirmanov, I. A. (2006). Kontseptualnaya metafora v diskurse prezidentskoy predvybornoy kampanii (2004 g.). *Politicheskaya lingvistika*, 1 (20): 170—175. (In Russ.).
- Syaosyao, Ts. (2016). Ob issledovanii metafory v amerikanskom prezidentskom diskurse. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (58): 239—243. (In Russ.).
- Timofeyev, S. E. (2016). Rol' metafory v pobede Donalda Trampa. In: *Nauchno-tehnicheskyy progress: aktualnyye i perspektivnyye napravleniya budushchego*. Kemerovo: OOO «Zapadno-Sibirskiy nauchnyy tsentr». 63—66. (In Russ.).

- Timofeyev, S. E., Khrabrova, E. S. (2016). Naturomorfная метафора в американском президентском дискурсе (diakhronicheskiy aspekt). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (30): 224—227. (In Russ.).
- Trichik, M. V. (2014). Analiz kognitivnykh metafor, predstavlennykh v korpuse politicheskogo diskursa predvybornoy prezidentskoy kampanii v SShA 2012 goda. *Vestnik KazNU. Ser. Filologicheskaya*, 1 (147): 200—205. (In Russ.).
- Tsagolova, V. A. (2014). Politicheskaya metafora v strukture sotsiopersonalnogo kontsepta Kanzlerin Angela Merkel (na materiale nemetskogo yazyka). *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (30): 141—144. (In Russ.).
- Vershinina, T. S. (2002). *Zoomornaya, fitomornaya i antropomornaya metafora v sovremenном politicheskom diskurse: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Vinnikova, O. M. (2018). Spetsifika ispolzovaniya metafory v politicheskom diskurse. In: *Sovremennaya filologiya*. Kazan': Molodoy uchenyy. 18—20.
- Xue, J., Mao, Z., Li, N. (2013). Conceptual Metaphor in American Presidential Inaugural Addresses. *Theory and Practice in Language Studies*, 3 (4): 678—683.
- Zhabotinskaya, S. A. (2016). Kontseptualnyye metafory v publichnykh rechakh Baraka Obamy i Vladimira Putina (2014—2015 gg.). *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs*, 13: 43—91. (In Russ.).
- Zinoviyev, N. V., Nakhimova, E. A. (2019). Dominantnaya metaforicheskaya model' dvizheniya v diskurse prem'yer-ministra Velikobritanii Devida Kemerna: metodika issledovaniya temporalnoy dinamiki. *Politicheskaya lingvistika*, 1 (73): 57—64. (In Russ.).

Лаврова С. Ю. Концептуальный статус нереферентного употребления местоимений в литературно-критическом дискурсе писателя-беллетриста XIX века Н. Д. Ахшарумова / С. Ю. Лаврова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 97—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-97-111.

Lavrova, S. Yu. (2020). Conceptual Status of Non-Reference Use of Pronouns in the Literary and Critical Discourse of the 19th Century Writer N. D. Akhsharumov. *Nauchnyi dialog*, 1: 97-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-97-111. (In Russ.).

УДК 81'367.626.1/.2+821.161.1Ахшарумов.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-97-111

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СТАТУС НЕРЕФЕРЕНТНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПИСАТЕЛЯ-БЕЛЛЕТРИСТА XIX ВЕКА Н. Д. АХШАРУМОВА

© Лаврова Светлана Юрьевна (2020), orcid.org/0000-0003-3628-3463, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет» (Череповец, Россия), svella1012@mail.ru.

Рассматривается авторское употребление личных и притяжательных местоимений в литературно-критическом дискурсе писателя-беллетриста XIX века Н. Д. Ахшарумова (1820—1893 гг.). Поднимается вопрос о специфике коммуникативности используемых автором местоимений, характеризующейся богатством референтных и нереферентных интерпретаций. Новизна исследования видится в том, что впервые предлагается дискурсивный анализ референции двух разрядов местоимений в литературно-критической работе, неизвестной широкому кругу читателей. В качестве материала исследования используется литературно-критическая статья «О порабощении искусства» (1858), в которой выражены основные эстетические и этические подходы писателя к пониманию творчества. Проводится поэтапный дискурсивный анализ личных и притяжательных местоимений с выявлением их базовых функций: референтных (дейктической — анафорической) и нереферентной (концептуальной). Показано, что при смене функции местоимений с референтной на нереферентную меняется и текстовый статус языковых единиц. Доказывается, что местоимения в авторском контексте при нереферентном употреблении приобретают статус модусных концептов авторского повествования.

Ключевые слова: литературно-критический дискурс; Н. Д. Ахшарумов; личные и притяжательные местоимения; референтное и нереферентное употребление; языковая концептуализация; модусные местоименные концепты.

1. Введение

Дискурсивная практика представляет собой продуктивную среду для лингвистического анализа особенностей функционирования языковых

единиц, принадлежащих разным уровням языковой системы. Особое место среди языковых единиц занимают местоимения, лексико-семантический класс слов, коммуникативный потенциал которых очень объемён и может интерпретироваться различно в зависимости от контекста. Лингвисты отмечают, что именно местоимения как главное средство референции [Падучева, 2018; Гранева, 2010; Дронсейка, 2012; и др.] имеют парадигмы, вторичные по отношению к их коммуникативным формам, поскольку ценность функционального качества каждого местоименного варианта очень велика [Урунова, 2007]. Дискурсивная сфера репрезентации местоимений представляет собой широчайший диапазон: от личностно-ориентированного дискурса до институционального. Литературно-критический дискурс в качестве подвида публицистического характеризуется признаками, присущими публицистике, и идиостилевыми, персонально-авторскими. Выбор писателя-беллетриста XIX века Н. Д. Ахшарумова обусловлен тем, что не только писатели — фигуры первого плана, но и так называемые «фоновые фигуры» заслуживают внимательного изучения, поскольку в их творчестве отражается эпоха. Исследователи отмечают, что литературная репутация, в частности, такого писателя-критика, как Н. Д. Ахшарумов с его фундаментальными статьями, должна быть пересмотрена в пользу другой, более справедливой [Козлов, 2018].

В качестве объекта исследования выбраны личные и притяжательные местоимения, дискурсивная роль которых обусловлена не столько их семантикой, сколько прагматикой. Основная цель работы: показать текстовую значимость данных местоимений в создании авторских концептов, определяющих специфику литературно-критического дискурса Ахшарумова. Материалом для анализа послужила статья «О порабощении искусства» [Ахшарумов, 2019, с. 6—44], представляющая собой фрагмент корпуса критических статей автора [Ахшарумов, 2019]. В качестве базового метода исследования материала предлагается метод дискурсивного анализа текста. Способность местоимений выступать в разных синтаксических функциях, от члена предложения до средства организации структуры сложного синтаксического целого, позволяет данному лексико-семантическому классу демонстрировать разнообразные референциально-дейктические и референциально-анафорические возможности. Посредством местоимений явления внешнего объективного мира интерпретируются через субъектно-персональную призму *я* и посессивную призму *мой*, при этом формируются индивидуально-авторские концепты. Расширение границ текста до пространства дискурса осуществляется критиком за счет диалогичности текста, выраженной в употреблении *мы* и *наше*.

Обозначим алгоритм анализа исследовательского материала: (1) дается определение литературно-критического дискурса, отмечаются специфические особенности дискурсивного употребления личных и притяжательных местоимений; (2) обосновывается выбор наиболее релевантных грамматических категорий, средствами выражения которых являются местоимения, обнаруженные в тексте литературно-критической статьи Ахшарумова; (3) рассматриваются примеры референтного употребления личных и притяжательных местоимений в указанной работе; (4) выполняется анализ нереферентных употреблений местоимений, формирующих ключевые модусные концепты литературно-критического дискурса.

2. Литературно-критический дискурс как сфера концептуализации местоимений

Диалогичность как основная характеристика литературно-критического дискурса (подвида публицистического) продуктивно используется его создателями. Во-первых, писатель-критик работает в жанре публицистики, выбирая насущные проблемы, интересующие социум; привлекая читателя не только содержанием, но и способом изложения информации; соблюдая условия коммуникации, при которых автор скрывает свое «я» с помощью обобщенных употреблений, объединяющих его с читателями. Во-вторых, автор грамотно использует как публицистический стиль, так и литературно-художественный для цитирования в критической статье. Н. Д. Ахшарумов в работах критического характера (известно 15 статей автора) представлял свое личное мнение как обобщенное, типизированное, единое для всех его читателей, например: *Посмотрите на те органы деятельности, где общественное мнение выражается яснее всего, то есть на наши европейские журналы и газеты вообще...* [Ахшарумов, 2019, с. 7]; *... мы точно стоим на конце нашего литературного поприща и далее этого конца не пойдём. Убедиться в этом нетрудно <...>* [Там же, с. 44].

Исследователь В. Н. Крылов отмечает, что необходимо различать публицистическую критику и публицистику как элемент литературно-критического текста [Крылов, 2007]. С точки зрения данного автора, современная критика совмещает в анализе произведений и личный опыт самого критика, и автобиографические фрагменты, и характеристику эпохи, и опыт общественных нравов, и т. д. [Крылов, 2007, с. 120]. Отметим, что литературно-критические опыты Ахшарумова еще в XIX веке представляли собой подобные формы изложения. Достаточно обратиться к одной из статей критика, посвященной анализу классического произведения Л. Н. Толстого «Война и мир» [Лаврова, 2017]. Исследования творческого наследия

оригинального беллетриста XIX века начались достаточно недавно, литературоведы определили литературно-критические статьи Ахшарумова как близкие эстетической критике 1860-х годов. Своего рода эстетической программой является выбранная нами для анализа статья «О порабощении искусства» (1858), в которой встречаются прямые переклички с представителями эстетической критики [Володина, 2019, с. 351—352], отстаивавшими самоценность искусства.

Отметим, что специфика литературно-критического дискурса, в котором употребление местоимений — отличительный факт, определяется: 1) жанром текста, на базе которого строится дискурс; 2) авторским тезаурусом, обуславливающим уникальность интерпретации; 3) объектом анализа, то есть тем произведением, которое автор статьи подвергает критическому разбору; 4) тематической базой проблемы, предложенной адресату для обсуждения; 5) арсеналом языковых единиц, избираемых автором, и особенностями их синтактико-стилистического применения; 6) концептуализацией базовых смыслов в контексте исследовательского дискурса.

3. Личные и притяжательные местоимения в контексте референции: краткий обзор лингвистической литературы

Базовая авторитетная работа Е. В. Падучевой, в которой референция рассматривается в естественном языке, во многом определила направление анализа одного из главных ее средств — местоимений [Падучева, 2018]. Автор работы характеризует местоимения как самый чистый класс предметной референции, однако отмечает в трудах современных исследователей тенденцию «называть референциальными все виды отношений языковых выражений с действительностью, а не только отношения обозначающих выражений» [Падучева, 2018, с. 12]. Одной из главных характеристик местоимений в коммуникативно-функциональном аспекте является их нацеленность на субъективную оценку объективного мира — индивидуализацию своих референтов [Семенова, 2015]. В отличие от других частей речи семантика местоимения по отношению к элементам дискурса может характеризоваться различной референциальной составляющей, определяемой диадой адресант — адресат и их фондом знаний. В дискурсивном пространстве местоимения (в частности, личные) могут выполнять функции дейктическую, анафорическую, когерентную, демонстрируя свою многофункциональность.

За последние десятилетия появилось значительное количество научных работ, посвященных анализу личных местоимений в контексте референции. Доказывается, что местоимение есть одно из средств выраже-

ния категорий текста (на материале английского языка) [Советов, 2012]; неявные значения личных местоимений рассматриваются в референтных и нереферентных ситуациях дискурса (на материале испанского языка) [Яковлева, 2012]; проводится сопоставительный анализ дейктических и анафорических референциальных местоимений естественных языков [Селеменова, 2005]; сравниваются эгоцентризм личного местоимения *я* и альтруизм личного местоимения *мы* в художественных текстах русского языка [Дронсейка, 2012]; обосновывается деление на референтное / нереферентное употребление местоимений с учетом явных и скрытых участников коммуникации в тексте [Гранева, 2008, с. 208] и др. работы. Предметом анализа выступает соотношение референтного и нереферентного употреблений личных местоимений в научных и художественных дискурсах, но мы не встречали работ, в которых рассматривалась бы референция этих языковых единиц на материале текстов литературной критики.

Притяжательные местоимения изучаются в функциональном аспекте столь же активно, о чем свидетельствуют исследования многих лингвистов [Селиванова, 2012; Миллионщикова, 1990; Ушакова, 2011] и др. Известная работа А. Д. Шмелева посвящена анализу притяжательных местоимений как ядру класса посессивов в русском языке [Шмелев, 2008]. Исследователь Н. Н. Болдырев затрагивает проблему анализа атрибутивных словосочетаний с притяжательным местоимением *мой*, которые «могут рассматриваться в качестве метонимических моделей концептуализации опыта и репрезентации знаний о мире в пропозициональной форме» [Болдырев, 2019, с. 268]. С нашей точки зрения, использование таких моделей в структуре литературно-критического дискурса позволяет зафиксировать концептуальное видение автором тех или иных базовых понятий его ремесла, например, критической оценки эпохи, в которой он проживает, и профессиональных представлений о художественном творчестве.

Лингвисты отмечают и тот факт, что посессивные построения могут включать средства различных языковых уровней, «главным компонентом семантики которых является идея некой сопричастности двух объектов экстралингвистической действительности, при которой один из объектов включается в сферу бытия другого» [Давлетшина, 2018, с. 9]. И. Р. Куралева показывает, что отношение владения, собственности формируется на основе прототипической модели: «В качестве посессора всегда выступает человек, а в качестве объекта обладания — вещь. Все остальные объекты обладания, формирующие другие значения посессивных высказываний, образуют зону метафорического расширения» категории посессивности

[Куралева, 2007, с. 8]. Зона метафорического расширения и интересует нас при анализе местоимений в авторском дискурсе критики.

4. Местоименные модусные концепты НАШЕ ВРЕМЯ и МЫ в литературно-критическом дискурсе Н. Д. Ахшарумова

Для анализа специфики личных местоимений обратимся к языковой категории персональности. Данную категорию лингвисты относят к дейктическим категориям в языке, ядром которой является грамматическая категория лица. Нас интересует Я-говорящий / Мы-говорящие, поскольку речь идет о субъекте, названном в тексте. На периферии зоны персональности при реализации ее языковых средств в дискурсе текста могут оказаться местоимения, приобретающие контекстные значения персонифицированных объектов, например, значение лица. Этот процесс возможен потому, что референтная семантика указанных местоимений диктует «свои условия», расширяя возможности «Я-говорящего» и «Я-обладающего». Дейктическая функция местоимений вытесняется номинативной, если употребление личного местоимения носит нереферентный характер.

Литературно-критическая статья «О порабощении искусства» характеризуется сложным семантико-синтаксическим строем, поскольку автор, как кажется на первый взгляд, избыточно использует личные местоимения, запутывая адресата в поисках референта. Частотность употребления личного местоимения *он*, например, вызывает желание номинировать лицо. Дальнейший анализ текста показывает, что частотное использование личных местоимений есть авторский изобразительный прием.

В работе Ахшарумова употребление личных местоимений, соответствующих их референтному классу, единичны. Например, личное местоимение *я*, указывающее на субъект речи согласно своему категориальному значению, предполагает основного референта — автора: *Что думает наше время о себе самом? Я полагаю, то же самое, что оно всегда о себе думало, то есть очень много* [Ахшарумов, 2019, с. 6]. Субъективно-авторское представление о происходящем в литературном мире усиливается использованием ментального глагола *полагаю* с ярко выраженной модальностью предположения. Использование личного местоимения *я* в дейктической функции встречается в тексте один раз, далее в процессе рассуждения о *нашем времени* автор переходит на личное местоимение *мы*, наполняя его вовсе не референтным содержанием. В референтной анафорической функции используется в работе и местоимение *он*, заменяющее имена писателей и критиков XIX века, упоминаемых на страницах статьи: *В 1836 году умер Пушкин, еще задолго до своей смерти подаривший Гоголю идею его Ревизора и мертвых*

Душ. *Богат был этот человек, если он мог дарить другим такие находки....<...> Для него было все доступно...<...> Он все себе подчинял... <...> Он не оставил за собой школы... <...> Он, как Протей, жил во всех им созданных лицах... <...> Он редко повторялся...* [Ахшарумов, 2019, с. 28]. Такими же примерами из текста мы можем проиллюстрировать описание Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и др. Личное местоимение *он* выполняет не только анафорическую функцию, заменяя имя собственное как базовую номинацию, но и стилистическую. Наиболее частотное местоимение *он* в непосредственной референтной функции выступает и в тех частых случаях, когда его использование обосновано грамматической семантикой языковой единицы — обозначает отсылку к предыдущему месту в тексте. На смысловом повторе местоимений держится строгая композиция литературно-критической статьи. Например, притяжательное местоимение *наше* употребляется автором на трех страницах 20 раз (страницы 6—8), поскольку играет ключевую роль в формировании модусного концепта НАШЕ ВРЕМЯ. Статья начинается с рассуждения о специфике *нашего времени* и заканчивается мыслью о том, что представители *нашего времени* (писатели-современники, к числу которых автор относит и себя) не способны создать яркие литературные произведения из-за опустошенности поколения: *Там и сям пахивает уже весною; но многое, и в том числе наша литература, плетется еще по старой дороге. Придет, однако ж, время, когда и она стряхнет с себя старую кору, когда-нибудь и в ней должен начаться переворот, и тогда мы пойдем совершенно в отставку; о нас говорить даже перестанут, как о людях нашего времени — мы перейдем в историю* [Ахшарумов, 2019, с. 43].

В целом неопределенность референции детерминруется вопросом, с которого начинается рассуждение о современном искусстве. Автор приглашает к диалогу своих читателей, пытаясь в дальнейшем выстроить цепочку доказательств заявленного в начале статьи тезиса о персонифицированном *нашем времени*.

Материал показывает, что в анализируемой работе есть два основных референтных употребления личных местоимений: прямая соотнесенность с обозначаемыми субъектами *я* — (автор), *он* — (писатель: Пушкин, Лермонтов, Гоголь и другие). Например: *Я полагаю...* [Ахшарумов, 2019, с. 6]; *Начало литературной карьеры Гоголя <...> мы еще можем отнести к цветущему периоду, но все, что он после писал, уже пахнет осенью...* [Ахшарумов, 2019, с. 30] или: *Современником Гоголя и Лермонтова в теоретическом отделе изящной словесности был Белинский <...> Он был весь пропитан теориями, от головы до конца ногтей; он был педагог и ментор в полном смысле слова...* [Ахшарумов, 2019, с. 40].

Нереферентное употребление личных и притяжательных местоимений формирует концептуальный смысл литературно-критического дискурса Ахшарумова. Основными концептами выступают модусные концепты НАШЕ ВРЕМЯ и МЫ. Имя *время* с учетом атрибута *наше* напрямую связано с субъектом, приобретает в авторском дискурсе черты одушевленного существа со своим характером и привычками. *Наше время* графически выделяется авторским курсивом как особо значимое употребление и атрибутируется как *...тот короткий срок, в течение которого известная кучка людей называется мы и после которого она теряет это право естественным путем движения, уносящего ее в прошедшее* [Ахшарумов, 2019, с. 6]. При нереферентном употреблении местоимения *наше* осуществляется метафоризация самого понятия времени как действующего ментального лица наравне с другими субъектами текста. Концептуальный смысл словосочетания *наше время* задается автором с самого начала статьи, потому что персонификация времени позволяет автору дать ему ментальную характеристику с негативной оценочностью. НАШЕ ВРЕМЯ высокомерно: *... оно всегда о себе думало...<...> очень много* [Ахшарумов, 2019, с. 6]; *... считало себя по всем существенным статьям лучше не нашего времени и самодовольно пожимало плечами* [Там же]; *Такая дурная привычка нашего времени вообще...* [Там же, с. 7] и т. д. НАШЕ ВРЕМЯ определяется как: 1) мыслящее существо (*думает о себе самом, пожимает плечами*); 2) заносчивое существо (*что дает ему право ужасно чваниться, превозноситься над минувшими временами, нетерпеливо* и др.); 3) разностороннее существо, репрезентаторами которого в тексте выступают и люди, и печатные издания, и технические достижения: *люди нашего времени, эти опытные, тертые, солидные люди, эти битки здравого смысла; наши европейские журналы и газеты с хвалебным воззванием кнашему времени; коньки нашего самолюбия — <...>наши фабрики, железные дороги, электрические телеграфы и <...> тысячи изобретений и усовершенствований разного рода* и т. д. Притяжательное местоимение *наше* приобретает дополнительный смысл в сочетании с именем *время*. Заключенное в существительном понятие приобретает новые черты, наполняется дискурсивными характеристиками: высокомерное, насмешливое, нетерпеливое и т. д. Значение принадлежности существенно дополняется: у притяжательного местоимения нет постоянного класса денотации, его контекстуальный смысл обусловлен тем фактором, что читатели с их пресуппозициями становятся одновременно и участниками процесса.

Концептуальное содержание словосочетания *наше время* в авторском употреблении на всем пространстве текста позволяет выявить модусный

метаконцепт НАШЕ ВРЕМЯ. Модусность понимается нами — вслед за исследователем Н. Н. Болдыревым — как интерпретация знаний о мире с ярко выраженной оценочностью [Болдырев, 2019, с. 306].

Оригинальность интерпретации (авторского наполнения смыслового объема НАШЕГО ВРЕМЕНИ) заключается в том, что данный сюжетобразующий концепт характеризуется с помощью второго местоименного концепта МЫ. Неопределенная субъектная номинация *известная кучка людей* не может быть рассмотрена как референтная. Референт остается не названным, функция притяжательного местоимения *наши* также не может быть определена как референтная.

Второй концепт МЫ имеет сложную конфигурацию, его составляющие связаны причинно-следственными отношениями. У Ахшарумова МЫ есть: 1) автор плюс условные представители *нашего времени*; 2) *известная кучка людей*; 3) *старые сапоги (...придет, наконец, пора, когда и мы останемся назади, будем брошены по дороге, как старые, дырявые сапоги, и жизнь потечет своим чередом без нашего участия, и человек пойдет вперед по-прежнему, но нас уже не возьмет с собою* [Ахшарумов, 2019, с. 7]); 4) *реалисты* (другого референта мы не можем обнаружить, кроме самого автора). Замещающее имя *реалист*, далее *он* (в этом употреблении ярко выражена анафорическая функция личного местоимения) объясняется автором следующим образом: *Мы все реалисты — слово, которым наше поколение очень верно определило свой настоящий характер. Значение этого слова может варьировать до бесконечности свои оттенки, проходя через призму личного понимания разных людей, но в главных чертах оно остается ненарушимо* [Ахшарумов, 2019, с. 8—9]. Далее автор переходит к главному объекту своего анализа — *изящной литературе нашего времени* [Ахшарумов, 2019, с. 12], в которой давно неограниченно властвует *так называемая реальная школа* [Ахшарумов, 2019, с. 12—13]. Характеризуя реалиста как главного представителя нашего времени, автор отмечает любовь реалиста к настоящему, прагматичность и его хваткий характер. Весь ход дальнейшего повествования подчинен идее показать, как вредит изящной литературе реалистичность и наполнение ее острыми проблемами на злобу дня, хотя *...публика требует свободного искусства* [Ахшарумов, 2019, с. 18]. Третий ключевой концепт литературно-критического дискурса СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО характеризуется развернутым содержанием, при описании которого автор использует дейктическое местоимение *оно* как анафорический субститут.

Ахшарумов использует в работе кольцевую композицию: статья завершается, как и начинается, использованием двух ключевых местоиме-

ний — личного местоимения *мы* и притяжательного местоимения *наше*: *Мы, гордые реалисты и представители несравненного века, мы не любим в том признаваться, но тайный голос на дне души шепчет нам горькую истину. Да, на дне души мы отжили свой век, мы поссорились непримиримо с настоящим, мы потеряли всю веру в свое современное и можем утешать себя только одною надеждою, что наши потомки будут счастливее нас...<...> ...о нас говорить уже перестанут, как о людях нашего времени — и мы перейдем в историю* [Ахшарумов, 2019, с. 43]. Материал показывает, что концептуализация опыта и категоризация авторского мира формируют «возможный мир автора», получающий отражение в авторских концептах НАШЕ ВРЕМЯ — МЫ — СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО. Личное местоимение *мы* употребляется автором на страницах статьи 78 раз, однако мы не можем упрекнуть критика в тавтологии. Во всех случаях, когда требуется авторская оценка событий и личностей, участвующих в этих событиях, Ахшарумов привлекает в соавторы читателя-собеседника, являющегося, с его точки зрения, носителем той же идеи, которую репрезентирует автор в критической статье.

Подводя итог рассуждениям, отметим, что интерпретирующий потенциал понятия «время» при употреблении соответствующего слова не в научном тексте концептуально субъективен и не совсем конкретен. Притяжательное местоимение *наше* вне авторского контекста не обладает метафорическим концептуальным смыслом, поскольку словосочетание *наше время* характеризует определенный временной отрезок бытийности, «принадлежащий» группе знающих друг друга субъектов с единой пресуппозицией. В контексте дискурса персонификация употребления *наше время* с учетом его сюжетообразующей роли объективирует концептуальный смысл, позволяющий определить модусный авторский концепт. Интерпретирующий потенциал личного местоимения *мы* вне авторского контекста безгранично широк, поскольку коммуникативность местоимений не вызывает сомнений у исследователей. В авторском тексте, помимо прямой референции, вербализованной с помощью местоимения *мы*, осуществляется и непрямая референция, которая носит адресный характер: *мы* понимается как дискурсивная совокупность адресанта с адресатами текста. Так, в нашем представлении, формируется модусный авторский концепт МЫ.

Стремление автора представить свое личное понимание процессов, происходящих в литературе его времени, как обобщенное, типичное для всех, определяет общую модальность литературно-критического дискурса. Диалог с читателем и вовлечение читателя в созданный «ахшарумов-

ский мир» получает языковое и концептуальное отражение в корпусе его публицистических статей, среди которых представлена и работа «О порабощении искусства».

5. Заключение

Таким образом, личные и притяжательные местоимения как главный объект дискурсивного анализа рассмотрены в работе: 1) с позиции категориальной сущности, в основе которой лежат отношения субъектности, персональности и посессивности; 2) с точки зрения прагматической и стилистической функций, определяющих организацию текстового пространства (указание — сцепление — оформление связности и цельности); 3) с точки зрения концептуальной функции при нереферентном употреблении местоимений и их дискурсивизации.

Дискурсивное использование личных и притяжательных местоимений в различных коммуникативных условиях характеризуется возможностью их применения в прямой дейктической функции «я-говорящий», возможностью их употребления в функции анафорической (первичной референции). Нереферентное употребление данных единиц обусловлено возможностью появления у местоимений концептуального статуса в тех случаях, когда субъект номинации не определен или не однозначен.

Смысловое наполнение индивидуально-авторских концептов НАШЕ ВРЕМЯ и МЫ обусловлено прежде всего основной задачей текста — изложить и обосновать авторскую концепцию порабощенного искусства.

Местоимения как лексико-семантический класс слов активно подвержены модусной категоризации. Как единицы речи местоимения приобретают новые смыслы, на основе понимания которых исследователь при дискурсивном анализе текста может выявлять модусные авторские концепты в «возможном мире» автора.

Источники и принятые сокращения

Ахшарумов Н. Д. Литературная критика и эстетика / Н. Д. Ахшарумов. — Череповец : ЧГУ, 2019. — 426 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2019. — 480 с.
2. *Володина Н. В.* Литературная критика Н. Д. Ахшарумова / Н. В. Володина // Литературная критика и эстетика / Н. Д. Ахшарумов. — Череповец : ЧГУ, 2019. — С. 349—372.

3. *Гранева И. Ю.* О референтном и нереферентном употреблении местоимения *мы* / И. Ю. Гранева // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 4. — С. 206—209.
4. *Гранева И. Ю.* Местоимение *мы* в современном русском языке : коммуникативно-прагматический подход : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. Ю. Гранева. — Нижний Новгород, 2010. — 28 с.
5. *Давлетшина С. М.* Категория посессивности в языке и речи (на материале французского и русского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / С. М. Давлетшина. — Уфа, 2008. — 24 с.
6. *Дронсейка Р. П.* К вопросу об эгоцентризме местоимения «я» и альтруизме местоимения «мы» (на примере прозы Б. Акунина) / Р. П. Дронсейка // Язык. Словесность. Культура. — 2012. — № 1. — С. 8—32.
7. *Козлов А. Е.* Журнал «Всемирный труд»: к вопросу о тактике издания и литературной репутации беллетристов / А. Е. Козлов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2018. — Т. 17, № 6. — С. 15—21.
8. *Крылов В. Н.* Поэтика литературно-критического текста как предмет научного изучения / В. Н. Крылов // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2007. — Т. 149, № 2. — С. 110—122.
9. *Куралева И. Б.* Категория посессивности как фрагмент русской языковой картины мира : конструкция *у кого есть что* : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. Б. Куралева. — Санкт-Петербург, 2007. — 25 с.
10. *Лаврова С. Ю.* Литературный критик XIX века Н. Д. Ахшарумов об этнической ментальности в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / С. Ю. Лаврова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2017. — № 6 (81). — С. 113—121.
11. *Миллионщикова О. П.* Притяжательные местоимения : (Опыт семантико-функционального анализа) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. П. Миллионщикова. — Москва, 1990. — 16 с.
12. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью : Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. — Москва : Издательство ЛКИ, 2018. — 294 с.
13. *Селеменова Л. А.* Прагмалингвистический аспект дейктических и анафорических референциальных местоимений (на материале русских и американских коротких рассказов XIX века и их переводов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Л. А. Селеменова. — Ростов-на-Дону, 2005. — 20 с.
14. *Семенова Т. Н.* Диалектический характер личных местоимений [Электронный ресурс] / Т. Семенова // Электронный научно-практический журнал Гуманитарные научные исследования. — 2015. — № 3. — Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2015/03/9430>.
15. *Советов И. М.* Личные местоимения первого лица как фактор текстообразования (на материале английского языка) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / И. М. Советов. — Москва, 2012. — 17 с.
16. *Сушкова И. М.* Принадлежность в семантико-функциональном поле посессивности : на материале русского и английского языков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. М. Сушкова. — Воронеж, 2007. — 22 с.

17. Урунова Р. Д. Русские местоимения в функциональном аспекте : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Р. Д. Урунова. — Саратов, 2007. — 47 с.

18. Ушакова А. П. Грамматические формы категории принадлежности в русском и сербском (сербохорватском) языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. П. Ушакова. — Челябинск, 2011. — 42 с.

19. Шмелев А. Д. Посессивы в современной русской грамматике / А. Д. Шмелев // Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — С. 927—942.

20. Яковлева Е. В. Референтное и нереферентное употребление указательных местоимений в испанском языке / Е. В. Яковлева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2012. — № 1 (116). — С. 152—156.

CONCEPTUAL STATUS OF NON-REFERENCE USE OF PRONOUNS IN THE LITERARY AND CRITICAL DISCOURSE OF THE 19TH CENTURY WRITER N. D. AKHSHARUMOV

© Svetlana Yu. Lavrova (2020), orcid.org/0000-0003-3628-3463, Doctor of Philology, professor, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia), svella1012@mail.ru.

The author uses personal and possessive pronouns in the literary and critical discourse of the 19th century writer and fiction writer N. D. Akhsharumov (1820—1893). The question is raised about the specificity of communicativeness of the pronouns used by the author, characterized by a wealth of referential and non-referential interpretations. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time a discursive analysis of the reference of two categories of pronouns in literary and critical work, unknown to a wide circle of readers, is offered. The material of the study uses the literary and critical article “On the enslavement of art” (1858), which expresses the main aesthetic and ethical approaches of the writer to understanding creativity. A phased discursive analysis of personal and possessive pronouns is carried out with the identification of their basic functions: reference (deictic — anaphoric) and non-reference (conceptual). It is shown that when changing the function of pronouns from the reference to the non-reference, the text status of the language units also changes. It is proved that pronouns in the author's context with non-reference use acquire the status of modus concepts of the author's narration.

Key words: literary and critical discourse; N. D. Akhsharumov; personal and possessive pronouns; reference and non-reference use; language conceptualization; fashionable pronoun concepts.

MATERIAL RESOURCES

Akhsharumov, N. D. (2019). *Literaturnaya kritika i estetika*. Cherepovets: ChGU. (In Russ.).

REFERENCES

Boldyrev, N. N. (2019). *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka*. Moskva: Izdatelskiy Dom YaSK. (In Russ.).

Davletshina, S. M. (2008). *Kategoriya posessivnosti v yazyke i rechi (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Ufa. (In Russ.).

Dronseyka, R. P. (2012). K voprosu ob egotsentrizme mestoimeniya “ya” i altruizme mestoimeniya “my” (na primere prozy B. Akunina). *Yazyk. Slovesnost'. Kultura*, 1: 8—32. (In Russ.).

Graneva, I. Yu. (2008). O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimeniya my. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 4: 206—209. (In Russ.).

Graneva, I. Yu. (2010). *Mestoimenie my v sovremennom russkom yazyke: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Nizhnyy Novgorod. (In Russ.).

Kozlov, A. E. (2018). Zhurnal «Vsemirnyy trud»: k voprosu o taktike izdaniya i literaturnoy reputatsii belletristov. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 17 (6): 15—21. (In Russ.).

Krylov, V. N. (2007). Poetika literaturno-kriticheskogo teksta kak predmet nauchnogo izucheniya. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 149 (2): 110—122. (In Russ.).

Kuraleva, I. B. (2007). *Kategoriya posessivnosti kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: konstruktsiya “u kogo est’ chto”*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Lavrova, S. Yu. (2017). Literaturnyy kritik XIX veka N. D. Akhsharumov ob etnicheskoy mentalnosti v romane L. N. Tolstogo “Voyna i mir”. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6 (81): 113—121. (In Russ.).

Millionshchikova, O. P. (1990). *Prityazhatelnyye mestoimeniya: (Opyt semantiko-funktionalnogo analiza)*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).

Paducheva, E. V. (2018). *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost’ s deystvitelnostyyu. Referentsialnyye aspekty semantiki mestoimeniy*. Moskva: Izdatelstvo LKI. (In Russ.).

Selemeneva, L. A. (2005). *Pragmalingvisticheskiy aspekt deyticheskikh i anaforicheskikh referentsialnykh mestoimeniy (na materiale russkikh i amerikanskikh korotkikh rasskazov XIX veka i ikh perevodov)*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Rostov-na-Donu. (In Russ.).

Semenova, T. N. (2015). Dialekticheskiy kharakter lichnykh mestoimeniy. *Elektronnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal Gumanitarnyye nauchnye issledovaniya*, 3. Available at: <http://human.snauka.ru/2015/03/9430> (In Russ.).

Shmelev, A. D. (2008). Posessivy v sovremennoy russkoy grammatike. In: *Dinamicheskiye modeli. Slovo, predlozhenie, tekst*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 927—942. (In Russ.).

Sovetov, I. M. (2012). *Lichnyye mestoimeniya pervogo litsa kak faktor tekstoobrazovaniya (na materiale angliyskogo yazyka)*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).

Sushkova, I. M. (2007). *Prinadlezhnost’ v semantiko-funktionalnom pole posessivnosti: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Voronezh. (In Russ.).

Urunova, R. D. (2007). *Russkie mestoimeniya v funktsionalnom aspekte*: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Saratov. (In Russ.).

Ushakova, A. P. (2011). *Grammaticheskiye formy kategorii prinadlezhnosti v russkom i serbskom (serbokhorvatskom) yazykakh*: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Chelyabinsk. (In Russ.).

Volodina, N. V. (2019). Literaturnaya kritika N. D. Akhsharumova. In: *Akhsharumov, N. D. Literaturnaya kritika i estetika*. Cherepovets: ChGU. 349—372. (In Russ.).

Yakovleva, E. V. (2012). Referentnoye i nereferentnoye upotrebleniye ukazatelnykh mestoimeniy v ispanskoy yazyke. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1 (116): 152—156. (In Russ.).

Мельникова Е. М. Производные с формантом *-тека* в современном русском языке / Е. М. Мельникова, Ж. К. Гапонова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 112—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-112-123.

Melnikova, E. M., Gaponova, Zh. K. (2020). Derivatives with Formant *-teka* in Modern Russian. *Nauchnyi dialog*, 1: 112-123. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-112-123. (In Russ.).

УДК 811.161.1'373.611

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-112-123

ПРОИЗВОДНЫЕ С ФОРМАНТОМ *-ТЕКА* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Мельникова Екатерина Михайловна (2020), orcid.org/0000-0002-9795-0971, SPIN 3134-1990, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (Ярославль, Россия), em09@mail.ru.

© Гапонова Жанна Константиновна (2020), orcid.org/0000-0001-9248-226X, SPIN 9005-6469, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (Ярославль, Россия), jangap1@mail.ru.

Статья посвящена анализу словообразовательной активности суффиксоида *-тека* в современном русском языке. Материалом послужили данные современных словарей и собранная авторами картотека употреблений лексем. Актуальность исследования обусловлена активизацией деривационного потенциала форманта *-тека* в русском языке. В работе показано, что до сих пор нет однозначного мнения среди ученых-лингвистов относительно статуса компонента греческого происхождения *-тека*: он интерпретируется как суффикс, связанный корень, суффиксоид. На примерах продемонстрировано, что он присоединяется к свободным и связанным основам русского и иноязычного происхождения и выражает значения 'собрание' и 'хранилище', метонимически связанные друг с другом и не всегда разделяемые в словарных толкованиях. Особое внимание уделяется анализу новых лексем, содержащих суффиксоид *-тека* (*пивотека*, *лактека*, *знотека*, *новотека*, *полезнотека*, *флиртотека* и др.). Отмечается, что способность аффиксоида присоединяться к свободным корням и прозрачность его семантики приводят к появлению новообразований. В статье доказывается, что этот формант расширяет свою сочетаемость в современном русском языке. Показано, что он присоединяется к основам не только субстантивного, но и адъективного и глагольного типа, при этом реализуются механизмы языковой игры.

Ключевые слова: суффиксоид *-тека*; словообразовательный формант; семантика; сложное слово; деривация.

1. Вводные замечания

«Процессы реальной действительности, требуя новых наименований, активизируют определённые звенья словообразовательной системы», — отмечают авторы монографии «Русский язык конца XX столетия (1985—

1995) [РЯ, 1996, с. 138]. В языке XXI века активность ряда словообразовательных моделей, отдельных аффиксов представлена также широко ([Кузьмина, 2015; Новые тенденции ..., 2014; Современный ..., 2010]).

В ряду актуальных процессов в современном словопроизводстве часто выделяется активизация различных заимствованных элементов, служащих словообразовательными формантами для новых лексических единиц. Среди них — префиксальные компоненты *пост-*, *анти-*, *про-*, *псевдо-*, *квази-*, *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *мега-*, *экс-*, *нано-*, суффиксальные форманты *-изм-*, *-фикаций-*, *-изаций-*, *-инг-*, *-мен-*, *-аж-*, *-дром-*, *-мат-* и др. Ср. также замечание Л. П. Крысина о «свежих» «словообразовательных комплексах» *-мейкер*, *-гейт* [Крысин, 2008, с. 67]. Многие из продуктивных аффиксов «преимущественно греко-латинского происхождения» «в современном русском языке приобретают статус аффиксоидов <...>: *евро-*, *макро-*, *-медиа*, *микро-*, *мини-*, *теле-*, *этно-*; *-ман*, *-ман(ия)*, *-фоб(ия)* и др.» [Новые тенденции ..., 2014, с. 147]. При этом словообразовательная активность препозитивных и постпозитивных морфем обосновывается тенденцией формирования международного фонда словообразовательных морфем [Кузьмина, 2015, с. 150].

Сложение — заимствованных корней, аффиксов либо заимствованных элементов с исконно русскими словами / основами — становится одним из ведущих способов словообразования в современной речи. Увеличение количества сложных имён пополняет словообразовательную систему русского языка «новыми формантами радикалоидного и аффиксоидного типа», изменяет «продуктивность и статус самой модели» [Кузьмина, 2015, с. 149]. Характерной особенностью подобных новообразований Н. С. Валгина называет «всевозможные комбинации самых разнообразных словообразовательных элементов — от приставок (как русских, так и чаще иноязычных) до цельнооформленных слов, которые объединяются в сложные и составные наименования» [Валгина, 2003, с. 139]. Ср. также метафору Е. А. Земской «каскад неузуальных слов», который может формироваться из единиц, а) относящихся к одному словообразовательному типу; б) относящихся к одному способу словообразования <...>; в) имеющих одну и ту же базовую основу» [РЯ, 1996, с. 129—132].

Применима ли метафора «каскада» к образованию слов с формантом *-тека* в современном русском языке — вопрос дискуссионный, однако его словообразовательная активность в речи не вызывает сомнений.

2. Статус форманта *-тека* в современном русском языке

Компонент греческого происхождения *-тека* давно освоен русским языком в качестве составной части сложных слов, «обозначающих со-

бране, совокупность каких-н. предметов, произведений искусства, книг и т. п.» [ССИС, 2014, с. 336]. В настоящее время отмечается активизация деривационного потенциала форманта *-тека* в русском языке.

В ряде исследований его относят к заимствованным суффиксам. «Среди новых формантов, образующих предметную лексику, — отмечает Е. А. Земская, — есть два разряда: аффиксоиды (*ход-*, *-воз-*, *-лёт* и под.) и аффиксы (ср. «молодые» суффиксы типа *-дром*, *-тека*) <...> Первые сохраняют связи с корневыми морфемами (ср. *-ход* и *ходить*, *-лёт* и *летать*), тогда как вторые таких связей не имеют, ибо в языке <...> нет слов с корнями *-дром*, *-тека* и под; <...> вторые имеют особый — аффиксоподобный — характер значения» [Земская, 1992, с. 35; Белякова, 2006].

Однако в современном «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» данный формант не представлен, поскольку характеризуется как связанный интернациональный корень [Лопатин и др., 2016]. Такое же описание получает элемент *-тека* и в «Русской грамматике», авторы которой отмечают, что «сложения со связанными опорными компонентами преимущественно интернационального характера <...> составляют продуктивные типы, использующиеся главным образом в сфере научно-технической терминологии» [РГ, 2005, т. 1, с. 244].

В качестве морфемы переходного типа — аффиксоида, не тождественного ни аффиксу, ни корню [Тихонов, 2003, т. 1, с. 30], — рассматривается данный формант в большинстве современных исследований. Определение аффиксоида отражает основные свойства элемента *-тека* в русском языке: «компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу <...>» [ЭРЯ, 1997, с. 43]. Отмечается связанность данного суффиксоида: «К аффиксоидам относят также связанные компоненты сложных слов, не выступающие в качестве корневых компонентов в словах иной структуры, напр. суффиксоиды *-фил*, *-навт*, *-тека*, *-дром*, *-фикация* и *-фицировать* <...>» [Там же]. Ср. также: «Элементы *-навт*, *-дром* и *-тека* в результате грамматикализации определяются как суффиксоиды, однако сохраняют начальную форму основ и их общие характеристики» [Урумиду, 2014, с. 127]. Именно свойства данной морфемы переходного типа: «в содержательном плане они несут не аффиксальную, а корневую нагрузку», но в то же время «не существуют в языке в качестве самостоятельных слов» [Аффиксоиды, 2009, с. 4—5] — позволяют авторам словаря «Аффиксоиды русского языка» рассматривать формант *-тека* в качестве такового, «промежуточного», «гибридного —

аффиксально-корневого — словообразовательного компонента сложных слов» [Там же, с. 5].

Ряд образований с иноязычным сегментом *-тека* (*шумотека*, *таско-тека*) Й. Митурска-Бояновска предлагает рассматривать как частичные телескопизмы, ср.: *шумотека* (*шум* + *дискотека*), жаргонизм *таско-тека* (*таски* ‘прекрасно’ + *дискотека*) [Митурска-Бояновска, 2008, с. 31—32].

В данной статье для определения словообразовательного статуса *-тека* мы будем пользоваться терминами *суффиксоид* и *словообразовательный формант*, поскольку считаем, что рассматриваемый компонент сложных слов можно классифицировать как регулярный продуктивный словообразовательный элемент, активно образующий новые слова.

3. Семантика форманта *-тека* в производных единицах современного русского языка

«Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка фиксирует следующие единицы с формантом *-тека*: *видеотека*, *библиотека*, *пинакотека*, *дискотека*, *фильмотека*, *виноотека*, *кинотека*, *иконотека*, *фонотека*, *ипотека*, *игротека*, *сферотека*, *инструментотека*, *фототека*, *глиптотека*, *картотека*, *рамфотека* [ГСРЯ, 2016, с. 157]. В большинстве представленных слов значение аффиксоида *-тека* вполне осознаваемо. В одном случае в нём актуализируется сема ‘собрание, коллекция чего-либо’: *дискотека* — ‘1. Собрание граммофонных пластинок, дисков’ [БТС, 2000, с. 261], *виноотека* — ‘собрание коллекционных вин’ [БТС, 2000, с. 132], *кинотека* — ‘собрание, архив кинофильмов и других киноматериалов’ [БТС, 2000, с. 428], *иконотека* — ‘коллекция, собрание изображений по определённой тематике’ [БТС, 2000, с. 388], *фототека* — ‘систематизированное собрание фотографий или негативов для справочных, учётных и иных целей’ [БТС, 2000, с. 1432], *картотека* — ‘1. Систематизированное собрание карточек с какими-н. сведениями справочного или учётного характера’ [БТС, 2000, с. 420]. В другом — сема ‘помещение’: *библиотека* — ‘1. Учреждение, собирающее и хранящее произведения печати и письменности для общественного пользования’ [СШ, 2011, с. 44], *пинакотека* — ‘1. В Древней Греции: помещение для хранения произведений живописи’ [БТС, 2000, с. 832]. Ср. указание на эти две метонимически связанные составляющие в значении аффиксоида в «Русской грамматике»: «*-тека* в назв. собраний чего-н. и помещений для хранения этих собраний» [РГ, 2005, т. 1, с. 244]. В толковании значения многих существительных обе семы не разделяются: *видеотека* — ‘учреждение, собирающее и хранящее видеофильмы, а также само такое собрание’ [СШ, 2011, с. 91], *фильмо-*

тека — ‘учреждение, собирающее и хранящее фильмы, а также само такое собрание’ [СШ, 2011, с. 1051], *фонотека* — ‘собрание звукозаписей; учреждение или отдел, где хранится такое собрание’ [СШ, 2011, с. 1054], *игротека* — ‘собрание детских игр для выдачи во временное пользование; само помещение, оборудованное для игр’ [БТС, 2000, с. 374], *глиптека* — ‘собрание резных камней, произведений скульптуры; музей скульптуры’ [БТС, 2000, с. 208].

Как видим, с формантом *-тека* сочетаются как корни иноязычного происхождения (и их больше), так и русские корни. Характер корней разный: в половине представленных в словаре слов корни связанные. Этот факт выявляет проблему членимости данных единиц. Как отмечал ещё З. А. Потиха, «непроизводным является такое интернациональное слово, которое, несмотря на то что генетически состоит из двух-трёх компонентов, в синхронном аспекте не содержит ни одного знаменательного для русского языка слова или корня. Следовательно, слова типа *географ*, *телеграф*, *телефон*, *биолог*, *кардиолог*, *телевизор*, *автобус* и т. п. в современном русском языке не членятся» [Потиха, 1970, с. 141]. Исходя из данного критерия, учёный предлагает членить слова с подобными формантами по-разному: «В словах *библиотека*, *библиография*, *библиоман*, *библиофил*, *библиология* оба компонента не употребляются в русском языке как самостоятельные слова. Следовательно, морфологическое членение этих слов невозможно и бессмысленно. Иное дело в словах *картотека*, *игротека*, *фильмотека*. Здесь мы явно ощущаем употребляемые в русском языке слова *карта*, *игра*, *фильм*, а морфема *-отека* совершенно чётко и прозрачно вычленяется как суффиксоид, обозначающий собрание чего-либо» [Потиха, 1970, с. 142]. Ср. также замечание Е. А. Земской о «суффиксоподобном значении» элемента *-дром*, слова с которым приобрели первую степень членимости, как только в языке появились и стали стремительно распространяться наименования *ракетодром*, *космодром*, *вододром*, *поэтодром* и многие другие [Земская, 2008, с. 62—63].

Способность суффиксоида *-тека* сочетаться со свободными корнями в соединении с определённой его семантики усиливает членимость основ сложных слов и способствует появлению новых образований. Ряд из них фиксируется в словарях-справочниках новых слов. Так, в издании «Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» отмечены новые слова с формантом *-тека*. В основном это единицы со связанными иноязычными корнями: *артотека* — ‘учреждение, собирающее произведения изобразительного искусства для предоставления их напрокат’ [НСЗ, 2014, т. 1 с. 103]; *леко-*

тека — ‘игротека с детскими играми, игрушками, стимулирующими развитие определенных психических функций, предназначенная для занятий в ней с больными детьми’ [НСЗ, 2014, т. 2, с. 469], *медiateка* — ‘библиотека с выбором аудиокниг, аудио- и видеодисков, компьютерных программ, оснащенная оборудованием для их просмотра, прослушивания, чтения’ [НСЗ, 2014, т. 2, с. 715], *онейroteка* — ‘собрание описаний, толкований снов (проф.)’ [НСЗ, 2014, т. 2, с. 1278].

Слова с формантом *-тека* начинают участвовать в словообразовании и присоединять к себе другие корни: словарь фиксирует слова *видеокартотека* [НСЗ, 2014, т. 1, с. 289], *киновидеотека* [НСЗ, 2014, т. 1, с. 790], *криптобиблиотека* [НСЗ, 2014, т. 2, с. 349—350], *гала-дискотека* [НСЗ, 2014, т. 1, с. 367], *рейв-дискотека* [НСЗ, 2014, т. 3, с. 536—537], *детскотека* («дискотека для детей (от 6 до 12 лет) и их родителей [НСЗ, 2014, т. 1, с. 501]). Кроме того, новообразования вступают в различные семантические отношения со словами, уже существовавшими в русском языке, что отражает системный характер деривации. Так, слово *киновидеотека* пополняет синонимический ряд слов *видеотека*, *фильмотека*, а также *синематека* (это слово было зафиксировано ранее, в [НСЗ-60, 1971, с. 433]). Слово *аудиотека* (представленное в иллюстративном материале словаря [НСЗ, т. 3, с. 708]) синонимично слову *фонотека*, слово *артотека* — слову *изотека* (отмеченному авторами «Русской грамматики» [РГ, 2005, т. 1, с. 244]). Гиперо-гипонимические отношения связывают единицы *игротека* и *лекотека*.

Национальный корпус русского языка показывает разную частотность употребления рассмотренных выше новых единиц в современных текстах [НКРЯ]. Слово *лекотека* представлено двумя вхождениями в качестве названия учреждения. У слова *аудиотека* — два вхождения. Самые частотные — слова *медiateка* (10 вхождений) и *синематека* (21 вхождение). Показательно, что все употребления представлены в газетном подкорпусе.

В современной речи новообразования с суффиксоидом *-тека*, не зафиксированные в словарях, представлены широко. Все эти единицы имеют статус потенциального слова, «как бы дремлют в лоне языковой системы и извлекаются оттуда по мере надобности» [Катлинская, 2009, с. 89]. Подобные образования имеют все признаки потенциализмов: регулярность образования «по системным лексико-словообразовательным правилам соответственно номинативным потребностям языкового коллектива», прямую выводимость «типовых мотивационных связей между <...> значениями первичных и вторичных единиц словарного состава», «контекстный идиоматизм, т. е. обусловленность вторичного смысла той функцией, которая предписана слову в составе высказывания» [Катлинская, 2009, с. 92—93].

Среди таких потенциальных слов встречаются специальные, включающие, как правило, связанные иноязычные корни: *ставроотека*, *дактилиотека*, *соноотека*, *халкотека*. Среди единиц с такими корнями употребительно в интернет-пространстве слово *Викитека* — «проект некоммерческого фонда «Викимедиа», имеющий целью создание постоянно пополняемой библиотеки свободно распространяемых текстов на всех возможных языках» [<https://ru.wiktionary.org>]. Как слово *Википедия* образовано по аналогии со словом *энциклопедия*, так и слово *викитека* образовано по аналогии со словом *библиотека*, где формант *-тека* выражает идею собрания / хранения текстов. Сочетаются с данным суффиксоидом и свободные корни: *тканетека*, *курсоотека*, *гильзотека*, *оркестроотека*, *лентотека*.

Особенностью современного словоупотребления таких потенциальных слов является то, что они активно используются в названиях различных заведений. Эта своеобразная попытка уйти от книжности, «специальности» слова (см. отмеченное выше указание «Русской грамматики» о преимущественно научно-технической сфере функционирования слов с *-тека*), сделать его общеупотребительным. Кроме того, в подобного рода лексемах ярко проявляется тенденция интернационализации в области словообразования, одним из направлений которой лингвисты называют «использование аффиксальных морфем иноязычного происхождения, сочетающихся с основами как иноязычного, так и славянского происхождения...» [Gazda, 2003, с. 70]. Интернациональные словообразовательные элементы «правильно распознаются и идентично трактуются носителями разных славянских языков» [Коряковцева, 2014, с. 242], что, безусловно, отражается на эффективности взаимопонимания.

Нам встретилось название магазина товаров для «ногтевого сервиса» «*Лакотека*», а также магазин-бар пива «*Пивотека*». Механизм образования подобных потенциализмов прозрачен. Интересно, что в качестве производящего слова использовано вещественное существительное, которое, вероятно, в подобном контексте словоупотребления конкретизируется, приобретая значение сорта и вида.

Ещё одна вывеска отражает иную тенденцию — движение в сторону «специализации». Имеется в виду название винных магазинов «*Эноотека*». *Эноотека* — книжное слово, означающее коллекцию или хранилище вин. Это синоним существительного *виноотека*. В газетном подкорпусе НКРЯ фиксируется одно вхождение для данного слова. Его использование в публицистическом тексте вполне допустимо. А присутствие иноязычного слова на вывеске магазина вин или ресторана отражает, на наш взгляд, во-

первых, общую тенденцию детерминологизации современной речи (внедрения терминов в общее употребление), во-вторых, желание называющего выбрать наиболее престижное в социальном отношении наименование [Крысин, 2008].

Интересно употребление в названии магазинов и слова *библиотека*. «*Библиотека духов*», «*Библиотека ароматов*», «*Библиотека пива*» — подобные аномальные сочетания свидетельствуют о трансформации семантики существительного *библиотека*: значение суффиксоида *-тека* распространяется здесь на всё слово.

Как видим из приведённых выше примеров, к форманту *-тека* присоединяются русские свободные корни субстантивного типа. Однако практика современного словоупотребления свидетельствует о нарушении этого принципа. Суффиксоид *-тека* начинает активно участвовать в образовании новых слов от русских адъективных основ. Так появляются слова *новотека* (название интернет-сайта и магазина доменных имён), *полезнотека* (название компании, производящей экологически чистые продукты — чурчеллу, пастилу и под.). Основа имени прилагательного в подобных образованиях имеет обобщённую семантику, выдвигая на первый план не предмет, а его качество.

Ещё более необычным является слово *флиртотека*, использованное в рекламной вывеске одного из клубов-ресторанов г. Ярославля. В этой лексеме суффиксоид *-тека* присоединяется не к свободному корню (*флирт*), иначе оно трактовалось бы как ‘хранилище флирта’, что явно не соотносится со значением английского по происхождению слова — ‘любовная игра, кокетство’. В анализируемом наименовании очевидна связь с глаголом *флиртовать* — ‘заниматься флиртом’, то есть можно говорить о переосмыслении известной языку модели образования слов с формантом *-тека*: *флиртотека* — ‘место, где осуществляется действие, названное производящим словом’; при этом в самой вывеске приводится следующее толкование: «*Флиртотека — у нас танцуют и знакомятся*». В слове уже не вычленяется традиционное значение суффиксоида *-тека*: он, по-видимому, усиливает «смысловую ёмкость» новообразования, указывая скорее на постоянный характер осуществляемых в заведении действий, определяемых глаголом *флиртовать*.

4. Выводы

Таким образом, формант *-тека* в современном русском языке, интерпретируемый в лингвистике как суффикс, связанный корень, суффиксоид, проявляет в современном русском языке словообразовательную актив-

ность, расширяя свою сочетаемость. Присоединяясь к свободным и связанным основам русского и иноязычного происхождения, он выражает значения ‘собрание’ и ‘хранилище’, метонимически связанные друг с другом и не всегда разделяемые в словарных толкованиях. Способность присоединяться к свободным корням и прозрачность семантики аффиксоида позволяет легко членить сложные слова и ведёт к появлению новообразований. Новые слова — потенциализмы, — появившиеся в конце XX — начале XXI веков в русской речи, отражают системность семантических и деривационных связей лексических единиц: образованные по существующим в языке моделям, они развивают отношения синонимии и гипонимии с уже существующими наименованиями.

Книжность и специальность некоторых из новых слов с формантом *-тека* нейтрализуется за счёт употребления их в составе разных названий. Подобные наименования, имея в качестве производящей основы вещественные существительные, качественные прилагательные и даже глагол, трансформируют семантику первого компонента сложного слова и отражают способность форманта *-тека* участвовать в языковой игре.

Источники и принятые сокращения

1. Аффиксоиды — Козулина Н. А. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, Е. Н. Шагалова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. — 288 с.
2. БТС — *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с.
3. ГСРЯ — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А. А. Зализняк. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. — 800 с.
4. Лопатин В. В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуканов. — Москва : Азбуковник, 2016. — 812 с.
5. НСЗ — *Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века* : в 3 т. / ред. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009—2014.
6. НСЗ-60 — *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов* / ред. Н. З. Котелова, Ю. С. Сорокин. — Москва : Советская энциклопедия, 1971. — 543 с.
7. ССИС — Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. — Москва : АСТ-Пресс КНИГА, 2014. — 416 с.
8. СШ — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1175 с.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 томах / А. Н. Тихонов. — Москва : Астрель : АСТ, 2003. — Том. 1. — 860 с.
10. ЭРЯ — *Русский язык : энциклопедия* / ред. Ю. Н. Караулов. — Москва : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. — 722 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белякова Г. В.* Морфемарий словообразовательной категории суффиксальных логативных существительных : состав, возможности пополнения / Г. В. Белякова // Гуманитарные исследования. — 2006. — № 4. — С. 30—35.
2. *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 304 с.
3. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — Москва : Наука, 1992. — 221 с.
4. *Земская Е. А.* Современный русский язык : словообразование / Е. А. Земская. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 328 с.
5. *Катлинская Л. П.* Активные процессы словопроизводства в современном русском языке : учеб. пособие / Л. П. Катлинская. — Москва : Высшая школа, 2009. — 174 с.
6. *Коряковцева Е. И.* Общеславянский фонд интернациональных морфем: теоретические и прагматические аспекты исследования / Е. И. Коряковцева // Slavische Wortbildung im Vergleich : theoretische und pragmatische Aspekte. — Berlin, 2014. — С. 234—250.
7. *Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. — Москва : Знак, 2008. — 320 с.
8. *Кузьмина Н. А.* Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени : учеб. пособие / Н. А. Кузьмина, Е. А. Абросимова. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2015. — 256 с.
9. *Митурска-Бояновска Й.* Активные процессы в области словообразования имен существительных в русском языке во 2-й половине XX века / Й. Митурска-Бояновска // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2008. — № 6. — С. 24—34.
10. *НКРЯ* — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/>.
11. *Новые тенденции в русском языке начала XXI века* : колл. монография / ред. Л. В. Рацибурская. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2014. — 304 с.
12. *Потиха З. А.* Современное русское словообразование. Пособие для учителя / З. А. Потиха. — Москва : Просвещение, 1970. — 384 с.
13. *РГ* — Русская грамматика : научные труды. В 2 т. Т. 1/ [Е. А. Брызгунова и др.]. — Репр. изд. — Москва : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005. — 784 с.
14. *РЯ* — Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / ред. Е. А. Земская. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 481 с.
15. *Современный русский язык* : система-норма-узус / отв. ред. Л. П. Крысин. — Москва : Языки славянских культур, 2010. — 480 с.
16. *Урумиду В.* Неоклассические элементы греческого происхождения в именных словообразовательных моделях русского языка / В. Урумиду // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2014. — № 3. — С. 124—129.
17. *Gazda J.* Internationalizační tendenci v rozvojislovní zásoby současných zapadoslovanských jazyků / J. Gazda // Internationalizace v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z conference Praha. 16—18 června 2003. — Praha : Akad. věd Čes. rep., 2003.

DERIVATIVES WITH FORMANT *-TEKA* IN MODERN RUSSIAN

© **Ekaterina M. Melnikova (2020)**, orcid.org/0000-0002-9795-0971, SPIN 3134-1990, PhD in Philology, associate professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia), em09@mail.ru.

© **Zhanna K. Gaponova (2020)**, orcid.org/0000-0001-9248-226X, SPIN 9005-6469, PhD in Philology, associate professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia), jangap1@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of word-formation activity of the suffix *-teka* in modern Russian. The material was the data of modern dictionaries and a card file of the use of lexemes collected by the authors. The relevance of the study is due to the activation of the derivational potential of the formant of *-teka* in the Russian language. It is shown that there is still no definite opinion among linguistic scholars regarding the status of a component of Greek origin *-teka*: it is interpreted as a suffix, a connected root, a suffixoid. It is demonstrated by examples that it joins the free and connected foundations of Russian and foreign origin and expresses the meanings 'collection' and 'repository', metonymically related to each other and not always shared in dictionary interpretations. Particular attention is paid to the analysis of new tokens containing a suffixoid *-teka* (*pivoteka*, *lakoeka*, *enoteka*, *novoteka*, *poleznoteka*, *flirtoteka*, etc.). It is noted that the ability of an affixoid to join free roots and the transparency of its semantics lead to the appearance of new formations. The article proves that this formant expands its compatibility in modern Russian. It is shown that it joins the foundations of not only the substantive, but also the adjective and verb type, while the mechanisms of language play are realized.

Key words: suffixoid *-teka*; derivational formant; semantics; compound word; derivation.

MATERIAL RESOURCES

- Affiksoidy — Kozulina, N. A., Levashov, E. A., Shagalova, E. N. (2009). *Affiksoidy russkogo yazyka. Opyt slovarya-spravochnika*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
- BTS — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).
- ERYa — Karaulov, Yu. N. (ed.). (1997). *Russkiy yazyk. Entsiklopediya*. Moskva: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, Drofa. (In Russ.).
- GSRYa — Zaliznyak, A. A. (2016). *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka. Slovoizmeneniye*. Moskva: AST-Press KNIGA. (In Russ.).
- Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S. (2016). *Slovar' slovoobrazovatelnykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
- NSZ — Butseva, T. N., Levashov, E. A. (eds.). (2009—2014). *Novyye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- NSZ-60 — Kotelova, N. Z., Sorokin, Yu. S. (eds.). (1971). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- SSh — Shvedova, N. Yu. (ed.). (2011). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkhlyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov*. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
- SSIS — Krysin, L. P. (2014). *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov*. Moskva: AST-Press KNIGA. (In Russ.).

Tikhonov, A. N. (2003). *Slovoobrazovatelnyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Astrel; AST. 2/1. (In Russ.).

REFERENCES

- Belyakova, G. V. (2006). Morfemariy slovoobrazovatelnoy kategorii suffiksalnykh lokativnykh sushchestvitelnykh: sostav, vozmozhnosti popolneniya. *Gumanitarnye issledovaniya*, 4: 30—35. (In Russ.).
- Gazda, J. (2003). Internationalizační tendenci v rozvojislovní zásoby současných zapadoslovanských jazyků. In: *Internationalizace v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z konference*. Praha: Akad. věd Čes. rep. (In Czech).
- Katlinskaya, L. P. (2009). *Aktivnye protsessy slovoпроизводства v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Koryakovtseva, E. I. (2014). Obshcheslavjanskij fond internatsionalnykh morfem: teoreticheskiye i pragmaticheskiye aspekty issledovaniya. In: *Slavische Wortbildung im Vergleich: theoretische und pragmatische Aspekte*. Berlin. 234—250. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2008). *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki o russkoy leksike i leksikografii*. Moskva: Znak. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (ed.). (2010). *Sovremennyy russkiy yazyk: sistema — norma — uzus*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
- Kuzmina, N. A., Abrosimova, E. A. (2015). *Aktivnyye protsessy v russkom yazyke i kommunikatsii noveyshego vremeni*. Moskva: FLINTA; Nauka. (In Russ.).
- Miturska-Boyanovska, Yolanta. (2008). Aktivnyye protsessy v oblasti slovoobrazovaniya imen sushchestvitelnykh v russkom yazyke vo 2-y polovine XX veka. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 6: 24—34. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/>. (In Russ.).
- Potikha, Z. A. (1970). *Sovremennoye russkoye slovoobrazovaniye*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V. (ed.). (2014). *Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka*. Moskva: FLINTA; Nauka. (In Russ.).
- RG — *Russkaya grammatika: nauchnyye trudy*. (2005). Moskva: In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. 2/1. (In Russ.).
- RYa — Zemskaya, E. A. (ed.). (1996). *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985—1995)*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Urumidu, V. (2014). Neoklassicheskiye elementy grecheskogo proiskhozhdeniya v imennykh slovoobrazovatelnykh modelyakh russkogo yazyka. *Vestnik RUDN. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 3: 124—129. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2003). *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: Logos. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1992). *Slovoobrazovaniye kak deyatel'nost'*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (2008). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).

Обвинцева О. В. Прагматические маркеры в англоязычном предвыборном дискурсе (на примере выступлений кандидатов на пост лидера Консервативной партии Великобритании) / О. В. Обвинцева, Д. В. Питолин, Т. О. Обвинцева // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 124—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-124-140.

Obvintseva, O. V., Pitolin, D. V., Obvintseva, T. O. (2020). Pragmatic Markers in the English-Language Election Discourse (on the Example of Speeches by Candidates for the Post of Leader of the Conservative Party of Great Britain). *Nauchnyi dialog*, 1: 124-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-124-140. (In Russ.).

УДК 811.111'42:324

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-124-140

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ЛИДЕРА КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

© **Обвинцева Ольга Владимировна (2020)**, orcid.org/0000-0002-1945-9490, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), olgaobv@gmail.com.

© **Питолин Данил Викторович (2020)**, orcid.org/0000-0002-7719-6203, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), d.v.pitolin@urfu.ru.

© **Обвинцева Татьяна Олеговна (2020)**, orcid.org/0000-0002-6897-072X, старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), obvintseva@gmail.com.

В статье представлено исследование прагматических функций таких элементов дискурса, как прагматические маркеры, которые используются в одном из жанров англоязычного политического дискурса — предвыборных выступлениях кандидатов. В статье уделяется внимание соотношению понятий «политический дискурс» и «предвыборный дискурс», описываются особенности, функции и прагматические установки жанра предвыборных выступлений, приводятся определения терминов *прагматический маркер* и *дискурсивный маркер*. Материалом для исследования послужили видео предвыборных выступлений кандидатов на пост лидера Консервативной партии Великобритании Б. Джонсона и Дж. Ханта, опубликованные на интернет-платформе YouTube в июне-июле 2019 года. В качестве методологической основы исследования выбрана классификация прагматических маркеров Б. Фрейзера. В результате исследования составлен инвентарь

прагматических маркеров, использованных кандидатами в нескольких раундах предвыборных выступлений, описаны функции, которые выполняют прагматические маркеры разных типов в исследуемом жанре политического дискурса. Представлены результаты сопоставительного анализа использования прагматических маркеров каждым кандидатом в их в предвыборных выступлениях. Сделаны выводы о том, как за счет прагматических маркеров увеличивается арсенал манипулятивных и воздействующих языковых средств предвыборного дискурса.

Ключевые слова: прагматические маркеры; дискурсивные маркеры; политический дискурс; предвыборный дискурс; предвыборное выступление.

1. Введение

В настоящее время, для которого характерна политическая, экономическая и социальная нестабильность в мире, наблюдается возросшее внимание к политическому дискурсу, являющемуся и объектом изучения в рамках отдельных наук, таких как политология, социология, психология, лингвистика, и объектом междисциплинарных исследований. Одним из направлений таких исследований является политическая лингвистика — наука, возникшая на стыке лингвистики и политологии, учитывающая достижения этносемантики, социальной психологии, социологии. Как утверждает А. П. Чудинов, «важнейший постулат современной политической лингвистики — дискурсивный подход к изучению политических текстов. Это предполагает исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [Чудинов, 2012, с. 5].

2. О понятиях «политический дискурс» и «предвыборный дискурс»

Многочисленные лингвистические исследования политического дискурса описывают его характеристики (такие как оценочность, полемичность, направленность на внушение), функции в обществе, формы существования и жанровую специфику.

Политический дискурс — это «сложное образование, обладающее чёткой жанровой структурой, объективированное в устной и письменной формах, характеризующееся рядом специфических признаков (тематическая детерминированность, чёткая ролевая структура (адресант, адресат-оппонент, адресат-наблюдатель), направленность коммуникативной деятельности на захват или удержание политической власти) и выполняющее определённые функции в обществе: информативную, аргументативную, персуазивную, контролирующую и т. д.» [Бочарова, 2013, с. 5].

В. И. Карасик относит политический дискурс к институциональному виду дискурса, который «представляет собой общение, заданное в рамках статусно-ролевых отношений» [Карасик, 2000, с. 5]. По мнению А. П. Чудинова, в рамках институционального политического дискурса «используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления и интервью политических лидеров и др.)» [Будаев и др., 2006].

Предвыборный дискурс является одной из разновидностей политического дискурса, структурные компоненты которого «отмечены собственной спецификой, продиктованной необходимостью респонсивного изменения коммуникативных намерений адресанта и способов их реализации в условиях проведения избирательных кампаний» [Халатян, 2011, с. 7—8].

Некоторые лингвисты считают, что предвыборный дискурс «сочетает в себе признаки различных типов дискурса (политического, риторического, ритуального), вследствие чего характеризуется набором разноплановых характеристик при сохранении борьбы за власть (в широком смысле) в качестве прагматической доминанты» [Бочарова, 2013, с. 7].

Так же, как и политический дискурс в целом, предвыборный дискурс существует в устной и письменной формах. Письменный предвыборный дискурс представлен в виде листовок, лозунгов, партийных программ и т. д. Устный предвыборный дискурс — это предвыборные дебаты кандидатов, их выступления перед избирателями, интервью.

По мнению Ю. И. Плахотной, «языковые единицы, употребляемые в речи участников предвыборного дискурса, отражают особенности их идиостиля и одновременно являются средством речевого воздействия на оппонента и аудиторию» [Плахотная, 2014, с. 10].

Для типологического описания какого-либо вида институционального дискурса В. И. Карасик выделяет следующие компоненты: 1) участники; 2) хронотоп; 3) цели; 4) ценности (в том числе и ключевой концепт); 5) стратегии; 6) материал (тематика); 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные (культурогенные) тексты; 9) дискурсивные формулы [Карасик, 2000, с. 11].

Таким образом, устный предвыборный дискурс можно описать следующим образом: 1) участники предвыборного дискурса: адресант — кандидаты; адресат: избиратели; 2) хронотоп (обстановка, типичная для диалога между участниками): место для публичных выступлений, например, сцена, где выступает кандидат, зал, где собрались избиратели; 3) цель предвыборного дискурса — убедить большинство избирателей проголосовать за кандидата и победить своих оппонентов; 4) ценности предвыборного дискурса: «публичность, конвенциональность, оценочность, атональ-

ность, отстаивание собственной точки зрения, информативность, смысловая неопределенность, динамичность, медийность, дистанцированность, авторитарность, театральность, агитационность, идеологичность, мифологичность, прогностичность, манипулятивность, фатичность, экспрессивность, создание ярких, узнаваемых образов политиков-номинантов на пост президента, инспиративность, аргументированность, стратагемность, квазиспонтанность» [Халатян, 2011, с. 12]; 5) стратегии предвыборного дискурса определяются его частными целями, это «стратегии ориентации (стратегия самопрезентации политиков и информационно-интерпретационная стратегия), стратегии убеждения (аргументативная и агитационная стратегии), конфронтационная стратегия и интеграционная стратегия» [Там же, с. 14]; 6) тематика предвыборного дискурса охватывает широкий круг актуальных проблем, представляющих особую важность для избирателей (например, образование, экология (глобальное потепление), проблемы молодежи, мигранты и т. д.); 7) к жанрам устного предвыборного дискурса относятся предвыборные дебаты кандидатов, их выступления перед избирателями, интервью; 8) прецедентные тексты для устного предвыборного дискурса — это прецедентные феномены, которые используются с целью усиления экспрессивности речи для реализации вышеперечисленных стратегий; 9) «под дискурсивными формулами понимаются своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте» [Карасик, 2000, с. 223].

3. Выступления кандидатов на пост лидера Консервативной партии в 2019 году как материал исследования

Один из жанров устного предвыборного дискурса — предвыборные выступления — был выбран для настоящего исследования. Материалом послужили выступления перед своими избирателями кандидатов на пост лидера Консервативной партии Бориса Джонсона и Джереми Ханта, которые проходили в июне-июле 2019 года в разных городах Великобритании. Процесс выбора нового лидера проходил в форме четырех туров голосования, между которыми организовывались выступления кандидатов перед избирателями, так называемые «hustings» — «политические действия и речи, которые происходят перед выборами и предназначены для завоевания голосов» [Cambridge Dictionary, 2019]. Формат каждой «hustings» состоял из следующих частей: вступительная речь кандидата, интервью (ответы на вопросы ведущего), ответы на вопросы аудитории.

Выборы лидера партии Тори и будущего премьер-министра проходили в непростой политической ситуации: проблемы Brexit, не решенные пре-

дыдущим кабинетом, экономическая неопределенность, потеря доверия к консерваторам, растущая популярность оппозиционных партий — все это предъявляло особые требования к кандидатуре избираемого лидера партии, обостряло предвыборную борьбу кандидатов на этот пост. Газета «The Independent» презрительно называла Б. Джонсона «британским Трампом», а Д. Ханту давала нелестное сравнение «похож на красивого, слегка неуклюжего, хорошо говорящего, нервного младшего регистратора» [O'Grady, 2019]. Кроме того, сам формат выборов лидера партии, когда каждый тур голосования проходил после ряда выступлений кандидатов перед избирателями-однопартийцами, многократно повышал значимость этих предвыборных выступлений, их прагматический потенциал и эффективность воздействия на избирателей.

Материалом для данного исследования послужили видеозаписи предвыборных выступлений кандидатов в лидеры британской Консервативной партии Бориса Джонсона и Джереми Ханта, опубликованные на интернет-платформе YouTube в июне-июле 2019 года. Основу методологии статьи составляют дискурс-анализ, анализ прагматических маркеров и метод лингвистического описания.

4. О термине *прагматический маркер*

В лингвистической литературе термин *прагматический маркер* используется наряду с терминами *дискурсивный маркер*, *дискурсив*, обозначая языковые единицы, которые представляют собой «языковой инструмент структурирования дискурса — от фонетических и интонационных показателей до лексем и специфических синтаксических конструкций. Это слова, фразы или звуки, которые не имеют реального лексического значения, но вместо этого обладают важной функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре» [Словарь ..., 2006, с. 61].

По мнению Е. Ю. Викторовой, «терминологический разнотой в этой области лингвистики определяется прежде всего вариативностью подходов к изучению дискурсивных слов, а также различной интерпретацией их многочисленных функций, которые в свою очередь вытекают из огромного разнообразия состава дискурсивов как особой группы единиц, их полифункциональности, а также синкретизма и диффузности их значений» [Викторова, 2015, с. 3].

Дж. Андерсен (G. Andersen) использует термин *прагматический маркер*, говоря, что «ярлык “прагматический” предназначен для обозначения относительно низкой степени лексической специфичности и высокой степени чувствительности к контексту» [цит. по: Müller, 2005, с. 3].

К. Эйджмер (K. Aijmer) считает, что прагматические маркеры отражают ментальные процессы говорящего, «комментируя то, что происходит у него в голове» [Aijmer, 2013, p. 4].

Брюс Фрейзер (Bruce Fraser) рассматривает прагматические маркеры как широкий класс подобных единиц, выделяя дискурсивные маркеры только как один из подклассов, утверждая, что «прагматические маркеры, взятые отдельно от пропозиционального содержания предложения, являются лингвистически закодированными подсказками, которые сигнализируют о потенциальных коммуникативных намерениях говорящего» [Fraser, 1996, p. 168].

По мнению других исследователей, прагматические маркеры «несут в себе повышенный манипулятивный потенциал из-за того факта, что в отличие от концептуальных лингвистических элементов они не интерпретируются, а “спонтанно распознаются” и инструктируют целевую аудиторию сосредоточиться на том, как это было сказано, а не на том, что было сказано» [Furko, 2017, p. 2].

В политическом дискурсе «для достижения определенных целей, связанных со сложной моделью социальных взаимодействий; политические деятели (лидеры) используют определенные дискурсивные маркеры, чтобы воздействовать на слушателей умственно или эмоционально, тем самым изменяя их знания, убеждения или чувства» [Ismail, 2012, p. 1265].

Отмеченные свойства прагматических маркеров являются особенно важными для жанра устных предвыборных выступлений, так как они дают возможность кандидату значительно расширить арсенал языковых средств, участвующих в создании требуемого прагматического эффекта своего выступления: убедить в превосходстве собственной политической позиции, завоевать больше голосов сторонников, побудить их проголосовать за свою кандидатуру.

В данной работе исследование прагматических маркеров, которые использовали кандидаты в своих предвыборных речах, проводилось на основе классификации Б. Фрейзера, который описал прагматические маркеры (далее — ПМ) с учетом их функциональных и прагматических характеристик следующим образом:

1) базовые маркеры (Basic Pragmatic Markers) представляют информацию, которая указывает на прямое основное сообщение предложения, и сигнализируют о коммуникативных намерениях говорящего. К базовым ПМ относятся: а) структурные (Structural Basic Markers) — это виды предложений по цели высказывания; б) лексические (Lexical Basic Markers), в которые входят перформативы (*I believe, I hope, I admit ...*) и «праг-

матические идиомы» — «выражения, для которых не существует убедительного логического пути, ведущего от буквального прямого значения к принятому базовому прагматическому сигналу» [Fraser, 1996, p. 174];

2) комментирующие маркеры (Commentary Pragmatic Markers) — лексические выражения, которые указывают на то, что это сообщение должно функционировать как комментарий к некоторому аспекту основного сообщения. К ним Б. Фрейзер относит: а) маркеры оценки (Assessment Markers): *amazingly, fortunately, sadly etc*; б) маркеры манеры речи (Manner-of-speaking Markers): *bluntly, briefly, confidentially, etc*; в) подтверждающие маркеры (Evidential Markers): *assuredly, clearly, definitely, etc*; г) маркеры источника информации (Hearsay Markers): *allegedly, it appears, it is reported, etc*; д) маркеры смягчения (Mitigation Markers): *that may be true but, etc*; е) акцентирующие маркеры (Emphasis Markers): *indeed, really, to say the least, etc*. Наличие комментирующих ПМ в предложении факультативно;

3) параллельные маркеры (Parallel Pragmatic Markers), дополняющие основную цель сообщения, включают а) маркеры обращения (Vocative Markers); б) маркеры недовольства (Speaker Displeasure Markers): *damn well, for the last time, hell, etc*; в) маркеры солидарности (Solidarity Markers): *my friend, look, etc.*; г) фокусирующие маркеры (Focusing Markers): *now, so, well, etc*. Наличие параллельных ПМ в предложении также факультативно;

4) дискурсивные маркеры (Discourse Pragmatic Markers) — выражения, которые сигнализируют о связи основного сообщения с предыдущим: *thus, moreover, however, etc*. [Fraser, 1996]. В отличие от других прагматических маркеров классификации Б. Фрейзера дискурсивные маркеры не вносят вклад в значение предложения, их функция — показать, как одно высказывание связано с другим.

Классификация Б. Фрейзера представляется нам достаточно полной, что позволяет использовать ее для выявления, инвентаризации и детального анализа прагматических маркеров дискурса предвыборных выступлений.

5. Прагматические маркеры в предвыборных выступлениях кандидатов Б. Джонсона и Дж. Ханта

Б. Фрейзер определяет прагматику как «процесс, посредством которого пользователь языка берет предложение, представленное грамматикой, и, учитывая контекст, в котором произносится предложение, определяет, какие сообщения и какой эффект передал говорящий» [Ibid., p. 167].

Инвентарь прагматических маркеров, используемых Б. Джонсоном и Джереми Хантом в предвыборных выступлениях, приведен ниже в таблице.

Необходимо отметить, что в таблицу не включен тип базовых структурных ПМ (выраженных видами предложения по цели высказывания), так как в выступлениях обоих кандидатов преобладали повествовательные предложения с единичными случаями использования вопросительных и побудительных конструкций. Кроме этого, при анализе прагматических маркеров не учитывались дискурсивные маркеры (четвертый тип ПМ в классификации Б. Фрейзера), так как они лишь сигнализируют о взаимосвязи базового сообщения с предшествующим дискурсом и не привносят дополнительной прагматической информации в основное высказывание.

Таблица

Прагматические маркеры в предвыборных выступлениях
Б. Джонсона и Д. Ханта

Прагматические маркеры (ПМ)	Количество ПМ в предвыборных выступлениях Б. Джонсона (Дж)	Количество ПМ в предвыборных выступлениях Дж. Ханта (Х)
1) Базовые лексические ПМ	105	44
Перформативные выражения (Performative Expressions)	65	30
Прагматические идиомы (Pragmatic Idioms)	40	14
2) Комментирующие ПМ	68	24
А. Подтверждающие ПМ (Evidential Markers)	45	18
Б. Смягчающие ПМ (Mitigation Markers)	10	0
В. Акцентирующие ПМ (Emphasis Markers).	13	6
3) Параллельные ПМ	75	52
А. Вокативные ПМ (Vocative Markers)	14	20
Б. ПМ солидарности (Solidarity Markers)	42	17
В. Фокусирующие ПМ (Focusing Markers)	19	15

Анализ предвыборных выступлений показал сходство типов прагматических маркеров, которые использовали оба кандидата, однако в интенсивности их употребления и разнообразии имеются существенные различия. Сопоставительный анализ данных по каждому типу ПМ в речи кандидатов представлен ниже.

1. БАЗОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ.

Данный тип ПМ в предвыборных речах обоих кандидатов представлен, главным образом, подтипом перформативных выражений (Performa-

tive Expressions), которые выполняют функцию уточнения отношения говорящего к последующему высказыванию, причем преобладает перформативное выражение *I think* (я считаю) — это стандартный для устной формы английского языка прагматический маркер, который тем не менее выполняет функцию некоторого сглаживания, смягчения последующего высказывания, намекая, что это, скорее, мнение выступающего и что возможны другие точки зрения.

Количество перформативов в речах Б. Джонсона в два раза превышает количество подобных ПМ у его соперника Д. Ханта. Кроме того, набор перформативных выражений у Б. Джонсона более разнообразен (*I believe, I hope, I admit, I regret, I apologise*), что позволяет передать отношение говорящего к основному высказыванию более точно. Б. Джонсон также использует перформативы с модальными глаголами, такие как: *I might say the Labor has more or less given up on the green agenda* (**Я мог бы сказать**, что лейбористы более или менее отказались от зеленой повестки дня); *I have to say I think it is absolutely not designing a confident prediction* (**Я должен сказать**, что я думаю, что это не совсем уверенный прогноз) [Boris takes ...]. Здесь модальные глаголы выполняют функцию хеджирования, помогая кандидату отстраниться от не вполне приятного для аудитории основного высказывания.

Другой тип базовых лексических прагматических маркеров, используемых в предвыборном дискурсе обоих кандидатов, — это «прагматические идиомы» — «выражения, для которых не существует убедительного логического пути, ведущего от буквального прямого значения к принятому базовому прагматическому сигналу» [Fraser, 1996, p. 174]. Существуют как «прагматические идиомы», сигнализирующие о предполагаемом основном смысле сообщения, так и те, которые сигнализируют о сообщении в целом (половицы, риторические вопросы, междометия).

В своих предвыборных выступлениях оба кандидата используют «прагматические идиомы», которые выражают дружеское побуждение к действию, имитируют неформальное общение, сближающие кандидатов с аудиторией, их потенциальными избирателями. Это «прагматические идиомы» *let's* и риторические вопросы. Например, Джонсон: ... *let's lift up education funding around this country* (... давайте поднимем финансирование образования по всей стране) [Jeremy Hunt and Boris Johnson take part ...]; Хант: ... *let's send a message now from the Conservative Party* (... давайте сейчас передадим послание от Консервативной партии) [Ibid.]; Хант: ... *and hasn't our Navy being brilliant?* (... и разве наш флот не блестящий?) [Ibid.]; Джонсон: ... *isn't that the logical thing to do?* (... разве это не яв-

ляется логичным шагом?) [Boris takes ...]. Однако если в выступлениях Д. Ханта обнаружены только единичные случаи использования ПМ этого типа, то Б. Джонсон активно использовал в своих речах «прагматические идиомы» и превзошел здесь своего соперника как в количественном, так и в качественном аспекте. Так, помимо ПМ, описанных выше, Б. Джонсон использовал фразеологизмы: *I think this is all a bit of a red herring* (Я считаю, что это все какой-то отвлекающий маневр) [Ibid.], пословицы: *Where there's a will there's a way* (Было бы желание, а возможность найдется) [Jeremy Hunt and Boris Johnson take part ...] и разнообразные междометия (*Yeah! oh, ah! okay, my goodness!*). Эти прагматические маркеры привносят в речь Б. Джонсона экспрессивность, точно, емко и доходчиво передают эмоции кандидата напрямую его аудитории, дополняют имидж «неравнодушного» политика, который может привлечь избирателей.

2. КОММЕНТИРУЮЩИЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ.

Комментирующие ПМ — лексические выражения, которые имеют как репрезентативное значение, определяющее сообщение в целом, так и процедурное значение, которое указывает на то, что это сообщение должно функционировать как комментарий к некоторому аспекту основного сообщения [Fraser, 1996, p. 179].

В исследованных предвыборных выступлениях Б. Джонсона и Дж. Ханта среди комментирующих прагматических маркеров использовались ПМ следующих подтипов.

А. Подтверждающие ПМ (Evidential Markers).

Это маркеры, с помощью которых говорящий сообщает о степени своей уверенности, об истинности основного сообщения. Д. Хант использовал значительно меньше подтверждающих ПМ в своих выступлениях как с точки зрения количества, так и разнообразия. Речь Б. Джонсона, напротив, изобиловала прагматическими маркерами этого типа, причем он использовал разные ПМ, такие как *certainly, obviously, absolutely, clearly, indeed*, которые передают высокую степень уверенности в передаваемой информации основного сообщения, подчеркивают осведомленность говорящего, надежность приводимых аргументов, что побуждает потенциальных избирателей больше доверять этому кандидату.

Б. Смягчающие ПМ (Mitigation Markers).

Смягчающие прагматические маркеры, которые сигнализируют о желании говорящего «уменьшить потерю лица, связанную с основным сообщением» [Fraser, 1996, p. 183]. Исследование показало, что этот тип ПМ встречается только в предвыборных выступлениях Б. Джонсона: *if I recall correctly, if I may say so, if I'm right, if I'm lucky enough to be elected, etc.*

(если я правильно помню, если можно так сказать, если я прав, если мне повезет быть избранным и т. д.). Смягчающие ПМ выполняют важную прагматическую функцию — предваряют потенциально неприятную для избирателей информацию основного сообщения: ... *if I may say so the reason I set October the 31st as a hard deadline because I think we've had enough of a defeatism and negativity from this government* (... **если можно так сказать**, причина, по которой я назначил 31 октября жестким крайним сроком, потому что я думаю, что с нас хватило пораженчества и негатива со стороны этого правительства) [Boris takes ...]. Таким образом, смягчающие ПМ в выступлениях Б. Джонсона привносят важную дополнительную прагматическую информацию, сглаживая негативный эффект основного высказывания, потенциально неприятного для избирателя, тем самым смягчая возможное негативное отношение к кандидату.

В. Акцентирующие ПМ (Emphasis Markers).

Акцентирующие прагматические маркеры подчеркивают (акцентируют) силу основного сообщения, в предвыборных выступлениях их прагматическая функция — привлечь внимание аудитории к важной, с точки зрения кандидата, информации. Оба политика используют только один вид акцентирующего ПМ — вспомогательный глагол, который выполняет функцию усиления значения смыслового глагола: Джонсон: *I do see people's anxieties about it* (Я действительно понимаю обеспокоенность людей) [Ibid.]; Хант: ... *that does depend on some discretion by the Foreign Secretary* (... это действительно зависит от некоторой осмотрительности министра иностранных дел) [Jeremy Hunt and Boris Johnson speak ...]. Следует отметить, что Б. Джонсон использует этот ПМ в два раза чаще своего соперника, таким образом ему лучше удастся донести дополнительную прагматическую информацию — более убедительно сообщить избирателям, что кандидат знает и понимает их проблемы, показать уверенность кандидата в предлагаемых оценках, действиях, мерах.

3. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ.

Третий тип прагматических маркеров — это параллельные маркеры, функция которых состоит в том, чтобы актуализировать другие сообщения в дополнение к основному сообщению.

В исследованных выступлениях кандидатов на пост лидера Консервативной партии, преобладали ПМ следующих подтипов.

А. Вокативные ПМ (Vocative Markers).

Представляют собой обращения — лицо или предмет, к которому обращена речь. В выступлениях обоих кандидатов вокативные прагматические маркеры используются довольно активно, кандидаты обращаются

к аудитории официально, с уважением (*ladies and gentlemen*) и неформально, по-дружески (*everybody, Terry, Michael, etc.*).

Вокативные прагматические маркеры, эксплицитно обозначая получателя сообщения, безусловно, выполняют важную прагматическую функцию: создают иллюзию прямого общения с избирателями, вовлечения их в процесс обсуждения важных проблем, усиливают эффект единения кандидата с аудиторией.

Б. ПМ солидарности (Solidarity Markers).

С помощью этих прагматических маркеров говорящий выражает солидарность с получателем информации, сигнализирует об общности их интересов, единодушии. Особенно активно использует ПМ солидарности в своих обращениях к аудитории Б. Джонсон: ... *there will be clean drinking water; my friends* (... там будет чистая питьевая вода, *друзья мои*) [Jeremy Hunt and Boris Johnson take part ...]; ... *look at what you could do in the West Midlands* (... *посмотрите*, что вы могли бы сделать в Уэст-Мидлендсе) [Boris takes ...]; ... *you know, we should be putting money into things that really matter* (... *вы знаете*, мы должны вкладывать деньги в то, что действительно имеет значение) [Ibid.]. В приведенных примерах прагматические маркеры солидарности (*my friends, look, you know*) без сомнения, создают необходимый прагматический эффект — демонстрируют сближение кандидата на пост лидера партии и его аудитории — избирателей. Принимая во внимание тот факт, что и по количеству ПМ солидарности Б. Джонсон в два раза превосходит Д. Ханта, можно сказать, что вносимая маркерами прагматическая информация усиливает позицию Б. Джонсона. Ведь в конечном итоге позиция кандидата-«друга» вызывает большее доверие, его аргументы звучат более убедительно, а высказанная точка зрения становится наиболее приемлемой для избирателей.

В. Фокусирующие ПМ (Focusing Markers).

Фокусирующие маркеры служат для привлечения внимания к теме сообщения. Б. Джонсон и Д. Хант использовали в своих выступлениях фокусирующий ПМ *well*, который обычно предварял ответ кандидата на вопрос ведущего или аудитории. Например, Джонсон: ... *well, I think that the northern powerhouse needs to be given much more content* (... *что же*, я думаю, что северной электростанции нужно дать гораздо больше внимания) [Ibid.]; Хант: *well, I am a bit worried about the proposals around the 30,000 pound salary limit* (... *ну*, я немного обеспокоен предложениями по поводу предела зарплаты в 30 000 фунтов) [Ibid.]. В выступлениях обоих кандидатов фокусирующий ПМ *well* использовался как средство плавного вступления в разговор с аудиторией и сигнал о важной информации,

побуждая людей, сидящих в зале, концентрироваться именно на этом моменте речи.

Анализ прагматических маркеров в предвыборных выступлениях кандидатов на пост премьер-министра показал, что Б. Джонсон пользовался прагматическими маркерами гораздо активнее Д. Ханта: это подтверждает как общее количество ПМ (двукратное превышение), так и разнообразие их форм. Кроме того, активность использования Б. Джонсоном отдельных видов прагматических маркеров, таких как ПМ солидарности (объединяющих его с избирателями), подтверждающих ПМ (увеличивающих степень доверия к нему), акцентирующих ПМ (показывающих уверенность кандидата в предлагаемых действиях), «прагматических идиом» (усиливающих эмоциональную составляющую выступлений) и смягчающих ПМ (сглаживающих неприятную для избирателей информацию), несомненно, позволили ему усилить прагматический эффект своих предвыборных выступлений, способствовали формированию имиджа «неравнодушного», компетентного, уверенного в своих действиях политика, который понимает проблемы избирателей, обращается к ним как к своим друзьям и не боится показывать свои эмоции.

Другой кандидат, Д. Хант, используя значительно меньшее количество прагматических маркеров в своих предвыборных выступлениях, поставил себя в менее выгодную позицию по сравнению со своим конкурентом, так как не использовал возможности прагматических маркеров воздействовать на избирателей рационально или эмоционально. Гораздо меньшее количество ПМ солидарности, подтверждающих ПМ, акцентирующих ПМ, скудное (по сравнению с их числом в речах Б. Джонсона) количество «прагматических идиом» (добавляющих экспрессивности и эмоциональности речи) и отсутствие смягчающих ПМ (хотя кандидату не раз приходилось сообщать аудитории негативную, проблемную информацию) внесли свой вклад в создание имиджа Д. Ханта. Этот, возможно, знающий и компетентный политик проигрывает своему сопернику, так как он более дистанцирован от своих избирателей, его связь с аудиторией основана на формальной вежливости, он не считает нужным или не готов открыто показывать свои эмоции, что может вызывать недоверие избирателей к его предвыборной программе в целом.

6. Заключение

Анализ прагматических маркеров предвыборного дискурса кандидатов на пост лидера Консервативной партии Великобритании показал, что все они выполняют важные функции: фокусирующие ПМ и акцентирующие

щие ПМ помогают удерживать внимание аудитории в течение довольно длительного и однообразного процесса в формате предвыборной встречи (выступление, интервью, ответы на вопросы аудитории). Прагматические идиомы, вокативные ПМ, ПМ солидарности вносят вклад в создание иллюзии прямого общения с избирателями, вовлечения их в процесс обсуждения важных проблем, усиливают эффект единения кандидата с аудиторией. Смягчающие ПМ предваряют потенциально неприятную для избирателей информацию основного сообщения, тем самым сглаживая возможное негативное отношение электората к политике.

На основании проведенного исследования сделаны выводы о том, что использование прагматических маркеров в устных предвыборных выступлениях дает возможность кандидату значительно расширить арсенал языковых средств, участвующих в создании требуемого прагматического эффекта предвыборного выступления — завоевывать большее доверие избирателей, убеждать в превосходстве собственной политической позиции и побуждать голосовать за свою кандидатуру.

Источники и принятые сокращения

1. *Boris takes on Hunt at Darlington hustings* [Electronic resource] // Live replay. — 2019. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=dDoT1oWqtI0>.
2. *Jeremy Hunt and Boris Johnson speak at hustings in Birmingham — watch live* [Electronic resource]. — 2019. — Access mode : https://www.youtube.com/watch?v=_Eu8E21_efk.
3. *Jeremy Hunt and Boris Johnson take part in latest hustings* [Electronic resource]. — 2019. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=w2oINqLdOV8>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова Э. А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием : на материале президентских предвыборных кампаний в России и США 2007—2008 гг. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Э. А. Бочарова. — Белгород, 2013. — 232 с.
2. Будаев Э. В. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — 2006. — Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>.
3. Викторова Е. Ю. Дискурсивы в зарубежной лингвистике [Электронный ресурс] / Е. Ю. Викторова. — 2015. — Режим доступа : https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/25/viktorova_e.yu_diskursivy_v_zarubezhnoy_lingvistike.pdf.
4. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5—20.
5. Плахотная Ю. И. Моделирование политического предвыборного дискурса (когнитивно-прагматический аспект) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ю. И. Плахотная. — Челябинск, 2014. — 267 с.

6. *Словарь* социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. — Москва : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. — 312 с.
7. *Халатян А. Б.* Предвыборный дискурс : жанровое своеобразие и специфика языкового воплощения (на материале текстов предвыборных кампаний 2008 года в России и США) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Б. Халатян. — Ставрополь, 2011. — 28 с.
8. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с.
9. *Aijmer K.* Understanding Pragmatic Markers : A Variational Pragmatic Approach / K. Aijmer. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2013. — 192 p.
10. *Cambridge Dictionary* [Electronic resource]. — 2019. — Access mode : <http://dictionary.cambridge.org>.
11. *Fraser B.* Pragmatic Markers / B. Fraser // *Pragmatics*. — 1996. — № 2, Vol. 6. — Pp. 167—190.
12. *Furko P.* Manipulative uses of pragmatic markers in political discourse / P. Furko // *Palgrave Communications*. — 2017. — Vol. 3. — Article number 17054.
13. *Ismail H. L.* Discourse markers in political speeches : Forms and functions / H. L. Ismail // *Journal of the College of Education for Women*. — 2012. — № 23, Vol. 4. — Pp. 1260—1278.
14. *Müller S.* Discourse Markers in Native and Non-native English Discourse / S. Müller. — Justus Liebig University : Giessen John Benjamins Publishing Company Amsterdam / Philadelphia, 2005. — 311 p.
15. *O'Grady S.* Tory leadership hustings : Boris Johnson was as lukewarm as a Rotary Club after-dinner speaker [Electronic resource] / S. O'Grady. — 2019. — Access mode : <https://www.independent.co.uk/voices/tory-leadership-contest-boris-johnson-jeremy-hunt-brexit-hustings-a8970596.ht> Istochniki i prinyatyie sokrashcheniya/

PRAGMATIC MARKERS IN THE ENGLISH-LANGUAGE ELECTION DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF SPEECHES BY CANDIDATES FOR THE POST OF LEADER OF THE CONSERVATIVE PARTY OF GREAT BRITAIN)

© **Olga V. Obvintseva (2020)**, orcid.org/0000-0002-1945-9490, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages and Translation, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), olgaobv@gmail.com.

© **Danil V. Pitolin (2020)**, orcid.org/0000-0002-7719-6203, PhD in Philology, associate professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), d.v.pitolin@urfu.ru.

© **Tatyana O. Obvintseva (2020)**, orcid.org/0000-0002-6897-072X, senior lecturer, Department of Foreign Languages and Translation, Federal State Autonomous Educational Insti-

tution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), obvintseva@gmail.com.

The study of the pragmatic functions of such discourse elements as pragmatic markers, which are used in one of the genres of English-language political discourse — the pre-election speeches of candidates are presented in the article. The attention is paid in the article to the correlation of the concepts of “political discourse” and “pre-election discourse”, the features, functions and pragmatic settings of the genre of pre-election speeches are described, the terms *pragmatic marker* and *discursive marker* are defined. The material for the study was the video of the election speeches of candidates for the post of leader of the Conservative Party of Great Britain B. Johnson and J. Hunt, published on the YouTube online platform in June-July 2019. The classification of pragmatic markers by B. Fraser was chosen as the methodological basis of the study. As a result of the study, an inventory of pragmatic markers was compiled, used by candidates in several rounds of election campaigns, and the functions that pragmatic markers of various types perform in the genre of political discourse under study are described. The results of a comparative analysis of the use of pragmatic markers by each candidate in their pre-election speeches are presented. Conclusions are drawn about how, due to pragmatic markers, the arsenal of manipulative and influencing language means of election discourse is increasing.

Key words: pragmatic markers; discursive markers; political discourse; pre-election discourse; pre-election performance.

MATERIAL RESOURCES

- Boris takes on Hunt at Darlington hustings. (2019). In: *Live replay*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=dDoT1oWqtI0>.
- Jeremy Hunt and Boris Johnson speak at hustings in Birmingham — watch live. (2019). Available at: https://www.youtube.com/watch?v=_Eu8E21_ekf.
- Jeremy Hunt and Boris Johnson take part in latest hustings. (2019). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=w2olNqLdOV8>.

REFERENCES

- Aijmer, K. (2013). *Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Bocharova, E. A. (2013). *Politicheskiy diskurs kak sredstvo manipulyatsii soznaniyem: na materiale prezidentskikh predvybornykh kampaniy v Rossii i SShA 2007—2008 gg.: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Belgorod. (In Russ.).
- Budayev, E. V., Chudinov, A. P. (2006). *Sovremennaya politicheskaya lingvistika*. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>. (In Russ.).
- Cambridge Dictionary. (2019). Available at: <http://dictionary.cambridge.org>.
- Chudinov, A. P. (2012). *Politicheskaya lingvistika*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
- Fraser, B. (1996). Pragmatic Markers. *Pragmatics*, 2 (6): 167—190.
- Furko, P. (2017). Manipulative uses of pragmatic markers in political discourse. *Palgrave Communications*, 3. Article number 17054.
- Ismail, H. L. (2012). Discourse markers in political speeches: Forms and functions. *Journal of the College of Education for Women*, 23 (4): 1260—1278.
- Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa. In: *Yazykovaya lichnost': institucionalnyy i personalnyy diskurs: sbornik nauchnykh trudov*. Volgograd: Peremena. 5—20. (In Russ.).

- Khalatyan, A. B. (2011). *Predvybornyy diskurs: zhanrovoye svoyeobrazie i spetsifika yazykovogo voploshcheniya (na materiale tekstov predvybornykh kampaniy 2008 goda v Rossii i SShA): avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk.* Stavropol. (In Russ.).
- Mikhalchenko, V. Yu. (ed.) (2006). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov.* Moskva: Rossiyskaya akademiya nauk. Institut yazykoznaniya. Rossiyskaya akademiya lingvisticheskikh nauk. (In Russ.).
- Müller, S. (2005). *Discourse Markers in Native and Non-native English Discourse.* Justus Liebig University: Giessen John Benjamins Publishing Company Amsterdam / Philadelphia.
- O'Grady, S. (2019). *Tory leadership hustings: Boris Johnson was as lukewarm as a Rotary Club after-dinner speaker.* Available at: <https://www.independent.co.uk/voices/tory-leadership-contest-boris-johnson-jeremy-hunt-brexite-hustings-a8970596.html>. ml.
- Plakhotnaya, Yu. I. (2014). *Modelirovaniye politicheskogo predvybornogo diskursa (kognitivno-pragmaticheskiy aspekt): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Chelyabinsk. (In Russ.).
- Viktorova, E. Yu. (2015). *Diskursivy v zarubezhnoy lingvistike.* Available at: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/25/viktorova_e.yu_.diskursivy_v_zarubezhnoy_lingvistike.pdf. (In Russ.).

Осипчук А. Е. Грамматические средства выражения семантики императивности в речевом жанре «приказание» / А. Е. Осипчук // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 141—157. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-141-157.

Osipchuk, A. E. (2020). Grammatical Means of Expressing the Semantics of Imperative in the Speech Genre “Command”. *Nauchnyi dialog*, 1: 141-157. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-141-157. (In Russ.).

УДК 811.161.1'366.593+81'38

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-141-157

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «ПРИКАЗАНИЕ»

© **Осипчук Анастасия Евгеньевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-5778-3478, преподаватель кафедры русского языка, Филиал федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж) Министерства обороны Российской Федерации в г. Сызрани (Сызрань, Россия), wolken6184@mail.ru.

Статья посвящена изучению способов выражения императивности в речевом жанре «приказание» на материале художественных произведений Б. Л. Васильева и В. Н. Войновича. Особое внимание уделяется императивной интенции как ведущему жанрообразующему признаку исследуемого речевого жанра. Описываются наиболее регулярные глагольные, приглагольные (частицы, союзы) и неглагольные (частицы, междометия, имена существительные и наречия) средства выражения семантики императивности. Грамматические средства, выражающие семантику императивности в РЖ «приказание», разделены на четыре группы: конструкции, включающие глагольный императив; конструкции, включающие в себя иные формы глагола; конструкции, представленные единством глагольных и неглагольных форм; неглагольные средства выражения императивности. В статье отмечается, что наиболее частотными глагольными средствами выражения императивности являются глаголы в форме императива, инфинитива и прохитива. Подчеркивается экспрессивность высказываний, императивная семантика в которых выражается формами глаголов изъявительного наклонения и неглагольными морфологическими средствами. Основная интенция приказа в таких контекстах дополняется различными оттенками побуждения: просьбой, пожеланием, требованием, призывом, указанием на способ совершения действия и другими. Проводится анализ и сопоставление средств выражения императивности в текстах произведений Б. Л. Васильева и В. Н. Войновича.

Ключевые слова: речевой жанр; приказание; императивность; грамматическая специфика.

1. Подходы к изучению проблемы речевого жанра

Специфика речевых жанров (далее — РЖ) — одна из областей изучения речи, которой посвящены труды А. Г. Баранова [Баранов, 1997],

М. М. Бахтина [Бахтин, 1997], Г. И. Богина [Богин, 1997], В. Е. Гольдина [Гольдин и др., 2001], И. В. Уткиной [Уткина, 2006] и других учёных-языковедов, стремящихся описать как общие, так и частные вопросы РЖ с позиций разных филологических дисциплин.

А. Г. Баранов, указывая на необходимость «исследования языка в действии», основной проблематикой «динамической лингвистики» называет процессы порождения и понимания текста [Баранов, 1997, с. 4]. Г. И. Богин говорит о РЖ с позиций филологической герменевтики и называет его средством индивидуации текста, под которой учёный подразумевает один из способов понимания и построения речевого произведения: «... индивидуация является указанием не только того, что же именно находится перед глазами, но и указанием того, каким образом следует действовать дальше, <...> усмотрение речевого жанра является инобытием индивидуации, регулятором и катализатором дальнейшего действия с текстом» [Богин, 1997, с. 15].

Поскольку представление о типологии РЖ, по словам Г. И. Богина, является «первейшим орудием индивидуации любого материала, вовлечённого в коммуникацию любого рода» [Там же, с. 19], многие исследователи предлагают способы их типологизации. Так, В. Е. Гольдин, говоря о цели речевого произведения как о главном жанрообразующем признаке, предлагает обратиться к типологии функций речи и выделяет репрезентативную функцию, определяющую речевой акт в его отношении к референту, или предмету мысли; контактоустанавливающую, проявляющуюся в ситуациях, в которых говорящий хочет подготовить слушающего к восприятию информации, обратить на себя его внимание; экспрессивную, заключающуюся в демонстрации автором самого себя посредством высказывания; аппеллятивную, заключающуюся в обращении к слушающему, побуждению его к восприятию речи [Гольдин и др., 2001, с. 45—48].

Типы РЖ объединены или противопоставлены по их коммуникативной цели, однако внутри групп жанры различаются по другим признакам, к которым И. В. Уткина [Уткина, 2006] относит интенцию: «Каждый жанр предполагает наличие набора интенций, расположенных в заданной последовательности и связанных между собой, объединённых общей интенцией, создающей специфику жанра» [Там же, с. 60].

Н. И. Формановская как представитель коммуникативно-прагматического подхода к анализу речи раскрывает термин *интенция* в таких понятиях, как намерение, замысел, план действий говорящего [Формановская, 2002, с. 125]. Мы, следуя за логикой рассуждений учёного, будем говорить

об интенции как о коммуникативном намерении, обладающем «свойством организовывать, структурировать речевое общение, <...> обеспечивать жанровое своеобразие речи» [Уткина, 2006, с. 60]. В соответствии с этим интересным представляется рассмотрение грамматических средств организации РЖ **п р и к а з а н и е**.

Определив приказание разговорным жанром делового общения военнослужащих, жанрообразующей интенцией исследователь называет интенцию ‘приказывать’ (*приказывать* — ‘отдавать распоряжение, приказ; велеть, требовать’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 512]). Следовательно, жанрообразующим элементом РЖ приказание мы, вслед за И. В. Уткиной, называем императивную интенцию [Уткина, 2006, с. 84]. Исходя из функционального подхода В. Е. Гольдина, можно также отметить, что в названном жанре реализуется апеллятивная функция языка.

Итак, под приказанием мы понимаем речевое произведение, основной функцией которого является изъявление воли говорящего относительно исполнения слушающим определённого действия, что, по мысли авторов «Теории функциональной грамматики», находит выражение в предложениях с семантикой повелительности: «... в повелительных предложениях выражается адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно исполнения действия» [Теория ..., 1990, с. 187].

Важным, конечно, является и разграничение таких РЖ, как **п р и к а з**, **п р о сь б а**, **с о в е т**, **т р е б о в а н и е**. Для этого следует обратиться к разграничению понятий «иллокутивная сила» и «иллокутивная цель». По мнению М. Ю. Федосюка, иллокутивная цель — это тот компонент, «который информирует адресата о характере воздействия, которое стремится оказать на него говорящий. Одну и ту же иллокутивную цель — побудить адресата к определённому действию — выражают, например, просьбы, мольбы, требования, приказы и ответы». Побуждение является центральным компонентом иллокутивной силы и представляет собой ту содержательную характеристику, «благодаря которой высказывание может быть квалифицировано слушающим как просьба, требование, сообщение или, например, приветствие» [Федосюк, 2001, с. 158]. Как отмечает лингвист, «иллокутивная сила просьбы несёт информацию не только о том, что говорящий стремится побудить слушающего к определённому действию, но и о том, что, по мнению этого говорящего, данное действие должно быть совершено в его интересах, а не в интересах адресата (эта характеристика отличает просьбу от совета), а также что говорящий не считает своего адресата обязанным производить указанное действие (этим просьба отличается от требования и приказа)» [Там же, с. 159]. Таким образом, можно

сказать, что приказание имеет следующую иллокутивную силу: говорящий стремится побудить слушающего к выполнению определённого действия, имеющего объективную, а не субъективную значимость (его выполнение обусловлено определёнными обстоятельствами и военным, социальным и прочим долгом слушающего перед обществом, поскольку совершается в его интересах — этим приказание отличается от требования, значимость и выгода которого часто связаны с отдельным индивидом или небольшой группой лиц). Приказание подразумевает обязательность его исполнения и отсутствие воздействия на эмоции адресата, что отличает его и от требования, и от просьбы, и от совета. Описанные выше характеристики иллокутивной силы приказания способствуют проявлению соответствующего перлокутивного эффекта.

Рассмотрим высказывания, обладающие названной иллокутивной силой, и определим языковые средства её выражения в произведениях Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие ...» [Васильев, 1994а], «В списках не значился» [Васильев, 1994б], «Встречный бой» [Васильев, 1994в], «Ветеран» [Васильев, 1994г] и В. Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» [Войнович, 2007]. Выбор их объясняется следующим. Во-первых, в текстах этих произведений высока частотность репрезентации РЖ приказание, своеобразие которого обусловлено особенностями речевого общения в военной сфере. Во-вторых, оба автора относятся к реалистической литературной школе, однако направленность их методов и художественные приёмы различны. Произведения Б. Л. Васильева получили условное название «лейтенантская проза», в которой в полной мере раскрыта «окопная правда», показывающая страшную реальность войны. Романы В. Н. Войновича о солдате Иване Чонкине базируются на народной смеховой культуре (смех как жизнеутверждающее начало, противопоставленное гибельности, которую несёт война), им свойственны карнавальность, буффонадность. Таким образом, наша цель — выявить и сопоставить идеостилистические особенности формирования и функционирования РЖ приказание в произведениях названных выше авторов.

2. Императив как основное функциональное средство РЖ приказание

В текстах художественных произведений РЖ приказание реализуется посредством употребления большого количества глаголов с императивным значением. Наибольшей регулярностью обладают глаголы в форме повелительного наклонения второго лица единственного и множественного числа: *стреляй, бери, пей, крой, подымай, будь рядом, стой* и другие (*Стреляй, Рита! Стреляй!* — кричали зенитчицы [Васильев, 1994а,

с. 220]; *Да бей же, лейтенант! Бей!* [Васильев, 1994б, с. 221]); *стройте, скажите, глядите, топайте, вытрите, идите, пошлите, передайте* и другие (*Пошлите моё отделение* [Васильев, 1994а, с. 215]; *Стройте людей* [Там же, с. 219]).

Очевидны различия в использовании императива в форме единственного и множественного числа: в первом случае приказание категорично и прямо направлено на непосредственного адресата: *Гранаты! Кидай гранаты!..* [Васильев, 1994б, с. 220]. Форма множественного числа императива делает приказание менее жёстким, появляются дополнительные интенции просьбы (*Не стреляйте, — умоляюще говорил Свицкий, медленно пробираясь по коридору* [Там же, с. 335]), рекомендации (*Воду берегите. И прикажите всем надеть каски: немецкие, наши — какие найдут* [Там же, с. 205]). Часто форма множественного числа императива определяет адресата приказа промежуточным звеном между адресантом и непосредственным адресатом речи: *Передайте Колымазову: в пять сорок атака* [Васильев, 1994в, с. 378]; *Идите к себе и не выходите. И всем скажите, чтобы носа не смели показывать* [Там же, с. 380].

Инфинитив обладает одной характерной особенностью — способностью трансформироваться во все формы времени и наклонений. Так, по словам Л. И. Ушаковой, «вторгаясь в сферу императива, инфинитив “делит” с ним выражение только одного частного значения — категорического приказа, обладающего более сильной экспрессией, чем соответствующие формы императива» [Ушакова, 1999, с. 166]. Такое наблюдается и в РЖ приказание при употреблении глаголов *спать, взять, разуться, отставить, лежать, продолжать, следить, выдвинуться, принимать* и других (*Отставить!* — гаркнул комендант. — Смирно!.. [Васильев, 1994б, с. 229]; *Продолжать наблюдение!* [Там же, с. 236]). В художественных текстах данная форма также находит своё отражение в стилизации не только разговорной речи, но и письменного жанра приказа: *Первое: осудить недостойное поведение коммуниста Голубева и указать ему на недопустимость небрежного обращения с партийным билетом ...* [Войнович, 2007, с. 189—190]). Отметим, что такое использование средств выражения императивности в речи военнослужащих частотно в ироничном или сатирическом контексте. Формирование побудительных высказываний путём использования инфинитива с императивным значением является, по словам И. В. Уткиной, специфической особенностью военной деловой речи: «Частотным является использование инфинитивных форм глаголов (*поощрить, доложить, подготовить, утвердить*) ..., остальные формы глагола используются по необходимости» [Уткина, 2006, с. 69].

Виды побуждения, средствами выражения которых являются глагольные формы императива и инфинитива, несут в своём значении семы 'жестокость', 'крайняя степень категоричности', 'непреклонность', 'предупреждение', 'угроза'. Эту же функцию выполняет прохибитив (отрицательный императив): «Важной разновидностью императива является такая, когда побуждение направлено не на совершение, а на несовершение действия. Это "отрицательное побуждение" следует отличать от обычного отрицания, которое является утверждением о ложности соответствующего высказывания, а не разновидностью побуждения» [Плунгян, 2003, с. 319].

Экспонентом отрицания императива в русском языке является частица *не*. В РЖ приказаания прохибитив выражается грамматической конструкцией «не + инфинитив»: **Не реготать! И не разбегаться!** [Васильев, 1994а, с. 225]; **Не отставать!**.. [Там же, с. 227]. Особенностью речевых актов с отрицательным императивом может стать совмещение в пределах одного высказывания не только волеизъявления о запрещении какого-либо действия, но и объяснения причины этого запрета: **Не стоять! Не стоять, за со сёт!**.. [Там же, с. 227]; **Не разговаривать!** — *Второй голос бы начальственно звонок и юн. — Там разберутся* [Васильев, 1994б, с. 396].

Все названные выше грамматические средства выражения императивности рассчитаны на создание определённого перлокутивного эффекта. Однако в комическом тексте наблюдается следующая трансформация РЖ приказаания. Рассмотрим пример:

— **Ложись!** — *негромко, словно бы нехотя скомандовал старшина, и Чонкин послушно рухнул на землю.* — **Отставить!** — *Чонкин вскочил на ноги.* — **Ложись! Отставить! Ложись!**

— *Товарищ капитан!* — *крикнул старшина Завгороднему.* — *Вы не скажете, сколько там на ваших золотых?*

Капитан посмотрел на свои большие часы Кировского завода (не золотые, конечно, — старшина пошутил) и лениво ответил:

— *Половина одиннадцатого.*

— *Такая рань, — посетовал старшина, — а жара уже хоть помирай. Он повернулся к Чонкину.*

— **Отставить! Ложись! Отставить!** [Войнович, 2007, с. 5].

Как видим, в приведённом выше контексте иллокутивная сила РЖ приказаания приобретает следующую конфигурацию: остаётся лишь собственное побуждение к действию, а важная для описываемого РЖ объективная значимость, связанная с выполнением долга перед обществом, редуцируется. Перлокутивный эффект приказаания не отвечает традиционным принятым требованиям.

3. Глагольные конструкции с императивным значением

В текстах художественных произведений РЖ приказаания реализуется также в виде односоставных предложений, включающих модальное слово (*надо, нужно, должен*) и инфинитив, со значением долженствования: *Надо оружие собрать* ... [Васильев, 1994б, с. 206]; *Надо провести стихийный митинг в свете выступления товарища Молотова, и как можно быстрее* [Войнович, 2007, с. 53]; *О живых думать нужно: на войне только этот закон* [Васильев, 1994а, с. 269].

В императивную парадигму РЖ приказаания входят и конструкции с перформативными глаголами *приказываю, назначаю, командую, даю*: *Заместителем на всё время операции назначаю младшего сержанта Осянину* [Там же, с. 223]; *Поэтому категорически лежат приказываю* [Там же, с. 234]. Отмеченные лексемы не только номинируют речевой акт, но и уточняют значение побуждения, дополняя основную интенцию приказаания вспомогательной интенцией инструктирования (*Ежели выстрелы услышите — затаиться приказываю* [Там же, с. 274]), просьбы (*Всё ... Нету моих глазышек. Нету. Патроны. Где хочешь. Приказываю достать* [Там же, с. 246]). Императивные высказывания иногда могут включать только знаменательные глаголы, обозначающие речевое действие: *Назад!.. Я — часовой! Я приказываю!..* [Там же, с. 157]. Однако чаще всего перформативный глагол является каузативным и требует указания на следствие, порождённое волеизъявлением говорящего. Это достигается с помощью конструкции «перформатив + инфинитив»: *Приказываю принять!* [Там же, с. 238]; *Тогда и слёзы и сопли утереть приказываю* [Там же, с. 274].

Обращает на себя внимание тот факт, что в официальной речи персонажей художественных произведений, представленной письменной формой, порядок слов стабилен: *Приказываю: радиogramмы за подписью „Курт“ игнорировать, а слежение за эфиром на данном участке прекратить* [Войнович, 2007, с. 200]. Разговорная форма речи отличается большей свободой и подвижностью компонентов описываемой конструкции, что выражается в обратном порядке слов (*Тогда и слёзы и сопли утереть приказываю* [Васильев, 1994а, с. 274]), в применении приёма парцелляции, когда перформатив и императив находятся в разных самостоятельных речевых фрагментах (*Стой... — зашил старшина. — Приказываю ...* [Там же, с. 248]).

Частотны конструкции, в которых предикат, выраженный формой индикатива 3 лица единственного числа, реализует интенцию «приказывать»: *Осянина пойдёт старшей* [Там же, с. 219]; *В поиск со мной пойдёт боец Четвертак* [Там же, с. 274]; *Вас прикроет разведбат* [Васильев, 1994в,

с. 388]. Содержание представленных высказываний, помимо доминирующей императивной интенции, включает ведущую в РЖ доклада интенцию «сообщать». В. С. Храковский и А. П. Володин указывают, что семантическая область, «в которой происходит соприкосновение императивных и индикативных форм, — область будущего времени. Формы императива и футуральные формы индикатива обозначают действие, которое либо должно происходить, либо будет происходить после момента речи» [Храковский и др., 2001, с. 202].

Этой же цели подчинены индикативы в форме 1 лица множественного числа, которые А. В. Бондарко называет формами совместного лица [Теория ..., 1990, с. 191]: *Идём на Воль-озеро* [Васильев, 1994а, с. 222]; *Через пятнадцать минут выступаем* [Там же, с. 222]. В значение этих глаголов входит сема ‘совместное действие’, которая реализуется в РЖ приказа также в форме императива 2 лица единственного числа: *Р-разойдись!..* [Там же, с. 219]; *А ну, разбирай слеги, товарищи бойцы* [Там же, с. 228]; *Слушай боевой приказ!* [Там же, с. 233]. Особенностью данных высказываний становится несоответствие форм адресата речи, выраженного либо существительными во множественном числе (*бойцы, товарищи, бабы*), либо существительными с семным комплексом ‘совокупное множество’ (*полк, взвод*) и выполняющими в предложении синтаксическую функцию обращения, форме предиката: *Становись! Быстрее, быстрее, бабы!..* [Васильев, 1994б, с. 315]; *А ну разойдись! Эй, мужики, бабы, поглотили, что ль?* [Войнович, 2007, с. 51]; *Полк!.. Побатальонно, в колонну по четыре, становись!* [Там же, с. 120].

К императивной парадигме тяготеют индикативы совершенного вида 2 лица единственного числа будущего времени: *Вещмешок и шинельку здесь оставишь* [Васильев, 1994а, с. 275]; *Когда помру, на себя наденешь ... А раньше не трожь. С ним жил, с ним и помереть хочу* [Васильев, 1994б, с. 332]. В. С. Храковский и А. П. Володин называют такие императивные конструкции с индикативными формами глаголов фактитивными [Храковский и др., 2001, с. 202—203]. Именно они являются, по словам исследователей, грамматическими экспонентами волеизъявления, то есть обеспечивают реализацию содержания РЖ приказа: «В ней [фактитивной конструкции (*пояснение наше. — А. О.*)] выражается побуждение к действию, которое должно быть выполнено либо непосредственно после момента речи, либо через некоторое время (причём временной интервал обычно эксплицитно уточняется). Говорящий, как правило, выступает как “начальник”, а слушающий — как “подчинённый”, следовательно, реальным содержанием волеизъявления является приказ» [Там же, с. 203].

Нередко в качестве индикатива, выполняющего императивную функцию, выступают глаголы в форме 2 лица множественного числа: *До первых людей: там **доложите*** [Васильев, 1994а, с. 274]; *А вы **переведёте**, ежели не поймут* [Там же, с. 234]. Несомненно, область будущего времени маркируется прежде всего глаголами совершенного вида. При этом семантика высказывания носит характер желательности, предположительности, зависимости от неких условий, при изменении которых настоящее приказание теряет свою актуальность. Однако выявленный нами образец разговорной побудительной речи: *Вы, младший сержант Осянина, за порядок мне **отвечаете*** [Там же, с. 229] — позволяет задуматься над функцией в РЖ приказания глаголов несовершенного вида. В указанном примере императивная интенция описываемого РЖ коррелирует с констатирующей, находит грамматическое воплощение в формальных признаках глаголов несовершенного вида, отменяет условность, отражённую в семантике глаголов совершенного вида, позволяет рассмотреть приказание не как желание, а как не подлежащий сомнению факт. Так, содержание высказывания имеет реальную модальность, что выражается формой изъявительного наклонения глаголов несовершенного вида; индикатив совершенного вида в императивных фразах формирует ирреальную модальность.

Описываемая семантика условности действия реализуется в сложноподчинённом предложении с придаточным условия, части которого соединены союзом *если* или его синонимами *ежели*, *коли*, *раз*: *А вы **переведёте**, ежели не поймут* [Там же, с. 234]; *Если что, сразу **стреляй**, я отвечаю* [Войнович, 2007, с. 62]. Приказания, выраженные как императивными, так и индикативными формами глаголов, следуют за событиями, описываемыми в придаточной части предложения, и обусловлены этими событиями. При этом адресант речи не настаивает на выполнении этих приказаний категорично, так как не знает, насколько условия, предъявленные к его реализации, будут выполнены в реальности. Поэтому такую форму императива, частотность которой отмечена нами в сложноподчинённых предложениях с придаточными условия, мы, вслед за В. Ю. Гусевым, отнесём к ирреалису (это «формы, так или иначе выражающие ирреальное или нереферентное действие» [Гусев, 2005, с. 77]).

В текстах исследуемых нами художественных произведений находим ещё один способ выражения императивности в РЖ приказания, который В. С. Храковский и А. П. Володин называют императивным употреблением индикативных форм прошедшего времени [Храковский и др., 2001, с. 204]: *Пошли*, — сказал генерал [Васильев, 1994в, с. 381]; *Пошёл вперёд. До следующей воронки* [Васильев, 1994б, с. 281]. В представленных приме-

рах формы глаголов однонаправленного движения с префиксом *по-* в прошедшем времени в единственном и множественном числе имеют императивное значение.

4. Приглагольные средства выражения приказания

Средства выражения приказания, которые являются несамостоятельными и функционируют лишь в сочетании с глагольными формами, мы называем приглагольными. Так, речь адресанта, характеризующаяся использованием форм императива, прохибитива и инфинитива с императивным значением, позволяет читателю осознать социальную роль говорящего, которая определяется не только основным семным комплексом ‘главный человек, начальник’, но и дополнительным — ‘непреклонный, категоричный, жёсткий’. Смягчение такой характеристики личности говорящего достигается присоединением к глагольным формам повелительного наклонения частицы *-ка* [Грамматика 80, с. 727]: *Репорт мне покажешь, — сказал Фомушкин и протянул руку. — Ну, как говорится, поздравляю, и беги-ка ты сейчас к бойцу Лидии Паньиной ...* [Васильев, 1994г, с. 526—527]. Однако частица *-ка* может использоваться не для смягчения приказания, а, наоборот, для усиления побуждения, подчёркивая уверенность говорящего в обязательности исполнения адресатом указанного действия: *Посвети-ка ... Встать! Сдать оружие!..* [Васильев, 1994б, с. 185].

Маркёром следующей императивной конструкции с индикативом в прошедшем времени является использование частицы *чтоб / чтобы*: *Чтоб и не шевельнулся никто* [Васильев, 1994а, с. 234]; *Завтра чтоб здесь был* [Васильев, 1994г, с. 525]. Такая конструкция выражает желаемый говорящим результат, который должен достичь адресат речи любыми способами. В данных примерах интенция приказания совмещается с интенцией желания. При этом исполнитель волеизъявления адресантом речи определяется не всегда, на адресата возлагается ответственность за результат, а не за процесс, направленный на его достижение: *Чтоб связь работала! — крикнул вдогонку генерал* [Васильев, 1994в, с. 376]. ... *Так, чтобы я моторы слышал* [Васильев, 1994б, с. 375].

Модальная частица *чтоб* обнаруживает «живую связь» [Грамматика 80, с. 723] с союзом *чтобы*, соединяющим части сложноподчинённого предложения с придаточным изъяснительным. Нередки случаи порождения приказания путём применения сложноподчинённой конструкции, где повелительным маркёром может являться императив глаголов, обозначающих способ передачи информации, например, *сказать, передать*: *Скажи, чтоб перестроились уступом справа. И чтоб Голубничий не зарывался!*

[Васильев, 1994б, с. 381]; *Передай Филину, чтоб обороняться и не думать* [Там же, с. 381]. Появление подобного глагола позволяет рассматривать адресата речи как промежуточное звено между приказывающим и исполняющим приказ субъектом. Такая фактитивная конструкция позволяет снять ответственность за выполнение приказа с адресата и возложить её на непосредственного исполнителя волеизъявления.

Частица *давай* в текстах исследуемых произведений в РЖ приказаания используется как в сочетании с индикативом (хотя можно предположить использование иных форм глагола), так и без него, она означает призыв к началу действия: *Давайте запишем примерно такое решение* [Войнович, 2007, с. 189]; *«Давай»*, — приказывал Фигурин киномеханику ... [Там же, с. 227].

5. Неглагольные средства выражения приказаания

Побудительное значение РЖ приказаания кодируется также средствами иных грамматических категорий, которые являются в текстах единственными императивными маркёрами.

Интенцию приказаания реализует частица *всё*. Несмотря на то, что в содержание значения слова *всё* входит семный комплекс ‘завершение действия’ [Грамматика 80, с. 728], доминирующим в нём является императивный компонент: *Не реготать! И не разбегаться. Всё!* [Васильев, 1994а, с. 225]. Эта частица осуществляет переход от сферы деятельности адресанта к области действия адресата. Слово *всё* заканчивает высказывание говорящего, приказание которого категорично, не требует ответа или возражения.

Поскольку одной из основных функций междометий является выражение волеизъявлений [Грамматика 80, с. 733], обнаруженные в текстах художественных произведений слова указанного класса полностью реализуют интенцию приказаания в описываемом военно-профессиональном РЖ: *Кругом ... марш!* [Войнович, 2007, с. 76]; *«Стоп! Стоп!»* — кричал в этом месте Фигурин [Там же, с. 227].

В исследуемых текстах функционируют конструкции, императивность в которых выражается сочетанием отрицательного предлога *без* с отглагольным существительным, обозначающим текущее или возможное состояние / действие адресата речи, и частицей, усиливающей отрицание этого действия: *И без переживаний давай*, *немцы ждать не будут* [Васильев, 1994а, с. 269]; *Без истерик тут !..* [Там же, с. 268]. В последних двух высказываниях императивность усиливается частицами *давай* и *тут*.

Отрицательные именные сочетания в своём составе могут не содержать указанных выше частиц, что снижает степень экспрессивности высказыва-

ния: *Повторяю, значит, чтоб без ошибки* ... [Там же, с. 226]. Употребление конструкции «без + отглагольное существительное» описывает желаемый результат волеизъявителя (*чтоб без ошибки*), указывает на способ осуществления действия, выраженного императивом, инфинитивом с императивным значением или отглагольным существительным: *Пей без разговору!* [Там же, с. 238]; *Спать без разговоров...* [Васильев, 1994г, с. 525]; *Атака по моей команде и без всякой стрельбы* [Васильев, 1994в, с. 220].

К группе неглагольных средств выражения императивности относятся имена существительные и краткие имена прилагательные. Существительные используются в экспрессивной речи, выражают требование беспрекословного и быстрого выполнения приказа, потому составляют структуру односоставного (или неполного) восклицательного предложения: *Огонь!* [Васильев, 1994б, с. 199]; *Тревога!* [Там же, с. 185]; *Внимание!* [Там же, с. 196]; *Взрывчатку!* [Там же, с. 231].

Краткие прилагательные *ясен, ясна, должна, должен, свободны* характеризуют состояние адресата речи; даже если лексически в предложении адресат не выражается, он обуславливается конситуативно: *Вы свободны, товарищи командиры* [Там же, с. 155]; *Задача ясна? — Ясна! — с привычной бодростью отозвались бойцы* [Там же, с. 200]. Отметим, что для деловых текстов использование кратких прилагательных со значением долженствования является специфической чертой, что влечёт за собой частотность их употребления в документах. Однако в разговорной речи описываемая грамматическая категория употребляется редко, появляясь лишь в официальной, закреплённой уставными нормами ситуации: *Ясен приказ? — Рита нахмуренно молчала. — Что отвечать должна, Осянина? — Ясен — должна отвечать* [Васильев, 1994а, с. 259].

Указанные выше прилагательные появляются в заключительных репликах высказываний (также как частица *всё*). Функционируя в вопросительно-побудительных предложениях: *Задача ясна?* [Васильев, 1994б, с. 200]; *Ясен приказ?* [Васильев, 1994а, с. 259], — краткое прилагательное формирует фразу, которая предполагает обратную связь с адресатом речи. При использовании в повествовательном предложении описываемая грамматическая категория обладает более категоричной семантикой приказа: *Вы свободны, товарищи командиры* [Васильев, 1994б, с. 155].

Анализ языкового материала показывает, что в РЖ приказаания значим акцент на характеристике процесса выполнения волеизъявления. С этим связано функционирование в императивных высказываниях слов и конструкций, обозначающих условие (*Если никого не ранили, то отпустите* [Васильев, 1994в, с. 397]), способ (*Атака по моей команде и без всякой*

стрельбы [Васильев, 1994а, с. 220]), время (*Сейчас же* пусть! [Васильев, 1994б, с. 290]), направление (*Кругом! За мной шагом марш, товарищ лейтенант* [Там же, с. 186]) и образ действия (*Смирно!* [Васильев, 1994а, с. 229]). Цели описания перечисленных характеристик в РЖ приказаания подчинены наречия *немедля, немедленно, прямоком, обратно, сейчас же, бегом, мигом, скорее, быстрее, шагом, смирно, вольно, кругом, вперёд, назад, ни ногой, скрытно: За мной! Бегом!..* [Там же, с. 231]; *Скорее! Рита!..* [Там же, с. 289].

Наречия могут выступать как основными, так и дополнительными средствами выражения приказаания. В первом случае пропозиция, организованная интенцией «приказывать», выражена наречием: *Вперёд! Вперёд, за мной!..* [Там же, с. 227]; *Бегом!* [Там же, с. 218]. Фраза, обозначающая приказание, может в своей структуре иметь, кроме конструкции, отражающей специфику действия, вокатив — обращение или указание на адресат или субъект действия: *Головной дозор, шагом марш!* [Там же, с. 223]; *Скорее! Рита!..* [Там же, с. 289].

Дополнительным средством выражения императивности наречия становятся, вступая в связь с предикатом и служа для усиления значимости приказаания: *Немедленно позвать Чонкина и подготовить к отправке* [Войнович, 2007, с. 14]; ... к расстрелу, — не слушая, продолжал прокурор. — *Приговор привести в исполнение немедленно* [Там же, с. 192].

Рассматривая синтаксические функции названных единиц, отметим, что первый тип наречий входит в структуру неполного предложения и составляет его предикативную основу. Второй тип предложений, императивность в котором выражается наречиями, представлен односоставными инфинитивными предложениями.

6. Заключение

Итак, грамматические средства, выражающие семантику императивности в РЖ приказаания, можно условно подразделить на четыре группы: конструкции, включающие глагольный императив; конструкции, включающие в себя иные формы глагола; конструкции, представленные единственным глагольным и неглагольным форм; неглагольные средства выражения императивности.

В проанализированных художественных произведениях императивность регулярно выражается в повелительных предложениях, отличительной чертой которых является использование императивных глаголов в форме второго лица единственного и множественного числа, когда адресант обращается к непосредственному адресату речи, а также инфинитива

со значением побудительности, когда приказание более абстрактно. Сопоставление текстов произведений Б. Л. Васильева и В. Н. Войновича даёт возможность отметить, что перлокутивный эффект приказания в комическом тексте аннулируется, а объём иллокутивной силы редуцируется, в ней остается только лишь информация о побуждении к действию.

Высказывания, императивная семантика в которых выражается формами глаголов изъявительного наклонения, более экспрессивны по сравнению с контекстами, в которых бытуют формы повелительного наклонения. При этом именно такие предложения способны выражать различные иллокутивные оттенки побуждения: просьбу, пожелание, требование; глаголы разных видов формируют как реальную (глаголы несовершенного вида), так и ирреальную модальность (глаголы совершенного вида). Ирреальное действие также эксплицируется сложноподчинённым предложением с придаточным условия, выражающим семантику предположительности, зависимости действий адресата от внешних субъективных факторов.

В повелительных предложениях, в которых присутствуют приглагольные и неглагольные морфологические средства (частицы, союзы, междометия, имена существительные и наречия) выражения побудительного значения, степень эмоционального воздействия на адресата максимальна. Стоит отметить, что экспрессивная окраска неглагольных средств не распространяется на всё высказывание, организует лишь одно действие, но также позволяет внести в приказание различные оттенки побуждения: пожелание, призыв к началу или завершению действия, указание на способ совершения действия, требование беспрекословного выполнения команды, требование незамедлительного ответа.

Возможность развития дополнительных смысловых оттенков в РЖ приказания наблюдается исключительно в тех контекстах, в которых употреблены неспецифические императивные средства (глагольные формы других наклонений и иные части речи), поскольку именно они обладают большим уровнем абстрагированности в ходе выражения исследуемой иллокуции, что обусловлено наличием лишь контекстуальной актуализации названной выше семантики. Глаголы повелительного наклонения в своем прямом значении предназначены для отражения её и в плане содержания, и в плане выражения (наличие определённых синтетических и аналитических грамматических показателей — морфем и вспомогательных слов).

Источники и принятые сокращения

1. Васильев, 1994а — *Васильев Б. Л.* А зори здесь тихие : повесть // Собрание сочинений в 8 томах. — Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. — Т. 1. — С. 203—297.

2. Васильев, 1994б — *Васильев Б. Л.* В списках не значился : роман // Собрание сочинений в 8 томах. — Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. — Т. 2. — С. 149—339.
3. Васильев, 1994в — *Васильев Б. Л.* Встречный бой : повесть // Собрание сочинений в 8 томах. — Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. — Т. 1. — С. 373—405.
5. Васильев, 1994г — *Васильев Б. Л.* Ветеран : рассказ // Собрание сочинений в 8 томах. — Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. — Т. 1. — С. 516—528.
4. *Войнович В. Н.* Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина [Электронный ресурс] : в 2 кн. — Москва : ЭКСМО, 2007. — 278 с.
6. ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 16 т. / [Глав. Ред. : чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев (глав. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. — Москва ; Ленинград : Изд. и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1961. — Т. 11. — 1842 ст.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов А. Г.* Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности / А. Г. Баранов // Жанры речи. — Саратов : Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. — Выпуск 1. — С. 4—12.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений в 7 томах. — Москва : Русские словари, 1997. — Т. 5. — С. 159—206.
3. *Богин Г. И.* Речевой жанр как средство индивидуации / Г. И. Богин // Жанры речи. — Саратов : Издательство Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. — Выпуск 1. — С. 12—23.
4. *Гольдин В. Е.* Русский язык и культура речи : учебник для студентов-нефилологов / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина, М. А. Ягубова / Под ред. О. Б. Сиротининой. — Саратов : Издательство Саратовского Университета, 2001. — 212 с.
5. Грамматика, 80а — *Русская грамматика* : в 2-х т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1 — 798 с.
6. *Гусев В. Ю.* Типология специализированных глагольных форм императива : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / В. Ю. Гусев. — Москва, 2005. — 297 с.
7. *Плунгян В. А.* Общая морфология : Введение в проблематику : Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное / В. А. Плунгян. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — 384 с.
8. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность* / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин, Е. Е. Корди и др. — Ленинград : Наука, 1990. — 264 с.
9. *Уткина И. В.* Оптимизация форм речевого общения военнослужащих в учебно-профессиональной сфере : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.21 / И. В. Уткина. — Тверь, 2006. — 147 с.
10. *Ушакова Л. И.* Современный русский язык. Морфология / Л. И. Ушакова. — Белгород : Белгородский университет, 1999. — 282 с.
11. *Федосюк М. Ю.* Речевой замысел говорящего и его компоненты / М. Ю. Федосюк // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва. — Москва : Индрик, 2001. — С. 155—166.
12. *Храковский В. С.* Семантика и типология императива : Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин / ответственный редактор В. Б. Касевич. Изд. 2-е, стереотипное. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 272 с.

GRAMMATICAL MEANS OF EXPRESSING THE SEMANTICS OF IMPERATIVE IN THE SPEECH GENRE “COMMAND”

© **Anastasia E. Osipchuk (2020)**, orcid.org/0000-0002-5778-3478, Lecturer, Department of the Russian Language, Federal State Official Military Educational Institution of Higher Education “Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy” (Voronezh) the Ministry of Defence of the Russian Federation (Syzran, Russia), wolken6184@mail.ru.

The article is devoted to the study of ways of expressing imperative in the speech genre “command” based on the material of artworks by B. L. Vasiliev and V. N. Voinovich. Particular attention is paid to imperative intention as the leading genre-forming feature of the studied speech genre. The most regular verbal, adverbial (particles, unions) and non-verbal (particles, interjections, nouns and adverbs) means of expressing the semantics of imperativeness are described. Grammatical means expressing the semantics of imperative in the speech genre “command” are divided into four groups: constructions that include the verb imperative; constructions that include other forms of the verb; constructions represented by the unity of verb and non-verb forms; non-verbal means of expressing imperative. The article notes that the most frequent verbal means of expressing imperativeness are verbs in the form of imperative, infinitive and prohibitive. The expressiveness of statements, the imperative semantics of which is expressed by forms of verbs of indicative mood and non-verb morphological means, is emphasized. The main intention of the command in such contexts is supplemented by various shades of motivation: a request, a wish, a demand, a call, an indication of how the action was performed, and others. The analysis and comparison of the means of expressing imperative in the texts of the works of B. L. Vasiliev and V. N. Voinovich is carried out.

Key words: speech genre; command; imperativeness; grammatical specificity.

MATERIAL RESOURCES

- SSRLYa — Chernyshev, V. I. (ed.) (1961). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 16 t., 11*. Moskva; Leningrad: Izd. i 1-ya tip. izd-va Akad. nauk SSSR v L. (In Russ.).
- Vasilev, B. L. (1994a). A zori zdes' tikhiye: povest'. In: *Sobraniye sochineniy v 8 tomakh, 1*. Smolensk: TRAST-IMAKOM, RUSIch. 203—297. (In Russ.).
- Vasilyev, B. L. (1994b). V spiskakh ne znachilsya: roman. In: *Sobraniye sochineniy v 8 tomakh, 2*. Smolensk: TRAST-IMAKOM, RUSIch. 149—339. (In Russ.).
- Vasilyev, B. L. (1994g). Veteran: rasskaz. In: *Sobraniye sochineniy v 8 tomakh*. Smolensk: TRAST-IMAKOM, RUSIch, 1: 516—528. (In Russ.).
- Vasilyev, B. L. (1994v). Vstrechnyy boy: povest'. In: *Sobraniye sochineniy v 8 tomakh, 1*. Smolensk: TRAST-IMAKOM, RUSIch. 373—405. (In Russ.).
- Voinovich, V. N. (2007). *Zhizn' i neobychnyye priklyucheniya soldata Ivana Chonkina: v 2 kn*. Moskva: EKSMO. (In Russ.).

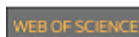
REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1997). Problema rechevykh zhanrov. In: *Sobraniye sochineniy v 7 tomakh, 5*. Moskva: Russkiye slovari. 159—206. (In Russ.).

- Baranov, A. G. (1997). Kogniotipichnost' teksta. K probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatel'nosti. In: *Zhanry rechi, 1*. Saratov: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra «Kolledzh». 4–12. (In Russ.).
- Bogin, G. I. (1997). Rechevoy zhanr kak sredstvo individuatsii. In: *Zhanry rechi, 1*. Saratov: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra «Kolledzh». 12–23. (In Russ.).
- Bondarko, A. V., Belyaeva, E. I., Biryulin, L. A., Kordi, E. E. i dr. (eds.) (1990). *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporalnost'. Modalnost'*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Fedosyuk, M. Yu. (2001). Rechevoy zamysel govoryashchego i yego komponenty. In: *Traditsionnoye i novoye v russkoy grammatike. Sbornik statey pamyati Vely Arsenevny Beloshapkovoy*. Moskva: Indrik. 155–166. (In Russ.).
- Goldin, V. E., Sirotina, O. B., Yagubova, M. A. (2001). *Russkiy yazyk i kultura rechi: uchebnik dlya studentov-nefilologov*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo Universiteta. (In Russ.).
- Gusev, V. Yu. (2005). *Tipologiya spetsializirovannykh glagolnykh form imperativa: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20*. Moskva. (In Russ.).
- Khrakovskiy, V. S., Volodin, A. P., Kasevich, V. B. (eds.) (2002). *Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ*. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2003). *Obshchaya morfologiya: vvedeniye v problematiku*. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (ed.) (1980). *Russkaya grammatika: v 2-kh t., 1*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ushakova, L. I. (1999). *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya*. Belgorod: Belgorodskiy universitet. (In Russ.).
- Utkina, I. V. (2006). *Optimizatsiya form rechevogo obshcheniya voyennosluzhashchikh v uchebno-professional'noy sfere: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Tver'. (In Russ.).

Сергодеев И. В. Опыт анализа и синтеза контекстных значений доминантной единицы *child* поэтического текста У. Блейка «The Lamb»: интертекстуальный аспект / И. В. Сергодеев // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 158—174. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-158-174.

Sergodeev, I. V. (2020). Experience of Analysis and Synthesis of Contextual Meanings of the Dominant Unit *child* in Poetic Text by W. Blake “The Lamb”: Intertextual Aspect. *Nauchnyi dialog*, 1: 158-174. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-158-174. (In Russ.).

УДК 81'371+821.111Blake.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-158-174

ОПЫТ АНАЛИЗА И СИНТЕЗА КОНТЕКСТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ДОМИНАНТНОЙ ЕДИНИЦЫ *CHILD* ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА У. БЛЕЙКА «THE LAMB»: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© Сергодеев Илья Витальевич (2020), orcid.org/0000-0003-1550-4001, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и лингвистики, Снежинский физико-технический институт — филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Снежинск, Россия), moon_stone@mail.ru.

Статья посвящена исследованию динамики смыслового комплекса доминантных единиц поэтического текста. Доминантная единица трактуется как лексема, способная определяться словарными и несловарными, образными, авторскими значениями в заданном произведением контексте благодаря её интертекстуальным связям с единицами адресных текстов. Отмечается, что доминантная единица является единицей интертекстуальности. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности процессов организации смыслового комплекса текстовых единиц и поэтического текста в целом. Объектом выступает поэтический текст, а именно стихотворение английского поэта У. Блейка «The Lamb» (оригинальный текст произведения снабжён подстрочным переводом). Предметом является доминантная единица *child* данного поэтического текста. Методология статьи основана на теории интертекстуальности. Приводится типология интертекстуальных отношений: авто-, ин-, пара-, архитекстуальность. Разграничиваются понятия интертекстуальности и интерконтекстуальности. Рассматривается понятие прототекста. Предлагается модель анализа и синтеза контекстных значений доминантных единиц поэтического текста. Модель делится на пять этапов: фрагментация рассматриваемого произведения, выделение единицы анализа и её контекстный анализ, установление идентичных единиц анализа в адресных текстах, контекстный анализ адресных текстов и их единиц, синтез полученных контекстных значений.

Ключевые слова: поэтический текст; доминантная единица; смысловой комплекс; интертекстуальность; интерконтекстуальность; значение; смысл.

1. Введение

Порождение и восприятие поэтического текста (далее — ПТ) строится на интертекстуальном типе (далее — ИТ) взаимодействия единиц рассма-

триваемого ПТ с идентичными им единицами адресных текстов. Единицы ПТ делятся на константные и доминантные единицы. Константные единицы однозначны, они определяются только одним словарным значением в установленном произведении контексте. Константные единицы выполняют контекстообразующую функцию, играют роль лексического каркаса ПТ, в который встраиваются полиинтерпретативные доминантные единицы (далее — ДЕ). ДЕ выполняют функцию смыслообразующую. Они обращаются к текстовой памяти реципиента, который, распознав в них единицы ИТ, ассоциирует эти единицы с идентичными им текстовыми единицами прототекста. Таким образом, между идентичными текстовыми единицами актуализируется обмен контекстными значениями, который приводит в динамику смысловой комплекс базовой ДЕ и всего базового ПТ, в котором пребывает данная единица.

Актуальность настоящей работы обосновывается тем, что в ней предлагается модель анализа смыслового комплекса доминантных единиц ПТ. Объектом исследования выступает ПТ У. Блейка «The Lamb» как звено непрерывной цепи ИТ отношений, реализующихся между единицами культуры — текстами. Предметом исследования является серия ДЕ *lamb, child, god* ПТ «The Lamb» У. Блейка. Задача статьи — исследование особенностей динамики смыслового комплекса доминантных единиц ПТ.

2. Методология исследования

Феномен «интертекстуальность» рассматривается в свете структурного, интерпретативного и лингвокультурологического подходов. Лингвокультурологический подход строится на оппозиции «текст — мир культуры» [Барт, 1994; Деррида, 2000], которая развилась из структурной оппозиции «текст — фрагмент текста» [Женетт, 1998; Тименчик, 1981; Chandler, 2007] и интерпретативной «текст — контекст» [Forster, 1927; Элиот, 1987]. ДЕ, являющаяся отсылкой или реминисценцией к ДЕ адресного текста, обогащает смысловой комплекс рассматриваемого произведения, так как связывает его не только с фрагментом другого текста (прототекста — начального текста, текста-донора), но и с уникальным контекстом этого текста, а также с культурологическими особенностями создания прототекста. В рамках настоящей статьи ИТ понимается в узком смысле как тематические текстовые ссылки одного произведения на другое (или единицы одного произведения на единицу другого), свойственные отдельным видам текстов — художественным, поэтическим, научным и пр.

В статье используется следующая типология ИТ отношений: автотекстуальный (реминисценция одного текста к другому в рамках корпуса

анализируемого автора), интекстуальный (текстовое включение, ссылающееся на произведения, не входящие в корпус текстов анализируемого автора), паратекстуальный (семиотическое отношение текста к своему заглавию, подзаголовку, эпиграфу и примечаниям) и архитекстуальный (отсылка к культурологическим феноменам — «не текстам») типы связи. К единицам ИТ относятся цитата, самоцитата (автор цитирует сам себя), квазичитата (видоизменённая, но узнаваемая цитата), аллюзия, самоаллюзия, аллюзивные антропонимы, аллюзивные сюжеты, аллюзивные реалии.

ИТ выполняет функцию референции, то есть семиотической связи двух или более ДЕ, относящихся к разным текстам. Динамика смыслового комплекса ДЕ и базового произведения в целом происходит благодаря обмену контекстными значениями между ДЕ, вступившими друг с другом в ИТ связь. В этом случае исследователь имеет дело с интерконтекстуальностью (далее — ИК), которая дополняет ИТ тип межтекстовых отношений, поскольку обеспечивает наложение несловарных, адресных значений на базовую ДЕ. Таким образом, ИК выполняет семантическую функцию, приводя смысловой комплекс единиц ПТ в динамическое состояние. Функциональные единицы ИТ и ИК — общие.

Рассмотрим модель анализа динамики смыслового комплекса доминантных единиц ПТ, основывающуюся на описанных выше ИТ и ИК типах межтекстового взаимодействия. При разработке предлагаемой модели также учитывался антропологический подход описания текстотворческой деятельности [Казарин, 2016], теория филологического и лингвистического анализа художественного текста [Бабенко, 2004], теория семиосферы [Лотман, 2000].

Алгоритм построения модели анализа и синтеза

1. Фрагментация текста.

При большом объёме текста, множественности тем и предметов рассматриваемого произведения разделить общий объём базового ПТ на логические и тематические сегменты.

2. Вычленение единицы анализа.

Разделить текстовые единицы произведения на доминантные (определяющиеся сразу несколькими словарными и / или несловарными значениями в заданном произведении контексте) и константные единицы (определяющиеся строго одним словарным значением).

3. Адресные тексты.

Установить прототекст и возможные метатексты, на которые указывает базовая ДЕ. Для этого:

— исследовать биографию автора, его интересы, переписку и творчество в целом с тем, чтобы задать границы числа возможных адресных текстов;

— классифицировать тип ИТ отношений между базовой ДЕ и адресными текстами (авто-, пара-, ин-, архитектуральность);

— составить список адресных источников в хронологическом порядке.

4. Анализ контекстных значений доминантной единицы в адресных текстах.

4.1. Провести анализ контекстных значений интересующей ДЕ в каждом из адресных текстов.

4.2. В случае выявления «новых», не определённых в п. 3 адресных текстов (установленных благодаря динамике смыслового комплекса анализируемой ДЕ) повторить п. 4.1 по отношению к каждому из них.

5. Синтез контекстных значений.

5.1. Определить контекстное значение анализируемой ДЕ в базовом и каждом из рассмотренных контекстов адресных текстов. Разделить значения по типу ИТ связи (авто-, пара-, ин-, автотекстуальному).

Контекстные значения $ДЕ_1$.

(1) Базовый $ПТ_1$ — контекстное значение 1 ($ДЕ_1$).

Автотекстуальный тип связи:

(2) $ПТ_2$ — контекстное значение 2 ($ДЕ_2$).

Паратекстуальный тип связи:

(3) $ПТ_3$ — контекстное значение 3 ($ДЕ_3$).

Интекстуальный тип связи:

(4) $ПТ_4$ — контекстное значение 4 ($ДЕ_4$).

Архитекстуальный тип связи:

(5) $ПТ_n$ — контекстное значение n ($ДЕ_n$).

5.2. Представить формализованную модель динамики смыслового комплекса анализируемой ДЕ в виде таблицы синтеза её контекстных значений ($ДЕ_1$ заимствует контекстные значения $ДЕ_2$, $ДЕ_3$, $ДЕ_4$ и $ДЕ_n$).

3. Анализ доминантной единицы *child* поэтического текста «The Lamb»

1. Фрагментация поэтического текста «The Lamb».

ПТ «The Lamb» («Агнец») анализируется в полном объёме, поэтому разбивать на фрагменты данное произведение нет необходимости. Стихотворение состоит из 2 строф по 10 строк каждая. Анализируемое существительное *child* (ребёнок) встречается 2 раза в 16 и 17 строках.

1 *Little Lamb who made thee*

2 *Dost thou know who made thee*

3 *Gave thee life & bid thee feed.*

4 *By the stream & o'er the mead;*

5 *Gave thee clothing of delight,*
6 *Softest clothing wooly bright;*
7 *Gave thee such a tender voice,*
8 *Making all the vales rejoice!*
9 *Little Lamb who made thee*
10 *Dost thou know who made thee*

11 *Little Lamb I'll tell thee,*
12 *Little Lamb I'll tell thee!*
13 *He is called by thy name,*
14 *For he calls himself a Lamb:*
15 *He is meek & he is mild,*
16 *He became a little **child**:*
17 *I **a child** & thou a lamb,*
18 *We are called by his name.*
19 *Little Lamb God bless thee.*
20 *Little Lamb God bless thee* [Blake, 2004, p. 106].

Маленький Агнец, кто создал тебя?
Ты знаешь, кто создал тебя,
Дал тебе жизнь и пищу,
Ручьём и мёдом
Одел тебя в восторг,
Дал мягкую одежду яркой шерсти,
Дал тебе нежный голос,
Который радует все долины?
Маленький Агнец, кто создал тебя?
Ты знаешь, кто создал тебя?

Маленький Агнец, я скажу тебе,
Маленький Агнец, я скажу тебе!
Его зовут твоим именем,
Поскольку он называет себя Агнец.
Он кроткий как ягнёнок,
Он стал *ребёнком*.
Я *ребёнок*, а ты — агнец.
Нас зовут его именем.
Маленький Агнец, Бог с тобой.
Маленький Агнец, Бог с тобой. (перевод наш. — И. С.).

2. Вычленение единицы анализа

Представленный в настоящей статье анализ является частью большого исследования ПТ У. Блейка «The Lamb» («Агнец»). В рамках этого исследования ДЕ *child* является не единственной выделяемой единицей анализа. ДЕ *child* находится в семантической зависимости от ДЕ *lamb*, *he* и *god*.

Единицы анализа выделяются по их полиинтерпретативному компоненту. Текстовые единицы, определяющиеся строго словарными значениями, не рассматриваются в ходе дальнейшего анализа.

В первой строфе *Lamb* относится к ягнёнку. Об этом свидетельствуют связанные с образом агнца и темами нежности, сладости, покоя существительное *mead* (мёд), сравнение *softest clothing wooly bright* (мягкая одежда яркой шерсти), словосочетание *a tender voice* (нежный голос), существительное *vales* (долины). Во второй строфе рассматриваемого ПТ наблюдается динамика смыслового комплекса *Lamb* — данная текстовая единица обозначает не только ягнёнка, но и Бога. Подтверждение находим в словосочетании *he calls himself a Lamb* (он называет себя Агнец), идиоме *He is meek & he is mild* (он кроткий как ягнёнок) и двух заключительных строках стихотворения. Представление о Боге является открытым для интерпретации, субъективным и в какой-то степени интимным вопросом, поэтому в рамках данного анализа речь пойдёт исключительно о взглядах У. Блейка и их влиянии на смысловой комплекс текстовых единиц анализируемого ПТ «The Lamb».

В первой строфе стихотворения между существительным *Lamb* и местоимением *thee* можно поставить знак равенства, однако во второй строфе текстовая единица *Lamb* расширяет свой смысловой комплекс посредством отнесённости одновременно к двум разным объектам: *thee* (ягнёнок, агнец) и *he* (творец, Бог).

Местоимения *who* и *he* (*his*, *himself*) относятся к одному объекту — творцу, Богу.

Прослеживается динамика смыслового комплекса существительного второй строфы *child*, поскольку оно обозначает как минимум три объекта: Бог (*He became a little child* / Он стал ребёнком) — ребёнок — рассказчик (*I a child* / Я — ребёнок).

Таким образом, каждая из указанных текстовых единиц семантически перекрещивается с другими представленными единицами. Формально их можно разбить на три блока, каждый из которых является рядом взаимосвязанных текстовых единиц: блок *Lamb* (*lamb — thee — he — Lamb — God*), блок *child* (*child — he — I — God*), блок *God* (*God — he — Lamb — child*).

Другие текстовые единицы представленного ПТ «The Lamb» могут быть интерпретированы только одним способом (словарно), поэтому не представ-

ляют интереса для настоящего исследования. К ним можно отнести качественные прилагательные *little* (маленький), *tender* (нежный), *soft* (мягкий), *bright* (яркий); относительное прилагательное *wooly* (шерстяной); герундий *making* (заставляя); глаголы прошедшего времени *made* (создал), *gave* (дал), *bid* (предложил), *became* (стал); конкретные и абстрактные существительные *life* (жизнь), *feed* (пища), *stream* (ручей), *mead* (мёд), *clothing* (одежда), *name* (имя), предлоги *by* (посредством), *over* (через), *of* (выражение родительного падежа). В один ряд с однозначными текстовыми единицами ПТ «The Lamb» также поставим архаизм *Dost thou know* (*Do you know* / вопросительная форма *ты знаешь*), метафоры *clothing of delight* (одежда восторга), *vales rejoice* (долины радуются); аллитерированную идиому *meek & mild* (кроткий как ягнёнок), идиому *God bless you* (Бог с тобой).

3. Поиск и определение доминантных единиц в адресных текстах.

Для достижения ясности изложения уточним понятие «адресный текст». Под адресными понимаются тексты, к которым отсылает единица интертекстуальности.

В силу своей общеупотребительной природы ДЕ *child* встречается во многих произведениях У. Блейка, однако только в двух из них её смысловой комплекс дополняется несловарными контекстными значениями, а именно: в адресном ПТ «Introduction» («Вступление») и в стихотворении «The Divine Image» («Святой образ») того же сборника «Songs of Innocence» («Песни невинности»). ДЕ *child* в 17 и 18 строках ПТ «The Lamb» (***He became a little child: I a child & thou a lamb / Он стал маленьким ребёнком. Я ребёнок, а ты — агнец***) относится одновременно к личному местоимению *he* и *I*. Семантика ДЕ *child* содержит идею богоподобия человека по У. Блейку, которая намечена поэтом в философских афоризмах *There is No Natural Religion* (Не существует естественной религии) (1788), *All Religions Are One* (Все религии — одно) (1788). В 5 строке раздела [k] адресного ПТ «The Everlasting Gospel» («Бесконечное Евангелие») (1788—1818) встречаем прямое указание на несловарные аспекты смыслового комплекса ДЕ *child*:

<...> *Was Jesus Humble or did he
Give any Proofs of Humility
When but a **Child** he ran away
And left his Parents in Dismay* <...> [Blake, 2004, p. 848].

<...> Христос был Смирненным или он
Дал повод считать себя Покорным,

Когда **Ребёнком** убежал,
Оставив своих Родителей в Смятении <...> (перевод наш. — И. С.)

В представленном ПТ ДЕ *child* ассоциируется с Иисусом Христом.

В 17 строке ПТ «The Lamb» («Агнец») ДЕ *child* играет роль интекстуальной ссылки (аллюзивного сюжета) к евангелическому образу воплощения Бога. Адресными текстами по отношению к базовой ДЕ *child* выступают следующие произведения У. Блейка: «There is No Natural Religion» («Не существует естественной религии») (1788), «All Religions Are One» («Все религии — одно») (1788), «Intoduction» («Вступление») (1789), «The Divine Image» («Святой образ») (1789) и «The Everlasting Gospel» («Бесконечное Евангелие») (1788—1818). Сюда же можно отнести тексты новозаветного Евангелия.

4. Контекстные значения базовой доминантной единицы *child* в указанных адресных текстах.

Основными типами ИТ отношений ДЕ *child* выступают авто- и интекстуальность, позволяющие ей вступать в межтекстовую связь с подобными и идентичными единицами адресных текстов. ДЕ *child* как подобная текстовая единица является автотекстуальной самоаллюзией к произведениям У. Блейка, в которых наблюдается идея богоподобия (ребёнок — воплощённый Иисус). В новозаветных Евангелиях английской версии идентичная текстовая единица, выраженная существительным *child*, которым обозначается Иисус Христос, встречается 20 раз: 10 у Матфея [Holy Bible, 2013, pp. 1188—1189], 10 у Луки [Там же, с. 1273, 1275].

4.1. Контекстные значений доминантной единицы *child* в адресных текстах «There is No Natural Religion», «All Religion Are One», «Introduction», «The Divine Image» и «The Everlasting Gospel».

В базовом ПТ «The Lamb» («Агнец») смысловой комплекс ДЕ *child* представлен многоаспектно, полиинтерпретативно. В 16 строке читаем слова: *He became a little child* (Он стал **ребёнком**). Личным местоимением *he* У. Блейк обозначает творца — Бога. В следующей строке той же строфы находим: *I a child & thou a lamb* (**я ребёнок**, а ты — агнец). Этот фрагмент ПТ «The Lamb» является примером иерархичности ДЕ *child*. На уровне авторского замысла У. Блейк «наделяет» ДЕ *child* божественными свойствами, а в следующей строке наблюдается процесс эмерджентного преобразования, в результате которого уровень авторского замысла приобретает новые смыслы: я — дитя — Бог. Таким образом, семантика ДЕ *child* в анализируемом тексте существенно отличается от словарного значения

‘ребёнок’, поскольку это слово становится знаком, за которым закреплён широкий образ богоподобного человека. В этом смысле ДЕ *child* (как образ Христа) является самоаллюзией к тематически подобным ей образам богоподобного человека, представленным местоимениями *he* (он), *we* (мы) и словосочетанием *the True man* (настоящий Человек) поэтических текстов У. Блейка «There is No Natural Religion» («Не существует естественной религии») и «All Religions Are One» («Все религии — одно»).

В ПТ «There is No Natural Religion» находим строки:

<...> **He** who sees the Infinite in all things sees God. **He** who sees the Ratio only sees himself only. Therefore **God becomes as we are, that we may be as he is** <...> [Blake, 2004, p. 75].

<...> Тот, кто видит во всём бесконечное, видит Бога. Тот, кто видит во всём только рациональное, видит только себя. Из этого следует, что **Бог становится таким, каковы мы сами, для того, чтобы мы получили возможность стать такими, каков Он** <...> (перевод наш. — И. С.).

Идея человеческого богоподобия берёт начало в ветхозаветной книге Бытия и является одной из главных тем творчества У. Блейка. В данном примере затрагивается противопоставление поэтического начала в человеке — рациональному:

<...> **He** who sees **the Ratio** only sees himself only <...> [Blake, 2004, p. 75].

<...> Тот, кто видит во всём только **рациональное**, видит одного лишь себя <...> (перевод наш. — И. С.).

Таким образом, богоподобие, по У. Блейку, заключается в творческом, поэтическом начале человека. В ПТ «All Religions Are One» читаем следующее:

<...> *The true Man is the source he being the Poetic Genius* <...> [Blake, 2004, p. 77].

<...> Источником является Человек — **Поэтический Гений** <...> (перевод наш. — И. С.).

Другой иллюстрацией идеи богоподобия служит 18 строка базового ПТ «The Lamb»:

<...> **We are called by his name** <...> [Blake, 2004, p. 106].

<...> Нас зовут **его именем** <...> (перевод наш. — И. С.).

Автотекстуальная связь (интертекстуальная связь текстовых единиц в рамках произведений исследуемого автора) базовой ДЕ *child* с тематически подобными ей единицам *he*, *we*, *man* текстов У. Блейка «All Religions are One» и «There is No Natural Religion» открывает новые контекстные значения анализируемой единицы, а именно — ‘ребёнок-Бог’, ‘ребёнок’, ‘подобный Богу’, ‘Человек-Бог’, ‘Человек, подобный Богу’. Именно эти контекстные значения выступают важнейшими элементами авторской ми-

фологии У. Блейка, а не лежащие на поверхности значения ДЕ *child*: ‘ребёнок’, ‘духовная чистота’, ‘невинность’.

Отметим, что в качестве адресных текстов рассматриваются именно «All Religions are One» (1788) и «There is No Natural Religion» (1788), поскольку хронологически они предшествуют поэтическому сборнику «Songs of Innocence» (1789), в который включён базовый ПТ «The Lamb», следовательно, являются его прототекстами.

При исследовании адресного текста «All Religions Are One» обнаруживаются новые контекстные значения ДЕ *God*. В данном случае речь идёт не о Боге-любви или Боге-деспоте, а о *Poetic Genius* (Поэтическом Гении), тесно переплетённом с образом человека, а иногда тождественном ему:

<...> *the Poetic Genius is the true Man. And that the body or outward form of Man is derived from the Poetic Genius* <...> [Blake, 2004, p. 77].

<...> Поэтический Гений — истинный человек. Тело или внешний облик Человека происходит от Поэтического Гения <...> (перевод наш. — И. С.).

и

<...> *The Religions of all Nations are derived from each Nations different reception of the Poetic Genius which is everywhere call'd the Spirit of Prophecy* <...> [Blake, 2004, p. 77].

<...> Религии всех Народов возникают от различий в восприятии Народами Поэтического Гения, которого везде называют Духом Пророчества <...> (перевод наш. — И. С.).

Рассматривая ПТ «Introduction» («Вступление») в качестве адресного текста, следует обратить внимание на контекстное значение ДЕ *child*, являющееся схожим с рассмотренным выше значением ‘дитя’ — ‘Бог’.

*Piping down the valleys wild,
Piping songs of pleasant glee,
On a cloud I saw a child,
And he laughing said to me:* <...> [Blake, 2004, p. 104].

Я играл на дудочке в диких долинах,
Играл песни наслаждения и ликования.
**На облаке я увидел дитя,
И оно, смеясь, сказало мне** <...> (перевод наш. — И. С.).

Выделенная текстовая единица *child* поставлена автором в имплицитный контекст, поскольку может иметь несколько интерпретаций. Общим для всех

возможных трактовок является божественная природа ребёнка. Учитывая контекст базового ПТ «The Lamb», ДЕ *child* можно определить значением ‘Бог’ или, ссылаясь на распространённый общекультурный образ, охарактеризовать её контекстным значением ‘ангел’ (в библейском варианте — *Ангел*).

ПТ «The Divine Image» — следующий адресный текст, который содержит важный для анализа контекст. Рассмотрим его вторую строфу:

<...> *For Mercy, Pity, Peace, and Love,
Is God our Father dear;
And Mercy, Pity, Peace, and Love,
Is man, His child and care* <...> [Blake, 2004, p. 111]

<...> Поскольку Прощение, Сострадание, Мир и Любовь —
*Наш дорогой Бог-Отец.
Прощение, Жалость, Мир и Любовь —
Человек, Его ребёнок, о котором Он заботится* <...> (перевод наш. — И. С.).

Учитывая христианскую тематику указанного отрывка, контекст текстовой единицы *child* является эксплицитным: У. Блейк ясно даёт понять, что образ человека, выраженный существительным *man*, тождественен образу ребёнка, поскольку человек, согласно анализируемому фрагменту, — дитя Бога. На это указывает притяжательное местоимение *His*, обозначающее объект *God* (об этом также свидетельствует факт написания данного местоимения с прописной буквы, хотя в работах У. Блейка это не является закономерностью). Таким образом, У. Блейк развивает заложенные в рассмотренных выше философских афоризмах *All Religions are One* и *There is No Natural Religion* основы авторской мифологической концепции.

Итак, смысловой комплекс ДЕ *child* включает семантику блейковских образов: *ребёнок*, *человек* и *Бог*, — которые, согласно представленным выше контекстам, тождественны. Рассматриваемый фрагмент затрагивает тему богоподобия, отождествляя образ человека через инфинитивную форму глагола *to be* (быть) с абстракциями, обозначенными существительными *Mercy* (Прощение), *Pity* (Сострадание), *Peace* (Мир) и *Love* (Любовь).

В отрывке адресного ПТ «The Everlasting Gospel» У. Блейк отождествляет образ, обозначенный ДЕ *child*, с образом Иисуса Христа:

<...> *Was Jesus Humble or did he
Give any Proofs of Humility*

When but a Child he ran away

And left his Parents in Dismay <...> [Blake, 2004, p. 848].

<...> **Христос** был Смирненным или он
Дал повод считать себя Покорным,
Когда **Ребёнком** убежал,
Оставив своих Родителей в Смятении <...> (перевод наш. — И. С.).

Представления У. Блейка о человеке выходят далеко за обозначенные границы. В этом можно убедиться, ознакомившись с последней пророческой книгой поэта «Jerusalem» («Иерусалим»), наиболее полно раскрывающей его сложные поэтические образы человека и Бога. Частично данная многоуровневая система представлена У. Блейком в ПТ «The Marriage of Heaven and Hell» («Бракосочетание Рая и Ада») (1791), «Visions of the Daughters of Albion» («Видения дочерей Альбиона») (1793), «America» («Америка») (1793), «Europe» («Европа») (1794), «The Book of Urizen» («Книга Уризена») (1794), «The Song of Los» («Песнь Лоса») (1795), «The Book of Ahania» («Книга Агании») (1795), «The Book of Los» («Книга Лоса») (1795), «Vala, or the Four Zoas» («Вала или четыре Зоа») (1797) и, наконец, «Jerusalem» («Иерусалим») (1802—1820) [Blake, 2004]. На данном этапе анализа остановимся на идеях У. Блейка о человеке, прямо связанных со смысловым комплексом ДЕ *child*.

Для У. Блейка сущее является следствием работы воображения (поэтического, божественного начала) человека. *Человек* в словарном значении не то же самое, что *человек* в понимании У. Блейка. В ПТ «Jerusalem» говорится о *Eternal Man* (Вечном Человеке) — гиганте Альбионе, который был единым бессмертным существом, олицетворяющим всё человечество. Термин *единый* в мифологической системе У. Блейка следует понимать, как ‘бесполой’ и ‘неразделённый на аспекты’; при этом поэт подразумевает четыре аспекта: *reason* (причина), *passion* (страсть), *sensitivity* (чувства), *instinct* (инстинкт). Из-за падения Альбиона до *Selfhood* (состояние Самости) аспекты отделяются как друг от друга, так и от Вечного Человека и в результате становятся самостоятельными сущностями — четырьмя Зоа, воюющими друг с другом и одновременно с Альбионом: *причина* — *Urizen* (Уризен), *страсть* — *Luvah* (Лува), *чувства* — *Tharmas* (Тармас), *инстинкт* — *Urthona* (Уртона) [Ibid., p. 635]. На основе описанной мифологической модели строится развитие дальнейших представлений У. Блейка о человеке. Конечная цель существования мира и человечества представляется поэту в объединении четырёх Зоа в каждом человеке, в результате

чего он (человек) вернётся к гармоническому существованию и сможет называться Человеком, Вечным Человеком, Альбионом.

4.2. Контекстные значений доминантной единицы *child* в адресных текстах Евангелия от Матфея и от Луки.

Контекст фрагментов Нового завета, в который помещена базовая ДЕ *child*, является эксплицитным: *дитя — Иисус Христос — Бог*.

<...> 21 *when eight days were accomplished for the circumcising of the child, his name was called JESUS, which was so named of the angel before he was conceived in the womb* <...> [Holy Bible, 2013, p. 1276].

<...> 21 По прошествии восьми дней, *когда надлежало обрезать Младенца, дали Ему имя Иисус*, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве <...> [Библия ..., 2001, с. 64]

Благодаря эксплицитной единице *child* фрагмента Евангелия реализуется признак эмерджентности ПТ. Контекстное значение существительного *child* указанного примера выступает отправной точкой, которая позволяет этой же единице *child* базового ПТ «The Lamb» расширить смысловой комплекс: *дитя — Иисус Христос (He became a little child [Blake, 2004, p. 106]) — Бог (God bless thee [Там же]) — человек — дитя — я (I a child [Там же]) — мы (We are called by his name [Там же])*.

5. Синтез контекстных значений.

Подведем итоги контекстуального анализа интертекстуальных и интерконтекстуальных отношений ДЕ базового поэтического текста и адресных текстов. Далее в статье будут учитываться только те контекстные значения, которые были освещены в ходе представленного анализа. Мнения исследователей творчества У. Блейка или информация, касающаяся творчества поэта, выходящая за пределы рассмотренных текстов, обсуждаться не будет. Результаты синтеза контекстных значений представлены в сводной таблице (см. ниже).

5.1. Контекстные значения доминантных единиц в рамках базового поэтического текста «The Lamb» и адресных (по отношению к ним) текстов.

Тезисно систематизируем результаты анализа пп. 2—4.

Контекстные значения доминантной единицы *child*:

(1) Базовый ПТ «The Lamb» (1789) — ‘ребёнок’, ‘Бог’ (ДЕ₁).

Автотекстуальный тип связи:

(2) ПТ «There is No Natural Religion» (1788) — ‘богоподобный человек’ (ДЕ₂).

(3) ПТ «All Religions Are One» (1788) — ‘богоподобный человек’ (ДЕ₃).

(4) ПТ «Introduction» (1789) — ‘ребёнок’, ‘ангел’, ‘Бог’ (ДЕ₄).

(5) ПТ «The Divine Image» (1789) — ‘ребёнок (человек) = Бог’ (ДЕ₅).

(6) ПТ «Jerusalem» (1804) — ‘Вечный Человек Альбион’ (ДЕ₆).

(7) ПТ «The Everlasting Gospel» (1818) — ‘Иисус Христос’ (ДЕ₇).

Интекстуальный тип связи:

(8) Тексты Евангелия от Матфея и от Луки — ‘Иисус Христос’ (ДЕ₈).

Значения, представленные в п. 2 и п. 3, а также в п. 7 и п. 8, идентичны. Не будем учитывать п. 4, так как хронологически ПТ «There is No Natural Religion» написан раньше, чем ПТ «All Religions Are One»; не будем учитывать п. 7, так как ПТ «The Everlasting Gospel» является метатекстом по отношению к текстам Евангелия.

5.2. Зависимость динамики смыслового комплекса анализируемой доминантной единицы от контекста употребления.

Рассмотрим особенности динамики смыслового комплекса ДЕ *child* в формате таблицы (данные указаны с учётом объединённых контекстных значений ДЕ адресных текстов с базовым ПТ).

Таблица

Синтез контекстных значений доминантной единицы *child*

	ДЕ <i>child</i>	Базовый ПТ «The Lamb»	Контекстные значения адресных текстов / тип ИТ связи				
			автотекстуальность				интекстуальность
			ПТ «There is No Natural Religion»	ПТ «Introduction»	ПТ «The Divine Image»	ПТ «Jerusalem»	Тексты Евангелия от Матфея и от Луки
ИК связь	ДЕ ₁	ребёнок, Бог					
	ДЕ ₂	богоподобный человек					
	ДЕ ₃	ребёнок, ангел, Бог					
	ДЕ ₅	ребёнок (человек) = Бог					
	ДЕ ₆	Вечный Человек Альбион					
	ДЕ ₈	Иисус Христос					

Пять указанных адресных ПТ представлены в хронологическом порядке. Базовый ПТ всегда указывается первым, затем идет ПТ «There is No Natural Religion» — самый ранний из указанных адресных произведений; завершает список ПТ «Jerusalem» — наиболее позднее творение У. Блейка. Евангелические тексты представлены последними, так как являются прототекстом. В таблице прослеживается динамика смыслового комплекса ДЕ

child. Благодаря ИК отношениям рассматриваемой ДЕ *child* с текстовыми единицами адресных текстов наблюдается расширение её семантики от словарного значения 'дитя' до сложного многоаспектного образа Вечного Человека, включающего в себя образ Бога. Контекстное значение 'Иисус Христос' объединяет все остальные контекстные значения. Образ Христа выступает в роли прообраза не только по отношению к ДЕ *child*, но и к творчеству У. Блейка в целом. Факт того, что ДЕ *child* семантически разворачивается в группу адресных текстов и способна заимствовать, вбирать в себя их контекстные значения, не нарушая при этом связности базового произведения, свидетельствует о многосмысленности анализируемой текстовой единицы и высокой динамике её смыслового комплекса, а также смыслового комплекса ПТ «The Lamb» в целом.

4. Заключение

Использование представленной модели анализа и синтеза смыслового комплекса ДЕ поэтического текста является перспективным способом интерпретации художественного произведения. Анализ строится на выделении доминантных единиц ПТ, являющихся немаркированной единицей ИТ и ИК отношений, и определении их контекстных значений в базовом и адресных текстах.

Разработанная модель позволяет проследить динамику смыслового комплекса доминантных единиц ПТ через ИК взаимодействие этих единиц с единицами адресных текстов, обеспечивающее обмен контекстными значениями между этими единицами. Модель помогает исследователю проникнуть глубже в структуру и суть ПТ, определить спектр литературных или культурных источников, влияющих на формирование смысла рассматриваемого текста, наблюдать становление и развитие ключевых образов анализируемого произведения.

Многосмысленность ДЕ реализуется благодаря ИТ и ИК типам межтекстового взаимодействия. ДЕ семантически незамкнута. Она способна вступать в ИТ отношения с единицами адресных текстов. ИТ — инструмент, позволяющий реципиенту определять адресные тексты, руководствуясь узнаваемостью образов, тематической и контекстной близостью произведений, частотностью употребления анализируемых текстовых единиц. После определения и анализа контекстных значений единиц установленных адресных текстов ИТ тип отношений сменяется ИК типом. Адресные контекстные значения наслаиваются на контекстное значение базовой ДЕ. Это приводит её смысловой комплекс в неустойчивое динамическое состояние. В результате базовая ДЕ интерпретируется не только одним или

несколькими словарными значениями в заданном контексте, но и образными, несловарными значениями единиц адресных текстов. Так, смысловой комплекс ДЕ *child* из словарного толкования существительного *ребёнок* преобразуется в образ *Вечного Человека Альбиона*.

Источники и принятые сокращения

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические : в русском переводе с параллельными местами и словарём. — Москва : Российское библейское общество, 2001. — 1234 с.
2. Blake W. The Complete Poems / W. Blake ; edited by A. Ostriker. — London : Penguin Group, 2004. — 1071 p.
3. Holy Bible. Containing the old and new testaments. — Salt Lake City : the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, 2013. — 2448 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста / Л. Г. Бабенко. — Москва : Академический Проект, Деловая книга, 2004. — 464 с.
2. Барт Р. Избранные работы : Семиотика : Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1994. — 616 с.
3. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 432 с.
4. Женетт Ж. Фигуры / Ж. Женетт. — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 472 с.
5. Казарин Ю. В. Антропологические основы литературной деятельности / Ю. В. Казарин. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 132 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
7. Тименчик Р. Д. Текст в тексте у акмеистов / Р. Д. Тименчик // Труды по знаковым системам. XIV. Ученые записки Тартуского госуниверситета. Тарту. 1981 Труды по знаковым системам. — 1981. — № 14. — С. 65—75.
8. Элиот Т. С. Традиция и индивидуальный талант / Т. С. Элиот. — Москва : Прогресс, 1987. — 640с.
9. Chandler D. Semiotics : the Basics / D. Chandler. — New York : Routledge, 2007. — 328 p.
10. Forster E. M. Aspects of the Novel / E. M. Forster. — New York : Rosetta Books, 1927. — 192 p.

EXPERIENCE OF ANALYSIS AND SYNTHESIS OF CONTEXTUAL MEANINGS OF THE DOMINANT UNIT *CHILD* IN POETIC TEXT BY W. BLAKE “THE LAMB”: INTERTEXTUAL ASPECT

© Ilya V. Sergodeev (2020), orcid.org/0000-0003-1550-4001, PhD in Philology, associate professor, Department of Philosophy and Linguistics, Snezhinsk Physics and Technology

Institute of the National Research Nuclear University MEPhI (Snezhinsk, Russia), moon_stone@mail.ru.

The article is devoted to the study of the dynamics of the semantic complex of dominant units of a poetic text. A dominant unit is interpreted as a token that can be defined by dictionary and non-dictionary, figurative, author's meanings in a given work context due to its intertextual connections with units of address texts. It is noted that the dominant unit is a unit of intertextuality. The relevance of the study is in the insufficient knowledge of the processes of organizing the semantic complex of text units and the poetic text as a whole. The object is a poetic text, namely the poem of the English poet W. Blake "The Lamb" (the original text of the work is provided with interlinear translation). The subject is the dominant unit *child* of a given poetic text. The methodology of the article is based on the theory of intertextuality. A typology of intertextual relations is given: auto-, in-, para-, architextuality. The concepts of intertextuality and intercontextuality are differentiated. The concept of prototext is considered. A model for the analysis and synthesis of dominant units contextual meanings of a poetic text is proposed. The model is divided into five stages: fragmentation of the work under consideration, allocation of the analysis unit and its context analysis, establishment of identical analysis units in address texts, context analysis of address texts and their units, synthesis of the obtained context values.

Key words: poetic text; dominant unit; semantic complex; intertextuality; intercontextuality; value; meaning.

MATERIAL RESOURCES

- Bibliya. Knigi Syvashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta kanonicheskiye: v russkom perevode s parallelnymi mestami i slovarem.* (2001). Moskva: Rossiyskoye bibleyskoye obshchestvo. (In Russ.).
- Blake, W. (2004). *The Complete Poems*. London: Penguin Group.
- Holy Bible. Containing the old and new testaments.* (2013). Salt Lake City: the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints.

REFERENCES

- Babenko, L. G. (2004). *Filologicheskii analiz teksta*. Moskva: Akademicheskii Proekt, Devaya kniga. (In Russ.).
- Bart, R. (1994). *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Chandler, D. (2007). *Semiotics: the Basics*. New York: Routledge.
- Derrida, Zh. (2000). *Pismo i razlicheye*. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt. (In Russ.).
- Eliot, T. S. (1987). *Traditsiya i individualnyy talant*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Forster, E. M. (1927). *Aspects of the Novel*. New York: Rosetta Books.
- Kazarin, Yu. V. (2016). *Antropolingvisticheskiye osnovy literaturnoy deyatel'nosti*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SP6. (In Russ.).
- Timenchik, R. D. (1981). *Tekst v tekste u akmeistov*. In: *Trudy po znakovym sistemam, XIV. Uchenyye zapiski Tartuskogo gosuniversiteta*, 14: 65—75. (In Russ.).
- Zhenett, Zh. (1998). *Figury*. Moskva: Izd-vo im. Sabashnikovykh. (In Russ.).

Сигал К. Я. Роль установки в синтаксисе художественной речи (на материале сатирической пьесы-миниатюры В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...») / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 175—191. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-175-191.

Seagal, K. Ya. (2020). The Role of the Attitude in the Syntax of Artistic Speech (based on the Material of the Satirical Miniature play by V. Ardiv "This is What Your References Did ...»). *Nauchnyi dialog*, 1: 175-191. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-175-191. (In Russ.).

УДК 81'23+81'38:82-7+81'367.335.2+821.161.1Ардов.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-175-191

РОЛЬ УСТАНОВКИ В СИНТАКСИСЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ САТИРИЧЕСКОЙ ПЬЕСЫ-МИНИАТЮРЫ В. АРДОВА «ВОТ ЧТО НАДЕЛАЛИ СПРАВКИ ТВОИ ...»)

© Сигал Кирилл Яковлевич (2020), orcid.org/0000-0001-9400-4587, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), kjseagal@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о роли установки как объяснительного инструмента в синтаксисе художественной речи. Актуальность исследования обусловлена следующим: в теории художественной речи отсутствует общепринятое представление о том, каким образом синтаксическая форма приобретает эстетическую значимость. Новизна исследования видится в том, что идея установки, которую по-разному трактуют в теории художественной речи, получает новый импульс развития на основе концепции Д. Н. Узнадзе. Через призму установки выполнен анализ реализаций синтаксической формы последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций в сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...». Показано, что речевая система, в которую объединяются употребления этой синтаксической формы, образуется на основе их общего участия в воплощении сатирической установки, выведения на фоне других синтаксических единиц, включения в синтаксический эксперимент, отображающий динамику сатирической коллизии, выполнения композиционно-организующей, изобразительной и суггестивной функций. Отмечается, что при «подключении» сатирической установки к установке синтаксической формы последовательного подчинения в многочисленных сложноподчиненных предложениях наблюдается ориентация как на конструктивный образец, так и — в особенности — на различные его нарушения.

Ключевые слова: установка; синтаксис; многочленное сложноподчиненное предложение; последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций; художественная речь; сатира.

Посвящается светлой памяти В. Ардова и Д. Н. Узнадзе

1. Введение

Цель статьи — показать, что теория установки, созданная грузинским психологом Д. Н. Узнадзе (1886—1950), является действенным объясни-

тельным инструментом в синтаксисе художественной речи. Как представляется, только благодаря установке (согласно Д. Н. Узнадзе) становится возможным раскрыть специфику того или иного синтаксического явления в художественной речи, то есть объяснить, как из «материала искусства» оно превращается в «эстетически преобразованную форму искусства» [Виноградов, 1971, с. 4], в чем состоит актуальность предлагаемого подхода. Через призму установки рассматривается речевая система употребления многочисленных сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций в сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова (1900—1976) «Вот что наделали справки твои ...», созданной в 1953 году.

Необходимо подчеркнуть, что в теории художественной речи термин *установка* не только не является новым, но и имеет свою традицию применения. С одной стороны, под установкой понимают «реализованное намерение, проявляющееся в тексте художественного предмета и в актах его восприятия» [Гельгардт, 2011, с. 127], а с другой стороны — «направленность на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [Якобсон, 1975, с. 202]. Очевидно, что различие между этими трактовками установки заключается в акцентировании либо субъективной, либо объективной стороны речевой деятельности художника слова. Имея в виду именно это различие, Ю. Н. Тынянов призывал «вычеркнуть телеологический, целевой оттенок, “намерение” из слова “установка”» [Тынянов, 2002, с. 200—201] и ограничивал установку конструктивным принципом жанра (например, оды).

Установка, по Д. Н. Узнадзе, представляет собой нечто иное: в ней акцентируется «единство субъективных и объективных моментов <...>, данное в актуальной готовности субъекта к определенной активности» [Рамишвили, 1973, с. 320]. Подобное интеракционное понимание установки, свойственное Д. Н. Узнадзе, весьма перспективно для теории художественной речи, так как в нем не допускается «разрыва» между языком (= знанием языка) и эстетически обусловленным отбором и употреблением языковых единиц.

Обращение к сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...» вызвано несколькими причинами. Во-первых, В. Ардов был тончайшим писателем-стилистом, способным заставить читателя выделить и эстетически переживать ту или иную синтаксическую форму. Возможно, и этот аспект мастерства В. Ардова побудил Б. Л. Пастернака, прочитавшего одну из его книг, сказать: «Я думаю, вы могли бы в гораздо большей степени навязать себя эпохе ...» [Ардов, 2004, с. 28].

Во-вторых, для нужд сатирического изображения художники слова, в том числе В. Ардов, прибегают к так называемым заострениям, которые создаются обычно посредством повтора и / или преобразований языковых единиц. В. Ардов полагал, что творческая «себестоимость» таких заострений во многом зависит от объема сатирического произведения. Так, Я. Е. Эльсберг приводит устное наблюдение В. Ардова о том, что «применение резкого заострения в небольшом сатирическом <...> рассказе дается легче, чем в сатирическом романе» [Эльсберг, 1957, с. 386]. В сатирической пьесе-миниатюре «Вот что наделали справки твои ...» прием заострения строится путем выдвигения как слова (и его производных), так и синтаксической конструкции. В-третьих, В. Ардов делает структурной доминантой в композиционно-организующем, изобразительном и суггестивном планах довольно редкую для сатиры и, возможно, по этой причине почти не изученную с точки зрения своего сатирического потенциала синтаксическую форму — связь последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций, создающую один из типов многочленного сложноподчиненного предложения.

Важно отметить, что подход к объяснению эстетически значимого употребления этой синтаксической формы с точки зрения установки стал возможным благодаря тому, что в ряде исследований последней четверти XX века [Калашникова, 1979; Уханов, 1981] было показано, что семантика многочленных сложноподчиненных предложений не ограничена теми смысловыми отношениями, которые выражаются в их компонентах — сложноподчиненных предложениях минимальной структуры, и что способы синтаксической связи в многочленных сложноподчиненных предложениях, в частности последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций, имеют природу языкового знака.

2. Учение Д. Н. Узнадзе об установке: от психологии к лингвистике

Теория установки создавалась Д. Н. Узнадзе как общепсихологическая. Согласно его концепции, установка представляет собой «целостную направленность» субъекта «в определенную сторону на определенную активность» [Узнадзе, 2001, с. 25]. Установка не является чем-то субъективным, наоборот, ею опосредуется связь потребности субъекта со средствами и условиями ее удовлетворения, то есть с объективными обстоятельствами деятельности [Там же, с. 33, 405]. По мнению ученого, установка относится к сфере бессознательного, в ней содержится не только побуждение к деятельности, но и образ ее результата. Поэтому благодаря установке обеспечивается «как бы автоматичность протекания и все же упорядочен-

ная целесообразность» деятельности [Там же, с. 330]. «... Для того, чтобы сознание начало работать в каком-нибудь определенном направлении, — подчеркивал Д. Н. Узнадзе, — предварительно необходимо, чтобы была налицо активность установки, которая, собственно, в каждом отдельном случае и определяет это направление» [Там же, с. 63]. Возникшая установка сохраняется субъектом и при необходимых условиях может получить активацию [Там же, с. 65].

Д. Н. Узнадзе считал, что без идеи установки невозможно постичь природу языка и речи. Согласно его теории, «установка, выполняющая столь большую роль в речи, должна быть отчетливо запечатлена и в языковом материале» [Там же, с. 414]. По мысли исследователя, усвоение языка приводит к возникновению фиксированных установок, в которых запечатлевается воздействие слов и форм языка и на основе которых осуществляется «управление» их употреблением в речи [Там же, с. 401]. В речевом общении посредством установки, согласно Д. Н. Узнадзе, связаны слово и то «психическое содержание», которое «переживается» как его значение [Там же, с. 403—406].

Осуществляя трансфер общепсихологической теории установки в лингвистику, Д. Н. Узнадзе сосредоточился на уровне слова и представил установку в качестве того регулятивного начала, которое создает слово как языковой знак. Ученым была высказана мысль о том, что в словотворчестве (и, по-видимому, в употреблении слова) некая идея, востребованная в коммуникации, «начинает воздействовать на субъекта и вызывает в нем определенную установку» — «единый источник интеллектуального содержания этой идеи и ее звуко-моторного выражения» [Там же, с. 398]. Хотя в связи с понятием установки Д. Н. Узнадзе не обращался к анализу синтаксических явлений, скорее всего, рассуждая о слове, ученый обнаружил единую основу образования и употребления языковых знаков на основе установки.

При объяснении синтаксических фактов художественной речи посредством понятия установки акцентируем внимание на одном как будто противоречивом моменте. Считается, что эстетическая функция предполагает сознательное отношение к отбору и употреблению синтаксических единиц со стороны художника слова [Будагов, 1988, с. 36]. Д. Н. Узнадзе, напротив, подчеркивал отнесенность установки к сфере бессознательного. Однако применительно к функционированию синтаксиса это противоречие является мнимым. Как отмечал видный представитель психологического языкознания Д. Н. Овсяннико-Куликовский, «работа синтаксического упорядочения слов, совершающаяся в бессознательной сфере, надо думать, не

проникает в глубь ее», «можно и произвольно, нарочито направить внимание на эту — синтаксическую — работу мысли и держать в светлой точке сознания не только содержание фразы, но и ее синтаксические формы, способы употребления и сочетания слов в ней» [Овсянико-Куликовский, 1912, с. 7].

Еще в большей мере осознанию, тем более в речевой деятельности художника слова, поддаются сложные синтаксические структуры (в частности, многочисленные сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций), в которых стилистическое внимание фиксируется как на их конструктивном принципе, так и на возможных отступлениях от него. Однако такое осознание происходит обычно *post factum*, когда художник слова совершенствует написанное или пусть на мгновение, но останавливает речетворческий акт, предаваясь рефлексии над той или иной синтаксической формой. В самом общем виде эстетические задачи, которые могли бы быть решены с помощью синтаксиса, являются достоянием сознания художника слова, но способ их синтаксического решения может оказаться недостаточно отрефлектированным, так как знание языка и речевой опыт во многом «предопределяют программу оперирования языковыми знаками» [Гельгардт, 2011, с. 129], в том числе синтаксическими.

Интересно, что, размышляя о наблюдаемом лингвистами взаимодействии сознательного и бессознательного в речи, Р. Якобсон отмечал: «Можно высказать надежду, что понятие установки, ныне развиваемое грузинской психологической школой, позволит уточнить факт постоянного соучастия двояких компонентов в любой речевой деятельности» [Якобсон, 1996, с. 24].

Согласно Д. Н. Узнадзе, в художественной речи установка вызывает «борьбу за адекватное воплощение» [Узнадзе, 2001, с. 288], приводящую к употреблению единственно возможного слова или синтаксического построения.

3. Синтаксическая форма в художественной речи и проблема установки

Вслед за Е. Н. Ширяевым под синтаксической формой понимается единство смыслового отношения и средств его выражения в той или иной синтаксической единице [Ширяев, 1986, с. 5]. Говоря о синтаксической форме сложноподчиненных предложений, обычно ограничиваются их минимальными структурами, состоящими из двух предикативных конструкций [Там же, с. 6]. Когда лингвисты отстаивают «текстовую приро-

ду» многочисленных сложных предложений [Волохина и др., 2003, с. 12], то они косвенно признают отсутствие в них особых синтаксических форм. В то же время согласиться с тем, что эти сложные предложения, в частности многочисленные сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций, не имеют синтаксических форм, равносильно тому, чтобы отказать им в способности отображать некий фрагмент действительности с его взаимосвязями, установленными и «упакованными» определенным образом в человеческой когниции.

Можно утверждать, что последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций представляет особую синтаксическую форму в многочисленном сложноподчиненном предложении. «Инклюзивно-иерархические» смысловые отношения [Уханов, 1981, с. 58], или «очень обобщенное значение уточнения <...> признаков вглубь» [Калашникова, 1979, с. 12], при последовательном подчинении имеют свои средства выражения. Во-первых, «все конструкции с последовательным подчинением бинарны и имеют два организующих центра: абсолютно главное предложение, формирующее главную часть основного членения, и придаточное первой степени — конструктивный центр сложной придаточной части. Придаточное первой степени придает организуемой им придаточной части единое функционально-синтаксическое и категориальное значение» [Уханов, 1981, с. 57]. Во-вторых, наличие в предикативной конструкции «элементов, как-то повторяющих содержание предшествующего ей линейно придаточного, ведет к конструированию предложения с последовательным подчинением придаточных» [Гаврилова, 1979, с. 131]. По-видимому, в основу этой синтаксической формы положена установка на конкретизирующее описание признака путем указания на другие признаки, последовательно уточняющие его и друг друга.

В художественной речи синтаксическая форма, сохраняя свою установку, может «подключаться» к воплощению эстетических установок писателя, проявляющихся в композиционно-организующей, изобразительной и суггестивной функциях синтаксической формы. Актуализируя содержательность синтаксических отношений, эстетические установки приводят к тому, что синтаксическая форма приобретает символическое значение. По замечанию А. П. Журавлева, «синтаксический символизм четко не осознается носителями языка и носит подсознательный характер. Этот аспект семантики не играет самостоятельной роли в языке, он несет лишь дополнительную, в основном эмоционально окрашенную информацию» [Журавлев, 1987, с. 56]. «Подключение» эстетической установки в худо-

жественной речи осуществляется либо путем реализации конструктивного потенциала синтаксической формы, либо в результате отступления от ее конструктивного образца.

Вне идеи установки синтаксическую организацию художественной речи можно представить следующим образом: писатель обращается к той или иной синтаксической форме и употребляет ее так, чтобы осуществить свой замысел. На основе идеи установки этот процесс объясняется иначе: в речетворстве писателя происходит взаимодействие установок синтаксической формы и эстетической задачи, причем специфика такого взаимодействия установок — а именно их согласование либо рассогласование — определяет конкретное употребление синтаксической формы.

4. Сатира и синтаксис

Сатирическая установка относится к тем эстетическим установкам, которые обладают выработанными в литературно-художественной традиции разнообразными формами речевой объективации, в том числе синтаксическими. «Сатира, — писал М. М. Бахтин, — есть образное отрицание современной действительности в различных ее моментах ...» [Бахтин, 1997, с. 15]. Ю. Боров выделяет такие черты сатирического мышления, как «охват существенных общественных явлений и выражение отношения к ним, а также спрессовывание, концентрирование жизненного материала на минимальной художественной площади»; «деформация образа, способствующая выявлению наиболее существенных пороков, жизненных явлений, достойных сатирического осмеяния»; «единство гармонии и дисгармонии», состоящее в том, что «плавное развитие сатирического образа всегда вдруг перебивается срывом»; сочетание «закономерностей как трагедийной, так и комедийной структуры»; необязательность смеха [Боров, 1970, с. 85—177]. Известный специалист в области лингвистической теории сатиры П. Симпсон утверждает, что сатира создается посредством эхоического обращения к иному дискурсу и стилистического искажения (distortion) в собственной композиции [Simpson et al., 2017, с. 162].

Безусловно, в сатире может быть использована практически любая синтаксическая единица, хотя далеко не каждая синтаксическая единица способна включиться в воплощение сатирической установки. Последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций представляет собой такую синтаксическую форму связи, которая имеет конструктивные основания для участия в создании сатирического заострения. Так, например, последовательное подчинение обладает значительными «глубинногенными свойствами» [Уханов, 1981, с. 60], то есть возможно развертывание

сложноподчиненного предложения вглубь без синтаксических ограничений (если не считать сужения круга смысловых отношений и однотипности союзов). Это свойство позволяет в сатире подчеркнуть референтную «непрозрачность» признака, ради конкретизации которого осуществляется последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций, и / или абсурдность всей смысловой цепочки. Сатирического эффекта путанности речи можно достичь путем нарушения плавности перехода от одной и той же в структурно-семантическом плане придаточной предикативной конструкции к другой, возникающего из-за разрыва в смысловой цепочке или из-за сбоя в ориентации дейктических элементов. Кроме того, употребление почти не встречающихся в разговорной речи многочленных сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций, одинаковых по синтаксической семантике и по союзному маркеру, позволяет создать сатирическую имитацию речи бюрократов, привыкших к свойственным канцелярско-чиновничьему обиходу громоздким синтаксическим построениям.

При этом для сатирической установки синтаксическая форма существенна не столько сама по себе, сколько в аспекте ее включения в развитие сатирического образа, когда эта синтаксическая форма представлена рядом употреблений, чем-либо отличающихся друг от друга. Поэтому «средства сатирического усиления и сгущения красок», в том числе синтаксические, «необходимо рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи со всем ходом сатирической мысли» [Эльсберг, 1957, с. 370].

5. Анализ сатирической пьесы-миниатюры В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...»: речевая система употребления последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций через призму установки

В сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...» (в авторской метапоэтической трактовке — «трагикомедии» [Лыжов, 2013, с. 111]) высмеивается такое проявление бюрократического засилья, как необходимость иметь справку для осуществления почти любого действия в социальной жизни. Сатирическое мышление В. Ардова заостряет эту негативную социальную практику в сюжетной идее, согласно которой для получения одной справки требуется принести другую справку, а ее выдачу нужно обосновать третьей справкой и т. д. В созданной В. Ардовым сатирической пьесе-миниатюре, состоящей из пяти картин, показано, как два бюрократа (заведующая и управдомы), требующие от жильца справку за справкой, пытаются его же сначала обвинить в хулиган-

стве, потом — объявить сумасшедшим, однако врач, разобравшись в происхождении, ставит не жильцу, а его мучителям диагноз «приступ острого бюрократизма, осложненного волокитой» и просит санитаров «изолировать» их [Ардов, 2007, с. 173].

В. Ардов строит речевую структуру пьесы-миниатюры путем повышенной концентрации лексических обозначений предмета сатирической коллизии: 63 раза он употребляет имя существительное *справка* (в том числе в сильной позиции текста — в заголовке) и 4 раза — его производные с уменьшительно-оценочными (*справочка, справчаточка*) и увеличительно-оценочным (*справища*) суффиксами. Показательно, что в своей просьбе, обращенной к управдомами (в 1-й картине), жилец использует производное имя существительное *справочка*, посредством чего демонстрируется невольная эмпатия к предмету просьбы. В 5-й картине жилец, доведенный почти до помешательства, бормочет себе под нос: *Справки мне нужны, разные ... справочки, справчаточки, справищи, хе-хе-хе ...* [Там же, с. 172]. Безусловно, насыщая небольшой текст, уместившийся на неполных пяти страницах, 67 однокоренными словами, В. Ардов, с одной стороны, отмечает ключевой концепт пьесы-миниатюры, а с другой стороны, обеспечивает прием сатирического заострения.

Однако, способствуя выдвижению слова и актуализации стоящего за ним концепта, корневой повтор сам по себе не может выразить характера отношений, в которые включены предметы, обозначенные одним и тем же словом. Для этого требуется синтаксическая конструкция, призванная выражать то или иное смысловое отношение. Сюжетная идея, состоящая в том, что получение одной справки ставится в зависимость от получения другой, а получение другой — от получения третьей и т. д., побудила В. Ардова осмыслить отношения между этими событиями и, главное, предметами как «инклюзивно-иерархические» [Уханов, 1981, с. 58] и использовать для их выражения такую синтаксическую конструкцию, как многочленное сложноподчиненное предложение с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций. В сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова выстроена особая речевая система таких синтаксических конструкций, в своей целостности создающая эффект сатирического заострения и реализующая сатирическую установку на собственно синтаксической основе. Перейдем к анализу каждого из звеньев речевой системы, представляющих синтаксическую доминанту в речевой структуре сатирической пьесы-миниатюры В. Ардова.

В 1-й картине, придя в домоуправление, жилец, которому отказали в выдаче книги, облекает свою просьбу в форму сложноподчиненно-

го предложения минимальной структуры: *Мне бы надо справочку о том, что я проживаю у вас в доме*, но управдомами, выражая свое требование, прибегает к многочленному сложноподчиненному предложению: *Ну тогда пусть они вам дадут справку, что вам нужна справка о том, где вы живете* [Ардов, 2007, с. 169]. Изъяснительная придаточная предикативная конструкция относится либо непосредственно к имени существительному (*справку*), конкретное содержание которого она раскрывает, либо к указательному слову главной части (*о том*). Опускание указательного слова, характерное для разговорной речи, вносит атрибутивный оттенок в семантику придаточной части. Надо отметить, что по своему структурно-речевому воплощению многочленное сложноподчиненное предложение, вложенное в уста управдомами, нисколько не затрудняет смыслового восприятия: связь последовательного подчинения представлена в своей элементарной реализации (имеются придаточные двух степеней), использованы разные по составу контактные рамки (с указательным словом и без него), соблюдается дейктическая ориентация на 2-е лицо (*вам — вам — вы*), референтная отнесенность слова *справка*, уточняемого цепочкой придаточных, устанавливается без труда.

Во 2-й картине жилец просит у заведующей справку для домоуправления, но слышит очередное указание: *Принесите только от них справку, что вам нужна справка, что нам нужна справка о том, где вы живете* [Там же, с. 170]. Это многочленное сложноподчиненное предложение, в котором посредством последовательного подчинения связаны три придаточные предикативные конструкции. Дейктическая ориентация на 3-е, 2-е, 1-е и опять на 2-е лицо (*от них — вам — нам — вы*) препятствует мгновенному смысловому восприятию высказывания, в частности выяснению референтной отнесенности слова *справка* из главной части. Жилец не понимает сказанного и переспрашивает, заведующая повторяет свое указание и на этот раз добивается понимания.

В 3-й картине жилец снова появляется в домоуправлении и в ответ на недоумение местного начальника сначала цитирует заведующую, а затем выражает мысль по-своему: *Э нет, теперь я хлопочу о другой справке: справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что мне нужна справка, что им нужна справка, что нам нужна справка ...* [Там же, с. 170—171], но запутывается. Та же участь постигает управдомами, который пытается помочь «косноязычному» жильцу. В высказывании жильца последовательное подчинение охватывает пять придаточных предикативных конструкций, причем однообразное оформление контактной рамки (*справка, что*), лексический повтор подлежащего и сказуемого при их ин-

версии в придаточных частях (*нужна справка*), нечеткость дейктической ориентации (*вам — им — мне — им — нам*) мешают понять, какая же именно справка требуется, то есть акт референции затруднен. Вовсе не случайно жилец подчеркивает, что теперь ему нужна «другая справка».

В 4-й картине жилец опять объясняется с заведующей, в кабинете которой присутствует милиционер, вызванный для того, чтобы привлечь к ответственности «хулигана», по определению заведующей. Повторяя свою просьбу, жилец строит многочленное сложноподчиненное предложение с пятью придаточными предикативными конструкциями, как и в 3-й картине: ... *мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка* ... [Там же, с. 171]. По сравнению с высказыванием из 3-й картины здесь изменен порядок личных местоимений, формирующих дейктическую ориентацию (*вам — им — мне — вам — им*). Это свидетельствует о том, что говорящий устал, запутался и потерял надежду точно обозначить, что за справка ему нужна, и, безусловно, о том, что референтная отнесенность слова *справка*, для выяснения конкретного содержания которого понадобилась цепочка из пяти придаточных, потеряна окончательно.

В 5-й картине жилец возвращается в домоуправление. Как указано в авторской ремарке: *он, видимо, помешался: смеется, ловит свой палец, дергается и т. д.* [Там же, с. 172]. Речь жильца выглядит путаной, лишенной смысловой связности. Ср: *Сперва я хочу справку, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что всем нужна справка, что справка есть справка, что все где-то проживают и справки наживают* ... [Там же, с. 172]. В этом многочленном сложноподчиненном предложении нет семантически обоснованной связи последовательного подчинения, так как, начиная с четвертой придаточной предикативной конструкции, отсутствуют условия для такого развертывания смысловой цепочки придаточных, которое может привести к образованию единой придаточной части. Разрушению синтаксической формы последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций в речи жильца способствует то, что в позициях придаточных оказались общие сентенции: с заменой личного местоимения на кванторное (*всем нужна справка*), с тавтологией (*справка есть справка*), с элементами сказочного интертекста (*все где-то проживают и справки наживают*), — не позволяющие продолжить «уточнение вглубь» [Калашникова, 1979, с. 12] признаков слова *справка* из главной части. Подобный частичный асинтаксизм в речи жильца, «поразивший» только организацию многочленного сложноподчиненного предложения, показывает, до какого состояния может довести простого человека бумажная волокита.

В построении речевой системы употребления последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций В. Ардов демонстрирует, что «приемом искусства является прием затруднения восприятия, выведение его из привычного автоматизма» [Выготский, 1986, с. 251]. В. Ардов как бы испытывает на прочность конструкцию многочленного сложноподчиненного предложения с последовательным подчинением, вводя однообразные по синтаксической модели и по лексическому составу придаточные, усложняя ориентацию дейктических элементов, наконец, нарушая «портативность структуры» [Гаврилова, 1979, с. 214] посредством разрыва смыслового единства в комплексной придаточной части. Этот своеобразный синтаксический эксперимент — от образования многочленного сложноподчиненного предложения с последовательным подчинением в 1-й картине до его разрушения в 5-й картине — понадобился В. Ардову для того, чтобы путем фокусировки внимания читателя (или зрителя) на одном речевом «штрихе» показать развитие сатирической мысли.

Многочленные сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением, образующие эту речевую систему, выполняют целый ряд функций: композиционно-организующую (обеспечивают единство и динамику сатирической коллизии), изобразительную (создают наглядный образ усилий, которые необходимо предпринять для получения очередной справки), суггестивную (внушают отвращение к бюрократизму и сочувствие к тому, кто оказался жертвой бумажной волокиты). Отметим, что изобразительная функция в «чистом» виде выполняется только в 1-й картине, затем — со 2-й по 4-ю картину — она «сплавлена» с суггестивной функцией, но постепенно ослабляет свою активность, в 5-й же картине изобразительная функция полностью вытесняется суггестивной. В. Ардов запечатлевает подобное разрешение противоборства изобразительной и суггестивной функций в заголовке пьесы-миниатюры — «Вот что наделали справки твои ...» (с медитативной паузой, обозначенной многоточием), который обладает суггестивной направленностью. Это смягченно-осуждающее выражение принадлежит автору, поскольку в речевой партии ни одного действующего лица такой реплики нет.

Представляется, что создание речевой системы употребления последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций под пером В. Ардова-сатирика обеспечено, с одной стороны, фиксированной установкой, возникшей при усвоении многочленных сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением, и стилистическим вниманием к конструктивным свойствам этой синтаксической единицы, а с другой стороны, различным характером взаимодействия сатирической

установки с установкой синтаксической формы последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций. На это указывает то, что художник слова, по сути дела, предчувствовал ту синтаксическую форму, благодаря разнообразным реализациям которой он получит возможность воплотить свою сюжетную идею путем ее сатирического заострения. По утверждению Д. Н. Узнадзе, «язык является независимой сферой благодаря установке, но посредством этой же установки он существенно связан с субъектом» [Узнадзе, 2001, с. 414]. Как показывают наблюдения над последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций в сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова «Вот что наделали справки твои...», в художественной речи установка синтаксической формы, представленной целой системой речевых реализаций, обогащается за счет эстетических установок, что способствует эмоциональной сигнификации конкретных реализаций синтаксической формы.

6. Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что теория установки, созданная Д. Н. Узнадзе, выступает как нетривиальный объяснительный инструмент в синтаксисе художественной речи. На основе установки удастся объяснить то, как синтаксическая форма, взятая из обычной речи, становится эстетически значимой благодаря речетворчеству художника слова.

Анализ через призму установки употребления многочленных сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением придаточных предикативных конструкций в сатирической пьесе-миниатюре В. Ардова «Вот что наделали справки твои ...» дает основания для следующих выводов:

1. Последовательное подчинение придаточных предикативных конструкций — особая синтаксическая форма в многочленном сложноподчиненном предложении. Целостность этой синтаксической формы обусловлена установкой на конкретизирующее описание признака посредством указания на другие признаки, последовательно уточняющие его и друг друга.

2. Установка синтаксической формы последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций способна «подключаться» к воплощению сатирической установки художника слова, в частности к созданию сатирического заострения. При этом в сатире востребован ряд употреблений этой синтаксической формы, чем-либо отличающихся друг от друга и отражающих развитие сатирической мысли, то есть их речевая система.

3. Речевая система употребления последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций организуется на разных основаниях: а) общего участия этих синтаксических конструкций в воплощении сатирической установки; б) выдвижения (или доминирования) на фоне других синтаксических единиц; в) включения в синтаксический эксперимент, отображающий динамику сатирической коллизии, ее этапность; г) выполнения композиционно-организующей, изобразительной и суггестивной функций.

4. При взаимодействии сатирической установки с установкой синтаксической формы последовательного подчинения в многочленном сложно-подчиненном предложении наблюдается как их согласование, так и рассогласование. В зависимости от этого при реализации синтаксической формы намеренно следуют ее конструктивным свойствам либо допускают отклонения от них. Тем не менее в синтаксисе сатиры, в том числе в употреблении последовательного подчинения придаточных предикативных конструкций, преобладает рассогласование установок и, соответственно, тенденция к различным нарушениям конструктивного образца.

Можно предположить, что применение идеи установки (согласно Д. Н. Узнадзе) в теории художественной речи окажется полезным для объяснения эстетически обусловленного отбора и употребления более широкого круга синтаксических единиц.

Источники

1. Ардов В. Вот что наделали справки твои ... / В. Ардов // «Крокодил» всех времен и народов. Антология сатиры и юмора России XX века. — Москва : Эксмо, 2007. — Т. 49. — С. 169—173.
2. Ардов М. Монография о графомане / М. Ардов. — Москва : Захаров, 2004. — 528 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Сатира / М. М. Бахтин // Собрание сочинений в 7 тт. Т. 5. Работы 1940-х. — начала 1960-х гг. — Москва : Русские словари, 1997. — С. 11—38.
2. Боров Ю. Комическое / Ю. Боров. — Москва : Искусство, 1970. — 269 с.
3. Будагов Р. А. Как мы говорим и пишем / Р. А. Будагов. — Москва : МГУ, 1988. — 79 с.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 239 с.
5. Волохина Г. А. Многокомпонентные сложные предложения как микротекст / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. — Воронеж : Истоки, 2003. — 199 с.
6. Выготский Л. С. Психология искусства. 3-е изд. / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 573 с.

7. Гаврилова Г. Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке / Г. Ф. Гаврилова. — Ростов-на-Дону : РГУ, 1979. — 232 с.
8. Гельгардт Р. Р. Исследование стиля художественной речи : Теоретические основы / Р. Р. Гельгардт. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. — 232 с.
9. Журавлев А. П. Содержательность синтаксической формы (синтаксический символизм) / А. П. Журавлев // Вопросы языкознания. — 1987. — № 3. — С. 46—57.
10. Калашникова Г. Ф. Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке / Г. Ф. Калашникова. — Харьков : Вища школа, 1979. — 160 с.
11. Лыжов А. М. Идейно-художественное своеобразие «маленьких комедий» В. Е. Ардова / А. М. Лыжов // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер. Літературознавство. — 2013. — № 1. — С. 110—116.
12. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд. / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. — Санкт-Петербург : Изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. — 322 с.
13. Рамишвили Д. И. К понятию субъекта и объекта в психологии Д. Н. Узнадзе / Д. И. Рамишвили // Психологические исследования. К 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1973. — С. 316—326.
14. Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция : Избранные труды / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Аграф, 2002. — 496 с.
15. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 416 с.
16. Уханов Г. П. Сложные полипредикативные (многокомпонентные) предложения / Г. П. Уханов. — Калинин : КГУ, 1981. — 88 с.
17. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев. — Москва : Наука, 1986. — 223 с.
18. Эльсберг Я. Е. Вопросы теории сатиры / Я. Е. Эльсберг. — Москва : Советский писатель, 1957. — 427 с.
19. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм : «за» и «против». Сборник статей. — Москва : Прогресс, 1975. — С. 193—230.
20. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон. — Москва : Гнозис, 1996. — 248 с.
21. Simpson P. Humor and stylistics / P. Simpson, D. Bousfield // The Routledge handbook of language and humor / Ed. by S. Attardo. — New York : Routledge, 2017. — Pp. 158—173.

THE ROLE OF THE ATTITUDE IN THE SYNTAX OF ARTISTIC SPEECH (BASED ON THE MATERIAL OF THE SATIRICAL MINIATURE PLAY BY V. ARDOV “THIS IS WHAT YOUR REFERENCES DID ...»)

© Kirill Ya. Seagal (2020), orcid.org/0000-0001-9400-4587, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Experimental Speech Research, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kjseagal@yandex.ru.

The question of the role of the attitude as an explanatory tool in the syntax of belles-lettres is considered. The relevance of the study is due to the following: in the theory of belles-lettres, there is no generally accepted idea of how the syntactic form acquires aesthetic significance. The novelty of the study is seen in the fact that the idea of the attitude, which is interpreted differently in the theory of belles-lettres, receives a new impulse for development based on the concept of D. N. Uznadze. Through the prism of the attitude, an analysis of the realizations of the syntactic form of sequential subordination of subordinate predicative constructions in the satirical play-miniature of V. Arlov "This is what your references did ..." has been performed. It is shown that the speech system, in which the uses of this syntactic form are combined, is formed on the basis of their common participation in the embodiment of a satirical attitude, putting them on the background of other syntactic units, inclusion in a syntactic experiment that reflects the dynamics of a satirical collision, performing compositional organizing, visual and suggestive functions. It is noted that when the satirical unit is "connected" to the attitude of the syntactic form of sequential submission in polynomial complex sentences, there is an orientation both to the constructive model and, in particular, to its various violations.

Key words: attitude; syntax; polynomial compound sentence; sequential subordination of subordinate predicative constructions; belles-lettres; satire.

MATERIAL RESOURCES

- Arlov, M. (2004). *Monografiya o grafomane*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).
- Arlov, V. (2007). Vot chto nadelali spravki tvoi ... In: *«Krokodil» vsekh vremen i narodov. Antologiya satiry i yumora Rossii XX veka, 49*. Moskva: Eksmo. 169—173. (In Russ.).

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1997). Satira. In: *Sobraniye sochineniy v 7 tt., 5. Raboty 1940-kh. — nachala 1960-kh gg.* Moskva: Russkiye slovari. 11—38. (In Russ.).
- Borev, Yu. (1970). *Komicheskoye*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Budagov, R. A. (1988). *Kak my govorim i pishem*. Moskva: MGU. (In Russ.).
- Elsberg, Ya. E. (1957). *Voprosy teorii satiry*. Moskva: Sovetskiy pisatel'. (In Russ.).
- Gavrilova, G. F. (1979). *Uslozhnennoye slozhnoye predlozheniye v russkom yazyke*. Rostov-na-Donu: RGU. (In Russ.).
- Gelgardt, R. R. (2011). *Issledovaniye stilya khudozhestvennoy rechi: Teoreticheskiye osnovy*. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).
- Kalashnikova, G. F. (1979). *Mnogokomponentnyye slozhnyye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke*. Kharkov: Vishcha shkola. (In Russ.).
- Lyzhov, A. M. (2013). Ideyno-khudozhestvennoye svoyeobraziye «malenkikh komediy» V. E. Arlova. *Naukovi zapiski Kharkivskogo natsionalnogo pedagogichnogo universitetu im. G. S. Skovorodi. Ser. Literaturoznavstvo, 1*: 110—116. (In Russ.).
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. (1912). *Sintaksis russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Izd. I. L. Ovsyaniko-Kulikovskoy. (In Russ.).
- Ramishvili, D. I. (1973). K ponyatiyu subyektu i obyektu v psikhologii D. N. Uznadze. In: *Psikhologicheskkiye issledovaniya. K 85-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Uznadze*. Tbilisi: Metsniereba. 316—326. (In Russ.).
- Shiryayev, E. N. (1986). *Bessoyuznoye slozhnoye predlozheniye v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

- Simpson, P., Bousfield, D. (2017). Humor and stylistics. In: Attardo, S. (ed.) *The Routledge handbook of language and humor*. New York: Routledge. 158—173.
- Tynyanov, Yu. N. (2002). *Literaturnaya evolyutsiya: Izbrannyye trudy*. Moskva: Agraf. (In Russ.).
- Ukhanov, G. P. (1981). *Slozhnyye polipredikativnyye (mnogokomponentnyye) predlozheniya*. Kalinin: KGU. (In Russ.).
- Uznadze, D. N. (2001). *Psikhologiya ustanovki*. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1971). *O teorii khudozhestvennoy rechi*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Volokhina, G. A., Popova, Z. D. (2003). *Mnogokomponentnyye slozhnyye predlozheniya kak mikrotekst*. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
- Vygotskiy, L. S. (1986). *Psikhologiya iskusstva*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Yakobson, R. (1975). Lingvistika i poetika. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»*. *Sbornik statey*. Moskva: Progress. 193—230. (In Russ.).
- Yakobson, R. (1996). *Yazyk i bessoznatelnoye*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Zhuravlev, A. P. (1987). Soderzhatelnost' sintaksicheskoy formy (sintaksicheskii simbolizm). *Voprosy yazykoznaniya*, 3: 46—57. (In Russ.).

Токарчук И. Н. Частица *уже* и способы её перевода на вьетнамский язык / И. Н. Токарчук, А. Ю. Ерышева // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 192—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-192-210.

Tokarchuk, I. N., Erysheva, A. Yu. (2020). Particle *uzhe* [already] and Methods of its Translation into Vietnamese. *Nauchnyi dialog*, 1: 192-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-192-210. (In Russ.).

УДК 811.161.1'367.635'25:811.612.91

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-192-210

ЧАСТИЦА УЖЕ И СПОСОБЫ ЕЁ ПЕРЕВОДА НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

© Токарчук Ирина Николаевна (2020), orcid.org/0000-0003-3324-3968, SPIN 8976-5503, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (Владивосток, Россия), tokarchuck.ira@yandex.ru.

© Ерышева Анна Юрьевна (2020), orcid.org/0000-0001-9606-0603, старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (Владивосток, Россия), eryshevaanna@bk.ru.

Рассматривается проблема перевода русских частиц на иностранные языки на примере одной из наиболее частотных межстилевых единиц — слова *уже*. Показано разнообразие семантико-прагматических проявлений данной частицы в высказывании и тексте; охарактеризованы обусловленные этим расхождения в интерпретации *уже* в словарях и исследовательских работах. Предлагается классификация типичных употреблений *уже*, насчитывающая двенадцать семантико-синтаксических вариантов частицы, выделенных в зависимости от характера сочетаемости с синтаксическими компонентами и присущей данным употреблениям семантики. Устанавливается связь между типами употребления частицы на основе ряда инвариантных семантических компонентов, основными из которых являются 'изменение ситуации', 'ожидаемость', 'ранее, чем ожидалось', 'поздно / позднее', 'много / больше', 'мало / меньше', 'долго'. На материале повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» и текста ее перевода на вьетнамский язык анализируются типичные семантико-прагматические реализации частицы *уже* и определяются особенности использующихся на практике способов перевода высказываний с данной частицей. Установлено, что наиболее востребованным средством прямого перевода (75 % от общего числа употреблений) является служебное слово *đã*, реже используется сочетание *đã... rồi* — в случае передачи значений *уже* 'ожидаемое изменение ситуации', 'много', 'долго', 'поздно', а также сочетание *không còn... nữa* — *уже не* со значением 'ожидаемое изменение ситуации на противоположную'.

Ключевые слова: частицы; семантика; прагматика; синтагматические свойства; типы употребления; способы перевода; русский язык; вьетнамский язык.

1. Проблема перевода русских частиц: степень эквиваленции

Слово *уже* является ярким представителем частиц — одного из классов служебных единиц русского языка. По мнению Е. А. Стародумовой, национальная специфика русского языка не в последнюю очередь связана с его «частицеобиением»: количество частиц и частицеподобных единиц, для которых коммуникативно-прагматическая функция выступает в качестве единственной или основной, только в литературном языке составляет не менее трёхсот, не говоря уже о многочисленных сочетаниях, устойчиво употребляющихся в роли частиц [Стародумова, 2011, с. 139—140]. Частицы как коммуникативно-прагматические знаки обладают ёмкой имплицитной семантикой, позволяющей выражать отношение говорящего к адресату и к содержанию сообщения в неявном виде, что создает определенные трудности при переводе текстов, содержащих такие слова, на другие языки.

Так, по мнению Л. К. Халитовой, при переводе русских вопросительных высказываний с частицами *что* и *что ли* на английский язык «чисто русское эмоционально-экспрессивное своеобразие и семантические элементы частиц утрачиваются», а при переводе на татарский язык, несмотря на близость татарских переводов русскому оригиналу «по своим семантико-прагматическим потенциям, экспрессивным и эмоциональным свойствам», нельзя говорить о «точных эквивалентах каждой русской частицы» [Халитова, 2007, с. 91]. Д. О. Добровольский и И. Б. Левонтина, рассматривая русские и немецкие диалогические частицы с точки зрения их семантического соответствия, отмечают, что «проблемы практического перевода обычно решаются на интуитивном уровне (вплоть до пропуска частицы в переводе)», в то время как «формат двуязычного словаря требует предъявления устойчивых эквивалентов» [Добровольский и др., 2010, с. 94].

Данная проблема становится особенно острой в случае перевода русских текстов, содержащих частицы, на языки принципиально иной структурной организации — языки изолирующего типа. Как показывает обзор исследований китайских русистов, представленный в работе Лан Шо, практикуется несколько способов перевода русских частиц на китайский язык: 1) прямой перевод (с помощью китайской частицы с подобным значением), 2) косвенный перевод (при отсутствии китайской частицы — с помощью слова другой части речи либо словосочетанием или предложением, причем такой способ используется чаще всего, поскольку собственно китайских частиц намного меньше, чем русских, а целью перевода является передача прагматического значения, эквивалентного оригиналу), 3) нулевой перевод (перевод частицы отсутствует, если смысл частицы содержится в ее контексте либо если удаление частицы не нарушает экспрессив-

ность высказывания, однако такой перевод используется редко) [Лан Шо, 2016, с. 123, 126].

2. Проблемы интерпретации и описания частицы *уже*

2.1. Слово *уже* в словарях русского языка и специальных исследованиях

Слову *уже* посвящена обширная библиография (см., например, работы [Богуславский, 1996; Ветрова, 1995; Горбачик, 1997; Ильина, 2005; Николаева, 2013; Падучева, 2014; Перцов, 2002; Труб, 2004 и др.]), оно представлено в специализированных словарях служебных слов [Объяснительный словарь ..., 2002, с. 364; Шимчук и др., 1998, с. 133—134]. Вместе с тем многие вопросы семантики и функционирования этой частицы остаются открытыми, а в ряде случаев мнения лингвистов относительно интерпретации природы и свойств *уже* расходятся. Так, нет единства в квалификации этого слова как частицы: указанные выше словари служебной лексики трактуют употребления слова *уже* при глаголе как наречные, сохраняя традицию его подачи в толковых словарях общезыкового характера. Данный подход, в свою очередь, отражается и в двуязычных словарях (в частности, в русско-вьетнамских). Между тем в исследовательских работах *уже* обычно признаётся частицей. Данный тезис принимается как очевидный (так, Е. В. Падучева квалифицирует *уже* как частицу в характерных приглагольных употреблениях типа *Ребёнок уже уснул?* и *Машины я ему уже покупал* [Падучева, 1995, с. 59—60]) либо обосновывается (например, С. В. Ляпина отмечает, что *уже* и *ещё* «не отвечают на логические вопросы, не являются членами предложения, индифферентны к грамматической природе сочетающегося компонента, не разворачиваются в словосочетания» [Ляпина, 1997, с. 9]).

Что касается интерпретации семантико-функциональных свойств *уже*, то в лингвистической литературе и словарях это слово не получило целостного, систематизированного описания. Связано это с «размытым» (в терминологии Т. М. Николаевой) характером семантики *уже*, обусловленным наличием общих смысловых компонентов в разных употреблениях, и подвижностью синтагматической позиции частицы в высказывании при компонентах разной грамматической природы, что затрудняет дифференциацию ее употреблений. Например, случаи *Брат уже спит*, *Уже сейчас ясно, что мы победим* и *Уже в раннем детстве обнаружили его уникальные способности* в «Словаре русских частиц» отнесены к одному типу, имеющему значение «указывает на событие, которое произошло или произойдёт раньше, чем ожидал говорящий; при этом время события

воспринимается как образующее единое целое с тем временем, в котором мыслит себя говорящий» [Шимчук и др., 1998, с. 133]. Вместе с тем характер компонента, к которому непосредственно относится частица в каждом из этих употреблений, не позволяет, на наш взгляд, отождествить их: если в первом акцент сделан на факте изменения ситуации с определенного момента, то в двух других — на самом моменте изменения ситуации, несмотря на то что время изменения ситуации во всех трех примерах оценивается как наступившее раньше, чем предполагал говорящий. Кроме того, не всегда возможно точное установление синтаксической и семантической сферы действия *уже*, особенно в узком контексте, например: *Тогда уже нам стало понятно, что...* (актуализируется один из смыслов: ‘позднее, чем хотелось бы’ либо ‘ранее’ — или акцентируется сам факт изменения ситуации: было непонятно — стало понятно). В ряде случаев точное толкование возможно только с учетом более широкого контекста или ситуации общения, ср.: *Этот вопрос будет решен уже послезавтра* (ранее, чем предполагалось, то есть быстрее, сразу, либо позднее, чем предполагалось); *Я уже еду!* (действие начало совершаться, либо это обещание или предупреждение) и др.

Ниже представим разработанную нами классификацию семантико-синтаксических вариантов частицы *уже* (на основе накопленного в русистике опыта и собственных наблюдений). Данная классификация не претендует на исчерпывающий характер в силу изложенных выше обстоятельств, однако может стать базой для изучения семантико-функциональных возможностей частицы и её лексикографического описания. Предлагаемые формулировки значений *уже* выполнены в том же ключе, что и формулировки значений частицы *ещё* в первом выпуске «Словаря служебных слов русского языка» (автор словарной статьи *ещё* — Е. А. Стародумова [Словарь служебных ..., 2001, с. 19—30]), и ориентированы на выявление заложенных в этом слове прагматических свойств.

2.2. Семантико-функциональные особенности частицы *уже*: типы употребления

Широкий диапазон семантико-функциональных проявлений, наличие «кочующих» инвариантных компонентов значения, синтагматическая подвижность обуславливают множество модификаций частицы *уже*, когда контекстные и / или ситуативные условия способствуют актуализации того или иного семантического компонента. Всё разнообразие употреблений частицы может быть сведено к следующим двенадцати типам, которые, в свою очередь, могут быть разделены на две группы в зависимости от характера выделяемого частицей синтаксического компонента высказывания.

Так, первую группу составляют пять типов припредикатных употреблений частицы.

Самые распространенные случаи употребления частицы связаны со следующим значением: ‘говорящий сообщает, что произошло ожидаемое изменение ситуации, существовавшей до описываемого момента; изменение произошло ранее, чем ожидалось’, например: *Он уже спит*; *Работа уже сделана* и под. Заложенные в частице, потенциально присущие ей компоненты смысла ‘ожидаемость изменения ситуации’ и ‘ранее, чем ожидалось’ актуализируются в разных контекстных и / или ситуативных условиях. Близкими к данному типу являются те случаи, когда частица выступает вместе с отрицанием *не* (*нет*, *нельзя* и под.), ср.: *Он уже не спит*. Базовая интерпретация семантики в основном совпадает с предыдущей, однако в связи с наличием выраженного отрицания уточняется: ‘ситуация изменилась на противоположную или перестала существовать’ (*спит — не спит*) либо ‘ожидаемое изменение ситуации к описываемому моменту не произошло / не произойдет’ (ср.: *Он уже не придёт*).

К представленным типам употребления слова *уже* примыкают следующие два, специфические диалогические, тяготеющие к определенному типу речевого акта — обещание или предупреждение, например: *Всё, я уже выхожу, скоро буду* (‘говорящий обещает или предупреждает, что ситуация изменится сразу после момента речи’) и императив — требование, просьба и под., ср.: *Замолчи уже, хватит!* (‘говорящий, желая изменения ситуации, настойчиво просит, требует от собеседника выполнения или прекращения действия’).

Последний тип припредикатного употребления частицы *уже* отличается от предыдущих отсутствием семантического компонента ‘изменение ситуации’, так или иначе выявляющегося в представленных выше случаях; коммуникативно значимым является повторяемость ситуации, ср.: *Это было уже, и не однажды*; *Выше уже говорилось о том, что...* (‘говорящий указывает на ситуацию, в данный момент повторяющуюся’).

Вторая группа употреблений характеризуется тем, что частица выступает при обстоятельственном компоненте с темпоральным или количественным значением, относящемся непосредственно к предикату.

Прежде всего это употребления, которые связаны с выражением, говорящим оценки времени осуществления ситуации или действия как раннего или, напротив, позднего по сравнению с ожидаемым, например: *Уже сейчас можно ехать* и *Сегодня не успели, сделаем это уже завтра*. Значение ‘ранее, чем ожидалось’ может быть интерпретировано через смыслы ‘быстро’, ‘быстрее’ или ‘сразу’, ср.: *Препарат действует уже через полчаса*

(это быстрее, чем другие препараты). С данным типом употребления связан другой, для которого характерна оценка времени осуществления ситуации как отдаленного ('давно'), например: *Уже в те времена был известен метод X*.

Следующие два типа употребления связаны с оценкой количества как большего ('много', 'больше') либо меньшего ('мало', 'меньше') по сравнению с тем, что было или что ожидалось, предполагалось, например: *Ему уже пять лет* ('и это много') и *До конца урока оставалось уже пять минут* ('и это мало'). Первый из данных типов связан с распространенным и характерным употреблением частицы, когда говорящий оценивает действие или ситуацию как продолжительные, длительные, например: *Мы уже полтора часа его ждём* ('много', то есть 'долго'). Оценка же количества как малого характерна для *уже* в меньшей степени, хотя связана с представленным выше типом употребления *Препарат действует уже через одну-две минуты* ('мало' — 'раньше' — 'быстрее'), а также актуализируется в последнем из выделенных нами типов употребления, при котором малое количество чего-либо оценивается как достаточное основание, например: *Талант его проявился уже в первых, незрелых ещё стихах* ('мало, но достаточно').

3. Способы перевода частицы *уже* на вьетнамский язык

3.1. Частица *уже* и способы её перевода на вьетнамский язык (на материале двуязычных словарей и грамматических исследований вьетнамского языка)

В русско-вьетнамских словарях слово *уже* подается как наречие и как усилительная частица. Первый из четырех выделенных здесь типов употребления — это *уже* преимущественно при глаголах совершенного вида в форме прошедшего времени, а также некоторых других видах предикатов ('указывает на окончание действия'): *я уже пообедал; когда мы пришли, он уже уехал; уже пора ехать* [Русско-вьетнамский словарь, 1987, с. 489—490; Аликанов и др., 2007, с. 994]. Употребления с *уже не* (*он уже не ребёнок*) отнесены также к первому типу, что вполне закономерно. Второй тип употребления частицы — 'при обозначении отрезка времени': *он уже давно живёт в Москве, он уже минуты три говорит*, где частица выступает при обстоятельственном компоненте с темпоральным значением [Там же]. На наш взгляд, акцент здесь делается на длительности ситуации, действия. Отдельно даются случаи, в которых частица 'указывает на более ранний срок (чем положено, чем ожидалось)': *уже в конце февраля наступила весна* и под.; в одном случае *уже* квалифицируется именно как

‘усилительная частица’, ср.: *уже не раз* [Там же], который в нашей классификации может быть интерпретирован как ‘много’.

В зависимости от представленного деления на типы предлагаются и способы перевода русского слова *уже* на вьетнамский язык. Наиболее универсальными средствами выступают служебные слова *đã* и *rồi* либо их неконтактное сочетание *đã...rồi* (при указании на окончание действия, при обозначении отрезка времени или обозначении большого количества), например: *tôi đã ăn trưa rồi* (я уже пообедал); *anh ơi cơm rồi à?* (вы уже пообедали?). Помимо данных единиц, в этих случаях возможно использование контактного двухэлементного служебного сочетания *đã được* или служебного слова *xong*, тоже в сочетаниях с *đã* и *rồi*, ср.: *nó làm xong việc đã lâu rồi* (он уже давно кончил работу); *nó nói đã được khoảng ba phút rồi* (он уже минуты три говорит) [Там же].

В грамматических описаниях вьетнамского языка особое внимание уделяется служебному слову *đã*, которое имеет омонимичные реализации, выступая либо как аналог русского *уже*, в первую очередь при непредикативных компонентах со значением количества, в том числе времени, либо — в припредикатных, обычно приглагольных употреблениях — как видо-временной показатель не-будущего времени [Панфилов, 1993, с. 235], или «показатель реализованного действия (в прошлом, настоящем или будущем)» [Вьетнамско-русский словарь, 2012, с. 699]. Если данное слово выступает как рематизатор при компоненте с количественной семантикой, то оно может быть отнесено к коммуникативным служебным словам с прагматической имплицитной семантикой [Панфилов, 1993, с. 181, 237]. В случае припредикатного употребления *đã* чаще выступает как грамматический показатель перфектного значения: такое *đã*, по мнению В. С. Панфилова, указывает на начало действия до момента речи, но не конкретизирует конкретный отрезок времени начала действия, что препятствует возможности отнесения его к наречиям времени типа *từng* ‘когда-то’, *vừa* ‘недавно’, *mới* ‘только что’ [Там же, с. 174—175]. Сопоставление данного слова с русским *уже*, имеющим значение ‘наступление ожидавшегося события’, показало, что «само по себе сочетание *đã* с предикативами не содержит никакой субъективной оценки в плане ‘ожидания’», то есть «из двух семантических компонентов слова *уже* только сема ‘наступление’ действительно представлена в значении *đã*» [Там же, с. 179]. Однако данная субъективная сема может «восстанавливаться» в случае, когда на первый план выходит соотношение двух быстро сменяющихся действий, например: *Đảng ta mới ra đời đã tổ chức và lãnh đạo cuộc đấu tranh rất anh dũng là Xô — viết Nghệ — Tĩnh* (Партия, едва возникнув, уже организова-

ла и возглавила героическую борьбу за советы в провинциях Нгеан и Хатинь) [Там же, с. 180]. На наш взгляд, данный пример позволяет сделать предположение, что компонент ‘ожидание’ (‘ожидаемость’) потенциально заложен в *đã* рассматриваемого типа, однако не всегда актуализируется. Кроме того, в приведенном примере есть основания выделить и компонент ‘раньше, чем ожидалось’, актуализирующийся в случае несоответствия ситуаций.

Как показывает материал рассмотренных двуязычных словарей, чаще всего русским высказываниям с частицей *уже* соответствуют вьетнамские высказывания с сочетанием *đã...rồi*, например: *đã trưa rồi* (*уже полдень*); *anh ấy đã đi rồi* (*он уже ушел*) [Вьетнамско-русский словарь, 2012, с. 699]. Данный факт в работе В. С. Панфилова объясняется тем, что поскольку «видо-временное *đã*» не способно выражать значение ‘уже’, то роль «компенсирующего средства» взяла на себя частица *rồi*, «выражающая это значение безотносительно к наличию каких-либо коррелятов», занимающая постпозицию к выделяемому компоненту, однако не маркирующая его как рему [Панфилов, 1993, с. 181]. Данная модальная частица «указывает, что ситуация, названная в предложении, к моменту речи полностью реализована», ср.: *tôi là sinh viên rồi* (*я (уже) студент*), *mùa thu rồi* (*(уже) осень*) [Грамматика ..., 1975, с. 76]. Очевидно, что в случае одиночного *rồi* присутствие в обратном переводе *уже* факультативно — в отличие от перевода высказываний с сочетанием *đã...rồi*.

Для передачи смысла, соответствующего *уже не*, в русско-вьетнамских словарях предлагается сочетание *không còn là...nữa*, например: *nó không còn là trẻ con nữa* (*он уже не ребенок*) [Русско-вьетнамский словарь, 1987, с. 489—490; Аликанов и др., 2007, с. 994]. Необходимо отметить, что слово *là* является связкой, «обеспечивающей словам предметной семантики возможность быть сказуемым» [Панфилов, 1993, с. 93—94]. В связи с этим собственно средством передачи смысла, выражаемого русскими *уже не*, выступает трехэлементное сочетание *không còn...nữa*, ср.: *nó không còn làm việc nữa* (*они уже не работают*). Кроме того, при отрицании может использоваться *đã*, ср.: *tôi đã không học* (*я уже не учусь*) [Грамматика ..., 1975, с. 89].

Для указания на ранний срок используется усилительная частица *ngay* — отдельно либо в контактном сочетании с предлогом *từ*, например: *ngay bây giờ, ngay giờ đây* (*уже теперь*); *mùa xuân đã bắt đầu ngay từ cuối tháng hai* (*уже в конце февраля наступила весна*), где в последнем случае *đã* выступает как видо-временной показатель [Русско-вьетнамский словарь, 1987, с. 489—490; Аликанов и др., 2007, с. 994].

Далее на примере повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» рассмотрим реализацию семантико-функционального потенциала частицы *уже* в тексте художественного произведения и используемые способы перевода высказываний, содержащих данную частицу, на вьетнамский язык.

3.2. Особенности употребления частицы *уже* в повести М. Булгакова «Роковые яйца» и способы её перевода на вьетнамский язык

В тексте повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» зафиксировано 36 случаев употребления частицы *уже*, которые могут быть отнесены к шести типам, представленным в нашей классификации. Наиболее востребована частица при выражении значения ‘произошло ожидаемое изменение ситуации; изменение произошло ранее, чем предполагалось или хотелось бы’ — 24 употребления, а также отмечено 6 употреблений близкого к данному типу *уже не* (‘говорящий сообщает, что произошло ожидаемое изменение ситуации на противоположную вплоть до ее прекращения либо ожидаемое изменение ситуации отсутствует’). Кроме того, 3 раза частица употребляется при указании на длительность продолжения ситуации и по одному разу — при выражении значений ‘много’, ‘поздно’ и ‘мало, но достаточно’.

Для сравнения выбран вьетнамский перевод данной повести, выполненный Doan Tu Huynh (Доан Ты Хуен) [Bulgacov, 1998]. В случае необходимости приводится обратный буквальный перевод (с вьетнамского на русский), выполненный авторами статьи, с целью установления степени структурных и семантических соответствий оригинала текста и его вьетнамского перевода.

В большей части случаев (27 из 36) для перевода высказываний с частицей *уже* используются средства, предлагаемые двуязычными словарями, чаще всего — одиночное *đã* (21 раз). Вместе с тем множество семантических реализаций частицы *уже* и создающихся при этом прагматических эффектов, особенности её синтагматических свойств, в том числе возможность постпозитивного и дистантного расположения по отношению к выделяемому компоненту высказывания, обуславливают ряд проблем при переводе высказываний с *уже* на вьетнамский язык.

Например, частица *уже* как показатель оценки количества как большего выступает в следующем случае: *Когда [Персиков] оправился, приходил 2 раза в неделю в институт и /.../ читал /.../ цикл лекций на тему «Пресмыкающиеся жаркого пояса». /.../ В 23-м году Персиков уже читал 8 раз в неделю — 3 в институте и 5 в университете /.../*; см. перевод высказывания с *уже*: *Vào năm 1923, Persikov đã đọc bài giảng tám lần một tuần — ba lần ở Viện và năm lần ở trường Đại học Tổng hợp*. Частица *уже* относится к компоненту, выраженному количественно-именным сочетанием, и вносит оценку

количества как существенно увеличившегося. При этом в оригинале частица располагается не непосредственно перед маркируемым компонентом, а перед глаголом, к которому последний относится, определить же сферу действия частицы позволяет анализ контекста (наличие ряда: *2 раза* и *8 раз*), а также интонационное выделение. Между тем *đã*, располагающееся также непосредственно перед глаголом, выступает скорее как показатель временной семантики глагола, не выполняя функции выделения коммуникативно значимого компонента в тексте вьетнамского перевода, что компенсируется экспликацией значения ‘много’, ‘больше, чем было ранее’ в контексте.

Значение длительности, продолжительного характера ситуации частица *уже* реализует в трех случаях, например: *Кроме него только два человека были в институте — Панкрат и то и дело заливающаяся слезами экономка Марья Степановна, бессонная уже третью ночь, которую она проводила в кабинете профессора, /.../* — частица при количественном компоненте со значением времени показывает, что не спать в течение трех ночей — это, по мнению говорящего, много и долго. В соответствующем вьетнамском высказывании слово *đã* располагается непосредственно перед выделяемым компонентом с количественной семантикой, акцентируя его, ср.: *Đã ba đêm nay bà không ngủ, túc trực trong phòng làm việc của giáo sư — ông không chịu rời bỏ chiếc camera duy nhất còn lại của ông* (обратный перевод: *Уже три ночи она не спала, дежурила в кабинете профессора*). См. аналогичный пример: *Пруд уже два дня не отзывался никакими звуками* и вьетнамский перевод: *Mặt hồ đã hai ngày qua không còn bị âm thanh nào khuấy động* (Поверхность озера в течение уже двух дней не издавала никаких звуков). В другом подобном случае используется сочетание *đã... rồi*, ср.: — *Я их наблюдаю уже третий день, — вдохновенно ответил Персикиов и Tôi đã quan sát chúng cả ba ngày nay rồi, — Persikov hào hứng đáp.*

Наш материал показывает, что слово *đã* может использоваться при переводе высказываний с *уже*, выражающей значение ‘поздно’, что не зафиксировано в русско-вьетнамских словарях. В следующем примере частица относится к уточняющему компоненту с темпоральным значением: *Поздним вечером, уже ближе к полуночи, Панкрат /.../ говорил бессонному дежурному котелку /.../*. Во вьетнамском переводе *đã* выполняет аналогичную функцию в препозиции к компоненту с такими же характеристиками (в сокращении): *Khuya hôm đó, lúc đã gần nửa đêm, Pankrat /.../*.

В отличие от рассмотренных выше фрагментов авторского текста в следующем высказывании *уже* занимает постпозицию по отношению к выделяемому компоненту: *У них был всего один электрический револьвер, но и это уже была хорошенькая защита*. Местоименное слово *это* —

акцентируемый частицей компонент, обозначающий количество, частица вносит оценку количества как малого (*это* — то есть *всего один револьвер*), но достаточного, приемлемого. При внешнем сходстве грамматических структур русского оригинала и соответствующего вьетнамского высказывания слово *đã*, располагающееся тоже после местоимения, не выделяет его как коммуникативно значимый компонент — в отличие от *уже* в русском тексте, ср.: *Họ chỉ có một khẩu súng điện, nhưng đó đã là một thứ vũ khí cực kỳ rất hữu hiệu* (*У них была одна электрическая винтовка, но то (уже) было эффективное оружие для защиты*). Таким образом, здесь нельзя говорить о точном переводе частицы *уже*, хотя конструкция с союзом *nhưng* (*но*) позволяет отразить имеющиеся в оригинале смыслы.

Наибольшее число случаев использования *đã* приходится на высказывания с *уже*, характеризующейся значением ‘произошло ожидаемое изменение ситуации; изменение произошло раньше, чем можно было предположить’ и выступающей обычно при предикативном компоненте, который может иметь разное грамматическое выражение.

Так, в исследуемом материале представлены типичные приглагольные употребления частицы — как в пре-, так и в постпозиции: *B terrariums лягушки молчали, потому что уже спали* (*Trong các khu bể nuôi lữ ếch im tiếng, vì rằng chúng đã ngủ* и *B аквариуме лягушки молчали, потому что они уже спали*); *Панкрат заснул уже в своей комнате в вестибюле* (*Pankrat đã thiếp đi trong gian buồng của mình ở ngoài tiền sảnh* и *Панкрат уже заснул в своей комнате в холле*). Обратный перевод данных высказываний отражает препозитивность *đã* к глаголу в обоих вьетнамских высказываниях. Следующие примеры иллюстрируют контекстно-ситуативную актуализацию не только семантических компонентов ‘изменение ситуации’ и ‘ожидаемость’, как в предыдущих случаях, но и ‘ранее, чем ожидалось’, ср.: *В них [плакатах] грозили за панику и сообщали, что в Смоленскую губернию часть за частью уже едут отряды Красной Армии, вооруженные газами* — ожидаемое действие, по мнению говорящего, начало осуществляться раньше, чем мог предположить адресат или чем это обычно бывает. В переводе данный эффект сохраняется: *Chúng đề dọa những ai gây rối loạn và thông báo các đơn vị Hồng quân đang bị hơi độc đã được liên tục gửi đến tỉnh Smolenskaia* (*Они грозили всем, кто вызывает тревогу, и сообщали, что части Красной Армии, оснащённые ядовитыми газами, уже являются непрерывно направляемыми в сторону Смоленской области*). Во втором же примере планируемое действие оценивается как осуществляющееся раньше положенного времени с точки зрения говорящего: — /.../ *Вы что, хотите уже заряжать яйцами камеры?* — /.../ *Заряжаю. Да, — от-*

ветила трубка. / — Гм, — хмыкнул Персиков (— *Thế nào, các anh đã định cho trúng vào camera để soi đây à? и Вот как, вы уже собираетесь класть яйца в камеры, чтобы освещать их там?*).

В подобных случаях, помимо одиночного *đã*, используется и его сочетание с *rồi* (один пример в нашем материале): — /.../ *Petr Stepanovich, вы проверьте газ, а то черт их знает, эти доброхоты ихние. /.../ — Нет, нет, — и Иванов замахал руками, — вчера я уже пробовал*. Ср. перевод ответной реплики: — *Không, không, — Ivanov vung hai tay, — hôm qua cháu đã thử rồi*. В таких случаях обратный перевод обычно соответствует оригиналу и обязательно содержит *уже*. При этом в тексте вьетнамского перевода повести М. Булгакова сочетание *đã...rồi* часто встречается в случаях, когда в русском исходном тексте частица *уже* отсутствует. Например, если перевод следующего высказывания с *уже* можно считать так называемым «нулевым ФЭФ» (функционально эквивалентным фрагментом) [Семантика коннекторов..., 2018, с. 6], поскольку само слово *уже* остается без перевода, то следующее за ним, не содержащее в оригинале *уже*, переводится с помощью специального средства, ср.: — *Bạn, professor, mình đã bị bắn ở quần đùi, — trả lời Rokk, — bạn thì biết, gà rừng đã ăn hết tất cả trứng rồi, — Rokk đáp, — chắc ông phải biết rằng gà ở nước ta đã sạch rồi chứ?* (см. обратный перевод: — *Уважаемый профессор, вы заставили меня удивиться, — ответил Rokk, — возможно, вы должны знать, что куры в нашей стране уже съели?*). Сочетание *đã...rồi* указывает на окончательное осуществление описываемой ситуации, её необратимый характер, в связи с чем присутствие в обратном переводе частицы *уже* представляется целесообразным.

Характерным для частицы *уже* является употребление с осложняющим компонентом при дополнительной прямой глагольной предикативности, когда наблюдаются семантические эффекты, аналогичные предыдущим, особенно при несоответствии ситуаций, что передается и отрицательно-противительной конструкцией с коррелятом *еще*, получающей прямой перевод на вьетнамский язык, например: *Ничего еще не понимая, но уже холодея, Александр Семенович глянул на верх ужасного столба /.../ и Còn chưa hiểu ra cái gì, nhưng đã cảm thấy lạnh toát sống lưng, Aleksandr Semionovich nhìn không rời mắt phần phía trên của cây cột khủng khiếp đó /.../*.

В рассматриваемом материале представлены и случаи употребления *уже* при полупредикативном компоненте, выраженном адъективным оборотом, например: *Этим выстрелом он гигантскую змею убил и опять, прыгая и вертясь возле Полайтиса, подумертвого уже в пасти крокодила, выбирал место, куда бы выстрелить, чтобы убить страшного гада,*

не тронув агента. При переводе учитывается постпозиция частицы *уже* в оригинале, во вьетнамском варианте *đã* препозитивно к акцентируемому компоненту, что позволяет маркировать его как коммуникативно значимый: *Bằng phát súng đó anh đã giết được con rắn khổng lồ, rồi lại nhảy quanh Polaitis — đã gần chết ngất trong miệng con cá sấu, — để chọn chỗ có thể bắn chết con vật khổng khiếp mà không động đến người bạn mình* (Тем выстрелом он убил гигантскую змею, затем, снова прыгая вокруг Полайтиса, уже находящегося при смерти в пасти крокодила, искал место, чтобы застрелить жуткое животное и не зацепить друга).

Как показывает наш материал, в четырех случаях при переводе высказываний с *уже* не используется трехэлементное сочетание *không còn... nữa*, которое является средством прямого перевода данных единиц, например: *Вероятно, он хотел, чтобы Панкрат прекратил эту суету, которой он вообще никогда не любил. Но Панкрат ничего уже не мог поделать* (*Nhưng Pankrat đã không còn có thể làm gì được nữa*); — *Панкрат, гони их вон! .../ Но Панкрат никого уже не мог выгнать* (*Những Pankrat không còn có thể đuổi ai được nữa*) — произошло нежелательное изменение ситуации на противоположную (ситуация перестала существовать), что было вызвано, однако, предшествовавшими и быстро развивающимися событиями. Необходимо отметить, что при переводе данных высказываний сохраняется имеющийся в оригинале стилистический эффект, создающийся приемом синтаксического повтора.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют случаи нулевого перевода фраз с частицей *уже* — без непосредственных её аналогов.

Так, отдельную группу составляют употребления *уже*, связанные с указанием на ожидаемое, но слишком раннее или быстрое изменение ситуации, когда в оригинале присутствует темпоральный показатель, указывающий на последовательно разворачивающиеся события, сменяющие друг друга, через обозначение момента изменения (*потом, теперь, сейчас*), например: *Теперь не могло быть и речи о том, чтобы Персиков двинул винт, о нет, он боялся уже, чтобы какая-нибудь посторонняя сила не вытолкнула из поля зрения того, что он увидел* — теперь стал бояться, а до этого момента не боялся. В соответствующем вьетнамском тексте аналогичный показатель используется дважды — в абсолютном начале полипредикативного высказывания, как и в оригинале, а также в начале той предикативной части, которая в оригинале содержала *уже*, ср.: *Giờ đây thì không thể nói đến chuyện giáo sư Persikov sẽ vận các nùm điều chỉnh nữa, ở không, giờ đây ông lại sợ có một lực lạ nào đó* (*Сейчас нельзя сказать, что профессор Персиков повернет ручку настройки, о нет, сейчас он снова*

боялся какой-то неведомой силы). При переводе данных фрагментов часть присущих *уже* семантических компонентов передается за счет темпоральных показателей (фиксируется момент изменения ситуации, а следовательно, и сам факт произошедшего изменения), однако не передаются другие имплицитные смыслы ('ожидаемость' и 'ранее, чем ожидалось').

Между тем семантический компонент 'ранее, чем ожидалось' может эксплицироваться благодаря семантике такого обстоятельственного компонента, например: *Гость исчез так, что дрожащий от ярости Персиков через минуту и сам уже сомневался, был ли он или это галлюцинация* — изменение состояния произошло очень быстро, раньше, чем можно было предположить, — через минуту. Данный показатель во вьетнамском варианте отчасти компенсирует отсутствие в высказывании аналога частицы *уже*, поскольку позволяет передать часть имеющейся в оригинале семантики, ср.: *Người khách vụt biến nhanh đến mức một phút sau, vẫn còn run bắn người lên và giận dữ, Persikov không dám tin chắc rằng ông ta là có thật hay chỉ là ảo giác* (Гость так стремительно исчез, что, все ещё дрожащий и разгневанный, через минуту Персиков не решался поверить, был ли гость наяву или это была галлюцинация).

Близки к последним представленным вариантам перевода два случая, которые отличаются от предыдущих тем, что оригинал текста не содержит темпорального показателя, однако в текст перевода вводится наречное сочетание *lần này* (в этот раз), чем компенсируется отсутствие непосредственного аналога частицы и обеспечивается сохранение в общей семантике высказывания значения произошедшего изменения ситуации, ср.: *Vознаградил себя несколько Александр Семенович еще сюрпризом, но уже приятным* /.../ и *Alexander Semionovich cũng được ban thưởng một việc bất ngờ, mà lần này là việc dễ chịu* (Александр Семёнович также был неожиданно награждён, но в этот раз было приятно). См. аналогичный приём перевода (в сокращении): /.../ он жадно начал опыты с икрой лягушек, *освещенной лучом*. /.../ Зато оставшиеся в живых [лягушки] начали вне всяких сроков метать икру и в 2 дня, *уже без всякого луча*, вывели новое поколение, и при этом совершенно бесчисленное (см. вьетнамский перевод фрагмента с частицей *уже*: *lần này thì không cần đến bất kỳ thứ tia sáng nào — в этот раз без использования какого-либо луча*). Необходимо отметить, что в данных случаях названный семантический компонент эксплицируется также через противительную конструкцию и обозначение в предтексте ситуации, существовавшей до описываемого момента, что сохранено и во вьетнамском тексте. Несмотря на это представленный вариант нулевого перевода нельзя считать точным.

4. Выводы

Проведенное исследование позволяет дополнить общую картину функционирования частицы *уже* в современном русском языке и выявить регулярные средства ее перевода (с учетом типов её употребления) на вьетнамский язык:

1) Частица *уже* характеризуется разнообразием семантико-функциональных проявлений, обусловливающимся наличием ряда потенциально присущих ей инвариантных семантических компонентов, таких как ‘изменение ситуации’, ‘ожидаемость’, ‘ранее, чем ожидалось’, ‘поздно / позднее’, ‘много / больше’, ‘мало / меньше’, ‘долго’. Названные семантические компоненты актуализируются в соответствующих контекстных условиях при определенной синтаксической сочетаемости и в зависимости от коммуникативных намерений говорящего. С учетом данных факторов может быть выделено двенадцать (основных) типов употребления частицы.

2) Способ прямого перевода на вьетнамский язык используется в 75 % случаев от общего числа употреблений частицы *уже* в оригинале повести М. Булгакова «Роковые яйца» и реализуется с помощью трех представленных в двуязычных словарях средств: служебное слово *đã* (21 употребление), сочетание *đã...rồi* (2 употребления), сочетание *không còn...nữa* (4 употребления). При этом *đã* при компонентах со значением количества выступает как собственно коммуникативное слово, максимально близкое к русской частице *уже*, вносящей оценку количества, в том числе и количества времени, по параметрам ‘много / больше’, ‘мало / меньше’, ‘долго’, ‘поздно / позднее’ в соответствующих употреблениях. При предикативных компонентах *đã* в первую очередь реализует присущую ему перфектную семантику, однако возможность актуализации в определенных контекстных условиях при соответствующем лексическом наполнении, в ряде синтаксических конструкций, особенно при выраженном сопоставлении, противопоставлении, несоответствии ситуаций, семантических компонентов ‘ожидаемость’ и ‘ранее, чем ожидалось’ свидетельствует о приобретении данным служебным словом коммуникативно-прагматических свойств. Выявленные неточности в переводе высказываний с *уже* обусловлены возможностью дистантного или постпозитивного расположения частицы по отношению к выделяемому компоненту в оригинале с целью создания определенных стилистических эффектов и отсутствием таковой у *đã*.

3) Используемый в 25 % случаев от общего числа употреблений частицы *уже* в тексте рассматриваемого произведения способ перевода на вьетнамский язык может быть квалифицирован как нулевой, поскольку в со-

ответствующем русскому высказыванию с частицей вьетнамском высказывании специальное слово или служебное сочетание, непосредственно соотносящиеся с *уже*, отсутствует. В то же время базовый компонент семантики *уже* ‘изменение ситуации’ оказывается отраженным в общей семантике соответствующего вьетнамского высказывания благодаря своей экспликации через фиксацию момента изменения путем использования соответствующих показателей времени (как в оригинале, так и в переводе) либо — при отсутствии таковых в оригинале — путем введения их в текст перевода.

Источники

1. Аликанов К. М. Новый русско-вьетнамский словарь / К. М. Аликанов, И. А. Мальханова. — Москва : АСТ ; Восток — Запад, 2007. — 1115 с.
2. Булгаков М. А. Роковые яйца / М. А. Булгаков // Две повести, две пьесы. — Москва : Наука, 1991. — С. 3—80.
3. Bulgacov M. Những quả trứng định mệnh = Роковые яйца / M. Bulgacov. — Hà Nội : Nhà xuất bản văn học, 1998. — 184 tr.
4. Новый Большой вьетнамско-русский словарь = Đại Từ Điển Việt-NGA Mới : в 2 т. Т. 1 : А—К / И. Е. Алешина [и др.]. — Москва : Восточная литература, 2012. — 1276 с.
5. Объяснительный словарь русского языка : структурные слова / В. В. Морковкин [и др.]. — Москва : Астрель ; АСТ, 2002. — 421 с.
6. Русско-вьетнамский словарь : в 2 т. Т. 2 : П—Я / К. М. Аликанов [и др.]. — Москва : Русский язык, 1987. — 704 с.
7. Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина [и др.]. — Владивосток : Примполиграфкомбинат, 2001. — 363 с.
8. Шимчук Э. Словарь русских частиц / Э. Шимчук, М. Щур. — Берлин : Peter Lang, 1999. — 147 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 466 с.
2. Ветрова Н. В. Конструкции со словами *еще* и *уже* в современном русском литературном языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. В. Ветрова. — Ставрополь, 1995. — 21 с.
3. Горбачик А. Л. О понятии предела как средстве дифференциации лексических единиц *еще* и *уже* / Л. А. Горбачик // Синтаксис : изучение и преподавание. — Москва, 1997. — С. 167—171.
4. Грамматика вьетнамского языка / И. С. Быстров [и др.]. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. — 227 с.
5. Добровольский Д. О. Диалогические частицы : русско-немецкие соответствия / Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. — Москва : Индрик, 2010. — С. 93—104.
6. Ильина А. Б. «Гибридные» слова с градуальной семантикой в современном русском языке: Наречия-частицы : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / А. Б. Ильина. — Саранск, 2005. — 21 с.

7. Лан Шо. Русские частицы в китайской русистике / Лан Шо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 7-2 (61). — С. 122—126.
8. Ляпина С. В. Структурно-семантические функции лексем *еще* и *уже* в смысловой организации предложения : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / С. В. Ляпина. — Елец, 1997. — 18 с.
9. Николаева Т. М. Частицы и ситуации. «Скрытая семантика» частиц / Т. М. Николаева // Лингвистика. Избранное. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — С. 209—226.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 464 с.
11. Падучева Е. В. Отрицание, снятая утвердительность и двойственность / Е. В. Падучева // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык : грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. — Санкт-Петербург : Наука, 2014. — С. 399—413.
12. Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка / В. С. Панфилов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1993. — 412 с.
13. Перцов Н. В. О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц *уже* и *еще* / Н. В. Перцов // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — Москва : Индрик, 2002. — С. 137—144.
14. Семантика коннекторов : контрастивное исследование / О. Ю. Инькова [и др.]. — Москва : Торус Пресс, 2018. — 368 с.
15. Стародумова Е. А. Об источниках «частицеобилия» русского языка / Е. А. Стародумова // Избранные работы : описание русских частиц, словарные статьи, синтаксис художественной прозы. — Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2011. — С. 139—149.
16. Труб В. М. Особенности интерпретации высказываний с заполненными темпоральными валентностями частиц *еще* и *уже* / В. М. Труб // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура : сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 333—343.
17. Халитова Л. К. Вопросительная семантика русских частиц (*что*, *что ли*) и её отражение в переводах на английский и татарский языки / Л. К. Халитова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2007. — № 15. — С. 89—91.

PARTICLE *UZHE* [ALREADY] AND METHODS OF ITS TRANSLATION INTO VIETNAMESE

© Irina N. Tokarchuk (2020), orcid.org/0000-0003-3324-3968, SPIN 8976-5503, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), tokarchuck.ira@yandex.ru.

© Anna Yu. Erysheva (2020), orcid.org/0000-0001-9606-0603, senior lecturer, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), eryshevaanna@bk.ru.

The problem of the translation of Russian particles into foreign languages is considered on the example of one of the most frequent inter-style units — word *already*. The variety of semantic-pragmatic manifestations of this particle in the utterance and text is shown; the resulting discrepancies in interpretation are already described in dictionaries and research papers. A classification of typical uses of *already* is proposed, including twelve semantic-syntactic variants of a particle, distinguished depending on the nature of compatibility with syntactic components and the semantics inherent in these uses. A connection is established between the types of particle use based on a number of invariant semantic components, the main of which are 'change of situation', 'expectation', 'earlier than expected', 'late / later', 'many / more', 'little / less', 'long'. Based on the material of M. A. Bulgakov's story "Fatal Eggs" and the text of its translation into Vietnamese, the typical semantic-pragmatic realizations of the particle *already* are analyzed and the features of the methods used to translate sentences with this particle are determined. It has been established that the most popular means of direct translation (75% of the total number of uses) is the functional word *đã*, less often the combination *đã ... rồi* is used — in the case of the transfer of meanings of *already* the 'expected change in the situation', 'many', 'long', 'late', as well as the combination of *không còn ... nữa* - *no longer* with the meaning 'expected change of situation to the opposite'.

Key words: particles; semantics; pragmatics; syntagmatic properties; types of use; translation methods; Russian language; Vietnamese language.

MATERIAL RESOURCES

- Aleshina, I. E. [et al]. (2012). *Novyy Bolshoy vyetnamsko-russkiy slovar' = Đại Từ Điển Việt-NGA Mới*. Moskva: Vostochnaya literatura. 2/1. (In Russ.).
- Alikanov, K. M. (1987). *Russko-vyetnamskiy slovar'*. Moskva: Russkiy yazyk. 2/2. (In Russ.).
- Alikanov, K. M., Malkhanova, I. A. (2007). *Novyy russko-vyetnamskiy slovar'*. Moskva: AST; Vostok — Zapad. (In Russ.).
- Bulgakov, M. (1998). *Những quả chuông định mệnh = Rokovye yaytsa*. Hà Nội, Nhà xuất bản văn học. (In Vietnam.).
- Bulgakov, M. A. (1991). *Rokovyye yaytsa*. In: *Dve povesti, dve pyesy*. Moskva: Nauka. 3—80. (In Russ.).
- Morkovkin, V. V. [et al]. (2002). *Obyasnitelnyy slovar' russkogo yazyka: strukturnyye slova*. Moskva: Astrel; AST. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. [et al]. (2001). *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka*. Vladivostok: Prim-poligrafkombinat. (In Russ.).
- Shimchuk, E., Shchur, M. (1999). *Slovar' russkikh chastits*. Berlin: Peter Lang. (In Russ.).

REFERENCES

- Boguslavskiy, I. M. (1996). *Sfera deystviya leksicheskikh edinits*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Bystrov, I. S. [et al]. (1975). *Grammatika vyetnamskogo yazyka*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta. (In Russ.).
- Dobrovolskiy, D. O., Levontina, I. B. (2010). Dialogicheskiye chastitsy: russko-nemetskiye sootvetstviya. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kulturakh*. Moskva: Indrik. 93—104. (In Russ.).
- Gorbachik, A. L. (1997). O ponyatii predela kak sredstve differentsiatsii leksicheskikh edinits eshche i uzhe. In: *Sintaksis: izucheniye i prepodavaniye*. Moskva. 167—171. (In Russ.).

- Ilyina, A. B. (2005). «*Gibridnyye*» slova s gradualnoy semantikoy v sovremennom russkom yazyke: Narechiya-chastitsy: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk. Saransk. (In Russ.).
- In'kova, O. Yu. [et al]. (2018). *Semantika konnektorov: kontrastivnoye issledovaniye*. Moskva: Torus Press. (In Russ.).
- Khalitova, L. K. (2007). Voprositel'naya semantika russkikh chastits (chto, chto li) i ee otrazheniye v perevodakh na angliyskiy i tatarskiy yazyki. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 15: 89—91. (In Russ.).
- Lan Sho. (2016). Russkiye chastitsy v kitayskoy rusistike. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 7-2 (61): 122—126. (In Russ.).
- Lyapina, S. V. (1997). *Strukturno-semanticheskiye funktsii leksem eshche i uzhe v smyslovoy organizatsii predlozheniya*: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk. Elets. (In Russ.).
- Nikolayeva, T. M. (2013). Chastitsy i situatsii. «Skrytaya semantika» chastits. In: *Lingvistika. Izbrannoye*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 209—226. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1995). *Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2014). Otritsaniye, snyataya utverditel'nost' i dvoystvennost'. In: *ASTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Russkiy yazyk: grammatika konstruktiv i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sankt-Peterburg: Nauka. 10 (2): 399—413. (In Russ.).
- Panfilov, V. S. (1993). *Grammaticheskiy stroy vьетnamskogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. (In Russ.).
- Pertsov, N. V. (2002). O vozmozhnom semanticheskom invariante russkikh frazovykh chastits uzhe i eshche. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa*. Moskva: Indrik. 137—144. (In Russ.).
- Starodumova, E. A. (2011). Ob istochnikakh «chastitseobiliya» russkogo yazyka. In: *Izbrannyye raboty: opisaniye russkikh chastits, slovarnye statyi, sintaksis khudozhestvennoy prozy*. Vladivostok: Mor. gos. un-t. 139—149. (In Russ.).
- Trub, V. M. (2004). Osobennosti interpretatsii vyskazyvaniy s zapolnennymi temporalnymi valentnostyami chastits eshche i uzhe. In: *Sokrovennyye smysly. Slovo. Tekst. Kultura: sbornik statey v chest' N. D. Arutyunovoy*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 333—343. (In Russ.).
- Vetrova, N. V. (1995). *Konstruktiv so slovami eshche i uzhe v sovremennom russkom literaturnom yazyke*: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk. Stavropol. (In Russ.).

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE**

.....

Анастасия Васильевна Григоровская, канд. филол. наук (Тюмень)

Виктория Николаевна Скачкова, ассистент (Нижний Новгород)

Елена Михайловна Шастина, д-р филол. наук (Елабуга)

Чжан Линь, канд. филол. наук (Чжэньцзян, КНР)

Чжэн Луянь, канд. филол. наук (Нанкин, КНР)

Юлия Константиновна Казакова, д-р филол. наук (Елабуга)

Григоровская А. В. В поисках целостности : повесть Айн Рэнд «Гимн» и роман Дж. Керуака «В дороге» / А. В. Григоровская // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 212—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-212-228.

Grigorovskaya, A. V. (2020). In Search of Integrity: Ayn Rand's novel "The Anthem" and J. Kerouac's novel "On the Road". *Nauchnyi dialog*, 1: 212-228. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-212-228. (In Russ.).

УДК 821.111(73)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-212-228

В ПОИСКАХ ЦЕЛОСТНОСТИ: ПОВЕСТЬ АЙН РЭНД «ГИМН» И РОМАН ДЖ. КЕРАКА «В ДОРОГЕ»

© Григоровская Анастасия Васильевна (2020), orcid.org/0000-0002-9282-313X, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), a.v.grigorovskaya@utmn.ru.

Статья посвящена анализу повести «Гимн» (*Anthem*, 1938) американской писательницы и философа родом из России Айн Рэнд (Алисы Розенбаум). Цель статьи — рассмотреть повесть как манифест объективизма, включив ее в контекст философских и культурных исканий XX века, вызванных кризисом проекта Просвещения. Задачами выступают анализ путей преодоления данного кризиса в философских и художественных исканиях Айн Рэнд и соотношение данных исканий с концепциями «социальной деструкции» и философией «бит-поколения». Повесть «Гимн» рассматривается в контексте сформулированной писательницей концепции философии объективизма и созданного ей образа «integrated man» — человека целостного. Актуальность исследования обусловлена тем, что автор включает идеи объективизма в контекст времени, показывая их соотнесенность с дискуссиями о проекте Просвещения и особую роль этих дискуссий в американской культуре середины XX века, находящейся в ситуации «раскола». Представлены результаты сопоставительного анализа повести с одним из главных произведений «бит-поколения» — романом Дж. Керуака «В дороге» (*"On The Road"*, 1957). В результате выявляется разница в путях поисков целостности героями двух текстов: если герой Рэнд интегрирует эмоциональное и рациональное начала, то герой Керуака разделяет их, все больше усугубляя конфликт между ними.

Ключевые слова: Айн Рэнд; объективизм; битники; проект Просвещения; Джек Керуак.

1. Введение. Контекст времени

Середина XX века ознаменована мировоззренческим кризисом, который охватил весь мир. Кризис был связан, как известно, с последствиями Второй мировой войны, но в общем касался крушения великого метанарратива, проекта Просвещения, и эхо от его краха было слышно в каждой

стране. Однако особенным образом этот кризис отразился в американской культуре, наследнице Духа Просвещения, «отцы-основатели» которой положили просвещенческие ценности в основу американской ментальности. Для Америки он выразился в недоверии к «американской мечте», полностью базирующейся на таком «столпе» Просвещения, как вера в человеческий разум.

Зарей просвещенческой идеологии стала эпоха Возрождения, которая, по мнению Р. Тарнаса, впоследствии сформирует два противоположных подхода к природе человеческого существования: рационалистический подход Просвещения, ставший, по сути, полной противоположностью идеалам Ренессанса, и романтический подход, уходящий корнями в греко-римскую культуру, то есть в античность [Тарнас, 1995]. Оба подхода проповедуют гуманизм и культ Героя, архетипом которого становится Прометей, однако между ними наблюдается осязаемое противоречие: если первый подход ставит целью подчинить природу с помощью разума, то второй обращается к искусству в попытках изобразить эмоции человека. Рационализм Просвещения провозглашал все большую зависимость человека от природы, тогда как романтизм свидетельствовал о все большем отчуждении человека от нее. Налицо был распад единой парадигмы, формирующий «расколотое мировоззрение». Попытки синтеза, которые, по мнению Р. Тарнаса, осуществлялись Гете и Юнгом, в целом закончились провалом и окончательным утверждением дихотомии двух подходов в философии экзистенциализма и нигилизма, что и привело человечество к постмодернизму как господствующей форме мышления и культуры конца XX — начала XXI веков.

Относительно Просвещения как мировоззренческого проекта сложилось два основных подхода. Первый включает в себя так называемые «концепции социальной деструкции», рассматривающие проект Просвещения как деструктивный. С. Е. Вершинин и Г. А. Борисова устанавливают истоки этих концепций (представленных Франкфуртской философской школой) в идее негативности Г. Гегеля, идее жестокости Ф. Ницше и идее инстинктов жизни и смерти З. Фрейда [Вершинин и др., 2009]. Классический труд М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения» (1947) своеобразно отвечает на травму национал-социализма. Самодеструкция Просвещения как мифа, по мнению авторов, заключается в доведении до абсурда идеи триумфа Разума, которая оборачивается безумием тотального контроля человека над природой и человека над человеком. При этом изначально в основе программы Просвещения лежит страх человека перед миром, выраженный в древних мифах [Адорно и др.].

Второй подход позиционирует позитивное отношение к просвещенческому проекту и объясняет все проблемы современности искажением идей Просвещения. Так, Ц. Тодоров в своей работе «Дух Просвещения» (2010) отвергает упреки в деструктивности ценностей Просвещения: «Прежде всего следует отметить, что самая прекрасная идеология может использоваться в качестве прикрытия» [Тодоров, 2010, с. 27]. Конструирование «политических религий» (под которыми автор понимает тоталитарные режимы) вместо создания демократического общества, по мнению Тодорова, исказило первоначальный смысл проекта Просвещения.

Проблема конфликта вокруг проекта Просвещения, на наш взгляд, лежит в плоскости дихотомии, относящейся к тому субъекту, который в эпоху постмодернизма, когда ведутся ожесточенные баталии вокруг просвещенческих ценностей, оттеснен на максимально возможную периферию, — к человеку. Привычка разделять человека на две части — разум и эмоции — позволяет исследователям говорить о том, что тоталитаризм — всего лишь теневая сторона Просвещения как проекта рациональности. Именно отсутствие целостности толкает человека к различным крайностям, которые представлены двумя качествами его природы. На основе этих крайностей создаются различные тоталитарные режимы, религиозные институты и всевозможные философские концепции.

Соединенные Штаты Америки середины XX века находились в глубоком кризисе «американской мечты», что отражается и в литературе. Появление «бит-поколения» связано с разочарованием американской молодежи в идеалах, которые представляли ценность для предыдущего поколения. Формирование «одномерного человека», впоследствии описанного Г. Маркузе в одноименном труде 1964 года, явилось причиной протеста битников против существующего положения дел. Усталость от многолетнего доминирования просвещенческой идеологии, превозносившей разум, сделала возможным «провал» в иную крайность — бездну эмоционального мира, наполненного наркотиками, беспорядочным сексом и постоянным движением. Дж. Рассел назовет последнее буквально «потребностью в движении», которая, безусловно, была связана с американским символом фронта, потребностью американца открывать новые горизонты даже когда все открыто — только уже внутри себя самого [Russell, 2002].

Движение битников не столь однородно, как может показаться на первый взгляд. Так, Д. Хаустов, автор книги «Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки» (2017), справедливо указывает на эксплуатацию битниками образа «современных дикарей» хипстеров, которые отказались от «голоса разума», тогда как сами битники отнюдь не

спешат поступать аналогично: «Битник использует хипстера, но и последний, конечно, не остается в накладе — он получает что-то большее, чем компенсацию, ибо он обретает легендарный статус, он приобретает образ иконы» [Хаустов, 2017, с. 92]. Таким образом, битничество оказывается не более чем художественным приемом, который со свойственной литературе способностью к влиянию на поведение человека сформировал целое поколение хипстерской субкультуры.

2. Философия объективизма о соотношении разума и эмоций

Способность литературы «конструировать» необходимые модели поведения эксплуатировалась и Айн Рэнд — писательницей и философом, искони считающейся частью американской культуры. Будучи травмированной последствиями Октябрьской революции, Рэнд сделала критику «антиразумных» концепций основой философии объективизма. Однако было бы неверно говорить о том, что объективизм — это философия исключительно Разума. Айн Рэнд никогда не отрицала эмоций как движущей силы человеческого сознания: дихотомия разума и эмоций виделась ей «пережитком религиозной мысли», потому что именно утверждение такой дихотомии делает возможным существование большинства современных религий. Так, в статье «Аполлон и Дионис» (“Apollo and Dionysus”, 1969—1970) Айн Рэнд говорит о том, что одним из «родоначальников» такой дихотомии в западноевропейской культуре был Ф. Ницше, предложивший два символических образа как обозначения дихотомии разума и эмоций, что нашло отражение в предпочтениях современного ей американского общества, где музыкальный фестиваль хиппи в Вудстоке вызвал больший фурор, чем полет спутника «Аполлон-11» [Рэнд, 2016a]¹.

Начиная с 1946 года Айн Рэнд разрабатывает теорию соотношения разума и эмоций, и немалую роль в этом сыграли ее отношения с Натаниэлем Бранденом [Sciabaga, 2013]. Именно ему принадлежит обоснование теории разума как объяснительной системы для эмоций. В своей статье «Психология удовольствия» (“The Psychology of Pleasure”, 1964) Бранден

1 Несмотря на явные мировоззренческие расхождения между битниками и Рэнд, исследователи указывают на совершенно парадоксальный факт: писательница являлась для самих битников своеобразной «иконой». Как отмечает J. Riggenbach, ссылаясь на социологический опрос журналистов R. Weiner и D. Stillman, проводившийся в конце 1970-х годов, имя Айн Рэнд находилось на 29-м месте из 81 позиции среди людей, оказавших наиболее сильное влияние на американскую молодежь — тех самых «битников» (наряду с Куртом Воннегутом, Ж.-П. Сартром, А. Камю, Г. Гессе, С. Де Бовуар и т. п.) [Riggenbach, 1982]. Это еще раз демонстрирует, насколько удивительным порой бывает «путешествие» великих идей.

рассуждает о важности ценностей (читай: установок разума) для выбора удовольствий. Не случайно упоминает он о «битниках» и об их манере танцевать: «Глядя на такой танец, вы увидите не улыбки подлинной радости, а пустые глаза, порывистые, неритмичные дергания тел, словно лишенных центрального органа управления, но вместе с тем очень старательно — с истерическим надрывом — демонстрирующих полное отсутствие целей, смысла и мышления. Это “удовольствие” бессознательного существования» [Бранден, 2015, с. 82].

Объективизм развивает мысль о том, что все знание приходит от разума, однако эмоции не являются формами разума. Так, W. Thomas и D. Kelly определяют эмоции как автоматические ценностные реакции на объекты, созданные с помощью подсознательной интеграции информации и ценностных суждений [Thomas et al., 1999, с. 44]. Ученые делают вывод, что эмоции не могут являться источником знания. Он основан на двух свойствах эмоций: отсутствие сознательного контроля и отсутствие новых свидетельств для интерпретации фактов при продуцировании эмоций. А знание, как повторяют объективисты, объективно лишь в той мере, в какой оно исключает необъективное и основывается на свидетельстве. Таким образом, несмотря на признание разума единственным источником знаний, эмоции являются важной составляющей частью сознания человека (хоть и подчиненной). При этом эмоции полностью и целиком зависят от мыслей человека и его действий.

Айн Рэнд в 1961 году в эссе “For The New Intellectual” выражает свое беспокойство относительно тупика, в который зашла цивилизация Просвещения, констатируя несомненный интеллектуальный кризис, охвативший Америку. Однако в отличие от адептов концепций «социальной деструкции» главную причину она как раз видит в кризисе рационального мышления, обращении к антиинтеллектуальным теориям в философии, запускающим основные социальные процессы. Говоря о расколотой философии современности, Рэнд метафорически нарекает человека разума и человека эмоций Атиллой и Шаманом. Однако Рэнд вовсе не склонна оправдывать проект Просвещения: напротив, пафос ее работы заключается в том, что к началу XIX века западноевропейская цивилизация оказывается в расколотом состоянии: научно-материальный прогресс, которого к тому моменту достигает человечество, совершенно не соответствует уровню его духовного развития. Именно с засильем «антиконцептуального» менталитета, объявившего власть идей фикцией, а не с кризисом проекта Просвещения (который изначально был ущербен) Рэнд связывает появление «политических религий» [Rand, 1961].

Исследование природы человеческих эмоций приводит Айн Рэнд к выводу о том, что эмоции — производное разума, однако они не взаимозаменяемы. Проблема подавления эмоций, их неосознанности, по мнению Рэнд, является причиной многих человеческих конфликтов: «Я приписываю девяносто пять процентов всех психологических бед и персональных трагедий тому факту, что в области самоанализа мы на уровне дикарей (или еще ниже)...» [Рэнд, 2012, с. 254]. Самоанализ, как полагала Айн Рэнд, есть главное свойство, которому ребенок должен научиться еще в детстве, однако в большинстве случаев этого не происходит, и тогда у него формируется иррациональная «психоэпистемология»¹, на основе которой выстраивается “sense of life”² уже взрослого человека. Формирование иррационализма (болезни общества середины XX века) происходит под влиянием современной системы образования: в своей статье «Компрачикос» (“The Comprachicos”, 1970) Рэнд последовательно описывает этот процесс на каждом из этапов (детский сад, школа, университет). Искажение в процессе эпистемологического становления будущей личности происходит в результате формирования неверных бессознательных паттернов (бессознательное, по мнению объективистов, формируется под воздействием импульсов сознания), которые возникают в результате агрессивной антикогнитивной и антиконцептуальной методологии воспитания и образования. И закономерным итогом этого процесса становится движение хиппи, взрослых детей, следующих философии бездействия: “«Стиль жизни” хиппи — полная конкретизация детсадовских идеалов: никаких мыслей, никакого внимания, никакой цели, никакого труда, никакой реальности...» [Рэнд, 2016б, с. 118].

Только осмысление своих эмоций (их соединение с разумом) позволяет восстановить целостность личности: «В итоге возникает цельная, полностью интегрированная личность: разум и чувства такого человека находятся в гармонии друг с другом, а его ощущение жизни соответствует сознательным убеждениям» [Рэнд, 2011б, с. 27]. При этом отчуждение человека от реальности создает рассогласованность сознательного и бессознательного, ведущую к «блокировке» чувств и сознания. И именно такая рассогласованность (когда чувства «мстят» человеку за предательство по отношению к разуму), по мнению объективизма, и служит причиной всех бед XX века, в которых традиционно принято обвинять проект Просвещения.

1 «Психоэпистемология — это исследование когнитивных процессов с точки зрения взаимодействия между сознанием человека и автоматическими функциями его подсознания» [Рэнд, 2011а, с. 14].

2 «Ощущение жизни — это доконцептуальный эквивалент метафизики, эмоциональная оценка человека и бытия, интегрированная на уровне подсознания. Оно лежит в основе эмоциональных реакций и характера человека» [Рэнд, 2011б, с. 22].

3. «В дороге» Дж. Керуака vs. «Гимн» Айн Рэнд

Сопоставление двух текстов, написанных с двадцатилетним разрывом, объясняется тем, что роман Дж. Керуака «В дороге» (“On The Road”, 1957) — это главное произведение «бит-поколения», прославляющего дионисийскую стихию, своего рода его «программный» текст, а повесть Айн Рэнд «Гимн» (“Anthem”, 1938) написана, казалось бы, с целью прославления аполлонического начала. Однако совершенно любой текст Рэнд мог бы быть рассмотрен как оппозиция текстам битников (в том числе ее последний роман «Атлант расправил плечи», написанный одновременно с романом Керуака), так как во всех них воспроизводится одна и та же модель диалектики объективизма, данная через призму эволюции главного героя. Эту «схему» психологического роста героя в произведениях Айн Рэнд анализирует С. М. Sciabarra. По его мнению, герой Рэнд подавляет эмоции (исходящие от его разума) из-за социального давления, однако затем разум берет вверх и он начинает обретать целостность эмоций и мыслей. В качестве наиболее яркого примера он приводит эволюцию Хэнка Риардена в романе «Атлант расправил плечи», который, влюбляясь в Дагги Таггарт, подавляет в себе эти эмоции, потому что считает их (из-за стереотипов общества) греховными, однако, осознав причину своих противоречивых эмоций, перестает испытывать ощущение «расколотого» сознания [Sciabarra, 2013, с. 173]. Известна цитата из этого же романа: — *Дам тебе намек. Противоречий не существует. Если ты усматриваешь где-то противоречие, проверь исходные данные. И найдешь ошибку в одном из них* [Рэнд, 2009а, с. 253]. Данная схема является универсальной для всех художественных произведений писательницы, так как (как справедливо отмечает все тот же Sciabarra) роман Айн Рэнд фактически повторяет жанровую форму русского романа, в котором герой является воплощением абстрактного принципа, а значит, единственной формой психологического роста в нем будет преодоление психологического дуализма [Sciabarra, 2013, с. 174]. Повесть «Гимн» выбрана автором лишь потому, что рассмотреть эту модель на примере данного небольшого текста нагляднее (именно из этой повести выросли все позднейшие тексты писательницы).

Роман Дж. Керуака «В дороге» посвящен истории отношений двух друзей, Дина Мориарти и Сала Парадайза, роман повествует об их бесконечном путешествии по Америке. Созданный в формате травелога, текст представляет собой реализацию национальной американской идеи фронтира: внешние пространства покорены, поэтому герои совмещают перманентное движение по дороге с перманентным же погружением в глубины дионисийской стихии (на каждой второй-третьей странице мы обнаружи-

ваем сцены беспорядочного секса, приема наркотиков, приобщения к первобытной стихии джазовой музыки).

Повесть Айн Рэнд «Гимн» обычно рассматривается как ответ писательницы на тоталитарную угрозу и утверждение проекта Просвещения. Так, М. R. Gladstein отмечает, что повесть изображает последствия идеологии коллективизма, главным и неизбежным из которых является технологическая отсталость [Gladstein, 1984, с. 34—35]. Однако, на наш взгляд, повесть может быть «прочитана» и как манифест объективизму, который, как мы уже определили выше, стремится преодолеть дихотомию «разум — эмоции».

В центре повествования «Гимна» — история героя по имени Равенство 7-2521, живущего в антиутопическом мире, в котором царит полное подчинение индивидуума коллективу, но отнюдь не это является магистральной темой произведения. Как справедливо отмечает С. Г. Шишкина, обретение «личного, индивидуального слова как начало пути возвращения к себе — основная проблематика романа-антиутопии “Гимн”...» [Шишкина, 2009, с. 174]. Слово, будучи центральным объектом критики постмодернизма, подвергается деформации в тексте Рэнд¹: исчезновение из лексикона человечества местоимения *я* приводит к ужасающим последствиям. Рэнд демонстрирует пагубные последствия коллективизма для развития личности, показывая, как тотальное усреднение интеллектуальных возможностей неизбежно приводит к тому, что главный герой, стоящий по уровню развития выше своих ровесников, оказывается вынужденным страдать из-за этого: *Итак, мы боролись против своего проклятия. Пытались забывать уроки, но всегда помнили их, пробовали не понимать того, чему учили Учителя, но всегда понимали еще до того, как они открывали рот. Мы пытались подражать Союзу 5-3992. Они были бледный мальчик, у которых не хватало половины мозга. Мы пытались говорить и делать все так, как они, чтобы быть похожими на них, но каким-то образом Учителя всегда выводили нас на чистую воду. Нас пороли чаще других* [Рэнд, 2009б, с. 11].

Роман Керуака также целиком и полностью посвящен тому, как главный герой-рассказчик предается поискам собственной целостности. Как

1 О том, что Айн Рэнд предвосхитила многие тенденции постмодернизма, свидетельствует тот факт, что в ее последнем романе «Атлант расправил плечи» (“Atlas Shrugged”, 1957) создается образ иррационального мышления, тяготеющего к фрагментарности, которое исподволь овладевает антиутопическим миром этого текста. Так, стиль мышления автора вымышленной книги «Почему вы думаете, что вы думаете?» Флойда Ферриса, которая фигурирует в романе, очень напоминает стиль мышления постмодернистских философов: отрицание доминирующей роли разума и признание тщетности познания мира посредством него.

отмечает М. Skau, сам Керуак был «одержим путаницей внутри собственной личности», называя одну часть себя — нормальной, другую — шизоидной [Skau, 2009, с. 157]. Отвержение традиционных ценностей, базирующихся на рационалистической идеологии, закономерно приводит автора к созданию «расколотых» персонажей. Так, Сал Парадайз (альтер-эго автора) просыпается в самом начале своего пути в «мрачной старой гостинице» «Равнины» и обнаруживает, что совершенно потерял свою идентичность: *И в это совершенно особое, самое удивительное мгновение моей жизни я вдруг забыл, кто я такой <...> Я не был напуган. Просто я был кем-то другим, неким незнакомцем, и вся моя жизнь была жизнью неприкаянной, жизнью призрака. Я проехал пол-Америки, добрался до пограничной линии, отделявшей Восток моей юности от Запада моего будущего, и потому-то, быть может, и произошло такое именно там и именно тогда, в тот странный багровый предвечерний час* [Керуак, 2015, с. 22].

Метаморфоза главного героя повести «Гимн» тоже начинается с мучительных поисков себя. В начале своего пути Равенство 7-2521 соглашается со всем, что говорит ему Мировой Совет, олицетворяющий «власть коллектива». В соответствии с доктриной объективизма, согласно которой разум определяет эмоции человека, герой отчаянно борется с желанием стать Ученым и, понимая, что это порицается обществом, вымещает эмоции путем самоповреждения: «Итак, мы мечтали о Доме Ученых. От одной мысли об этом по ночам наши руки начинали дрожать, и мы до боли кусали их, чтобы уменьшить ту, другую боль, которая была невыносима. Это так порочно <...> Человек не должен ничего хотеть для себя» [Рэнд, 2009б, с. 13].

Далее, когда Мировой Совет выносит вердикт — герой станет Подметальщиком, его эмоции оказываются подавленными (теми мыслями, которые внушаются ему со стороны социума), что очевидно даже на физическом уровне (блокировка разума вызывает блокировку тела): ***Мышцы нашей шеи напряглись, когда мы поднимали голову, чтобы посмотреть на членов Совета, и мы были счастливы. Мы осознавали свою вину, но вот нам предоставлена возможность искупить ее*** [Рэнд, 2009б, с. 15].

Поворотным моментом повести становится обнаружение героем подземного хода, где он устраивает собственную научную лабораторию. Избавление от вины наступает вместе с познанием тайн мира: здесь разум, обогащенный новым знанием, рождает иные эмоции, свободные от чувства вины: *И все же мы не чувствуем ни стыда, ни сожаления, называя себя предателем и злодеем, не чувствуем тяжести на душе и страха в сердце <...> А на сердце — неисповедимы пути пророка — спокойно, как никогда* [Рэнд, 2009б, с. 23—24].

Если герой Рэнд отделяется от коллективного эгрегора, то герой Керуака поступает совершенно иначе (несмотря на ожидаемый протестный пафос бит-поколения): личность Сэла стремится отождествиться с личностью Дина Мориарти, который представлен в романе эдаким новым «Иисусом Христом» — «святым шутом», как он назван в романе (как отмечает А. Крупа в своей статье, Дин Мориарти может быть интерпретирован как герой-праведник [Крупа, 2002]). Следуя за ним по дороге, Сэл все глубже и глубже погружается в дионисийскую стихию. М. Skau справедливо указывает на инфантилизацию героя, которая связана со стремлением вернуться назад, в лоно первозданной Америки, где еще ничего не освоено [Skau, 2009, с. 160]. «Неправильность» нынешней «версии» США отражается в тонкой психологической детали: во вверх тормашками поднятом американском флаге, который Сэл спяну вывешивает на шестидесятифутовом шесте.

Инфантильность «бит-поколения» заключается, в первую очередь, в отсутствии целеполагания, то есть в неспособности разума к активным действиям. Характерная сцена из романа: — *Чего ты ждешь от жизни? — спросил я. ... — Не знаю, — ответила она. — Буду просто работать официанткой и жить дальше. <... > Лежа на спине, мы глядели в потолок и думали, зачем это Бог сотворил жизнь такой печальной* [Керуак, 2015, с. 69—70]¹. Вообще, Сал Парадайз на протяжении всего романа задает одни и те же вопросы разным людям, что характерно — чаще женщинам (на наш взгляд, это также связано с поисками целостности — только уже андрогинной): *К чему стремимся все мы? Чего мы хотим? Она не знала. Она зевнула. Ей хотелось спать* [Керуак, 2015, с. 298].

Дин постоянно говорит о загадочном «этом», которое олицетворяет в романе Ролло Греб — персонаж, который настолько слился с дионисийской стихией, что потерял дар речи: *Он что-то лепетал, корчился, падал на колени, стонал, выл, он в отчаянии валился наземь. Он едва мог вымолвить слово — так возбуждала его жизнь* [Керуак, 2015, с. 154]. Распад речи символизирует распад мышления: Слово как Логос больше не имеет никакого смысла, важна лишь стихия эмоций, низводящая человека на уровень сознания растения (Ролло Греб, со слов Дина, только тем и занимался, что «раскачивался взад-вперед»). Другой пример такого же рода — один из многочисленных попутчиков Сала и Дина в дороге, Хай-

1 Впоследствии литература постмодернистского неореализма доведет невозможность личностного целеполагания до полного «разложения разума». Так, весьма характерен финал романа Д. Коупленда «Поколение X: сказки для ускоренного времени» (*Generation X: Tales for an Accelerated Culture*, 1991). Рассказчик мечтает, о том, как его мозг «превратился бы в тонкую белую нить, вибрирующую, как гитарная струна, протянувшуюся в небо, в озоновый слой» [Коупленд, 2017, с. 305].

ман Соломон, который читает книгу, но не знает, как она называется: *Он и не потрудился взглянуть на название. Всмотривался он только в слова, да так, словно нашел подлинную Тору там, где ей и место, — в пустыне* [Керуак, 2015, с. 166—167].

В противовес лингвистическому «разложению» героев художественного мира Керуака, герой повести Рэнд обретает себя именно в Слове, «вспоминая» личное местоимение я. Однако он приходит к этому обретению не только путем разума, работая над познанием мира, результатом которого становится изобретение электричества, но и через воссоединение со своей женской половиной — то есть в фокусе внимания произведения оказываются также и эмоции. Именно в момент осознания своих чувств к Свободе 5-3000 герой начинает замечать эмоции и других людей: *Они [братья. — А. Г.] стояли, опустив головы, глаза их были грустны, и никогда никому из них не решился посмотреть в глаза другому. Плечи их ссутулены, тела хилые, сжавшиеся, как будто стремящиеся стать невидимыми. И когда мы смотрим на братьев, нам в голову приходит одно-единственное слово. И слово это — страх* [Рэнд, 2009б, с. 33]. Главный герой видит неадекватность телесного проявления эмоций братьев формально постулируемому всеобщему счастью: один из них *может вдруг беспричинно расплакаться посреди дня или ночи, а другой кричит во сне...голосом, от которого холодеет сердце* [Рэнд, 2009б, с. 34].

Как верно резюмирует Д. Хаустов, Керуак (Сал Парадайз) совершает в конце романа «путешествие к целостности самого себя, воплощенное в образе дикой Мексики» [Хаустов, 2017, с. 141]. Представленная как земля обетованная, Мексика противопоставлена Америке так же, как дионисийское, стихийное начало противопоставляется аполлоническому, рациональному: *Теперь встретившиеся на дороге индейцы были похожи на жителей потустороннего мира. Это был народ, замкнувшийся в себе, горные индейцы, отрезанные от всего на свете, кроме Панамериканского шоссе...* [Керуак, 2015, с. 364]. Здесь Керуак, следуя концепции «социальной деструкции», объявляет цивилизацию ущербной по сравнению с дикими людьми Мексики. Эти люди тянулись к цивилизации, однако *им и не снилось, какое в ней царит глубокое уныние, сколько в ней жалких разбитых иллюзий* [Керуак, 2015, с. 367]. Обретение целостности в финале романа подменяется возвращением в изначальное состояние анимистического бытия, *где было положено начало всех начал, где был вскормлен и получил урок познания Адам* [Керуак, 2015, с. 344]. Хаустов трактует эту встречу человека дикого и человека цивилизованного как встречу последнего со своим истинным «Я», *где вытесненное и вытесняющее наконец-то при-*

миренны, сведены ко всеобщему образу [Хаустов, 2017, с. 141]. Однако Дин (божественное начало) предательски покидает Сала (как представителя рода человеческого): история вновь повторяется по кругу, и человек остается в экзистенциальном одиночестве.

Обретение целостности героем повести Рэнд парадоксальным образом также связано с возвращением к праистокам человечества, однако избегает противопоставления человека просвещенного и первобытного, как избегает и чувства одиночества. Ее вновь обретший себя Адам (получивший новое имя — *Прометей*) возвращает себе собственное «Я» сразу несколькими способами. Оказавшись в Неведомом Лесу — диком, заброшенном месте, где еще сохранились остатки цивилизации (разрушение которой так предрекали битники) — герой Рэнд обнаруживает себя физически в отражении ручья: *Встав на колени перед ним, мы нагнулись, чтобы попить. И замерли. На голубом фоне перед собой мы впервые увидели собственное лицо* [Рэнд, 2009б, с. 79]. Следующий шаг — обнаружение себя эмоционально, постижение через любовь собственной природы: *Мы одни, единственные, и любим вас одного. Душа наша разрывалась в поисках слова, но мы не нашли его* [Рэнд, 2009б, с. 87]. И слово обнаруживается лишь после того, как в руки к герою попадает Книга. Через Слово к человеку вновь возвращается осознание себя цельной личностью — к нему возвращается местоимение я: *Это случилось, когда я читал первую книгу, которую нашел в доме. Я видел слово — «я», и, когда понял его, книга выпала из моих рук и я заплакал, я, который не знал слез* [Рэнд, 2009б, с. 105]. Так происходит окончательное воссоединение частей личности через рациональное восприятие. От телесного через эмоциональное внутреннее «Я» движется к рациональному, чтобы впоследствии выстраивать обратную цепочку при взаимодействии с окружающим миром: такова диалектика объективизма.

4. Заключение

Повсеместное недоверие к проекту Просвещения в эпоху постмодернизма анализируется в известной работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (“La condition postmoderne”, 1979) [Лиотар, 1998]. «Великий герой» Просвещения теряет смысл в эпоху бессмыслицы, и это стало ясно еще в литературе битников. Со временем это недоверие к разуму и раскол внутри человеческого сознания привели к окончательному разрушению каких-либо твердых оснований, на которых покоится мир. Неопределенность и фрагментарность всего и вся, отрицание разума как движущей силы человека, дихотомия разума и чувств с предпочтением эмоциональ-

ной сферы как более «вышей» — это те черты, которые «расколотое поколение» оставило «в наследство» поколениям X и Z.

Философия объективизма в этом смысле традиционно определяется как защита просвещенческой идеологии в век наступающего со всех сторон иррационализма. Однако, как мы видим, это далеко не так, и в ее основе лежит стремление (вероятно, неудавшееся) интегрировать рациональную и эмоциональную стороны человека¹. Можно говорить о принципиально новом подходе к пониманию природы человека, который попыталась применить Айн Рэнд. Именно игнорирование этого факта и становится причиной непонимания как философии объективизма, так и художественной ценности произведений писательницы.

Возвращаясь к началу, где мы упомянули о романтизме как об одном из двух путей, по которому пошла культура Возрождения, следует сказать, что Рэнд, без сомнения, идет этим путем, но в иной форме — объединяя рационалистический проект Просвещения и романтический дух. Романтизм, как считала Рэнд, допустил фатальную ошибку, пренебрегая достижениями разума. J. Baker называет Айн Рэнд своеобразным «мостом» между «обещанием романтизма» в прошлом и «надеждой романтизма» в будущем, а также «утренней звездой» нового романтического движения, которое еще не возникло [Baker, 1987, с. 122].

Вопрос о том, как «вписывается» эта новая методология, которую Рэнд подробно изложила в своем «Романтическом манифесте» (“The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature”, 1969), в американскую культуру середины XX века, может быть ответом на вопрос, а как с а м а американская культура «выглядела» со стороны, ведь Айн Рэнд, как мы уже подчеркнули, — эмигрантка из России. Уже в 1962 году Айн Рэнд напишет о кризисе американской культуры в одной из статей «Эстетический вакуум нашего времени», где посетует на то, что человека — «его природу, его метафизически значимую сущность <...> сейчас представляют алкоголики, нар-

1 Н. Брандэн после разрыва с Айн Рэнд развивает объективистские идеи интеграции человека в ряде психологических работ: *The Psychology of Self-Esteem* (1969), *Breaking Free* (1970), *The Disowned Self* (1972), *Honoring the Self* (1983), *How to Raise Your Self-Esteem* (1986) и др. В 1994 году им была написана книга *The Six Pillars of Self-Esteem*, которая была в 2018 году переведена на русский язык и издана под названием «Шесть столпов самооценки». В этих работах автор развивает идеи Айн Рэнд, исследуя феномен самооценки человека, которая как раз и складывается из компонентов, обеспечивающих целостность человеческого «Я». До сегодняшнего дня работы Брандэна не получили должного внимания в аспекте развития идей объективизма в психологии, причиной чему является, конечно, разрыв писательницы со своим талантливым студентом. О возможности нахождения таких связей и их несомненной плодотворности для понимания философии Айн Рэнд см. работу [Sciabarra, 2013].

команы, сексуальные извращенцы, маньяки-убийцы и психопаты» [Рэнд, 2011в, с. 125]. Причину она видит, как это ни парадоксально, в том, что человечество поверило в автоматический прогресс, который не состоялся и состояться не мог по причине диспропорции в развитии разумной и эмоциональной сфер человечества.

Таким образом, философия объективизма во многом опередила свое время и оказалась непонятой в контексте времени. Ранняя повесть писательницы «Гимн» предвосхищает многие художественные открытия ее романов, и ее прочтение в русле объективистской антропологии представляется весьма актуальным — так же, как и ее «встраивание» в контекст современной ей американской культурной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Диалектика просвещения : философские фрагменты [Электронный ресурс] / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. — Режим доступа : <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521>.
2. Бранден Н. Психология удовольствия / Н. Бранден. — В книге : Рэнд А. Добродетель эгоизма (с добавлением статей Натаниэля Брандена) / А. Рэнд. — Москва : Альпина Паблишер, 2015. — С. 77—85. — ISBN 978-5-9614-1462-2.
3. Вершинин С. Е. Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ) / С. Е. Вершинин, Г. А. Борисова. — Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2009. — 126 с.
4. Керуак Дж. В дороге / Дж. Керуак. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 384 с.
5. Коупленд Д. Поколение X: Сказки для ускоренного времени / Д. Коупленд. — Москва : АСТ, 2017. — 320 с.
6. Крупа А. Дин Мориарти как герой-праведник [Электронный ресурс] / А. Крупа. — Режим доступа : <http://www.fiction-9.narod.ru/keruakt2.2.htm>.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — 160 с.
8. Рэнд А. Гимн / А. Рэнд. — Москва : Альпина Паблишерз, 2009. — 112 с.
9. Рэнд А. Психоэпистемология искусства / А. Рэнд // Романтический манифест : философия литературы. — Москва : Альпина Паблишер, 2011. — С. 11—21.
10. Рэнд А. Философия и ощущение жизни / А. Рэнд // Романтический манифест : философия литературы. — Москва : Альпина Паблишер, 2011. — С. 22—31.
11. Рэнд А. Эстетический вакуум нашего времени / А. Рэнд // Романтический манифест : философия литературы. — Москва : Альпина Паблишер, 2011. — С. 123—128.
12. Рэнд А. Введение в объективистскую эпистемологию / А. Рэнд. — Москва : Астрель, 2012. — 351 с.
13. Рэнд А. Аполлон и Дионис / А. Рэнд // Возвращение примитива. Антииндустриальная революция. — Москва : Альпина Паблишер, 2016. — С. 125—148.
14. Рэнд А. Компрачикос / А. Рэнд // Возвращение примитива. Антииндустриальная революция. — Москва : Альпина Паблишер, 2016. — С. 72—122.

15. *Тарнас Р.* История западного мышления (страсти западного ума) / Р. Тарнас. — Москва : Крон-Пресс, 1995. — 448 с.
16. *Тодоров Ц.* Дух Просвещения / Ц. Тодоров. — Москва : Московская школа политических исследований, 2010. — 120 с.
17. *Хаустов Д.* Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки / Д. Хаустов. — Москва : РИПОЛ классик, 2017. — 300 с.
18. *Шишкина С. Г.* Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке / С. Г. Шишкина. — Иваново : Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2009. — 230 с.
19. *Baker J.* Ayn Rand / J. Baker. — Boston : G.K.Hall&Co, 1987. — 192 p.
20. *Gladstein M. R.* The Ayn Rand Companion / M. R. Gladstein. — Westport : Greenwood press, 1984. — 148 p.
21. *Rand A.* For The New Intellectual / A. Rand // For the New Intellectual. — New York : Random House Inc., 1961. — P. 7—48.
22. *Riggenbach J.* The Disowned Children of Ayn Rand [Electronic Resource] / J. Riggenbach. — Access mode : <https://reason.com/1982/12/01/the-disowned-children-of-ayn-r>.
23. *Russell J.* The Beat Generation / J. Russell. — Harpenden : Pocket Essentials, 2002. — 94 p.
24. *Sciabarra C. M.* Ayn Rand. The Russian Radical / C. M. Sciabarra. — Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. — 526 p.
25. *Skau M.* The Making of Paradise / M. Skau // What's Your Road, Man? Critical essays on Jack Kerouac's On The Road / H. Holliday; R. Holton (eds.). — Carbondale : Southern Illinois University Press, 2009. — P. 155—168.
26. *Thomas W.* The Logical Structure of Objectivism: "Beta" Version. — 1999. [Electronic Resource] / W. Thomas, D. Kelly. — Access mode : <https://atlassociety.org/sites/default/files/LSO%20Binder.pdf>.

IN SEARCH OF INTEGRITY: AYN RAND'S NOVEL "THE ANTHEM" AND J. KEROUAC'S NOVEL "ON THE ROAD"

© **Anastasia V. Grigorovskaya (2020)**, orcid.org/0000-0002-9282-313X, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen (Tyumen, Russia), a.v.grigorovskaya@utmn.ru.

The article is devoted to the analysis of the novel "Anthem" (1938) by Ayn Rand (Alice Rosenbaum), an American writer and philosopher from Russia. The purpose of the article is to consider the story as a manifesto of objectivism, including it in the context of philosophical and cultural searches of the 20th century caused by the crisis of the Enlightenment project. The tasks are the analysis of ways to overcome this crisis in the philosophical and artistic searches of Ayn Rand and the relationship of these searches with the concepts of "social destruction" and the philosophy of "beat generation". The story "Anthem" is considered in the context of the concept of the philosophy of objectivism formulated by the writer and the image of "integrated man" created by her — an integral man. The relevance of the study is due to the fact that the author includes the ideas of objectivity in the context of time, showing their relevance to the discussions on the Enlightenment project and the special role of these

discussions in American culture of the mid-20th century, in a situation of “split”. The results of a comparative analysis of the story with one of the main works of the “beat generation” - the novel by J. Kerouac “On the Road” (1957) are presented. As a result, the difference in the ways of searching for integrity by the heroes of two texts is revealed: if the Rand’s hero integrates the emotional and rational principles, the hero of Kerouac separates them, further aggravating the conflict between them.

Keywords: Ayn Rand; objectivism; beat generation; Enlightenment project; Jack Kerouac.

REFERENCES

- adorno, T., Khorkkхайmer, M. *Dialektika prosveshcheniya: filosofskiye fragmenty*. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521>. (In Russ.).
- Baker, J. (1987). *Ayn Rand*. Boston: G.K.Hall&Co.
- Branden, N. *Psikhologiya udovol'stviya* (2015). In: Rend, A. *Dobrodetel' egoizma (s dobavleniyem statey Natanielya Brandena)*. Moskva: Alpina Publisher. 77—85. ISBN 978-5-9614-1462-2. (In Russ.).
- Gladstein, M. R. (1984). *The Ayn Rand Companion*. Westport: Greenwood press.
- Keruak, Dzh. (2015). *V doroge*. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russ.).
- Khaustov, D. (2017). *Bitniki. Velikiy otkaz, ili Puteshestvie v poiskakh Ameriki*. Moskva: RIPOL klassik. (In Russ.). (In Russ.).
- Kouplend, D. (2017). *Pokoleniye X: Skazki dlya uskorennoy vremeni*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Krupa, A. *Din Moriarti kak geroy-pravednik*. Available at: <http://www.fiction-9.narod.ru/keruakt2.2.htm>. (In Russ.).
- Liotar, Zh.-F. (1998). *Sostoyaniye postmoderna*. Moskva: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Rand, A. (1961). For The New Intellectual. In: *For the New Intellectual*. New York: Random House Inc. 7—48.
- Rend, A. (2009). *Gimn*. Moskva: Alpina Publisher. (In Russ.).
- Rend, A. (2011). Esteticheskiy vakuum nashego vremeni. In: *Romanticheskiy manifest: filosofiya literatury*. Moskva: Alpina Publisher. 123—128. (In Russ.).
- Rend, A. (2011). Filosofiya i oshchushcheniye zhizni. In: *Romanticheskiy manifest: filosofiya literatury*. Moskva: Alpina Publisher. 22—31. (In Russ.).
- Rend, A. (2011). Psikhoeπισtemologiya iskusstva. In: *Romanticheskiy manifest: filosofiya literatury*. Moskva: Alpina Publisher. 11—21. (In Russ.).
- Rend, A. (2012). *Vvedeniye v obyektivistskuyu epistemologiyu*. Moskva: Astrel. (In Russ.).
- Rend, A. (2016). Apollon i Dionis. In: *Vozvrashcheniye primitiva. Antiindustrialnaya revolyutsiya*. Moskva: Alpina Publisher. 125—148. (In Russ.).
- Rend, A. (2016). Komprachikos. In: *Vozvrashcheniye primitiva. Antiindustrial'naya revolyutsiya*. Moskva: Alpina Publisher. 72—122. (In Russ.).
- Riggenbach, J. *The Disowned Children of Ayn Rand*. Available at: <https://reason.com/1982/12/01/the-disowned-children-of-ayn-r>.
- Russell, J. (2002). *The Beat Generation*. Harpenden: Pocket Essentials.
- Sciabarra, C. M. (2013). *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press.
- Shishkina, S. G. (2009). *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoy antiutopii v XX veke*. Ivanovo: Ivan. gos. khim.-tekhnol. un-t. (In Russ.).

- Skau, M. (2009). The Making of Paradise. In: Holliday, H., Holton, R. (eds.). *What's Your Road, Man? Critical essays on Jack Kerouac's On The Road*. Carbondale: Southern Illinois University Press. 155—168.
- Tarnas, R. (1995). *Istoriya zapadnogo myshleniya (strasti zapadnogo uma)*. Moskva: Kron-Press. (In Russ.).
- Thomas, W., Kelly, D. (1999). *The Logical Structure of Objectivism: "Beta" Version*. Available at: <https://atlassociety.org/sites/default/files/LSO%20Binder.pdf>.
- Todorov, Ts. (2010). *Dukh Prosveshcheniya*. Moskva: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. (In Russ.).
- Vershinin, S. E., Borisova, G. A. (2009). *Kontseptsiya sotsialnoy destruktzii Frankfurtskoy shkoly (istoriko-filosofskiy analiz)*. Yekaterinburg: Ros.gos.prof.-ped.un-t. (In Russ.).

Скачкова В. Н. Документальность как множественная реальность : верbatim «Солнце всходит» / В. Н. Скачкова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 229—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-229-241.

Skachkova, V. N. (2020). Documentarity as a Multiple Reality: Verbatim “The Sun Rises”. *Nauchnyi dialog*, 1: 229-241. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-229-241. (In Russ.).

УДК 821.161.1+82-25+792.01

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-229-241

ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК МНОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВЕРБАТИМ «СОЛНЦЕ ВСХОДИТ»

© Скачкова Виктория Николаевна (2020), orcid.org/0000-0001-8408-2573, SPIN 4079-2631, ассистент кафедры славянской филологии и культуры, Институт филологии и журналистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижегород, Россия), boss-vikoss@mail.ru.

Статья посвящена анализу мифопоэтической структуры документальной драмы «Солнце всходит», относящейся к жанру вербатима и поставленной на сцене Московского художественного театра (автор М. Дурненков, режиссер В. Рыжаков) к 150-летию М. Горького. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего исследования социальной и эстетической функции вербатима — пьесы, созданной на основе монтажа письменных документальных источников. Существенным отличием объекта исследования от других форм «новой драмы» является то, что в тексте вербатима использованы источники, относящиеся к концу XIX — началу XX веков. Современная рецепция личности и творчества М. Горького в нем не представлена, отсутствуют интервью с участниками спектакля и зрителями, что, в целом, усложняет его восприятие, но в то же время повышает его эмотивную составляющую. Новизна исследования заключается в том, что впервые указывается на сюжетно-композиционное единство текста пьесы, созданного путем монтажа различных документальных источников. Раскрывается концептуальное содержание вербатима «Солнце всходит»: становление мифа о М. Горьком человеке и художнике, который рождался в общественном сознании на пересечении противоречивых суждений самого писателя о себе и своем творчестве с оценками его творческой личности современниками и потомками. Объектом изучения стала расшифровка записи текста спектакля, в котором использованы различные виды документальных источников: переписка М. Горького с корреспондентами, литературно-критические отзывы о его произведениях, отражающие состояние литературной критики определенного исторического периода, воспоминания современников, в которых реальные факты из жизни писателя включаются мемуаристом в исторический контекст, а также фрагменты драматических произведений М. Горького и его публицистики.

Ключевые слова: верbatim; новая драма; документальность; эмотивность; Горький; документальные источники; художественная реальность; текст.

1. Вербатим как техника монтажа документальных источников

В год 150-летнего юбилея М. Горького в Московском художественном театре им. А. П. Чехова режиссером Виктором Рыжаковым был поставлен спектакль, созданный в жанре вербатима — документальной драмы, отвечающей на вызовы времени. В переводе с латинского *verbatim* — означает «дословно», а в английском варианте — «буквальный», «дословный».

В настоящее время в исследованиях документальных жанров гуманитаристикой и искусствоведением можно выделить следующие направления. Так, в работах З. Абдуллаевой, посвященных документальному кино, поставлена проблема соотношения игрового и неигрового в визуальных искусствах, рассмотрен вопрос об особенностях рецепции «новой документальности» как о «реальности, ставшей искусством или искусстве, претендующем быть реальностью» [Абдуллаева, 2011, с. 9]. Формы синтеза документального и художественного в произведениях классического и современного искусства стали предметом дискуссий на ежегодных международных конференциях, проводимых коллективом ученых Казанского федерального университета, где уделяется внимание и такому аспекту, как определение статуса документа в произведениях различных жанров [Крылов, 2012, с. 23].

Вторым важнейшим направлением в исследовании проблемы является терминологический аспект, поскольку в различных публикациях, посвященных изучению видов документального искусства (документальное кино, документальный театр), как синонимы употребляются варианты *документальное*, *новая драма*, *постдок*, *вербатим* [Забалуев и др., 2005, с. 113].

Особого внимания заслуживает представленная в работах О. В. Журчевой типология вербатимов по критерию «социальная функция»; она составлена на основе исследования характера влияния документальных жанров на сознание общества. Исходя из данного основания, предлагается классификация, согласно которой в настоящее время наиболее востребованными являются четыре типа вербатима: общественно-политический, социально-терапевтический, биографический вербатим и городской [Журчева, 2016, с. 85].

В 2000-х годах в изданиях литературоведческого, лингвистического, психологического направлений прошли дискуссии о том, что собой представляет феномен вербатима, является ли он техникой повествования [Соловьева, 2010, с. 100] или это все-таки явление искусства, к оценке которого можно подходить с эстетических позиций, а не с позиций социологических и политических [Болотян, 2009, с. 46]. В работах, посвященных изучению

названного явления, указывается, что это тексты, структура которых представляет собой определенным образом сгруппированные высказывания, как правило, представляющие собой цитирование (прямое или косвенное) различного рода речевых актов. В основном этот термин используется при характеристике современных драматических произведений, в основе конфликта которых — конфликт вербальных интерпретаций ситуации, события, поступка, то есть конфликт словесных оценок события, но не само событие. Вербатим — это особая «техника создания текста путем монтажа дословно записанной речи» [Болотян, 2011, с. 81].

В дискуссиях, содержание которых изложено на страницах «Нового литературного обозрения» (2005), зафиксирован еще один подход к исследованию вербатима, согласно которому объектом исследования оказывается не текст пьесы, а мастерство режиссуры [Мамаладзе, 2005].

Подводя итог краткому обзору исследований, подчеркнем, что объектом нашего исследования является драматургия текста и его сюжетно-композиционные особенности, то есть мы рассматриваем вербатим как эстетический феномен.

Данная статья посвящена анализу мифопоэтической структуры документальной драмы «Солнце всходит», относящейся к жанру вербатима и поставленной на сцене Московского художественного театра (автор М. Дурненков, режиссер В. Рыжаков) к 150-летию юбилею М. Горького. В спектакле, созданном на основе техники вербатима, актеры играют реплики, выражая свое отношение к ним мимикой и жестом, поскольку задача режиссера, составившего текст, заключается в том, чтобы побудить зрителя выступить в роли соавтора, которому предлагается в конце спектакля выстроить свою версию жизни и судьбы Максима Горького. Каждый из использованных в вербатиме документов (как правило, это фрагмент высказывания) о Горьком — человеке и художнике — предполагает активность зрительского восприятия фактов, содержащихся в них, рассчитан на заполнение лакун предшествующего знания о биографии и творчестве художника. Зрителю предлагается самому обнаружить смысловой центр такого высказывания, сформулировать ответ на вопрос, заданный режиссером. Зрителю не сообщают, из какого источника, из какого контекста изъят тот или иной фрагмент высказывания, но на экране, висящем над сценой, с определенной периодичностью появляются образы времени, условно обозначающие его движение (Ялта, Кровавое воскресенье, Капри, Несвоевременные мысли, Иль Сорито и др).

В нашей работе объектом исследования стал текст, полученный в результате расшифровки аудиовизуального образа и перевода его в словес-

ный. Он представляет собой линейно организованную последовательность сообщений, связанных между собой по ассоциативному принципу, где нарушение хронологии сообщений о реальных фактах является важным композиционным решением. Документальные свидетельства, будучи включенными в текст, организуют сюжет, развивающийся не по законам причинно-следственной связи между ситуациями общения актеров, читающих текст, а по логике рождающейся здесь и сейчас *художественной реальности*. Следует отметить, что вербатим представляет собой такой текст, который, по сути своей, не сообщает ничего, кроме того, что содержит фрагмент цитируемого высказывания, сделанного ранее. При этом «единица документальности для вербатима — не факт, а слово. Драматург монтирует речь других людей, не редактируя их речевой индивидуальности» [Родионов, 2012].

Наша задача — показать, как драматург выстраивает композицию пьесы в виде многоголосого полилога, цель которого — продемонстрировать ошибочность одноплановых и крайних суждений о Горьком и представить на суд зрителя свое видение сложной и противоречивой фигуры писателя путем монтажа фрагментов речи о нем, зафиксированной в многообразии документальных свидетельств. Весь речевой материал, составляющий текст пьесы, может быть условно разделен на четыре категории: письма, литературно-критические высказывания, воспоминания современников и художественные произведения М. Горького.

2. Письмо как документальный источник вербатима

Первый тип документальных источников — письма — наиболее объективно отражает состояние адресатов и адресантов, волею автора вербатима ставших героями пьесы. Однако, несмотря на соотнесенность писем с определенными жизненными периодами героев и точностью метрических данных (имена адресатов, даты создания письма и т. д.), именно этот тип документа наиболее часто подвергается изменениям. Так, одна из главных тем спектакля — взаимоотношения между Горьким и Московским художественным театром — начинается с диалога писателя и Владимира Немировича-Данченко. Однако актер читает строки из письма Горького к Станиславскому. «О пьесе — не спрашивайте! Пока её не допишу до точки, её всё равно что нет. Мне очень хочется написать хорошо, хочется написать с радостью. Вам всем — Вашему театру — мало дано радости. Мне хочется солнышка пустить на сцену, весёлого солнышка, русского эдакого, — не очень яркого, но любящего всё, всё обнимающего» [Горький, 1997, с. 87].

По воле автора пьесы происходит замена одного адресата на другого, а также отсекается последняя часть горьковского высказывания: «... не очень яркого, но любящего всё, всё обнимающего». То, что слова Горького цитируются с купюрой, на первый взгляд кажется несущественным эмоциональным «довеском», однако это не так, поскольку в этой фразе отчетливо звучит осознанная писателем потребность писать для театра, создать пьесу, которая станет важным событием в жизни Московского художественного театра.

Встраивание текста письма в контекст диалога Горького и Немировича можно рассматривать как подтверждение распространенного культурного мифа о гармонии отношений отцов-основателей Художественного театра и Горького. Однако, если проследить историю взаимоотношений Горького со Станиславским и Горького с Немировичем, обратившись к такому документальному источнику, как их переписка, то окажется, что стилистика писем Горького Немировичу и Немировича Горькому развивалась в направлении от сотрудничества к враждебному непониманию, а затем к примирению. Каким же смысловым потенциалом обладает факт подмены адресата? По-видимому, цель такой подмены в том, что имя Немировича связано в сознании автора вербатима с представлением о новом типе людей, пришедших в мир искусства — людей, обладающих предприимчивостью, деловитостью, стремившихся создать хорошие материальные условия для актеров. Собственно, об этом и идет речь в письме к Станиславскому: «Вам всем — Вашему театру — мало дано радости». А то, что Немирович был инициатором постановок и других пьес Горького на сцене Художественного театра и сыграл важную роль в становлении авторитета Горького-драматурга, подтверждается и другими документальными источниками [Немирович-Данченко, 1979, с. 35—47]

Образ Немировича — один из центральных в пьесе. Его суждения, в отличие от большинства персонажей, героев одной реплики, появляются в повествовании на протяжении всей пьесы. В его высказываниях о Горьком и его творчестве отражается движение времени. Эта линия существенно отличается и по форме, и по содержанию от диалога Чехова и Горького, состоящего из фрагментов их переписки. Диалог Горького и Немировича, представляющий собой монтаж реплик, извлеченных из писем, дополнен цитатами из высказываний других деятелей культуры. В частности, ключевая характеристика Немировича, звучащая из уст актера, исполняющего «партию» Горького, взята из его письма К. Пятницкому: «Что же касается Немировича — он — прямой, искренний человек, не очень талантлив, но весьма умный и со вкусом» [Горький, 1997, с. 178].

Фрагменты писем в вербатиме — это основа для выстраивания сценических диалогов. Именно в письмах можно проследить особенности и динамику развития отношений главных героев пьесы. Помимо линии Горький — Немирович, на основе писем выстраиваются сюжетные линии Горький — Чехов, Горький — Станиславский, Горький — сын Максим, Горький — Ленин, Горький — Хинкулов, Горький — Сталин. Первая часть вербатима практически целиком построена на письмах, следовательно, главная форма сценического действия — диалоги. С помощью исповедальных интонаций автор указывает на глубоко личный характер профессионального общения Горького, а документальность балансирует на грани мира реального и мира художественного.

3. Функции дневниковых, мемуарных и литературно-критических источников документального повествования

Во второй части пьесы происходит смена источника документальной информации, что существенно меняет атмосферу спектакля, его настроение. Главным документом, на котором выстраивается вторая часть вербатима, становятся воспоминания и дневниковые записи. Д. Лихачев, Ю. Анненков, Б. Зайцев, Н. Буренин, В. Качалов, Р. Роллан, С. Маршак, И. Шкапа, Б. Соколов, К. Рудницкий, В. Ходасевич, И. Виноградская, М. Пришвин — вот имена авторов, чьи воспоминания были использованы автором вербатима. Включая в текст вербатима фрагменты этих источников, автор существенно расширяет исторический контекст высказывания. Мемуары, опубликованные в разное время, увидевшие свет в разных странах, содержат ценную для читателя, но все же субъективную оценку эпохи, а также личности и творческого наследия Горького. И тем не менее автор пьесы стремится придать субъективной оценке объективный характер, несмотря на то, что субъективное мнение характеризует прежде всего автора реплики, а только потом — объект высказывания. Из мемуарных свидетельств автор отдает предпочтение, как правило, эмоционально окрашенным высказываниям о Горьком. Автора вербатима в первую очередь интересуют яркие, местами даже провокационные характеристики Горького, порожденные впечатлением от его личности и поступков. Причем причины такой оценки должны быть восстановлены из общего контекста исторической эпохи. Такого типа свидетельства, например, взяты из дневниковой записи М. Пришвина, датированной 27 января 1932 года. Запись не только шокирует содержанием, но, при рассмотрении ее без сценических купюр, свидетельствует о прозорливости автора дневника, предсказывающего закономерность трагической судьбы Горького постановкой фигуры писателя

в один ряд с судьбой такого деятеля пролетарской культуры, как Демьян Бедный. Полная версия записи выглядит так: «Так совершилось падение Демьяна. Вот слава-то Богу! редко ведь сукины дети достигают такого высокого положения. Говорят, из Кремля чуть-чуть не выперли. В конце концов, становится забавно глядеть, как все непременно падают. Интересно, как кончится Горький, успеет умереть до падения или тоже рухнет. Вот острие: на Красную площадь героем или... и все от того, сумеет ли человек умереть вовремя. Сила его в добрых делах...» [Пришвин, 2009, с. 54]. Автор вербатима перенес в пьесу вторую часть цитаты, со слов «Интересно, как кончится Горький», акцентируя внимание зрителей на тезисе о своевременности ухода Горького, умершего накануне Большого Террора.

Художественная реальность вербатима — при всей своей документальности — достаточно вольно обходится и с таким типом источников, как мемуары. Так, описание премьеры «На дне», взятое из главы «Знакомство с Горьким» книги М. Ф. Андреевой «Переписка, воспоминания, статьи, документы» [Андреева, 1961, с 45—46], в вербатиме подано путем соединения двух реплик — Андреевой и Книппер-Чеховой. Если первую часть фразы воспоминаний воспроизводит артистка, читающая слова Андреевой, то вторую часть реплики произносит другая мхатовская прима — Ольга Книппер-Чехова. В тексте вербатима это разделение реплик представлено следующим образом:

Андреева: Публика не давала сдвигать занавес, неистовствовала, вызывая автора. Константин Сергеевич в своих картинных лохмотьях Сатина побегал к Горькому за кулисы, схватил сзади за плечи, выпихнул на сцену и тут же вместе со всеми участвующими изо всех сил стал аплодировать ему.

Книппер: Горький курил в это время, как всегда в волнении, сильно затягивался, так с папиросой в руке и вышел, а ему уже кричат из-за кулис: бросьте папиросу то, спрячьте, спрячьте!» [Андреева, 1961, с. 47].

В этом случае перед нами не диалог, в котором озвучены разные точки зрения, а мотивированное замыслом автора стремление указать на биографическую близость актрис-героинь высказывания, так как в данное историческое время обе играют важную роль в судьбе и творчестве Чехова и Горького. Поэтому разбивка реплики, по логике автора текста, может быть интерпретирована как объединение говорящих персонажей, мотивированное их профессиональной заинтересованностью будущей судьбой театра, во многом зависящей от пьес Чехова и Горького.

Литературно-критические высказывания о творчестве Горького, принадлежащие Д. Мережковскому, Н. Стечкину, В. Набокову, К. Чуковскому, Н. Михайловскому и другим критикам, — третий вид документов, исполь-

зованных в создании вербатима. Выдержки из критических статей о Горьком размещены в произвольном порядке, без учета хронологической последовательности. Так, начинается повествовательную часть вербатима высказывание Стечкина: «Гнойный пузырь на развращенности современной мысли, отравитель чистых порывов молодежи, кошунственный ругатель того, чем жило <...> общество, проповедник бунта, босяцкий провозвестник революции, Максим Горький интересен и важен как вредный противобщественный элемент» [Стечкин]. Эта цитата относится к 1904 году — к периоду, когда «Мещане» и «На дне» уже написаны. Сразу следом за словом Стечкина звучит цитата из «Цикла лекций по русской литературе» Набокова — издания, в основу которого легли лекции писателя 1940—1950-х годов XX века [Набоков, 1998, с. 378].

Такая временная дистанция, при том, что каждая оценка имеет отрицательную коннотацию, акцентирует непреходящую актуальность вопроса о Горьком-художнике, дискуссии о своеобразии которого продолжаются и по сей день.

4. Авторский текст в структуре вербатима и его документальная функция

В состав пьесы включены фрагменты художественной прозы и драматических произведений Горького, в частности: фрагменты пьесы «Мещане» (читаются отрывки пьесы из II и IV действий, хронологически соответствующие историческому этапу в жизни Горького, преобразенные в художественную реальность пьесы «Солнце всходит»), «На дне» (III действие; цитаты из пьесы обрамлены воспоминаниями и оценками современников), рассказ «Отшельник» (время создания — 1923 год, этот исторический период соответствует хронологии вербатима, где развернутая цитата из этого произведения предшествует эпизоду «Смерть»).

В большинстве своем это отрывки, меняющие расстановку сил в произведениях Горького, мотивирующие смену сюжетных ситуаций. Включенный в вербатим диалог между Нилом и Полей служит отправной точкой драматической коллизии: известие о намерении Нила жениться на Поле приводит к ссоре Нила и Бессеменовна, влюбленная в Нила Татьяна совершает попытку самоубийства, появление Перчихина накаляет атмосферу раздора, что ускоряет уход Нила и Поли из дома. Включение в текст вербатима значительного по объему фрагмента «Мещан», кажется, не имеет прямого отношения к документальности, однако внутренняя логика такого композиционного хода, по-видимому, может быть объяснена тем, что эта пьеса — первый опыт Горького в драматическом жанре. Метафориче-

ски этот фрагмент, меняющий, как было сказано, расстановку сил в пьесе, знаменует новую фазу творческой деятельности писателя. Реальный факт биографии Горького преобразуется в ткань художественной реальности вербатима «Солнце всходит».

Иную функцию в вербатиме обретает самая резонансная пьеса Горького — «На дне». Она представлена в спектакле всего одной небольшой сценой, взятой из конца третьего действия:

Пепел. Наталья! Неужто ты... вправду? Неужто веришь, что я... с ней...

Сатин. Ей-богу, Наташа, ты... сообрази!

Василиса (в проулке). Убили мужа моего... ваше благородие... Васька Пепел, вор... он убил... господин пристав! Я — видела... все видели...

Наташа (мечется почти в беспамятстве). Люди добрые... сестра моя и Васька убили! Полиция — слушай... вот эта, сестра моя, научила... уговорила... своего любовника... вот он, проклятый! — они убили! Берите их... судите... Возьмите и меня... в тюрьму меня! Христа ради... в тюрьму меня!.. [Горький, 1970, с. 169]

Этот отрывок несет не столько композиционную, сколько эмотивную функцию. Центральный персонаж сцены — Наталья, которую играла в премьерном спектакле Мария Андреева. Включая данный фрагмент в вербатим, автор подчеркивает и в этом случае автобиографический нюанс эмоционального накала, который, по воспоминаниям современников, и был вызван особыми отношениями Андреевой и Горького.

Подводя итог нашим наблюдениям над общими принципами структуры вербатима «Солнце всходит», нельзя не отметить, что пьеса Горького «Дети Солнца» (1905), название которой резонирует с именем вербатима «Солнце всходит», представлена в оценках ее современниками писателя. Фрагмент текста, содержащий отзывы о ней, свидетельствует о том, что автору вербатима она интересна не как текст, а как событие театрального мира. Согласно этому композиционному ходу пьесы, зрителю внушается мысль о катарсисе, мысль о том, что слово, звучащее со сцены, не только выполняет функцию сообщения о событии, но само по себе является стимулом к словесному оформлению впечатления. Цитата из «Детей Солнца» все же появляется в тексте вербатима, но в неожиданном хронологическом и сюжетном контексте: стихи Вагина из финала пьесы становятся своеобразной эпитафией Чехову, которую произносит Ольга Книппер:

Милый мой идет среди пустыни

В знойном море красного песка...

Знаю я, в дали туманно-синей

Ждет его пустыня и тоска...

*Мой милый строен и высок,
А я — красива и легка,
И оба мы, как два цветка,
На красный брошены песок...
И вдвоем, объаты жгучим зноем,
Мы пойдем далеко по песку,
И в пустыне мертвой мы зароем
Он — свои мечты... а я — тоску...*
[Горький, 1970, с. 389—390]

Подобная игра с контекстами, намеренное их сопряжение, служит повышению эмотивности пьесы, не давая, впрочем, веских оснований говорить о схожести сюжетных линий героини вербатима Книппер и героини «Детей Солнца» Лизы.

5. Заключение

Таким образом, использованные в вербатиме различные типы документальных источников исполняют следующие функции:

— фрагменты писем становятся основой сценических диалогов и демонстрируют динамику отношений героев действия;

— цитаты из опубликованных воспоминаний служат иллюстративным материалом для построения сюжетной линии вербатима. Автор пьесы с помощью этого источника выстраивает коллизию сюжета и иллюстрирует знаковые события, отраженные в вербатиме. В текст вербатима попадают прежде всего эмоционально окрашенные, провокационные оценки героев и событий, создающие необходимую драматическому произведению эмотивность;

— литературно-критические высказывания широкого хронологического спектра служат главным источником информации об отношении мира к главному герою вербатима. Автор сознательно использует цитаты, содержащие отрицательную коннотацию, подчеркивая открытость вопроса о Горьком-художнике и его равную актуальность как для современников Горького, так и для последующих поколений. Горький — единственный герой вербатима, которому даются характеристики, и происходит это посредством включений фрагментов критических статей культурологов и литературоведов различных исторических периодов;

— фрагменты художественных произведений М. Горького использованы в вербатиме как приметы того или иного периода в жизни главного героя, причем автора пьесы интересует автобиографический оттенок

отрывков. Во включениях художественного текста мы можем отследить ведущие мотивы творчества Горького и присущую им эмоциональность. В контексте вербатима реплики из пьес и повести Горького по умолчанию приобретают автобиографичность, хотя вне контекста вербатима автобиографическими не являются.

Вербатим М. Дурненкова «Солнце всходит» — это пример использования документальных средств для создания художественного эффекта множественности реальности и свидетельство того, что миф о Максиме Горьком не только не утратил своей актуальности, но и с развитием формата новой драмы приобретает дополнительные ресурсы для существования в мире русской литературы и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаева З.* Постдок : игровое / неигровое / З. Абдуллаева. — Москва : Новое литературное обозрение. — 2011. — 480 с.
2. *Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой / М. Ф. Андреева. — Москва : Искусство, 1961. — 720 с.
3. *Болотян И.* Вербатим / И. Болотян // Новый филологический вестник. — 2011. — № 2 (17). — С. 81—89.
4. *Болотян И.* Документальный театр вербатим : литературоведческий аспект / И. Болотян // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях : материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения», 12—14 мая 2009 г. — Москва : РЕМДЕР, 2009. — С. 43—48.
5. *Горький М.* Полное собрание сочинений: письма : в 24 томах / М. Горький. — Москва : Наука, 1997—... — Т. 1: Письма. 1888—1899. — 1997. — 702 с. ; Т. 2: Письма. 1900—1901. — 1997. — 480 с.
6. *Горький М.* Полное собрание сочинений: художественные произведения : в 25 томах / М. Горький. — Москва : Наука, 1968—1976. — Т. 7: Пьесы, драматические наброски, 1897—1906. — 1970. — 687 с.
7. *Журчева О. В.* Вербатим как механизм создания «новой документальности» в новейшей русской драме / О. В. Журчева // Филология и культура. — 2016. — № 3 (45). — С. 84—89.
8. *Забалуев В.* Verbatim / В. Забалуев, А. Зензинов // Октябрь. — 2005. — № 10. — С. 112—128.
9. *Крылов В. Н.* «Усталость» от вымысла, или о синтезе художественного и документального в литературе Серебряного века / В. Н. Крылов // Филология и культура. — 2012. — № 4 (30). — С. 23.
10. *Мамаладзе М.* Театр катастрофического сознания: о пьесах; философских сказках Вячеслава Дурненкова на фоне театральных мифов вокруг «новой драмы» [Электронный ресурс] / М. Мамаладзе. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/teatr-katastroficheskogo-soznaniya-o-pesah-filosofskih-skazkah-vyacheslava-durnenkova-na-fone-teatralnyh-mifov-vokrug-novoj-dramy.html>.

11. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. — Москва : Независимая газета, 1998. — 440 с.
12. Немирович-Данченко В. И. Избранные письма : в 2 томах / В. И. Немирович-Данченко. — Москва : Искусство, 1979. — Т. 1: 1879—1909. — 608 с.
13. Пришвин М. М. Дневники. 1932—1935 / М. М. Пришвин. — Санкт Петербург : Росток, 2009. — 1008 с.
14. Родионов А. Что такое verbatim [Электронный ресурс] / А. Родионов. — 01.02.2012. — Режим доступа : <http://www.teatrdoc.ru/stat.php?page=verbatim>.
15. Соловьева А. А. Язык драматического произведения. Техника Verbatim («Вербатим») / А. А. Соловьева // Вестник Вятского государственного университета. — 2010. — № 3. — С. 100—102.

DOCUMENTARY AS A MULTIPLE REALITY: VERBATIM “THE SUN RISES”

© **Victoria N. Skachkova (2020)**, orcid.org/0000-0001-8408-2573, SPIN 4079-2631, assistant, Department of Slavic Philology and Culture, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), bossvikoss@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of the mythopoetic structure of the documentary drama “The Sun Rises” related to the genre of verbatim and staged at the Moscow Art Theater (author M. Durnenkov, director V. Ryzhakov) for the 150th anniversary of M. Gorky. The relevance of the study is due to the need for further research on the social and aesthetic function of the verbatim - a play created on the basis of editing written documentary sources. A significant difference between the object of study and other forms of the “new drama” is that the verbatim text uses sources from the end of the nineteenth to the beginning of the twentieth centuries. The modern reception of M. Gorky's personality and work is not represented in it, there are no interviews with the participants of the performance and the audience, which, in general, complicates its perception, but at the same time increases its emotional component. The novelty of the study lies in the fact that for the first time it is indicated on the plot-compositional unity of the text of the play created by editing various documentary sources. The conceptual content of the verbatim “The Sun Rises” is revealed: the formation of the myth of M. Gorky and the artist, who was born in the public mind at the intersection of the writer's conflicting opinions about himself and his work with assessments of his creative personality by contemporaries and descendants. The object of study was the transcript of the text of the play, which used various types of documentary sources: the correspondence of M. Gorky with correspondents, literary and critical reviews of his works, reflecting the state of literary criticism of a certain historical period, memoirs of contemporaries in which real facts from the life of the writer are included by memoirist in the historical context, as well as fragments of the dramatic works of M. Gorky and his journalism.

Key words: verbatim; new drama; documentary; emotiveness; Gorky; documentary sources; artistic reality; text.

REFERENCES

Abdullaeva, Z. (2011). *Postdok: igrovoye / neigrovoye*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).

- Andreyeva, M. F. (1961). *Perepiska. Vospominaniya. Statyi. Dokumenty. Vospominaniya o M. F. Andreyevoy*. Moskva: Iskustvo. (In Russ.).
- Bolotyan, I. (2009). Dokumentalnyi teatr verbatim: literaturovedcheskiy aspekt. In: *Voprosy yazyka i literatury v sovremennykh issledovaniyakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Slavyanskaya kultura: istoki, traditsii, vaimodeystviye. X Yubileynyye Kirillo-Mefodievskiy cheniya», 12—14 maya 2009 g.* Moskva: REMDER. 43—48. (In Russ.).
- Bolotyan, I. (2011). Verbatim. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2 (17): 81—89. (In Russ.).
- Gorkiy, M. (1970). *Polnoye sobraniye sochineniy: khudozhestvennyye proizvedeniya. 7: Pyesy, dramaticheskiye nabroski, 1897—1906*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gorkiy, M. (1997). *Polnoye sobraniye sochineniy: pisma, 1/2*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Krylov, V. N. (2012). «Ustalost'» ot vymysla, ili o sinteze khudozhestvennogo i dokumentalnogo v literature Serebryanogo veka. *Filologiya i kultura*, 4 (30): 23. (In Russ.).
- Mamaladze, M. *Teatr katastroficheskogo soznaniya: o pyesakh; filosofskikh skazkakh Vyacheslava Durnenkova na fone teatralnykh mifov vokrug «novoy dramy»*. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/teatr-katastroficheskogo-soznaniya-o-pesah-filosofskikh-skazkah-vyacheslava-durnenkova-na-fone-teatralnykh-mifov-vokrug-novoy-dramy.html>. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (1998). *Leksii po russkoy literature*. Moskva: Nezavisimaya gazeta. (In Russ.).
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1979). *Izbrannyye pisma, 1: 1879—1909*. Moskva: Iskustvo. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2009). *Dnevnik. 1932—1935*. Sankt Peterburg: Rostok. (In Russ.).
- Rodionov, A. (2012). *Chto takoye verbatim*. Available at: <http://www.teatrdoc.ru/stat.php?page=verbatim>. (In Russ.).
- Solovyeva, A. A. (2010). Yazyk dramaticheskogo proizvedeniya. *Tekhnika Verbatim («Verbatim»)*. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3: 100—102. (In Russ.).
- Zabaluev, V., Zenzinov, A. (2005). Verbatim. *Oktyabr'*, 10: 112—128. (In Russ.).
- Zhurcheva, O. V. (2016). Verbatim kak mekhanizm sozdaniya «novoy dokumentalnosti» v noveyshey russkoy drame. *Filologiya i kultura*, 3 (45): 84—89. (In Russ.).

Чжан Линь. Семиотическая система одежды и украшений в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» / Чжан Линь, Чжэн Луянь // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 242—256. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-242-256.

Zhang Lin, Zheng Luyan. (2020). Semiotic System of Clothes and Decorations in Cao Xueqin's Novel "Red Tower Dream". *Nauchnyi dialog, 1*: 242-256. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-242-256. (In Russ.).

УДК 81'37:7.017.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-242-256

СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЙ В РОМАНЕ ЦАО СЮЭЦИНЯ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»¹

© **Чжан Линь (2020)**, orcid.org/0000-0001-7901-4533, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Цзянсуский научно-технологический университет (Чжэньцзян, КНР), 1442030815@qq.com.

© **Чжэн Луянь (2020)**, orcid.org/0000-0001-7936-092X, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Цзянсуский Второй педагогический институт (Нанкин, КНР), zhengluyan@hotmail.com.

Рассматриваются особенности представления системы одежды и украшений в одном из признанных вершиной китайской литературы произведений Цао Сюэциня «Сон в красном тереме». Отмечается, что к анализу данного романа в разных аспектах обращаются исследователи как в Китае, так и в России. Данная статья посвящена изучению одежды и украшений как знаковой системы в романе. Выявлено 173 разных слова и словосочетания, которые употребляются для обозначения одежды и украшений, в 44 главах из первых 80. На примере нескольких фрагментов описания одежды и украшений героев проанализированы их социальные и некоторые личностные характеристики. Сделаны выводы об особенностях представления костюма мужчины и женщины в романе, отражающем реалии древнего Китая. Показано, что детали одежды и украшений героев романа свидетельствуют об их сословной принадлежности, богатстве и роде занятий. Отмечается, что оригинальные описания костюма и украшений в романе могут отличаться от переводной версии, поэтому китайский читатель на основании лингвистических и экстралингвистических знаний о культуре одежды в древнем Китае может составить более точное и полное представление о социальных характеристиках героев, нежели русскоязычный читатель.

Ключевые слова: «Сон в красном тереме»; наименование одежды и украшений; семиотическая система; этнографическая специфика одежды.

1. Введение

Роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» является одним из четырех романов, которые в китайской литературной традиции признаны наиболее

1 Статья подготовлена при поддержке гранта департамента образования провинции Цзянсу № 2017SJB1105..

известными. Он был написан в конце XVIII века и за последние столетия многократно переиздавался. Известный востоковед-китаист Л. Н. Меньшиков, высоко оценивая данное произведение, писал: «“Сон в красном тереме” признается вершиной китайской литературы и одной из высочайших вершин мировой литературы вообще <...> Роман собрал в себе все великие достижения предшествующей китайской литературы вообще и романа, в частности. В нем есть и фантастика <...> и тщательные описания быта в его мельчайших деталях <...> и критическое нелицеприятное изображение нравов как богатых людей, так и бедняков» [Меньшиков, 1997, с. 5—20].

В России немало публикаций посвящено изучению данного романа: исследователи рассматривают влияние произведения на литературную традицию в Китае, его роль в творчестве современных авторов и попытки написать продолжение, а также восстановить потерянные главы романа [Колитенко, 2008а, 2008б; Меньшиков, 1997; Трунова, 2015, 2016 и др.]; российскими и китайскими учеными в статьях, написанных на русском и китайском языках, анализируется система образов героев, в том числе в сопоставительном аспекте с произведениями русской литературы [Олихова, 2012; Цзян, 2014; Юрьева и др., 2018 и др.]; рассматриваются национально-специфические реалии, получившие отражение в романе [Ершов, 1996; Лю, 2019 и др.]; комментируются особенности перевода [Ван, 2018; Волкова и др., 2016 и др.]; защищена диссертация, посвященная трагическим мотивам в романе [Гао, 2001].

В Китае изучение романа имеет давнюю традицию. Исследований, посвященных произведению Цао Сюэциня, было так много, что еще 200 лет назад появилось понятие «хунсюэ» (группа людей, которые изучают романа «Сон в красном тереме»), а в начале XX века «хунсюэ» стало настоящей серьезной междисциплинарной наукой [Энциклопедия ...]. В ее рамках роман изучался не только с филологической точки зрения, но и в историческом, экономическом, философском и других аспектах. Знакомясь с этим художественным текстом, читатели могут почерпнуть множество фактографических сведений о национальных реалиях древнего Китая: о китайской традиционной медицине, философии, религии, обычаях, например культуре потребления чая, и т. д. В конце XX века при Академии общественных наук в Пекине был создан Институт «Сна в красном тереме», во главе которого встал известный историк Фэн Ци-юн, который координировал научную деятельность по изучению романа [Меньшиков, 1997, с. 15—16].

Данная статья посвящена исследованию семиотической системы одежды и украшений в романе «Сон в красном тереме», поскольку внеш-

ния атрибутка, к которой и относятся эти предметы, является одной из наиболее важных составляющих повседневно-бытовой жизни героев произведения. Выявлено 173 слова и выражения для описания одежды и украшений в 44 главах из первых 80. В исследованных главах романа обнаруживается 28 контекстов, в которых автор подробно описывает одежду и украшения героев, в том числе 9 отрывков, где автор рассказывает об одежде главного героя Цзя Баоюй [Лю Цзин, 2014, с. 52]. Показательно, что в романе главные герои знатного происхождения ходят в одежде разнообразных фасонов, сшитых из редких тканей. Автор рассказывает об одежде и материалах, из которых она изготовлена, настолько подробно (в тексте множество таких номинаций), что это удивляет читателя. Столь скрупулезное описание одежды героев позволяет не только раскрыть их характеры и происхождение, но и представить этнографическую информацию о драгоценных тканях и украшениях в древнем Китае. Китайские исследователи утверждают, что названия одежды, тканей и украшений, упоминаемые в романе, не были придуманы Цао Сюэцинем, а действительно существовали и играли значимую роль в социальной идентификации человека, в частности в аспекте сословных различий. Так, изучив одно из наименований ткани, исследователь «хунсюэ» Ли Цяньхуа установил, что между семьей главного героя и императорским дворцом была тайная связь.

Таким образом, исследование семиотической системы одежды в романе “Сон в красном тереме” имеет значение как для понимания великого китайского произведения, так и для изучения этнографических особенностей древнего Китая.

2. Семиотика одежды и ее наименований

Семиотике одежды, ее описанию, вербальному воплощению зрительных образов из сферы моды посвящена одна из фундаментальных работ Ролана Барта [Барт, 2003]. Он полагает, что семиотическая система одежды реализуется в разных оригинальных структурах: «Я раскрываю журнал Моды и вижу, что передо мной две разных одежды. Одну мне показывают на фотографиях или рисунках, это одежда-образ. Другая — это та же самая одежда, но описанная, преобразованная в речь. <...> мы имеем дело с двумя оригинальными структурами, хотя и производными от систем более обычных — одна от языка, другая от образа» [Там же, с. 24]. Барт отмечал, что перед учеными, стоит исследовательская задача определить, «как люди придают смысл вещам» [Там же, с. 416].

Исследователь Т. В. Козлова в книге «Костюм как знаковая система» декодирует целостный «код костюма» и его семиотику, она рассматривает

костюм как систему, состоящую из знаков, несущих разную, в том числе социальную, информацию, создающих образы и ассоциации в сознании людей [Козлова, 1980].

Г. Г. Бондарчук в своей работе, посвященной семиотическим аспектам становления и развития категории наименований английской одежды, дифференцирует семиотическую функцию одежды и вторичную семиотическую функцию наименований одежды. Она пишет: «Естественно, что если отдельные члены категории одежды становились носителями семиотической функции, **наименования одежды**, используемые в разного рода **описаниях жизнедеятельности человека** (выделено автором Г. Г. Бондарчук. — *Ч. Л.; Ч. Л.*), тоже начинали ассоциироваться со всем тем, на что указывал данный предмет одежды <...> вторичная семиотическая (индексальная) функция явно прослеживается в целом ряде обозначений одежды (тогда, когда дефиниция этого предмета содержит данные о гендерных характеристиках личности, ее статусе и т. д.) и особенно четко — в ее описаниях внутри текста или дискурса» [Бондарчук, 2010, с. 31].

В настоящее время уже не вызывает сомнения важность применения семиотического подхода к изучению культурного наследия. Д. Чандлер в связи с этим отмечает: «Общество зависит от существования знаковых систем, кодов. Изучая культуру того или иного общества, семиотики относят к знакам любые объекты или действия, которые имеют значение для членов данной культуры, пытаясь определить правила или условности кода, на которых основывается создание смыслов в данной культуре» [Chandler, 2007, p. 148]. Ученый определяет код одежды как один из типов социальных кодов, поясняя это следующим образом: «Мы сообщаем (communicate) о типе своей социальной личности (social identity) посредством работы, которую мы выполняем, того, как мы говорим, через одежду, которую носим, нашу прическу, то, как и что мы едим, через домашнюю обстановку и вещи, которые нас в ней окружают, то, как мы проводим свободное время, то, как мы путешествуем, и т. д. Использование языка является ключевым маркером социальной личности» [Ibid., p. 153].

В древнем Китае одежда также была способна отражать социальную характеристику личности носителя. Фасон, узор, ткань и цвет одежды отдельно и в совокупности являлись знаками, которые передавали информацию, не вербализируя ее. Этикет ношения костюма устанавливался в соответствии с традициями или законом. Например, из ткани светло-красного, светло-желтого, фиолетового цветов было сделано бельё или одежда обыкновенных людей, а костюмы знати изготавливались из тканей других расцветок. Так, цвета одежды в династии Чжоу: голубой, красный, желтый, белый и чёр-

ный — считались каноническими. В династии Тан цветовая палитра тканей, из которых шилась одежда, дифференцировалась в зависимости от статуса человека: чиновники высшего, второго и третьего ранга носили костюмы фиолетового цвета; четвёртого и пятого ранга — красные; шестого и седьмого ранга — зелёного; восьмого и девятого ранга — голубого. Таким образом, в соответствии с цветом одежды идентифицировалось социальное положение человека, по цвету костюма сразу можно было определить ранг и даже должность чиновников [Ши Лэй и др., 2011, с. 91—92].

3. Одежда и украшения героев в романе «Сон в красном тереме»

Одежда и украшения в романе «Сон в красном тереме» позволяют читателю создать реалистичное представление об описываемой автором эпохе, дают возможность увидеть особенности культуры, быта, сословной дифференциации китайского этноса в прошлые столетия.

Для данного исследования выбраны фрагменты из романа, переведенного В. А. Панасюком, содержащие описания одежды и украшений мужчин и женщин. Наша задача состояла в том, чтобы выявить национальные особенности одежды и украшений как знаков и символов, несущих информацию о социальных и личностных характеристиках героев, и описать специфику данной семиотической системы.

Одежда и украшения мужчины. Пример извлечен из Главы 3, где описывается ситуация первой встречи главных героев Цзя Баоюй и Линь Дайюй. Детали одежды и украшений Цзя Баоюй (выделены в примерах полужирным курсивом) автор характеризует следующим образом:

*... узел его волос был схвачен **колпачком** из червонного золота, инкрустированным драгоценными камнями. Лоб чуть ли не до самых бровей скрывала **повязка** с изображением двух драконов, играющих жемчужиной. Одет он был в темно-красный парчовый **халат с узкими рукавами** и вышитым золотой и серебряной нитью узором из бабочек, порхающих среди цветов, перехваченный в талии вытканным цветом **поясом** с длинной бахромой в виде колосьев; поверх халата — темно-синяя **кофта** из японского атласа, с темно-синими, чуть поблескивающими цветами, собранными в восемь кругов, а внизу украшенная рядом кистей; на ногах черные атласные **сапожки** на белой подошве ... Шею украшало сверкающее **ожерелье** с подвесками из золотых драконов и великолепная яшма на сплетенной из разноцветных ниток тесьме* [Цао Сюэцинь, 2016, с. 95].

В этом абзаце мы выделили такие ключевые номинации одежды и украшений, как *колпачок*, *повязка*, *халат с узкими рукавами*, *кофта*, *сапожки* и *ожерелье*.

Надо отметить, что перевод В. А. Панасюка почти полностью передает смысл романа Цао Сюэциня. Однако при наличии культурных лакун невозможно найти эквиваленты для некоторых китайских слов, обозначающих одежду и украшения. Например, слово *колпачок* в русском языке является уменьшительным к слову *колпак*, который обозначает ‘головной убор остроконечной, овальной и т. п. формы’ [СлРЯ, т. 2, с. 78], который надевается на голову: *На голове у него [пекаря] был надет белый туго накрахмаленный колпак* (М. Горький. Двадцать шесть и одна) [Там же], что вступает в противоречие с сочетаемостью в китайском выражении: *узел его волос был схвачен колпачком* [Цао Сюэцин, 2016, с. 95]. В китайском оригинале этот предмет называется *гуань*, он действительно обозначает маленький головной убор, но не бывает остроконечным. В древнем Китае только мужчины носили гуань. Формы и материалы гуаня были разнообразными. Появился этикет ношения гуаня 3500 лет назад в династии Шан. Согласно правилам, в зависимости от ситуации и социального статуса люди должны были носить определенные гуани. В тексте волосы героя схвачены *колпачком из червонного золота, инкрустированным драгоценными камнями* (по-китайски *Цизинь гуань*). Для русского читателя такие маркеры, как червонное золото и драгоценные камни, являются свидетельствами богатства героя. Однако китайские читатели, увидя слова *Цизинь гуань*, извлекут больше информации о герое. Во-первых, они поймут, что герой находился в официальной обстановке и поэтому носил гуань, а во-вторых, что он имел высокий статус, поскольку гуань такого фасона обычно носили принцы и молодые командиры [Энциклопедия ...].

Вместе с *колпачком* (гуань) герой *носит повязку с изображением двух драконов, играющих жемчужиной*. Как царь животных в китайской мифологии дракон служил символом императорской власти. В династии Цин (1664—1911), в период правления которой автор писал свой роман, простые люди не могли ходить в одежде с изображением дракона. По закону только император и некоторые дворяне могли носить такую одежду. Драконы, вытканные на одежде, были разделены на разные ранги. Например, император мог использовать изображение золотого дракона, лапа которого имела пять пальцев. Князь — изображение дракона, лапа которого имела четыре пальца, и т. д. В романе на повязке главного героя Цзя Баоюй есть изображение дракона — значит, автор намекает на то, что Цзя Баоюй является дворянином, который обладает высоким общественным статусом.

Сравнивая русский перевод романа с оригинальной версией, заметим, что словосочетание *халат с узкими рукавами* не полностью передает смысл, заключенный в оригинале. Китайским автором употреблён

термин *цзяньсю* (рукав-стрелка). Это особый фасон рукава: узкий обшлаг, покрывающий тыльную сторону руки. Халат с «цзяньсю» (рукав-стрелка) представлял собой традиционную одежду маньчжуров, которые надевали этот костюм как парадный только в официальной обстановке. Как мы отмечали выше, ношение костюма закреплялось не только традиционно, но и законодательно, так, например: «Реформа Цяньлуна, официально направленная на предотвращение смешения китайцев и маньчжур, на первых порах закрепила дифференциацию самобытного маньчжурского костюма и традиционного китайского костюма» [Николаева, 2006, с. 12—13].

Пояс с длинной бахромой в виде колосьев, которым перехвачен халат героя, также заслуживает внимания: технология шитья этого пояса очень сложная, его, конечно, носили только дворяне, и выполнял он функцию украшения.

Интересно, что в языковом сознании русских и китайцев кофта, в которой ходит герой (*поверх халата — темно-синяя кофта из японского атласа, с темно-синими, чуть поблескивающими цветами, собранными в восемь кругов, а внизу украшенная рядом кистей* [Цао Сюэцинь, 2016, с. 95]), представляется по-разному. В русском толковом словаре *кофта* — это ‘короткая (обычно до пояса или до бедер) женская одежда’ [СлРЯ, т. 2, с. 116], хотя кофты в настоящее время носят и мужчины (ср. названия рекламных страниц: Мужские кофты в магазине LAMODA, Мужские кофты Paul & Shark и др.). В любом случае ношение кофты русским человеком не является свидетельством его особого социального статуса как в настоящее время, так и в прошлые века. Напротив, в древнем Китае кофта понимается как короткая верхняя одежда, которую, во-первых, носят не только женщины, но и мужчины, а во-вторых, ее ношение свидетельствует о материальной состоятельности человека. Китайские исследователи обращают больше внимания на ткань этой кофты героя романа — *японский атлас*. Японию и Китай разделяет море, и доставка товаров морским путем во времена написания романа составляла большую трудность. И хотя китайцы быстро овладели технологией производства японского атласа, тем не менее эта ткань была редкой и дорогой. Следовательно, шить из нее одежду могли только состоятельные люди, у простых людей не было возможности даже увидеть такую дорогую ткань.

О принадлежности Цзя Баоюй к состоятельному классу свидетельствует и его обувь. *Сапоги* небогатого человека в древнем Китае были обычно кожаные и валяные, потому что обувь из таких материалов более прочная. А на ногах героя мы видим *черные атласные сапожки на белой подошве*.

В такой обуви невозможно работать или много ходить, поэтому очевидно, что жизнь героя очень комфортна.

Украшение, которое носит Цзя Баюй, — *ожерелье с подвесками из золотых драконов* — еще одно свидетельство высокородного происхождения героя. Однако отметим, что в оригинальном тексте автор употребляет не слово 龙 (лун), а слово 螭 (чи), хотя традиционно принято дракона называть лун. Как уже говорилось выше, драконы делятся на разные ранги, и их изображение на костюме свидетельствует о сословной принадлежности его владельца. Помимо того, дракон, согласно китайской легенде, имеет 9 сыновей, и Чи является одним из них. Он представляет собой бога горы и выглядит как дракон без рога, поэтому в системе символов драконов Чи по положению ниже, чем Лун. Он высокородный, но не такой, как другие драконы.

Кроме того, шею Цзя Баюй украшает *великолепная яшма на сплетенной из разноцветных ниток тесьме*. Российский исследователь Д. В. Ершов считает, что в Китае существует специфическая «культура яшмы» и роман «Сон в Красном Тереме» может служить источником для ее изучения [Ершов, 1996]. В первом древнем китайском словаре «Шовэнь цзецзы», составленном в эпоху Хань автором Сюй Шэнем, слово *яшма* толковалось как ‘красивый камень, который имеет пять качеств: вежливость (цвет яшмы нежный), честность (яшма полупрозрачная, можно видеть всё внутри её), мудрость (когда ударить на яшму, раздаётся приятный звук.), смелость (яшма твердая) и доброта (когда яшма разбита, разлом ее не острый и не ранит других)’ [Шовэнь цзецзы]. Как видим, камень являлся символом исключительно положительных качеств человека, поэтому интеллигенты в древнем Китае использовали яшму как украшение одежды, чтобы показать, что обладают всеми качествами, которые олицетворяет этот камень.

Таким образом, одежда и украшения, которые носит герой, символичны, они свидетельствуют о социальном статусе героя, его материальном положении, роде занятий.

Одежда и украшения женщины. Пример 2 извлечен также из Главы 3, в той ее части, где говорится, как Линь Дай-юй встретила с другой героиней романа Ван Сифэн. Описание внешности последней мы и проанализируем далее. Оно представлено следующим образом:

*Волосы, стянутые узлом, были перевиты **нитями** жемчуга и заколоты пятью жемчужными **шпильками** в виде фениксов, обративших взоры к сияющему солнцу, на шее — **ожерелье с подвесками, изображающими свернувшихся в клубок золотых драконов. Атласная кофта, вытканная***

яркими цветами и золотыми бабочками. Поверх кофты — **накидка** из темно-серого, отливающего серебром, набивного шелка и креповая **юбка** с цветами по зеленому полю [Цао Сюэцинь, 2016, с. 79].

Как **колпачок** (гуань) — головной убор для мужчин — свидетельствует о социальном статусе китайца, так и женские украшения для волос заявляют о социальном статусе китайки. В древнем Китае в соответствии с функцией и фасоном женские украшения для волос делились на 7 групп, каждая из них имела специальное наименование (笄,簪,钗,华胜,步摇,篦,钿). **Шпилька для волос** являлась одним из таких украшений. В тексте на русском языке волосы Ван Сифэн **заколоты** пятью жемчужными **шпильками** в виде фениксов, обративших взоры к сияющему солнцу. Для китайских исследователей и читателей описание этого украшения имеет особый смысл. Украшение представляет собой одну большую шпильку, на которой сидят 5 фениксов, и на клюве каждого феникса висят одни бусы. Это украшение уникальное, признак роскоши, его носит только Ван Сифэн, потому что, во-первых, значение её имени «пышный феникс», следовательно, эта шпилька, очевидно, специально сделана для неё; во-вторых, феникс в китайской мифологии — это «король птиц», следовательно, и Ван Сифэн фактически правит домом, она носит столь великолепную шпильку для того, чтобы продемонстрировать свою власть. В то же время данное украшение способно отражать и ее открытый характер.

Кроме того, на шее Ван Сифэн носит **ожерелье с подвесками, изображающими свернувшихся в клубок золотых драконов**. Подобное ожерелье носит и герой Цзя Баоюй. Здесь опять автором упоминается не настоящий дракон, а сын дракона — Чи, что служит доказательством того, что Ван Сифэн занимает довольно высокое социальное положение, такое же, как и главный герой Цзя Баоюй.

После описания шпильки в оригинальном тексте упомянуто еще два украшения на поясе героини, однако в тексте на русском языке почему-то эти описания пропущены. Может быть, переводчик посчитал, что это маленькие украшения, а потому неважные, однако в китайской культуре они значимы, поскольку являются символами дворянского статуса. Первое украшение, не названное в русском переводе, — это длинный и сложный узел (китайский узел), второе украшение — это яшма в виде розы. Яшма (как было показано выше, на примере описания внешности мужчины) и узел способны отражать высокий вкус носителя.

Кофта Ван Сифэн, как мы видим из описания внешности героини, **атласная и вытканная яркими цветами и золотыми бабочками**, где золотые бабочки действительно сделаны из золота. В тексте на китайском языке

автор использовал термин 缕金 (люэцзинь) для обозначения сложной технологии вышивки: нить накрывается тонкой золотой фольгой и становится золотой, затем такой (безусловно, дорогостоящей) нитью вышивается узор. Мы полагаем, что кофта Ван Сифэн сияет цветом золота, следовательно, одежда должна быть очень красивая и богатая, что свидетельствует о высокородном происхождении героини.

Поверх кофты, как мы видим из текста, на Ван Сифэн надета *накидка из темно-серого, отливающего серебром набивного шелка*. Такая накидка представляет собой одну из самых дорогих одежд, описанных в данном романе. При этом важно учитывать, что русский перевод романа в этом месте немного отличается от текста оригинала. Так, в китайском варианте ткань накидки не просто набивная. В этом месте романа автор использует термин технологии производства шелка — 刻丝 (кэси), это означает, что узор на шелке не вышитый, а тканый, одинаковый на лицевой и внутренней сторонах. На обыкновенной ткани основная нить и уточная нить вместе создают узор, но на шелке, вытканном по технологии 刻丝 (кэси), только уточная нить используется для создания узора. Такой шелк может быть создан только ручным способом. Он дорогой, как золото. В данном романе только несколько персонажей имеют одежду из этого шелка, при этом лицевая часть накидки, которую носит героиня, сделана из редкого драгоценного синего кэси — шелка с разноцветным узором, а подкладка накидки — из горностаевого меха. В отличие от культуры ношения меха в современном мире, у древних китайцев было принято использовать мех как подкладочный материал. Считалось, что так теплее, к тому же это более соответствует приличиям.

Итак, в приведенном примере упоминается два уникальных предмета: *шпильки в виде пяти фениксов* и кэси — *накидка с мехом*. Отметим, что такую накидку могли носить только члены императорской семьи. В связи с этим многие китайские исследователи выдвигают версию, что семья Ван Сифэн не обычные дворяне, а чиновники, имевшие тесную связь с императорской семьей. Более того, можно предположить, что они управляли ткацким делом при императорском дворе, поскольку очевидно, что шпилька и накидка, которые принадлежат Ван Сифэн, не продаются ни в каких магазинах, они изготовлены специально для героини. Ткани её костюма (атлас, шелк, креп) дорогие и редкие. Изображение дракона и феникса, как и узел (не упомянутый в русском переводе), а также яшма показывают высокий статус Ван Сифэн в семье. Однако, помимо социальных характеристик героини, особенности костюма способны отражать и ее изысканный вкус, и открытый характер, о чем свидетельствуют яркие цвета, которые она выбирает для своего костюма.

Таким образом, описание в романе одежды как женщин, так и мужчин играет значимую роль с точки зрения идентификации социального статуса и личностных характеристик героев произведения.

5. Заключение

Исследование в семиотическом аспекте одежды и украшений в романе «Сон в красном тереме» позволяет сделать ряд выводов. Так, в анализируемом произведении подробное описание внешнего вида героев способно отражать этнографическую специфику древнего Китая. Предметы одежды и украшений, которые носят персонажи романа, являются знаками и символами, образующими семиотическую систему, поскольку особенности внешности героев в их комплексном описании создают представление об их сословном положении, материальном состоянии, профессиональной принадлежности и даже о характере героев романа. При этом автором, с одной стороны, создается некий образ (= фотография героя) путём цельного описания внешности персонажей (читатель может нарисовать в своем сознании картинку, не анализируя с лингвистических позиций используемые для описания слова). С другой стороны, посредством включения автором в рассказ специфических терминов языковая репрезентация внешности героев уточняется, конкретизируется, что позволяет внимательному читателю создать более реалистичное представление о людях, живших в предшествующие эпохи (изображения дракона и феникса, этикет ношения колпачка, фасоны костюмов, культура ношения яшмы, драгоценные ткани и др. позволяют читателю получить более точную информацию о социальных и личностных характеристиках героев).

Таким образом, можно полагать, что роман «Сон в красном тереме» имеет не только художественную ценность, но и большое значение для извлечения из него этнографических сведений о древнем Китае, в частности, семиотическая система одежды и украшений раскрывает некоторые особенности повседневной жизни китайских дворян в прошлые столетия.

Источники и принятые сокращения

1. СлРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
2. Цао Сюэцин. Сон в Красном Тереме / перевод на русский В. Панасюка. — Пекин : Издательство «Народная литература», 2016. — Том 1. — 477 с.
3. Шовэнь цзецзы [Электронный ресурс].. — Режим доступа : <http://shuowen.chaziwang.com/shuowen-465.html>. (說文解字).
4. Энциклопедия Baidu [Электронный ресурс].. — Режим доступа : <https://baike.baidu.com/item/红学/153409?fr=aladdin>. (百度百科).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт ; пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2003. — 512 с.
2. *Бондарчук Г. Г.* Семиотические аспекты становления и развития категории английских наименований одежды / Г. Г. Бондарчук // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. — 2010. — Выпуск 577. — С. 11—84.
3. *Ван М.* Роман Цао Сюэцзиня «Сон в красном тереме» : трудности перевода / Ван М. // Вестник современных исследований. — 2018. — № 5.1 (20). — С. 605—608.
4. *Волкова Ю. С.* Особенности перевода наименований предметов и явлений традиционного быта в романе Цао Сюэцзиня «Сон в красном тереме» / Ю. С. Волкова, Т. В. Привороцкая // Вестник Науки и Творчества. — 2016. — № 10 (10). — С. 52.—57.
5. *Гао Х.* Трагические мотивы в романе «Сон в красном тереме» : диссертация ... кандидата филологических наук / Гао Х. — Москва, 2001. — 167 с.
6. *Ершов Д. В.* Роман «Сон в красном тереме» как источник для изучения бытования «яшмы» в Китае / Д. В. Ершов // Известия Восточного института. — 1996. — № 3. — С. 265—271.
7. *Козлова Т. В.* Костюм как знаковая система / Т. В. Козлова. — Москва : МТИ им. Косыгина, 1980. — 68 с.
8. *Колитенко Е. Е.* Роман «Сон в красном тереме» : некоторые аспекты культуры Китая / Е. Е. Колитенко // Известия Восточного института. — 2008а. — № 15. — С. 128—132.
9. *Колитенко Е. Е.* «Сон в красном тереме» в освещении современных китайских исследователей / Е. Е. Колитенко // Евразийский журнал региональных и политических исследований. — 2008б. — № 13 (144). — С. 149—155.
10. *Лю Б.* Когнитивная интерпретация устройства сада роскошных зрелищ и перевод ее описания на русский язык (Цао Сюэцзиня «Сон в красном тереме») / Лю Б. // Иностранные языки в высшей школе. — 2019. — № 1 (48). — С. 87—97.
11. *Меньшиков Л. Н.* Роман «Сон в красном тереме» — вершина китайской классической литературы / Л. Н. Меньшиков // Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. — Москва, 1997. — Т. 1. — С. 5—20. — Режим доступа : <http://philology.ru/literature/4/menshikov-97.htm>.
12. *Николаева В. Б.* Маньчжурский костюм эпохи династии Цин : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук: 24.00.01 / В. Б. Николаева. — Улан-Удэ, 2006. — 21 с.
13. *Олихова Е. О.* Ценностно-функциональный аспект образа матери в культуре средневекового Китая (на примере романа «Сон в красном тереме» / О. Олихова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 644. — С. 199—208.
14. *Трунова А. С.* Китайский классический роман «Сон в красном тереме» и его продолжения / А. С. Трунова // Вестник Российского нового университета. Серия : Человек в современном мире. — 2016. — № 2. — С. 29—37.
15. *Трунова А. С.* Роман «Сон в красном тереме» как источник вдохновения для современных китайских эссеистов / А. С. Трунова // Общество и государство в Китае. — 2015. — Т. 45. — № 2. — С. 330—341.

16. Цзян С. Анализ образов главных героев в произведениях «Война и мир» и «Сон в красном тереме» / Цзян С. // Интерпретация текста : лингвистический, литературоведческий и методический аспекты VII Международная научная конференция / под редакцией Г. Д. Ахметовой. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2014. — С. 37—39.

17. Юрьева О. Ю. Женские образы в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в свете идей китайской философии / О. Ю. Юрьева, Ван Ланьцзюй // Казанская наука. — 2018. — № 11. — С. 54—57.

18. Chandler D. Semiotics. The Basics / D. Chandler. — London, New York : Routledge, 2007. — 307 p.

19. 刘婧. 社会符号学视域下《红楼梦》文化内容的英译 / 婧刘. — 北京 : 中央编译出版社, 2014. — 272 页. (Лю Цзин. Исследование перевода культурных ключевых слов в романе «Сон в красном тереме» на английском языке в социально-семиотическом аспекте / Лю Цзин. — Пекин : Издательство перевода и редактирования ЦК, 2014. — 272 с.)

20. 时蕾. 我国传统龙纹服饰文化 / 时蕾, 梁惠娥 // 纺织导报. — 北京 : 中国纺织信息中心, 2011. — № 3. — 第 91—92 页. (Ши Лэй. Китайский традиционный узор с изображением Дракона на одежде / Ши Лэй, Хуйэ Л. // Вестник текстиля. — Пекин : Издательство китайского центра по информации текстиля, 2011. — № 3. — С. 91—92.)

SEMIOTIC SYSTEM OF CLOTHES AND DECORATIONS IN CAO XUEQIN'S NOVEL "RED TOWER DREAM"¹

© **Zhang Lin (2020)**, orcid.org/0000-0001-7901-4533, PhD in Philology, senior lecturer, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China), 1442030815@qq.com.

© **Zheng Luyan (2020)**, orcid.org/0000-0001-7936-092X, PhD in Philology, senior lecturer, Jiangsu Second Normal University (Nanjing, China), zhengluyan@hotmail.com.

The article discusses the features of the presentation of the clothing and jewelry system in one of the works of Cao Xueqing, "Red Tower Dream", recognized by the top of Chinese literature. It is noted that the analysis of this novel is addressed in different aspects by researchers both in China and in Russia. This article is devoted to the study of clothing and jewelry as a symbolic system in the novel. 173 different words and phrases that are used to designate clothes and jewelry were identified in 44 chapters of the first 80. Using several fragments of the description of the clothes and jewelry of the heroes as an example, their social and some personality characteristics were analyzed. Conclusions are drawn about the peculiarities of the presentation of the costume of a man and a woman in a novel reflecting the realities of ancient China. It is shown that the details of clothing and jewelry of the heroes of the novel testify to their estate, wealth and occupation. It is noted that the original descriptions of the costume and jewelry in the novel may differ from the translated version, so the Chinese reader, based on linguistic and extralinguistic knowledge about the culture of clothing in ancient China, can provide a more accurate and complete picture of the social characteristics of the characters than the Russian-speaking reader.

1 This article was supported by a grant from the Jiangsu Department of Education № 2017SJB1105 (江苏省高校哲学社会科学研究基金项目).

Key words: "Red Tower Dream"; name of clothes and jewelry; semiotic system; ethnographic specifics of clothing.

MATERIAL RESOURCES

Entsiklopediya Baidu. Available at: <https://baike.baidu.com/item/红学/153409?fr=aladdin>. (In Chin.).

Shoven' tszetszy. Available at: <http://shuowen.chaziwang.com/shuowen-465.html>. (In Chin.).

SIRYA — Evgenyeva, A. P. (ed.) (1999). *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.).

Tsao, Syuetsin'. (2016). *Son v Krasnom Tereme, 1*. Pekin: Izdatelstvo «Narodnaya literatura». (In Russ.).

REFERENCES

- Bart, R. (2003). *Sistema Mody. Statyi po semiotike kultury*. Moskva: Izdatelstvo im. Sabashnikovykh. (In Russ.).
- Bondarchuk, G. G. (2010). Semioticheskiye aspekty stanovleniya i razvitiya kategorii angliyskikh naimenovaniy odezhdy. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*, 577: 11—84. (In Russ.).
- Chandler, D. (2007). *Semiotics. The Basics*. London, New York: Routledge.
- Ershov, D. V. (1996). Roman «Son v krasnom tereme» kak istochnik dlya izuchenii bytovaniya «yashmy» v Kitaye. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 3: 265—271. (In Russ.).
- Gao, H. (2001). *Tragicheskiye motivy v romane «Son v krasnom tereme»: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Kolitenko, E. E. (2008a). Roman «Son v krasnom tereme»: nekotoryye aspekty kultury Kitaya. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 15: 128—132. (In Russ.).
- Kolitenko, E. E. (2008b). «Son v krasnom tereme» v osveshchenii sovremennykh kitayskikh issledovateley. *Evraziyskiy zhurnal regionalnykh i politicheskikh issledovaniy*, 13 (144): 149—155. (In Russ.).
- Kozlova, T. V. (1980). *Kostyum kak znakovaya sistema*. Moskva: MTI im. Kosygina. (In Russ.).
- Liu, B. (2019). Kognitivnaya interpretatsiya ustroystva sada roskoshnykh zrelishch i perevod yeye opisaniya na russkiy yazyk (Tsao Syuetsinya «Son v krasnom tereme»). *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole*, 1 (48): 87—97. (In Russ.).
- Liu, J. (2014). *Issledovaniye perevoda kulturnykh klyuchevykh slov v romane «Son v krasnom tereme» na angliyskom yazyke v sotsialno-semioticheskom aspekte*. Pekin: Izdatelstvo perevoda i redaktirovaniya TsK. (In Chin.).
- Menshikov, L. N. (1997). Roman «Son v krasnom tereme» — vershina kitayskoy klassicheskoy literatury. In: Tsao Syue-tsin'. *Son v krasnom tereme, 1*. Moskva. 5—20. Available at: <http://philology.ru/literature4/menshikov-97.htm>. (In Russ.).
- Nikolayeva, V. B. (2006). *Manzhurskiy kostyum epokhi dinastii Tsin: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk*. Ulan-Ude. (In Russ.).
- Olikhova, E. O. (2012). Tsenostno-funktsionalnyy aspekt obraza materi v kulture srednevekovogo Kitaya (na primere romana «Son v krasnom tereme»). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 644: 199—208. (In Russ.).

- Shi, L., Liang, H. (2011). Kitayskiy traditsionnyy uзор s izobrazheniem Drakona na odezhde. *Vestnik tekstilya*, 3. Pekin: Izdatelstvo kitayskogo tsentra po informatsii tekstili. 91—92. (In Chin.).
- Trunova, A. S. (2015). Roman «Son v krasnom tereme» kak istochnik vdokhnoveniya dlya sovremennykh kitayskikh esseistov. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye*, 45 (2): 330—341. (In Russ.).
- Trunova, A. S. (2016). Kitayskiy klassicheskiy roman «Son v krasnom tereme» i yego prodolzheniya. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennoy mire*, 2: 29—37. (In Russ.).
- Jiang, S. (2014). Analiz obrazov glavnykh geroyev v proizvedeniyakh «Voyna i mir» i «Son v krasnom tereme». In: *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Chita: Zabaykalskiy gosudarstvennyy universitet. 37—39. (In Russ.).
- Wang, M. (2018). Roman Tsao Syuetsinya «Son v krasnom tereme»: trudnosti perevoda. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 5.1 (20): 605—608. (In Russ.).
- Volkova, Yu. S., Privorotskaya, T. V. (2016). Osobennosti perevoda naimenovaniy predmetov i yavleniy traditsionnogo byta v romane Tsao Syuetsinya «Son v krasnom tereme». *Vestnik Nauki i Tvorchestva*, 10 (10): 52.—57. (In Russ.).
- Yuryeva, O. Yu., Van, L. (2018). Zhenskiye obrazy v romane L. N. Tolstogo «Voyna i mir» v svete idey kitayskoy filosofii. *Kazanskaya nauka*, 11: 54—57. (In Russ.).

Шастина Е. М. Функционирование литературных антропонимов в произведениях Э. Канетти и К. Хоффера / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 257—269. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-257-269.

Shastina, E. M., Kazakova, Ju. K. (2020). Functioning of Literary Anthroponyms in the Works by E. Canetti and K. Hoffer. *Nauchnyi dialog, 1*: 257-269. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-257-269. (In Russ.).

УДК 821.112.2Canetti.08+821.112.2Hoffer.08+81'373.23

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-257-269

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ АНТРОПОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. КАНЕТТИ И К. ХОФФЕРА

© **Шастина Елена Михайловна (2020)**, orcid.org/0000-0001-9551-5469, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Елабуга, Россия), e.shastina2104@gmail.com.

© **Казакова Юлия Константиновна (2020)**, orcid.org/0000-0002-1406-9899, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и основ межкультурной коммуникации, Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Елабуга, Россия), kazakova696@gmail.com.

Исследуются произведения австрийских писателей Элиаса Канетти «Недреманное ух. 50 характеров» («Der Ohrenzeuge. 50 Charaktere») и Клауса Хоффера «У биршей» («Bei den Bieresch»). Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления литературного процесса Австрии второй половины XX века. Выполнен обзор существующих точек зрения относительно значимости анализируемых произведений в творчестве обоих авторов и в современной австрийской словесности. Отмечается дискуссионный характер жанровой принадлежности книги Канетти и своеобразие поэтики романа Хоффера. Авторы статьи исходят из того, что произведение Канетти представляет собой «коллекцию» литературных миниатюр, роман Хоффера может рассматриваться в качестве примера начального этапа развития немецкоязычной постмодернистской литературы. Привлекаются к рассмотрению повествовательные стратегии, используемые Канетти и Хоффером для создания сюрреалистического контекста и «фантастической реальности». Авторы останавливаются на исследовании функционирования литературных антропонимов в текстовом пространстве произведений. Доказано, что вымышленный ономастикон участвует в создании смысловой многомерности художественного текста. В романе Хоффера прослеживается заимствованный у Канетти способ создания словесного образа с обогащенной контекстной семантикой при помощи имен собственных. За рамками статьи остается переводческий аспект.

Ключевые слова: Элиас Канетти; Клаус Хоффер; литературный антропоним; окказиональный ономастикон; поэтика; жанр; повествовательные стратегии.

1. Введение

Австрийская литература XX века, как, впрочем, любая другая литература этого периода, дала миру авторов, которые неоднозначностью собственного мировидения заставляют читателя вновь и вновь задумываться о дне минувшем, осознавать настоящее и, быть может, «преодолевать» грядущее, усматривая в нем черты ранее изведенного. К их числу, несомненно, можно причислить лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (Elias Canetti, 1904—1994) и современного австрийского писателя Клауса Хоффера (Klaus Hoffer, род. 1942), автора одного из первых произведений немецкоязычной литературы, обозначивших «вхождение» в постмодернистский контекст [Ortheil, 1994, S. 134].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, с одной стороны, привлечь внимание к творчеству самобытных авторов — Элиаса Канетти и Клауса Хоффера, которым, несмотря почти на полувековое несовпадение, удалось представить образы эпохи, подметить главные черты человеческого характера в меняющемся мире. С другой стороны, представляется важным проследить нити, которые соединяют авторов, выявить сходство в манере повествования двух австрийских писателей. Исследование особенностей поэтики Канетти и Хоффера представляется продуктивным для выявления общих закономерностей развития австрийской литературы второй половины XX века.

Речь идет о книге миниатюр Канетти «Недреманное ухо. 50 характеров» («Der Ohrenzeuge. 50 Charaktere») [Canetti, 1995] и о романе Хоффера «У бирешей» («Bei den Bieresch») [Hoffer, 1979—1983]. Далее в статье будут проанализированы особенности функционирования словесных образов с обогащенной контекстной семантикой, созданной при помощи окказиональных онимов. Вымышленный ономастикон способствует возникновению смысловой многомерности текста, является средством воплощения авторской интенции и Канетти, и Хоффера. Остановимся более подробно на художественной номинации, к которой прибегают оба автора, когда придумывают для своих «персонажей» имена, на первый взгляд, незамысловатые, но предельно емкие по своей семантике.

За рамками данной статьи остается переводческий аспект, который мог бы быть проиллюстрирован переводами на русский язык, выполненными С. Власовым («Недреманное ухо. 50 характеров» [Канетти, 1990] и Г. Потаповой («У бирешей») [Хоффер, 2017].

Следует отметить, что под *литературным антропонимом* понимается художественная номинация посредством имени собственного, в то время как термин *окказиональный / вымышленный ономастикон* используется

в данной работе как характеризующий в большей степени идиостиль художника. В научных трудах проблема функционирования антропонимов рассматривалась с позиций лингвистической прагматики и ономастики [Гарагуля, 2009], с учетом семантических и функциональных характеристик антропонимов, проявляющихся в художественном тексте [Исаева, 2012] и др. В настоящей статье выявляется художественный потенциал литературных антропонимов в произведениях Канетти и Хоффера.

Творчество Канетти неоднократно являлось объектом исследования как в зарубежном, так и в российском литературоведении. В настоящий момент поводом для разговора о Канетти становятся публикации его эпистолярного наследия, которые добавляют штрихи к портрету классика австрийской литературы [Canetti, 2018 и др.], а также успешно реализуемые проекты, направленные на популяризацию его творчества у современных читателей [Projekt ..., 2016]. Ранее уже поднимался вопрос о жанровом своеобразии книги «Недреманное ухо. 50 характеров», обосновывалась принадлежность «характеров» к такой разновидности малой прозаической формы, как литературная миниатюра [Шастина, 2016].

История изучения творчества Хоффера значительно скромнее. Фундаментальными на сегодняшний день по-прежнему остаются исследования зарубежных ученых Р. Ландфогта [Landvogt, 1990], М. Напечниг [Napetschnig, 1998], С. Кройцер [Kreuzer, 2007]. В российский научный дискурс одним из первых Хоффера ввел Н. В. Гладилин, по мнению которого роман «У бирешей» является важной вехой, обозначившей смену парадигмы в немецкоязычном культурном пространстве, поскольку он «в изрядной мере подготовил почву для дальнейшего развития немецкой постмодернистской литературы» [Гладилин, 2010, с. 119; Гладилин, 2012].

В 2017 году роман Хоффера «У бирешей» [Хоффер, 2017] вышел в издательстве «Симпозиум» на русском языке, сам этот факт свидетельствует о значимости данного произведения не только для австрийской литературы. Сопоставительный анализ поэтики произведений Канетти и Хоффера осуществляется впервые.

2. Элиас Канетти «Недреманное ухо. 50 характеров»

Опубликованная в 1974 году книга «Недреманное ухо. 50 характеров» вызвала неоднозначную оценку литературоведов. Как и полагается, ученые отмечают достоинства и недостатки этого небольшого по объему произведения. Высказывается мнение, что на фоне других текстов автора эта книга явно проигрывает, следовательно, должна занять скромное место в числе «второстепенных» произведений Канетти.

В частности, отмечается, что представленным на обозрение характерам не хватает социального контекста и психологизма [Pörksen, 1974, S. 845], что, увлекшись портретами параноиков, автор предлагает однобокую картину современников [Reinisch, 1975, S. 884] и т. д. О достоинствах книги пишет В. Фрювальд [Frühwald, 1996, S. 72], когда указывает на принадлежность «характеров» к малой литературной форме. Отмечается также, что критика не оценила по достоинству «реалистическое начало» произведения, которое, достигнув кульминационного момента, переходит в фантастическое [Allemann, 1985, S. 237].

Априори можно утверждать, что Канетти в «Недреманном ухе» продолжает традиции Теофраста (319 г. до н. э.) и его последователя Жана де Лабрюйера (1645—1696), известных тем, что «коллекционировали» характеры, воплотившие человеческие пороки того времени, в котором они жили. Художественное своеобразие канеттиевских характеров указывает на принадлежность к литературной миниатюре, которая как жанровая разновидность обладает отличительными признаками: малым объемом, информационной насыщенностью, художественной завершенностью и целостностью. Рассуждая о жанровом своеобразии книги, исследователи акцентируют внимание на жанровой разновидности малой прозы — миниатюре. Так, Р. Зорг называет «50 характеров» Канетти «сюрреалистическими миниатюрами» [Sorg, 2010, S. 153], по мнению другого ученого, это своеобразные «виньетки» [Leroy du Cardonnay, 2002, S. 72]. П. фон Матт видит в характерах «физиогномические миниатюры», обладающие «бурлесковой пластичностью», «сатирической остротой» и своеобразным «сюрреалистическим накалом» [Peter von Matt, 2016]. Кроме того, очевидно, что пятьдесят характеров являются синтетическими фигурами, и, следовательно, значение этих образов следует искать в метафорическом контексте, что, несомненно, свидетельствует о художественных достоинствах произведения [Steussloff, 1994, S. 249].

Своеобразие стиля автора «Недреманное ухо. 50 характеров» наблюдается уже на уровне заголовка. Ономастические единицы в заглавии выполняют не только функцию называния характеров, им отведена важная текстообразующая функция, они служат своеобразной экспозицией, настраивающей читателя на разгадывание ребуса, поскольку очевидно, что отдельные онимы становятся понятными лишь после прочтения всего текста: *Имялиз*, *Своеподарочница*, *Слезогрей*, *Славоцуп*, *Археократка*, *Теряльщик*, *Попорченная*, *Смиренный путь*, *Звездосветная*, *Дёргалыщик*, *Черта-с-два* и т. д.

Слепой (Der Blinde) не расстанется ни при каких обстоятельствах с камерой, при помощи которой создает вокруг себя новую визуальную

реальность. В *Переносчике* (Der Hinterbringer) легко узнать того, кто не преминет донести до каждого всякого обидное слово: *Советы его того сорта, что страх жертвы возрастает* [Канетти, 1990, с. 227]. Канетти создает для каждого характера среду, при помощи контекста он «приземляет» типизированный образ, для чего прибегает к вещной конкретике: у *Своеподарочницы* — это подарки, у *Хрустальных Уст* — золотые весы, у *Слепого* — фотографии, у *Бумажного Пьяницы* — книги, у *Боготряса* — Библия, у *Дёргальщика* — памятники и т. д. Также при помощи пространства, в которое погружаются «герои» (кинотеатр как место релаксации для *Слезогрея*, улица как своеобразный подиум для *Искушаемой* и т. д.), автор добивается узнаваемости типажа, при этом он «уточняет» значение каждого имени. Канетти создает сугубо индивидуальные имена собственные — окказионализмы, — часто в основе онимообразования лежат механизмы метафоризации и метонимизации. Героиня *Хрустальные Уста* (Die Silbenreine) борется за чистоту речи, взвешивая каждое слово на золотых весах: *Хрустальные Уста говорит с такой непогрешимой правильностью, что другие слушают ее раскрыв рот* [Там же, с. 233]. Напротив, *Поспеши-Словечко* (Der Wortfrühe) не заботится о сказанном, слова сыплются у него из рта, как пустые орехи [Там же, с. 232]. *Бумажный Пьяница* (Der Papier-säufer) — книголюб, его любовь к книгам сродни фобии, он охотник за редкими книгами: *Заполучив же, наконец, свою книгу, он скоренько прочитывает её, усваивает и мотает на ус, всегда готовый процитировать подходящее к случаю место* [Там же, с. 239]. Главная черта *Скопидомки* (Die Habundgut) — алчность: *Она не разбрасывается, не распyleтается, любит видеть свое добро разом* [Там же, с. 229]. Охлос и демос — благодатная среда для *Возгласительницы Королей* (Die Königskünderin): *По малейшему движению распознает она холопа и держит его, еще до приглашения, подальше от Короля* [Там же, с. 216]; для тщеславного *Имялиза* и бдительного *Славоуцуна* — само главное «пощупать» имя, отобрав для себя лишь достойнейшее. *Маэстро* (Der Maestro) демонстрирует свою власть над толпой, он избранный: *Однако он ничего не совершает в одиночестве, их много здесь, обступающих его и глядящих на икру, предназначенную для него одного* [Там же, с. 246]. *Искушаемая* (Die Versuchte), напротив, опасается проявления власти, она одна из тех, кто панически ограждает себя от превратного суждения окружающих. *Боготряс* (Der Gottprotz) неуязвим в своей правоте, ответы на все вопросы сформулированы в Библии, он мнит себя высшей инстанцией на Земле, будучи уверенным в том, что все изыски нового времени совершенно излишни, без них получается гораздо лучше [Там же, с. 244]. *Бессултанница* (Die Sultan-

süchtige) скорбит, что, лишившись гарема, она потеряла и своего повелителя, поэтому она *сама устраивает себе свой гарем и запирается в нем*. <...> *Здесь она ожидает султана, который все не идет, и представляет себе, что он в дороге, на пути к ней* [Канетти, 1990, с. 243]. *Придуманная* (Die Erfundene) — воплощенный фантом, поскольку никогда не жила на свете, она красива, для каждого по-своему, она *всякого роста и любого веса, нага и пышно разодета, недоступна, податлива и покорна* и т. д. [Там же, с. 247]. *Любитель Красот*, или *Красолюб*, в вечной погоне за прекрасным, его безобразная внешность не мешает найти *свое место перед прекрасными творениями* [Там же, с. 231]. *Недреманное ухо* (Der Ohrenzeuge) *начеку, ему известны все места и местечки, где есть что послушать, он запрятывает услышанное подальше и ничего не забывает* [Там же, с. 234]. Критики отмечали, что в *Недреманном ухе* присутствует скрытый автопортрет Канетти [Laemmle, 1975, S. 52], известно, что акустическое впечатление для Канетти куда важнее визуального, *его ухо лучше и верней всякого аппарата — ничто не стирается, ничто не заглушается и не забывается* [Канетти, 1990, с. 234].

Краткий обзор «характеров» Канетти позволяет получить представление о том, насколько виртуозно решена проблема «идентификации» образа при помощи художественной номинации.

3. Клаус Хоффер «У бирешей»

Роман «У бирешей» явно разочарует тех, кто выдвигает на первый план концепцию «социально-этнографического романа» о нравах и обычаях затерянного рода бирешей. Это лишь поверхностный пласт, якобы позволяющий автору географически локализовать повествование, что впоследствии дает повод вести разговор об условности хронотопа, поскольку не совсем понятно, где и когда происходит действие — «анахронические топонимы» и «деформирующееся пространство» присутствуют в тексте на протяжении всего повествования [Гладилин, 2010, с. 112]. Литературная критика отнеслась благосклонно к роману и его автору, который, в числе прочих наград, был удостоен премии имени Альфреда Дёблина (1981).

Роман Хоффера выстроен по законам постмодернистской интертекстуальности, в нем присутствует обилие отсылок к произведениям мировой литературы — от Маркеса до Кафки, к последнему у Хоффера особое отношение, поскольку его научный труд посвящен «распутыванию путаницы» (Methoden der Verwirrung) [Hoffer, 1986], которая лежит в основе фантастического контекста Кафки. Роман Хоффера также, как и произведения Кафки, уводит читателя в мир, напоминающий лабиринт, который в итоге

является дорогой в никуда или в лучшем случае бегом по кругу, поскольку любой прогресс возвращает к началу пути [Beckermann, 1990, p. 429].

По мнению Н. В. Гладиллина, «в странах немецкого языка постмодернистская литература в полный голос заявила о себе лишь в 80-е гг.» [Гладиллин, 2012, с. 2]. Такое «отставание» от общеевропейского магистрального развития постмодернистской парадигмы имеет свои причины, одна из которых связана с концепцией «преодоления прошлого». Попостмодернистски на страницах романа разворачивается языковая игра, особенно явно это отражено в «легенде об именах». Хоффер, по мнению авторов статьи, заимствует у Канетти способ художественной номинации, ономастические единицы становятся неотъемлемыми компонентами пространства романа. Но Хоффер не ограничивается лишь тем, что нарекает отдельных персонажей самобытными, в духе Канетти, именами, например: *Мал-помалу*, *Острый-и-быстрый*, *Едва начал* и др. Эти и другие имена в контексте тематизируют проблему вербальной коммуникации. Главными героями романа являются представители древнего рода — биреши, географически помещенные в глухую провинцию на востоке империи [Хоффер, 2017, с. 9], окраинную часть Австрии, которая граничит с Венгрией, чем объясняется наличие в тексте большого количества венгерских слов.

Композиционно роман состоит из двух частей — «Мал-помалу» и «Большой потlach», — которые в виде отдельных книг публиковались соответственно в 1979 и 1983 годах. Правомерно утверждать, что формально роман «У бирешей» тематизирует проблему языка. В каждой из частей, поделенной на главы и подглавы, есть названия, так или иначе связанные с речевым поведением героев, с рассуждениями о том, как меняется смысл слов — «О нечеткости слов», или просто связанные с вербальной коммуникацией, например, «продолжительный разговор», который, как в сказке, повторяется в повествовании семь раз. Особую роль у бирешей играют имена, которые «позитизируются», превращаясь в «Легенду об именах». Одна из глав называется «Красивое имя, ранняя печаль», она содержит диалог главного героя, носящего в миру имя *Ханс*, нареченного в стране бирешей именем *Мал-помалу* (*На-полтути*, *Halbwegs*), с одноруким по имени *Литфас*, которому и принадлежит мысль, что красивое имя порождает раннюю печаль, так как отчаяние подсказывает невозможные имена для невозможных вещей [Там же, с. 309]. Глубокомысленные сентенции подкрепляются цитатами из работы К. Г. Юнга «Архетип и символ», указывающими на то, что жизнь одновременно идиотски глупа и исполнена смысла [Там же, с. 310].

Одни имена связаны с «деятельностью» персонажей — *Вороватый* (*Kleiner Diebstahl*) — или характерным признаком — *Цердахель* (*Заика*,

der Stotterer). В текст романа вводятся разъяснения и толкования имен, заимствованных из других языков, этим объясняется присутствие так называемых «двойных имен», например, *Люмьер* (*Лампочка*, Lumiere), который получил это имя *по причине большой головы* [Там же, с. 40], имя *Гиблый дар* (Giebelaltar), якобы переименованный топоним — *Гибралтар* [Там же, с. 42].

Автор приглашает читателя вместе с героями романа участвовать в «именаречении», «говорящие имена» вербализуют путь от прозвища к имени и наоборот. Некий персонаж, именуемый *Пьяницей*, знакомит Ханса с «Легендой об именах», которая объясняет многочисленные трансформации слова и смысла: *Вороватый* зовет *Единорога* — за положение глаз и за птичью голову *Крестоклювом* (gekreuzter Schnabel), *Рак* величает *Надь-Вага* из-за его горба *Набитым рюкзаком* (Rucksack voll), а *Вороватого* он называет *Зеркалом* (Spiegel). *Штиц* кличет *Единорога* за цвет его глаз *Берлинской лазурью* (Berlinerblau), *Вороватый* у него прозывается *Слюды-кусоч-домой-приволок* (Katzensilber-auf-dem-Weg-von-ihm), *Люмьер* переименован в *Троянского коня* из-за проигранной партии в шахматы и т. д. [Там же, с. 41].

Выясняется, что имена, получаемые бирешами, согласно старинному пророчеству, должны сложиться в единую историю и освободить бирешей от пут, которые традиционно передаются из поколения в поколение: «*Образно выражаясь, мы застряли в предбудущем времени*», — говорит *Де Селби* (имя героя заимствовано из романов Флэнна О’Брайена «Третий полицейский» и «Архивы Долки») [Там же, с. 69]; см. об этом имени и персонаже также [Кучумова, 2019, с. 105].

Биреши, как им кажется, пытаются противостоять бессмысленному топтанию на месте, для чего занимаются словотворчеством: *Рыба-что-не-умеет-плавать*, *Острый-и-быстрый*, *Вода-бегущая-домой*, *Отойди*, *Малый светильник*, *Найденный-и-не-потерянный*, *Уравнивающая несправедливость*, *Слома голову*, *Едва начал* и др., — многие имена социально и психологически маркированы, при этом выясняется, что почти все названные имена заимствованы из жаргона [Там же, с. 50]. Биреши постоянно философствуют, мудрствуют также по поводу того или иного имени, которое звучит не так, как следовало бы: *Хад-каль*, в переводе означающий ‘*острый-и-быстрый*’, «по милости ложной этимологии» превратился в *Шакала* [Там же].

В уста одного из семи рассказчиков вложена запутанная «теория имен», которая касается проблемы словосочетания и семантической целостности имени: *Может показаться, что процесс этот устремлен к одной единственной цели: вытряхнуть смысл слова из его вместилища, за-*

тем — образно выражаясь — переделать сосуд на свой лад и влить в него новый смысл [Там же, с. 51]. Почти пророчески звучат слова еще одного персонажа с «говорящим именем» Инга, по-венгерски имя означает ‘маятник’: мы не живем, мы объясняем жизнь [Там же, с. 66]. Объяснение жизни опосредуется именами бирешей: «Меня вскоре будут называть “Дверью-в-горы”, вас, возможно, “Говорит-внутри-себя”, или “Ложное объяснение”, или “Пройдет-через-два-окна”. И пока мы не ведали, кто мы такие, мы, пожалуй, были счастливее <...> Нет никакой “Двери-в-горы”. Меня, скорее, следовало бы назвать “Смеётся-без-смысла”», — сказал он грустно [Там же, с. 75].

4. Выводы

В настоящей статье предметом исследования является функционирование литературных антропонимов в книге миниатюр Элиаса Канетти «Недреманное ухо. 50 характеров» и романа Клауса Хоффера «У бирешей». У Канетти в книге «Недреманное ухо. 50 характеров» фигурируют онимы, которые, являясь средством художественной номинации, помимо функций текстообразующей и идентификации персонажа, играют также эстетическую и экспрессивную роль. Несомненно, что окказиональные имена у Канетти обладают высоким художественным потенциалом. Скрытый семантический пласт этой лексики раскрывается по мере «проникновения» в текст, расшифровать антропоним, употребленный в заглавии, становится возможным только после прочтения всей миниатюры.

Клаус Хоффер в романе «У бирешей» пользуется при создании литературных антропонимов тем же, что и у Канетти, методом. Однако, помимо названных функций, имена и «носители имен» участвуют в серьезном разговоре о языке и проблемах коммуникации. «Легенда об именах», которую сложили биреши, отражает состояние этих вопросов на момент создания романа.

Источники

1. Канетти Э. Из книги : «Недреманное ухо. 50 характеров» : перевод С. Власова / Э. Канетти // Человек нашего столетия : пер. с нем./сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова ; коммент. Р. Г. Каралашвили. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 216—249.
2. Хоффер К. У бирешей : Роман / перевод с нем. и прим. Г. Потаповой / К. Хоффер. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2017. — 396 с.
3. Canetti E. Der Ohrenzeuge. Fünfzig Charaktere / E. Canetti. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. — 99 S.
4. Canetti E. Ich erwarte von Ihnen viel. Briefe 1932—1994 / E. Canetti. — München : Carl Hanser Verlag, 2018. — 863 S. — ISBN 978-3-446-26019-1.

5. *Hoffer K.* Bei den Bieresch. Halbwegs. Der große Potlatsch / K. Hoffer. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1979—1983. — 384 S.

6. *Hoffer K.* Methoden der Verwirrung. Betrachtungen zum Phantastischen bei Franz Kafka / K. Hoffer. — Wien ; Graz : Literaturverlag Droschl, 1986. — 152 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарагуля С. И.* Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / С. И. Гарагуля. — Москва, 2009. — 42 с.

2. *Гладилин Н. В.* В ожидании читателя (роман К. Хоффера «У бирешей» как постмодернистский лабиринт) / Н. В. Гладилин // Вопросы филологии. — 2010. — № 2 (35). — С. 111—121.

3. *Гладилин Н. В.* Постмодернизм в литературе стран немецкого языка : генезис и основные тенденции развития : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.03 / Н. В. Гладилин. — Москва, 2012. — 36 с.

4. *Исаева Е. Ф.* Функционирование антропонимов в художественном тексте (на материале произведений испанских и русских авторов конца XX — начала XXI века) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. Ф. Исаева. — Москва, 2012. — 19 с.

5. *Кучумова Г. В.* Роман Клауса Хоффера «У бирешей» как постмодернистский ребус / Г. В. Кучумова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. — С. 102—109. — doi 10.17072/2073-6681-2019-2-102-109.

6. *Шастина Е. М.* Типизация эпохи в «50 характерах» Элиаса Канетти : к проблеме жанра / Е. М. Шастина // Научный диалог. — 2016. — № 8 (56). — С. 84—96.

7. *Alleman B.* Elias Canetti — Ein Ohrenzeuge / B. Alleman // Hüter der Verwandlung. Beiträge zum Werk von Elias Canetti. — München : Hanser, 1985. — S. 237—245.

8. *Beckermann T.* Das Labyrinth der Erklärungen : Klaus Hoffers „Bei den Bieresch“ / T. Beckermann // The German Quarterly. — 1990. — Vol. 63, № 3 / 4. — Pp. 429—436.

9. *Frühwald W.* Spuren der Antike. Zu Elias Canettis Buch «Der Ohrenzeuge. Fünfzig Charaktere» / W. Frühwald // Gerhard Neumann (Hrsg.) : Canetti als Leser. — Freiburg im Breisgau : Rombach, 1996. — S. 59—77.

10. *Kreuzer S.* Literarische Phantastik in der Postmoderne. Klaus Hoffers Methoden der Verwirrung / S. Kreuzer. — Heidelberg : Winter, 2007. — 612 S.

11. *Laemmle P.* Macht und Ohnmacht des Ohrenzeugen / P. Laemmle // Canetti lesen. Erfahrungen mit seinen Büchern. — München ; Wien : Carl Hanser Verlag, 1975. — S. 47—61.

12. *Landvogt R.* Schrift als Schicksal : Zur Textualität und Intertextualität in Klaus Hoffers Roman „Bei den Bieresch“ / R. Landvogt. — Würzburg : Königshausen & Neumann, 1990. — 326 S.

13. *Leroy du Cardonnay E.* „Die Stimmen der Menschen sind Gottes Brot“ — Zu Elias Canettis „Der Ohrenzeuge“ / E. Leroy du Cardonnay // Aug' um Ohr. Medienkämpfe in der österreichischen Literatur des 20. Jahrhunderts / Bernard Banoun, Lydia Andrea Hartl und Yasmin Hoffman (Hrsg.). — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2002. — S. 65—75.

14. *Matt P. v.* Der Entflammte Über Elias Canetti. Leseprobe [Electronic resource] / Peter von Matt. — Access mode : http://www.beck-shop.de/fachbuch/leseprobe/9783312003914_Excerpt_001.pdf.

15. *Napetschnig M.* Klaus Hoffer / M. Napetschnig. — Graz ; Wien : Literaturverlag Droschl, 1998. — 198 S.
16. *Ortheil H.-J.* Was ist postmoderne Literatur / H.-J. Ortheil // Roman oder Leben. Postmoderne in der deutschen Literatur / U. Wittstock (Hrsg.). — Leipzig : Reclam, 1994. — S. 125—135.
17. *Projekt Den „Ohrenzeugen“ von Elias Canetti weiter schreiben* [Electronic resource]. — Access mode : <http://eliascanettiprojekt.org/de/projekt/>.
18. *Pörksen U.* Elias Canetti. Der Ohrenzeuge / U. Pörksen // Neue deutsche Hefte 21. — 1974. — S. 844—847.
19. *Reinisch L.* Elias Canetti und seine Kritiker / L. Reinisch // Merkur 29. — 1975. — S. 884—887.
20. *Sontag S.* Geist als Leidenschaft / S. Sontag // Hüter der Verwandlung. Beiträge zum Werk von Elias Canetti. — München ; Wien : Carl Hanser Verlag, 1985. — S. 90—110.
21. *Sorg R.* Der Rote Pfeil oder Die bewegte Nation. Vom literarischen Mehrwert der Eisenbahn bei Peter Bichsel und Peter Weber / R. Sorg // Schweiz schreiben : Zu Konstruktion und Dekonstruktion des Mythos Schweiz in der Gegenwartsliteratur / J. Barkhoff, V. Heffernan (Hrsg.). — Berlin : Walter de Gruyter GmbH, 2010. — S. 139—15.
22. *Steussloff A. G.* Der Ohrenzeuge / A. G. Steussloff // Autorschaft und Werk Elias Canettis : Subjekt — Sprache — Identität. — Würzburg : Königshausen und Neumann, 1994. — S. 248—255.

FUNCTIONING OF LITERARY ANTHROPONYMS IN THE WORKS BY E. CANETTI AND K. HOFFER

© **Elena M. Shastina (2020)**, orcid.org/0000-0001-9551-5469, Doctor of Philology, professor, Department of German Philology, Elabuga Institute of Kazan (Volga region) Federal University (Elabuga, Russia), e.shastina2104@gmail.com.

© **Julia K. Kazakova (2020)**, orcid.org/0000-0002-1406-9899, PhD in Philology, associate professor; Department of English Philology and Fundamentals of Intercultural Communication, Elabuga Institute of Kazan (Volga region) Federal University (Elabuga, Russia), kazakova696@gmail.com.

The author studies the works of Austrian writers Elias Canetti "Earwitness. 50 characters" ("Der Ohrenzeuge. 50 Charaktere") and Klaus Hoffer "In Graz" ("Bei den Bieresch"). The relevance of the study is determined by the need to comprehend the literary process of Austria in the second half of the twentieth century. A review of the existing points of view regarding the significance of the analyzed works of both authors and in modern Austrian literature is performed. The debatable nature of Canetti's book genre and the originality of the poetics of the Hoffer novel are noted. The authors of the article proceed from the fact that Canetti's work is a "collection" of literary miniatures; Hoffer's novel can be considered as an example of the initial stage of development of German-language postmodern literature. The narrative strategies used by Canetti and Hoffer to create a surrealist context and "fantastic reality" are drawn into consideration. The authors dwell on the study of the functioning of literary anthroponyms in the text space of works. It is proved that fictional onomastics is involved in the creation of semantic multidimensionality of a literary text. Hoffer's novel traces Canetti's borrowed method

of creating a verbal image with enriched contextual semantics using proper names. The translation aspect remains outside the scope of the article.

Key words: Elias Canetti; Klaus Hoffer; literary anthroponym; occasional onomastics; poetics; genre; narrative strategies.

MATERIAL RESOURCES

- Canetti, E. (1990). Iz knigi: «Nedremannoye ukho. 50 kharakterov». In: *Chelovek nashego stoletiya*. Moskva: Progress. 216—249. (In Russ.).
- Canetti, E. (1995). *Der Ohrenzeuge. Fünfzig Charaktere*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. (In Germ.).
- Canetti, E. (2018). *Ich erwarte von Ihnen viel. Briefe 1932—1994*. München: Carl Hanser Verlag. (In Germ.).
- Hoffer, K. (1979—1983). *Bei den Bieresch. Halbwegs. Der große Potlatsch*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. (In Germ.).
- Hoffer, K. (1986). *Methoden der Verwirrung. Betrachtungen zum Phantastischen bei Franz Kafka*. Wien; Graz: Literaturverlag Droschl. (In Germ.).
- Hoffer, K. (2017). *U bireshy: Roman*. Sankt-Peterburg: Simpozium. (In Russ.).

REFERENCES

- Allemann, B. (1985). Elias Canetti — Ein Ohrenzeuge. In: *Hüter der Verwandlung. Beiträge zum Werk von Elias Canetti*. München: Hanser. 237—245. (In Germ.).
- Beckermann, T. (1990). Das Labyrinth der Erklärungen: Klaus Hoffers „Bei den Bieresch“. *The German Quarterly*, 63 (3 / 4): 429—436. (In Germ.).
- Frühwald, W. (1996). Spuren der Antike. Zu Elias Canettis Buch «Der Ohrenzeuge. Fünfzig Charaktere». In: Gerhard, Neumann (Hrsg.). *Canetti als Leser*. Freiburg im Breisgau: Rombach. 59—77. (In Germ.).
- Garagulya, S. I. (2009). *Antroponimicheskaya pragmatika i identichnost' individa (opyt sistemnogo opisaniya lichnykh imen v SShA): avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Gladilin, N. V. (2010). V ozhidanii chitatelya (roman K. Khoffera «U bireshy» kak postmodernistskiy labirint»). *Voprosy filologii*, 2 (35): 111—121. (In Russ.).
- Gladilin, N. V. (2012). *Postmodernizm v literature stran nemetskogo yazyka: genesis i osnovnye tendentsii razvitiya: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Isayeva, E. F. (2012). *Funktsionirovaniye antroponimov v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy ispanskikh i russkikh avtorov kontsa XX — nachala XXI veka): avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Kreuzer, S. (2007). *Literarische Phantastik in der Postmoderne. Klaus Hoffers Methoden der Verwirrung*. Heidelberg: Winter. (In Germ.).
- Kuchumova G. V. (2019). Roman Klaus Khoffera «U bireshy» kak postmodernistskiy rebus [The German Novel ‘Bei den Bieresch’ by Klaus Hoffer as a Postmodern Rebus]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]*, 11 (2): 102—109. DOI: 10.17072/2073-6681-2019-2-102-109. (In Russ.)

- Laemmle, P. (1975). Macht und Ohnmacht des Ohrenzeugen. In: *Canetti lesen. Erfahrungen mit seinen Büchern*. München; Wien: Carl Hanser Verlag. 47—61. (In Germ.).
- Landvogt, R. (1990). *Schrift als Schicksal: Zur Textualität und Intertextualität in Klaus Hoffers Roman „Bei den Biersch“*. Würzburg: Königshausen & Neumann. (In Germ.).
- Leroy du Cardonnay, E. 2002. „Die Stimmen der Menschen sind Gottes Brot“ — Zu Elias Canettis „Der Ohrenzeuge“. In: Banoun, B., Hartl, L. A. und Hoffman, Y. (Hrsg.). *Aug' um Ohr. Medienkämpfe in der österreichischen Literatur des 20. Jahrhunderts*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. 65—75. (In Germ.).
- Matt, P. v. *Der Entflammte Über Elias Canetti. Leseprobe*. Available at: http://www.beck-shop.de/fachbuch/leseprobe/9783312003914_Excerpt_001.pdf. (In Germ.).
- Napetschnig, M. (1998). *Klaus Hoffer*: Graz; Wien: Literaturverlag Droschl. (In Germ.).
- Ortheil, H.-J. (1994). Was ist postmoderne Literatur. In: *Roman oder Leben. Postmoderne in der deutschen Literatur*. Leipzig: Reclam. 125—135. (In Germ.).
- Projekt Den „Ohrenzeugen“ von Elias Canetti weiter schreiben*. Available at: <http://eliascanettiprojekt.org/de/projekt/>. (In Germ.).
- Pörksen, U. (1974). Elias Canetti. Der Ohrenzeuge. In: *Neue deutsche Hefte 21*: 844—847. (In Germ.).
- Reinisch, L. (1975). Elias Canetti und seine Kritiker. In: *Merkur 29*: 884—887. (In Germ.).
- Shastina, E. M. (2016). Epoch Typification in “50 Characters” by Elias Canetti: to Problem of Genre. *Nauchnyi dialog, 8 (56)*: 84—96. (In Russ.).
- Sontag, S. (1985). Geist als Leidenschaft. In: *Hüter der Verwandlung. Beiträge zum Werk von Elias Canetti*. München; Wien: Carl Hanser Verlag. 90—110. (In Germ.).
- Sorg, R. (2010). Der Rote Pfeil oder Die bewegte Nation. Vom literarischen Mehrwert der Eisenbahn bei Peter Bichsel und Peter Weber. In: Barkhoff, J., Heffernan, V. (Hrsg.). *Schweiz schreiben: Zu Konstruktion und Dekonstruktion des Mythos Schweiz in der Gegenwartsliteratur*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH. 139—15. (In Germ.).
- Steussloff, A. G. (1994). Der Ohrenzeuge. In: *Autorschaft und Werk Elias Canettis: Subjekt — Sprache — Identität*. Würzburg: Königshausen und Neumann. 248—255. (In Germ.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

.....

Александр Евгеньевич Пьянов, заместитель завкафедрой (Кемерово)
Алексей Юрьевич Карпинец, канд. истор. наук (Кемерово)
Андрей Александрович Иванов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Антон Борисович Гехт, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Антонина Николаевна Саввинова, канд. геогр. наук (Якутск)
Артём Викторович Неровный, ассистент (Санкт-Петербург)
Валерий Геннадьевич Дорохов, канд. истор. наук (Кемерово)
Виктория Викторовна Филиппова, канд. истор. наук (Якутск)
Гейл Фондад, профессор (Принс-Джордж, Канада)
Иван Алексеевич Цверианашвили, ст. преподаватель (Санкт-Петербург)
Мария Александровна Маркова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Милана Владимировна Рагулина, д-р геогр. наук (Иркутск)
Тимофей Васильевич Валов, инженер-исследователь (Санкт-Петербург)

Валов Т. В. Реализация денежного этапа российской приватизации в 1997 — начале 1998 гг. : ключевые тенденции и региональная специфика (на примере Санкт-Петербурга) / Т. В. Валов // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 271—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-271-287.

Valov, T. V. (2020). Implementation of the Monetary Stage of Russian Privatization in 1997 — early 1998: Key Trends and Regional Specifics (on the Example of St. Petersburg). *Nauchnyi dialog*, 1: 271-287. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-271-287. (In Russ.).

УДК 94:332.025.28(470)“1997/1998”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-271-287

РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕНЕЖНОГО ЭТАПА РОССИЙСКОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ В 1997 — НАЧАЛЕ 1998 ГГ.: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)¹

© **Валов Тимофей Васильевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-8887-9421, инженер-исследователь, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), timofei.valov@yandex.ru.

В статье рассматривается реализация денежного этапа российской приватизации в 1997 — начале 1998 гг. Актуальность темы исследования связана с тем, что экономические реформы и политика приватизации 1990-х годов сформировали социально-экономическую модель и определили особенности политической системы постсоветской России, что обусловило появление ряда базовых проблем, стоящих перед российским обществом и в конце 2010-х годов. Отмечается, что посткоммунистическая трансформация стала одним из наиболее масштабных социально-экономических сдвигов в истории XX века. Соответственно, по мнению автора статьи, она заслуживает глубокого всестороннего изучения. В работе анализируются основные тенденции приватизационного процесса 1990-х годов, региональное измерение раскрывается на примере Санкт-Петербурга. Исследуется общественно-политическая обстановка в Российской Федерации, влияющая на ход и динамику трансформации имущественных отношений. Раскрыта попытка правительства изменить специфику политики приватизации и дальнейших экономических реформ в России. Уделяется внимание политической и криминальной ситуации в Санкт-Петербурге. Изучается влияние приватизации на экономику страны, в том числе на промышленность Санкт-Петербурга. Ситуация рассматривается на примере ряда предприятий города. Анализируется социальная реакция на проводимые реформы, в частности, содержание обращений различных общественных групп в связи с реализацией политики приватизации.

Ключевые слова: приватизация; Санкт-Петербург; реформы; промышленность; предприятия; рынок; собственность; экономика.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90010.

1. Введение

Последнее десятилетие XX века ознаменовалось существенными изменениями на планете. Прекратили свое существование СССР и Организация Варшавского договора, бывшие страны Восточного блока переживали процесс трансформации: командно-административная экономика уступала место рынку, политическая система преобразовывалась в демократическую или квазидемократическую авторитарную модель. Одним из ключевых направлений реформ была политика приватизации, направленная на передачу государственной собственности частным лицам. Именно борьба за собственность стала наиболее актуальным вопросом, влияющим на динамику политической и экономической жизни постсоветской России.

В истории приватизации был выбран период 1997 — начало 1998 годов, в связи с тем что на этом этапе правительство попыталось возобновить активные рыночные реформы и начать осуществлять «честную» приватизацию, но это стремление завершилось провалом. Противники и критики правительства говорили о том, что никакой попытки в реальности не было, просто кабинет стал реализовывать приватизацию, ориентируясь на интересы бизнес-группы В. О. Потанина. В данное время также был принят новый закон о приватизации от 21 июля 1997 года. Соответственно, важно проанализировать характер реформы собственности в специфический период истории 90-х годов.

В Санкт-Петербурге, как и во всей стране, в это время также произошли существенные изменения. Летом 1996 года в ходе губернаторских выборов победу над А. А. Собчаком одержал его бывший заместитель В. А. Яковлев, после чего была осуществлена определенная корректировка состава городского руководства. В частности, на работу в Администрацию президента перешли В. В. Путин и А. Л. Кудрин. Соответственно, 1997 год начался для города с новым губернатором, обновленным составом команды, корректировкой стилистики городского управления, в том числе политики приватизации. Обращение к политическому контексту приватизации неслучайно. Как отмечает Н. Ю. Лапина, реформу собственности в региональном разрезе невозможно рассматривать вне анализа основных направлений экономического и политического развития регионов в 90-е годы [Лапина, 2003, с. 43].

В целом Санкт-Петербург вызывает особый исследовательский интерес по ряду причин. Во-первых, он являлся наиболее крупным российским городом, в котором приватизация осуществлялась по концепции, разработанной Государственным комитетом имущества (далее — ГКИ), так как в Москве приватизация была реализована по схеме Л. И. Пияшевой.

Во-вторых, ключевые позиции в руководстве ГКИ занимали выходцы из Ленинграда: А. Б. Чубайс, А. Р. Кох, С. Г. Беляев, Д. В. Васильев и др. Соответственно, для них Санкт-Петербург являлся особым городом, площадкой для апробации многих приватизационных технологий, которые затем были распространены на территорию Российской Федерации. В-третьих, в администрации Санкт-Петербурга в указанный период работали люди, которые в начале третьего тысячелетия возглавляли федеральные органы власти: В. В. Путин, Д. А. Медведев, А. Л. Кудрин, Г. О. Греф и др. В связи с этим важно проанализировать, каким образом осуществлялось управление городом, в частности приватизационным процессом, в переходную для страны эпоху.

2. Попытка возобновления экономических реформ: приватизация «Связьинвеста» и война олигархов

Начало 1997 года ознаменовалось изменением состава правительства В. С. Черномырдина. Первыми заместителями премьер-министра были назначены А. Б. Чубайс и Б. Е. Немцов, которые стали определять основные направления деятельности правительства, в том числе экономическую политику. Обновленный состав кабинета вошел в историю под названием правительства «молодых реформаторов». Министр финансов США Л. Саммерс назвал новый состав правительства «командой экономической мечты» [Russia's road ..., 2000, p. 76]. Провозглашалось намерение возобновить реформы с новой силой, в том числе вывести на новый уровень качество приватизации. До этого акцент в приватизации делался на скорости преобразований, стремлении максимально быстро передать большой объем государственной собственности в частные руки, что, по мысли реформаторов, ликвидировало экономическую основу коммунистического реванша. Например, М. В. Бойко вместе с соавторами отмечает, что, создав класс сторонников реформ и сократив власть своих противников, приватизация могла существенно изменить политический баланс в стране [Boysko et al., 1995, p. 147]. После победы на президентских выборах в 1996 году Б. Н. Ельцина ситуация изменилась. Стало ясно, что новая социальная модель оказалась довольно устойчивой и после этого уже можно сделать акцент на экономической стороне приватизации, перестав ее рассматривать как инструмент реализации политических целей. Соответственно, на новом этапе она должна была обеспечить значительный приток финансовых ресурсов в бюджет, а сделки носить более прозрачный и законный характер. Первый конкурс решили провести по одной из крупнейших компаний в сфере связи и телекоммуникаций — «Связьинвест», которая обе-

спечивала всю местную связь в России. В 1995 году ее пытались продать итальянцам, но сделка сорвалась, и поэтому продажу решили осуществить в 1997 году. На предприятие преимущественно претендовали В. О. Потанин и В. А. Гусинский, последний хотел дальше расширять свою медиаимперию, на его стороне в данной ситуации был Б. А. Березовский. В ходе аукциона «Связьинвест» достался В. О. Потанину («ОНЭКСИМ-банк»), так как он предложил за него наибольшую сумму. После этого В. А. Гусинский и Б. А. Березовский начали активное давление на правительство, используя всю мощь своих информационных ресурсов, в первую очередь НТВ и ОРТ. Это событие стало концом «Давосского пакта», который неформально заключили крупные бизнесмены с президентской администрацией, чтобы в условиях угрозы прихода к власти Г. А. Зюганова способствовать переизбранию Б. Н. Ельцина на пост президента летом 1996 года и тем самым сохранить за собой собственность, а также получить в дальнейшем различные экономические преференции. Л. Ф. Шевцова отмечает, что аукцион стал поворотным моментом в российской политической борьбе, став толчком к формированию нового баланса сил [Шевцова, 1999, с. 327]. Критика правительства велась в том направлении, что А.Б. Чубайс отдал «Связьинвест» группе В. О. Потанина за взятку, данную в виде гонорара за книгу «Приватизация по-русски».

Для историка это событие интересно в разных плоскостях: во-первых, с точки зрения понимания процессов, протекающих в то время, а во-вторых, в качестве яркой иллюстрации своеобразных отношений, царящих между историческим источником и реальностью, когда текст представляет из себя не только отпечаток и зеркало прошлого, но и молот, формирующий реальность. Учитывая, что «Приватизация по-русски» является одним из основных текстов, транслирующих взгляд на приватизацию А. Б. Чубайса и его команды в тот момент, а не 10—20 лет спустя, условия его создания представляют особый интерес. Кроме того, книга стала поводом, из-за которого А. Б. Чубайс потерял пост вице-премьера и возможность существенно влиять на политику и приватизационный процесс. Поэтому «Приватизация по-русски», изданная в 1999 году, отражала не только те события, которые были до нее, но и те, на которые процесс ее рождения непосредственно повлиял.

В 1997 году и позже А. Б. Чубайс настаивал на том, что это был первый наиболее чистый аукцион [Чубайс, 2001], невольно давая понять, что до этого они все протекали на основе неформальных договоренностей. По мнению Б. А. Березовского, внезапное нарушение правил игры было произволом со стороны правительства и лично А. Б. Чубайса, которому он

предельно четко сформулировал последующий сценарий развития событий: «Анатолий Борисович, ну вы же умный человек, вы же понимаете, что мы вас уничтожим» [Чубайс, 2001]. Председатель ГКИ в 1996—1997 годах А. Р. Кох в интервью Д. И. Гордону отметил, что одна из ключевых ошибок Ельцина заключалась в том, что он «отдал медиа-поле этим двум красавчикам» [Кох, 2016], тем самым позволив существенно влиять на политические процессы и жизнь страны. Б. Н. Ельцин так отразил свое видение проблемы: «Я надеялся, что уже во второй половине 1997-го — начале 1998-го мы все почувствуем, как что-то меняется в стране. И тут случилось то, что я никак не ожидал. Грянула война банков. Настоящая информационная война ...» [Ельцин, 2000, с. 80]. 13 августа 1997 года в отставку был отправлен председатель ГКИ А. Р. Кох, его место занял М. В. Бойко. 23 марта 1998 года в отставку ушло правительство, свои посты первых вице-премьеров потеряли А. Б. Чубайс и Б. Е. Немцов, последний не так давно рассматривался в качестве одного из основных преемников Б. Н. Ельцина на посту президента РФ. В. С. Черномырдин описывает эту ситуацию следующим образом: «Приезжаю, Борис Николаевич говорит: “Я недоволен вашей работой. — Чем именно объясните?” Молчит. Потом добавляет: “Вы знаете. — Нет, я не знаю. Б. Н: так надо” ... Кому надо, зачем? Я, конечно, догадывался...» [Черномырдин, 2013, с. 445].

Это противостояние и его завершение ярко показало новую ситуацию, в которой оказалась Россия. Стремление Кремля всеми силами избавиться от коммунистического наследия, союз власти и крупного капитала в ходе выборов 1996 года, привели к оформлению новой общественной модели. Проект России с развитой демократической политической системой, верховенством права и цивилизованным, социально ориентированным рынком, по большому счету, провалился, вместо коммунистов пришли олигархи. Попытка правительства выровнять курс, нацелиться на подлинную модернизацию также провалилась. Страна основательно свернула на дорогу «капитализма для своих» и «квазидемократии».

3. Обострение борьбы за собственность в Санкт-Петербурге и убийство М. В. Маневича

Спустя несколько дней после отставки А. Р. Коха с поста председателя ГКИ, своего руководителя гораздо более трагическим образом лишился и Комитет по управлению городским имуществом (далее — КУГИ) Санкт-Петербурга. 18 августа 1997 года на перекрестке Невского проспекта и ул. Рубинштейна был расстрелян в своем автомобиле М. В. Маневич. Г. О. Греф: «Я был в Испании, у меня отпуск заканчивался, а у него на-

чинался ... Меня встретили в аэропорту, Кох, Володя Коган, позвонил Яковлев, вызывал к себе. Сказал, что назначает исполняющим обязанности, давай, говорит, занимайся похоронами» [Усыскин, 2012, с. 255]. Существовало несколько версий убийства. В итоге суд признал виновным Ю. Т. Шутова, который ранее, будучи депутатом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, организовал комиссию по пересмотру итогов приватизации, для того чтобы получить контроль над некоторыми предприятиями. М. В. Маневич выступал против деятельности комиссии, что стало одной из причин его убийства.

В 2005 году А. Б. Чубайс заявил: «Восемь лет назад во время похорон я пообещал, что мы достанем каждого. Сегодня я могу с абсолютной определенностью сказать, что мы абсолютно точно знаем всех организаторов и всех заказчиков убийства. Они будут наказаны предельно жестоко, все до последнего. ... Основной же мотив убийства — личная ненависть, замешанная на неудачной попытке шантажа. Миша не прогнулся» [Чубайс, 2005]. 29 ноября 2006 года А. Б. Чубайс отметил: «Всё, что я обещал на могиле Маневича, я выполнил слово в слово: все организаторы убийства сидят пожизненно, ни один из них не выйдет» [Чубайс, 2006]. Наблюдатели связали это заявление с тем, что 21 ноября Верховный суд РФ оставил в силе пожизненные приговоры, вынесенные Ю. Т. Шутову и четырём членам его банды [Там же]. Официально на тот момент убийство не было раскрыто, следствие по делу неоднократно продлевалось. В ноябре 2009 года в убийстве М. В. Маневича сознался А. Гардоцкий, находящийся под следствием по делу банды С. Зарипова — бригадира ОПГ, подконтрольной Ю. Т. Шутову [Подчиненный Шутова ..., 2009]. В. В. Путин высказался об этом убийстве следующим образом: «Миша был потрясающий парень. Мне так жалко, что его убили, такая несправедливость! Кому он помешал?.. Просто поразительно. Очень мягкий, интеллигентный, гибкий в хорошем смысле слова. Он принципиальный был человек, под всех не подстраивался, но никогда не лез на рожон, всегда искал выход, приемлемые решения. Я до сих пор не понимаю, как такое могло случиться. Не понимаю [Геворкян и др., 2000, с. 108]».

Интересно, что в начале 1990-х годов Ю. Т. Шутов был помощником А. А. Собчака и даже прославился в «литературной плоскости» своей книгой «Собачье сердце или Записки помощника, Ходившего во власть», где критиковал бывшего начальника. В девяностые годы в целом актуализировался жанр «мемуары обиженных помощников». К нему можно, например, причислить книгу А. В. Коржакова «Борис Ельцин: от рассвета до заката», хотя она, конечно, гораздо более содержательна, чем книга Ю. Т. Шутова.

4. Общая динамика приватизационного процесса и социальная реакция

На фоне острых политических коллизий процесс приватизации шел своим ходом. 21 июля 1997 года был принят новый Федеральный закон «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации». Среди основных новаций закона необходимо выделить следующие: акцент (уже в самом названии) делался не на предприятия, а на имущество (имущественные доли государства); приватизация перестала быть обязательным ежегодным «плановым мероприятием» правительства и осуществлялась в соответствии с «прогнозом» и ежегодно утверждаемой Думой программой; в программе приватизации был предусмотрен список приватизируемых в течение года объектов (зависит от текущей конъюнктуры) и список стратегических объектов, приватизация которых запрещена (их можно приватизировать только на основании федерального закона); расширен набор методов приватизации (за счет легализации уже имевшей место продажи производных ценных бумаг); льготы работникам предприятий возможны (скидка 5—10 % от продажной цены акций и др.), но могли быть отменены или приобрести более гибкий характер; стоимость «имущественных комплексов» определялась совокупно на основании уставного капитала, балансовой оценки и рыночной стоимости; были введены коммерческие конкурсы с инвестиционными условиями, а инвестиционные конкурсы отменены (если сделка предусматривала наличие инвестиционных условий, то права собственности переходили к победителю после выполнения соответствующих обязательств); было восстановлено понятие «аренда с выкупом», но «по рыночной стоимости» [Российская экономика ..., 1998, с. 264].

В целом анализ нормативной базы в период денежной приватизации позволяет сделать выводы о том, что, несмотря на существенные положительные сдвиги, законодательство, как и в предыдущие годы, имело целый ряд недостатков: 1) не была обеспечена полноценная и непротиворечивая правовая основа для приватизации объектов государственной собственности по рыночной цене без занижения ее реальной стоимости; 2) не был создан механизм запрещения и ограничения участия иностранного капитала и резидентов РФ, имеющих в качестве выгодоприобретателей иностранных юридических и физических лиц, в приватизации объектов стратегического характера; 3) не был определен порядок расторжения сделок приватизации и возмещения ущерба в связи с невыполнением покупателем объекта приватизации инвестиционных и других условий [Мунтян, 2005, с. 92].

В 1997 году наблюдался определенный рост производства, особенно в последнем квартале. При этом он наметился в тех условиях, когда в течение всего 1997 года снижались цены на нефть. Они упали с 23 долларов за баррель в октябре 1996 года до 16 долларов в конце 1997 года. Приватизационная же активность после 1993 года, когда было приватизировано наибольшее количество предприятий — 42924 [Регионы ..., 1998, с. 285], год за годом снижалась. Так, в России за 1995 год было приватизировано 10152 предприятия, 1996 — 4997, 1997 — 2743 [Регионы ..., 2000, с. 290]. Наиболее популярными способами приватизации являлись продажа недвижимости — 38,5 %, акционирование — 18,1 %, выкуп арендованного имущества — 14,6 %. Значение же такой процедуры, как коммерческий конкурс резко упало: если в 1993 году по нему было приватизировано 30,4 % предприятий, то в 1997 — лишь 9,6 %.

Администрация Санкт-Петербурга достаточно позитивно оценивала данный период своей деятельности и жизни города. В отчете за 1996—1999 годы подчеркивается, что целенаправленная работа Администрации по выполнению намеченных стабилизационных мер позволила переломить негативные тенденции в развитии социально-экономической ситуации в городе. Со второй половины 1997 года до августа 1998 года в Санкт-Петербурге отмечался рост валового регионального продукта (ВРП), увеличились темпы промышленного производства, приток инвестиций и т. д. Однако эти позитивные тенденции были прерваны общероссийским финансово-экономическим кризисом 17 августа 1998 года [Основные итоги ..., 1999, с. 4].

В городе, как и в России в целом, наблюдалась тенденция к снижению приватизационной активности. Если в 1995 году было приватизировано 333 предприятия, а то в 1996 году уже 126, а в 1997 году всего 64. Среди них 34 % было приватизировано через процедуру выкупа арендованного имущества, 45 % — акционирование, 14 % — коммерческий конкурс, 2 % — аукцион, 5 % — через прочие способы [Санкт-Петербург ..., 2000, с. 56]. Среди 64 предприятий в сфере промышленности было приватизировано 13 предприятий, в сфере строительства — 10, транспорта и связи — 1, оптовой торговли — 4, розничной торговли — 16, общественного питания — 5, непродовственных видов бытового обслуживания населения — 3, науки и научного обслуживания — 4, прочих отраслей — 8 [Там же, с. 57].

Для успешной реализации реформ большое значение имело информационное освещение проводимых преобразований, и оно было явно недостаточным. П. С. Филиппов отмечает, что еще в 1992 году обращался к Б. Н. Ельцину с предложением создать министерство по освещению для населения хода и сути проводимых реформ, но президент отказался, по-

считав, что это будет очередное министерство пропаганды [Филиппов, 2016, с. 76]. Учитывая, что мировоззрение людей в течение 70 лет формировалось в условиях антирыночной и антилиберальной пропаганды, это была, мягко говоря, своеобразная точка зрения, что ментальные схемы меняются у людей «сами собой». В Чехии, например, В. Клаус совсем по-другому подошел к решению этого вопроса, и реформы сопровождались соответствующим информационным освещением, что способствовало пониманию людьми сути происходящих изменений и необходимости терпеть издержки переходного периода. В России же постоянное противодействие и противостояние разных сегментов государственной власти и общества привели к тому, что реформы проводились крайне непоследовательно и непродуманно, нормального информационно-образовательного сопровождения не было. В итоге многие достижения СССР были уничтожены, а на их месте взамен развитой социальной системы «западного типа» сформировалось авторитарно-олигархическая модель, которую обществоведы определяют разными терминами: от «выборной монархии» (Л. Ф. Шевцова) до «посткоммунистического мафиозного государства» (Б. Мадьяр). Тем не менее, в сентябре 1997 года на встрече с журналистами новый председатель КУГИ Г. О. Греф выразил надежду на конструктивное сотрудничество со СМИ: «При проведении реформ и выстраивании взаимоотношений с вовлеченными в них предприятиями мы собираемся занять очень жесткую позицию в отстаивании интересов населения и без серьезной поддержки СМИ нам не обойтись» [Грязневич, 1997, с. 2].

Многие предприятия города находились в сложном положении, особенно это касалось сферы ВПК. Так, в 1997 году объем военного производства составил лишь 8,7 % от уровня 1991 года [Полынов, 2005, с. 82]. Ф. Ф. Рыбаков говорит об этом следующим образом: «Санкт-Петербург из центра точного машиностроения, электроники, приборостроения превратился в пивную столицу России, большую мебельную фабрику. Нормально ли это? Несколько лет были практически не востребованы новые научно-технические разработки наукоемких отраслей промышленности» [Рыбаков, 2000, с. 101]. Соответственно, перед предприятиями города остро стояла проблема адаптации к рыночным условиям.

Так, «Ижорские заводы» осваивали новые виды продукции. В 1997 году по заказу НПО «Энергия» была изготовлена антенная установка СМ-391А для специализированного морского судна связи с космическими аппаратами. Работа была завершена совместно с Выборгским судостроительным заводом, который смонтировал оборудование для платформы из норвежского города Ставангер, позволяющее запускать искусственные спутники

земли с поверхности океана в районе экватора, что облегчало их выход на орбиту [Бурим, 2002, с. 140]. В 1998 году в жизни предприятия произошли крупные изменения, его купил владелец УЗТМ-Уралмаш К. А. Бендукидзе. Новая структура получила название «Группа “Уралмаш-Ижора”», ставшая одним из лидеров в российском машиностроении.

В 1997 году была разработана и согласована новая программа реструктуризации Обуховского завода, которая предусматривала выделение части машиностроительного комплекса целевым назначением — только для изготовления оборонной продукции [Васько, 2010, с. 524]. Властям Тосненского района безвозмездно был передан весь комплекс в п. Шапки — подсобное хозяйство, пансионат, лыжная база и т. д.

Изменения коснулись и Ленинградского оптико-механического объединения (далее — ЛОМО). Оно отказалось от предложенного фирмой «МакКинзи» принципа реструктуризации. К этому времени во многом определилась дальнейшая судьба производственных площадей, на которых были размещены научно-производственные комплексы, и службы ЛОМО начали стягиваться на первую территорию завода, построенного в начале XX века, ставшего впоследствии ГОМЗом [Курапцева, 2002, с. 77].

Пролетарский завод в связи с падением спроса на свою продукцию со стороны государственных организаций и традиционных заказчиков — судостроительных заводов, а также других участников военно-промышленного комплекса, был вынужден поставлять уникальное оборудование за рубеж — для флотов Индии, Китая и других стран [Арутюнян, 2011, с. 125].

Руководители предприятий Санкт-Петербурга также стремились повлиять на формирование программы приватизации. В письме от 31.10.1997 директора предприятий электротехнической промышленности Санкт-Петербурга (РНИИ «Электростандарт», НИИ «Домен», НИИ «Гириконд», НИИ «Электрон») выступили с предложением включить их в программу приватизации государственного имущества РФ. После этого последовало обращение в связи с тем, что из новой программы был исключен ряд привилегий при приватизации для трудовых коллективов, которые присутствовали в более ранней программе, но они не смогли ими воспользоваться, так как не были в нее включены. Основные требования сводились к трем: 1) начальная цена объекта должна быть в ценах на 01.01.1992; 2) должны быть представлены льготы по одному из предложенных вариантов; 3) необходимо детальное изложение механизма подготовки документов по приватизации предприятий. В ответ на запрос отмечалось, что замечания будут учтены при приватизации предприятий [ГАРФ, ф. 10155, оп. 1, д. 3017, л. 82].

В целом процесс адаптации к рынку как среди крупных предприятий, так и в сфере малого бизнеса, проходил тяжело в связи с комплексом различных причин, где помимо экономических, можно выделить и психологические: конкуренцию, которая является нормальным явлением в условиях рыночной экономики, российские предприниматели воспринимали как проблему [Васильев, 2001, с. 41].

В конце 1997 года перед КУГИ ставились следующие задачи: 1) разработка проектов классификации предприятий и учреждений, находящихся в собственности Санкт-Петербурга; 2) проведение работ по определению объектов военного имущества как освобождающихся в результате конверсии; 3) разработка основ подхода к созданию реестра природной составляющей госсобственности; проведение работ по приведению в соответствие с законодательством учредительных документов предприятий и другие [ЦГА СПб, ф. 10135, оп. 1, д. 1046, л. 64]. В Государственной Думе работала Комиссия по итогам приватизации. На заседании 24 декабря 1997 года депутат от ЛДПР В. А. Лисичкин поднял вопрос о регламентации деятельности региональных комиссий, посетовав на то, что в комиссии сейчас всего 14 депутатов, а обработать нужно 125 тысяч объектов [Стенограмма ..., 1997].

Процесс становления рыночной экономики существенно влиял на социальную сферу. Говоря о бедах и опасностях, причины которых крылись в социальной неустроенности или имели личный характер, люди чаще всего называли ухудшение здоровья, болезни (44 %), действия преступников (40 %), а также бедность и нужду (40 %). Москвичи и петербуржцы по сравнению с жителями других городов чаще опасались действий преступников (60 %), произвола чиновников (54 %) и правоохранительных органов (45 %) [Докторов, 2002, с. 236]. В письме к А. Г. Крамареву, гражданин Т. И. Гусева описывает, как она лишилась жилья после того, как в момент перепродажи квартиры АО «Гермес-Финанс» перестал выдавать деньги клиентам, и семья оказалась на улице: «... Из-за переживаний о нашем тяжелом положении мы уже потеряли мать мужа и моего отца. Неужели нас ждет такая же участь. Очень прошу Вас, помогите!!!» [ЦГА СПб, ф. 10134, оп. 1, д. 514, л. 29]. В январе 1998 года актуальной стала проблема массового сокращения рабочих на АО «Ленинград-Сланец», а именно в связи с закрытием шахты им. Кирова было принято решение уволить 500 человек. В ходе встречи с вице-губернатором Санкт-Петербурга Ю. В. Антоновым проблема увольнения пересекалась с массовой задолженностью перед увольняемыми рабочими в размере более 20 млрд. рублей. Причина заключалась в несвоевременных расчетах потребителей перед предприятиями, долг которых составлял 50 млрд. рублей. Например, АО «Ленэ-

нерго» задолжало порядка 30 млрд. Представители профсоюза призвали руководство города решить сложившуюся проблему, мотивируя это возможным массовым социальным взрывом на сланцевых шахтах [Сланцевые ..., 1998, с. 4].

Реформы затронули и сферу образования. В марте 1997 года, в момент начала работы обновленного правительства, в Санкт-Петербурге проходила забастовка ученых. Представители НИИ и вузов Петербурга, собравшиеся в региональном центре РАН, в очередной раз требовали вернуть долги преподавателям и ученым, а также повысить их зарплаты. Сотрудники академических и отраслевых институтов получали в среднем 450—500 тысяч рублей в месяц. Вузовские работники примерно столько же. Их оклады не менялись с октября 1995 года [Хозиков, 1997, с. 1]. Помимо жалоб по зарплате поступали обращения, связанные с отъемом имущества у образовательных учреждений. Так, в письме от 27.10.1997 на имя первого заместителя председателя ГКИ РФ Ф. Р. Газизуллина поступило прошение от депутата ЗС СПб Л. И. Карлина решить вопрос с общежитием № 1 Санкт-Петербургского государственного аграрного университета в г. Пушкин, которое решили передать в пользу воинской части [ГАРФ, ф. 10155, оп. 1, д. 3017, д. 72]. Соответственно, экономические реформы и политика приватизации, затрагивая разные сегменты общества, вызывала различные социальные реакции, значительная часть из которых носила негативный характер.

5. Заключение

В заключение следует отметить, что попытка в 1997 году открыть новую страницу в истории приватизации не увенчалась успехом так же, как и ряд других целей, которые ставило перед собой правительство «молодых реформаторов». В частности, «поставить на колени» региональный протекционизм [Graeme, 2003, p. 16]. В стране сформировалась модель «олигархического капитализма», в рамках которого некоторые магнаты стали столь сильны, что смогли через информационное, политическое и экономическое давление отправить в отставку неудобное им правительство. Определенный экономический подъем 1997 года вскоре сменился стремительным падением, кульминацией которого стал дефолт 17 августа 1998 года. Несмотря на то, что формально он был объявлен правительством С. В. Кириенко, предпосылки к нему были сформированы всем ходом предыдущего экономического развития, в том числе достаточно неоднозначными методами, к которым обращалось руководство страны в процессе формирования рыночной экономики и новой системы государственной власти. В этом отношении нужно отметить, что наиболее сильные волны

реформ, ознаменовавшие начало обоих президентских сроков Б. Н. Ельцина, разбивались в скором времени о скалы внешнего противодействия. Разница заключалась в том, что если в первый срок эту роль играла преимущественно коммунистическая партия, то во второй срок главной силой, выступающей за растянутый переходный период, подразумевающий своеобразные отношения власти и бизнеса, стал новый класс крупных собственников. В Санкт-Петербурге борьба за собственность обострилась до такой степени, что был убит глава КУГИ. Северная столица все больше обретала ореол криминальной столицы России, что в массовом сознании после выхода фильмов В. В. Бортко по книгам А. Д. Константинова воплотилось в термине «Бандитский Петербург». В целом все эти события ярко продемонстрировали, что борьба за собственность в постсоветской России стала одним из центральных элементов жизни общества, в котором тесно переплетались интересы власти, бизнеса и криминала. Таким образом, российская приватизация второй половины 1990-х годов продолжала осуществляться не на основе закона и прозрачности, а через систему специфических договоренностей между бизнесом и бюрократией.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 10155. Министерство имущественных отношений Российской Федерации. Оп. 1. Д. 3017. Запросы, письма депутатов и документы по их рассмотрению. Т. 7 : 21.10. — 29.12.1997.
2. ЦГА СПб — *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 10134. Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. 1994—2006. Оп. 1. Д. 514. Письма граждан по общественно значимым проблемам : 16.01. — 30.12.1997 ; Ф. 10135. Комитет по управлению городским имуществом Правительства Санкт-Петербурга и подведомственные ему районные комитеты, и территориальное агентство по топливно-энергетическим ресурсам. 1991—2011. Оп. 1. Д. 1046. Планы работ структурных подразделений КУГИ и отчеты об их исполнении за 1997 г.
3. *Геворкян Н. П.* От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным / Н. П. Геворкян, А. И. Колесников, Н. А. Тимакова. — Москва : «Вагриус», 2000. — 190 с.
4. *Грязневич В. Я* человек Яковлева и Чубайса / В. Грязневич // *Вечерний Петербург* : газета. — 04.09.1997. — № 166 (21117). — С. 2.
5. *Ельцин Б. Н.* Президентский марафон / Б. Н. Ельцин. — Москва : АСТ, 2000. — 428 с.
6. *Кох А. Р.* Интервью. 2016 [Электронный ресурс] / А. Р. Кох. — Режим доступа : <https://gordonua.com/tags/alfred-koh.html>.
7. *Основные итоги работы Администрации Санкт-Петербурга за 1996 — 1999 гг.* — Санкт-Петербург, 1999. — 61 с.
8. *Подчинённый Шутова* признался в убийстве Маневича // *Фонтанка.ру*. — 2 ноября 2009. [Электронный ресурс] — Режим доступа : <https://www.fontanka.ru/2009/11/01/034/>.
9. *Регионы России* : Стат сб. В 2 т. Т. 1 / Госкомстат России. — Москва : Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 1998. — 614 с.

10. *Регионы России* : Стат. сб. В 2 т. Т. 1. / Госкомстат России. — Москва : Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2000. — 604 с.
11. *Санкт-Петербург* 1996—1999 : Стат. сб. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2000. — 87 с.
12. *Сланцевые шахты* — под угрозой социального взрыва // Час Пик : газета. — 23.01.1998. — № 3 (922). — С. 4.
13. *Стенограмма заседания Государственной Думы* от 24.12.1997 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://transcript.duma.gov.ru/node/2644/>.
14. *Филиппов П. С.* Я был в расстрельном списке / П. С. Филиппов. — Москва : Алгоритм, 2016. — 288 с.
15. *Хозилов В.* Ученые требуют возвращения долгов / В. Хозилов // Санкт-Петербургские ведомости : газета. — 05.03.97. — № 42 (1467). — С. 1.
16. *Черномырдин В. С.* Народный премьер. 1990—1998 : мемуары / В. С. Черномырдин. — Москва : Музей В. С. Черномырдина, 2013. — 496 с.
17. *Чубайс А. Б.* Интервью. 2001 [Электронный ресурс] / А. Б. Чубайс. — Режим доступа : <https://forum-msk.org/material/economic/2493684.html>.
18. *Чубайс А. Б.* Не пройдет и полгода? [Электронный ресурс] / А. Б. Чубайс // Ежедневник «Дело». — 22 августа 2005. — Режим доступа : <http://www.idelo.ru/383/1.html>.
19. *Чубайс А. Б.* Убийцы вице-губернатора Петербурга Маневича найдены [Электронный ресурс] / А. Б. Чубайс // Фонтанка.Ру. — 29 ноября 2006. — Режим доступа : <https://www.fontanka.ru/2006/11/29/181061/print.html>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнян А. А.* 185 лет для пользы Российской, 1826—2011 : Александровский завод. ОАО «Пролетарский завод» / А. А. Арутюнян. — Санкт-Петербург : Леко, 2011. — 223 с.
2. *Бурим Л. Д.* Ижорские заводы. Колпино : Ист. Очерки / Л. Д. Бурим, Г. А. Ефимова. — Санкт-Петербург : Агат, 2002. — 174 с.
3. *Васильев С. А.* Десятилетие экономических реформ в Санкт-Петербурге / под общей ред. С. А. Васильева. — Санкт-Петербург : Леонтьев Центр, 2001. — 336 с.
4. *Васько Е. А.* Обуховский завод : очерки истории, 1863—2008 / Е. А. Васько. — Санкт-Петербург : Береста, 2010. — 591 с.
5. *Докторов Б. З.* Эпоха Ельцина : Мнения россиян : Социологические очерки / Б. З. Докторов, А. А. Ослон. — Москва : Институт фонда «Общественное мнение», 2002. — 382 с.
6. *Курапцева Н. П.* Сквозь призму времени. Открытое АО ЛОМО / Н. П. Курапцева. — Санкт-Петербург : Лик, 2002. — 188 с.
7. *Лапина Н. Ю.* Российская приватизация : история, динамика, результаты / Н. Ю. Лапина // Приватизация в России и других странах СНГ. — Москва : ИНИОН РАН, 2003. — С. 13—56.
8. *Мунтян М. В.* Приватизация и приватизаторы (теория и практика российской приватизации) / М. А. Мунтян, А. И. Подберезкин, С. П. Стреляев. — Москва : Евразия+, 2005. — 308 с.
9. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий / Р. Г. Пихоя. — Москва : АСТ, 2007. — 552 с.

10. *Полынов М. Ф.* Рыночные реформы в 1990-е годы и их последствия для промышленности России / М. Ф. Полынов // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. — 2005. — № 1. — С. 78—90.
11. *Российская экономика в 1997 г. : тенденции и перспективы* / под редакцией Е. Т. Гайдара. — Москва, 1998. — 292 с.
12. *Рыбаков Ф. Ф.* Экономика Санкт-Петербурга : прошлое, настоящее будущее / Ф. Ф. Рыбаков. — Санкт-Петербург : Гидрометеиздат, 2000. — 269 с.
13. *Усыскин Л. Б.* Время Михаила Маневича / Л. Б. Усыскин. — Москва : ОГИ, 2012. — 288 с.
14. *Шевцова Л. Ф.* Режим Бориса Ельцина / Л. Ф. Шевцова. — Москва : Росспэн, 1999. — 535 с.
15. *Boycko M.* Privatizing Russia / M. Boycko, A. Shleifer, R. Vishny. — Cambridge. 1995. — Pp. 139—191.
16. *Graeme P. Herd.* Russian Regions and Regionalism : strength through weakness / P. Herd Graeme, Anne Aldis. — London : Routledge Curzon, 2003. — 281 p.
17. *Russia's road to corruption.* How the Clinton Administration exported government instead of free enterprise and failed the Russian people. Members of the speaker's advisory group on Russia. United States House of Representatives 106th Congress. — Washington, 2000. — 296 p.

IMPLEMENTATION OF THE MONETARY STAGE OF RUSSIAN PRIVATIZATION IN 1997 — EARLY 1998: KEY TRENDS AND REGIONAL SPECIFICS (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)^{1*}

© **Timofey V. Valov (2020)**, orcid.org/0000-0002-8887-9421, Research Engineer, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), timofei.valov@yandex.ru.

The implementation of the monetary phase of Russian privatization in 1997 — early 1998 is discussed in the article. The relevance of the research is due to the fact that economic reforms and the privatization policy of the 1990s formed a socio-economic model and determined the characteristics of the political system of post-Soviet Russia, which led to the emergence of a number of basic problems facing Russian society in the late 2010s. It is noted that the post-communist transformation has become one of the most ambitious socio-economic shifts in the history of the 20th century. Therefore, according to the author of the article, it deserves a deep comprehensive study. The main trends in the privatization process of the 1990s are analyzed, the regional dimension is revealed on the example of St. Petersburg. The socio-political situation in the Russian Federation, which affects the course and dynamics of the transformation of property relations, is investigated. The government's attempt to change the specifics of the privatization policy and further economic reforms in Russia is disclosed. The attention is paid to the political and criminal situation in St. Petersburg. The influence of privatization on the economy of the country, including the industry of St. Petersburg, is studied. The situation is considered on the example of a number of city enterprises. The social reaction to ongoing reforms is analyzed, in particular, the content of appeals of various public groups in connection with the implementation of the privatization policy.

1 Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90010.

Key words: privatization; St. Petersburg; reform; industry; enterprises; market; own; economy.

MATERIAL RESOURCES

- Chernomyrdin, V. S. (2013). *Narodnyy premyer. 1990—1998: memuary*. Moskva: Muzei V. S. Chernomyrdina. (In Russ.).
- Chubays, A. B. (2001). *Intervyu*. Available at: <https://forum-msk.org/material/economic/2493684.html>. (In Russ.).
- Chubays, A. B. (22 avgusta 2005). Ne proydet i polgoda? In: *Yezhenedelnik «Delo»*. Available at: <http://www.idelo.ru/383/1.html>. (In Russ.).
- Chubays, A. B. (29 noyabrya 2006). Ubiytsty vitse-gubernatora Peterburga Manevicha naydeny. In: *Fontanka.Ru*. Available at: <https://www.fontanka.ru/2006/11/29/181061/print.html>. (In Russ.).
- Eltsin, B. N. (2000). *Prezidentskiy marafon*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Filippov, P. S. (2016). *Ya byl v rasstrelnom spiske*. Moskva: Algoritm. (In Russ.).
- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F. 10155. Ministerstvo imushchestvennykh otnosheniy Rossiyskoy Federatsii. Op. 1. D. 3017. Zaprosy, pisma deputatov i dokumenty po ikh rassmotreniyu. T. 7: 21.10. 29.12.1997. (In Russ.).
- Gevorkyan, N. P., Kolesnikov, A. I., Timakova, N. A. (2000). *Ot pervogo litsa. Razgovory s Vladimirom Putiny*. Moskva: «Vagrius». (In Russ.).
- Gryaznevich, V. (04.09.1997). Ya chelovek Yakovleva i Chubaysa. *Vecherniy Peterburg: gazeta*, 166 (21117). (In Russ.).
- Khozikov, V. (05.03.97). Uchenyye trebuyut vozvrashcheniya dolgov. *Sankt-Peterburgskie vedomosti: gazeta*, 42 (1467). (In Russ.).
- Kokh, A. R. *Intervyu*. 2016. Available at: <https://gordonua.com/tags/alfred-koh.html>. (In Russ.).
- Osnovnyye itogi raboty Administratsii Sankt-Peterburga za 1996—1999 gg.* (1999). Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Podchinennyy Shutova priznalsya v ubiystve Manevicha. (2 noyabrya 2009). In: *Fontanka.ru*. Available at: <https://www.fontanka.ru/2009/11/01/034/>. (In Russ.).
- Regiony Rossii: Stat sb. V 2 t., 1.* (1998). Moskva: Gos. kom. Ros. Federatsii po statistike. (In Russ.).
- Regiony Rossii: Stat sb. V 2 t., 1.* (2000). Moskva: Gos. kom. Ros. Federatsii po statistike. (In Russ.).
- Sankt-Peterburg 1996—1999: Stat. sb.* (2000). Sankt-Peterburg: [b. i.]. (In Russ.).
- Slantsevyye shakhty — pod ugrozoy sotsialnogo vzryva. (23.01.1998). In: *Chas Pik: gazeta*, 3 (922). (In Russ.).
- Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoy Dumy ot 24.12.1997 g.* Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2644/>. (In Russ.).
- TsGA SPb — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga*. F. 10134. Zakonodatel'noye Sobraniye Sankt-Peterburga. 1994—2006. Op. 1. D. 514. Pisma grazhdan po obshchestvenno znachimym problemam: 16.01.—30.12.1997; F. 10135. Komitet po upravleniyu gorodskim imushchestvom Pravitelstva Sankt-Peterburga i podvedomstvennyye yemu rayonnyye komitety, i territorialnoye agentstvo po toplivno-energeticheskim resursam. 1991—2011. Op. 1. D. 1046. Plany

rabot strukturnykh podrazdeleniy KUGI i otchety ob ikh ispolnenii za 1997 g. (In Russ.).

REFERENCES

- Arutyunyan, A. A. (2011). *185 let dlya polzy Rossiyskoy, 1826—2011: Aleksandrovskiy zavod. OAO «Proletarskiy zavod»*. Sankt-Peterburg: Leko. (In Russ.).
- Boycko, M., Shleifer, A., Vishny, R. (1995). *Privatizing Russia*. Cambridge. 139—191.
- Burim, L. D., Efimova, G. A. (2002). *Izhorskiye zavody. Kolpino: Ist. Ocherki*. Sankt-Peterburg: Agat. (In Russ.).
- Doktorov, B. Z., Oslon, A. A. (2002). *Epokha Eltsina: Mneniya rossiyan: Sotsiologicheskiye ocherki*. Moskva: Institut fonda «Obshchestvennoye mneniye». (In Russ.).
- Gaydar, E. T. (ed.) (1998). *Rossiyskaya ekonomika v 1997 g.: tendentsii i perspektivy*. Moskva. (In Russ.).
- Graeme, P. H., Aldis, A., (2003). *Russian Regions and Regionalism: strength through weakness*. London: Routledge Curzon.
- Kuraptseva, N. P. (2002). *Skvoz' prizmu vremeni. Otkrytoye AO LOMO*. Sankt-Peterburg: Lik. (In Russ.).
- Lapina, N. Yu. (2003). Rossiyskaya privatizatsiya: istoriya, dinamika, rezultaty. In: *Privatizatsiya v Rossii i drugikh stranakh SNG*. Moskva: INION RAN. 13—56. (In Russ.).
- Muntyan, M. V., Podberezkin, A. I., Strelyaev, S. P. (2005). *Privatizatsiya i privatizatory (teoriya i praktika rossiyskoy privatizatsii)*. Moskva: Evraziya+. (In Russ.).
- Pikhoya, R. G. (2007). Moskva. *Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoy strany. Rossiya na izlome tysyacheletiy*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Polynov, M. F. (2005). Rynochnyye reformy v 1990-e gody i ikh posledstviya dlya promyshlennosti Rossii. *Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya, 1*: 78—90. (In Russ.).
- Russia's road to corruption. How the Clinton Administration exported government instead of free enterprise and failed the Russian people. Members of the speaker's advisory group on Russia. United States House of Representatives 106th Congress*. (2000). Washington.
- Rybakov, F. F. (2000). *Ekonomika Sankt-Peterburga: proshloye, nastoyashcheye budushcheye*. Sankt-Peterburg: Gidrometeoizdat. (In Russ.).
- Shevtsova, L. F. (1999). *Rezhim Borisa Eltsina*. Moskva: Rosspen. (In Russ.).
- Usyskin, L. B. (2012). *Vremya Mikhaila Manevicha*. Moskva: OGI. (In Russ.).
- Vasilyev, S. A. (2001). *Desyatiletie ekonomicheskikh reform v Sankt-Peterburge*. Sankt-Peterburg: Leontyev Tsentr. (In Russ.).
- Vasko, E. A. (2010). *Obukhovskiy zavod: ocherki istorii, 1863—2008*. Sankt-Peterburg: Beresta. (In Russ.).

Гехт А. Б. Академический расизм в Швеции в первой половине XX века: создание и деятельность Государственного института расовой биологии / А. Б. Гехт, А. В. Неровный, И. А. Цверинанашвили // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 288—302. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-288-302.

Geht, A. B., Nerovny, A. V., Tsvorianashvili, I. A. (2020). Academic Racism in Sweden in the First Half of XX Century: Creation and Activities of the State Institute of Racial Biology. *Nauchnyi dialog, 1*: 288-302. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-288-302. (In Russ.).

УДК 94(485)“19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-288-302

АКАДЕМИЧЕСКИЙ РАСИЗМ В ШВЕЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА РАСОВОЙ БИОЛОГИИ

© **Гехт Антон Борисович (2020)**, orcid.org/0000-0002-6917-1161, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича» (Санкт-Петербург, Россия), a.geht@yandex.ru.

© **Неровный Артём Викторович (2020)**, orcid.org/0000-0002-2725-8146, ассистент кафедры истории и регионоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича» (Санкт-Петербург, Россия), art830@yandex.ru.

© **Цверинанашвили Иван Алексеевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-6514-9725, старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича» (Санкт-Петербург, Россия), konditer14@rambler.ru.

Рассматривается вопрос создания и функционирования первого в истории Государственного института расовой биологии, работавшего в Швеции, в Уппсале, в 1920—1950-е годы и ставшего детищем социал-демократической партии страны, набравшей силу во время, и группы влиятельных общественных деятелей, наподобие известного учёного Сванте Аррениуса. В статье прослеживается появление расовой биологии как направления научных исследований в конце XIX — начале XX века, которое было оформлено в работах Андреаса Ретциуса, Густава Ретциуса, Фрэнсиса Гальтона, Альфреда Плётца, ставших идейными продолжателями Жозефа Артюра де Гобино, отца арийской расовой теории. Особое внимание уделяется идеологическим установкам, лежавшим в основе деятельности института, а также практическим результатам его деятельности. Уделено особое внимание деятельности Хермана Лундборга как главы института и популяризатора академического расизма в стране — его лекциям, публикациям и распространению своих представлений в Швеции. Рассматриваются причины трансформации института

в середине 1930-х годов, его эволюция как научно-исследовательского заведения в 1940-е годы и затем угасание деятельности вплоть до упразднения его как самостоятельного учреждения.

Ключевые слова: расовая биология; Государственный институт расовой биологии; Херман Лундборг; Гуннар Дальберг; Швеция.

1. Введение

На фоне насыщенного грандиозными историческими событиями XX века шведская история являет собой своего рода оазис относительной тишины и спокойствия. Действительно, это скандинавское королевство не участвовало в мировых войнах, его не сотрясали революции, и даже масштабные социальные и экономические преобразования носили исключительно мирный характер и всегда сопровождались вполне искренней поддержкой большинства населения. Во многом удивительные благосостояние и стабильность, присущие шведскому обществу второй половины XX — начала XXI веков, опираются на базис социал-демократических реформ, направленных на создание в стране социального государства всеобщего благосостояния, «народного дома».

2. Предпосылки развития учения о расовой биологии в Европе рубежа XIX—XX веков

Однако за фасадом успешно воплощённых социал-демократами в жизнь социальных инноваций порой можно найти не самые афишируемые эпизоды, которыми нередко любят пользоваться во внутривнутриполитической борьбе оппоненты социал-демократической партии. И если основной из этих эпизодов, противоречивая внешняя политика Швеции накануне и во время Второй мировой войны, достаточно широко известен за пределами этой страны и подробно изучен в том числе и отечественными учёными, то второй, а конкретно — феномен создания и функционирования в Швеции первого в мире Государственного института расовой биологии, в отечественной историографии не представлен и фактически впервые становится объектом профильного исследования. Собственно основными предпосылкам, а также этапам создания и функционирования этого органа и посвящена настоящая статья, призванная в числе прочего послужить дополнением лакуны в отечественной историографии.

Как известно, в течение XIX века демографическая ситуация в Европе претерпела масштабные изменения. В результате распространения вакцин и постепенного улучшения качества питания сократилась детская смертность и увеличилась продолжительность жизни, что повлекло за собой заметный рост численности населения. Возрастали темпы индустриали-

зации, сопровождаемой дополнительными изменениями в образе жизни значительной части европейцев. Новая волна урбанизации привела к невиданной прежде концентрации населения в городах и фактически коренной смене традиционного образа жизни, что зачастую порождало закономерные негативные оценки современников.

Параллельно происходили и существенные сдвиги в научном подходе к изучению человека как биологического вида. Выход в свет труда Чарльза Дарвина «О происхождении видов» породил жаркие дискуссии, посвященные развитию и становлению человека, которые только усиливались благодаря работам австрийского биолога и ботаника Грегора Йоханна Менделя о феномене наследственности. Важнейшим вкладом в шведский академический расизм стало учение графа Жозефа Артюра де Гобино, автора теории исторического неравенства человеческих рас и предтечи учения национал-социалистов. На идеи шведских расовых биологов немало повлияли интеллектуальные размышления де Гобино о фатальности смешения человеческих рас и превосходстве «арийской расы». Под влиянием этих и прочих трудов во второй половине XIX века в передовых европейских странах — Великобритании и Франции — началось достаточно широкое изучение круга вопросов, получивших обобщённое название «расоведения», а в Швеции же известных в виде понятия «расовая биология» (шв. *rasbiologi*).

У истоков соответствующего термина находится деятельность шведского учёного первой половины XIX столетия Андерса Ретциуса, профессора анатомии в Каролинском институте. В своих трудах он, исходя из формы черепа, разделил человечество в целом и шведский народ, в частности, на два основных типа — долихоцефальных и брахицефальных людей. Своей теорией он пытался определить причины, которые объясняли бы скрытые конфликты между двумя человеческими «расами» в Швеции: долихоцефальными, к которым относились северные европейцы, «предприимчивые и воинственные», и славянами, людьми восточноевропейского происхождения — брахицефальными, — которые, согласно его точке зрения, были пассивны и консервативны, что перекликалось с теориями ранее упомянутого де Гобино. Благодаря своим исследованиям, Андерс Ретциус и его сын Густав фактически создали основу для развития расовой биологии как «науки» в Швеции [Rowley-Conwy, 2007, p. 120—121].

Закономерно, что когда людей, живущих в одном и том же месте, делят на две разные группы с разными характеристиками, якобы определёнными биологически, свойства одной группы начинают считаться желательными, а другой — нежелательными. Интересно, что несколько устаревшее

в наши дни шведское слово *välboren* — буквально «хорошо родившийся», а скорее «правильного происхождения», во многом совпадает по значению с понятием «евгеника», введённым в оборот британским исследователем Фрэнсисом Гальтоном в 1883 году. Именно Гальтон в Великобритании и его коллега Альфред Плётц в Германии содействовали распространению трактовки евгеники как учения о том, как «отделить зерно от плевел» и «облагородить» человека [Stigler, 2010, p. 469—482].

Масштабные социальные трансформации, происходившие в передовых странах Западной Европы, вызывали особое беспокойство среди привилегированных социальных групп и находили особую поддержку в среде консервативных политиков. Возникал актуальный вопрос: могут ли новые идеи о распространении демократических порядков действительно стать возможными, когда между людьми существуют большие физиологические и интеллектуальные различия? Фактически изучение рас и сама расовая биология предлагали заинтересованным в этом лицам научные аргументы о возможности и даже необходимости разделения общества на «лучших» и «худших» людей с точки зрения возможных последствий для нации. Перспективу ухудшения её групповой наследственности из-за распространения не самого лучшего генофонда в условиях стремительного роста городского населения, сосредоточенного на сравнительно небольших территориях, в исторической перспективе можно было преподносить как научно обоснованную позицию.

3. Общество расовой гигиены и его деятельность в Швеции.

Образование Государственного института расовой биологии

Швеция, в которой процессы индустриализации и урбанизации шли с опозданием в сравнении с передовыми европейскими странами, не оставалась в стороне от описанных выше обсуждений и прений. Их результатом стало появление в 1909 году вдохновлённого аналогичной немецкой организацией (благодаря деятельности А. Плётца в 1905 году в Германии появилось первое общество расовой гигиены) Шведского общества в поддержку расовой гигиены (шв. *Svenska sällskapet för rashygien*). Так же, как и их немецкие коллеги, шведские сторонники расовой биологии занялись популяризацией и распространением положений, вынесенных в название самого сообщества.

Движущей силой этой организации была группа из ученых и политиков, придерживавшихся различных политических взглядов, но единых в двух основных вопросах: стремлении основать исследовательский институт вопросов расовой биологии и учредить на государственном уровне

законы о возможности в стране принудительной стерилизации, направленной на общее народное благо. Руководство общества состояло из Вильгельма Лече (зоолог, педагог), Улофа Кинберга (психиатр), Вильгельма Хюльткранца (анатом), Отто Розенберга (ботаник), Ивана Братта (доктор, либеральный политик), Понтуса Фалбека (консервативный общественный деятель), Йохана Тирин (юрист, представитель правых в парламенте), Алмы Сундквист (доктор), Яльмара Йорвала (физиолог, либеральный общественный деятель), Л. Рабениуса (юрист), Сванте Аррениуса (химик) и Алисы Валленберг (филантроп). Отходя в сторону, необходимо особо выделить два последних имени: Сванте Аррениус являлся учёным с мировым именем и лауреатом Нобелевской премии 1903 года, а Алиса Валленберг была супругой Кнута Агатона Валленберга, крупнейшего в стране банкира и предпринимателя, возглавлявшего успешный «Стокгольмс Эншилльда Банкен» [Храмов, 1983, с. 20]. Несомненно, что наличие в составе нового общества подобных членов поднимало его статус и привлекало общественное внимание к деятельности этой организации.

Важную роль в создании необходимого общественного мнения сыграла передвижная выставка, посвященная разным типам людей, организованная в 1919 году под названием «Узнай себя самого, свою семью, свой народ!». Она впервые была представлена в Королевской академии в Стокгольме, а затем отправилась в тур по крупным городам королевства — Уппсале, Евле, Висбю и Гётеборгу [Broberg, 1995, s. 45]. Как и сама идея Общества в поддержку расовой гигиены, эта выставка была вдохновлена аналогичными проектами в Германии. При активном участии упоминавшегося выше А. Плётца, в будущем приветствовавшего приход А. Гитлера к власти и активно сотрудничавшего с нацистским режимом в качестве научного эксперта, в Германии успешно функционировала большая выставка, затрагивавшая в том числе и вопросы расовой гигиены, — «Völkerschau» («Человеческий зоопарк»). Основной целью подобных мероприятий, на протяжении XIX столетия представленных по всей Западной Европе, было развлекать досужую публику, постоянно читавшую в прессе и литературе о развитии европейских колоний по всему земному шару, демонстрируя наряду с экономическими достижениями колоний и всевозможную экзотику.

Для большей наглядности организаторы выставляли в качестве экспонатов живых людей, преимущественно африканцев. Показывая выходцев из Азии и Африки в самом естественном и подчас примитивно-дикарском виде, подобные выставки — «зоопарки» — имели, особенно в Германии, ярко выраженный расистский подтекст, черпаемый в социальном дарвинизме и родственных ему течениях. К примеру, африканцы выставлялись

зачастую рядом с обезьянами, чтобы показать их общее происхождение. В Германии особую известность получили выставки коллекционера и предпринимателя Карла Хагенбека, показывавшего публике не только экзотических животных, но и лапландских саамов, которых он представлял как своего рода европейский аналог североамериканских индейцев [Glenn, 2002, p. 34—35].

Безусловно, в конце XIX — начале XX веков далеко не все могли оценить весь масштаб возможных последствий такой деятельности и подобной трактовки науки, поэтому масштабной негативной общественной реакции на такие выставки не было ни в Германии, ни в других европейских колониальных державах, ещё не представлявших формы отклика от подобных «человеческих зоопарков» в умах хотя бы следующего поколения своих соотечественников.

В далёкой от удивительного мира азиатских и африканских колоний Швеции организованная Обществом в поддержку расовой гигиены выставка стала сенсацией и имела значительный успех, которому способствовали современные для того времени технологии: и сто лет назад шведы активно использовали весь арсенал интерактивных способов взаимодействия с аудиторией. Вниманию гостей выставки были представлены гипсовые бюсты, фотографии разных «типов людей», и даже была возможность самому поучаствовать в исследовании своей генеалогии.

Как рассуждает шведский исследователь Гуннар Бруберг: «С одной стороны, были приятные глазу фотографии “официальных” представителей Швеции, а с другой стороны — унижительные кадры с другими людьми. Любое разумное сравнение этих изображений едва ли было возможным. <...> Народ Швеции узнал о своем собственном превосходстве, а также о тех опасностях, которые существовали для него с точки зрения расовой биологии, в то время как эта наука продолжала собирать материал для своих исследований» [Broberg, 1995, s. 47—48].

В том же 1919 году по инициативе Общества в Швеции началась публикация серии брошюр, написанных как самими активистами организации, так и авторитетными исследователями. Пожалуй, наибольший интерес в этих работах представляет собой удивительное сочетание идеологии и науки, выражающееся в смеси научного подхода с глубочайшим презрением к чему-то слабому и ненавистью к иному. Например, известный исследователь классических античных языков Мартин Нильссон, профессор археологии и древней истории в университете Лунда, в 1923 году написал брошюру о масштабе и значении смешения расовых типов в Римской империи, утверждая, что чрезмерная метисация привела к гибели Рима [Nilsson, 1920, s. 23].

Другие опубликованные работы, к примеру, «Современное учение о наследственности» профессора зоологии Уппсальского университета (в 1943—1947 годах он даже возглавит этот старейший в Скандинавии университет) Нильса фон Хофстена, являлись во многом дополненными за счёт более актуальных сведений пособиями по учению о генетике Менделя и, более того, в течение длительного времени использовались в качестве таковых. Однако в тексте фон Хофстена наряду с научными фактами также присутствовали и пассажи о «недостойных и низших существах», которые явно уводят текст брошюры в ненаучное поле [Hofsten, 1920, s. 59].

Справедливости ради необходимо заметить, что в будущем Н. фон Хофстен не примкнул к числу сторонников нацистских идей и осуждал политику гитлеровского режима. Тем не менее это не мешало ему рассуждать о несомненной пользе своевременной стерилизации женщин, чьё потомство может негативно отразиться на состоянии генофонда шведского народа и стать обузой для общества. Впоследствии он стал заметной фигурой в вопросе принятия и реализации закона о принудительной стерилизации 1934 года [Dahlgren, 2005. s. 47—50].

4. Расцвет государственного института расовой биологии в 1920-е годы

Как видно из приведённых выше рассуждений, к началу двадцатых годов XX столетия евгеника вышла за пределы узко профессиональных дискуссий и стала предметом весьма широкого общественного обсуждения в многих странах Европы, в том числе и в Швеции. Инициировав масштабное общественное обсуждение вопросов, связанных с расовой биологией, создателям Общества в поддержку расовой гигиены весьма быстро удалось осуществить задуманное: первый в мире Государственный институт расовой биологии был основан в 1922 году [Broberg, 1995, s. 47—48]. Отметим, что оба решения не были инициативой какой-то одной политической силы, а в целом принимались квалифицированным большинством парламентариев, относящихся к различным фракциям, поэтому современные попытки различных политических партий критиковать социал-демократов за принятие подобных решений следует воспринимать в контексте шведской внутриполитической полемики.

Главой и несомненным центром Государственного института расовой биологии стал медик, исследователь и преподаватель Херман Лундборг (1868—1943), посвятивший свою жизнь идеям расовой биологии и стремлению воплотить их на практике. Придерживавшийся крайне консервативных и националистических взглядов, сам себе он давал следующую весьма

показательную характеристику: «Лишенный чувства юмора с “арийской внешностью”, имеющий трудности почти со всем и всеми, являющийся воплощением непонятого гения, в постоянной борьбе с глупостью и неразумностью» [Hagerman, 2015, s. 177—182]. Начав свою деятельность в качестве активиста Общества в поддержку расовой гигиены, именно он стал одним из организаторов выставки «Узнай себя самого, свою семью, свой народ!» и активным автором различных статей и брошюр, нацеленных на популяризацию идей расовой биологии.

Наиболее полно и подробно Х. Лундборг выразил свои взгляды в брошюре «Опасность дегенерации», опубликованной в 1922 году. Рассматривая рост городов как проблему и выводя из неё увеличение межклассовых различий и противоречий, он также в негативном ключе видел будущее общества, где развитие технологий приведёт к безработице. Однако в своих рассуждениях Лундборг шёл куда дальше обычной консервативной ностальгии по идеализированному аграрному прошлому. Приведем несколько характерных тезисов из его работы.

«Существуют два вида врагов, которые более или менее угрожают каждому народу. Внешний и внутренний. <...> Внутренние враги, которые также важны, тесно связаны с проблемами дегенерации людей. Это обусловлено наследственной неполноценностью, которая влечет за собой гибель расы» [Lundborg, 1922, s. 16].

«Фальшивая гуманность, которая в настоящее время вдохновляет многих, несомненно ускоряет развитие неблагоприятного процесса, получившего название “контр-выбор” (т. е. отбор в плохом направлении). Добросердечные мужчины и женщины нередко помогают физически и психически больным людям, которые потом размножаются и передают свою неполноценность по наследству новому потомству, которые, в свою очередь, обременяют общество» [Ibid., s. 18].

«... следует избегать смешения рас, поддерживать сельское хозяйство, остановить урбанизацию, препятствовать эмиграции, и только тогда будет создана благоприятная среда для исследований в области расовой биологии» [Ibid., s. 18—19].

«... никогда хорошая окружающая среда не может сама по себе произвести плохих или негодных людей, например, цыган или негров, так же, как и сделать лучше самые нижние слои в культурных обществах, например, опытных преступников, бродяг, душевнобольных» [Ibid., с. 19].

Рассуждения Х. Лундборга очевидно перекликаются с брошюрой «Вопросы стерилизации», опубликованной в том же 1922 году другим членом Общества в поддержку расовой гигиены, профессором гинекологии

Лундского университета Элисом Эссен-Мёллером (1870—1956), позднее вошедшим в состав администрации Института расовой биологии: «Врачу, возможно, приходится намного чаще, чем другим членам общества, быть очевидцем того, как неполноценные индивиды, умственно отсталые, эпилептики и т. д. рожают детей, которые, к сожалению, часто наследуют болезнь или физические недостатки родителей, а затем, в свою очередь, становятся обузой для общества. Безусловно, если общество в большей степени состоит из таких, менее ценных людей, то это в конечном итоге может привести его и население к фатальному исходу.

К сожалению, как уже показал опыт, неполноценные индивиды размножаются в гораздо больших количествах, нежели члены высших слоев общества. <...> ... хотя к такой мере, насколько нам известно, прежде в нашей стране не прибегали, нашим долгом было предотвратить дальнейшую беременность у таких женщин <...> Согласно данным Лундборга, в нашей стране 18 000 душевнобольных, 14 000 идиотов, 20 000 умственно отсталых и 7 000 эпилептиков. Где вы найдете места для всех них, включая и других больных с иными заболеваниями, и преступников, которые также могут нуждаться в изоляции?» [Essen-Möller, 1922, s. 16].

Несомненное сходство и даже родство идей Х. Лундборга и Э. Эссен-Мёллера с идеологией немецких нацистов в начале 1920-х годов в силу их малой популярности в Германии и за её пределами ещё не было заметно и не препятствовало получению им государственных бюджетных средств на проведение различных исследовательских работ. Рассуждая о деятельности Института расовой биологии, не следует преувеличивать масштаб этой организации. В течение длительного времени весь институт размещался в трёх-четырёх помещениях в небольшом здании неподалёку от Упсальского собора, а основной штат насчитывал порядка десяти человек.

На протяжении 1920-х годов Х. Лундборг и его сотрудники развернули активную деятельность, находившуюся на стыке антропологии, этнографии и социологии. В наши дни в фондах исследовательской библиотеки Упсальского университета хранится до 12 000 фотографий, сделанных в ходе экспедиций по стране сотрудников Государственного института расовой биологии. Во время поездок по Швеции сотрудники института часто обращались к местному священнику или к учителю народной школы с просьбой помочь в проведении опросов и фотографировании местных жителей. Также активно к делу привлекались военнослужащие, как правило, рядовые солдаты. Участникам процедур часто обещали копию их собственного портретного снимка в качестве вознаграждения [Broberg, 1995, s. 61—62].

Некоторые люди на снимках обнажены, другие представлены в народных костюмах. Эти фотографические материалы лежали в основе аргументации Х. Лундборга и его коллег, утверждавших, что физический облик народа должен находиться в центре идеологии расового мышления. Именно поэтому им было необходимо найти и запечатлеть физические черты, соответствующие облику классического «идеального» шведа.

Как отмечает научный сотрудник Уппсальского университета Ульрика Щелман, «что больше всего меня удивило, когда я работала с этими фотографиями, так это наивная связь между внешностью, расой и характером (выводимая Х. Лундборгом и его сотрудниками. — примечание наше. — А. Г. , А. Н., И. Ц.), ведь все эти люди были объединены только их внешностью. Это правда чистый расизм, как я могу резюмировать» [Kjellman, 2013, p. 180—201].

Анализ фотографий, сделанный в институте, не был аналитическим, а лишь количественным и описательным, в духе традиционной физической антропологии XIX века. Обработка фотографий заключалась в том, чтобы разделить Швецию на разные расовые регионы, исходя из роста исследованных людей, размера их черепа, цвета волос и глаз. Люди были отсортированы в соответствии с тремя расовыми типами: североευропейским, восточно-балтийским и лапландским. Они, в свою очередь, делились на подкатегории и накладывались друг на друга, исходя из более мелких характеристик и особенностей. В опубликованных по итогам проведенной работы института материалах второй половины 1920-х годов можно увидеть, что доля людей со светлыми волосами в Швеции составляла 72,7 %, с рыжими — 3,3 % и т. д. Типично шведский лицевой индекс равнялся 91,3 % по принятой сотрудниками Х. Лундборга модели исчисления. Доля шведов со вздернутым носом насчитывала 27,5 %, а люди, имеющие нос с горбинкой, составляли 17,4 %. Даже цвет глаз определялся количественно: 47,4 % — голубоглазых, 19,3 % — имеющих серые глаза и т. д. [Lundborg, 1929, s. 88—79].

Однако эти собранные, отсортированные и изданные материалы имели четкое политическое послание: расовые и иностранные черты связаны с преступностью и социальными проблемами. Это явно следует из кратких подписей к изображениям: «Социально неустойчивая женщина. Представительница метисов», «Мужчина — метис. Преступник», «Метис. Преступник» [Ibid., s. 121—122].

В свою очередь, как отмечает Ульрика Щелман, «североευропейские индивиды по большей части выглядят здоровыми и сильными, в то время как представители других рас представлены людьми, которые выглядят не

так хорошо. Североевропейский тип внешности также представлен в более изящно оформленных изображениях, в отличие от, например, саамов, которых изображали небрежно» [Kjellman, 2013, p. 180—201]. Необходимо пояснить, что Х. Лундборг рассматривал саамов в качестве яркого примера дегенеративной нации и явно стремился выставить представителей этого народа в самом негативном свете.

5. Общественная и парламентская критика деятельности института и переориентация его деятельности

Подобные действия и утверждения в печати встречали разный отклик, однако преимущественно он был негативным. На страницах одной из крупнейших шведских газет «Dagens Nyheter» либеральный политический деятель и журналист Торстен Фогельквист активно выступал против деятельности Института как по идеологическим, так и по научным соображениям. Будучи горячим противником нацизма, постепенно набиравшего всю большую популярность в Германии, Фогельквист утверждал, что Лундборг обманывал государство и впустую растрачивал налоговые средства, занимаясь лженаукой. С горькой иронией он заявлял: «Самая интересная новость заключается в том, что с точки зрения расовой биологии отсутствие любви к родине, безбожие, индивидуализм и эгоизм представляются явлениями дегенерации или ее симптомами» [Fogelqvist, 2019].

Рассуждения о том, что любовь, симпатия и общие интересы должны заменяться расовыми биологическими соображениями, согласно которым только полноценно здоровые особи могут размножаться и в перспективе вообще иметь право на жизнь, отрицались не только либеральной общественностью: идеи измерения ушей, носов и лиц казались довольно нелепыми для значительной части шведского общества. Однако Х. Лундборг был готов к общественной полемике и имел в запасе доводы, с которыми трудно спорить аргументированно: согласно его точке зрения, поскольку к числу владельцев «Dagens Nyheter» относится известная в Швеции династия предпринимателей еврейского происхождения Бонниер, материалы, публикуемые на её страницах, однозначно служат интересам международного еврейства, злонамеренно желающего погубить шведский народ [Broberg, 1995, s. 72].

Каковы же практические итоги деятельности Хермана Лундборга на посту главы Института расовой биологии? Первое, что ему удалось сделать, — опубликовать практическое пособие «Шведская нация в текстах и иллюстрациях» (1922), явно нацеленное на американскую и британскую аудиторию, где идеи расовой гигиены уже имели свою питательную среду (возможно, у Х. Лундборга были надежды на пожертвования со стороны

американцев шведского происхождения). Также им и другими сотрудниками Института активно проводились довольно амбициозные открытые лекции. Большое значение для всей деятельности Института имело создание «обновленной» версии работы Андерса Ретциуса «*Anthropologia Suecica*». В первые два плодотворных года существования Института были проведены антропологические измерения не менее 100 000 шведов: призывников, школьников, стажеров, заключенных [Hagerman, 2015, s. 123—128].

Работа вокруг «*Anthropologia Suecica*» велась на фоне жарких споров, спровоцированных принятием Закона о стерилизации, но необходимо заметить, что в настоящее время было бы неверным утверждать, что Институт действительно оказал какое-то особое влияние на принятие этого закона за пределами популяризации лежащих в его основе идей. В 1926 году было опубликовано новое практическое пособие «Расовые характеристики шведской нации», вышедшее с определенной помпезностью и даже пышностью; аналогичным образом был опубликован более простой «Народный том шведской расовой науки» (1927), который так же, как и его предшественник, достаточно активно распространялся в школах и библиотеках. Был осуществлён и перевод ряда изданий Института на немецкий язык [Broberg, 1995, s. 79—84]. После этого деятельность Института явно пошла на спад, и какие-либо заметные результаты его деятельности фактически отсутствуют.

Развернувшаяся по вопросу функционирования Государственного института расовой биологии общественная дискуссия по времени примерно совпала с двумя связанными друг с другом масштабными внешними событиями: началом в 1929 году сильнейшего экономического кризиса и приходом к власти в Германии нацистов. Лишившись значительной части финансирования из-за сокращения социал-демократическим правительством государственных ассигнований на деятельность института и превратившись в объект постоянной критики, в своей деятельности Х. Лундборг окончательно отошёл от исследовательской деятельности (последние несколько лет он посвятил явно предвзятому изучению саамов) и погрузился в продолжительные дразги как с коллегами по академической среде, которые открыто сомневались в научной ценности расовой биологии, так и с собственными сотрудниками.

Имевшиеся прежде планы, к примеру, создание на базе Института большой библиотеки и музея расовой биологии, реализованы не были как по причине постоянного сокращения финансирования со стороны парламента (в чём Лундборг естественно видел происки международного еврейства), так и из-за распыления этим некогда способным человеком своих

сил на не заслуживающие того цели и проекты. В результате в 1935 году поборник расовой гигиены, к этому времени открыто симпатизировавший немецким нацистам и проводимой ими политике, был вынужден уйти на пенсию [Broberg, 1995, s. 79—84].

Его приемник на посту главы института, медик Гуннар Дальберг (1893—1956), не только не поддерживал расовую концепцию Х. Лундборга и планировал исследовать проблемы наследственности без какого-либо расового подтекста, но и публично выступал как против нацистской идеологии, так и против попыток как-либо увязать её с генетикой. Под его руководством с середины 1930-х годов институт начал заниматься исследованиями медицинской генетики, превратившись в классическое исследовательское научное заведение.

6. Заключение

Уже во время Второй мировой войны, после публикации прежних наработок института, подготовленных ещё во времена его руководства Х. Лундборгом, Г. Дальберг подверг структурированной критике прежнюю деятельность института и, в частности, заявил, что «расовая биология — продукт национальных предрассудков и не имеет ничего общего с наукой» [Dahlgren, 2005, s. 191—192]. Позднее его книга «Наследие и раса» (шв. *«Ärv och ras»*) была издана в Великобритании (анг. *«Race, reason and rubbish»*), а в 1947 году и в Германии (нем. *«Vererbung und Rasse»*), где её публикация стала частью плана союзников по денацификации немецкого общества [Ibid., s. 195]. Вскоре после смерти Г. Дальберга, в 1958 году, Государственный институт расовой биологии как самостоятельное научно-исследовательское заведение был упразднён, переименован в Институт медицинской генетики и стал функционировать при Уппсальском университете. Так завершилась история первого в мире официального учреждения, призванного заниматься расовой биологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Храмов Ю. А. Физики : Биографический справочник / Ю. А. Храмов. — Москва : Наука, 1983. — 398 с.
2. Broberg G. Statlig rasforskning / G. Broberg. — Lund : Ugglan, 1995. — 109 s.
3. Dahlgren E. Farfar var rasbiolog: en berättelse om människovärde igår och idag / E. Dahlgren. — Stockholm : Wahlström & Widstrand, 2005. — 319 s.
4. Essen-Möller E. Sterilisationsfrågan : några social-medicinska och etiska synpunkter / E. Essen-Möller. — Stockholm : Svenska sällskapet för rashygien, 1922. — 16 s.
5. Fogelqvist T. När rasbiologin gavs plats i Göteborgs finaste festsalar — ”Det var väldigt accepterat” [Electronic resource] / T. Fogelqvist. — Publicerad 2019-09-15. — Access mode :

<https://www.dn.se/kultur-noje/nar-rasbiologin-gavs-plats-i-goteborgs-finaste-festsalar-det-var-valdigt-accepterat/>.

6. Glenn H. Objects of Culture Ethnology and Ethnographic Museums in Imperial Germany / H. Glenn. — North Carolina University of North Carolina Press, 2002. — 281 p.

7. Hagerman M. Käraste Herman. Rasbiologen Herman Lundborgs gåta / M. Hagerman. — Stockholm : Norstedts, 2015. — 416 s.

8. Hofsten N. von Modern ärfthlighetslära / N. von Hofsten. — Stockholm : P. A. Norstedt & söners förlag, 1920. — 59 s.

9. Kjellman U. A Whiter Shade of Pale : Visuality and race in the work of the Swedish State Institute for Race Biology / U. Kjellman // Scandinavian Journal of History. — 2013. — Vol. 38. — № 2. — Pp. 180—201.

10. Lundborg H. Degenerationsfaran och riktlinjer för dess förebyggande / H. Lundborg. — Stockholm : Norstedt, 1922. — 30 s.

11. Lundborg H. Befolkningsfrågan ur rashygienisk synpunkt : Den svenska bondeklassemns betydelse / H. Lundborg. — Sala, 1929. — 234 s.

12. Nilsson M. Rasblandningarnas omfång och betydelse i det romerska kejsarriket / M. Nilsson. — Stockholm : Svenska sällskapet för rashygien, 1920. — 25 s.

13. Rowley-Conwy P. From Genesis to Prehistory : The Archaeological Three Age System and its Contested Reception in Denmark, Britain, and Ireland / P. Rowley-Conwy. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — 362 p.

14. Stigler S. M. Darwin, Galton and the Statistical Enlightenment / S. M. Stigler // Journal of the Royal Statistical Society, Series A. — 2010. — Vol. 173. — Part 3. — Pp. 469—482.

ACADEMIC RACISM IN SWEDEN IN THE FIRST HALF OF XX CENTURY: CREATION AND ACTIVITIES OF THE STATE INSTITUTE OF RACIAL BIOLOGY

© Anton B. Geht (2020), orcid.org/0000-0002-6917-1161, PhD in History, associate professor, Department of History and Regional Studies, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), a.geht@yandex.ru.

© Artyom V. Nerovny (2020), orcid.org/0000-0002-2725-8146, assistant, Department of History and Regional Studies, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), art830@yandex.ru.

© Ivan A. Tsverianashvili (2020), orcid.org/0000-0002-6514-9725, senior lecturer, Department of History and Regional Studies, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), konditer14@rambler.ru.

The article considers the creation and functioning of the first in the history of the State Institute of Racial Biology in Sweden, in Uppsala, in the 1920-1950s and became the brainchild of the country's Social Democratic Party, which was gaining strength at that time, and a group of influential public figures, like the famous scientist Svante Arrhenius. The appearance of racial biology as a direction of scientific research in the late XIX — early XX centuries, which

was framed in the works of Anders Retzius, Gustav Retzius, Francis Galton, Alfred Pletz, who became ideological followers of Joseph Arthur de Gobino, father of the Aryan racial theory is traced. Particular attention is paid to the ideological principles that laid the foundation for the institute, as well as the practical results of its activities. Particular attention was paid to the activities of Herman Lundborg as the head of the institute and the promoter of academic racism in the country — his lectures, publications and the dissemination of his ideas in Sweden. The reasons for the transformation of the institute in the mid-1930s, its evolution as a research institution in the 1940s, and then the extinction of activity up to its abolition as an independent institution are examined.

Key words: racial biology; State Institute of Racial Biology; Herman Lundborg; Gunnar Dahlberg; Sweden.

REFERENCES

- Hramov, Ju. A. (1983). *Fiziki: Biograficheskiy spravochnik*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Broberg, G. (1995). *Statlig rasforskning*. Lund: Ugglan. (In Swed.).
- Dahlgren, E. (2005). *Farfar var rasbiolog: en berättelse om människovärde igår och idag*. Stockholm: Wahlström & Widstrand. (In Swed.).
- Essen-Möller, E. (1922). *Sterilisationsfrågan: några social-medicinska och etiska synpunkter*. Stockholm: Svenska sällskapet för rashygien. (In Swed.).
- Fogelqvist, T. (2019). *När rasbiologin gavs plats i Göteborgs finaste festsalar – "Det var väldigt accepterat"*. Available at: <https://www.dn.se/kultur-noje/nar-rasbiologin-gavs-plats-i-goteborgs-finaste-festsalar-det-var-valdigt-accepterat/>. (In Swed.).
- Glenn, H. (2002). *Objects of Culture Ethnology and Ethnographic Museums in Imperial Germany*. North Carolina University of North Carolina Press.
- Hagerman, M. (2015). *Käraste Herman. Rasbiologen Herman Lundborgs gåta*. Stockholm: Norstedts. (In Swed.). (In Swed.).
- Hofsten, N. von (1920). *Modern ärfvlighetslära*. Stockholm: P. A. Norstedt & söners förlag. (In Swed.).
- Kjellman, U. (2013). A Whiter Shade of Pale: Visuality and race in the work of the Swedish State Institute for Race Biology. *Scandinavian Journal of History*, 38 (2): 180—201.
- Lundborg, H. (1922). *Degenerationsfaran och riktlinjer för dess förebyggande*. Stockholm: Norstedt. (In Swed.).
- Lundborg, H. (1929). *Befolkningsfrågan ur rashygienisk synpunkt: Den svenska bondeklassemens betydelse*. Sala. (In Swed.).
- Nilsson, M. (1920). *Rasblandningarnas omfång och betydelse i det romerska kejsarriket*. Stockholm: Svenska sällskapet för rashygien. (In Swed.).
- Rowley-Conwy, P. (2007). *From Genesis to Prehistory: The Archaeological Three Age System and its Contested Reception in Denmark, Britain, and Ireland*. Oxford: Oxford University Press.
- Stigler, S. M. (2010). Darwin, Galton and the Statistical Enlightenment. *Journal of the Royal Statistical Society, Series A*, 173 (3): 469—482.

Дорохов В. Г. Растениеводство и животноводство Кузбасса в конце XIX — начале XX веков / В. Г. Дорохов, А. Ю. Карпинец, А. Е. Пьянов // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 303—321. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-303-321.

Dorokhov, V. G., Karpinets, A. Yu., Pyanov, A. E. (2020). Plant Growing and Animal Husbandry of Kuzbass in the Late XIX — Early XX Centuries. *Nauchnyi dialog, 1*: 303-321. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-303-321. (In Russ.).

УДК 94(47).083:338.432(571.17)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-303-321

РАСТЕНИЕВОДСТВО И ЖИВОТНОВОДСТВО КУЗБАССА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ¹

© **Дорохов Валерий Геннадьевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-8229-8482, SPIN 5582-4430, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, заместитель директора по учебной работе Института истории и международных отношений, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия), dorokhov_@mail.ru.

© **Карпинец Алексей Юрьевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-1711-9732, SPIN 8914-8710, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири отдела гуманитарных исследований Института экологии человека, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук»; доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия), naukarpinets@mail.ru.

© **Пьянов Александр Евгеньевич (2020)**, orcid.org/0000-0001-9098-4987, SPIN 5209-2280, доцент кафедры истории России, заместитель заведующего кафедрой истории России Института истории и международных отношений, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия), alpianov@yandex.ru.

Статья посвящена характеристике некоторых проблем растениеводства и животноводства в кузбасском регионе (Кузбассе) в период конца XIX — начала XX веков. Рассматриваются вопросы динамики животноводства на указанной территории. Уделяется внимание характеристике структуры кузбасского стада в обозначенный период. На основании анализа статистических данных представлены объёмы кузбасского стада в кабинетских и казённых деревнях кузбасского региона. Поднимается вопрос о характеристике сельскохозяйственных районов кузбасского региона. Реконструируется образцовое

¹ Исследование выполнено в рамках научной программы СО РАН: XII.190.2 «Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и новаций». Проект: «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX — первой половине XX вв.» (№ гос. регистрации AAAA-A17-117041410054-8).

хозяйство Кузбасса на момент 1913 года. Новизна исследования видится в том, что впервые на основании обработки материалов статистики представлены состояние и динамика растениеводства и животноводства в кузбасском регионе (Кузбассе) в период конца XIX — начала XX веков. Актуальность исследования обусловлена его научной и общественной значимостью. Первая определяется тем, что подобного рода исследование, основанное на анализе статистических данных, предпринимается впервые. Второе связано с необходимостью привлечения внимания к проблемам устойчивого социально-экономического развития сельских территорий в настоящее время. Авторы делают вывод о том, что степень развития той или иной отрасли сельского хозяйства в регионе определялась факторами природно-географического и климатического характера, а также потребностями домохозяйств.

Ключевые слова: Кузбасс; переселенческо-колонизационные мероприятия; динамика миграционного потока; благоустройство переселенческих участков; карты заселяемых районов Кузбасса; животноводство; растениеводство; земледелие.

1. Введение

В статье рассматриваются проблемы растениеводства и животноводства кузбасского региона в конце XIX — начале XX веков. Растениеводство исследуется в основном по материалам сельскохозяйственной переписи 1916 года, тогда как животноводство характеризуется в более широких хронологических рамках. В целом же раскрывается ряд особенностей сельскохозяйственного производства Кузбасса. Основным источником статьи послужили материалы статистики, которая имеет определённую специфику. Во-первых, общеизвестен факт: количество скота занижалось правительственной статистикой вследствие того, что ей зачастую не учитывался молодняк скота. Во-вторых, в ряде случаев авторы были вынуждены привести к логическому соответствию явно ошибочные статистические сведения, являвшиеся следствием элементарных грубых опечаток. Например, в 1906 году в Мариинском уезде вместо «логичных» 125 тысяч голов мелкого рогатого скота (далее — МРС) «Обзор ...» показывал 1 млн 125 тыс. голов. Причём источники не содержат никаких дополнительных сведений, которые подтверждали бы столь «чудесное» десятикратное увеличение поголовья МРС в указанном году и столь же резкое падение поголовья в следующем году. Чтобы не искажать реальную статистическую картину неправильными статданными, мы изъяли явно ошибочный «ноль» из поголовья МРС по Мариинскому уезду за 1906 год. Обратный пример: в 1911 году на территории Мариинского уезда мы наблюдаем ничем не обоснованное семикратное сокращение поголовья лошадей, а в следующем 1912 году — «волшебное» восстановление поголовья. Не найдя в источниках подтверждения массового падежа лошадей в 1911 году, мы склонны относить данное колебание к примитивной ошибке статистов. Будучи осведомлёнными о том, что статистика рассматриваемого периода в ряде случаев «грешила» подобного рода опечатками, научную

ответственность за подобного рода «изъятия» и «добавления» «нолей» и «единиц» мы смело берём на себя. Сельское хозяйство Кузбасса указанного периода фрагментарно исследовано в рамках ряда обобщающих трудов по истории Кузбасса [История ..., 1967, с. 378; Летопись ..., 2001, с. 407]. Проблемы землепользования, земледелия и продовольственной безопасности на территории кузбасского региона второй половины XIX века и частично начала XX столетия были рассмотрены в наших предшествующих работах [Карпинец, 2014, с. 201—209; Карпинец, 2016, с. 235—248; Карпинец, 2018, с. 340—355].

2. Земледельческое хозяйство

Кузбасский регион с точки зрения растениеводства не был однороден, но подразделялся на три сельско-хозяйственные зоны. Степная зона Кузбасса — пространство, протянувшееся с севера на юг Кузнецкого уезда от Тарминской до Романовской волостей, — являла собой в плане растениеводства пшеничную зону, где в силу географических и почвенно-климатических условий местности преобладающей зерновой продовольственной культурой являлась пшеница. Средняя запашка здесь была максимальной в кузбасском регионе и составляла 4 десятины (гектара) на домохозяйство (двор). Степная зона была окружена зоной горно-таёжной, которая протянулась на восток и юг от степной. Среди зерновых культур здесь так же, как и в степной зоне, ведущую роль играла пшеница, но посевы ржи занимали гораздо большее место в структуре посевных площадей, чем в степной. Средняя запашка здесь была вдвое меньше, чем в степной зоне, составляя 2 гектара на домохозяйство. Зона переходная — от таёжной к лесостепной — располагалась на севере кузбасского региона и в административном плане занимала Мариинский уезд. Здесь преобладающей зерновой культурой была рожь, а средняя на домохозяйство запашка имела промежуточное значение между степной и горно-таёжной зонами, составляя 3 десятины на двор. В целом по Кузбассу накануне 1917 года структура растениеводства была следующей: средняя запашка составляла 3 гектара на домохозяйство; треть посевных площадей (35 %) была занята под главную продовольственную зерновую культуру — пшеницу; другая треть (32 %) — под основную кормовую зерновую культуру — овёс; пятая часть посевных площадей (22 %) была занята под вспомогательную продовольственную культуру, каковой являлась рожь. Таким образом, 90 % всех кузбасских посевных площадей были заняты зерновой триадой пшеницы, овса и ржи, 6 % приходилось на остальные зерновые, технические и овощные культуры, 3 % — на ячмень и лишь 2 % — на картофель.

Картина сельскохозяйственной инфраструктуры в кузбасских населённых пунктах накануне 1917 года была такова. В 20 % кузбасских селений имелись мельницы, в большей мере они были распространены в степной зоне (в 35 % сельских населённых пунктов), в меньшей степени — в горно-таёжной (всего лишь в 15 % селений), но и средняя запашка в последней была вдвое меньшей, чем в степной зоне. В этой же связи в хозяйствах горно-таёжной зоны вдвое меньшее, чем в степной, распространение получил сельскохозяйственный инвентарь. В 45 % кузбасских селений имелись пасеки, в большей степени они были распространены опять же в степной зоне Кузнецкого уезда: там они имелись в 70 % селений, в то время как в Мариинском уезде пасеки имелись всего лишь в 35 % селений. К 1917 году в Кузбассе было около 200 маслодельных производств. В наибольшей мере маслодельное производство было развито в степной и горно-таёжной зонах. В Морозовской, Касьминской и Караканской волостях было 65 маслодельных производств; в Дмитриевской, Сары-Чумышской и Кузнецкой волостях — 55 маслодельных производств. В большей части волостей Мариинского уезда маслоделие не получило такого развития [подсчитано нами по: Алтайско-Томская часть, 1927, с. 122—181].

Максимальная урожайность культур (до 70 пудов с десятины) достигалась в районах №№ XXII и XIV (рис. 1). Район № XXII (южная часть Мариинского уезда) — горно-таёжная зона с лесными и каменисто-хрящеватыми почвами. Район № XIV (местность между Кузнецким Алатау и Салаирским кряжем в северо-западной части Кузнецкого уезда) — степная зона с черноземными почвами. Причём XXII район был в основном «ржаной», а XIV — по большей части «пшеничный». В XXII районе посевы ржи доходили до 40 %, в XIV районе аналогичное значение имела пшеница. Несколько меньшая урожайность (до 50 пудов с десятины) достигалась в районе № XV. Район № XV (южная часть Кузнецкого уезда, Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау) — горно-таёжная зона с лесными и каменисто-хрящеватыми почвами. Этот район был, как и № XIV, «пшеничным». Здесь посевы пшеницы занимали также около 40 % всех посевных площадей. Наконец, минимальная урожайность культур (35—45 пудов с десятины) была в районах №№ XVIII и XXI. Район № XVIII (южная часть Томского уезда) — лесная зона с преобладанием подзолистых почв. Район № XXI (центр Мариинского уезда) — лугово-лесная зона с карбонатно-луговыми и подзолистыми почвами. Преобладающей посевной культурой здесь была озимая рожь [Сельскохозяйственный ..., 2014].

Дедуктивный метод научного исследования обязывает авторов следом за демонстрацией общей картины сельского хозяйства кузбасского регио-

на раскрыть специфику каждого отдельного домохозяйства. Ограничение любого научного труда решением задач в определенных рамках требует рассмотрения лишь типичных и специфичных примеров. Оставив за рамками данного повествования первые, сконцентрируемся на вторых, детально охарактеризовав образцовое хозяйство Кузбасса на момент 1913 года.

В связи с празднованием трёхсотлетия верховного правления Дома Романовых в 1913 году был объявлен конкурс образцовых крестьянских хозяйств страны с премированием последних. Из почти полутора тысяч домохозяйств, отобранных для участия в конкурсе, премировано было 306, из которых 144 получили первую премию в размере 300 р., 162 — вторую в размере 200 р. Среди 144 самых образцовых крестьянских хозяйств страны оказалось хозяйство крестьянина Мариинского уезда, Томской губернии, села Тюменевского Тюменевской волости Петра Николаевича Мартянова. Думается, это вполне подходящий повод для детальной характеристики указанного домохозяйства.

Крестьянское хозяйство Мартянова по форме землепользования имело характер заимки: усадьба располагалась в Тюменеве, а земельный надел — в 4-х верстах от села. На заимке также имелись все жилые и хозяйственные постройки, поэтому почти вся семья Петра Николаевича весь сельскохозяйственный период проводила именно там. Надельная земля, имевшая форму правильного прямоугольника общей площадью в 75 десятин, удобно располагалась в одном месте.

Почва участка имела характер слегка оподзоленного коричнево-серого суглинка. К 1913 году обрабатывалась 20 лет, поэтому была уже достаточно истощена. Из 75 десятин 45 являлись пахотными, 5 — сенокосными, остальные были заняты усадьбой и лесными колками. С 1910 года Пётр Мартянов стал практиковать многопольный севооборот с культурой многолетних кормовых трав. С этой целью в указанном году вся пахотная земля была разделена на 9 равных полей по 5 десятин в каждом и было принято следующее чередование растений на них: 1) пар, удобряемый навозом; 2) озимая рожь; 3) яр с подсевом клевера и тимopheевки; 4) и 5) кормовые травы; 6) сборное поле (кормовые травы, лён, просо, др. мелкие культуры); 7) пар без удобрения; 8) и 9) яр. Из яровых овёс занимал 10 десятин, пшеница и ячмень — 5 десятин. На сборном поле и на внесевооборотных участках мелкие культуры сеялись в следующих пропорциях: картофель — $\frac{1}{4}$ десятины, горох — $\frac{1}{4}$ десятины, лён — $\frac{1}{4}$ десятины, турнепс и кормовая свёкла — $\frac{1}{20}$. Также с 1910 года Пётр Мартянов ставил опыты по вопросу сравнительной выгоды разных способов посева.

К 1913 году в хозяйстве было полста голов скота: 6 рабочих лошадей, 5 жеребят, 6 дойных коров, 6 нетелей и телят, 18 овец, 6 свиней и 3 поросёнка. Летом взрослый рогатый скот пасся в общем сельском стаде, а молодняк содержался на заимке в особых отгонах. Зимой коровы находились в тёплом светлом скотном дворе, в котором каждая корова имела персональное стойло.

Результатом хорошего ухода за животными стало присуждение Мартянову высшей денежной награды за образцовую 9-месячную тёлку на выставке рогатого скота, проходившей в местном селе в 1913 году.

От торговли скотом и продуктами животноводства в 1912 году хозяйством было выручено 167 рублей; от различного рода приработок хозяйство получило ещё 132 рубля. Итого совокупный денежный доход крестьянского хозяйства Петра Мартянова за 1912 год выразился в сумме 600 рублей. Она предназначалась для обеспечения жизнедеятельности семьи Петра Николаевича, которая состояла из 15 человек: глава семьи Пётр Мартянов (39 лет), его супруга (36 лет), его отец (73 года) и мать (70 лет), его дети: сыновья 15, 10, 7 лет и 3 года, дочери 16, 14, 13 и 12 лет, а также его брат 27 лет, жена брата 21 года и их годовалая дочь. Таковым было лучшее крестьянское хозяйство Кузбасса к 1913 году. Образцовым оно было признано потому, что его глава стремился внедрять инновационные агротехнологии [Халютин, 1915, 21—26].

3. Животноводство

Животноводство составляло вторую по своей значимости после земледелия отрасль сельского хозяйства кузбасского региона, а в ряде волостей Кузбасса, к примеру в Салаирской, и первую. Выращивание и разведение скота до конца XIX века играли здесь довольно значимую роль, но после строительства Транссиба значение этой отрасли сельского хозяйства возросло в ещё большей мере. Продукты местного животноводства, как то: шерсть, кожи, мясо — стали поставляться по Сибирской железной дороге на рынок европейской России. На первый взгляд, в это сложно поверить, но, согласно статистическим данным на 1912 год, Томская губерния, составной частью которой являлся кузбасский регион, занимала 1-е место среди всех губерний Российской империи по общему количеству домашнего скота (!) [ОТГ, 1914, с. 14]. Динамика поголовья скота в кузбасском регионе в период конца XIX — начала XX веков представлена ниже (табл. 1, диагр.).

Представленная диаграмма отражает явление стабильности поголовья скота в период 1893—1906 годы с колебаниями в 1896 / 97 и 1901 годах. Последние были напрямую связаны с уровнем урожайности кормовых

Таблица 1

**Динамика численности поголовья скота в Кузбассе
в период конца XIX — начала XX веков**

Год	Лошадь	КРС	МРС	Свинья	Всего
1893	232209	153207	207339	64176	656931
1894	251789	174455	215982	69133	711359
1895	229110	170421	212947	74873	687351
1896	263698	232405	360915	116400	973418
1897	237334	220525	302111	92972	852942
1898	214628	191876	242865	69821	719190
1899	228776	208545	266407	64044	767772
1900	201423	197348	261882	73953	734606
1901	177014	105407	188282	48082	518785
1902	200351	204196	243346	50905	698798
$\bar{x}$	223633	185838	186581	72436	732115
10-летие: 1903—1912 годы					
1903	220925	188072	249435	52781	711213
1904	214079	191202	246482	56651	708414
1905	207818	191003	259742	60367	718930
1906	206596	187923	229397	51280	675196
1907	233735	208834	254125	59788	756482
1908	243053	248422	304395	72132	868002
1909	253926	250587	314212	100933	919658
1910	259577	261926	284065	87235	892803
1911	294083	284717	312731	97909	989440
1912	304341	312051	354570	110315	1081277
$\bar{x}$	243813	232474	280915	74939	832141

[Составлено нами по: ОТГ, 1894, с. 13; ОТГ, 1895, с. 9; ОТГ, 1896, с. 9, ОТГ, 1897, с. ОТГ, 1898, с. 8; ОТГ, 1899, с. 6; ОТГ, 1900, с. 6; ОТГ, 1901, с. 7; ОТГ, 1902, с. 13; ОТГ, 1903, с. 19, ОТГ, 1904, с. 7; ОТГ, 1905, с. 7; ОТГ, 1906, с. 7; ОТГ, 1907, с. 7; ОТГ, 1908, с. 7; ОТГ, 1909, с. 13, ОТГ, 1910, с. 13; ОТГ, 1911, с. 11; ОТГ, 1912, с. 12, ОТГ, 1914, с. 14].

культур. В 1896, 1897 и 1899 годах наблюдались максимальные урожаи овса на уровне сам-6, травы в указанные годы также дали хорошие урожаи [ОТГ, 1897, 1898, 1900; Ведомость о посеве и урожае хлеба]. В 1900/01 годах, напротив, не уродились ни овёс, ни другие культуры [ОТГ, 1901, 1902 (Ведомость о посеве и урожае хлеба)], что способствовало сокращению поголовья в 1901 году. Хороший урожай 1902 года [ОТГ, 1903 (Ведомость

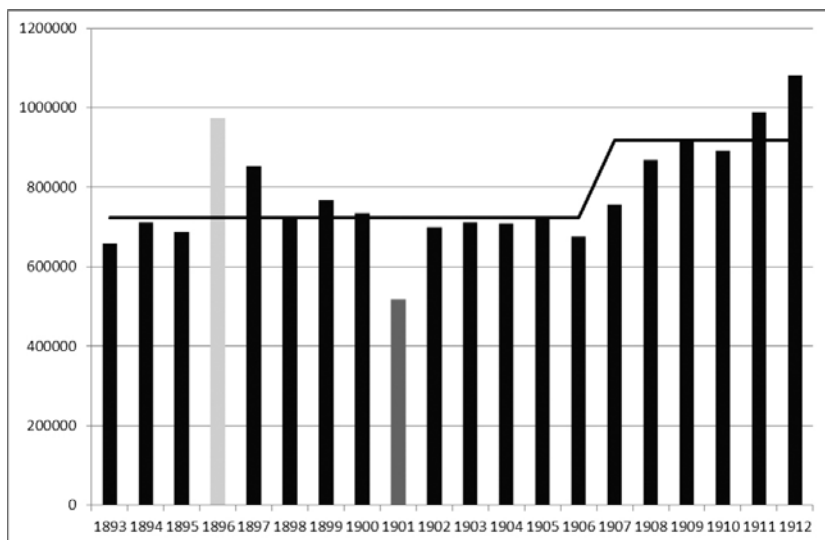

Рис. 2. Динамика численности поголовья скота в Кузбассе в период конца XIX — начала XX вв.

о посеве и урожае хлеба)] способствовал его восстановлению. Таким образом, на данном примере довольно наглядно прослеживается живая и непосредственная взаимосвязь растениеводства и животноводства. Также указанная диаграмма позволяет проследить динамику роста поголовья скота с 1906 года, что было связано с увеличением количества населения в регионе за счёт стабильного и ежегодного притока крестьянских мигрантов.

Теснейшую взаимосвязь степени урожайности трав и хлебов и состояния животноводства иллюстрирует неурожайный 1901 год. Вследствие засухи летом 1900 года скот был поставлен на зимнее кормление захудалым и недокормленным. Неурожай трав повлёк за собой отсутствие у довольно значительной части домохозяев достаточных зимних запасов корма. Более половины домохозяев Мариинского уезда жаловались на крайне неудовлетворительное содержание скота зимой 1900 / 01 годов, у многих не хватило корма до конца зимы.

Недостаток сена восполнялся его покупкой либо же полной заменой сенного корма соломенным. Те, кто не мог позволить себе докупить сено или солому вследствие возросших на них цен, употребляли для корма скота солому с крыш. Как следствие, скот вышел весной на подножный корм болезненный и отощавший. Отмечались случаи гибели скота от голода и

холода. Зимой 1900 / 01 и весной 1901 года наблюдалась массовая распродажа скота с целью покупки на вырученные деньги продовольственного хлеба и семян для посева.

Скот продавался скупщикам на базарах практически за бесценок. В ряде случаев стоимость лошади или коровы опускалась до 5 рублей за голову. В силу дешевизны скота по причине массовости его предложения на рынке многие домохозяева предпочитали сами забивать скот на мясо, нежели продавать его. Этим, собственно, и объясняется сокращение поголовья скота в 1901 году (рис. 1). В ряде селений за зиму 1900 / 01 годов поголовье сократилось на треть, а то и наполовину [Краткий сельскохозяйственный ..., 1902б, с. 23—32].

По причине бескормицы скот весной 1901 года выгнали на поля очень рано, уже в начале апреля, хотя обычно это происходило лишь в двадцатых числах месяца. Летом того же года снова случилась климатическая аномалия, и вследствие повторившейся засухи второй год кряду выдался неурожай зерновых и трав. Наихудший урожай трав во всей Томской губернии по количеству и по качеству выдался как раз в некоторых волостях Мариинского уезда. Господствовавшая второй год подряд засуха оставила только глубоко укореняющиеся в почву бурьяны да болотные и лесные травы — «дудки» (худшие по своему кормовому качеству) [Краткий сельскохозяйственный ..., 1902а, с. 10—19].

Несмотря на это, поголовье скота в 1902 году не только не сократилось, но его удалось даже восстановить почти до среднего уровня прежних лет (рис. 1), чему способствовали активные правительственные дотации, особенно в Мариинском уезде. В 1901 году с целью обеспечения крестьян хлебными ссудами на продовольствие и посев крестьянским начальником Мариинского уезда была ассигнована денежная сумма в размере 45 тысяч рублей [ОТГ, 1902, с. 6], что способствовало сохранению у населения поголовья скота.

Повышающийся у переселенцев спрос на скот, особенно на рабочих лошадей, стабильно поднимал на него цену. Красноречиво свидетельствуют об этом сведения в приведённых ниже таблицах (табл. 2, табл. 3, табл. 4, табл. 5).

Статистические данные, представленные в таблицах, демонстрируют факт того, что стоимость скота в Кузбассе на протяжении 20-летнего периода 1893—1912 годов возросла вчетверо. В этой связи серьёзной стала проблема конокрадства. К примеру, в 1912 году на кабинетских землях региона было выкрадено 5 лошадей, на государственных — 335. Общий размер убытков от конокрадства составил 15 тысяч рублей [ОТГ, 1914, с. 15].

Таблица 2

Стоимость скота в кузбасском регионе в 1893 году

Уезд / скот	Лошадь	КРС	МРС	Свинья
Кузнецкий	15	10	2	3
Мариинский	15	10	2	3
$\bar{x}$ Кузбасс	15	10	2	3
$\bar{x}$ Кузбасс	12		2,5	
$\bar{x}$ Кузбасс	7			

Таблица 3

Стоимость скота в кузбасском регионе в 1899 году

Уезд / скот	Лошадь	КРС	МРС	Свинья
Кузнецкий	40	15	5	8
Маринский	20	15	2	4
$\bar{x}$ Кузбасс	30	15	3,5	6
$\bar{x}$ Кузбасс	22		5	
$\bar{x}$ Кузбасс	14			

Таблица 4

Стоимость скота в кузбасском регионе в 1906 году

Уезд / скот	Лошадь		КРС		МРС		Свинья	
	от	до	от	до	от	до	от	до
Кузнецкий	35		20		3		3	
Мариинский	30	100	15	40	2	5	4	15
$\bar{x}$ Кузбасс	50		25		3		6	
$\bar{x}$ Кузбасс	35				4,5			
$\bar{x}$ Кузбасс	20							

Таблица 5

Стоимость скота в кузбасском регионе в 1912 году

Уезд / скот	Лошадь		КРС		МРС		Свинья	
	от	до	от	до	от	до	от	до
Кузнецкий	30	100	20	60	3	5	5	20
Маринский	40	60	30	40	2	3	5	7
$\bar{x}$ Кузбасс	60		40		3		9	
$\bar{x}$ Кузбасс	50				6			
$\bar{x}$ Кузбасс	28							

[составлены нами по: ОТГ, 1894, с. 14; ОТГ, 1900, с. 7; ОТГ, 1907, с. 8; ОТГ, 1914, с. 15.]

Указанная проблема стала одной из ключевых в плане обеспечения правопорядка в регионе.

Исследование структуры животноводства в Кузбассе позволяет сделать вывод о том, что кузбасское стадо было в определённой мере гармоничным: треть стада составляли лошади, ещё треть — крупный рогатый скот (КРС), следующая треть — мелкий рогатый скот (МРС), и лишь 10 % от общего поголовья составляли свиньи (рис. 3).

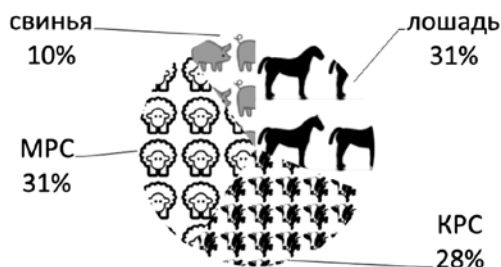

Рис. 3. Структура животноводства в Кузбассе в период конца XIX — начала XX веков

Данная структура выглядит вполне логичной и закономерно обусловленной. Лошадь использовалась как тягловая сила в сельскохозяйственном производстве, поэтому несколько рабочих лошадей, как правило, имелось в каждом крестьянском хозяйстве. Крупный рогатый скот давал необходимые молочные и мясные продукты, обеспечивал сырьём кожевенную промышленность, волы также использовались в качестве тягла. Мелкий рогатый скот, в основном овцы, также предназначался для получения мяса и молока, кожи и шерсти. Свиной выращивали на мясо и для получения кож. Ограниченный уровень развития свиноводства в сравнении с другими разновидностями животноводства объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, свинья выращивалась почти исключительно ради мяса. Дело в том, что по своей прочности свиная кожа значительно уступала телячьей, а потому ценилась гораздо меньше. Молока и шерсти же свинья не даёт вовсе. Во-вторых, выращивание свиней являлось занятием довольно рискованным, поскольку в раннем возрасте животные довольно легко заболевают, и опасная болезнь может распространиться на все поголовье и привести к его массовой гибели. Поэтому для содержания свиней в зимний период требовался капитальный тёплый сарай, в то время как местные крестьяне мало уделяли внимания качеству содержания животных. На-

конец, нельзя забывать о сложностях кормления свиней. Дело в том, что они имеют однокамерное строение желудка, в связи с чем свиньям гораздо сложнее, чем крупному рогатому скоту, переваривать корма, содержащие клетчатку. Поэтому рацион свиней должен большей частью состоять из сложных концентрированных кормов, различного рода «мешанок» из пищевых отходов, овощей, вареного картофеля, травы и зерна. Таким образом, сложности кормления и содержания свиней, а также ограниченность ассортимента получаемых продуктов делали свиноводство непопулярным среди местного населения.

Кузнецкий уезд с точки зрения развития животноводства не был однороден и состоял из двух зон. Степная зона Кузнецкого уезда являлась центром животноводства кузбасского региона. В трёх волостях: Барачатской, Николаевской и Романовской — в среднем приходилось по 20 голов скота на домохозяйство; в Морозовской, Касьминской и Телеутской волостях — по 18 голов. В среднем по степной зоне насчитывалось 17 голов на двор: 5 лошадей, 5 голов крупного, 5 мелкого рогатого скота, 2 свиньи. Структура стада, таким образом, была такова: 30 % — лошади, 30 % — крупный рогатый скот, 30 % — мелкий рогатый скот, 10 % — свиньи. В горно-таёжной зоне Кузнецкого уезда лошади имели меньшее значение, поскольку запашка здесь была вдвое меньше, нежели в степной, поэтому здесь на 1 двор приходилось в среднем 3 лошади. Также несколько меньшим здесь было стадо мелкого рогатого скота: в среднем на двор приходилось 3 головы МРС. Среднее количество крупного рогатого скота здесь составляло 5 голов на двор, как и в степной зоне. Самыми развитыми с точки зрения скотоводства в горно-таёжной зоне были Прокопьевская, Ильинская, Кузнецкая, Бояновская, Смоленская, Крапивинская, Мунгатская и Александровская волости. Здесь приходилось от 15 до 18 голов скота на домохозяйство. В целом по Кузнецкому уезду среднестатистическая картина животноводства выглядит следующим образом: всего насчитывалось 15 голов скота на один двор: из них — 4 лошади, 4 головы МРС, 5 голов КРС, пара свиней.

Пространство «кузбасских» волостей Мариинского и Томского уездов с точки зрения развития животноводства не было однородно и состояло из двух зон. В зоне переходной от таёжной к лесостепной в среднем приходилось 12 голов скота на двор: 3 лошади, 3 головы крупного и 4 — мелкого рогатого скота, 2 свиньи. В горно-таёжной зоне в среднем было 10 голов скота на двор. В целом по кузбасскому региону, то есть в «кузбасских» волостях Кузнецкого, Мариинского и Томского уездов, в среднем приходилось 13 голов скота на двор: 3 лошади, 4 головы КРС, 4 головы МРС и

2 свињи [подсчитано нами по: Алтайско-Томская часть ..., 1927, с. 122—181].

4. Заключение

Итак, неоднородность почвенно-растительных условий местности кузбасского региона напрямую влияла на сельское хозяйство его субрегионов. В соответствии с этим выделялись пшеничные, пшенично-ржаные, ржано-пшеничные и пшеничные районы, при этом практически одинаково во всех районах было развито выращивание овса, поскольку он был главной кормовой культурой. В отличие от неравномерно распространённого растениеводства животноводство было развито во всех районах Кузбасса. Сокращение поголовья скота определялось как периодически повторяющимися эпизоотиями, так и уровнем урожайности сельскохозяйственного года. Прогрессивная динамика поголовья скота (рис. 2) в Кузбассе была связана с увеличением численности населения в регионе. Кузбасское стадо можно охарактеризовать как в определённой степени гармоничное. В степной зоне животноводство, как и растениеводство, было развито в несколько большей мере, нежели в лесостепной или горно-таёжной. В последних же недостаток домашнего скота компенсировался охотой и рыболовством. В любом случае степень развития той или иной отрасли сельского хозяйства определялась природно-географическими и климатическими условиями местности и зависела от конкретных потребностей домохозяйства. Основной целью его была самообеспеченность главными продуктами жизнедеятельности. В кузбасском регионе подавляющая масса домохозяйств обеспечивала себя всем необходимым для повседневной жизни.

Источники и принятые сокращения

1. *Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года* / Материалы с.-х. переписи 1916 г., собр. и разраб. под рук. и ред. В. Я. Нагнибеда ; ЦСК. Сиб. краевой стат. отд. — Томск : тип. изд-ва «Кр. Знамя», 1927. — [4], II, 215 с.
2. *Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1901 год. Летний и осенний периоды* : (по данным текущей статистики) / М. З. и Г. И., Департамент земледелия, Правительственный агроном по Томской губернии; [сост. В. В. Солдатов ; под ред. И. К. Окулича]. — Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1902а. — 70 с.
3. *Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1901 год. Весенний период* : (по данным текущей статистики) / М. З. и Г. И., Правительственный агроном по Томской губернии; [сост. В. В. Солдатов ; под ред. И. К. Окулича]. — Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1902б. — 51, [1] с.
4. ОТГ, 1894 — *Обзор* Томской губернии за 1893 год. — Томск : Губернская типография, 1894. — 75, [80] с.

5. ОТГ, 1895 — *Обзор* Томской губернии за 1894 год. — Томск : Губернская типография, 1895. — 48, [88] с.
6. ОТГ, 1896 — *Обзор* Томской губернии за 1895 год. — Томск : Губернская типография, 1896. — 50, [84] с.
7. ОТГ, 1897 — *Обзор* Томской губернии за 1896 год. — Томск : Губернская типография, 1897. — 52, [86] с.
8. ОТГ, 1898 — *Обзор* Томской губернии за 1897 год. — Томск : Типография губернского правления, 1898. — 40, [78] с.
9. ОТГ, 1899 — *Обзор* Томской губернии за 1898 год. — Томск : Типография губернского правления, 1899. — 42, [76] с.
10. ОТГ, 1900 — *Обзор* Томской губернии за 1899 год. — Томск : Губернская типография, 1900. — 41, [74] с.
11. ОТГ, 1901 — *Обзор* Томской губернии за 1900 год. — Томск : Губернская типография, 1901. — 54, [84] с.
12. ОТГ, 1902 — *Обзор* Томской губернии за 1901 год. — Томск : Губернская типография, 1902. — 55, [84] с.
13. ОТГ, 1904 — *Обзор* Томской губернии за 1902 год. — Томск : Губернская типография, 1904. — 53, [84] с.
14. ОТГ, 1904 — *Обзор* Томской губернии за 1903 год. — Томск : Печатня С. П. Яковлева, 1904. — 41, [84] с.
15. ОТГ, 1905 — *Обзор* Томской губернии за 1904 год. — Томск : Печатня С. П. Яковлева, 1905. — 40, [84] с.
16. ОТГ, 1906 — *Обзор* Томской губернии за 1905 год. — Томск : Губернская типография, 1906. — 40, [84] с.
17. ОТГ, 1907 — *Обзор* Томской губернии за 1906 год. — Томск : Губернская типография, 1907. — 38, [86] с.
18. ОТГ, 1909 — *Обзор* Томской губернии за 1907 год. — Томск : Типография Губернского управления, 1909. — 39, [82] с.
19. ОТГ, 1909 — *Обзор* Томской губернии за 1908 год. — Томск : Типография Губернского управления, 1909. — 65, [90] с.
20. ОТГ, 1910 — *Обзор* Томской губернии за 1909 год. — Томск : Типография Губернского управления, 1910. — 64, [92] с.
21. ОТГ, 19012 — *Обзор* Томской губернии за 1910 год. — Томск : Типография Губернского управления, 1912. — 55, [90] с.
22. ОТГ, 1912 — *Обзор* Томской губернии за 1911 год. — Томск : Типография Губернского управления, 1912. — 64, [97] с.
23. ОТГ, 1914 — *Обзор* Томской губернии за 1912 год. — Томск : Типография Губернского управления, 1914. — 61, [30] с.
24. *Сельскохозяйственный обзор* Томской губернии за 1913 год / сост. Н. Федосеев, Н. Б. Шерр, А. Ф. Волокитин ; Переселенческое упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, Том. район. — Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1914. — II, 99, 151 с., [1] л. карт.
25. *Халютин П. В.* Крестьянское хозяйство в России. Сибирь. Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии ; Приморская и Якутская области : извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премий в память Царствования Дома Романовых / сост. П. В. Халютин ; Гл. упр. землеустройства и земледелия, Департ.

земледелия. — Петроград : Типография Акционерного общества типографского дела, 1915. — 63, [3] с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История Кузбасса* : в 3 ч. / глав. ред. чл.-кор. АН СССР А. П. Окладников. — Кемерово : Кн. изд-во, 1967—1970. — Ч. 1—2 : История Кузбасса с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. История Кузбасса от Великой Октябрьской социалистической революции до начала социалистической индустриализации, 1967. — 378 с.

2. *Карпинец А. Ю.* Земледелие на территории Кузбасса в период 1880-х — начала 1890-х годов / А. Ю. Карпинец // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — № 3—2 (59). — С. 201—209.

3. *Карпинец А. Ю.* Крестьянское землепользование и земледелие в кузбасском регионе в пореформенный период 1860-х — начала 1890-х гг. : проблемы и особенности состояния и эволюции / А. Ю. Карпинец // Научный диалог. — 2016. — № 11 (59). — С. 235—248.

4. *Карпинец А. Ю.* Продовольственная безопасность населения кузбасского региона в 1905—1907 гг. : региональные особенности / А. Ю. Карпинец // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 340—355. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-340-355.

5. *Летопись села Кузбасса* / С. В. Макачук и др. — Кемерово : Кемер. кн. изд-во, 2001. — 407 с.

PLANT GROWING AND ANIMAL HUSBANDRY OF KUZBASS IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES¹

© **Valery G. Dorokhov (2020)**, orcid.org/0000-0002-8229-8482, SPIN 5582-4430, PhD in History, associate professor, Department of World History and International Relations, deputy director for Academic Affairs, Institute of History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University” (Kemerovo, Russia), dorokhov_@mail.ru.

© **Alexey Yu. Karpinets (2020)**, orcid.org/0000-0002-1711-9732, SPIN 8914-8710, PhD in History, researcher, Laboratory of History of Southern Siberia, Department of Humanitarian Research, Institute of Human Ecology, Federal State Budget Scientific Institution “The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”; associate professor, Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University” (Kemerovo, Russia), naukarpinets@mail.ru.

© **Alexander E. Pyanov (2020)**, orcid.org/0000-0001-9098-4987, SPIN 5209-2280, associate professor, Department of Russian History, deputy Head of the Department of Russian History,

1 The study was carried out as part of the scientific program of the SB RAS: XII.190.2 “Historical development of Siberia as part of the Russian state: the role of traditions and innovations”. Project: “Creation of an industrial base on the territory of Kuzbass at the end of the 19th – first half of the 20th centuries” (No. of state registration AAAA-A17-117041410054-8).

Institute of History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University” (Kemerovo, Russia), alpiantov@yandex.ru.

The article is devoted to the characterization of some problems of crop production and animal husbandry in the Kuzbass region (Kuzbass) during the late XIX — early XX centuries. The issues of livestock breeding dynamics in this territory are considered. Attention is paid to the characteristics of the structure of the Kuzbass herd in the indicated period. Based on the analysis of statistical data, the volumes of the Kuzbass herd in cabinet and state-owned villages of the Kuzbass region are presented. The question is raised about the characteristics of the agricultural districts of the Kuzbass region. The model farm of Kuzbass is being reconstructed at the time of 1913. The novelty of the study is that for the first time based on the processing of statistics, the state and dynamics of crop production and animal husbandry in the Kuzbass region (Kuzbass) in the late XIX — early XX centuries are presented. The relevance of the study is due to its scientific and social significance. The first is determined by the fact that this kind of research, based on the analysis of statistical data, is undertaken for the first time. The second is connected with the need to draw attention to the problems of sustainable socio-economic development of rural territories at present. The authors conclude that the degree of development of a particular agricultural sector in the region was determined by factors of a natural-geographical and climatic nature, as well as household needs.

Key words: Kuzbass; resettlement and colonization activities; dynamics of migration flow; improvement of resettlement sites; maps of populated areas of Kuzbass; animal husbandry; plant growing; agriculture.

MATERIAL RESOURCES

- Altaysko-Tomskaya chast 'Sibiri po dannym selskokhozyaystvennoy perepisi 1916 goda.* (1927). Materialy s.-kh. perepisi 1916 g., sobr. i razrab. pod ruk. i red. V. Ya. Nagnibeda; TsSK. Sib. krayevoy stat. otd. Tomsk: tip. izd-va «Kr. Znamya». (In Russ.).
- Fedoseyev, N., Sherr, N. B., Volokitin, A. F. (eds.) (1914). *Selskokhozyaystvennyy obzor Tomskoy gubernii za 1913 god.* Pereselencheskoye upr. Gl. upr. zemleustroystva i zemledeliya, Tom. Rayon. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela. (In Russ.).
- Khalyutin, P. V. (1915). *Krestyanskoye khozyaystvo v Rossii. Sibir'. Tobolskaya, Tomskaya, Eniseyskaya i Irkutskaya gubernii; Primorskaya i Yakutskaya oblasti: izvlecheniye iz opisaniy khozyaystv, udostoyennykh premiy v pamyat' Tsarstvovaniya Doma Romanovykh.* Gl. upr. zemleustroystva i zemledeliya, Depart. zemledeliya. Petrograd: Tipografiya Aktsionernogo obshchestva tipografskogo dela. (In Russ.).
- OTG, 1894 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1893 god.* (1894). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1895 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1894 god.* (1895). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1896 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1895 god.* (1896). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1897 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1896 god.* (1897). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1898 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1897 god.* (1898). Tomsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. (In Russ.).

- OTG, 1899 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1898 god.* (1899). Tomsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. (In Russ.).
- OTG, 1900 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1899 god.* (1900). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1901 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1900 god.* (1901). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1902 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1901 god.* (1902). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1904 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1902 god.* (1904). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1904 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1903 god.* (1904). Tomsk: Pechatnya S. P. Yakovleva. (In Russ.).
- OTG, 1905 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1904 god.* (1905). Tomsk: Pechatnya S. P. Yakovleva. (In Russ.).
- OTG, 1906 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1905 god.* (1906). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1907 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1906 god.* (1907). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1909 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1907 god.* (1909). Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya.
- OTG, 1909 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1908 god.* (1909). Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya. (In Russ.).
- OTG, 1910 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1909 god.* (1910). Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya. (In Russ.).
- OTG, 1912 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1910 god.* (1912). Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya. (In Russ.).
- OTG, 1912 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1911 god.* (1912). Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya. (In Russ.).
- OTG, 1914 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1912 god.* (1914). Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya. (In Russ.).
- Soldatov, V. V., Okulich, I. K. (eds.) (1902a). *Kratkiy selskokhozyaystvennyy obzor Tomskoy gubernii za 1901 god. Letniy i osenniy periody: (po dannym tekushchey statistiki)*. M. Z. i G. I., Departament zemledeliya, Pravitelstvennyy agronom po Tomskoy gubernii. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P. I. Makushina. (In Russ.).
- Soldatov, V. V., Okulich, I. K. (eds.) (1902b). *Kratkiy selskokhozyaystvennyy obzor Tomskoy gubernii za 1901 god. Vesenniy period: (po dannym tekushchey statistiki)*. M. Z. i G. I., Pravitelstvennyy agronom po Tomskoy gubernii. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P. I. Makushina. (In Russ.).

REFERENCES

- Karpinets, A. Yu. (2014). Zemledeliye na territorii Kuzbassa v period 1880-kh — nachala 1890-kh godov. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3—2 (59): 201—209. (In Russ.).
- Karpinets, A. Yu. (2016). Peasant Land Use and Agriculture in Kuzbass in Post-Reform Period of 1860-ies — Beginning of 1890-ies: Problems and Peculiarities of Condition and Evolution. *Nauchnyi dialog*, 11 (59): 235—248. (In Russ.).

- Karpinets, A. Yu. (2017). Food Security of Kuzbass Region Population in 1905—1907: Local Features. *Nauchnyi dialog*, 11: 340—355. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-340-355. (In Russ.).
- Makarchuk, S. V i dr. (ed.) (2001). *Letopis ' sela Kuzbassa*. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (ed.) (1967). *Istoriya Kuzbassa: v 3 ch., 1—2: Istoriya Kuzbassa s drevney-shikh vremen do Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Istoriya Kuzbassa ot Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii do nachala sotsialisticheskoy industrializatsii*. Kemerovo: Knizhnoye izdatelstvo, 1967—1970. (In Russ.).

Иванов А. А. Чиншевое право в Западном крае Российской империи и законодательные попытки его ликвидации (вторая половина XIX — начало XX веков) / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 322—340. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-322-340.

Ivanov, A. A. (2020). Peasant Land Tenure with Rent in the Western Territory of the Russian Empire and Legislative Attempts to Eliminate it (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries). *Nauchnyi dialog*, 1: 322-340. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-322-340. (In Russ.).

УДК 94(47).083

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-322-340

ЧИНШЕВОЕ ПРАВО В ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОПЫТКИ ЕГО ЛИКВИДАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКОВ)¹

© **Иванов Андрей Александрович (2020)**, orcid.org/0000-0001-6438-5200, Scopus Author ID 56995528600, ResearcherID O-2946-2016, SPIN 1560-9171, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), andrey.a.ivanov@spbu.ru.

Рассматривается вопрос о чиншевом праве в Российской империи и попытках его ликвидации во второй половине XIX — начале XX веков. Уделяется внимание деятельности российских властей, направленной на законодательное решение проблем, связанных с особенностями чиншевых отношений в Западном крае. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обобщения накопленного историографией материала по данной теме, а также недостаточной проработанностью сюжетов, связанных с попытками представительных учреждений начала XX века — Государственной думы и Государственного совета — ликвидировать или хотя бы упорядочить чиншевые отношения в Российской империи. Новизна исследования видится в привлечении новых источников, позволяющих ввести в научный оборот данные, уточняющие представление о мерах регуляции чиншевого права в царствование императора Николая II. Особое внимание уделяется рассмотрению Государственной думой и Государственным советом законопроектов о праве застройки и «О чиншевом владении в городах и местечках губерний западных и белорусских», призванных урегулировать чиншевые отношения. Доказано, что инициатива Государственной думы ликвидировать остатки чиншевого права в Западном крае фактически не была реализована.

Ключевые слова: Западный край; западные губернии; Белоруссия; чиншевое право; чиншевики; закон о застройке; центр и регионы; Российская империя; Государственная дума; Государственный совет.

¹ Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917)».

1. Введение

Проблемы, связанные с существованием на части территорий Российской империи нехарактерного для отечественного законодательства чиншевого права, привели к появлению достаточно большого пласта исследовательской литературы. В значительной своей части она представлена работами юристов, стремившихся определить характер этого явления, понять причины его возникновения и его перспективы в условиях российского законодательства. Среди трудов, принадлежащих дореволюционным авторам, нельзя не отметить ряд работ известных правоведов [Боровиковский, 1891; Гантовер, 1884; Пихно, 1887; Победоносцев, 1896; Шершеневич, 1911 и др.], в которых достаточно подробно и полно показана специфика чиншевых отношений, история их появления в России, а также государственных мер, принятых по их урегулированию в XIX веке. Юридическое направление сохраняет свои позиции и в современной историографии вопроса. Здесь можно отметить некоторые публикации [Бабаев, 2007; Остроумов и др., 2013; Финогентова, 2016], в которых развивается правовой подход в исследовании чиншевого права в Российской империи. При этом специальных исторических работ, в которых бы рассматривалась политика российских властей в отношении чиншевого права, отношения к нему общества и попыток его преодоления, создано значительно меньше. И если законодательная практика в этом вопросе 1840—1890-х годов оказалась достаточно подробно исследована юристами и историками права, то попытки представительных учреждений Российской империи начала XX века — Государственной думы и Государственного совета — ликвидировать или хотя бы упорядочить чиншевые отношения представлены в историографии заметно слабее. Среди немногочисленных исследовательских работ, в которых данная тема или ее общественно-политический контекст так или иначе затрагиваются, следует указать на некоторые статьи современных историков [Головач, 2017; Котов, 2018; Янченко, 2011], однако и в них представлены лишь отдельные сюжеты, в то время как работ, последовательно реконструирующих попытки законодателей начала XX века решить проблему чиншевого права в Западном крае, создано не было. Данная публикация, акцентируя внимание на думской инициативе ликвидации чиншевого права и ее дальнейшем развитии, призвана хотя бы отчасти заполнить эту «лауну».

Источниковая база, относящаяся к проблематике чиншевого права за указанный период, весьма обширна, и ее характеристике можно было бы посвятить отдельную работу, поэтому в рамках данной статьи обозначим лишь основные источники, позволившие раскрыть заявленную тему. По-

сколько акцент в исследовании сделан на рассмотрении чиншевого права в законодательных учреждениях Российской империи, автором были использованы стенографические отчеты Государственной думы и приложения к ним, публикации законодательных актов, материалы центральной периодической печати и изданий Западного края, публицистика эпохи, источники личного происхождения и делопроизводственные документы Комиссии об упразднении чиншевого права.

2. Краткая история чиншевого права в Западном крае и попытки его урегулирования в XIX веке

Чиншевое право появилось в Российской империи в связи с расширением ее границ в XVIII веке и получило широкое распространение в Западном крае. Слово *чинш* (польское — *czynsz*, немецкое — *zins*) произошло от латинского *census*, означавшего оценку имущества римских граждан, и в таком виде закрепилось в российской юридической практике (хотя иногда его пытались переводить, используя устар. рус. *кортома* или *оброк* [ГД—3.1, стб. 1329]). Согласно закону 1886 года «О поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях западных и белорусских» под *чиншевым правом* понимался «вид владения, отделенного от права собственности, потомственного и бессрочного, дающего чиншевику право пользования и распоряжения земельным участком без согласия собственника или с его согласия и налагающего на чиншевика обязанность уплаты раз и навсегда определенного и неизменного оброка или исполнения натуральных повинностей, изменение состава и размера которых не может быть сделано по произволу собственника» [Нечаев, 1903, с. 852]. Известный российский правовед, профессор Казанского и Московского университетов, депутат I Государственной думы Г. Ф. Шершеневич так объяснял чиншевое право: «вещное право наследственного пользования чужой землей, под условием взноса платы в определенном раз навсегда размере», отличающееся «от арендного пользования тем, что оно, во-первых, бессрочно и, во-вторых, имеет вещный характер» [Шершеневич, 1911, с. 342]. Таким образом, под чиншевиками следует понимать вечных и потомственных арендаторов (как правило, мелких) помещичьей земли в деревнях, городах и местечках, чьи отношения к собственнику по чиншевому праву ограничивались лишь обязанностью вечной уплаты установленного чинша [Победоносцев, 1896, с. 213].

Представлявшее собою совокупность обычаев, которыми руководствовались в своих отношениях чиншевики и помещики, чиншевое право появилось в средние века вследствие запрещения всем, кроме помещиков

(баронов), приобретать землю в собственность [Законотворчество ..., 2006, с. 95]. Из Германии оно распространилось на Польшу и Литву, а после раздела Речи Посполитой продолжило свое существование в российских западных губерниях. Происхождение чиншевого права в Западном крае правовед и видный государственный деятель К. П. Победоносцев связывал с тем, что при польском владычестве феодалы селили на принадлежавших им землях своих людей, обязывая их служебной повинностью (обороной замка, службой в ополчении и т. п.) и платежом денежного чинша, предоставляя им за это земли в особое потомственное владение (за неисполнение повинностей или за неверность земли могли быть отобраны). Но как меняло свой характер дворянское поместное владение, так с течением времени менялась и эта форма владения, получив в итоге характер чиншевого [Победоносцев, 1896, с. 510]. «Крупная поземельная собственность сосредоточилась в руках немногих фамилий, принадлежавших к высшему классу, — писал Шершеневич. — Это обстоятельство вызвало, как и всегда, потребность в рабочих силах. Привлечение рабочих возможно было только на условиях наследственного пользования, потому что такой способ эксплуатации земли представлял обоюдные выгоды. Чиншевику обеспечивалась постоянная оседлость, возбуждался интерес к лучшей обработке земли, к созданию сельскохозяйственных строений, так как он знал, что все его достояние перейдет не к чужому, а к собственным детям. Для собственника выгода состояла в том, что земля не истощалась, как это бывает при временном арендном пользовании, а напротив, удобрялась, лес сберегался, строения не разрушались, а поддерживались» [Шершеневич, 1911, с. 342].

Поскольку объектом чиншевого права могла быть не только сельская, но и городская недвижимость, жители владельческих городов и местечек в Западном крае из рода в род владели усадьбами на земле местного владельца. Иногда это владение основывалось на документах, выданных от помещика привилегиях или на договорах с помещиком целого общества (что позволяло мещанам и евреям подводить себя под общее чиншевое право и протестовать против попыток поднять платимый издревле чинш за землю), но в большинстве случаев документы либо оказывались утраченными, либо их не было вовсе, что часто приводило к тяжбам, когда владельцы требовали поднятия платы на основе вотчинного поземельного права, а чиншевики пытались отстоять право оставаться в своих усадьбах без повышения оброчной платы. «Когда в основание права приводятся старинные документы, — отмечал К. П. Победоносцев, — спор решается судебным порядком, но когда документов нет, возникают затруднения,

требующие вмешательства административной власти» [Победоносцев, 1896, с. 510—511]. Более того, жители городов Западного края, согласно данным, полученным Министерством внутренних дел в 1862 году, получившие в свое время на чиншевых основаниях поземельные городские участки, не только передавали их по наследству, но и закладывали, дарили и продавали, не спрашивая даже согласия владельца; но каждый новый владелец участка «как бы в признание верховных прав владельца на землю, обязан был уплачивать назначенный чинш, который, будучи раз определен, обыкновенно оставался без изменения» [ГД—3.1, стб. 1329—1330]. Впоследствии, в отличие от «вечного» чинша, появился чинш договорной (например, когда новые поселенцы, занимая участки городской земли, были вынуждены условливаться с владельцами о его размере), хотя права чиншевиков и в этом случае, как правило, оставались теми же.

После присоединения в конце XVIII века к Российской империи части земель Речи Посполитой, получивших название Западного края, «чиншевое право» было оставлено в неприкосновенности как сложившееся в результате местных обычаев (Именной указ 30 октября 1794 года «О разделении Великого княжества Литовского на три части и об образе управления оными»). Несмотря на то, что Указ 25 июля 1840 года распространял на Западный край общеимперское законодательство, «чиншевое право» продолжало сохранять свою силу. Указ лишь ставил вопрос о правомерности установления чиншевых отношений в будущем, но не подвергал сомнению законность актов, возникших в западных губерниях до 1840 года [Нечаев, 1903, с. 852]. В результате этого, по оценке юриста и депутата Государственной думы Н. М. Фридмана, положение стало еще более запутанным: так как бытовые и экономические условия не изменились, сделки продолжали заключаться, как и ранее, но новые чиншевики уже не могли надеяться на судебную защиту в случае конфликта с держателем земли [ГД—3.1, стб. 1607]. А конфликты эти происходили регулярно, иногда, как показывает на примере Юго-Западного края французский историк Д. Бовуа, выливаясь в волнения и бунты [Бовуа, 2011, с. 721—738]. В течение последующих лет вопрос о том, могли ли чиншевые правоотношения возникать в России после издания указа 1840 года или нет, оставался спорным, поскольку прямого запрета в законодательстве не содержалось, но максимальный срок найма имуществ, который ближе других институтов подходил к чиншевым отношениям, составлял, за редким исключением (строительство фабрик и заводов), не более 12 лет.

В результате отмены крепостного права чиншевики Западного края остались на невыкупленных помещичьих землях, в таком же положении

оказались практически все местечки Белоруссии и значительное количество недвижимости в городах северо-западных губерний. Лишь в царствование императора Александра III Положением от 9 июня 1886 года «О поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях западных и белорусских» объявлялось о воспрещении установления новых чиншевых отношений, однако право на таковые, возникшие вплоть до 1876 года, законом сомнению не подвергалось. По оценке Шершеневича, закон 1886 года был продиктован в первую очередь политическими соображениями — ослабить поземельную зависимость белорусских крестьян от польских помещиков [Шершеневич, 1911, с. 343]. Чиншевикам и собственникам предлагалось до 1889 года договориться о прекращении чиншевого пользования либо путем выкупа собственником чиншевого права, либо покупкой участка в собственность чиншевиком (соглашение о выкупе давало право на выдачу со стороны правительства выкупной ссуды), либо переходом на арендные отношения. По истечении трех лет все чиншевые участки, по отношению к которым не установилось добровольного соглашения, подлежали обязательному выкупу при содействии правительства. Заведование делами о выкупе чиншевых участков было возложено на особые административные чиншевые присутствия или губернские по крестьянским делам присутствия. Но из-за больших трудностей с доказательством наличия чиншевых отношений работы присутствий по выкупу крайне затянулись [Нечаев, 1903, с. 853]. «...Закон предоставил сторонам трехлетний срок для добровольных соглашений; но не слышно, чтобы этот способ применяем был на практике, и дело находится до сих пор в неопределенном положении», — признавал в середине 1890-х годов К. П. Победоносцев [Победоносцев, 1896, с. 512]. Кроме того, призванный урегулировать вопрос, касающийся сельских чиншевиков, закон ничего не говорил о чиншевиках из городов и местечек, положение которых также оставалось крайне непростым.

Некоторые современные авторы утверждают, что институт чиншевого права «просуществовал лишь до 1876 года, так как возникновение чиншевого права стало невозможным в силу принятия Положения <...> от 9 июня 1886 г.» [Остроумов и др., 2013, с. 127], однако это не так. Предназначенные к ликвидации в Западном крае чиншевые отношения продолжали существовать и в начале XX века. Видный юрист, профессор Юрьевского и Санкт-Петербургского университетов В. М. Нечаев отмечал: «Независимо от соображений чисто экономического характера, нельзя не указать на крайнюю юридическую неопределенность в отношениях двойной собственности, создаваемой чиншевой формой обладания, — неопре-

деленность, затрудняющую разрешение столкновений и грозящую создать в будущем сложный аграрный вопрос, не раз возникавший в истории на почве таких отношений» [Нечаев, 1903, с. 854]. «По владению сего рода в 9 западных губерниях возникали во множестве судебные дела, возбуждая неразрешимые затруднения, — указывал К. П. Победоносцев. — Со стороны землевладельцев предъявлялись иски о выселении чиншевиков; суды постановляли решения по строгости закона, но решения эти с трудом приводились или вовсе не приводились в исполнение, по невозможности лишить дома и крова — нередко — целое население. Вопрос о чиншевиках стал государственным, и настала потребность определить точно юридическое их положение законодательным актом» [Победоносцев, 1896, с. 511].

3. Деятельность законодательных учреждений Российской империи по ликвидации остатков чиншевого права

Очередная попытка ликвидации чиншевого права в западных губерниях Российской империи была предпринята Государственной думой. 4 декабря 1907 года по инициативе 35 депутатов в законодательное учреждение был внесен законопроект «Об упразднении в Белоруссии последних остатков чиншевого владения и чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения» [ГД—3. Приложения, стб. 111—113; Головач, 2017, с. 70]. Среди подписантов значились депутаты, преимущественно представлявшие Западный край и принадлежавшие к центру и правому крылу Думы (октябристы, национальная фракция, умеренно правые и правые). К законопроекту прилагалась пояснительная записка, объяснявшая необходимость скорейшей ликвидации чиншевого права — «родного брата крепостного права» [ГД—3. Приложения, стб. 115].

17 января 1908 года общему собранию Думы законопроект был представлен одним из его инициаторов, представителем Витебской губернии, автором работ по истории, археологии и краеведению Белоруссии, октябристом А. П. Сапуновым. Отметив, что чиншевое право «в Белоруссии и Западном крае явление давнее и весьма распространенное», депутат, кратко обрисовав его историю, делал вывод, что в результате изменения в крае экономического быта споры и недоразумения между чиншевиками и вотчинниками стали с каждым годом нарастать [ГД—3.1, стб. 1328—1344]. С улучшением путей сообщения цена на землю значительно поднялась, а вместе с ней выросла и арендная плата, что вынуждало вотчинников стремиться к замене чиншевых отношений краткосрочной арендой. А поскольку, во-первых, документальная доказательная база древних чиншевых прав

оказалась крайне скудной (большинство договоров заключалось в устной форме), во-вторых, российское законодательство не знало права вечной аренды, в-третьих, возможностей решить дело в свою пользу у состоятельных вотчинников было значительно больше, чем у чиншевиков, последних стали обвинять в недобросовестности по отношению к собственникам и бесправном владении землею, что грозило чиншевикам превращением в обычных арендаторов и разорением в результате непомерного роста платы. Доказать же свое право на бессрочную аренду и неизменность оброка зачастую малоимущим и неграмотным белорусским чиншевикам было крайне трудно.

Как свидетельствует статистика, только за 1902 год чиншевиками было возбуждено 100 тыс. таких дел, из которых только треть была удовлетворена. Две трети чиншевиков были вынуждены идти в кабалу к помещикам, заключая с ними краткосрочные письменные арендные договоры с непомерной арендной платой. Не соглашавшиеся на такие условия подлежали выселению с чиншевых участков через судебного пристава. Городское и местечковое население края, оказавшееся в положении обыкновенных арендаторов, было вынуждено постоянно перезаключать договор аренды, плата за которую могла увеличиваться в два-три раза [Законотворчество ..., 2006, с. 95—96].

Приведа целый ряд случаев, свидетельствующих о злоупотреблениях вотчинников в отношении чиншевиков, Сапунов указывал, что сложившаяся ситуация приводит не только к экономической зависимости чиншевиков и арендаторов от собственников земли, но и, как следствие, к проявлениям классовой борьбы. Политик утверждал, что участь чиншевиков, вынужденно превращающихся в арендаторов, напоминает судьбу крепостных крестьян, только «крепостными тут являются люди всех званий и состояний, всех национальностей, всех вероисповеданий» [ГД—3.1, стб. 1344]. В качестве наглядного примера Сапунов указал на то, что в его родном Витебске 87 % домовладений находятся «на чужой земле», то есть город «имеет почти владельческий характер», что для государственных и общественных интересов «несомненно вредно», поскольку при таком положении вещей, во-первых, «немыслимо правильное благоустройство города», а во-вторых, «капитал, затраченный на постройки, сады и т. д., нередко во много раз превышающий стоимость земли, на которой они расположены, насильственно выведен из экономического оборота, так как арендаторы не могут ни заложить по закладной свое имущество, ни отдать его в залог, в обеспечение подрядов с казной» [Там же]. Более того, если владельцу земельного надела удавалось добиться аннуляции чиншевого договора и

замены его на договор аренды, то он получал право требовать от нового арендатора уничтожить все постройки, возведенные на земле прежним чиншевиком. Юрист, профессор Московского университета А. Г. Гойхбарг в связи с этим указывал, что в 1901 году, когда выгорела треть г. Витебска, «построенная исключительно на арендной земле», выяснилось, что причиной пожара стали поджоги, устроенные чиншевиками: не имея возможности уплачивать значительно поднятую землевладельцем арендную плату, собственники строений предпочли их сжечь, чтобы попытаться получить хотя бы страховую премию [Гойхбарг, 1913, с. 5].

В связи с явной ненормальностью сложившейся ситуации Сапунов призывал Государственную думу положить конец ненормальным чиншевым договорам, «основанным на *неточном и редко исполняемом праве*», поскольку «законодательная власть не может относиться безучастно к судьбе нескольких десятков тысяч семейств чиншевиков» [ГД—3.1, стб. 1331—1344].

Предложенный депутатами законопроект состоял из пяти статей, предполагавших полную отмену «на всем пространстве Белоруссии» чиншевого права и его порождения — городского и местечкового домового арендного владения. Земли, находящиеся в арендном владении у «вечночиншевиков», городских и местечковых домовладельцев-арендаторов, выкупить на государственный счет у их собственников, с предоставлением выкупленных земель в собственность их фактическим владельцам — чиншевикам и арендаторам. А последних обязать в течение 30 лет возместить государству затраченные на выкуп денежные средства. В целом меры эти предлагалось провести по образцу реформы 1864—1870 годов в Привислинском крае, но с учетом «местных белорусских особенностей» и изменившихся за это время условий землевладения и цен. Финансирование реформы предлагалось осуществить за счет внутреннего четырехпроцентного займа с погашением его в течение 30 лет [ГД—3. Приложения, стб. 112—113].

Законопроект вызвал в Государственной думе полемику, растянувшуюся на несколько заседаний. Киевский депутат И. В. Луцицкий — историк, член-корреспондент Петербургской Академии наук, специалист по рассматриваемому вопросу [Бонди, 1908, с. 2], — поддерживая инициативу коллег, считал неправильным ограничивать ее территорией Белоруссии и предлагал включить в проект закона Юго-западный край, для которого проблема чиншевого права также была актуальной [ГД—3.1, стб. 1349]. (В рассматриваемый период чиншевое право, помимо 9 губерний Западного края, сохранилось в Малороссии, Остзейском крае и Бессарабии). Епи-

скоп Митрофан (Краснопольский), представлявший Могилевскую губернию, и протоиерей Ф. И. Никонович от Витебской губернии, назвав доклад Сапунова односторонним, доказывали, что на практике нарушаются права не только чиншевиков, но и владельцев земли, «особенно, если таковыми являются монастыри и церкви», и выступали против возможности выкупа церковных земель, так как это нарушило бы волю тех, кто в свое время завещал их церкви [ГД—3.1, стб. 1600–1606]. (Позиция духовенства Западного края в этом вопросе была подробно изложена в статье иеромонаха Антонина, который, говоря о недопустимости передачи чиншевикам церковных земель «хотя бы по действительной их стоимости», в частности, указывал на то, что это подорвет экономическое положение православного духовенства края, играющего в Белоруссии роль «оплота русской государственности», и экономически усилит евреев-арендаторов) [Антонин, 1908, с. 2]. Депутаты И. Я. Павлович, С. А. Ванькович и Г. Е. Червинский, поддерживая идею в целом, сомневались в необходимости взваливать на государство обязательства по выкупу [ГД—3.1, стб. 1609—1615, 1617—1618]. (Как замечал по этому поводу один из дореволюционных публицистов, «внутренние займы до бесконечности не могут выпускаться, ибо процентные бумаги не прокламации социал-демократов» [Антонин, 1908, с. 2]).

Товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин, признав решение вопроса о чиншевом праве в западных губерниях «в высшей степени безотлагательным», вместе с тем выражал сомнение в возможности его разрешения по образцу Привислинского края в связи с особенностями изданных в 1864—1870 годах актов, а также других оснований проводимой там реформы, не подразумевавшей правительственного содействия в выкупной операции (в Польше выкуп осуществлялся на средства чиншевиков с шестилетней рассрочкой). Смущало Лыкошина и отсутствие точных «фактических данных», без которых правительство считало невозможным правильное решение этого вопроса, в связи с чем товарищем министра было предложено передать вопрос о чиншевиках в специальную комиссию для всестороннего обсуждения [ГД—3.1, стб. 1354—1356]. Идея создания думской комиссии по разработке законопроекта была поддержана фракцией октябристов, представитель которой С. И. Шидловский особо отметил, чтобы комиссия эта «не ограничивалась одной Белоруссией, а имела в виду распространение законопроекта на все местности, в коих встречаются виды владения в нем указанные» [Там же, стб. 1600]. По итогам дискуссии Дума 1 февраля 1908 года проголосовала за учреждение особой комиссии из 22 членов.

Комиссия по вопросу об упразднении чиншевого права была создана 22 февраля 1908 года. Ее председателями поочередно являлись октябристы

С. И. Шидловский (1908—1909), А. Ф. Мейендорф (1909—1910) и националист Г. Е. Червинский (1910—1912) [Демин, 2008, с. 272]. Одновременно за разработку законопроекта взялось и МВД. 18 октября 1908 года оно внесло представление о чиншевом владении (по сути, вводившее новый институт вещного права — право застройки) в Государственную думу, после чего законопроект был передан в комиссию об упразднении чиншевого права [ГД—3.2, стб. 329]. По справедливому замечанию депутата В. А. Карякина, из законопроекта о чинше «вылился закон о застройке» [ГД—3.3, стб. 2889]. Как отмечал А. Г. Гойхбарг, министерский законопроект преследовал ту же цель, что и закон об отрубках, — «создать в России средний обеспеченный класс, который, являясь устойчивым в политическом отношении, исповедовал бы консервативные убеждения и поддерживал бы существующее положение вещей» [Гойхбарг, 1913, с. 6].

2 декабря 1909 года докладчик комиссии октябрист В. И. Черницкий представил на суд Думы проект Положения о праве застройки, суть которого сводилась к следующему: право застройщика, возводящего здания на арендованной земле, должно быть распространено и на ту территорию, на которой находятся эти строения, а отношение владельца земли должно быть сопоставимо с положением рантье. В таком случае чиншевик-арендатор будет уверен, что не лишится по окончании аренды своей собственности, сможет закладывать ее для получения кредита и уступать другим лицам свое право на аренду, а владелец земли будет иметь гарантированный доход. Срок же аренды с максимальных 12 лет по действовавшему положению предлагалось увеличить до минимальных 36 (срок службы самой плохой постройки), которые могут быть увеличены вплоть до вечных времен по взаимному соглашению договаривающихся лиц [ГД—3.3, стб. 2826—2828]. Что же касается договоров, заключенных до вступления в силу нового закона, то в этом отношении предлагалась следующая практика: обязать собственников земли по истечении срока договора либо оставлять возведенные строения за собою, возместив арендатору земли их стоимость, определенную в судебном порядке, либо продлевать право арендатора на пользование землею. Поскольку законопроект дважды снимался с повестки под предлогом более детального и основательного изучения его депутатами, к обсуждению его приступили только в конце марта — начале апреля 1910 года. Депутаты предлагали добавления и уточнения, вносили поправки (трудовики, к примеру, внесли поправку, чтобы право застройки распространялось не только на города, но и на ряд южных сельских местностей России для облегчения положения «иногородних» среди казаков [Янченко, 2011, с. 139]).

В Государственном совете законопроект встретил ряд возражений. Верхняя палата увидела в предложении выкупа хозяином земли построек, возведенных арендатором, ограничение прав собственника, которое посчитала недопустимым в деле, затрагивающим «частные интересы лишь незначительной части населения» и не имеющим «важного общегосударственного значения» [Гойхбарг, 1913, с. 8]. В итоге общее собрание Государственного совета большинством голосов (82 против 43) постановило полностью отклонить часть законопроекта, касающуюся регулирования отношений между собственником земли и ее арендатором, заключенных до вступления в силу нового закона [Гойхбарг, 1913, с. 12]. Из-за возникших разногласий между нижней и верхней палатами законопроект был передан в согласительную комиссию, состоящую из 7 членов Думы и 7 членов Госсовета, которая в целом поддержала законопроект в думской редакции, после чего в 1912 году он был вторично одобрен общим собранием депутатов. Поскольку вскоре после принятия законопроекта закончились полномочия III Государственной думы, то Государственный совет, исходя из действующего законодательства, вынужден был либо без изменений принять текст законопроекта, предложенного Думой, либо целиком его отвергнуть. Ситуация, по мнению современников, сложилась драматическая и оставляла минимум шансов на принятие законопроекта верхней палатой. И тем не менее это случилось. Общее собрание Государственного совета с перевесом в один голос (51 против 50) приняло законопроект о праве застройки в редакции, вторично одобренной Государственной думой. 23 июня 1912 года законопроект был подписан императором и стал законом [Закон ..., 1913, стб. 272—282].

Закон, действие которого распространялось не только на Западный край, но и на другие регионы империи, вводил отсутствовавший ранее в российском законодательстве институт права застройки, который Гойхбарг трактовал следующим образом: вещное право «владения и пользования земельным участком с определенной целью, а именно с целью иметь строения и сооружения на поверхности или под поверхностью означенного участка», переходящее по наследству, отчуждаемое (добровольно или с торгов) и обременяемое залогом без согласия собственника [Гойхбарг, 1913, с. 13]. Согласно закону, арендатору вне зависимости от его сословного происхождения принадлежало право владения и пользования землей, переданной под застройку сроком от 36 до 99 лет, а также могли быть предоставлены некоторые права распоряжения землей (например, право устанавливать сервитуты). Собственник, в свою очередь, был вправе отчуждать землю и отдавать ее в залог. Иначе говоря, право застройки отличалось от

права собственности тем, что застройщик ежегодно уплачивал собственнику земли оброк, а от найма — тем, что застройщик мог пользоваться имением и извлекать из него выгоды подобно собственнику. Вознаграждение за право застройки не должно было изменяться в пределах договорного срока, но в договор могли включаться условия об изменении арендной платы по истечении оговоренных промежутков времени. При этом в законе ничего не говорилось о правах застройщика на отчуждение строений (ему принадлежало лишь право застройки, которым он мог свободно распоряжаться). По закону собственник земли получал право на постройки, если по окончании аренды они не были снесены застройщиком, в связи с этим вопрос о собственности на возведенные строения так и остался до конца не проясненным. Закон также предусматривал ряд ограничений. Право застройки не распространялось на иностранных подданных в приграничных областях и губерниях; на евреев, живущих в черте оседлости за пределами городов и местечек, и на некоторые иные категории подданных.

Тем временем подготовка законопроекта «О чиншовой владении в городах и местечках губерний западных и белорусских» явно затягивалась (см. Журналы заседаний Комиссии об упразднении чиншевого права [РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3455]). Члены чиншовой комиссии, по замечанию современных историков, «большого рвения не проявляли»: «Депутаты не любили ходить на обсуждение специальных вопросов, требовавших особых знаний. Например, не вызывала у них интереса проблема чиншевого права. 22 января 1908 г. Е. Я. Кизеветтер, присутствовавшая на заседании Думы, отметила в своем дневнике, что “многие из депутатов поразошлись по кулуарам, а кто остался, сидит — разговаривает”» [Соловьев и др., 2013, с. 46]. Член комиссии протоиерей Ф. И. Никонович признавался: «Чиншковая комиссия <...> разбиралась в различных юридических терминах. Интересного мало» [Никонович, 1909, с. 928].

Доклад комиссии о чиншовой праве был представлен общему собранию Государственной думы 4 июня 1912 года. В нем предлагалось поддержать правительственную версию законопроекта «О чиншовой владении в городах и местечках губерний западных и белорусских». От первоначального думского проекта, исходившего из того, что чиншковое право является пережитком феодальных отношений (в частности, крепостного права), а потому должно быть ликвидировано путем выкупа с выпуском соответствующего государственного займа, он принципиально отличался предложением лишь законодательного оформления и регулирования имевшихся чиншевых отношений, кодифицировав те права, которые установил Сенат в судебной практике в своих кассационных решениях по поступав-

шим к нему делам о чиншевом праве [Столыпин, 2004, с. 283—284]. Таким образом, от первоначальной идеи мало что осталось: об отмене чиншевого права речь уже не шла, предполагалось лишь упорядочивание отношений между чиншевиками и собственниками земель. Думская комиссия пришла к выводу, что для удовлетворения нужд чиншевиков будет достаточно лишь более точно определить их права и обязанности. Как признавал докладчик комиссии С. А. Ванькович, «законопроект <...> не вносит принципиальных изменений в существующее положение, а клонится лишь к урегулированию настоящего» [ГД—3.5, стб. 3477]. Это обстоятельство вызвало критику депутата Н. Н. Щепкина, отметившего, что, несмотря на «чрезвычайно серьезное значение для городской бедноты Западного края» этого законопроекта, думское большинство выносит его в самом конце сессии в спешном порядке вместе с «законодательной вермишелью», да еще и в сильно искаженном виде. «... Ради избирательной рекламы, — отмечал Щепкин, — поступают таким образом: в самом начале при открытии сессии вносится законодательное предложение, чрезвычайно широковещательное, затем закупоривается в комиссии и держится до конца сессии, а оттуда выпускается в совершенно противоположном виде. <...> В этом законопроекте [Дума] <...> сдает целиком все позиции, которые сама же себе наметила» [Там же, стб. 3478—3479]. Но, несмотря на критику, законопроект в тот же день был принят.

Государственный совет рассматривал законопроект 5, 7 и 12 июня 1913 года. В ходе обсуждения он также вызвал полемику. Если Н. А. Зиновьев считал, что проект закона не только не упразднял чиншевое право, но, напротив, бережно охранял его остатки, то, по мнению А. Э. Мейштовича, уничтожение чиншевых отношений было невозможно в принципе, особенно после вступления в силу закона о застройке, а потому законопроект о его урегулировании следует считать весьма полезным [ГС—1, с. 4—5]. После постатейного обсуждения Государственный совет принял законопроект в целом, но в связи с внесением ряда поправок постановил передать его в Думу для нового рассмотрения [ГС—2, с. 3]. Таким образом, мнение, будто бы по инициативе думских октябристов чиншевое право в Белоруссии *было отменено*, следует считать ошибочным [Демин, 2016, с. 141]. Дума III созыва прекратила свои полномочия, так и не завершив работу над законопроектом. В связи с тем, что действовавшей в III Думе комиссии по вопросу об упразднении чиншевого права уже не существовало, Дума IV созыва передала законопроект в комиссию по судебным реформам [ГД—4.1, стб. 2365], а та, в свою очередь, в ноябре 1913 года предложила передать его в комиссию для рассмотрения законопроекта о замене

сервитутов в Варшавском генерал-губернаторстве и в Холмской губернии [ГД—4.2, стб. 1358]. В этой комиссии законопроект окончательно увяз, и до начала Первой мировой войны депутаты рассмотреть его так и не успели, а в военное время было уже не до обсуждения чиншевого права.

4. Заключение

Возникнув в Европе в средние века и доставшись Российской империи «по наследству» от Речи Посполитой, чиншевое право, несмотря на многие его недостатки и связанные с ним проблемы, оказалось удивительно живучим. Неоднократные попытки российских законодателей положить конец этому «пережитку феодализма» не привели к успеху ни во второй половине XIX, ни в начале XX веков. Инициатива Государственной думы ликвидировать остатки чиншевого права хотя бы в Западном крае, где оно проявляло себя наиболее явно, фактически не была реализована. Родившийся в ходе обсуждения проблемы закон о праве застройки мог лишь отчасти решить проблемы, вызванные чиншевыми отношениями, но на деле не успел поспособствовать и этому — начавшаяся в 1914 году Первая мировая война, а за ней революция 1917 года не позволили данному закону принести плоды. Законопроект «О чиншом владении в городах и местечках губерний западных и белорусских», выродившись из идеи радикальной отмены чиншевого права в ряд мер по его урегулированию, так и остался на стадии подготовки и согласований. В итоге чиншевые отношения исчезли лишь в результате революционных потрясений вместе с частной собственностью на землю, Государственной думой, Государственным советом и Российской империей.

Источники и принятые сокращения

1. Антонин, иеромонах. Чиншевой и арендный вопросы в Белоруссии / Антонин // Минское слово. — 1908. — 5 февраля. — С. 1—2.
2. Бонди В. Государственная дума. Двадцать первое заседание / В. Бонди // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. — 1908. — 18 января. — С. 2.
3. ГД—3. Приложения — Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Приложения к стенографическим отчетам. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. Т. 1. — 2024 стб.
4. ГД—3.1 — Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. — Санкт-Петербург: Государственная типография, 1908. — 2140 стб.
5. ГД—3.2 — Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. I. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — 3152 стб.
6. ГД—3.3 — Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 4. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910. — 3243 стб.
7. ГД—3.5 — Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия V. Ч. 4. — Санкт-Петербург: Государственная типография, 1912. — 4336 стб.

8. ГД—4.1 — *Государственная дума*. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Ч. 3. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. — 2699 стб.
9. ГД—4.2 — *Государственная дума*. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. Ч. 1. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1914. — 2094 стб.
10. ГС—1 — *Государственный совет* // Киевлянин. — 6 июня 1913. — С. 4—5.
11. ГС—2 — *Государственный совет* // Киевлянин. — 13 июня 1913. — С. 3.
12. Закон 23 июня 1912 г. о праве застройки // Право. — 1913. — № 5. — Стб. 272—282
13. *Законотворчество думских фракций*. 1906—1917 гг. : Документы и материалы. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 766 с.
14. *Никонович Ф. И.* Из дневника члена Государственной думы — священника / Ф. И. Никонович // Полоцкие епархиальные ведомости. Неофициальная часть. — 1909. — № 47. — С. 924—928.
15. *П. А. Столыпин* : Переписка. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 704 с. — ISBN 5-8243-0555-2.
16. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3455. Л. 66.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаев А. Б.* Система вещных прав / А. Б. Бабаев. — Москва : Волтерс Клувер, 2007. — 390 с.
2. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи : Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793—1914) / Д. Бовуа. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 1008 с.
3. *Боровиковский А. Л.* Отчет судьи. Т. 1 : Чиншевое право / А. Л. Боровиковский. — Санкт-Петербург : тип. «Правда», 1891. — 355 с.
4. *Гантовер Л. В.* О происхождении и сущности вечно чиншевого владения / Л. В. Гантовер. — Санкт-Петербург : Типография Правительствующего сената, 1884. — 88 с.
5. *Гойхбарг А. Г.* Закон о праве застройки. 2-е изд., доп. / А. Г. Гойхбарг. — Санкт-Петербург : Типография «Печатный труд», 1913. — 132 с.
6. *Головач Е. И.* Деятельность представителей либеральных и монархических политических партий от белорусских губерний в земельной комиссии III Государственной думы Российской империи / Е. И. Головач // Романовские чтения — 12 : сборник статей Международной научной конференции / под общей редакцией А. С. Мельниковой. — Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. — С. 69—71.
7. *Демин В. А.* Комиссия о чиншевом праве / В. А. Демин // Государственная дума Российской империи : 1906—1917 : Энциклопедия / ред. кол. : В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — С. 272.
8. *Демин В. А.* Фракция союза 17 Октября в III Государственной думе: успехи и провалы / В. А. Демин // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма : история и современность / под ред. А. Б. Николаева. — Санкт-Петербург : ЭлекСис, 2016. — Ч. 1. — С. 137—146.
9. *Котов А. Э.* Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати : 1894—1899 годы / А. Э. Котов // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 246—262. — DOI : 10.24224/2227-1295-2018-7-246-262.

10. *Нечаев В. М.* Чиншевое право / В. М. Нечаев // Энциклопедический словарь. — Санкт-Петербург : Типография Брокгауз — Ефрон, 1903. — Т. 38. — С. 852—854.
11. *Остроумов Н. В.* Развитие эмпфитевзиса в России : от наследственного оброчного владения до права пожизненного наследуемого владения и постоянного бессрочного пользования / Н. В. Остроумов, С. В. Остроумов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 4 (30). — Ч. 3. — С. 127—131.
12. *Пихно Д. И.* О чиншевом владении в западных губерниях / Д. И. Пихно // Журнал гражданского и уголовного права. — 1887. — № 5. — С. 157—180.
13. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Ч. 1. Вотчинные права / К. П. Победоносцев. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1896. — 745 с.
14. *Соловьев К. А.* История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России : сравнительный анализ традиций правотворчества / К. А. Соловьев, В. В. Шелохаев. — Москва : Издание Государственной Думы, 2013. — 240 с.
15. *Финогентова О. Е.* Субъекты и виды земельных правоотношений в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) / О. Е. Финогентова // Вестник Удмуртского университета. Серия : Экономика и право. — 2016. — Т. 27. — Вып. 2. — С. 157—163.
16. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — Москва : Издание бр. Башмаковых, 1911. — 851 с.
17. *Янченко Д. Г.* Политика Государственной думы в отношении национальных окраин империи : налоговые вопросы и арендные отношения в Польше и Западном крае / Д. Г. Янченко // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. — 2011. — № 4. — С. 139—141.

PEASANT LAND TENURE WITH RENT IN THE WESTERN TERRITORY OF THE RUSSIAN EMPIRE AND LEGISLATIVE ATTEMPTS TO ELIMINATE IT (SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)¹

© **Andrey A. Ivanov (2020)**, orcid.org/0000-0001-6438-5200, ResearcherID O-2946-2016, Scopus Author ID 56995528600, SPIN 1560-9171, Doctor of History, Professor, Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), andrey.a.ivanov@spbu.ru.

The issue of peasant land tenure with rent in the Russian Empire and attempts to eliminate it in the second half of the XIX — early XX centuries is considered. Attention is paid to the activities of the Russian authorities aimed at legislatively resolving problems related to the peculiarities of land tenure relations with rent in the Western Territory. The relevance of the study is due to the need to summarize the material accumulated by historiography on this topic, as well as the lack of elaboration of plots related to attempts by representative institutions of the beginning of the 20th century — the State Duma and the State Council — to eliminate or even to streamline the peasant land tenure with rent relations in the Russian Empire.

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)”.

The novelty of the study is in reviewing of the new sources, allowing to enter into scientific circulation data that clarify the idea of measures to regulate the rule of peasant land tenure with rent in the reign of Emperor Nicholas II. Particular attention is paid to the consideration by the State Duma and the State Council of draft laws on the right to development and "On common ownership in cities and towns of Western and Belarussian provinces", designed to regulate peasant land tenure with rent interests. It has been proved that the initiative of the State Duma to eliminate the rest of the peasant land tenure with rent in the Western Territory has not actually been implemented.

Key words: Western Region; western provinces; Belarus; peasant land tenure with rent; cop-holder; building law; center and regions; the Russian Empire; the State Duma; Council of State.

MATERIAL RESOURCES

- Antonin, iyeromonakh. (5 fevralya 1908). Chinshevoy i arendnyy voprosy v Belorussii. *Min-skoye slovo*. 1—2. (In Russ.).
- Bondi, V. (18 yanvarya 1908). Gosudarstvennaya дума. Dvadsat' pervoye zasedaniye. *Birzhevyye vedomosti. Utrenniy vypusk*. (In Russ.).
- GD—3. Prilozheniya — *Gosudarstvennaya дума. Sozvy III. Sessiya I, 1. Prilozheniya k stenograficheskim otchetam*. (1908). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD—3.1 — *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozvy III. Sessiya I, 1*. (1908). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD—3.2 — *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozvy III. Sessiya II, 1*. (1908). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD—3.3 — *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozvy III. Sessiya III, 4*. (1910). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD—3.5 — *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozvy III. Sessiya V, 4*. (1912). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD—4.1 — *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozvy IV. Sessiya I, 3*. (1913). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD—4.2 — *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozvy IV. Sessiya II, 1*. (1914). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GS—1 — Gosudarstvennyy sovet. *Kiyevlyanin*. (6 iyunya 1913). 4—5. (In Russ.).
- GS—2 — Gosudarstvennyy sovet. *Kiyevlyanin*. (13 iyunya 1913). (In Russ.).
- Nikonovich, F. I. (1909). Iz dnevnika chlena Gosudarstvennoy dumy — svyashchennika. *Polotskiye yeparkhialnyye vedomosti. Neofitsialnaya chast'*, 47: 924—928. (In Russ.).
- P. A. Stolypin: *Perepiska*. (2004). Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). ISBN 5-8243-0555-2. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 1278. Op. 2. D. 3455. L. 66. (In Russ.).
- Zakon 23 iyunya 1912 g. (1913). O prave zastroyki. *Pravo*, 5: 272—282 (In Russ.).
- Zakonotvorchestvo dumskikh fraktsiy. 1906—1917 gg.: Dokumenty i materialy*. (2006). Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (In Russ.).

REFERENCES

- Babayev, A. B. (2007). *Sistema veshchnykh prav*. Moskva: Volters Kluver. (In Russ.).
- Borovikovskiy, A. L. (1891). *Otchet sudyi, I: Chinshevoye pravo*. Sankt-Peterburg: tip. "Prav-da". (In Russ.).

- Bovua, D. (2011). *Gordiyev uzel Rossiyskoy imperii: Vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793—1914)*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Demin, V. A. (2008). Komissiya o chinshevom prave. Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii: 1906—1917. In: *Entsiklopediya*. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (In Russ.).
- Demin, V. A. (2016). Fraktsiya soyuza 17 Oktyabrya v III Gosudarstvennoy dume: uspekhi i provably. In: *Tavricheskiye chteniya 2015. Aktualnyye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'*, 1. Sankt-Peterburg: ElekSis. 137—146. (In Russ.).
- Finogentova, O. E. (2016). Subyekty i vidy zemelnykh pravootnosheniy v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo*, 27 (2): 157—163. (In Russ.).
- Gantover, L. V. (1884). *O proiskhozhdenii i sushchnosti vechno chinshevoogo vladeniya*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Pravitelstvuyushchego senata. (In Russ.).
- Golovach, E. I. (2017). Deyatel'nost' predstaviteley liberalnykh i monarkhicheskikh politicheskikh partiy ot belorusskikh guberniy v zemelnoy komissii III Gosudarstvennoy dумы Rossiyskoy imperii. In: *Romanovskiye chteniya — 12: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova. 69—71. (In Russ.).
- Goykhbarg, A. G. (1913). *Zakon o prave zastroyki*. Sankt-Peterburg: Tipografiya «Pechatnyy trud». (In Russ.).
- Kotov, A. E. (2018). Ekonomicheskiye i sotsialnyye aspekty rusifikatsii zapadnykh okrain Rossiyskoy imperii v otsenkakh konservativnoy pechati: 1894—1899 gody. *Nauchnyy dialog*, 7: 246—262. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-246-262. (In Russ.).
- Nechayev, V. M. (1903). Chinshevoe pravo. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'*, 38. Sankt-Peterburg: Tipografiya Brokgauz — Efron 852—854. (In Russ.).
- Ostroumov, N. V., Ostroumov, S. V. (2013). Razvitiye emfitevzisa v Rossii: ot nasledstvennogo obrochnogo vladeniya do prava pozhiznennogo nasleduyemogo vladeniya i postoyannogo bessrochnogo polzovaniya. *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 4 (30) 3: 127—131. (In Russ.).
- Pikhno, D. I. (1887). O chinshevom vladenii v zapadnykh guberniyakh. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnoogo prava*, 5: 157—180. (In Russ.).
- Pobedonostsev, K. P. (1896). *Kurs grazhdanskogo prava, 1. Votchinnyye prava*. Sankt-Peterburg: Sinodalnaya tipografiya. (In Russ.).
- Shershenevich, G. F. (1911). *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava*. Moskva: Izdaniye br. Bashmakovykh. (In Russ.).
- Solovyev, K. A., Shelokhayev, V. V. (2013). *Istoriya deyatel'nosti pervykh Gosudarstvennykh dum dorevolutsionnoy Rossii: sravnitel'nyy analiz traditsiy pravotvorchestva*. Moskva: Izdanie Gosudarstvennoy Dумы. (In Russ.).
- Yanchenko, D. G. (2011). Politika Gosudarstvennoy dумы v otnoshenii natsionalnykh okrain imperii: nalogovyye voprosy i arendnyye otnosheniya v Polshe i Zapadnom kraye. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 4: 139—141. (In Russ.).

Кулешова Е. В. Проблема переосмысления достижений французской историографии XVI века в труде Филиппа Лаббе (1607—1667) «Новая библиотека рукописных книг» / Е. В. Кулешова, Д. Н. Старостин // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 341—355. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-341-355.

Kuleshova, E. V., Starostin, D. N. (2020). Problem of Reinterpretation of the Achievements of the 16th Century French Historiography in the Work of Philippe Labbe (1607—1667) “A New Library of Manuscript Books». *Nauchnyi dialog*, 1: 341-355. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-341-355. (In Russ.).

УДК 94(44).027

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-341-355

ПРОБЛЕМА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVI ВЕКА В ТРУДЕ ФИЛИППА ЛАББЕ (1607—1667) «НОВАЯ БИБЛИОТЕКА РУКОПИСНЫХ КНИГ»

© Кулешова Елена Владимировна (2020), orcid.org/0000-0003-1021-4769, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), e.kuleshova@spbu.ru.

© Старостин Дмитрий Николаевич (2020), orcid.org/0000-0001-9448-834X, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), d.starostin@spbu.ru.

На примере ключевых историков так называемой «французской школы» показано, что тенденция историописания, заложенная в XVI веке, подверглась критической переоценке в последующий период. Авторы статьи показывают, что Ф. Лаббе (1607—1667) в своей работе «Новая библиотека рукописных книг» (*Nova Bibliotheca Manuscriptorum Librorum*) концептуально переосмыслил список тех историков, которые, по его мнению, заслуживают внимания его современников. Утверждается, что из поля зрения оказались исключенными труды, тематика которых была тесно связана с интересами национальных монархий. Отмечается, что Ф. Лаббе как представитель иезуитского ордена и, следовательно, выразитель интересов католической церкви настаивал на необходимости сотрудничества между папством и французским королевством. Подчеркивается, что, с точки зрения Лаббе, внимания заслуживали те исторические труды XVI века, которые подчеркивали прежде всего общую историческую судьбу западноевропейских государств под эгидой церкви и папства как продолжателей традиции Римской империи перед угрозой распространения Реформации. Авторы приходят к выводу, что переоценка работ французских историков XVI века исследователями последующего поколения далеко не всегда определялась сугубо конфессиональной точкой зрения или близостью к королевской власти.

Ключевые слова: Филипп Лаббе (1607—1667); Бернар Дюгуйан; Этьен Паскье; Франция; королевская историография.

1. Постановка проблемы

Современные исследователи, изучающие эпоху XVI—XVII веков, как правило, сходятся во мнениях относительно тех путей, которыми развивалась историография в период создания абсолютистских монархий. Большинство из них считает, что процесс оформления систем представлений о власти и идеологии этих монархий в значительной степени повлиял на пути развития историописания, а именно: большинство работ по истории, созданных в тот период, были в той или иной степени частью политических проектов по созданию государств раннего Нового времени. Однако в настоящей статье мы стремимся показать, что подобные представления в современных условиях разработки данной тематики могут считаться недостаточно оправданными. Интерес к прошлому в XVI—XVII веках возникал не только ради проектов по созданию новых монархических структур, но и по причине поиска новых систем ценностей. В результате религиозных войн, Тридцатилетней войны, формирования монархий с учетом интересов династий и групп знати, а также разделения Европы по конфессиональному принципу, историография XVII века вынуждена была соответствовать целям и задачам новых проектов по построению государств и властных структур. Особый интерес представляет проблема восприятия и систематизации исторических сочинений XVI века историками последующего периода, который можно в равной степени назвать как «историописанием эпохи конфессионализации», так и «историописанием эпохи абсолютизма». В настоящей статье на примере ключевых историков так называемой «французской школы» предпринята попытка показать, что тенденция историописания, заложенная в XVI веке, была критически переосмыслена последующим поколением исследователей, в частности Филиппом Лаббе (1607—1667), которое с высоты своего общественно-политического опыта, полученного уже в XVII веке, по-новому выстроило иерархию идей, высказанных в исторических трудах авторами предшествующего периода. Историописание XVI века, активно поддерживавшее проекты создания монархий, получило очень серьезную переоценку в контексте развития конфессиональной католической историографии, освещенной папским престолом. Тридентский собор и создание иезуитского ордена, призванные противодействовать распространению Реформации на севере Европы, привели к формированию во Франции про-французской королевской и вместе с тем про-папской историографии, которая отличалась крайней лояльностью к истории французской монархии и гуманистическим идеалам, но одновременно стремилась очертить собственный круг источников и выработать собственные представления. Историк про-папского направ-

ления Ф. Лаббе смог довольно успешно выстроить иерархию исторических сочинений предшествующего XVI столетия и отделить на основании достаточно тонких критериев труды, которые были ему близки по духу и концепции, от тех, которые с его точки зрения не соответствовали идеалам единой христианской Европы под эгидой папства.

В своих исследованиях Э. Кохрейн, У. Коннелл, Д. Келли говорят о создании в XVI веке «национальных» школ историописания, которые появились в контексте формирования абсолютистских монархий во Франции, Англии и имперских притязаний правителей Испании [Cochrane, 1981; Connell, 2012; Kelley, 1970]. Речь идет о процессах формирования историографии путем обращения сначала к вопросам всеобщей истории, унаследованным от средневекового историописания, а затем к вопросам конкретно-исторического периода в тех номинальных политических образованиях, то есть в королевствах и городах-государствах, интересы которых и представляли историки раннего Нового времени. Таким образом, главным тезисом упомянутых выше современных исследователей выступает идея о тесной увязке историописания и «национальных проектов» создания монархий на совершенно новых общественных основаниях эпохи раннего Нового времени. Эта точка зрения была развита Ш. Грелл, которая сделала акцент на значимости историографии для формирования позитивного образа королевской власти в контексте создания абсолютной монархии во Франции после окончания религиозных войн [Grell, 2006; Grell, 2007; Grell, 2012]. Однако, несмотря на большое количество работ по данной тематике, неизученными остались интересные тенденции в отношении критериев отбора, которыми руководствовался Филипп Лаббе, выделяя значимые, по его мнению, сочинения, принадлежавшие к крайне неоднородной историографии XVI века и соответствовавшие общественно-политическим вызовам современной ему эпохи.

2. Филипп Лаббе и его труд «Новая библиотека рукописных книг»

В середине XVII века наследие историков-гуманистов XVI века издавалось в значительных масштабах и было хорошо известно. Например, работы И. Ю. Скалигера (1540—1609), П. Питу (1539—1596) и Ж.-О. де Ту (1553—1617) были заново опубликованы, причем известность получили в том числе их наброски и подготовительные записки [Кулешова и др., 2019]. Но было бы ошибкой считать, что при переиздании данных работ не проводился их серьезный отбор и переосмысление. Известный французский историограф XVII века, иезуит Филипп Лаббе, заслугой которого является публикация и критическое издание источников и трудов

по истории Франции, продемонстрировал интересный для современного исследовательского анализа принцип отбора историков XVI века, заслуживавших, по его мнению, подлинного внимания. Вклад Лаббе в область изучения истории Средневековья состоит в первую очередь в составлении «Новой библиотеки рукописных книг» (*Nova bibliotheca manuscriptorum librorum*), капитального по замыслу издания источников по истории средневековой Европы, многие из которых были впервые предложены вниманию французского, а отчасти и европейского читателя [Лаббе, 1657]. Ф. Лаббе подчеркнул, что он в первую очередь использовал сличенные им лично первичные рукописи и не ставил своей целью переиздавать тексты, уже ранее опубликованные. Интересно отметить, что, будучи иезуитом, Ф. Лаббе стремился представить широкой публике источники, такие как «История» Исидора Севильского, которые ранее не использовались историками Франции, близкими к королевскому двору. Актуальность своей работы Ф. Лаббе видел в обращении к ранее не публиковавшимся исследованиям. В частности, в третьем абзаце предисловия к своему труду Ф. Лаббе говорит об особом качестве проделанной им работы, так как он впервые приводит уникальный источник, а именно протокол заседаний и решения собрания в Лиможе в 1031 году, являвшегося центральным для начала «Божьего мира»: *Quod autem ad Lemovicense Concilium spectat, paulo post obitum Roberti Pij Francorum Regis anno MXXXI, celebratum ...* [Labbe, 1657. Praefatio, fol. 1v.] (Что относится к собору в Лиможе, который собрался вскоре после смерти Роберта Благочестивого в 1031 году¹).

Из историков, служивших для гуманистов конца XVI века примером, Филиппу Лаббе хорошо известен был П. Питу и в меньшей мере А. Дюшен (1584—1640) [Duchesne, 1609] и М. Фреер (1565—1614) [Freher, 1613]. Все трое ассоциировались у Ф. Лаббе с проектом создания единого историописания, посвященного истории Франции и осуществлявшегося под эгидой королевской администрации. Не случайно в своей работе «Новая библиотека рукописных книг» он написал: ... *non Francorum duntaxat Historicos Chronographosque sectari, ut Pithoeus, Freherus, Duchesnij ...* [Labbe, 1657, Praefatio, fol. 1v] (... я не выбираю для своей работы французских историков-хронографов, таких как Питу, Фреер, Дюшен ...). Для дополнения картины отметим, что Ф. Лаббе также выделил среди тех, чьи труды он отказался использовать, немецких историков Писториуса (1546—1608), Ройбера (1542—1607) и Урстиция (1546—1588), среди баварских — Голдастуса (1578—1635), из английских — Савиля (Sauillius) (1549—1622) и

1 Здесь и далее перевод авторов статьи. — Е. К., Д. С.

Кэмдена (Cambdenus) (1551—1623), не вдаваясь в перечисление историков Испании, Богемии и других европейских регионов [Ibid.]. Таким образом Ф. Лаббе провел значительную ревизию исторических сочинений предыдущей эпохи, отбросив не столь значимых, по его мнению авторов, прежде всего тех, кто в наибольшей степени был связан с интересами королевской власти, так называемых «королевских хронографов». Из рассмотрения оказались исключенными труды, тематика которых определялась интересами национальных монархий. Но одним из главных вопросов для нас является следующий — каков же был критерий отбора? Из каких историков XVI века Филиппу Лаббе необходимо было выбирать?

3. Французские историки XVI века в восприятии Филиппа Лаббе

Кроме Б. Дюгайяна и Э. Паскье большую роль в становлении собственно французской историографии сыграли братья Дю Тилле и К. Фоше [Du Tillet, 1578; Fauchet, 1579; Kelley, 1966]. Отправной точкой их исследований являлись представления о раннесредневековой истории французского королевства [Starostin et al., 2016]. Долгие годы они занимались разработкой единой хронологии и системы взглядов на основные исторические события [Huppert, 1970, p. 23—27]. В период с XVI по конец XVII веков историки постепенно преодолевали те мифы, которые сложились еще в Средневековье, и формировали новую точку зрения на историю королевства франков, опираясь на исследование источников. Одновременно происходил постепенный переход от созданных итальянскими гуманистами концепций истории и методов исторического исследования к более современным. Считается, что именно в это время формируется так называемый «галльский обычай» (*mos gallicus*) в изучении истории. Его особенность, в отличие от итальянской гуманистической и других европейских традиций, состояла в том, что именно во Франции у ученых, интересовавшихся прошлым, сложилось уникальное сочетание филологической образованности и интереса к историческим реалиям и принципам функционирования обществ прошлого [Kelley, 1970, p. 112—115]. Немаловажным фактором являлось то, что в отсутствие статуса профессионального историка важнейшую роль на этом поприще играли юристы и чиновники королевской администрации [De Smet, 2006, p. 185—193; Grell, 2012, p. 402; Huppert, 1970, p. 204]. Таким образом, формирование исторической науки раннего Нового времени во Франции имело свои особенности и, следовательно, может трактоваться как самостоятельная тенденция.

У Э. Паскье в его работе «Изыскания о Франции» (*Des recherches de la France*) история превратилась в исследование, посвященное доказа-

тельству тезиса об особой «выживаемости» королевства франков [Pasquier, 1560]. В частности, не обращая внимание на хронологическое изложение событий, Э. Паскье писал, объединяя истории разных королевств в одно повествование, в котором выдвигался тезис о том, что значимость королевства зависела от его способности изменяться в соответствии с обстановкой и выживать в контексте распада империи, а затем в контексте разделов этого королевства при Меровингах.

Toutes les fois que je considere en moy les traverses qu'a receu nostre Royame, je ne puis que avec grande admiration, je ne m'estonne & ne mettre entre les choses qui se sont passées plus miraculeusement en ce monde, comme il a esté possible que sain & entier il se soit perpetué iusques à nous. D'autant que s'il vous plaist repasser, la plus part des Royames qui se firent grands par les ruines de l'Empire, vous les trouverez avoir esté fort transitoirès, & par manière de dire, en moins de rien s'estre esuanovis en fumée. Car les Bougignons qui commencerent à s'accroistre en grandeur sur le temps de Gratian Empereur; se trouverent abastardis environ l'Empire d'Anastase: qui sont peut estre cent ans. Et le Vandales (appelez par nos enciens Vvandelx), qui sous Valentinian le tiers, par la semonce de Boniface, avoient avec leur Roy Gentzerich occupé le pays d'Affrique en furent totalement expulsez par le grand Bellisaire du temps de Justinian, c'est à dire, soixante ans apres leur entree: Semblablement les Ostrogots, qui avec leur Roy Theodoric consentement de l'Empereur Zenon, s'estoient fais maistres de l'Italie, & d'une partie de la Provence, furent de fonds en conble rasez par la derniere rencontre que Narses eut contr'eux du temps de l'Empereur Justin: qui est environ soixante ou quatre vingts ans pour le plus apres leur premiere venue. Et les Lombards, qui sous le mesme Empereur à l'instigation de Narses, s'emparerent de la Gaule Cisalpine, prenans leur fin souz notre preux Charlemagne, ne durent que deux cens dix ans. Nous seuls, qui avions comme les autres trouvy notre grandeur dedans les despouilles de Rome, sommes demourez redoutez & florissans jusques à huy, sans avoir enduré la possession d'autres Roys de ceux qui ont fait estat de la Gaule comme de leur vray sejour. Certes qui considerera noz affaires, à peine qu'il puisse bonnement ballancer auquel des deux nous sommes plus redevables de cette prosperité & bon-heur, ou à la fortune & hazard, ou à une bonne conduite. Car qui est celuy, je vous pry, qui ne trouve esmerveillable, quand apres la mort de Clovis le Royame ne commençant encore qu'à n'aistre, il se trouva par deux fois demembré en quatre parties, avec une infinité de guerres civiles, & neanmoins que la fortune nos fut de tant favorable, qu'apres tant de divisions, il re recon-solida, en fin de compte, par la mort des autres Roys, en un seul [Pasquier, 1581, p. 72—75] (Каждый раз, когда я размышляю о судьбах нашего королевства,

я могу только с большим восхищением удивляться вещам, которые чудесным образом произошли в этом мире, как стало возможным, что целое и неврежденное оно [королевство] непрерывно продолжается до наших дней. Тем более что, если вы вспомните, большая часть королевств, которые размножились на руинах Империи, оказались в значительной степени временными и, образно говоря, в один миг развеялись как дым. Ибо Бургунды, величие которых начало умножаться во времена императора Грациана, оказались вырождающимися примерно во времена Империи Анастасия, что произошло в течение ста лет. И Вандалы, которые при императора Валентиниане III, после нагоняя Бонифация, заняли вместе с королем Гензерихом часть Африки, были полностью изгнаны Велизарием при императоре Юстиниане через шестьдесят лет после их появления. Подобным образом Остроготы, которые, с согласия императора Зенона, со своим королем Теодорихом стали хозяевами Италии и части Прованса, были стерты до основания в ходе последнего военного столкновения с Нарзесом в правление императора Юстина, что составило приблизительно шестьдесят или восемьдесят лет после их первого прихода. И Ломбарды, которые при том же императоре и при подстрекательстве Нарзеса заняли Цизальпинскую Галлию, обретя свой конец при нашем доблестном Карле Великом, просуществовали только двести десять лет. Мы единственные, кто так же, как и другие, обрел свое величие на обломках Рима, продолжаем оставаться на месте, возрастая и расцветая по сей день, не испытывая необходимости терпеть власть других королей, из тех, кто сделал Галлию своим истинным местопребыванием. Разумеется, тем, кто будет рассматривать наши дела, едва ли удастся запросто разобраться, чему из двух мы в большей степени обязаны своим счастливым процветанием: или счастливому случаю или хорошему управлению. Ибо то, что это так, никто не может не считать удивительным, так как после смерти Хлодвиг королевство, начинающее еще только зарождаться, два раза распалось на четыре части, за чем последовало бесчисленное количество гражданских войн, и однако фортуна была к нам настолько благосклонна, что после стольких разделов оно [королевство] вновь консолидировалось, в конце концов, после смерти всех других королей — под властью одного).

Э. Паскье предлагал, конечно, весьма патристическое изложение истории королевства франков. Однако заметим, что вместо простых слов о превосходстве мы находим анализ, осуществленный в терминах длительности исторического существования королевств, из которых Франция, хоть и сменив династии, единственная вышла из раннего Средневековья как наследница королевства франков. Данное изложение событий французской

истории было основано на мощном анализе временных периодов и имело собственный календарь событий. Этот календарь, заметим, не стыковался с ветхозаветным календарем, которым оперировала церковь со времени св. Августина. Отчасти поэтому, вероятно, Ф. Лаббе и рассматривал текст Э. Паскье в рамках «национальной», но не церковной истории.

Выдвинем предположение, что основной причиной отрицательного отношения Ф. Лаббе к большинству историков XVI века стали не их изыскания в области ранней истории королевства франков при Меровингах и Каролингах, которые были проведены на высоком уровне с опорой на оригинальные документы, что было трудно оспорить. Камнем преткновения для Ф. Лаббе как историка, близкого к папству, стали события так называемой «Сицилийской вечери». По-видимому, несмотря на в целом позитивное отношение к церкви, сложной проблемой для историков XVI века являлся титул короля Франции в отношении Сицилии, которая приобрела свой статус как часть империи благодаря кампаниям Фридриха II. Вероятно, Ф. Лаббе отверг Э. Паскье по причине того, что тот прямо восхвалял французских королей как восстановителей порядка в деле по осуждению последствий Сицилийской вечери, когда погибли все поддерживавшие французского короля вассалы на Сицилии [Pasquier, 1621, p. 213—214]. Однако сразу стоит отметить, что сам по себе факт превознесения воли короля был особенностью именно Э. Паскье, который хоть и цитировал в данном случае П. Эмилио [Emilio, 1550] и Б. Дюгайяна [Du Haillan, 1576], но делал свои собственные выводы: *Je veux avant que de passer outre reciter le texte entier de l'un de nos Cardinaux: Car à tout seigneur, tout honneur, dit nostre Proverbe François. Quand Pierre Roy d'Aragon (dit-il) outre plusieurs intellegences, qu'il auoit avec des infideles eut fait violer la saintete du jour des Paisques, pars l'horrible massacre des vespres Siciliennes le Pape Martin Quatrieme (dit Paul Aemile, & apres luy du Haillan) acquitta & absolut les Aragonnois du serment de fidelité qu'ils auoient fait audit Pierre: Et Philippe le Bel prist les armes pour l'execution de la censure, & mourut en l'executant. Et me le Cardinal en jeu cet exemple, pour nonstrer auecques quelle facilité nos roys se font rendus protecteurs de les censures* [Pasquier, 1621, p. 213] (Прежде чем перейти к другим темам я хотел бы привести одну историю, рассказанную одним из наших кардиналов: Ибо «каждому сеньору своя честь», как говорит наша французская пословица. Когда король Петр Арагонский (сказал он), помимо многочисленных тайных связей, которые он имел с неверными, нарушил день святой Пасхи, учинив ужасную резню — Сицилийскую вечерю, папа Мартин IV (как пишут Павел Эмилий и Дюгаян) признал арагонцев невиновными и освободил от клятвы верности, которую они дали

вышеназванному Петру. И Филипп Красивый взялся за оружие, чтобы исполнить церковное осуждение, и умер в процессе. И кардинал рассказал мне эту историю, чтобы подчеркнуть, с какой легкостью наши короли становились покровителями церковных осуждений).

Однако данным парадоксальным пассажем «гордость» за французского короля у Э. Паскье не исчерпывалась. Далее он писал о том, как представители французской королевской семьи выступали за поддержание своего престижа в борьбе за титул короля Неаполя, и об участии в этом брата Людовика IX Святого Карла Прованского: *L'histoire nous est assez commune, & notoire, comme Charles Comte de Provence, & et de Amiens, frere de S. Louys, fut honore du Royaume de Naple par le pape, & des victoires qu'il obtint en batailles rangees, contre la posterité de Frederic second, Empereur, Roy de Sicile* [Ibid.] (Нам всем хорошо известна история, как Карл, граф Прованса и Амьена, брат Святого Людовика, посредством папы оказал честь королевству Неаполь, и победы, которые он одержал в сражениях против преемников Фридриха II, императора, короля Сицилии).

Казалось бы, в этих пассажах речь нигде не идет о подрыве авторитета папства как такового, и Э. Паскье в глазах Ф. Лаббе мог бы считаться одним из историков, целиком находившимся в лоне церкви. Но он стремился ограничить последнее в праве влиять на французских королей: *... nostre regle generale est, qu'en France nous devons vivre en la Religion Catholique Apostolique Romaine: Et celle de Rome, que le Pape ne peut rien attenter sur nos Roys, ny sur le Royame a leur prejudice* [Ibid., p. 219] (наше общее правило таково, что во Франции мы должны жить в рамках Католической Апостольской Римской Религии: и правило Рима в том, что Папа не может никак посягать ни на наших королей, ни на их королевство, исходя из своего предубеждения). В данном пассаже Э. Паскье отразил принципиальную позицию Галликанской церкви, состоявшую в идее неприкосновенности королевской власти со стороны папства.

Первые попытки изложения истории франков как части германской варварской истории принадлежат Беату Ренану и братьям Дю Тилле [Brown, 1998, p. 378; Du Tillet, 1578; Skovgaard-Petersen, 2002, p. 150—151]. Э. Паскье сконцентрировался на изучении галльского элемента, считая его основополагающим в формировании франкского королевства [Pasquier, 1560]. Б. Дюгайян, Н. Винье, а вслед за ними и А. Дюшен высказались за компромиссный вариант, полагая, что франки были в сравнительно короткие сроки ассимилированы галло-римлянами. Г. Шампюи и К. Фоше также считали франкское королевство в большей степени галло-римским по своим традициям и структуре [Grell, 2006, p. 140]. Все эти историки так или

иначе решали вопрос о происхождении французской государственности и корнях французской монархии. Где прежде всего искать истоки: в римской или германской традициях, или в их синтезе? Ответ был важен, чтобы определить место Франции в системе западноевропейских общественно-политических и культурных взаимоотношений. Тем не менее кто-то из историков был полностью забыт, а кто-то воспринимался Филиппом Лаббе как отрицательный пример. Тем интереснее случаи, когда автор с твердой про-королевской и в значительной степени анти-папской позицией тем не менее не попал в список историков, труды которых, по мнению Ф. Лаббе, заведомо не подлежали цитированию. Речь идет прежде всего о Бернаре Дюгайяне, известном своим обращением к хронике Фредегара (начало VII века) и ее включением в исторический нарратив.

Историописание, которое мы находим у П. Питу и Ж.-О. де Ту, отнесенных Ф. Лаббе к числу тех, кого он считал недостойными цитирования, очень похоже по своей структуре на нарратив Б. Дюгайяна. Заслуга данных историков в том, что они создали совершенно новое историческое повествование, основанное на принципах, отличных от тех, которые заложили, например, Л. Бруни, П. Эмилио и ряд других гуманистов. В частности, именно в их сочинениях мы находим полноценное развернутое повествование, которое полностью охватывает всю историю средневекового франкского королевства.

Важной особенностью повествования Б. Дюгайяна было то, что, опираясь на Фредегара, он сумел найти новый баланс между римским и варварским аспектами формирующихся раннесредневековых королевств. В частности, он уделял больше внимания тесному взаимодействию варваров и римлян и подчеркивал, что их сотрудничество не прекращалось даже после появления первых варварских королей. В то же время светская власть Римской империи рассматривалась им как воплощение тирании. Правда, это оставалось скорее в рамках научной полемики, чем расценивалось как политическое руководство к действию [Bouwisma, 1990; Jouanna, 1982].

4. Заключение

Парадоксальным образом, хотя Э. Паскье и Б. Дюгайян весьма резко относились к любой идее римского доминирования во Франции, работа первого была отвергнута Ф. Лаббе, а второй не заслужил от него никакого уничижительного комментария. Дю Тилле, несмотря на резкие высказывания в отношении папства, тоже не попал в список отвергнутых работ. Значит, дело было не просто в отношении к власти папства и самостоятельности королевской власти во Франции. Можно предположить, как мы

уже видели на основании приведенных цитат, что вопрос был в понимании необходимости сотрудничества между папством и королевской Францией в силу общей исторической судьбы, являющейся продолжением истории Римской империи. Довольно радикальный в этом отношении Э. Паскье отверг сотрудничество, а Б. Дюгайян, опираясь на Фредегара, смог найти его новые грани. По этой причине можно утверждать, что не просто конфессиональная точка зрения или близость к королю определяла оценку работ французских историков XVI века Филиппом Лаббе. Востребованным оказался именно консенсус, поэтому его сторонники, такие как Б. Дюгайян, даже несмотря на свою бравладу в отношении папства, не стали предметом критики со стороны Ф. Лаббе.

Таким образом, можно утверждать, что Ф. Лаббе, исключив труд, например, Э. Паскье, из круга отобранных им исторических источников и сочинений, тем самым косвенно подтвердил, что французская историческая «национальная традиция» состояла в том числе и в особом отношении авторов к проблеме взаимодействия папства и королевской власти. Ф. Лаббе посредством своего труда, в рамках которого было выражено его отношение к историописанию, продемонстрировал, что появление «национальных» исторических традиций рассматривалось папством как отрицательный процесс. Труд Ф. Лаббе свидетельствует о том, что в папском окружении, безусловно, циркулировали идеи об объединении историописания под эгидой церкви и под контролем одобренного по результатам Тридентского собора иезуитского ордена. Именно так рассматривал ситуацию сам Ф. Лаббе, писавший под покровительством Николя Фуке, главного казначея французского двора в тот период. Ф. Лаббе отверг работы многих историков XVI — начала XVII веков, вычеркнув их из списка для цитирования в своем труде, и сделал это, вероятно, по той причине, что считал их слишком связанными с развивавшейся «национальной» традицией во французской историографии.

Источники

1. *Beatus Rhenanus. Rerum Germanicarum libri tres* / Beatus Rhenanus. — Basileae : Frobenius, 1531. — 194 p.
2. *Duchesne A. Les Antiquites et recherches de la grandeur et majeste des rois de France* / A. Duchesne. — Paris : Jean Petit-Pas, 1609. — 716 p.
3. *Du Haillan Bernard de Girard. L'Histoire de France* / Bernard de Girard Du Haillan. — Paris: L'Huillier, 1576. — 1303 p.
4. *Du Tillet J. Recueil des Roys de France, leurs couronne et maison, Ensemble, le rens des grands de France* / J. Du Tillet. — Paris : Chez Iaques du Puys, Libraire iuré en l'Uniuersité de Paris, 1578. — 471 p.

5. *Fauchet C.* Recueil des antiquitez galoises et francoises / C. Fauchet. — Paris : Jacques de Puy, 1579. — 139 p.
6. *Freher M.* Corpus francicae historiae veteris / M. Freher. — Hanau, 1613.
7. *Labbe P.* Nova Bibliotheca Manuscriptorum Librorum / P. Labbe. — Paris : Cramoisy, 1657. — 808 p.
8. *Emilio Paolo.* Pauli-Aemilii, Veronensis, historici clarissimi, de rebus gestis Francorum: libri X / Paolo Emilio. — Parisiis : Vascosanum, 1550. — 506 p.
9. *Pasquier E.* Des recherches de la France / E. Pasquier. — A Paris : Jean Longis, & Robert le Mâgnier, 1560. — 100 p.
10. *Pasquier E.* Des recherches de la France en deux tomes / E. Pasquier. — A Paris : Jean Longis, & Robert le Mâgnier, 1581.
11. *Pasquier E.* Des recherches de la France / E. Pasquier. — A Paris : Jean Longis, & Robert le Mâgnier, 1621.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулешова Е. В.* Гуманистические представления об истории и основы новой хронологии Иозефа Юстуса Скалигера (1540—1609) / Е. В. Кулешова, Д. Н. Старостин // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 349—361. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-349-361.
2. *Старостин Д. Н.* Поздняя Римская империя в воззрениях ранних гуманистов и проблемы формирования исторической концепции перехода к Средним векам / Д. Н. Старостин, Е. В. Кулешова // Proslogion : проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. — 2016. — Т. 2. — С. 310—330.
3. *Bouteiller P.* Un historien du XVI siècle : Etienne Pasquier / P. Bouteiller // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. — 1945. — Vol. 6. — Pp. 357—392.
4. *Bouwisma W. J.* A Usable Past : Essays in European Cultural History / W. J. Bouwisma. — Berkeley : The University of California Press, 1990. — 444 p.
5. *Brown E. R.* The Trojan Origins of the French and the Brothers Jean du Tillet / E. R. Brown // After Rome's Fall : narrators and sources of medieval history. Essays presented to Walter Goffart / Ed. Goffart, W. & Murray A. C. — Toronto : University of Toronto Press, 1998. — Pp. 348—384.
6. *Cochrane E. W.* Historians and historiography in the Italian Renaissance / E. W. Cochrane. — Chicago : University of Chicago Press, 1981. — 649 p.
7. *Connell W. J.* Italian Renaissance Historical Narrative / W. J. Connell // The Oxford History of Historical Writing / Ed. Rabasa J., Sato M., Tortarolo E., Woolf D. R., & Hesketh I. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — Pp. 347—363.
8. *De Smet I.* Thuanus : the making of Jacques-Auguste de Thou (1553—1617) / I. De Smet. — Genève : Droz, 2006. — 344 p.
9. *Grell C.* Les historiographies en France, XVI—XVIII siècles / C. Grell // Les historiographies en Europe de la fin du moyen âge à la révolution / C. Grell. — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. — Pp. 127—156.
10. *Grell C.* L'histoire au service d'ambitions hégémoniques. La monarchie française et l'instrumentalisation du passé au XVIIe siècle / C. Grell // Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle / Ed. Grell C. & Pellistrandi B. — Madrid : Casa de Velázquez, 2007. — 352 p.
11. *Grell C.* History and Historians in France, from the Great Italian Wars to the Death of Louis XIV / C. Grell // The Oxford History of Historical Writing / Ed. Rabasa J., Sato M.,

Tortarolo E., Woolf D. R., & Hesketh I. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — Pp. 384—405.

12. *Huppert G.* The idea of perfect history ; historical erudition and historical philosophy in Renaissance France / G. Huppert. — Urbana : University of Illinois Press, 1970. — 215 p.

13. *Jouanna A.* Histoire et polemique en France dans la seconde moitié du XVI siècle / A. Jouanna // *Storia della Storiografia*. — 1982. — Vol. 2. — Pp. 57—76.

14. *Kelley D.* Jean Du Tillet, Archivist and antiquary / D. Kelly // *Journal of modern history*. — 1966. — Vol. 38. — Pp. 337—354.

15. *Kelley D. R.* Foundations of modern historical scholarship : language, law, and history in the French Renaissance / D. R. Kelly. — New York : Columbia University Press, 1970. — 321 p.

16. *Skovgaard-Petersen K.* Historiography at the court of Christian IV (1588—1648) : Studies in the Latin histories of Denmark by Johannus Pontanus and Johannes Meursius / K. Skovgaard-Petersen. — Copenhagen : University of Copenhagen, 2002. — 454 p.

17. *Starostin D.* French érudites and the construction of Merovingian history / D. Starostin, E. Kuleshova // *Historia da História*. — 2016. — № 21. — Pp. 77—95.

PROBLEM OF REINTERPRETATION OF THE ACHIEVEMENTS OF THE 16TH CENTURY FRENCH HISTORIOGRAPHY IN THE WORK OF PHILIPPE LABBE (1607—1667) “A NEW LIBRARY OF MANUSCRIPT BOOKS»

© **Elena V. Kuleshova (2020)**, orcid.org/0000-0003-1021-4769, PhD in History, associate professor; Department of History of the Middle Ages, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e.kuleshova@spbu.ru.

© **Dmitry N. Starostin (2020)**, orcid.org/0000-0001-9448-834X, PhD in History, associate professor; Department of History of the Middle Ages, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), d.starostin@spbu.ru.

Using the key historians of the so-called “French school” as an example, it is shown that the tendency of historical writing, laid down in the 16th century, underwent a critical reappraisal in the subsequent period. The authors of the article show that F. Labbe (1607—1667) in his work “The New Library of Manuscript Books” (*Nova Bibliotheca Manuscriptorum Librorum*) conceptually rethought the list of those historians who, in his opinion, deserve the attention of his contemporaries. It is alleged that works which subject matter was closely related to the interests of national monarchies appeared to be out of view. It is noted that F. Labbe, as a representative of the Jesuit Order and, therefore, the spokesman for the interests of the Catholic Church, insisted on the need for cooperation between the papacy and the French kingdom. It is emphasized that, from the point of view of Labbe, the historical works of the 16th century deserved attention, which emphasized primarily the common historical fate of Western European states under the auspices of the church and the papacy as continuers of the Roman Empire's tradition threatened by the spread of the Reformation. The authors conclude that the reevaluation of the works of French historians of the 16th century by researchers of the next generation was far from always determined by a purely confessional point of view or proximity to royal power.

Keywords: Philip Labbe (1607—1667); Bernard Du Haillan; Etienne Pasquier; France; royal historiography.

MATERIAL RESOURCES

- Beatus Rhenanus. (1531). *Rerum Germanicarum libri tres*. Basileae: Frobenius. (In Fren.).
- Duchesne, A. (1609). *Les Antiquites et recherches de la grandeur et majeste des rois de France*. Paris: Jean Petit-Pas. (In Fren.).
- Du Haillan Bernard, de Girard. (1576). *L'Histoire de France*. Paris: L'Huillier. (In Fren.).
- Du Tillet, J. (1578). *Recueil des Roys de France, leurs couronne et maison, Ensemble, le reings des grands de France*. Paris: Chez Iaqués du Puys, Libraire iuré en l'Uniuersité de Paris. (In Fren.).
- Emilio, Paolo. (1550). *Pauli-Aemilii, Veronensis, historici clarissimi, de rebus gestis Francorum: libri X*. Parisiis: Vascosanus. (In Fren.).
- Fauchet, C. (1579). *Recueil des antiquitez galoises et francoises*. Paris: Iacques de Puy. (In Fren.).
- Freher, M. (1613). *Corpus francicae historiae veteris*. Hanau. (In Fren.).
- Labbe, P. (1657). *Nova Bibliotheca Manuscriptorum Librorum*. Paris: Cramoisy.
- Pasquier, E. (1560). *Des recherches de la France*. A Paris: Iean Longis, & Robert le Mâgnier. (In Fren.).
- Pasquier, E. (1581). *Des recherches de la France*. A Paris: Iean Longis, & Robert le Mâgnier. (In Fren.).
- Pasquier, E. (1621). *Des recherches de la France*. A Paris: Iean Longis, & Robert le Mâgnier. (In Fren.).

REFERENCES

- Bouteiller, P. (1945). Un historien du XVI siècle: Etienne Pasquier. *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, 6: 357—392. (In Fren.).
- Bouwsma, W. J. (1990). *A Usable Past: Essays in European Cultural History*. Berkeley: The University of California Press.
- Brown, E. R. (1998). The Trojan Origins of the French and the Brothers Jean du Tillet. In: *After Rome's Fall: narrators and sources of medieval history. Essays presented to Walter Goffart*. Toronto: University of Toronto Press. 348—384.
- Cochrane, E. W. (1981). *Historians and historiography in the Italian Renaissance*. Chicago: University of Chicago Press.
- Connell, W. J. (2012). Italian Renaissance Historical Narrative. In: *The Oxford History of Historical Writing*. Oxford: Oxford University Press. 347—363.
- De Smet, I. (2006). *Thuanus: the making of Jacques-Auguste de Thou (1553—1617)*. Genève: Droz.
- Grell, C. (2006). Les historiographies en France, XVI—XVIII siècles. In: *Les historiographes en Europe de la fin du moyen âge à la revolution*. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne. 127—156. (In Fren.).
- Grell, C. (2007). L'histoire au service d'ambitions hégémoniques. La monarchie française et l'instrumentalisation du passé au XVIIe siècle. In: *Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle*. Madrid: Casa de Velázquez. (In Fren.).

- Grell, C. (2012). History and Historians in France, from the Great Italian Wars to the Death of Louis XIV. In: *The Oxford History of Historical Writing*. Oxford: Oxford University Press. 384—405.
- Huppert, G. (1970). *The idea of perfect history; historical erudition and historical philosophy in Renaissance France*. Urbana: University of Illinois Press.
- Jouanna, A. (1982). Histoire et polemique en France dans la seconde moitie du XVI siècle. *Storia della Storiografia*, 2: 57—76. (In Fren.).
- Kelley, D. (1966). Jean Du Tillet, Archivist and antiquary. *Journal of modern history*, 38: 337—354.
- Kelley, D. (1970). *Foundations of modern historical scholarship: language, law, and history in the French Renaissance*. New York: Columbia University Press.
- Kuleshova, E. V., Starostin, D. N. (2019). Gumanisticheskiye predstavleniya ob istorii i osnovy novoy khronologii Iozefa Yustusa Skaligera (1540—1609). *Nauchnyy dialog*, 9: 349—361. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-349-361. (In Russ.).
- Skovgaard-Petersen, K. (2002). *Historiography at the court of Christian IV (1588—1648): Studies in the Latin histories of Denmark by Johannus Pontanus and Johannes Meursius*. Copenhagen: University of Copenhagen.
- Starostin, D. N., Kuleshova, E. V. (2016). Pozdnyaya Rimskaya imperiya v vozzreniyakh rannikh gumanistov i problemy formirovaniya istoricheskoy kontseptsii perekhoda k Srednim vekam. *Proslogion: problemy sotsialnoy istorii i kultury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, 2: 310—330. (In Russ.).
- Starostin, D., Kuleshova, E. (2016). French érudites and the construction of Merovingian history. *Historia da Históriografia*, 21: 77—95. (In Fren.).

Мамкина И. Н. Условия развития государственной системы начального образования в Восточной Сибири в XIX — начале XX веков / И. Н. Мамкина // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 356—369. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-356-369.

Mamkina, I. N. (2020). Conditions for the Development of the State System of Primary Education in Eastern Siberia in the 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 1*: 356-369. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-356-369. (In Russ.).

УДК 94(47).08+94:373.45(571.5)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-356-369

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

© Мамкина Инна Николаевна (2020), orcid.org/0000-0002-5583-3072, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет» (Чита, Россия), inna-mamkina@yandex.ru.

На основе широкого круга источников автор проанализировал состояние начального образования в Восточной Сибири на протяжении XIX века и в начале XX столетия. Новизна исследования заключается в использовании пространственно-ориентированной модели модернизационного подхода к изучению истории развития начальной школы на окраине Российской империи. В статье уделено внимание типологии начальной школы. Приведены сведения о числе учащихся и количестве школ в Восточной Сибири. На основе анализа широкого круга исторических источников обоснована зависимость развития начальной школы от общественной инициативы и степени государственной поддержки в первой половине XIX века. Сделан вывод о замедленных темпах развития системы образования в регионе. Определено, что ряд положений реформы 1864 года не были реализованы в условиях освоения слабозаселенной восточной окраины империи. Особое внимание уделено реализации реформ начальной школы в конце XIX — начале XX веков в Восточной Сибири. Установлено, что в начале XX века система начального образования в Восточной Сибири переживала период интенсивного развития. Отмечается, что этому процессу способствовала капиталистическая модернизация, усиленное государственное финансирование, повышение ценностной значимости образования в сознании населения.

Ключевые слова: Восточная Сибирь; начальное образование; модернизация; государство; общество; развитие.

1. Введение

Образовательные реформы начала XIX века способствовали формированию уровней образования (начального, среднего и высшего), представленных различными типами учреждений. Высшее образование тра-

диционно осуществляли университеты, среднее — губернские гимназии, начальное — приходские и уездные училища. Деятельность учебных заведений велась по принципам всеобщности и преемственности.

Выпускники университетов и гимназий составляли основу российского чиновничества, что объясняло причину доминирования государства в области среднего и высшего образования. Виза императора на прошение об открытии гарантировала государственное финансирование. Выпускники гимназий и университетов имели льготы при поступлении на службу.

В свою очередь, начальная школа была ориентирована преимущественно на народное образование. Ее учредителем выступала общественность. Обеспечение учебного заведения и содержание учителя возлагались на местное население. Начальное образование не являлось приоритетным с позиции государства. Вместе с тем, будучи первичным элементом системы образования, уровень развития начальной школы влиял на эффективность системы в целом. На окраинах Российской империи в условиях отсутствия университетов гимназии становились основным звеном для подготовки местного чиновничества, и уровень развития общего образования для региона имел немаловажное значение. Однако до последней четверти XIX века развитие начальной школы на восточной окраине характеризуется замедленными темпами и только на рубеже XIX—XX веков происходит его ускорение.

Исследование вопросов истории отечественного образования XIX — начала XX веков имеет давние традиции. Авторы уделяли внимание отдельным учебным заведениям, положению народного учителя и истории образования в целом. Начальная школа неоднократно становилась предметом изучения, и до сих пор эта тема не утратила актуальность. В дореволюционный период вопросы о начальной школе являлись едва ли не самыми обсуждаемыми. Педагогическая общественность неоднократно высказывалась о негативной роли властей в деле развития народного образования. Известный общественный деятель В. И. Чарнолуцкий считал «причиною народного невежества» излишнюю бюрократизацию народного просвещения [Чарнолуцкий, 1906, с. 36]. В. И. Фармаковский негативно относился к организации учебного процесса, критикуя многообразие учебных программ [Фармаковский, 1900], он являлся сторонником унификации образования. По мнению Н. В. Чехова и Е. Д. Максимова, развитию земской начальной школы способствовало появление земств и училищных советов в европейской России [Чехов, 1912; Максимов, 1888]. Авторы доказывали ее прогрессивное значение. Отметим, что в Восточной Сибири земские реформы не проводились, и труды этих ученых способствуют вы-

явлению существенных отличий в организации земской и министерской начальной школы.

Что касается изучения истории начального образования в Восточной Сибири, то она представлена работами сибирских авторов. Так, сибирский издатель А. И. Линьков давал негативную оценку учебным заведениям Министерства народного просвещения (далее — МНП), опубликовав ее в журнале «Сибирский архив» [Линьков, 1912]. Широкую известность получили труды директора народных училищ Тобольской губернии Г. Я. Маляревского [Маляревский, 1896]: автор сосредоточился на сравнительном анализе учебных заведений МНП и ведомства православного вероисповедания. На основе делопроизводственных документов в исследовании представлена положительная характеристика церковно-приходского образования.

В целом дореволюционные публикации о начальной школе объединяет критическая оценка организации учебного процесса. Авторы единодушно признают примитивность начального образования и обличают бездействие властей. С научной точки зрения указанные работы носят описательный характер, что позволяет восстановить историко-культурный фон изучаемой эпохи.

Исследования советского периода существенно расширили историографическую базу по начальной школе. Так, нельзя обойти внимание монографию Н. С. Юрцовского: автор на основе архивных данных исследовал особенности развития народного образования в Сибири с 1703 по 1917 годы [Юрцовский, 1923]. Начало систематического изучения истории образования в Сибири положено новосибирским исследователем Ф. Ф. Шамаховым, который один из первых обратил внимание на проблемы развития народного образования в условиях модернизации [Шамахов, 1949; Шамахов, 1955]. В 1980-е годы начальная школа становится предметом изучения с позиции социально-экономического подхода. Новосибирский историк Ю. В. Дружинина связала многопрофильную деятельность учителей народной школы с распространением модернизационных импульсов в крестьянском обществе [Дружинина, 2004]. Отметим, что исследования советского периода создали обширную базу, позволяющую проводить исследования обобщающего характера с применением различных подходов.

Современные исследования по истории начальной школы представлены широким кругом научных публикаций. Условно их можно сгруппировать по предметам исследования: положение народного учителя, управление, типология начальных школ, общественное участие, роль государства, правовая база и т. д. [Блинов, 2012, с. 27—32; Власов, 1998; Михайлова, 1993; Непокоев, 2013, с. 58—73; Оглезнева, 2016, с. 110—119]. В свете изучаемой

проблемы особый интерес представляют работы А. В. Литягиной: она рассматривает образование как элемент повседневной жизни населения. По мнению исследователя, образование становится социально значимой ценностью, потребностью у различных слоев горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX веков [Литягина, 2010, с. 73—79; Литягина, 2014а, с. 26—34; Литягина, 2014б]. Историк А. А. Валитова исследовала процесс развития образования в Западной Сибири в условиях модернизации. Она отмечает, что в контексте развития общего образования четко прослеживалось преобладание начального образования, при этом заслуживает внимания суждение автора о важном месте школы в инфраструктуре городских и сельских поселений [Валитова, 2016, с. 98—100].

В целом современные публикации характеризуются новаторскими подходами и некоторой узостью предмета исследования. Стоит обратить внимание, что начальное образование к началу XX века представляло определенную систему, структурные элементы которой связаны едиными принципами деятельности и общим механизмом взаимодействия. Зачастую современными авторами системность начального образования не берется во внимание, а предметом исследования служат отдельные элементы начального образования, что не позволяет составить целостную картину, отражающую развитие системы в целом. Сосредоточенность исследований на количественных и качественных показателях собственно начальной школы оставила в стороне научного осмысления детерминанты, определяющие развитие начального образования. Также следует отметить, что территориально авторы оставляют за рамками исследования Восточную Сибирь, учебные заведения которой оставались вне общероссийской окружной системы управления.

Перечисленные исследовательские пробелы обусловили цель данной работы — определение условий, оказавших влияние на развитие начальной школы Восточной Сибири в XIX — начале XX веках.

На основе выявленной широкой источниковой базы, представленной материалами центральных и региональных архивов, сформировалась репрезентативная основа исследования, позволившая применить метод системного анализа. Исследование проведено на основе положений концепции пространственно-ориентированной модели модернизации в совокупности с конкретно-историческими методами.

2. Начальная школа в Восточной Сибири до 1870-х годов

В начале XIX века начальная школа в зависимости от объема учебной программы представляла собой два типа учебных заведений.

Краткосрочные учебные программы, ориентированные на религиозное воспитание, реализовывали приходские училища [Устав, 1987, с. 78]. Открытие училища в значительной степени зависело от благосостояния жителей, поскольку открывалось на основе решения общественного схода. Отметим, что короткий учебный год не давал возможности в полной мере усвоить полученные знания, более того, без продолжения обучения и практического применения знания быстро забывались — и наступал рецидив безграмотности. Кроме того, родители нередко забирали детей из школы для подсобных хозяйственных работ, поэтому школы пустели задолго до окончания учебного года. Досрочное закрытие школы было вызвано и тем, что необходимость содержания приходских училищ за счет местных средств не вызывали понимания у населения. Всего за первую половину XIX века в крае открылось только 12 приходских училищ [Журнал Министерства ..., 1835, с. 114]. В 1852 году в целом по Сибири действовало лишь 45 приходских школ [ГАИО, ф. 63, л. 15].

Таким образом, в первой половине XIX века развитие элементарного начального образования на восточной окраине всецело зависело от местных условий, настроения и финансового состояния общества.

Второй тип начальной школы представляли уездные училища. Выпускники получали аттестат об окончании училища и имели право поступления в губернскую гимназию или на гражданскую службу. В училищах власти видели своеобразную «кузницу кадров» для местной администрации и финансово их поддерживали, оплачивая жалование учителям. Поддержка местных властей выражалась в содержании помещений.

После декабрьских событий 1825 года принципы преемственности и всесословности уступили место сословному образованию в закрытых учебных заведениях. Положение приходских училищ осталось без изменений, обучение по-прежнему было ориентировано на крестьянское сословие. Открытие уездного училища с 1828 года контролировалось министром народного просвещения. Вводились ограничения в приеме к обучению мальчиков из сельских сословий. Выпускники не допускались к дальнейшему обучению в гимназиях. Сохранение государственной поддержки, возможность практического применения полученного образования способствовали сохранению уездных училищ, фактически превратившихся в городские учебные заведения для обеспечения интересов мещанского сословия. Ежегодно количество учащихся возрастало в среднем на 10 человек [РГИА, ф. 733, оп. 203, д. 3173, л. 7].

В целом в первой половине XIX века наблюдается определенный дуализм в отношении к начальной школе. Отсутствие общественной заин-

тересованности, государственной поддержки, возможности практического применения полученных знаний делали приходскую школу малопривлекательной для населения. В селах начальная школа не получила повсеместного распространения. В это же время в городах стабильно действовали уездные училища, поддерживаемые и государством, и обществом. Для населения уездные училища играли роль «социального лифта», давая возможность поступить на государственную или частную службу. Государство, в свою очередь, получало чиновников для местных органов власти. Факторами, влияющими на развитие начальной школы в первой половине XIX века, являлись государственная поддержка и возможность практического применения полученных знаний.

В середине XIX века проблемы народного образования становятся предметом обсуждения Второго Сибирского комитета, разработавшего ряд предложений по улучшению начальной школы. Однако на предложение Комитета увеличить число учебных заведений генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурский ответил отказом: «... совершенно убедился в необходимости чтобы управление тамошнее состояло не из сибирских уроженцев <...> В этих же смыслах и убеждениях я нахожу пока излишним увеличивать число гимназий и уездных училищ» [ГАИО, ф. 63, оп. 1, д. 354, лл. 55].

Предложение об изменении учебной программы в уездных училищах также не нашло поддержки уже у местного учебного руководства. В переписке директора училищ указывали на отсутствие социальных групп, имеющих право на гражданскую службу. Учитывая мнение местной администрации, Второй Сибирский комитет в дальнейшем отказался и от идеи открытия университета в Сибири, мотивируя отказ малочисленностью населения и отсутствием его заинтересованности в высшем образовании [Там же]. Таким образом, попытка Второго Сибирского комитета оказать содействие развитию системы образования не дала положительных результатов. Можно утверждать, что в условиях сохранения сословного общества отсутствие социальной группы, имеющей право на качественное образование, препятствовало развитию системы образования в целом.

Учреждение земств и училищных советов в 1860-х годах также не способствовало развитию начального образования в Азиатской России. Отсутствие институтов общественного представительства лишили не земскую провинцию механизма реализации образовательных реформ 1860-х годов. В Восточной Сибири продолжали сохраняться устаревшие принципы организации начальной школы.

3. Развитие начальной школы в конце XIX — начале XX веков

К концу XIX века изменившаяся социально-экономическая обстановка стимулировала урбанизационные процессы на восточной окраине страны. Отток населения в город, отход от традиционных форм ведения хозяйства обозначили ценность образования как «социального лифта». Изменение общественных ценностей отразилось и на развитии начальной школы.

Упрощенная процедура открытия приходских начальных училищ способствовала их увеличению за 13 лет в три раза [РГИА, ф. 733, оп. 203]. Этому способствовало в том числе и изменение в отношении населения к образованию: школьные повинности перестали восприниматься обществом как обременение. Так, в 1893 году на содержание училищ в Забайкальской области сельскими обществами выделялось 48 537 рублей [ГАЗК, ф. 4, оп. 2, д. 3, л. 27 об.].

Вместе с тем качество обучения в приходских училищах оставляло желать лучшего. Критика примитивного образования со стороны педагогической общественности, потребность модернизирующейся экономики в квалифицированных кадрах обусловили появление новых типов учебных заведений начальной школы.

В 1870-х годах систему начального образования дополняют шестиклассные городские и одно- и двухклассные начальные училища. По сравнению с приходскими училищами начальные имели углубленную программу обучения и повышенную стоимость содержания. В одноклассном училище обучение продолжалось три года, в двухклассном — пять лет, в городском — шесть. На содержание начальных училищ выделялись средства из казны, от местных властей и обществ. Отметим, что государство впервые обязалось выделять средства на содержание двухклассного училища в размере 1000 р., одноклассного — 226 р. ежегодно. Дополнительно выплачивались единовременные средства на строительство здания и первоначальное обустройство.

Отметим, что ранее государственное финансирование начальных учебных заведений сводилось к минимальному участию. К 1883 году доля государственных средств возросла до 11 % от общей суммы, что свидетельствует об изменении государственной политики в отношении начальной школы. Подтверждает данное суждение и закрепление в 1885 году за выпускниками начальной школы воинских льгот, выразившихся в сокращении срока обязательной службы [Обзор ..., 1901, с. 93]. К 1906 году в Восточной Сибири число одноклассных начальных училищ увеличилось до 254, что составляло 33 % от общего числа начальных училищ [РГИА, ф. 733, оп. 203, д. 3046, л. 24; ГАЗК, ф. 4, оп. 1, д. 119, л. 278].

Более качественное образование давали двухклассные начальные училища. Учебная программа составлялась на пять лет, но не считалась оконченной. Продолжить обучение можно было в учительской семинарии. Однако высокая стоимость содержания препятствовала распространению двухклассных училищ: в начале 1880-х годов действовало только четыре училища на весь регион [Там же].

Шестилетние городские училища являлись одним из дорогостоящих с точки зрения содержания типов учебных заведений. Невзирая на широкую учебную программу, получение окончательного начального образования, государственную поддержку, училища не пользовались популярностью. За 35 лет в Восточной Сибири открылось лишь 16 городских училищ [ГАЗК, ф. 4, оп. 1, д. 119, л. 278]. Ситуация изменилась после закрепления в 1906 году за выпускниками права на сокращенный срок действительной службы до трёх лет [Чарнолусский и др., 1911, с. 93]. Введение воинской льготы для выпускников привело к увеличению числа училищ вдвое. В 1911 году их количество увеличилось до 33 [ГАИО, ф. 63, оп. 1, д. 204, л. 39].

За первое десятилетие XX века в Восточной Сибири количество начальных училищ различного типа возросло в десятки раз. Система начального образования, получив государственную поддержку и гарантируемые льготы воинской службы, переживала период бурного развития, ежегодно вводя в действие более полутора сотен учебных заведений. В условиях государственного софинансирования население охотнее откликалось на нужды образования. Несмотря на невысокое качество начальной ступени обучения, стимулом для его распространения становятся государственные преференции при прохождении обязательной военной службы.

В 1908 году государство приступило, по сути, к реализации программы по введению всеобщего начального образования. За пять лет начальное образование получило беспрецедентную финансовую поддержку. Во втором десятилетии XX века на содержание существующих школ и открытие новых было выделено в совокупности более 100 000 000 рублей [Денисов, 1914, с. 27].

Стремительный рост социальной потребности в доступном и качественном образовании, государственная поддержка привели к унификации начальной школы, выразившейся в учреждении в 1912 году высших начальных училищ с четырехлетней учебной программой. Училища предоставляли окончательное начальное образование с правом последующего обучения в гимназии или поступления на гражданскую службу без экзамена на первый классный чин [Хрестоматия ..., 1938, с. 246]. Содержание

училищ финансировалось государством: доля государственного участия составляла 64 %. Очевидно, что затраты государства на начальную школу существенно увеличились.

Число желающих поступить в училище возрастало кратно, открывались параллельные классы. Высшие начальные училища по своей организации, стоимости и качеству подготовки удовлетворяли интересам общества и государства. Бесспорно, унифицированный тип начального училища в перспективе мог стать ключевым в развивающейся системе начального образования.

5. Заключение

Развитие государственной системы начального образования в Восточной Сибири в XIX — начале XX веков охватывало длительный период, окончившийся активным ростом. Условно можно выделить три этапа ее развития. Первый этап продолжался с начала XIX века до 1870-х годов. В данный период характерными чертами развития начальной школы можно назвать отсутствие общественной заинтересованности, государственной поддержки, возможности практического применения учениками полученных знаний. Реформы образования, проводимые в 1860-х годах, не оказали влияния на развитие начальной школы Азиатской России в связи с отсутствием земских механизмов реализации. К концу периода в крае действовало девять уездных училищ и менее сотни приходских начальных школ ведомства МНП.

Период с 1870-х годов до 1912 года стал следующим этапом развития начальной школы в регионе. Модернизационные процессы привели к изменению социально-экономической сферы, обусловив трансформацию социальных ценностей. Увеличение потребности в образовании, государственная поддержка, преференции в сфере гражданской и военной службы, общественная инициатива привели к стремительному росту системы начального образования. К 1909 году в крае действовало 1573 начальных училища различного типа. В глазах общества школа становится определенным «социальным лифтом», ориентированным на изменение социального статуса, поскольку стало очевидным, что образование приносит практическую выгоду, и это повысило его ценность.

Третий период с 1912 по 1917 годы связан с унификацией начального образования. Учреждение высших начальных училищ (при сохранении остальных типов начальной школы) ознаменовало переход к более качественному оконченному начальному образованию. Теперь училища представляли собой компромисс интересов государства и общества. Сочетание

качества, доступности, государственной поддержки способствовало распространению училищ, кратному увеличению учащихся. В этих учебных заведениях открывались параллельные классы, что ранее было типично лишь для гимназий.

С появлением высших начальных училищ система начального образования в Восточной Сибири приобрела законченный вид, что, безусловно, способствовало формированию единого общероссийского образовательного пространства.

Нельзя не отметить, что проблемы закрепления Российской империи на Дальнем Востоке заставили государство пересмотреть отношение к народной школе. Интеграция восточных окраин в общеимперское пространство сделала образование своеобразным фактором мягкой силы. Развитие системы образования способствовало заселению окраины и укреплению позиций русского населения. Беспрецедентное выделение средств на развитие начальной школы привело к кратному увеличению количества школ и численности обучающихся за короткий период.

Таким образом, развитие государственной системы начального образования проходило в условиях изменения ценностной значимости образования в общественном сознании и значительного увеличения финансовой поддержки со стороны государства. Вместе с тем процесс формирования общероссийского образовательного пространства был прерван в 1917 году. Октябрьская революция 1917 года привела к кардинальному изменению образовательной политики государства и формированию новой советской системы образования.

Источники и принятые сокращения

1. ГАЗК — *Государственный архив Забайкальского края*. Ф. 4. (Дирекция народных училищ). Оп. 1. Д. 119. Л. 278 ; Оп. 2. Д. 3. Л. 27 об.
2. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области* Ф. 63. (Главный инспектор училищ Восточной Сибири). Оп. 1. Д. 204. Л. 39 ; Д. 354. Лл. 54—61.
3. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 84. Д. 95. Л. 15 ; Оп. 203. Д. 3173. Л. 7, Д. 3046. Л. 24.
4. *Всеобщее обучение* : сборник законов и правительственных распоряжений / сост. К. И. Денисов. — Санкт-Петербург : тип. т-ва «Екатерингоф. печ. Дело», 1914. — Вып. 21. — 44 с.
5. *Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III* (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1901. — 676 с.
6. *Устав учебных заведений, подведомственных университетам* / сост. П. А. Лебедев // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.). — Москва : Педагогика, 1987. — 560 с.

7. *Хрестоматия* по истории педагогики : в 4 т. Т. 4. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции : для высших педагогических учебных заведений / сост. Н. А. Желваков ; под ред. С. А. Каменева. — Москва : Учпедгиз, 1938. — Ч. 2. — 516 с.

8. *Чарнолуцкий В.* Настольная книга по народному образованию / В. Чарнолуцкий, Г. Фальборк. — Санкт-Петербург, 1911. — Т. 4 доп. — 788 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блинов А. В.* Реализация принципов положений 1864 и 1874 гг. по управлению начальными народными училищами в рамках Западно-Сибирского учебного округа / А. В. Блинов // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 4—1. — С. 27—32.

2. *Валитов А. А.* Образовательные учреждения в системе поселений северо-западной Сибири в конце XIX — начала XX вв. / А. А. Валитов // Успехи современной науки и образования. — 2016. — № 11. — Т. 8. — С. 98—100.

3. *Власов В. А.* Школа и общество : поиск путей обновления образования. Вторая половина XIX — первая треть XX в. / В. А. Власов. — Пенза : Издательство ИПКиПРО, 1998. — 259 с.

4. *Дружинина Ю. В.* Сельская интеллигенция Западной Сибири в конце XIX — начале XX в : процессы формирования и социальная активность : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. В. Дружинина. — Новосибирск, 2014. — 254 с.

5. *Журнал* Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, 1835. — Ч. 6. — 544 с.

6. *Линьков А. И.* Рост учебного дела в Восточной Сибири / А. И. Линьков // Сибирский архив. — 1912. — № 7. — С. 505—543.

7. *Литягина А. В.* Воздействие просвещения на образ жизни населения в Западно-Сибирских городах во второй половине XIX — начале XX вв. / А. В. Литягина // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 335. — С. 73—79.

8. *Литягина А. В.* Роль светской школы в повседневной жизни горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / А. В. Литягина // Вестник КемГУ. — 2014а. — № 1 (57). — Т. 1. — С. 26—34.

9. *Литягина А. В.* Светское просвещение и повседневная жизнь горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / А. В. Литягина. — Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО» имени В. М. Шукшина, 2014б. — 183 с.

10. *Максимов Е. Д.* Очерки земской деятельности по подготовке и обеспечению учителей народных школ / Е. Д. Максимов // Народная школа. — Санкт-Петербург : тип. Правительствующего сената, 1888. С. 27—35.

11. *Маляревский Г. Я.* Очерки истории и современного состояния народного образования в Сибири / Г. Я. Маляревский. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1896. — 88 с.

12. *Михайлова М. В.* Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX — начало XX в) / М. В. Михайлова. — Москва : ИТП и МИО, 1993. — 164 с.

13. *Неупокоев И. В.* Управление школьным делом в Тобольской губернии в конце XVIII—XX в. / И. В. Неупокоев // Образование и наука. — 2013. — № 1. — С. 58—73.

14. *Оглезнева Г. В.* Научные и культурно-просветительные общества дореволюционного Иркутска: опыт сравнительной характеристики / Г. В. Оглезнева // *Известия ИГУ. Сер. История.* — 2016. — Т. 16. — С. 110—119.
15. *Фармаковский В. И.* Начальная школа Министерства народного просвещения (по официальным источникам) / В. И. Фармаковский. — Санкт-Петербург : Рус. шк., 1900. — 200 с.
16. *Чарнолусский В. И.* Итоги общественной мысли в области образования / В. И. Чарнолусский. — Санкт-Петербург : Тип. Б. М. Вольфа, 1906. — 79 с.
17. *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX в. / Н. В. Чехов. — Москва : Польза, 1912. — 224 с.
18. *Шамахов Ф. Ф.* Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. / Ф. Ф. Шамахов // *Учёные записки Томского государственного педагогического института.* — 1955. — Т. XIII. — С. 395—510.
19. *Шамахов Ф. Ф.* Первые школы Западной Сибири / Ф. Ф. Шамахов // *Учёные записки Томского государственного педагогического института.* — 1949. — Т. VII. — С. 40—67.
20. *Юрцовский Н. С.* Очерки по истории просвещения в Сибири / Н. С. Юрцовский. — Новониколаевск : Сибирское областное государственное издательство, 1923. — 304 с.

CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE STATE SYSTEM OF PRIMARY EDUCATION IN EASTERN SIBERIA IN THE 19th — EARLY 20th CENTURIES

© **Inna N. Mamkina (2020)**, orcid.org/0000-0002-5583-3072, Doctor of History, associate professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Transbaikal State University” (Chita, Russia), inna-mamkina@yandex.ru.

Based on a wide range of sources, the author analyzed the state of primary education in Eastern Siberia during the 19th century and at the beginning of the 20th century. The novelty of the study is in the use of a spatially-oriented model of a modernization approach to studying the history of the development of primary schools on the outskirts of the Russian Empire. The author focuses attention on the typology of elementary school. Information is provided on the number of students and the number of schools in Eastern Siberia. Based on the analysis of a wide range of historical sources, the dependence of the development of primary schools on social initiative and the degree of state support in the first half of the 19th century is substantiated. The conclusion is made about the decelerated pace of development of the education system in the region. It is determined that a number of provisions of the 1864 reform were not implemented in the conditions of development of the sparsely populated eastern outskirts of the empire. Particular attention is paid to the implementation of elementary school reforms in the late XIX — early XX centuries in Eastern Siberia. It was established that at the beginning of the twentieth century, the primary education system in Eastern Siberia experienced a period of intensive development. It is noted that this process was facilitated by capitalist modernization, enhanced state funding, and the increase in the value of education in the consciousness of the population.

Key words: Eastern Siberia; elementary education; modernization; state; society; development.

MATERIAL RESOURCES

- Charnoluskiy, V., Falbork, G. (1911). *Nastolnaya kniga po narodnomu obrazovaniyu, 4 dop.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Denisov, K. I. (1914). *Vseobshcheye obucheniye: sbornik zakonov i pravitelstvennykh rasporyazheniy, 21.* Sankt-Peterburg: tip. t-va “Ekateringof. pech. Delo”. (In Russ.).
- GAIO — *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti.* F. 63 (Glavnyy inspektor uchilishch Vostochnoy Sibiri). Op. 1. D. 204. L. 39; D. 354. L. 54—61. (In Russ.).
- GAZK — *Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykalskogo kraya.* F. 4 (Direktsiya narodnykh uchilishch). Op. 1. D. 119. L. 278; Op. 2. D. 3. L. 27 ob. (In Russ.).
- Lebedev, P. A. (ed.) (1987). *Ustav uchebnykh zavedeniy, podvedomstvennykh universitetam.* In: *Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii pervoy poloviny XIX v. (do reform 60-kh gg.).* Moskva: Pedagogika. (In Russ.).
- Obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya za vremya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra III (so 2 marta 1881 g. po 20 oktyabrya 1894 g.). (1901). Sankt-Peterburg: Gos. tip. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv.* F. 733 (Departament narodnogo prosveshcheniya). Op. 84. D. 95. L. 15. Op. 203. D. 3173. L. 7, D. 3046. L. 24. (In Russ.).
- Zhelvakov, N. A., Kameneva, S. A. (ed.) (1938). *Khrestomatiya po istorii pedagogiki: v 4 t., 4.* Istoriya russkoy pedagogiki s drevneyshikh vremen do Velikoy proletarskoy revolyutsii: dlya vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy. Moskva: Uchpedgiz. (In Russ.).

REFERENCES

- Blinov, A. V. (2012). Realizatsiya printsipov polozheniy 1864 i 1874 gg. po upravleniyu nachalnymi narodnymi uchilishchami v ramkakh Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 4—1:* 27—32. (In Russ.).
- Charnoluskiy, V. I. (1906). *Itogi obshchestvennoy mysli v oblasti obrazovaniya.* Sankt-Peterburg: Tip. B. M. Volfa. (In Russ.).
- Chekhov, N. V. (1912). *Narodnoye obrazovaniye v Rossii s 60-kh godov XIX v.* Moskva: Polza. (In Russ.).
- Druzhinina, Yu. V. (2014). *Selskaya intelligentsiya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX — nachale KhKh v: protsessy formirovaniya i sotsialnaya aktivnost: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk.* Novosibirsk. (In Russ.).
- Farmakovskiy, V. I. (1900). *Nachalnaya shkola Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (po ofitsialnym istochnikam).* Sankt-Peterburg: Rus. shk. (In Russ.).
- Linkov, A. I. (1912). Rost uchebnogo dela v Vostochnoy Sibiri. *Sibirskiy arkhiv, 7:* 505—543. (In Russ.).
- Lityagina, A. V. (2010). Vozdeystviye prosveshcheniya na obraz zhizni naseleniya v Zapadno-Sibirskikh gorodakh vo vtoroy polovine XIX — nachale KhKh vv. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 335:* 73—79. (In Russ.).
- Lityagina, A. V. (2014a). Rol’ svetskoy shkoly v povsednevnoy zhizni gorozhan Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. *Vestnik KemGU, 1 (57):* 26—34. (In Russ.).

- Lityagina, A. V. (2014b). *Svetskoye prosveshcheniye i povsednevnyaya zhizn' gorozhan Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* Biysk: FGBOU VPO «AGAO» imeni V. M. Shukshina. (In Russ.).
- Maksimov, E. D. (1888). Ocherki zemskoy deyatel'nosti po podgotovke i obespecheniyu uchiteley narodnykh shkol. In: *Narodnaya shkola*. Sankt-Peterburg: tip. Pravitel'stvyuyushchego senata. 27—35. (In Russ.).
- Malyarevskiy, G. Ya. (1896). *Ocherki istorii i sovremennogo sostoyaniya narodnogo obrazovaniya v Sibiri*. Sankt-Peterburg: Sinod. tip. (In Russ.).
- Mikhaylova, M. V. (1993). *Obshchestvennyye pedagogicheskiye i prosvetitelnyye organizatsii dorevol'yutsionnoy Rossii (seredina XIX — nachalo XX vv.)*. Moskva: ITP i MIO. (In Russ.).
- Neupokoyev, I. V. (2013). Upravleniye shkolnym delom v Tobolskoy gubernii v kontse XVIII—XX vv. *Obrazovaniye i nauka, 1*: 58—73. (In Russ.).
- Oglezneva, G. V. (2016). Nauchnyye i kulturno-prosvetitelnyye obshchestva dorevol'yutsionnoy Irkutsk: opyt sravnitel'noy kharakteristiki. *Izvestiya IGU. Ser. Istoriya, 16*: 110—119. (In Russ.).
- Shamakhov, F. F. (1949). Pervyye shkoly Zapadnoy Sibiri. *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, VII*: 40—67. (In Russ.).
- Shamakhov, F. F. (1955). Dinamika razvitiya obshcheobrazovatel'noy shkoly Zapadnoy Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, XIII*: 395—510. (In Russ.).
- Yurtsovskiy, N. S. (1923). *Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri*. Novonikolayevsk: Sibirskoye oblastnoye gosudarstvennoye izdatel'stvo. (In Russ.).
- Valitov, A. A. (2016). Obrazovatelnyye uchrezhdeniya v sisteme poseleniy severo-zapadnoy Sibiri v kontse XIX — nachale XX vv. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya, 11 (8)*: 98—100. (In Russ.).
- Vlasov, V. A. (1998). *Shkola i obshchestvo: poisk putey obnovleniya obrazovaniya. Vtoraya polovina XIX — pervaya tret' XX vv.* Penza: Izdatel'stvo IPKiPRO. (In Russ.).
- Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 6*. (1835). Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).

Мамяченков В. Н. Социально-экономическое положение Свердловской области в 1992 году : первый год «шоковой терапии» (по данным региональной статистики) / В. Н. Мамяченков, М. И. Львова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 370—385. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-370-385.

Mamyachenkov, V. N., Lvova, M. I. (2020). Socio-Economic Situation of the Sverdlovsk Region in 1992: the First Year of “Shock Therapy” (according to Regional Statistics). *Nauchnyi dialog*, 1: 370-385. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-370-385. (In Russ.).

УДК 94:332.012.2(470.54)“1992”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-370-385

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1992 ГОДУ: ПЕРВЫЙ ГОД «ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ» (ПО ДАННЫМ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ)

© **Мамяченков Владимир Николаевич (2020)**, orcid.org/0000-0001-6070-8746, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), mamyaachenkov@mail.ru.

© **Львова Майя Ивановна (2020)**, orcid.org/0000-0002-8695-6737, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), minlvova@mail.ru.

Рассматривается социально-экономическое состояние Среднего Урала в 1992 году, первом году реализации известной программы «шоковой терапии». Выбранная тема представляется актуальной и имеющей практическое значение в контексте изучения механизма осуществления масштабных реформ. Исследование проведено на архивном материале. Констатируется, что в истории современной России 1992 год по своему социально-экономическому значению является особым периодом. Утверждается, что формы и методы реализации «шоковой терапии» в России оставили глубокий, противоречивый и в целом тяжелый след в памяти большинства ее населения. Декларируется, что «шоковая терапия» 1990-х годов в России по своей сути была весьма схожа с новой экономической политикой 1920-х годов в большинстве моментов. Показано, что окончание 1991 года экономика СССР встретила в состоянии глубокого системного кризиса и практически без резервов, на грани полного коллапса. Отмечается, что в 1992 году продолжалось снижение уровня среднедушевого потребления продуктов питания и непродовольственных товаров большинством населения Свердловской области. Доказывается, что Свердловская область в советский период XX века была превращена в регион с гипертрофированно развитым промышленным сектором экономики. Делается вывод,

что влияние долговременных социально-экономических механизмов, запущенных в 1992 году, российское общество будет испытывать на себе еще очень долгое время.

Ключевые слова: 1992 год; Свердловская область; кризис; промышленно-строительный сектор; сельское хозяйство; потребление; продукты питания; непродовольственные товары.

1. Введение

В истории современной России вряд ли найдется второй такой год, по своему социально-экономическому значению равновеликий 1992-му. И дело не только в том, что это был первый год жизни самого большого из 15 созданных на территории бывшего СССР государств. Достаточно напомнить, что именно со 2 января 1992 года в Российской Федерации взяла старт программа реализации в нашей стране «шоковой терапии». Указанная программа была абсолютно инновационным мероприятием, точно так же, как полной инновацией было массовое обобществление собственности в стране после 1917 года. Формы же и методы реализации «шоковой терапии» в современной России оставили столь глубокий, противоречивый и в целом тяжелый след в памяти большинства ее населения, снискали у него столь мрачную популярность, что актуальность темы нашей статьи, думается, не нуждается в многословной аргументации.

Некоторые источники утверждают, что своими корнями «шоковая терапия» уходит «<...> к либерализации экономики, предпринятой послевоенной Германией в конце 1940-х годов», см., например: [Шоковая ...]. Но такое утверждение нам представляется ошибочным: общеизвестно, что еще более ранним опытом применения данного способа оживления кризисной экономики была программа новой экономической политики (далее — НЭП), реализованная в СССР в 1921—1929 годах. При этом несомненно, что «шоковая терапия» 1990-х годов в России по своей сути была весьма схожа с НЭПом в большинстве моментов. Главным образом это сходство состояло в том, что в обоих случаях целью проводимых социально-экономических реформ было не просто оживление экономики, а оживление ее за счет активизации рыночных отношений и снижения роли государства в управлении экономикой.

Главное же отличие состояло в следующем: советский коммунистический режим прибег к НЭПу практически вопреки постулатам своей политэкономии и завершил ее уже к концу 1920-х годов. (Хотя интересно, что главный инициатор НЭПа В. И. Ленин не имел никакой ясности в вопросе о сроках и глубине «возврата к капитализму». Об этом он открыто заявил в своем докладе на II Всероссийском съезде политпросветов 21 октября 1921 года: «Новая экономическая политика означает замену разверстки

налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере. В какой мере — этого мы не знаем» [Ленин, 1964, с. 159—160]). Что же касается правительства Е. Т. Гайдара, то оно осуществляло, по сути, полную реставрацию капитализма в стране. При этом подобный масштабный эксперимент — переход от командно-административной экономики к капиталистической — реализовывался впервые в истории человечества и, следовательно, по определению не мог иметь под собой никакой теоретической базы.

Если говорить об источниках, необходимых для осуществления анализа социально-экономической ситуации в Свердловской области в указанный период, то в качестве таковых, по нашему мнению, вполне можно использовать данные текущего архива Свердловского областного комитета государственной статистики (предшественника нынешнего Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области — ТОФСГССО). Кроме того, большой массив интересующих нас материалов можно обнаружить в Государственном архиве Свердловской области (далее — ГАСО) и Центре документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Наконец, хорошим источником для анализа являются и различные официальные сборники того же Свердловского облстатуправления, см., например: [Свердловская ..., 1993; Свердловская ..., 1996].

Историография исследуемой нами проблемы достаточно обширна. Из научных трудов здесь прежде всего следует упомянуть труд «отца» теории «шоковой терапии» Джеффри Сакса [Сакс, 1995], а также целый ряд работ российских авторов, см., например: [Гайдар и др., 2011; Мартынов и др., 2009; Мау, 2017; Орлянский, 2006; Пихоя и др., 2011; Теория ..., 2010; Экономика ..., 1995; Экономика ..., 1998]. К перечисленным следует добавить и труды уральских авторов — ученых Института экономики УНЦ РАН [Бочко, 2006; Динамика..., 1998; Уральский..., 1996; Уровень..., 1999]. Кроме того, значительный по объему материал, посвященный опыту реализации российских реформ 1990-х годов, собран в различных учебных пособиях [Ковнир, 2005; Курс ..., 2006; Мотревич, 2004]. Наконец, исследуемым событиям посвящены и некоторые произведения мемуарно-публицистического жанра, см., например: [Гайдар, 1997].

Свою небольшую лепту в разработку вышеуказанной проблематики внес и один из авторов настоящей статьи, посвятивший «шоковой терапии» и вообще социально-экономической ситуации в Свердловской области в последнем десятилетии XX века несколько своих статей, см., например: [Мамяченков, 2007]. Предлагаемая статья, как полагают ее авторы,

послужит делу дальнейшей разработки интереснейшей проблемы, какой была и остается практика реализации программы «шоковой терапии» в Российской Федерации.

2. Тяжелые итоги 1991 года: неизбежность крайних мер

Упомянутому году было суждено стать последним годом существования одной из двух «супердержав» — СССР. Несомненно, что причины этого грандиозного события мирового значения будут выдвигаться, изучаться и анализироваться еще не одним поколением ученых-обществоведов. Президент Российской Федерации В. В. Путин в апреле 2005 года в своем ежегодном послании Федеральному Собранию назвал это событие, как известно, «крупнейшей геополитической катастрофой XX века» [Regnum ...]. С этим утверждением согласно абсолютное большинство исследователей, чего нельзя сказать о многих других высказываниях, относящихся к данному событию. И, пожалуй, главнейшим, вызывающим самые ожесточенные споры, является утверждение о неизбежности распада Советского Союза. Мы не будем в рамках нашей статьи дискутировать по этому вопросу, а лишь позволим себе кратко остановиться только на его экономической составляющей.

Окончание 1991 года экономика СССР встречала в состоянии глубокого системного кризиса и практически без резервов. В наиболее популярной и доступной форме это отражено в мемуарах тогдашнего председателя Совмина Е. Т. Гайдара: «Когда в жизни государства наступает критический момент, приходит время пустить в ход накопленные на “черный день” запасы. В любом нормальном государстве они бережно хранятся, впустую ни в коем случае не разбрасываются <...> К сожалению, наши правители такой элементарной предусмотрительности не проявили. За 1989—1991 годы из страны вывезли более 1000 тонн (золота. — *В. М., М. Л.*), причем процесс шел с ускорением. Печальный рекорд 1990 года — 478,1 тонны. К концу 1991 года золотой запас бывшего Советского Союза упал до беспрецедентно низкой отметки — 389,6 тонн (около 18 млрд долларов в современных ценах. — *В. М., М. Л.*). Им уже нельзя было покрыть даже самые срочные финансовые обязательства, самые неотложные потребности страны. Если ничтожное количество золота делало продовольственную ситуацию тяжелой, то состояние валютных резервов и огромный объем внешней задолженности, казалось, ухудшали положение до безнадежности» [Гайдар, 1997, с. 134].

Сошлемся на известного уральского историка В. П. Мотревича, который в своем учебнике отмечал: «Осенью 1991 г. положение в экономике

Советского Союза ухудшалось на глазах. Прилавки магазинов в городах были пустыми, торговля проводилась по талонам, которые повсеместно не обеспечивались ресурсами, потребительский рынок практически не существовал. Цены на “черном рынке” были в несколько раз выше государственных <...> Дефицит бюджета составлял 20 % ВВП (валового внутреннего продукта страны. — В. М., М. Л.) и практически полностью вышел из-под контроля» [Мотревич, 2004, с. 559].

Действительно, на потребительском рынке страны (а его состояние является, пожалуй, самым чувствительным индикатором экономического состояния государства) сложилось абсолютно катастрофическое положение. В одном из документов Правительства, датированном ноябрем 1991 года, говорилось буквально следующее: «Продажа мясопродуктов, масла животного, масла растительного, крупы, макаронных изделий, сахара, соли, спичек, табачных изделий, алкогольных напитков, мыла хозяйственного, туалетного и других производится, в основном, по талонам и по мере поступления этих товаров в торговую сеть. Отпуск хлеба и хлебобулочных изделий ограничен, реализация молокопродуктов — по мере их поступления при наличии больших очередей и ограниченного времени торговли» [Цит. по: Там же, с. 133].

О крайнем обострении социально-экономической ситуации в стране говорили и сведения, поступавшие из регионов. Так, в Архангельской области мясопродукты реализовывались из расчета 500 г, а масло животное — 200 г в месяц. В Нижегородской области привозимого в магазины молока хватало в среднем на 1 час торговли. В Пермской области не было ресурсов на декабрь для выдачи масла животного даже из расчета 200 г на человека [Там же]. Неудивительно, что наиболее тяжелое положение с продовольствием сложилось в промышленно развитых регионах, к которым традиционно относилась и Свердловская область.

Как отмечает тот же В. П. Мотревич, уже с начала 1989 года во всех регионах Урала систематический дефицит товаров первой необходимости стал нормой, а во второй половине 1990 года «<...> с прилавков магазинов исчезли практически все товары» [Там же, с. 553]. Добавим, что все это происходило, несмотря на постановление Совмина РСФСР «О неотложных мерах по улучшению снабжения населения Свердловской области продовольственными и непродовольственными товарами» от 6 февраля 1990 года [ГАСО, оп. 119, д. 547, л. 5].

Таким образом, в 1991 году экономика Урала находилась на грани полного коллапса.

3. Кризисный 1992 год в Свердловской области

3.1. Промышленно-строительный сектор

Для характеристики состояния промышленно-строительного сектора экономики Свердловской области в 1992 году мы составили таблицу 1. При этом для возможности проведения анализа мы представили в указанной таблице аналогичные данные также за предшествующий и последующий исследуемому году — соответственно 1991 и 1993.

По таблице хорошо видно, что 1992 году падение промышленного производства (соответственно, и снижение показателей и строительной индустрии) продолжалось. Что, впрочем, неудивительно — промышленный сектор экономики, как известно, в сравнении, например, с торговлей, отличается значительно более высоким уровнем инерционности, а следовательно, и более низким уровнем адаптации к новым условиям. При несомненно системном характере кризиса, тем не менее, падение производства носило неоднозначный, а местами и противоречивый характер. Так, при довольно значительном снижении объемов производства большинства видов промышленной продукции в 1992 году по сравнению с 1991 наблюдалась и положительная динамика, например, в производстве электродвигателей, фанеры, керамической плитки. А в следующем, 1993-м, году позитивная динамика наблюдалась уже в производстве проката черных металлов, металлорежущих станков, цемента, в жилищном строительстве.

В целом по всем отраслям промышленности Свердловской области объемы производства в 1992 году по сравнению с 1991 составили лишь 72,4 % [Свердловская ..., 1992, ч. 2, с. 10]. Учитывая перенасыщенность промышленной сферы Среднего Урала предприятиями военно-промышленного комплекса (далее — ВПК), с высокой степенью вероятности можно предположить, что наиболее значительные объемы падения производства наблюдались в сфере производства военной продукции. И именно данный фактор оказал крайне негативное влияние на социально-экономическую ситуацию в регионе, так как на предприятиях ВПК работали многие тысячи людей, которые в сравнительно короткий промежуток времени оказались без работы и без средств к существованию. В 1992 году начался быстрый рост учтенной безработицы: за год были признаны безработными 34 тыс. граждан, а еще 73 тыс. поставлены на учет как ищущие работу [Свердловская ..., 1996, с. 38].

В то же время в других секторах экономики кризис сказывался не так однозначно. Например, в строительной индустрии хотя и наблюдалась стагнация, но существенного снижения объемов производства там не произошло. Мало того — как раз в сфере жилищного строительства

Таблица 1

**Производство некоторых важнейших видов промышленной продукции
в Свердловской области в 1991—1993 годах***

Наименование продукции, ед. измер.	Годы		
	1991	1992	1993
Электроэнергия, млрд кВт-ч	58	52	45
Уголь, млн т	4,3	4,2	4,0
Торф, млн т	3,1	2,2	0,4
Железная руда, млн т	12,2	11,6	11,6
Чугун, млн т	5,8	5,6	5,0
Сталь, млн т	8,8	8,1	7,1
Прокат черных металлов готовый, млн т	5,8	4,6	4,7
Трубы стальные, млн т/млн м	2,9/610	2,4/524	2,1/?
Турбины паровые, тыс. кВт	927	566	471
Электродвигатели, тыс. шт.	18,3	20,7	16,1
Дизели и дизель-генераторы, шт.	4353	4098	2445
Металлорежущие станки, шт.	1410	896	1214
Кормоуборочные и силосоуборочные комбайны, шт.	6163	5830	1828
Экскаваторы, шт	365	232	206
Серная кислота в моногидрате, млн т	1,1	0,9	0,7
Минер. удобрения в пересчете на 100 % минер. веществ, тыс. т	322	208	103
Синтетические смолы и пластмассы, тыс. т	119	90	75
Древесина (вывозка), млн плотных м ³	14,7	13,2	10,1
Целлюлоза, тыс. т	55	45	21
Бумага, тыс. т	65	49	21
Пиломатериалы, млн м ³	3,6	3,1	2,2
Древесно-стружечная плита, тыс. усл. м ³	385	313	214
Клееная фанера, тыс. м ³	109	110	66
Цемент, млн т	4,9	3,8	3,9
Строительный кирпич, млн шт услов. кирпича	588	510	390
Плитка керамическая облицовочная, млн м ²	1,9	2,2	2,3
Асбест 0–6 групп, млн т	0,98	0,75	0,46
Сборные железобетонные конструкции и изделия, млн м ³	2,8	2,4	1,9
Ввод в действие жилья, млн м ²	1,7	1,5	1,6

Источники: [Свердловская..., 1993, ч. 2, с. 15–16; Свердловская ..., 1996, с. 97, 135].

в 1992 году обозначились первые признаки эффекта «шоковой терапии». Это можно утверждать хотя бы потому, что в указанном кризисном (без всяких кавычек) году объемы индивидуального жилищного строительства в области возросли на 15 %, а в следующем — 1993-м, еще на 50 с лишним [Свердловская..., 1996, с. 135].

3.2. Аграрный сектор

Кризис в аграрной сфере региона протекал довольно своеобразно. Чтобы охарактеризовать положение в сельском хозяйстве Среднего Урала в 1992 году, мы по аналогии с таблицей 1 построили таблицу 2.

Таблица 2

Основные показатели сельского хозяйства Свердловской области
в 1991—1993 годах*

Наименование показателя	Годы		
	1991	1992	1993
Площадь посевов, <i>тыс. га</i>	1499	1469	1429
в том числе:			
— зерновые	708	661	651
— кормовые	688	706	672
— картофель	90	89	93
— овощи и бахчевые	10	10	12
— технические	3	3	1
Производство, <i>тыс. т</i> :			
— зерновые	713	1015	744
— картофель	1170	903	655
— овощи	222	190	229
— кормовые корнеплоды	51	38	33
Поголовье продуктивного скота, <i>тыс. голов</i> :			
— крупный рогатый скот	845	823	787
— в т. ч. коровы	340	335	329
— свиньи	606	642	600
— овцы и козы	207	228	245
— птица	16104	16868	16120
Производство:			
— мясо в убойном весе, <i>тыс. т</i>	183	176	168
— молоко, <i>тыс. т</i>	1003	893	934
— яйца, <i>млн шт.</i>	1612	1544	1499
— шерсть, <i>т</i>	213	234	236

Источники: [Свердловская ..., 1993, ч. 2, с. 30; Свердловская ..., 1996, с. 112—113, 116—117].

Указанная таблица наглядно демонстрирует сложные процессы, происходившие в сельском хозяйстве области в исследуемом году. Так, в рас-

тениеводстве продолжалось сокращение посевных площадей, но прежде всего за счет зерновых культур, традиционно низкоурожайных в климатических условиях Среднего Урала. В то же время в 1992 году наблюдался сравнительно высокий урожай данных культур (их валовой сбор по сравнению с 1991 годом увеличился более чем на 40 %) и относительно низкий — картофеля и овощей.

В секторе животноводства шло постепенное снижение поголовья крупного рогатого скота, но в противовес этому возросла численность поголовья свиней, овец, коз и птицы. Однако, выходя за рамки нашего исследования, нельзя не отметить, что в дальнейшем снижение поголовья всех видов скота и птицы продолжалось фактически до второго десятилетия текущего века. Таким образом, деградация сельского хозяйства шла медленными, но устойчивыми темпами.

3.3. Благосостояние населения

Уровень благосостояния населения оценивается при помощи целого комплекса показателей, характеризующих, в первую очередь, всевозможные доходы и расходы граждан, а также уровень потребления ими различных материальных благ. К числу последних традиционно относят продукты питания и непродовольственные товары. Чтобы дать представление о состоянии потребительского продовольственного рынка Среднего Урала и об уровне потребления продуктов питания его населением в 1992 году, мы составили таблицу 3.

По указанной таблице хорошо видно, что в 1992 году продолжалось снижение уровня среднедушевого потребления продуктов питания как всем населением Свердловской области, так и самой многочисленной его категорией — семьями рабочих и служащих промышленных предприятий. В то же время мы не случайно разместили и соответствующие данные за 1993 год, которые свидетельствуют уже о значительном росте потребления у второй категории. Данный факт, по нашему мнению, неопровержимо свидетельствует о начавшемся процессе дифференциации потребления между различными категориями населения. В этом и заключался неизбежный эффект «шока» — страна все больше отходила от общества относительного потребительского равенства.

Как это уже не раз случалось в истории нашей страны, население пыталось заниматься самообеспечением продуктами питания. Поэтому в исследуемом 1992 году число семей, имеющих свои участки в коллективных садах, достигло 404 тыс. (в 1991 году их было 334 тыс.), а количество семей, имеющих огороды — 312 тыс. (1991 год — 274 тыс.). В том же году увеличилось и поголовье скота в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ)

граждан: крупного рогатого скота — на 8, свиней — на 28, а овец и коз — на 19 тыс. голов [Свердловская ..., 1995, с. 121].

Таблица 3

Среднедушевое потребление продовольствия населением Свердловской области (числитель) и семьями рабочих и служащих промышленных предприятий (знаменатель) в 1991—1993 годах*, кг в год

Наименование продуктов	Годы		
	1991	1992	1993
Мука и хлеб в пересчете на муку	90 / 94	96 / 100	101 / 221
Картофель	86 / 90	89 / 89	92 / 132
Овощи и бахчевые	86 / 92	70 / 74	73 / 113
Фрукты и ягоды (свежие и сушеные)	38 / 41	29 / 32	27 / 50
Сахар и кондитерские изделия в пересчете на сахар	33 / 35	27 / 30	69 / 65
Мясопродукты	65 / 71	56 / 59	55 / 88
Рыбопродукты	16 / 17	13 / 15	13 / 27
Молокопродукты	319 / 337	252 / 264	274 / 423
Яйца, шт.	239 / 253	242 / 258	224 / 357

* Источники: [Свердловская ..., 1995, с. 35; ТОФСГССО ..., лл. 35—37].

К сказанному можно еще добавить, что, пожалуй, в числе видов «продуктов», производство которых устойчиво росло в 1991—1993 годах, были водка, ликеро-водочные изделия, шампанское, а также папиросы и сигареты (таблица 4).

Но опять же на основании таблицы 4 нельзя сделать вывод об усилении алкоголизации всего населения области: например, потребление алкогольных напитков (включая пиво) на одну семью рабочих и служащих составило в 1991—1993 годах 42, 35 и 34 л соответственно [Там же, л. 25]. Таким образом, эта категория граждан (довольно, кстати, большая) в условиях кризиса вела себя абсолютно адекватно, сокращая потребление спиртного.

Что касается потребления непродовольственных товаров, то здесь мы имеем дело со слишком малым объемом статистической базы. Тем не менее можно утверждать, что и в этом секторе потребительского рынка в 1992 году наблюдались две тенденции. Первая состояла в общем сокращении уровня потребления данной категории товаров. Так, в тех же семьях рабочих и служащих на одного члена семьи в 1991—1993 годах было приобретено соответственно: обуви — 3,7, 2,6 и 2,3 пары [Там же, л. 21]. Но, пожалуй, самое значительное сокращение претерпело производство това-

ров для детей: например, в 1991 году в области было произведено 280 тыс. детских колясок, а в 1992-м — только 139. Аналогичные цифры составили: по обуви детской кожаной — соответственно 6,6 и 3,5 млн пар, пальто и полупальто — 294 и 153 тыс., костюмам — 328 и 179 тыс., брюкам — 432 и 198 тыс. [Свердловская ..., 1993, ч. 2, с. 25].

Таблица 4

**Производство винно-водочных и табачных
в Свердловской области в 1991—1993 годах***

Наименование продуктов	Ед. измер.	Годы		
		1991	1992	1993
Водка и ликеро-водочные изделия	тыс. декалитров	5678	5723	5847
Коньяк	«»	37	6	124
Шампанское	тыс. полулитров	408	425	733
Папиросы и сигареты	млн шт.	8110	8737	9171

Источники: [Свердловская ..., 1996, с. 105].

Другая же тенденция заключалась в уже упоминаемой нами дифференциации потребления различными категориями населения. Это видно, например, из того, что на фоне общего снижения потребления непродовольственных товаров небольшая категория обеспеченных граждан понемногу увеличивала свой автомобильный парк: в 1991—1993 годах покупка автомобилей на 1000 человек населения Свердловской области составила соответственно 57, 64 и 67 единиц [Бочко, 2006, с. 131].

4. Выводы

Исследованный нами в данной статье 1992 год знаменовал собой не просто смену политической парадигмы в рамках только что рожденного государства — Российской Федерации. Этот год ознаменовал собой полную смену социально-экономической формации, просуществовавшей в стране более 70 лет. Как и любая «эпоха перемен», данный период сопровождался временным снижением всех экономических показателей и уровня жизни граждан.

Свердловская область (или Средний Урал, как ее иногда называют) в советский период XX века была превращена в регион с гипертрофированно развитым промышленным сектором экономики. Достаточно сказать, что к началу 1990-х годов здесь находилось более 1000 только крупных промышленных предприятий (из которых около 80 % — с вредными и экологически опасными производствами) и производилось более трети

всей продукции Уральского региона [ЦДООСО, оп. 89, д. 212, лл. 36, 67; оп. 119, д. 494, л. 51]. При этом область сохранила все признаки типичного старопромышленного региона России с целым комплексом специфических социально-экономических и других проблем. Все это сыграло крайне негативную роль в период реализации упомянутых нами радикальных социально-экономических реформ, до основания потрясших Советский Союз и приведших в итоге к его распаду.

Экономический механизм Среднего Урала, основу которого составляли предприятия ВПК, настроенный на производство преимущественно «непотребительских» товаров, оказался в полной зависимости от неуклонно снижающихся объемов государственных заказов. В результате только в 1992 году падение промышленного производства по сравнению с 1991 годом составило около 28 % [Свердловская ..., 1992, ч. 2, с. 10]. Сельское хозяйство области смогло пережить кризисный 1992 год при сравнительно небольшом снижении показателей, но, как оказалось, это было только начало его значительно более глубокого по сравнению с промышленным кризиса.

Что касается населения региона, то для него 1992 год явился годом самой низшей точки падения всех показателей уровня жизни, годом начала тяжелой вынужденной адаптации к новым условиям жизни. Не будет преувеличением сказать, что влияние тех долговременных социально-экономических трендов и механизмов, которые были запущены в первом году «шоковой терапии», российское общество будет ощущать еще очень долгое время.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. Р. 1813 (Облстатуправление). Оп. 119. Д. 547. Л. 5.
2. *Свердловская область в цифрах в 1992 году* : в 2 ч. — Екатеринбург : Свердловоблстат, 1993.
3. *Свердловская область в 1990—1994 гг.* — Екатеринбург : Свердловоблстат, 1995. — 191 с.
4. *Свердловская область в 1991—1995 гг.* — Екатеринбург : Свердловоблстат, 1996. — 201 с.
5. ТОФСГССО — *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области*. Текущий архив. Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1979—1993 гг.
6. ЦДООСО — *Центр документации общественных организаций Свердловской области*. Ф. 4 (Свердловский обком КПСС).
7. *Шоковая терапия (экономика)* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шоковая_терапия_\(экономика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Шоковая_терапия_(экономика)).

8. *Regnum* : Информационное агентство [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://regnum.ru/news/444083.html>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочко В. С. Свердловская область в период реформ (тенденции преобразований) / В. С. Бочко. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2006. — 315 с.
2. Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед / Е. Т. Гайдар. — Москва : Вагриус, 1997. — 368 с.
3. Гайдар Е. Т. Развилки новейшей истории России / Е. Т. Гайдар, А. Б. Чубайс. — Москва : ОГИ, 2011. — 168 с.
4. Динамика социально-экономического развития Урала в 90-е годы / А. И. Татаркин, А. А. Куклин, В. И. Яковлев и др. ; отв. ред. засл. деят. науки РФ, чл.-кор. РАН, проф. А. И. Татаркин. — Препр. — Екатеринбург ; Валенсия, 1998. — 73 с. ; 20 см. — (Науч. докл. / РАН. Ур. отд-ние. Ин-т экономики, Валенси. ун-т).
5. Ковнир В. Н. История экономики России / В. Н. Ковнир. — Москва : Логос, 2005. — 472 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — Москва : Изд-во политической литературы, 1964. — Т. 44. — 710 с.
7. Мамяченков В. Н. Шоковая терапия в Свердловской области : парадоксы потребления / В. Н. Мамяченков // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VIII Всероссийской научной конференции, г. Екатеринбург, 27—28 апреля 2007 г. — Екатеринбург : АМБ, 2007. — Т. 2. — С. 166—168.
8. Мартынов В. А. Переходная экономика : теоретические аспекты, российские проблемы, мировой опыт / В. А. Мартынов, В. С. Автономов, И. М. Осадчая. — Москва : Экономика, 2009. — 718 с.
9. Мау В. А. Экономика и власть : опыт посткоммунистической трансформации / В. А. Мау. — Москва : Дело, — 2017. — 349 с.
10. Мотревич В. П. Экономическая история России : учебное издание / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2004. — 712 с.
11. Орлянский Е. А. Теория и практика переходной экономики (Трансформационные направления развития экономики России) : учебное пособие. — Омск : Издательство «Наследие. Диалог-Сибирь», 2006. — 124 с.
12. Пихоя Р. Г. История современной России. Десятилетие либеральных реформ : 1991—1999 гг. / Р. Г. Пихоя, С. В. Журавлёв, А. К. Соколов. — Москва : Новый хронограф, 2011. — 312 с.
13. Сакс Дж. Д. Рыночная экономика и Россия : перевод с английского / Дж. Сакс. — Москва : ВВС МРМ : Экономика, 1995. — 331 с.
14. Теория переходной экономики / под редакцией И. П. Николаевой. — Москва : Финансы и статистика, 2010. — 527 с.
15. Уральский регион : последствия экономического реформирования / Л. А. Дедов, Т. Е. Дмитриева, Е. Д. Игнатьева и др. ; редкол. : А. И. Татаркин (ответственный редактор) и др. ; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — Екатеринбург : ИЭ, 1996. — 363 с.
16. Уровень жизни населения Урала : социальная стратификация регионального социума и система социальной защиты / А. И. Татаркин и др. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 1999. — 115 с.

17. Чепурина М. Н. Курс экономической теории : учебник Рекомендован МО РФ / М. Н. Чепурина, Е. А. Киселева. — Киров : АСА, 2006. — 832 с.

18. Экономика переходного периода : очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991—1997 / Е. Т. Гайдар и др. — Москва : Ин-т экон. проблем переход. периода, 1998. — 1113 с.

19. Экономика переходного периода : учебное пособие / под редакцией В. В. Радаева, А. В. Бузгалина. — Москва : Изд-во МГУ, 1995. — 410 с.

SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE SVERDLOVSK REGION IN 1992: THE FIRST YEAR OF “SHOCK THERAPY” (ACCORDING TO REGIONAL STATISTICS)

© Vladimir N. Mamyachenkov (2020), orcid.org/0000-0001-6070-8746, Doctor of History, professor, Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), mamychenkov@mail.ru.

© Mayya I. Lvova (2020), orcid.org/0000-0002-8695-6737, PhD in Economics, associate professor, Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), minlvova@mail.ru.

The socio-economic status of the Middle Urals in 1992, the first year of the implementation of the well-known program of “shock therapy” is considered. The selected topic seems relevant and of practical importance in the context of studying the mechanism for implementing large-scale reforms. The study was conducted on archival material. It is stated that in the history of modern Russia 1992 is a special period in its socio-economic significance. It is argued that the forms and methods of implementing “shock therapy” in Russia have left a deep, controversial and generally disturbing impression in the memory of most of its population. It is declared that the “shock therapy” of the 1990s in Russia in its essence was very similar to the new economic policy of the 1920s. It is shown that in the end of 1991 the USSR economy was in a state of deep systemic crisis and with virtually no reserves, on the verge of a complete collapse. It is noted that in 1992 the level of per capita consumption of food and non-food products by the majority of the population of the Sverdlovsk region continued to decrease. It is proved that the Sverdlovsk region in the Soviet period of the XX century was turned into a region with a hypertrophied industrial sector of the economy. It is concluded that the influence of long-term socio-economic mechanisms launched in 1992, will be experienced by the Russian society for a very long time.

Key words: 1992; Sverdlovsk region; the crisis; industrial construction sector; agriculture; consumption; food products; non-grocery goods.

MATERIAL RESOURCES

GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti*. F. R. 1813 (Oblstatupravleniye). (In Russ.).

Regnum: *Informatsionnoye agentstvo*. Available at: <https://regnum.ru/news/444083.html>. (In Russ.).

Shokovaya terapiya (ekonomika). Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Shokovaya_terapiya_\(ekonomika\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Shokovaya_terapiya_(ekonomika)). (In Russ.).

- Sverdlovskaya oblast' v tsifrakh v 1992 godu: v 2 ch.* (1993). Ekaterinburg: Sverdloblstat. (In Russ.).
- Sverdlovskaya oblast' v 1990—1994 gg.* (1995). Ekaterinburg: Sverdloblstat. (In Russ.).
- Sverdlovskaya oblast' v 1991—1995 gg.* (1996). Ekaterinburg: Sverdloblstat. (In Russ.).
- TOFSGSSO — *Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Sverdlovskoy oblasti. Tekushchiy arkhiv. Dinamicheskiye ryady po rabochim i sluzhashchim promyshlennosti 1979—1993 gg.* (In Russ.).
- TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. F. 4* (Sverdlovskiy obkom KPSS). (In Russ.).

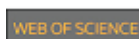
REFERENCES

- Bochko, V. S. (2006). *Sverdlovskaya oblast' v period reform (tendentsii preobrazovaniy)*. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN. (In Russ.).
- Chepurina, M. N., Kiseleva, E. A. (2006). *Kurs ekonomicheskoy teorii: uchebnik, Rekomendovan MO RF*. Kirov: ASA. (In Russ.).
- Gaydar, E. T. (1997). *Dni porazheniy i pobed*. Moskva: Vagrius. (In Russ.).
- Gaydar, E. T. (ed.) (1998). *Ekonomika perekhodnogo perioda: ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii, 1991—1997*. Moskva: In-t ekon. problem perekhod. perioda. (In Russ.).
- Gaydar, E. T., Chubays, A. B. (2011). *Razvilki noveyshey istorii Rossii*. Moskva: OGI. (In Russ.).
- Kovnir, V. N. (2005). *Istoriya ekonomiki Rossii*. Moskva: Logos. (In Russ.).
- Lenin, V. I. *Polnoye sobraniye sochineniy, 44*. Moskva: Izd-vo politicheskoy literatury (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2007). Shokovaya terapiya v Sverdlovskoy oblasti: paradoksy potrebleniya. In: *Ural industrialnyy. Bakuninskiye chteniya: materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, g. Yekaterinburg, 27—28 aprelya 2007 g.* Ekaterinburg: AMB, 2: 166—168. (In Russ.).
- Martynov, V. A., Avtonomov, V. S., Osadchaya, I. M. (2009). *Perekhodnaya ekonomika: teoreticheskiye aspekty, rossiyskiye problemy, mirovoy opyt*. Moskva: Ekonomika. (In Russ.).
- Mau, V. A. (2017). *Ekonomika i vlast': opyt postkommunisticheskoy transformatsii*. Moskva: Delo. (In Russ.).
- Motrevich, V. P. (2004). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: uchebnoye izdaniye*. Yekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo universiteta. (In Russ.).
- Nikolayevoy, I. P. (2010). *Teoriya perekhodnoy ekonomiki*. Moskva: Finansy i statistika. (In Russ.).
- Orlyanskiy, E. A. (2006). *Teoriya i praktika perekhodnoy ekonomiki. (Transformatsionnyye napravleniya razvitiya ekonomiki Rossii): uchebnoye posobiye*. Omsk: Izdatel'stvo «Naslediye. Dialog-Sibir'». (In Russ.).
- Pikhoya, R. G., Zhuravlev, S. V., Sokolov, A. K. (2011). *Istoriya sovremennoy Rossii. Desyatiletie liberalnykh reform: 1991—1999 gg.* Moskva: Novyy khronograf. (In Russ.).
- Radayeva, V. V., Buzgalina, A. V. (1995). *Ekonomika perekhodnogo perioda: uchebnoye posobiye*. Moskva: Izd-vo MGU. (In Russ.).

- Saks, Dzh. D. (1994). *Rynochhnaya ekonomika i Rossiya: perevod s angliyskogo*. Moskva: BBC MPM: Ekonomika. (In Russ.).
- Tatarkin, A. I. (ed.) (1996). *Uralskiy region: posledstviya ekonomicheskogo reformirovaniya*. Ros. akad. nauk, Ural. otd-niye, In-t ekonomiki. Yekaterinburg: IE. (In Russ.).
- Tatarkin, A. I. (1998). *Dinamika sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Urala v 90-e gody*. Prepr. Yekaterinburg; Valensiya; 20 sm. (Nauch. dokl. / RAN. Ur. otd-niye. In-t ekonomiki, Valens. un-t). (In Russ.).
- Tatarkin, A. I. (ed.) (1999). *Uroven' zhizni naseleniya Urala: sotsialnaya stratifikatsiya regionalnogo sotsiuma i sistema sotsialnoy zashchity*. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN. (In Russ.).

Маркова М. А. Семья помещичьих крестьян Санкт-Петербургской губернии середины XIX века (по данным исповедных росписей Царскосельского уезда) / М. А. Маркова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 386—399. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-386-399.

Markova, M. A. (2020). A Family of Landowner Peasants in the St. Petersburg Province of the mid 19th Century (according to Confessional Murals of Tsarskoye Selo Uyezd). *Nauchnyi dialog*, 1: 386-399. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-386-399. (In Russ.).

УДК 94(47)“18”+314.148:316.343.37(470.23)“185”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-386-399

СЕМЬЯ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (ПО ДАННЫМ ИСПОВЕДНЫХ РОСПИСЕЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО УЕЗДА)¹

© Маркова Мария Александровна (2020), orcid.org/0000-0003-2566-2951, SPIN 5318-5150, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), m.markova@spbu.ru.

В статье рассматривается сельская семья Санкт-Петербургской губернии середины XIX века. Исследуются особенности структуры, людность, число детей, положение вдов и вдовцов в дворохозяйствах помещичьих крестьян Царскосельского уезда по данным исповедной росписи 1855 года. Научная новизна работы заключается в том, что в ходе исследования привлекались архивные источники, впервые вводимые в научный оборот. Показано, что средний размер крестьянского дворохозяйства составил 6,5 человек, дворохозяйства с 1—2 детьми в возрасте от 0 до 14 лет составляли 61 % от общего числа, доля простых семей была равна 41 %, сложных семей — 44 %. Представлены результаты сравнительного анализа разницы в возрасте супругов, осуществленного по материалам I-й половины XVIII — середины XIX веков, выявлены изменения в брачном поведении крестьян, произошедшие за указанный период. Автор приходит к выводу о необходимости исследования крестьянской семьи Санкт-Петербургской губернии по материалам второй половины XIX века, что позволит проанализировать изменения в демографии сельского населения, которые произошли под воздействием реформ, а также расширит возможности изучения ситуации в данном регионе за несколько десятилетий до них.

Ключевые слова: историческая демография; крестьянская семья; исповедные росписи; население Санкт-Петербургской губернии.

1 Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-09-00365 «Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях Российской империи. Опыт применения статистических методов и современных компьютерных технологий».

1. Введение

В настоящий момент среди специалистов в области социально-экономической истории активно обсуждается необходимость осуществления крупномасштабных проектов, охватывающих территорию России в целом. Потребность в подобных проектах в российской исторической демографии также была отмечена учеными [Владимиров и др., 2016]. Однако на современном этапе историко-демографических изысканий ощущается необходимость расширения не только географических рамок, но и хронологических границ исследований. С этой целью на кафедре источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета продолжается изучение крестьянской семьи Санкт-Петербургской губернии. В ходе ряда проектов, поддержанных научными фондами, были получены данные о людности, структуре, детности крестьянской семьи в I-й половине XVIII — начале XIX веков. В данной статье рассмотрены основные характеристики семьи помещичьих крестьян Царскосельского уезда, представленные в виде, сопоставимом с результатами исследований за более ранний период, и основывающиеся на исповедных росписях 1855 года.

По исповедной росписи 1855 года были изучены семьи крепостных, принадлежащих двум крупным землевладельцам Санкт-Петербургской губернии — князьям Иллариону Илларионовичу Васильчикову и Льву Петровичу Витгенштейну. Исследовалось население деревень Большово, Еленково, Зайцево, Заозерье, Лампово, Остров, Тозырево и села Орлино, расположенных в 47—59-ти верстах от Царского Села, неподалеку от линии Петербургско-Варшавской железной дороги. Эти поселения относились к Орлинскому приходу Санкт-Петербургской епархии.

Возрастно-половая структура изучаемого населения близка к структуре традиционного общества (рис. 1). Так, среди жителей указанных деревень треть составляли дети моложе 15 лет, на долю лиц старшей возрастной группы (60 и более лет) приходилось 6 %. Средний возраст населения составлял 27,6 года.

Стоит сказать, что на сегодняшний день в отечественной историографии накоплен определенный опыт работы с первичными материалами церковного учета населения. В ряде исследований были изложены результаты источниковедческого анализа этих документов, дана оценка информационного потенциала исповедных росписей как исторического источника [Акользина и др., 2007; Маркова, 2008; Сарафанов, 2014].

История крестьянской семьи остается одним из важнейших направлений историко-демографических исследований. В последние десятилетия вопросы структуры семьи, межпоколенных связей, брачного поведения

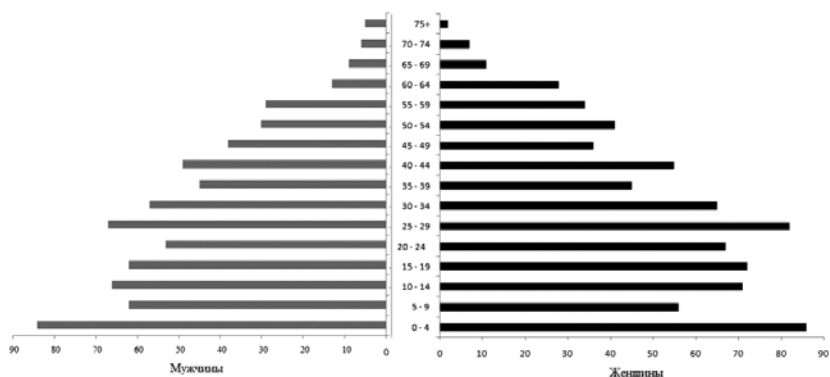

Рис. 1. Возрастно-половая пирамида населения Орлинского прихода

сельского населения Российской империи, изучаемые на основе первичных документов церковного и ревизского учета, освещались в работах как отечественных [Авдеев и др., 2015; Маркова, 2013; Миронов, 2018; Федорец, 2013; Шустрова, 2013], так и зарубежных исследователей [Dennison, 2003; Polla, 2006].

2. Источники данных

Исповедные росписи Санкт-Петербургской губернии являются значительным комплексом документов, охватывающим более 1,5 тысяч единиц хранения, сосредоточенных главным образом в ряде фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Основной массив документов относится к 1730—1860 годам. Наилучшей сохранностью отличаются консисторские экземпляры.

Исповедные росписи содержат данные о возрасте, поле, семейном положении, родственных и иных связях жителей каждого дворохозяйства. Сравнительный анализ данных 1855 года с более ранними документами выявил некоторые изменения в точности регистрации.

Так, исповедные росписи Рождественского, Сиворицкого, Суйдинского и Орлинского приходов за 1811 год [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 588, лл. 187—228] не содержали данных о детях моложе 1 года, вероятно, возраст некоторых из них округлялся до года. В документах 1844 года перечисленных приходов [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 1114] также редко встречается точное указание возраста младенцев. В Рождественском и Суйдинском приходах возраст самых молодых прихожан обозначался равным 1 году, в документах Сиворицкого и Орлинского приходов встречаются сведения

о лицах, чей возраст составлял менее 1 года, однако такие записи немногочисленны (по Орлинскому приходу — 4 записи). В исповедной росписи Орлинского прихода 1855 года дети, рожденные на протяжении 1855 года, вносились в документ с точным указанием даты рождения.

Увеличение процентных долей детей в возрасте от 0 до 1 года в общей численности прихожан, рассчитанных по документам 1811, 1844 и 1855 годов, указывает на улучшение регистрации данной категории к 1850-м годам (табл. 1).

Таблица 1

Процентная доля детей в возрасте 1 года и моложе в общей численности населения по исповедным росписям 1811, 1844 и 1855 годов

Год	Приходы	Общая численность населения	Процентная доля детей в возрасте 1 года и моложе в общей численности населения
1811	Орлинский, Рождественский, Сиворицкий	5441	2,5
1844	Рождественский, Сиворицкий, Суйдинский	5826	2,7
1855	Орлинский	1437	5

Данные о родственных или иных связях, объединяющих под одной крышей жителей двора, неполны. В некоторых случаях невозможно установить родство между членами дворохозяйства. Например, под номером 106 в исповедной росписи [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 1311, л. 652об.] указан двор, находившийся в деревне Остров, жителями которого числятся 11 человек. Среди них: хозяин двора, его жена и дочь, вдова со своими взрослыми сыновьями и их женами, а также еще одна вдова с годовалой дочерью. Источник не содержит каких-либо указаний на родство хозяина двора и вдов, возможно, одна из них являлась женой умершего брата хозяина двора, тогда она приходилась невесткой хозяину, а ее сыновья являлись его племянниками. Возможно, что и вторая вдова находилась в родственных связях с хозяином двора, скорее всего, она была женой его умершего племянника. Однако в источнике указанные женщины обозначены просто как «вдовы» без каких-либо уточнений, поэтому установить их родственные связи с хозяином двора невозможно. Подобные записи составили 20 % от общего числа дворохозяйств. Несмотря на указанные особенности, исповедные росписи остаются одним из важнейших источников по истории крестьянской семьи XVIII — XX веков.

3. Методы

По исповедной росписи 1855 года была создана база данных, имевшая следующие графы: порядковый номер двора, порядковый номер человека, социальный статус человека или родственная связь с членами дворохозяйства, порядковый номер родственника, с которым указана связь для данного лица, название населенного пункта, имя помещика, возраст, примечания.

В ходе исследования использовался выборочный метод. Семья помещичьих крестьян Царскосельского уезда была изучена на основании 10 %-й выборки, полученной по данным исповедной росписи Орлинского прихода 1855 года [ЦГИА СПб, оп. 112, д. 1311, лл. 644—663]. Оценка выборки осуществлялась с помощью работы А. Г. Тройницкого, посвященной крепостному населению России по X ревизии [Тройницкий, 1861]. По данным Тройницкого, в 1859 году в Царскосельском уезде проживали 7079 крепостных крестьян и 7492 крепостные крестьянки. Общая численность крепостных составляла 14 571. Выборка, созданная по данным исповедной росписи православного Орлинского прихода за 1855 год, охватывала сведения о 1437 людях, проживавших в 221 дворе.

4. Людность крестьянских дворохозяйств

Средний размер дворохозяйства в 1855 году, рассчитанный для населения Орлинского прихода, составил 6,5 человек, наименьшее число жителей одного двора было равно 3, наибольшее — 14. Данный показатель оказался чрезвычайно стабильным, по документам 1844 года средний размер дворохозяйства также составил 6,5 человек, максимальное и минимальное значения людности совпали с числами 1855 года.

При этом распределение дворохозяйств по числу жителей, согласно документам 1844 года, несколько отличается от ситуации 1855 года (табл. 2). Так, в 1855 году дворохозяйства, имевшие в своем составе от 3 до 5 человек, составляли 36,2 %, в 1844 году на их долю пришлось 40 %. В 1855 году более половины (52,5 %) приходилось на дворохозяйства, состоящие из 6—9 человек, в 1844 году их доля составляла 45,6 %. Доля дворохозяйств, объединяющих 10 и более человек, была равна 11,3 % в 1855 году и 13,3 % в 1844 году.

Следует отметить, что средний размер дворохозяйства, рассчитанный по исповедной росписи 1855 года для сельского населения Санкт-Петербургской губернии, практически совпал с показателем, полученным на основании материалов X ревизии по сельскому населению Московской губернии [Авдеев и др., 2015, с. 80].

Таблица 2

Людность крестьянских дворохозяиств по исповедной росписи 1855 года

Число людей в дворо- хозяйстве (чел.)	Абсолютное число дво- рохозяйств		Процент от общего чис- ла дворохо- зйств		Число людей в дворо- хозяйстве (чел.)	Абсолютное число дво- рохозяйств		Процент от общего числа дво- рохозяйств	
	Год		Год			Год		Год	
	1844	1855	1844	1855		1844	1855	1844	1855
3	13	15	5,9	6,6	9	11	18	5,0	8,0
4	31	25	14,0	11,1	10	13	15	5,9	6,6
5	36	53	16,3	23,4	11	6	6	2,7	2,7
6	45	40	20,4	17,7	12	3	6	1,4	2,7
7	27	24	12,2	10,6	13	2	1	0,9	0,4
8	33	21	14,9	9,3	14	1	2	0,4	0,9
Общее число дворохозяйств: 1844 г. — 226 (100 %), 1855 г — 221 (100 %)									

5. Число детей в семьях помещичьих крестьян

Важной характеристикой крестьянской семьи является показатель детности, он рассчитывался с учетом всех детей моложе 15 лет, проживавших в крестьянских дворохозяиствах (рис. 2). В источнике за 1855 год содержатся данные о 183 дворах, в которых проживало 424 ребенка. В большинстве семей число детей было невелико, хозяйства с 1—2 детьми составляли 61 %. Треть (35 %) семей воспитывали 3—4 детей. На дворохозяиства, имеющие в своем составе 5 и более детей, приходилось 5 %.

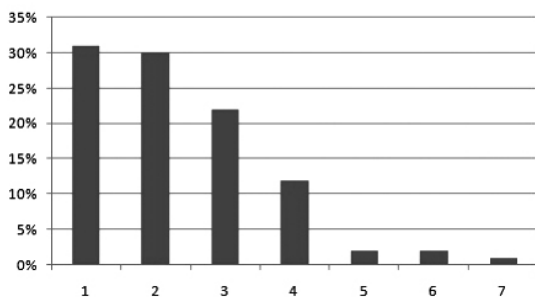

Рис. 2. Распределение дворохозяиств по числу детей в возрасте от 0 до 14 лет, %

Наибольшее число детей, зафиксированное в источнике, равно 7. Семеро детей воспитывались в крестьянской семье, объединяющей трех

братьев. Старшему брату было 46 лет, среднему — 39, а младшему — 35. Младший из братьев был бездетным вдовцом. Старший брат имел двух взрослых сыновей 16 и 23 лет, а также двух сыновей и дочь в возрасте от 4 до 14 лет. Средний брат являлся отцом троих сыновей в возрасте от 3 до 12 лет и дочери, появившейся на свет в 1855 году.

Интересно отметить, что распределение крестьянских дворохозяйств по числу детей, полученное по исповедной росписи Орлинского прихода за 1811 год, оказалось иным. По данным этого года, детность была выше, практически равные доли (31—35 %) приходились на семьи, в которых воспитывалось 1—2 ребенка, 3—4 ребенка, а также от 5 до 10 детей. Такие семьи составляли 97 % от общего числа дворохозяйств.

Среди факторов, определивших подобные изменения, можно предположить как сокращение рождаемости, так и временное повышение детской смертности.

Работа с метрическими книгами Орлинского прихода 1840—1850-х годов [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 588; оп. 124, д. 428, 429; оп. 125, д. 594, 596, 598], показала, что десятилетие, предшествовавшее 1855 году, было очень тяжелым. На этот период приходилось 7 холерных лет (1848, 1849, 1850, 1852—1855), вспышки кори (1853) и оспы (1849 и 1850). На кризис указывает и рост среднегодовых показателей смертности, рассчитанных для 1841—1845 и 1846—1855 годов. В относительно благополучное время, приходившееся на первую половину 1840-х годов, в 8 изученных населенных пунктах в среднем в год умирало 48 человек, для последующих десяти лет среднегодовое число смертей увеличилось до 64.

Холера как один из важнейших неблагоприятных факторов болезней взрослого населения могла оказать временное влияние на уровень рождаемости в приходе. Эпидемии, повышавшие заболеваемость и смертность среди взрослого населения, влияли на уровень ухода за детьми, что приводило к вспышкам детских инфекционных заболеваний (корь, оспа, скарлатина) и росту детской смертности. Последствия неблагоприятного с точки зрения эпидемической обстановки десятилетия, вероятно, отчасти определили изменения в детности крестьянских дворохозяйств.

Стоит сказать, что сокращение доли дворохозяйств, имеющих в своем составе 5 и более детей, прослеживается уже по документам 1840-х годов [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 1114]. Так, агрегированные данные исповедных росписей 1844 года соседних Рождественского, Сиворицкого и Суйдинского приходов дают нам следующее распределение: семьи с 1—2 детьми — 52,6 %, семьи с 3—4 детьми — 29,4 %, дворохозяйства с 5 и более детьми — 18, %.

Исповедная роспись Орлинского прихода за 1844 год по изучаемым 8 населенным пунктам содержит сведения о 187 дворах, в которых проживали дети от 0 до 14 лет, по числу детей эти дворохозяинства распределились следующим образом: 1—2 ребенка — 63 % дворов, 3—4 ребенка — 28 % дворов, 5 и более детей — 9 % дворов.

Таким образом, можно предположить, что отмеченные изменения являлись не только следствием кризисных холерных лет, но имели в своей основе и более глубокие причины. С уверенностью можно утверждать, что неблагоприятная эпидемическая обстановка 1840—1850-х годов ускорила изменения.

6. Структура дворохозяиств

В большинстве случаев жителями двора являлись близкие родственники, однако в 44 случаях (20 % от общего числа) под одной крышей проживали люди, чьи родственные связи установить не удалось. Зачастую с семьей, состоящей из родителей и малолетних детей, могла проживать крестьянская вдова со своими детьми. Иногда две вдовы с детьми вели совместное хозяйство. Возможно, это были дальние родственники, однако источник не содержал каких-либо указаний на их родство. Такие дворохозяинства не учитывались при распределении крестьянских семей по составу.

При изучении структуры дворохозяиств помещичьих крестьян Орлинского прихода использовалась типология П. Ласлетта [Ласлетт, 1979]. Доли сложных и простых дворохозяиств совпали, они составили 44 % и 41 % соответственно. На расширенные дворохозяинства пришлось 13 %, дворохозяинства без семейной структуры составили 2 %. Источник не содержит сведений о дворохозяиствах одиночек.

7. Возраст супругов

В рассмотренную выборку за 1855 год вошли 298 супружеских пар. Возраст самой молодой супруги составлял 17 лет, минимальный возраст, указанный в источнике для женатого мужчины, был равен 19 годам. Среди лиц старшей возрастной группы самой пожилой супруге исполнился 71 год, максимальный возраст женатого мужчины составил 78 лет.

Был рассчитан средний возраст женатых мужчин и средний возраст замужних женщин, полученные данные были сопоставлены с показателями 1811 года. Доверительные интервалы, рассчитанные для мужчин, совпали, поэтому оказалось возможным корректно проанализировать данные только по женскому населению (таблица 3). Исповедные росписи 1811 и 1855 годов указывают на повышение среднего возраста замужних женщин, вызванное сокращением числа ранних браков.

Таблица 3

**Средний возраст женатых мужчин и замужних женщин
по документам 1811 и 1855 годов**

1811 год		1855 год	
Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Среднее — 39,01 Стандартная ошибка — 0,65	Среднее — 35,8 Стандартная ошибка — 0,57	Среднее — 40,02 Стандартная ошибка — 0,69	Среднее — 38,4 Стандартная ошибка — 0,69

Была проанализирована разница в возрасте супругов (табл. 4), возраст жены вычитался из возраста мужа. Следует отметить, что сравнительный анализ данного показателя с результатами, полученными по документам 1740 года [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 33] и 1811 года, выявил изменения, произошедшие в брачном поведении крестьян. Так, практически вдвое сократилось число союзов, в которых муж был на 6 и более лет старше жены, резкое сокращение показателя приходится на период с 1811 по 1855 годы, при этом в данный период существенно увеличилась доля супружеских пар, в которых жена была старше мужа на 1—5 лет. Вероятно, экономические выгоды вытесняли постепенно представления о традиционной крестьянской семье, в которой авторитет главы поддерживался в числе прочего превосходством по возрасту.

Таблица 4

**Разница в возрасте супругов в крестьянских семьях
по документам 1740, 1811 и 1855 годов**

Показатель	Разница в возрасте супругов по документам 1740 года							
	Более 10 лет	От 10 до 6 лет	От 5 до 1 года	0	От -1 до -5 лет	От -6 до -10 лет	Менее -10	Всего
Процент от общего числа	13,4	17,0	48,3	8,8	9,9	1,8	0,8	100
Показатель	Разница в возрасте супругов по документам 1811 года							
	Более 10 лет	От 10 до 6 лет	От 5 до 1 года	0	От -1 до -5 лет	От -6 до -10 лет	Менее -10	Всего
Процент от общего числа	8,2	15,1	48,0	14,3	11,4	3,0	0	100
Показатель	Разница в возрасте супругов по документам 1855 г.							
	Более 10 лет	От 10 до 6 лет	От 5 до 1 года	0	От -1 до -5 лет	От -6 до -10 лет	Менее -10	Всего
Процент от общего числа	3,4	8,7	46,3	12,4	27,2	1,3	0,7	100

8. Вдовы и вдовцы в составе дворохозяев помещичьих крестьян

Изучалось вдовое население Орлинского прихода. В 1855 году число вдовцов оказалось невелико, 31 мужчина в возрасте от 35 до 80 лет входил в данную группу, они составили 7 % от взрослого мужского населения. Большинство вдовых мужчин проживали совместно со своими детьми, только в двух случаях вдовцы проживали с неродственниками. Треть от общего числа вдовцов составляли лица 70 лет и старше.

Доля вдов среди взрослого женского населения составила 14 %. Такое семейное положение имели 75 женщин в возрасте от 31 до 75 лет. Треть от общего числа вдов составляли женщины моложе 50 лет. Вдовы чаще вдовцов проживали не в собственном доме, а в дворохозяевах посторонних лиц. В 29 случаях вдовы в одиночку или совместно со своими детьми жили в домах, принадлежащих другим крестьянам. 9 женщин входили в состав расширенных дворохозяев, разделяя кров со своим взрослым сыном, его женой и детьми. В 25 случаях вдовы проживали в составе сложных семей, объединяющих нескольких взрослых братьев с их семьями. В 12 случаях вдовы являлись главами простых неполных семей.

Важно отметить, что рассчитанные по исповедной росписи 1844 года доли вдов и вдовцов оказались близки к показателям 1855 года. Они были равны 12,7 % (вдовы) и 6,2 % (вдовцы). Не выявлено существенных расхождений между источниками и в возрастной структуре вдового населения. Таким образом, можно полагать, что исповедные росписи содержат достоверные сведения о данной группе. Значительное расхождение в численности вдов и вдовцов объясняется большим распространением повторных браков у мужчин. Это подтверждается данными метрических книг.

В метрических книгах Орлинского прихода за 1854—1855 годы [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 125, д. 187, 599] зафиксировано 40 браков, подавляющее большинство (33 брака) относится к союзам первобрачных, в 1 случае брак был заключен между вдовой и вдовцом, в 1 случае — между холостым и вдовой, в 5 случаях брак заключался между вдовцом и девицей.

9. Заключение

Подводя итоги вышеизложенному, следует сказать, что средний размер дворохозяев помещичьих крестьян Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии, полученный по данным 10 %-й выборки, составил 6,5 человек, он близок к показателю, полученному для сельского населения Московской губернии.

Статистический анализ данных исповедной росписи Орлинского прихода 1855 года выявил близкие по значению процентные доли простых и

сложных семей среди крестьянских дворохозяев. Такие семьи преобладали, составляя соответственно 41 % и 44 % от общего числа. Большинство крестьянских дворохозяев имели в своем составе 1—2 детей в возрасте от 0 до 14 лет. Показатели детности, рассчитанные по исповедной росписи 1811 года, имели существенные отличия. Сравнительный анализ распределения крестьянских дворохозяев по числу детей позволяет говорить о существенном сокращении доли дворов, в которых проживало большое число детей (5—10 человек), вероятно, подобные изменения были вызваны неблагополучной эпидемической ситуацией, сложившейся в Орлинском приходе в 1846—1855 годах.

Анализ возраста супругов выявил постепенное сокращение доли союзов, в которых муж был значительно старше жены. Среди взрослого мужского населения доля вдовцов была существенно меньше доли вдов, рассчитанной для взрослого женского населения, что свидетельствует о большем распространении повторных браков у мужчин.

Исследование крестьянской семьи Санкт-Петербургской губернии должно быть продолжено, привлечение документов второй половины XIX века не только позволит изучить изменения в демографическом поведении сельского населения, произошедшие в результате масштабных реформ середины столетия, но также расширит возможности анализа процессов, протекавших в данном регионе несколькими десятилетиями ранее.

Источники и принятые сокращения

1. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 112. Д. 1311. Лл. 644—663 ; Д. 588. Лл. 187—228 ; Д. 1114 ; Оп. 111. Д. 588 ; Оп. 124. Д. 428, 429 ; Оп. 125. Д. 187, 594, 596, 598, 599.

Литература

1. Авдеев А. А. Сословные различия в структурах домохозяев в XIX в. : Москва и ее окрестности / А. А. Авдеев, Г. Н. Ульянова, И. А. Троицкая // Демографическое обозрение. — 2015. — № 2. — С. 74—91.

2. Акользина М. К. Исповедные ведомости городских и сельских церквей как источник по социальной истории Тамбовской губернии первой половины XIX в. / М. К. Акользина, Э. А. Морозова // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник : сборник научных трудов. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета. — 2007. — С. 121—126.

3. Владимиров В. Н. «Новая историческая демография» в России : эволюция или скачок в развитии? / В. Н. Владимиров, Д. Е. Сарафанов, А. С. Щетинина // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 18. — № 3 (154). — С. 29—53.

4. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход / П. Ласлетт // Брачность, рождаемость, семья за три века. — Москва : Статистика. — 1979. — С. 132—157.
5. Маркова М. А. Исповедные росписи 1730-х гг. как источник по профессиональному составу населения Санкт-Петербурга / М. А. Маркова // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. — 2008. — № 35. — С. 109—111.
6. Маркова М. А. Брачное поведение сельского населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизского и церковно-приходского учета) / М. А. Маркова // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. — 2018. — № 2. — С. 80—85.
7. Миронов Б. Н. Российская империя : от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин. — 2018. — Т. 1. — 896 с.
8. Сарафанов Д. Е. Динамика численности духовного сословия Барнаула в XIX в. (по данным церковного и административного учетов населения) / Д. Е. Сарафанов // Известия Алтайского государственного университета. — 2014. — № 4—2 (84). — С. 190—193.
9. Тройницкий А. Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи / А. Г. Тройницкий. — Санкт-Петербург : Карла Вульфа. — 1861. — С. 37.
10. Федорец А. И. Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в.) / А. И. Федорец // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. — 2013. — № 1. — С. 64—73.
11. Шустрова И. Ю. Русская крестьянская семья Верхневолжья XIX — начала XX в. : источники и методы изучения / И. Ю. Шустрова. — Ярославль : Издательство Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. — 2013. — 216 с.
12. Dennison T. Serfdom and household structure in Central Russia : Voshchaznikovo, 1816—1858 / T. Dennison // Continuity and Change. — 2003. — Vol. 18, Iss.3. — Pp. 395—429.
13. Polla M. Family systems in Central Russia in the 1830s and 1890s / M. Polla // History of the Family. — 2006. — № 11. — Pp. 27—44.

A FAMILY OF LANDOWNER PEASANTS IN THE ST. PETERSBURG PROVINCE OF THE MID 19TH CENTURY (ACCORDING TO CONFESSIONAL MURALS OF TSARSKOYE SELO UYEZD)¹

© **Maria A. Markova (2020)**, orcid.org/0000-0003-2566-2951, SPIN 5318-5150, PhD in History, associate professor, Department of Source Studies of the History of Russia, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia), m.markova@spbu.ru.

1 The study was carried out under the The Russian Foundation for Basic Research grant No. 19-09-00365 “Comparative analysis of the economic and social consequences of the reform of February 19, 1861 in the capital provinces of the Russian Empire. Experience in the application of statistical methods and modern computer technology».

The rural family of the St. Petersburg province of the mid-19th century is discussed in the article. The structural features, number of people, number of children, the position of widows and widowers in the households of the landowners' peasants of Tsarskoye Selo Uyezd according to the confession list of 1855 are examined. The scientific novelty of the work is that in the course of the study archival sources, first introduced into scientific circulation, were brought in. It is shown that the average size of the peasant household was 6.5 people, household with 1—2 children aged 0 to 14 years accounted for 61 % of the total number, the share of simple families was 41 %, complex families — 44 %. The results of a comparative analysis of the difference in the age of the spouses, carried out according to the materials of the 1st half of the 18th - the middle of the 19th centuries, are presented, the changes in the mating behavior of the peasants that have occurred over this period are revealed. The author conclude that it is necessary to study the peasant family of the St. Petersburg province based on materials from the second half of the 19th century, which will allow us to analyze the changes in the demographics of the rural population that have occurred under the influence of reforms, and will also expand the possibilities of studying the situation in this region several decades before them.

Key words: historical demography; peasant family; confessional murals; the population of St. Petersburg province.

MATERIAL RESOURCES

TsGIA SPb — *Tsentralnyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga*. F. 19 (Petrogradskaya dukhovnaya konsistoriya). Op. 112. D. 1311. Ll. 644—663; D. 588. Ll. 187—228; D. 1114; Op. 111. D. 588; Op. 124. D. 428, 429; Op. 125. D. 187, 594, 596, 598, 599. (In Russ.).

REFERENCES

- Akolzina, M. K., Morozova, E. A. (2007). Ispovednyye vedomosti gorodskikh i selskikh tserkvey kak istochnik po sotsialnoy istorii Tambovskoy gubernii pervoy poloviny XIX v. In: *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniya kak istoriko-demograficheskiy istochnik: sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 121—126. (In Russ.).
- Avdeyev, A. A., Ulyanova, G. N., Troitskaya, I. A. (2015). Soslovnnyye razlichiya v strukturnykh domokhozyaystv v XIX v.: Moskva i yeyo okrestnosti. *Demograficheskoye obozreniye*, 2: 74—91. (In Russ.).
- Dennison, T. (2003). Serfdom and household structure in Central Russia: Voshchaznikovo, 1816—1858. *Continuity and Change*, 18 (3): 395—429.
- Fedorets, A. I. (2013). Problema informatsionnoy tsennosti ispovednykh vedomostey kak istoricheskogo istochnika (na primere moskovskikh materialov XVIII v.). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 1: 64—73. (In Russ.).
- Laslett, P. (1979). Semya i domokhozyaystvo: istoricheskiy podkhod. In: *Brachnost', rozhdayemost', semya za tri veka*. Moskva: Statistika. 132—157. (In Russ.).
- Markova, M. A. (2008). Ispovednyye respisi 1730-kh gg. kak istochnik po professionalnomu sostavu naseleniya Sankt-Peterburga. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i kompyuter*, 35: 109—111. (In Russ.).
- Markova, M. A. (2018). Brachnoye povedeniye selskogo naseleniya Sankt-Peterburgskoy gubernii v XVIII — pervoy polovine XIX v. (po materialam revizskogo i tserkovno-prikhodskogo ucheta). *Istoricheskaya informatika. Informatsionnyye*

- tekhnologii i matematicheskiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii*, 2: 80—85. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2018). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu, 1*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- Polla, M. (2006). Family systems in Central Russia in the 1830s and 1890s. *History of the Family*, 11: 27—44.
- Sarafanov, D. E. (2014). Dinamika chislennosti dukhovnogo sosloviya Barnaula v XIX v. (po dannym tserkovnogo i administrativnogo uchetov naseleniya). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4—2 (84): 190—193. (In Russ.).
- Shustrova, I. Yu. (2013). *Russkaya krestyanskaya semya Verkhnevolzhya XIX — nachala XX v.: istochniki i metody izucheniya*. Yaroslavl: Izdatelstvo Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. (In Russ.).
- Troynitskiy, A. G. (1861). *Krepostnoye naseleniye v Rossii po 10-y narodnoy perepisi*. Sankt-Peterburg: Karla Vulfa. (In Russ.).
- Vladimirov, V. N., Sarafanov, D. E., Shchetinina, A. S. (2016). «Novaya istoricheskaya demografiya» v Rossii: evolyutsiya ili skachok v razvitiy? *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*, 18 / 3 (154): 29—53. (In Russ.).

Мокерова Е. Ю. Монетное обращение на территории Вятского края в 30—90-е годы XVIII века (по данным монетных кладов) / Е. Ю. Мокерова, К. Н. Тарасов // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 400—421. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-400-421.

Mokerova, E. Yu., Tarasov, K. N. (2020). Coin Circulation in the Vyatka Region in the 30—90s of the 18th Century (according to the Data of Coin Treasures). *Nauchnyi dialog*, 1: 400-421. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-400-421. (In Russ.).

УДК 94:336.74(470.34)“173/179”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-400-421

МОНЕТНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВЯТСКОГО КРАЯ В 30—90-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА (ПО ДАННЫМ МОНЕТНЫХ КЛАДОВ)

© Мокерова Елена Юрьевна (2020), orcid.org/0000-0002-1523-5676, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), mokerova@bk.ru.

© Тарасов Константин Николаевич (2020), orcid.org/0000-0002-3050-0239, ResearcherID AAN-8945-2019, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), tar-87@mail.ru.

Статья посвящена вопросам монетного обращения в Вятском крае (губернии) в 30—90-е годы XVIII века. На основе составленной авторами топографической сводки характеризуются находки монетных кладовых комплексов. Отмечается, что в отличие от предыдущих периодов клады монет XVIII века подразделяются на категории по монетным металлам. При анализе монетных комплексов делается вывод: на территории Вятского края медные монеты заняли место серебряной копейки и стали доминировать в денежном обращении со второй половины XVIII века, хотя медная монета как законное платежное средство появилась в петровское время. Определяется обращение медных монет, составляющих большую часть кладовых находок указанного периода, преимущественно в кругу социальных низов общества. Подчеркивается, что большие по размерам и весу многочисленные медные клады не указывают на повышение уровня жизни населения, а являются реакцией населения на обесценивание ассигнаций. Выясняются причины побуждения населения к тезаврации монетных комплексов: активная внешняя политика, рост промышленности и торговли, денежные кризисы и связанные с ними реформы и нововведения, рост налогов.

Ключевые слова: монетные клады; монетное обращение; денежное обращение; топографическая сводка; тезаврация; монетный металл; Вятский край.

1. Введение

История денежного обращения в регионах России в XVIII веке относится к тем вопросам, которые недостаточно исследуются в отечественной

историографии, хотя разработка этой темы позволяет внести новые сведения в изучение социально-экономической истории как отдельных областей, так и всей страны.

Монетное обращение является составной частью денежного обращения, которое предполагает движение монет — денежных знаков в качестве средств обмена и платежа. Следует отметить, что, помимо роли денежного знака, монета выполняла внеэкономические функции декоративного, магического и обрядового предмета, а также роль несанкционированного знака социального престижа и средства пропаганды. Эти функции являются предметом отдельного исследования.

XVIII век — своеобразный рубеж в истории монетного дела в России: в начале столетия Петр I уничтожил архаическую монетную систему и создал новую, отвечающую европейским стандартам [Юхт, 1994, с. 5]. Архаичная система была основана на счетном рубле и серебряной проволочной копейке. В ходе реформы Петра I 1698—1704 годов монетная система была построена по десятичному принципу на основе серебряного рубля весом 28 г (вес западноевропейского талера). Начался выпуск крупных по размерам круглых монет (серебряных номиналов от рубля до 10 денег (5 копеек) и медных — от копейки до полуполушки). Одновременно продолжалась чеканка маленькой серебряной копейки весом 0,28 г до 1718 года. В XVIII веке кардинально изменился баланс металлов в денежном обращении страны, было положено начало решению проблемы отечественного сырья для чеканки монет, открылись новые монетные дворы, чрезвычайно изменился внешний вид монет, с 1769 года появились первые бумажные деньги и связанные с ними банки и т. п.

На современном этапе реконструкция монетного обращения любого региона в определенный хронологический период проводится на основе изучения кладовых комплексов с привлечением самых разнообразных источников. Кладом считают любой комплекс монет, некогда подвергнувшихся тесаврации или случайно попавших в землю. Кладом можно называть и несколько уцелевших монет из находки, и комплекс, состоящий из тысяч экземпляров. Собственно, клады монет XVIII века привлекли внимание исследователей только в 1990-е годы. До того сохранение клада XVIII столетия как единого комплекса в большинстве случаев не считалось необходимым, и особенно это касалось медных кладов. Здесь сильно сказывался исследовательский приоритет монеты над комплексом, а также то, что к выборочным монетам из кладов сохранялся не научный, а скорее коллекционный интерес [Татенко, 2007, с. 182].

2. Топографическая сводка как основа нумизматического исследования

Под Вятским краем в данной работе подразумевается территория, которая географически охватывает практически весь бассейн реки Вятки, а также бассейн крупнейшего левого притока Вятки — реки Чепцы. В XVIII веке этот регион неоднократно подвергался территориально-административным преобразованиям: в начале века был поделен между тремя губерниями — Сибирской, Казанской и Архангелогородской, в 1719 году старинные русские земли в бассейне средней и верхней Вятки, а также верховья Камы вошли в состав Вятской провинции Сибирской губернии, в 1727 году провинция перешла в состав Казанской губернии, с 1780 года провинция вместе с южными районами Вятского бассейна образовала Вятское наместничество Казанской губернии, в 1796 году наместничество преобразовано в самостоятельную Вятскую губернию. Уезды (дистрикты) и волости, вошедшие в состав губернии, имели еще более сложную историю: часто они тяготели не к городу Хлынову (Вятка с 1780 года), а к южным, юго-восточным или северным городам. Соответственно, часть уездов периодически входила в состав других (не вятских) административно-территориальных образований. Помимо этого, были попытки присоединения к вятским землям совершенно чуждых районов. Количество уездов не было постоянным. Во избежание путаницы в достаточно сложных административно-территориальных преобразованиях XVIII века мы используем в исследовании два термина «Вятский край» (с географической точки зрения) и «Вятская губерния» (устойчивая территориально-административная единица 1796—1929 годов). Следует отметить, что вся информация о находках в уездах Вятской губернии, независимо от их принадлежности в XVIII столетии к другим территориально-административным образованиям, во второй половине XIX — начале XX веков (большинство кладов зафиксировано в этот период) стекалась в губернский город Вятку и сохранилась в Государственном архиве Кировской области (далее — ГАКО).

Кладовые находки, зафиксированные по историко-географическому принципу, представляют собой топографическую сводку — необходимую основу, на которой строится нумизматическое исследование. Сводка находок кладов монет XVIII века на территории Вятской губернии была составлена на основании информации из архивных (ГАКО), печатных (списки находок, составленные нумизматами и археологами; пресса) и музейных (фонды Кировского областного краеведческого и Белохолуницкого исторического музеев) источников. На наш взгляд, для формирования топографии кладов XVIII века большое значение имеет архивный источник, кото-

рый на данный момент недооценивается нумизматами. Так, в ГАКО сохранились рапорты уездных исправников о находках, которые дают ценный материал для определения составов и датировок комплексов XVIII века. Часть подробных сведений из сводки была опубликована. Однако сводка не относится к категории «застывших» источников, так как процесс открытия кладовых находок на Вятской земле происходит постоянно, так же как и по всей стране.

В данный момент в сводке зафиксировано 37 находок монетных комплексов на территории Вятского края (губернии), время тезаврации которых относится к 30—90-м годам XVIII столетия. При этом наблюдается неравномерность сокрытия кладов по времени правления: Анны Иоанновны (1730—1740) — 1; Елизаветы Петровны (1741—1761) — 5; Екатерины II (1762—1796) — 26; Павла I (1796—1801) — 3 и конкретная дата неизвестна — 2.

Монетные комплексы зафиксированы в 9 из 11 уездов Вятской губернии: в Глазовском — 7; Орловском — 8; в Нолинском, Слободском и Вятском (вместе с находками в городе Кирове-Вятке) — по 4 в каждом; в Малмыжском — 3; в Котельничском, Яранском и Елабужском — по 2 в каждом. Следует заметить, что уезды Вятской губернии значительно различались между собой по численности населения и размерам. Так, Орловский уезд был более чем в 2 раза крупнее Вятского уезда и в два раза меньше Слободского. Помимо этого, на территории каждого уезда население концентрировалось довольно неравномерно: северные и северо-восточные земли Слободского уезда всегда имели более низкую плотность населения, чем юго-западные территории этого же уезда. Кроме того, границы уездов иногда менялись.

В целом при изучении топографии монетных кладов бросается в глаза тот факт, что места тезаврации комплексов находятся на наиболее обжитых местах Вятского края и верховьев Камы. Одни тяготели к трактам, которые усиленно пролагались по территории будущей губернии в XVIII веке (Петербургский тракт, новый Сибирский тракт и др.). Другие совпадают со старыми торговыми дорогами (на Москву, Казань и др.). Так, наибольшее количество кладов подверглось тезаврации в старинном Орловском уезде, через который шли несколько значимых торговых путей. Часть кладов располагаются вблизи мест проведения крупных ярмарок (Великорецкой, Кукарской и т. д.).

Ниже представлена информация об известных на данный момент 37-ми монетных кладах XVIII века, найденных на территории Вятской губернии:

1. Деревня Малковская Луксунской волости Нолинского уезда Вятской губ. (д. Малково Нолинского района Кировской обл.). Найден клад 20 апре-

ля 1901 г. крестьянами В. Ф. и И. О. Перминовыми на одворнице. Состав: 2662 (2655?) серебряных монет весом 3 фунта 55 золотников. Отправлен в Вятский губернский Статистический комитет (далее — ВГСК) при описи уездного исправника: рубли 1719, 1720, 1721 — 4, 1726, 1729 — 2, 1730, 1731, 1732 — 10, 1733 — 6, 1734; полтины 1701, 1723, 1724, 1725 гг.; серебряные копейки Петра I — 2630 (2623?) экз. Датируется 1734 г. Из ВГСК отослан в Императорскую Археологическую комиссию (далее — ИАК), затем 17 монет были оставлены в Эрмитаже, остальные переданы в Ярославскую Ученую Архивную комиссию [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 434, лл. 11, 15; ОАК за 1901 г., с. 141, 163; ДАК 1901 г., д. 130, л. 1—18].

2. Поселок Даровской Кировской обл. (Котельничский уезд Вятской губ.). На Даровском I селище в ходе археологической разведки летом 1981 года найден клад. Состав: 39 медных монет 1727—1750 гг. (5 копеек — 2 экз., деньги — 29, полушка — 8). Датируется 1750 г. [Макаров, 2002, с. 191—193].

3. Починок Оверичи Верхошижемской волости Орловского уезда Вятской губ. (Верхошижемский район Кировской обл.). Найден клад в 1905 году на мельнице Опалихе при починке. Состав: 441 деньги 1720—1740-х годов в берестяном бураке, закрытом камнем. Датируется 1740-ми годами [Вятская газета, 1905].

4. Деревня Высоково Великоорецкого сельсовета Юрьянского района Кировской обл. (Орловский уезд Вятской губ.). Найден клад в июне 1967 г. М. С. Ивониной на огороде при вскапывании грядки. Состав: 81 медная монета (2 полушки 1730 и 1731 гг., 59 денег 1731—1747 гг., 20 пятак 1723—1730 гг.) и 4 рубля 1728, 1731, 1732 и 1736 годов были завернуты в тряпочку и уложены в берестяную коробочку. Датируется 1747 годом. 74 медные монеты из клада хранятся в фондах Кировского областного краеведческого музея («Высоково 1967», КОМК 8648 — шифр в книгах учета Кировского областного краеведческого музея), остальные монеты пропали [Кировская правда, 1967].

5. Город (г. Вятка). Найден клад в 1959 г. при земляных работах. Состав: медные монеты 1723—1756 гг. весом свыше 3 пудов. Датируется 1756 годом. [Вечерний Ленинград, 1959; Сотникова, 1979, с. 84].

6. Река Кама, Кайский район Кировской обл. (совр. Верхнекамский район Кировской обл., бывш. Слободской уезд Вятской губ.). Найден клад в 1951 году на берегу р. Камы рабочим Усть-Порымского сплавного участка П. Плотниковым под старым пнем. Состав: медные монеты времени правления Елизаветы Петровны в берестяном бураке. Датируется периодом до 1760 года [Кировская правда, 1951].

7. Починок Удиевский Лыпской волости Глазовского уезда Вятской губ. (Удмуртия). Найден клад в августе 1904 года крестьянами Л. М. Гловатских и Т. Е. Роготневым при вспашке парового поля. Состав: 35 серебряных монет 1727—1770 гг. По описи уездного исправника: рубли 1727, 1733, 1735, 1737, 1738 — 2, 1740, 1747 — 2, 1751-2, 1752, 1754-2, 1755, 1760, 1770 гг.; полтины 1756, 1757, 1758. 1762, 1764, 1765 и одна времени правления Анны Иоанновны; 25 копеек 1747 — 2, 1751, 1754, 1756, 1767, 1770 гг.; 20 копеек 1766, 1767 — 2, 1769 гг. Всего: рублей — 17, полтин — 7,25 копеек — 7,20 копеек — 4. Датируется 1770 годом. Клад передан через ВГСК в ИАК. Пять рублевых монет были приобретены частными лицами, остальные возвращены нашедшим [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 576, лл. 34—43; ДАК. 1895 г., д. 293, лл. 277об., 278 и 1904 г., д. 208, лл. 1—10; ОАК за 1904 г., с. 136, 154].

8. Деревня Савали Савальской волости Малмыжского уезда Вятской губ. (д. Савали Малмыжского района Кировской обл.). Найден клад в 1911 году крестьянской девочкой А. М. Колчиной около дома крестьянки А. П. Кулагиной. Состав: 23 серебряные и 26 медных монет 1727—1771 годов. Датируется 1771 годом. Передан в ИАК, затем возвращен находчику [ДАК, 1911 г., д. 222, л. 5; Тр. ВУАК, вып. 1, отд. 3, 1915 г., с. 109; ОАК за 1911 г., с. 86, 103].

9. Деревня Подборновская Люкской волости Глазовского уезда Вятской губ. (Балезинский район Удмуртии). Найден клад в сентябре 1903 года крестьянином П. Ф. Касаткиным на одворице. Состав: 7 серебряных монет 1701—1771 годов. По рапорту уездного исправника: рубли 1701, 1720, 1771 гг., полтина 1732 г., 25 копеек 1747, 1750 гг. и 10 копеек 1731 г. Датируется 1771 годом. Передан через ВГСК в ИАК. Куплены частным лицом [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 523, лл. 58—67, д. 903. л. 12; ДАК, 1895 г., д. 293, лл. 352об.—353, 1903 г., д. 244; ОАК за 1903 г., с. 173, 207].

10. Деревня Беспаловы Заусовского сельсовета Даровского района Кировской обл. (Котельничский уезд Вятской губ.). Найден клад в 1948 году Н. А. Шалагиновым при копании ямы на своем огороде. Состав: 53 серебряных рубля 1712—1774 годов. Датируется 1774 годом. 27 монет находятся в фондах Кировского областного краеведческого музея (клад «Беспаловы 1948», КОМК 5053), остальные монеты пропали [ГАКО, ф. р.-2222, оп. 2, д. 3, л. 146].

11. Деревня Мелеховская Верходворской волости Орловского уезда Вятской губ (д. Мелехи Юрьянского района Кировской обл.). Найден клад в июле 1898 года крестьянином О. Ф. Мелеховым во время чистки хлева от навоза. Состав: 107 серебряных монет 1723—1780 гг. Среди них рубли 1723 — 3, 1725, 1734, 1735, 1745, 1748, 1750, 1754, 1755, год?, 1762 и 1762-

1780 — 86 экз.; полтины 1732, Петра III — год?, 1745, 1747, 1763 — 4 и 1764 гг. Всего 99 рублей и 8 полтин. По словам Мелехова, деньги были спрятаны в земле каким-то его предком [Вятские губернские ведомости, 1898].

12. Починок Маныловский Буйской волости Нолинского уезда Вятской губ. (Нолинский район Кировской обл.). Найден клад в конце мая 1891 года крестьянином И. А. Маныловым при распашке земли на одворице. Состав: 90 серебряных рублей времени правления Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II в берестяном бураке. Датируется 1782 годом. Манылов разменял найденные рубли на «нынешние деньги». 26 рублей было отобрано у «некоторых лиц»: 1733, 1749, 1756, 1762, 1763, 1764, 1768, 1774, 1776, 1777, 1778, 1780, 1782, 1766, 1765, 1769 гг. Из них 4 рубля времени правления Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II находились в ВГСК, но были возвращены находчику как не имеющие «никакого археологического значения» [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 1842, лл. 24, 25, 40].

13. Деревня Софроновская Верхосунской волости Нолинского уезда Вятской губ. (д. Софроны Сунского района Кировской обл.). Найден клад в 1890 году крестьянином И. Гребенкиным против своего дома на другой стороне дороги при раскопке земли на глубине 3 вершка. Состав: 100 серебряных монет 1723—1784 гг. Из них рубли 1725—1784 гг. — 70 и полтины 1723—1765 гг. — 30 экз. Датируется 1784 годом. Возвращены находчику. Место, где проходила дорога, раньше было застройкой, которую уничтожил пожар. Дед находчика слыл богатым человеком, но после его смерти денег не оказалось [ДАК, 1890 г., д. 199, лл. 1—3; ОАК за 1890 г., с. 124, 136, 137].

14. Деревня Девятьярово Серовского сельсовета Кировского района Кировской обл. (Вятский уезд Вятской губ.). Найден клад 24 октября 1949 года А. И. Кассиным во время вспашки на месте выкорчеванной черемухи. Состав: 220 медных монет 1757—1784 гг. в глиняном горшке. Датируется 1784 годом. Поступил в фонды Кировского областного краеведческого музея из областного УВД. Сохранилось 178 монет (5 и 2 копеечники) (клад «Девятьярово 1949», КОМК 1362—1392).

15. Деревня Клепиковы Рязановской волости Котельничского уезда Вятской губ. (д. Клепиковы Даровского района Кировской обл.). Найден клад 10 (12?) августа 1911 года крестьянином Н. А. Зубаревым на горе около деревни. Состав: более 207 серебряных монет 1757—1785 гг. По описи уездного исправника: рубли 1781, 1780 — 2, 1774, 1729 гг.; 25 копеек год (?); 20 копеек 1783 — 2, 1784 — 2; 15 копеек 1770 г.; 10 копеек 1769 — 39, 1770 — 21; 1748 — 23, 1771 — 16, 1751 — 10, 1768 — 11, 1744 — 8, 1767 — 6, 1747 — 9, 1772 — 4, 1754 — 2, 1746 — 4, 1784 — 3, 1765 — 2,

1752, 1779, 1773, 1764 — 2, 1755 — 2, 1753, 1749, 1745, 1775, 1783 — 3, 1756 — 2, 1785, 1757, 1742 — 3 и год (?) — 16; 5 копеек 1757, 1758 гг. Всего: рублей — 5,25 копеек — 1, 20 копеек — 4, 15 копеек — 1, 10 копеек — 194, 5 копеек — 2 экз. Датируется 1785 годом. 207 монет переданы через ВГСК в ИАК, затем возвращены находчику. Часть неотосланных монет Зубарев променял крестьянам, продал соседям и торговым людям [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 903, лл. 13—19; ДАК, 1911 г., д. 246; Тр. ВУАК, вып. 1, отд. 3, Вятка, 1915 г., с. 109; ОАК за 1911 г., с. 86, 102].

16. Село Медминское Гыинской волости Глазовского уезда Вятской губ. (Кезский район Удмуртии). Найден клад в 1882 году крестьянами В. У. Вахрушевым и Д. С. Ивановым во время жатвы хлеба на своем поле. Состав: 770 медных монет (5 копеечники) 1758—1786 гг. весом 2 пуда 16 фунтов. Вятское губернское казначейство выслало в ИАК 50 монет по описи: 5 копеек 1758, 1760 — 2, 1761, 1763 — 2, 1764, 1765 — 2, 1766 — 2, 1767 — 2, 1768 — 2, 1769 — 2, 1770 — 2, 1771 — 2, 1772 — 2, 1773 — 2, 1774, 1775 — 2, 1776 — 2, 1777 — 2, 1778 — 2, 1779 — 2, 1780 — 2, 1781 — 2, 1782 — 2, 1783 — 2, 1784 — 2, 1785 — 2, 1786 гг. — 2 экз. Датируется 1786 годом. Пять монет оставлены в Эрмитаже, остальные возвращены в казначейство [ДАК, 1882 г., д. 51, л. 26; 1883 г., д. 15, лл. 1—5].

17. Город Нолинск, уездный центр Вятской губ. (районный центр Кировской обл.). Найден клад в 1914 году письмоводителем Нолинского реального училища Родыгиным в земле на одворице. Состав: 61 медная монета 1748—1789 гг. По описи: 5 копеек 1760, 1763 — 2, 1764 — 2, 1770 — 2, 1771 — 4, 1772, 1774, 1775 — 2, 1776 — 2, 1777, 1779, 1781 — 6, 1782 — 5, 1783 — 3, 1784 — 2, 1785 — 8, 1786 — 6, 1788, 1789, год (?) — 2; 2 копейки 1757 — 2, 1765, 1766, 1769 — 2; деньги 1748 и 1758 гг. Датируется 1789 годом. Передан в ИАК, затем возвращен владельцу [ДАК, 1914 г., д. 109, лл. 1—6; ОАК за 1913—1915 гг., с. 213, 214, 251].

18. Деревня Балезино Бахтинского сельсовета Кирово-Чепецкого района Кировской обл. (Вятский уезд Вятской губ.). Найден клад в 1979 году при рытье ямы под растяжку к водонапорной башне в центре деревни. Состав: 59 медных монет (5 копеечники) 1758—1789 гг. в истлевшей тряпке. Датируется 1789 годом. Поступил в фонды Кировского обл. краеведческого музея от М. И. Шумилова (клад «Балезино 1979», КОМК 19143).

19. Село Всехсвятское Белохолуницкого района Кировской обл. (Слободской уезд Вятской губ.). Найден клад 30 августа 1982 года студентами Кировского политехнического института В. Елькиным, В. Кропачевым, М. Собреховым и А. Вершининым при постройке школы в селе. Состав: 1530 медных монет (5 и 2 копеечники) 1757—1790 гг. в глиняной корчаге.

Датируется 1790 годом. Хранится в Белохолуницком историческом музее [Красное знамя, 1982; Кировская правда, 1982].

20. Село Ильинское Ильинской волости Яранского уезда Вятской губ. (с. Ильинское Советского района Кировской обл.). Найден клад 20 июня 1890 года крестьянином Д. Д. Домрачевым во время распахки огорода. Состав: 300 медных монет 1757—1792 гг. Датируется 1792 годом. 5 монет переданы в ВГСК, оттуда возвращены находчику [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1244, л. 9].

21. Село Верховское Верховской волости Орловского уезда Вятской губ. (с. Верховино Юрьянского района Кировской обл.). Найден клад в августе 1891 года крестьянином К. В. Слаутиным во время раскопки земли под полом при исправлении сеней в доме крестьянки А. А. Котельниковой на глубине 3-х четвертей. Состав: 64 медные монеты 1759—1792 гг. По описи уездного исправника: 1759, 1760, 1761, 1763, 1766, 1767, 1769, 1770, 1773, 1774, 1776, 1778, 1779, 1780, 1781, 1782, 1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1790, 1792 гг. Датируется 1792 годом. Монеты переданы в ВГСК, откуда возвращены находчику [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1842, л. 46, 47].

22. Река Летка, Слободской район Кировской обл. (Слободской уезд Вятской губ.). Год и обстоятельства находки неизвестны. Состав: 84 медные монеты (5 копеечники) 1763—1794 гг. Датируется 1794 годом. Хранится в фондах Кировского обл. краеведческого музея (клад «Летка год (?)», КОМК 27149/1-84).

23. Деревня Вострунино Лекомского сельсовета Слободского района Кировской обл. (Слободской уезд Вятской губ.). Найден клад в мае 1945 года А. М. Соколовой в 3,5 м от избы. Состав: 316 медных монет 1757—1794 гг. в рассыпавшемся глиняном горшке. Из них было 294 пятикопеечника, 21 двухкопеечник и 1 — 10 копеек. 138 монет хранятся в фондах Кировского обл. краеведческого музея (клад «Вострунино 1945», КОМК 1362—1392) [ГАКО, ф. р.-2222, оп. 2, д. 3, лл. 145 об., 146].

24. Деревня Старая Салья Мушаковской волости Елабужского уезда Вятской губ. (Малопургинский район Удмуртии). Найден клад в августе (?) 1910 года крестьянином С. Максимовым при раскопке на улице канавы. Состав: 400 медных монет (5 копеечников) времени правления Екатерины II. Датируется до 1796 г. Через ВГСК в ИАК отосланы два пятака 1786 г. и 1796 г., возвращены в Вятку [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 873, лл. 1—8; ДАК 1895 г., д. 293, л. 474 об., 475 и 1910 г., д. 246; ОАК за 1909—1910 гг., с. 225, 253].

25. Деревня Алеева Кадамской волости Яранского уезда Вятской губ. (Советский район Мари-Эл). Найден клад 7 июня 1899 года крестьянином А. Симоновым во время пашни на паровом поле. Состав: 58 серебряных

рублей времени правления Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Датируется периодом до 1796 года. Переданы в ВГСК, в ИАК не отправлены [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 348, лл. 17—19; ДАК, 1899 г., д. 181; ОАК за 1899 г., с. 133, 156].

26. Починок Гледеневский Лесниковской волости Орловского уезда Вятской губ. (Советский район Кировской обл.). Найден клад 25 апреля 1896 года крестьянином З. Елькиным во время посева на своем поле. Состав: 59 серебряных рублей времени правления Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Датируется периодом до 1796 года. 8 монет были потрачены находчиком «в день находки на свои нужды»; 51 монета через ВГСК передана в ИАК, затем отправлена на переплавку [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 210, лл. 2, 4, 5, 25, 26, 40; ДАК, 1896 г., д. 91, лл. 1—4, д. 126, лл. 1—15 и д. 293, лл. 52 об., 53; ОАК за 1896 г., с. 116, 234, 235].

27. Деревня Русские Тимши Унинского района Кировской обл. (Глазовский уезд Вятской губ.). Найден клад в 1968 году Д. Л. Девярых в деревне. Состав: серебряные монеты времени правления Елизаветы Петровны и Екатерины II, болгарские (? — *Е. М., К. Т.*) весом более 1 кг. Датируется периодом до 1796 года [Кировская правда, 1970].

28. Деревня Пашино Глазовского уезда Вятской губ. (д. Пашино Афанасьевского района Кировской обл.). Год находки и размер клада неизвестен. При рытье ямы был найден глиняный горшок с медными посеребренными монетами. В конце XIX века одну из них видел Н. Г. Первухин и определил как медный пятак времени правления Екатерины II, действительно носящий «как бы следы посеребления» [Первухин, 1896, с. 144].

29. Деревня Старый Кузлук Малмыжского уезда Вятской губ. (Малмыжский район Кировской обл. или Татарстан). В 1925 году в могиле найдены несколько медных монет времени правления Екатерины II. Об этом Р. Р. Фасмеру сообщил заведующий Малмыжским музеем О. А. Забудский [Фасмер, 1926, с. 281—324].

30. Глазовский уезд Вятской губ. (Кировская обл. или Удмуртия). В 1925 году найден клад медных монет времени правления Екатерины II весом 6 пудов [Вечерняя Красная газета, 1925; Фасмер, 1926, с. 281—324].

31. Деревня Раменье Орловского района Кировской обл. (Орловский уезд Вятской губ.). За деревней осенью 2013 года были найдены 4 глиняных горшка с монетами, стоящих рядом. Состав: более 1 тысячи медных монет Екатерины II и алтын Петра I. Информация поступила сотрудникам Кировского обл. краеведческого музея.

32. Деревня Мамаевщина Орловского района Кировской обл. (Орловский уезд Вятской губ.). В ноябре 2013 года был найден клад. Состав: ~

200 медных монет Екатерины II и полушки. Информация поступила сотрудникам Кировского обл. краеведческого музея.

33. Деревня Старая Юмья Кураковской волости Елабужского уезда Вятской губ. (Елабужский район Татарстана). Найден клад в 1913 году крестьянином И. Кирилловым на своей усадьбе в деревне. Состав: медные монеты 1739—1798 гг. весом 12 пудов. Датируется 1798 годом. В ИАК прислано 26 монет, которые затем возвратили находчику [ДАК, 1913 г., д. 162, лл. 1—2; ОАК за 1913—1915 г., с. 213, 251].

34. Станция Великая Юрьянского района Кировской обл. (Орловский уезд Вятской губ.). Найден клад 10 мая 1991 года В. А. Бобровым на расстоянии 1 км от станции на месте бывших мельничных построек у р. Плоская, отданных под посадку картофеля, во время вспашки нового участка. Состав: 806 медных монет (деньги, копейки, 2 и 5 копеечники) 1750—1799 гг. в глиняной корчаге, обтянутой берестой. Датируется 1799 годом. Клад и черепки корчаги хранятся в фондах Кировского обл. краеведческого музея (клад «Великая 1991», КОМК 32042/1-806) [Кировская правда, 1991].

35. Деревня Митрошура Уватуклинской волости Малмыжского уезда Вятской губ. (Увинский район Удмуртии). Найден клад в августе 1895 года крестьянином А. Д. Кайсиным при распашке своего огорода. Состав: 280 медных монет (5 копеечники) XVIII в. Через ВГСК отправлен в ИАК, затем возвращен находчику [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 164, лл. 14, 15, 23, 24; ДАК, 1895 г., д. 224, лл. 1—2; ОАК за 1895 г., с. 57, 180, 181].

36. Деревня Тумская Люмской волости Глазовского уезда Вятской губ. (Глазовский район Удмуртии). Найден клад в июне (?) 1896 года крестьянином М. А. Сунцовым во время уборки навоза на скотном дворе крестьянина Ф. Я. Трефилова. Состав: 522 медные монеты (5 копеечники) XVIII века весом 1 пуд 25 фунтов. Передан в ВГСК, затем возвращен находчику [ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 210, лл. 8, 9, 13, 14].

37. Город Киров. В 2005 году при разборе дома на ул. Урицкого, 21 был найден клад. Состав: ~ 50 золотых монет XVIII века. Пять монет были выкуплены неизвестным коллекционером, фото монет известно по газетной публикации: 4 золотые монеты Екатерины II и 1 монета Павла I [Про город (газета), 2005].

3. Характеристика монетных комплексов XVIII века, зафиксированных на территории Вятской губернии

По монетному металлу вятские клады условно делятся на золотые, серебряные, медные и смешанные.

Единственный комплекс золотых монет из города Вятки (Кирова) содержал разнообразные номиналы в количестве около 50 экземпляров. Он является «городским» кладом и датируется приблизительно концом XVIII века.

Вятских комплексов, состоящих из серебряных монет, насчитывается 11 находок. Первый из них — единственный вятский комплекс, который содержал старые проволочные копейки и «новые» большие монеты — рубли и полтины — в общей сумме на 56 рублей 30 копеек. Клад датируется 1734 годом и относится к периоду, когда правительство пыталось выкупить у населения все старые проволочные копейки для замены их новыми монетами. Этот период характеризуется тем, что население предпочитало прятать в клады серебряные монеты, поэтому такие клады преобладали над медными [Смирнов, 1992, с. 14].

Время тезаврации остальных 10 кладов относится к периоду правления Екатерины II. Шесть кладов, состоящих из крупных серебряных монет, имели суммы от 53 до 103 рублей. Три клада, содержавшие разнообразные номиналы (от рубля и до 20—5 копеек), имели от 4 рублей 10 копеек до 25 рублей 70 копеек.

Все вятские клады из серебряных монет найдены в сельской местности и, вероятно, принадлежали зажиточным слоям крестьянства или скупщикам. Так, в удмуртских районах Вятско-Чепецкого края во второй половине XVIII века окончательно оформилась целая система агентов-скупщиков, подчиненных крупным предпринимателям из разных районов страны, заинтересованных в поступлении хлеба. Скупщики стремились подчинить крестьян разнообразными «ростовщическими прижимками» и прежде всего ссудой денег с условием поставки хлеба [Гришкина, 1986, с. 100—102]. Жажиточное крестьянство различных категорий играло важную роль в становлении гильдейского купечества. Для того, чтобы быть приписанным к гильдии, требовалось объявить определенную сумму капитала [Судовиков, 2010, с. 33]. Должно учесть, что исследования Хлыновского рынка XVIII века также показали, что вятчане не признавали меновой торговли, а скупщики и иногородние купцы покупали вятские товары на «явленные» деньги [Комиссаренко, 1966, с. 452].

В центральных районах России суммы серебряных кладов в среднем колебались в пределах 30—60 рублей [Векслер и др., 1999, с. 175; Рязанцева и др., 1995, с. 41]. Часть сумм вятских кладов уместается в эти рамки, другая — либо меньше, либо больше их.

На территории Вятского края зафиксированы два небольших смешанных клада из медных и серебряных монет. Невысокий процент находок смешанных кладов XVIII века характерен почти для всех регионов страны.

Основную массу вятских кладов 30—90-х годов XVIII века составляют клады медных монет — 22 клада из 37.

Пять кладов времен Елизаветы Петровны, включающих в себя большей частью мелкие медные номиналы, служат доказательством того, что серебряная проволочная копейка в середине XVIII века уступила место медной монете.

Наибольшее количество находок кладов медных монет — 15 кладов — связано со временем царствования императрицы Екатерины II, когда из пуда меди чеканили монеты на 16 рублей. Возможно, сюда следует отнести и два клада с неопределенной датировкой. Из архивных источников известно только то, что они большей частью состояли из пятикопеечников XVIII века. С большой долей уверенности можно предположить, что это были екатерининские пятаки. Все эти клады, за исключением клада из города Нолинска, зафиксированы в сельской местности и являются так называемыми «крестьянскими кладами» — «ухоронками».

Минимальное количество медных монет — 59 экземпляров на сумму 2 рубля 95 копеек. Большинство кладов имело в своем составе до 770 монет весом менее 40 кг и на суммы менее 40 рублей. Исключение составляют два клада: 1539 монет на сумму 75 рублей 48 копеек и ~ 6 пудов, то есть не менее 1900 монет на сумму приблизительно 95 рублей. Большие размеры и многочисленность кладов не означают повышения жизненного уровня населения, так как реальная ценность медных монет была много ниже номинальной.

По свидетельству А. Н. Радищева, крестьяне его имения в конце XVIII века из общей суммы ежегодной прибыли до 1,5 тысячи рублей в год 25 рублей откладывали для хранения в кладах [Радищев, 1941, с. 183]. Таким образом, можно предположить, сумма менее чем 40 рублей могла быть накоплена примерно за 1,5 года.

Достоверные датировки кладов серебряных монет периода правления Екатерины II укладываются в промежуток 1770—1785 годов. Датировка же всех медных комплексов начинается с 1784 года и заканчивается 1796, что совпадает с кладовой активностью в эти два десятилетия по всей стране. Данный «раздел» по времени тезаврации связан с проблемой эмиссии бумажных денег (ассигнаций), которые появились в России в 1769 году. Россия заимствовала опыт замены тяжелой медной монеты бумажными денежными знаками у Швеции [Маршак, 2009, с. 178]. Выпуск ассигнаций обеспечивался в основном медными монетами. До 1786 года существовал стабильный курс медной монеты; курс связанных с ними ассигнаций колебался с незначительными отклонениями. За 1787 год с целью покрытия растущего дефицита государственного бюджета сумма ассигнаций в об-

рашении была удвоена, а под влиянием войн с Турцией (1787—1791) и Швецией (1788—1790) бумажные деньги стали заметно обесцениваться. Многочисленные медные клады — это реакция населения на обесценивание ассигнаций, обеспечиваемых медными деньгами, после 1786 года. Ассигнации свободно обменивались на медные и серебряные деньги. В 1769 году ассигнационный рубль стоил 99 копеек серебром, в 1799 — уже 65,5 копеек. С падением курса ассигнаций с 1786 года был запрещен их размен на серебро, а с 1790-х годов — на медные деньги. 1 рубль медью стал оцениваться около 30 копеек серебром, а медный пятак иногда стоил 1 копейку [Векслер и др., 1999, с. 177].

Два медных комплекса времени царствования Павла I являютсякладами длительного накопления, содержащими монеты разнообразных номиналов от деньги до 5 копеек. Один из них является, возможно, одним из самых тяжелых кладов XVIII века, зафиксированных на территории России: весил 12 пудов (192 кг) и содержал медные монеты 1739—1798 годов. Даже если бы он состоял из одних пятикопеечников, количество монет составляло бы 3800 экземпляров. Пока известны наиболее крупные находки кладов XVIII века: в Белгородской области около 3000 медных монет и в Симбирской области 3115 пятикопеечников [Мельникова и др., 1994, с. 259].

Вероятно, здесь следует отметить то обстоятельство, что к концу XVIII века стало выгодно хранить большие суммы медных денег в качестве сырья. При инфляции цена на медь как металл увеличивалась. Например, стоимость рубля медью, приравненному к ассигнационному, составляла $68 \frac{1}{3}$ серебром, меди как металла содержалось в нем на $70 \frac{5}{7}$ копеек серебром. Разница около 2,5 копеек, которая за 8 лет (с 1795 по 1803) выросла в 14 раз, создавая почву для «малого бизнеса» того времени. Медь и в России, и за границей, куда она вывозилась контрабандой, шла преимущественно на изготовление винокуренных котлов [Максимов, 2001, с. 250].

Явление тезаврации в данный период можно охарактеризовать как временное изъятие наличных свободных денег в целях сбережения их для будущих расходов: уплаты всевозможных налогов, покупки продуктов на сезонных рынках, приобретения хозяйственного и ремесленного инвентаря, различного вида сырья и т. п. [Смирнов, 1992, с. 18]. Налоговая политика государства переводила почти все государственные повинности в денежную форму. В течение столетия подушная подать возрастала. По расчетам С. В. Токарева, среднее для Вятской провинции крестьянское хозяйство при двух ревизских душах, имеющее 9 десятин пашни, в середине XVIII века могло получить урожай в 4 рубля 90 копеек, из которых 2 рубля 20 копеек шло на погашение податей [Токарев, 1928, с. 49].

В то же время отметим, что металлические деньги не могли эффективно обслуживать потребности экономической жизни страны. 1000 рублей в 1760 году соответствовала тонне медной монеты или 25 кг 850 г серебряной. Таким образом, был затруднен сбор податей и перевоз значительных денежных масс на расстояния. Кроме того, казна предпочитала получать подати медными монетами и с конца XVIII века мелкими ассигнациями (5, 10, 25 рублей). Поэтому существовала довольно большая проблема размена крупных ассигнаций на более мелкие и на медные монеты. По поводу подобного «промена» к вятскому губернатору обращались купцы для «купеческой коммерции», владельцы заводов для покупки хлеба, дров и других припасов и военные, присылаемые для найма людей по выполнению казенных подрядов [ГАКО, ф. 582, оп. 2 е, д. 293; оп. 2 ж, д. 316, 392; оп. 2 д, д. 256; оп. 2 в, д. 222].

4. Чекан монетных дворов и структура вятских кладов

Состав комплексов времени Екатерины II, содержащих крупные серебряные монеты, соответствует долям чеканки разных номиналов на монетных дворах: из крупной монеты главным образом делались рублевики, а доля полтин была ничтожной [Юхт, 1994, с. 217]. С большой степенью вероятности можно предположить, что наибольшее количество серебряных монет было чеканено на Петербургском монетном дворе. Так, в составе клада из деревни Беспаловы была только одна монета московского чекана.

В медных кладах Екатерины II находились преимущественно пятикопеечные монеты, небольшое количество двухкопеечных, примесь других номиналов была весьма мала. Это соответствует объему чекана номиналов того периода, когда на долю пятаков приходилось 97,9 % от общей суммы чеканки [Юхт, 1994, с. 195], а на совместную долю пяти- и двухкопеечников приходилось 99,6 % от всей массы медных денег, выпущенных в обращение [Смирнов, 1992, с. 17].

Для выявления доли участия каждого монетного двора в формировании вятских медных кладовых комплексов были исследованы пятикопеечные части четырех кладов (из деревни Вострунино, села Всехсвятого, станции Великая, реки Лекма), доступные визуальному изучению. Несомненно, что во время царствования Екатерины II главную роль играет чекан Екатеринбургского монетного двора (от 88,5 до 92,2 %). Чеканы других дворов (Московских, Сузунского и Петербургских — от 0,1 до 2,4 %) довольно невелики. С 1789 года в кладах появляются пятикопеечники Аннинского монетного двора, расположенного ближе всех к Вятскому краю — в Пермском крае (0,4 — 7,1 %).

На Аннинский и Екатеринбургский монетные дворы поставляли медь и заводы Вятско-Камского региона [Любомиров, 1947, с. 395; Черноухов, 1988, с. 140]. Саралинский казенный медный завод, Анцубский, Шурминский, Коринский, Таишевский, Бемышевский, Варзино-Алексеевский, Пыжманский. Заводы были небольшие, а руды не отличались богатством металла; общая их производительность была ниже, чем какого-либо уральского завода. Тем не менее они были конкурентоспособны по отношению к уральским, так как существовал возрастающий спрос на медь со стороны государства, руды были легко доступны разработке, радиус подвоза к заводу в среднем меньше, чем на южном Урале, и достаточное заселение района вокруг заводов. Более половины выплаваемого металла шло на «денежный передел». Часть меди казна забирала бесплатно «десятиною безденежно», а $2/3$ — $3/4$ продукции велено было сдавать на монетные дворы по «указной цене» значительно ниже цен вольного рынка. Например, в 1799 году по 7 рублей за пуд при заводской стоимости 11—15 рублей. Во второй половине XVIII века многие заводчики при продаже выплаваемого металла в казну не получали прибыли и несли убытки, попадали в разряд должников. Так, недоимка за 1786—1793 годы на денежный передел с Бемышевского завода составила 3080 пудов 20 фунтов 82 золотника [ГАКО, ф. 583, оп. 15, д. 48, л. 2].

В двух крупных вятских кладах (из села Всехсвятского и со станции Великая) находились медные монеты, носящие явные следы перечекана на Московских, Петербургском и Екатеринбургском монетных дворах из более ранних: двухкопеечники перечеканивались из 1 копейки 1756 года и 4 копеек 1762 года, а также 6 пятикопеечники — из 10 копеек 1762 года. Всего 1,2 % и 4,9 % от общего количества монет в кладах. Заметим, что перечеканка — это способ изготовления монет, при котором оттиск монетных штемпелей наносился на устаревшую или иностранную монету; применялась с целью сокращения производственных расходов; перечеканка медных монет на протяжении XVIII века применялась восемь раз [Уздеников, 1994, с. 95].

В свое время нами были проанализированы структуры четырех вятских кладов 1790-х годов в сравнении со структурами двух кладов из Ярославской области [Максимов, 1998, с. 165—168]. Сопоставление графиков выпадения пятикопеечных монет показало различие и сходство формирования комплексов. При этом структура самих вятских кладов сходна между собой так же, как и ярославские похожи друг на друга. Однако если на графиках ярославских кладов максимальное выпадение монет по годам чекана относится к двум периодам (1763—1774 и 1787—1793), то на графиках вятских кладов оно происходит исключительно в 1780-е годы. Воз-

можно, это связано с различными по объему поставками с монетных дворов в определенные хронологические периоды. В то же время ярославские и вятские клады объединяет то, что четкого соответствия между объемом чекана монет по годам и содержанием их в кладах не прослеживается.

В целом распределение монет по месту чекана и перечекана в кладах не имеет ярко выраженных региональных особенностей. Это подтверждает вывод М. Б. Маршак о том, что до выпадения в клады монеты XVIII века находились в обращении и перемещались по стране в течение достаточно долгого времени [Маршак, 1998, с. 165].

5. Заключение

Итак, в XVIII веке на территории Вятского края были сокрыты десятки кладов, подтверждающих общие закономерности монетного обращения России. Составы кладов отражают структуру чеканки, то есть каких номиналов было больше в зависимости от выпуска на монетных дворах, а также долю участия каждого монетного двора в чекане в определенный период. Однако отчетливого соответствия между объемом чекана монет по годам и содержанием их в вятских комплексах не наблюдается. Возможно, это связано не с объемами производства, а с объемами поставки продукции с монетных дворов по различным регионам.

Клады свидетельствуют: медные монеты заняли место серебряной копейки и стали доминировать в денежном обращении со второй половины XVIII века, хотя медная монета как законное платежное средство появилась в петровское время, что говорит о появлении к этому времени у медной монеты новых качеств: она стала полноправным, доминирующим и лучшим по качеству средством оборота.

На Вятской земле в XVIII веке, в отличие от предшествующего периода, клады стали подразделяться на категории по монетным металлам: клады золотых, серебряных, медных монет, при незначительном числе смешанных кладов. Такое деление носит своеобразную социальную окраску. Монетные клады, по мнению М. И. Смирнова, «как зеркало, отражают <...> в общем-то простую структуру внутреннего оборота. Исходя из этой структуры в стране складывались экстерриториальные рынки обращения тех или иных денег. Золотые и серебряные монеты, помимо применения на внешнем рынке, тяготели к сфере крупного, оптового товарооборота, и, соответственно к тем слоям общества, среди которых совершались эти операции. Само собой, что медная монета могла лишь эпизодически появляться в этой сфере, но постоянно была основным средством обращения в сфере социальных низов ...» [Смирнов, 1992, с. 16].

Таким образом, сведения о делении кладов по монетному металлу характеризуют монетное обращение той категории населения или той среды, из которой они происходят. Состав монетного обращения системно можно представить только при рассмотрении совокупности всех комплексов XVIII века.

Условное деление вятских медных кладов на «городские» и «крестьянские» — соответственно 2 и 20 комплексов — подтверждает вывод о преимущественном применении этих монет в кругу социальных низов общества.

В целом причины побуждения населения к тезаврации монет, находящиеся в обороте, на территории Вятской губернии связаны с социально-политическими явлениями в истории России в XVIII столетии: активная внешняя политика, рост промышленности и торговли, денежные кризисы и связанные с ними реформы и нововведения, рост налогов.

Интенсивность образования и сокрытия кладов в общем зависит от характера товарно-денежных отношений в регионе и от насыщенности денежного обращения монетной массой. Увеличение захоронений монетных кладов в моменты социально-экономических и политических потрясений общества на этом фоне не более чем частный случай, и эта черта более справедлива по отношению к вещевымкладам [Векслер и др., 1999, с. 98]. На данный момент с большой долей уверенности можно утверждать, что в XVIII веке Вятский регион был насыщен монетной массой, но, конечно, менее, чем центральные области России. Сравнение с соседними регионами затруднено, так как отдельные сводки кладов монет XVIII века по ним не составлялись, а имеются лишь разрозненные сведения без учета архивных данных.

Источники и принятые сокращения

1. *Вечерний Ленинград*, 1959 г. — 21 апреля.
2. *Вечерняя Красная газета*, 1925 г. — 10 августа.
3. *Вятская газета*, 1905 г. — 18 октября.
4. *Вятские губернские ведомости*, 1898 г. — 1 августа
5. ГАКО — Государственный архив Кировской области. Ф. 574. Оп. 1, Оп. 2 ; Ф. 582. Оп. 2 е, Оп. 2 ж, Оп. 2 д, Оп. 2 в ; Ф. 583. Оп. 15 ; Ф. Р.-2222. Оп. 2.
6. ДАК — Дела Императорской Археологической комиссии в архиве Института истории материальной культуры РАН. 1882 г. Д. 51 ; 1883 г. Д. 15 ; 1890 г. Д. 199 ; 1895 г. Д. 293 ; 1896 г. Д. 91, Д. 126, Д. 293 ; 1899 г. Д. 181 ; 1901 г. Д. 130; 1904 г. Д. 208 ; 1911 г. Д. 246 ; 1913 г. Д. 162.
7. *Кировская правда*, 1951 г. — 12 января.
8. *Кировская правда*, 1967 г. — 24 августа.
9. *Кировская правда*, 1982 г. — 5 ноября.
10. *Красное знамя*, 1982 г. — 4 сентября.

11. ОАК — *Отчеты* Императорской Археологической комиссии. 1890, 1895, 1896, 1899, 1901, 1903, 1904, 1909, 1910, 1911, 1913, 1914, 1915 гг.
12. Тр. ВИАК — *Труды* Вятской Ученой Архивной комиссии. Вып. 1. Отд. 3. 1915 г.
13. *Pro* город (газета), 2005 г. — 20 августа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Векслер А. Г. Российская история в московских кладах / А. Г. Векслер, А. С. Мельникова. — Москва : Жираф, 1999. — 272 с.
2. Гришкина М. В. Особенности проникновения товарно-денежных отношений в удмуртскую деревню в XVII—XVIII вв. / М. В. Гришкина // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. — Казань : [б. и.], 1986. — С. 98—109.
3. Комиссаренко А. И. Хлыновский городской рынок в 30—40-е гг. XVIII в. / А. И. Комиссаренко // Города феодальной России. — Москва : Наука, 1966. — С. 446—455.
4. Макаров Л. Д. Даровской монетный клад XVIII в. из Кировской области / Л. Д. Макаров // Клады : состав, хронология, интерпретация : материалы тематической научной конференции, 26—29 ноября 2002 г., Санкт-Петербург. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2002. — С. 191—193.
5. Максимов А. В. Еще раз о медных кладах / А. В. Максимова // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция, Санкт-Петербург 20—25 апреля 1998 г. : тезисы докладов и сообщений. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. — С. 164—165.
6. Максимов А. В. Типичный представитель эпохи медных кладов из российской глубинки / А. В. Максимов // Труды ГИМ. Ч. 14. Нумизматика в Историческом музее. — Москва : ГИМ, 2001. — С. 249—260.
7. Маршак М. Б. Русские медные клады XVIII — начала XIX в. В собрании Эрмитажа / М. Б. Маршак // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция, Санкт-Петербург 20—25 апреля 1998 г. : тезисы докладов и сообщений. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. — С. 164—165.
8. Маршак М. Б. Предпосылки появления бумажных денежных знаков в России / М. Б. Маршак // Труды ГЭ. XLVIII. Материалы и исследования отдела нумизматики. — Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. — С. 159—185.
9. Мельникова А. С. Монетные клады. Сводка кладов и сведений о них / А. С. Мельникова, О. С. Дядченко. — Москва : [б. и.], 1994. — 177 с.
10. Первухин Н. Г. По следам чуди. У верховьев р. Камы / Н. Г. Первухин // МАВГР. Выпуск 2. — Москва : [б. и.], 1896. — С. 128—160.
11. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений / А. Н. Радищев. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. — Т. 2. — 518 с.
12. Рязанцева Т. В. Ярославские монетные клады / Т. В. Рязанцева, А. В. Максимов // Клады земли Ярославской. — Ярославль : Ярославский государственный университет, 1995. — С. 9—106.
13. Сотникова М. П. Материалы к топографии русских монет XIV—XX вв., зарегистрированных в Эрмитаже в 1948—1974 гг. / М. П. Сотникова // Русская нумизматика II—XX вв. — Ленинград : Аврора, 1979.

14. *Смирнов М. И.* Значение находок кладов с медной монетой XVIII столетия для изучения социально-экономической истории России. К вопросу о создании топографии медных кладов / М. И. Смирнов // Нумизматический сборник. — Москва : [б. и], 1992. — № 2. — С. 11—20.
15. *Судовиков М. С.* Формирование деловой элиты в Вятско-Камском регионе во второй половине XVIII в. / М. С. Судовиков // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2010. — № 3. — С. 28—34.
16. *Таценко С. Н.* Клады XVIII — начала XIX в. В собрании Музея истории Москвы : происхождение, состав и датировка / С. Н. Таценко // Нумизматический сборник ГИМ. — Москва : ГПИБ, 2007. — Т. XVIII. — С. 182—188.
17. *Токарев С. В.* Крестьяне Вятской провинции в XVIII в. / С. В. Токарев. — Вятка : Издание Вятского пединститута имени В. И. Ленина, 1928. — 74 с.
18. *Уздеников В. В.* Перечеканка монет в XVIII в. / В. В. Уздеников // Монеты России XVIII — начала XX века. Очерки по нумизматике. — Москва : Мир Отечества, 1994. — С. 76—102.
19. *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. / Р. Р. Фасмер // Сообщения ГАИМК. — 1926. — Выпуск 1. — С. 281—324.
20. *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I / А. И. Юхт. — Москва : Финансы и статистика, 1994. — 336 с.

COIN CIRCULATION IN THE VYATKA REGION IN THE 30–90s OF THE 18TH CENTURY (ACCORDING TO THE DATA OF COIN TREASURES)

© **Elena Y. Mokerova (2020)**, orcid.org/0000-0002-1523-5676, PhD in History, associate professor, Department of History and Political Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vyatka State University” (Kirov, Russia), mokerova@bk.ru.
© **Konstantin N. Tarasov (2020)**, orcid.org/0000-0002-3050-0239, ResearcherID AAH-8945-2019, PhD in History, associate professor, Department of History and Political Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vyatka State University” (Kirov, Russia), tar-87@mail.ru.

The article is devoted to the issues of coin circulation in the Vyatka region (province) in the 30–90s of the 18th century. On the basis of a topographic summary compiled by the authors, the findings of coin treasure complexes are characterized. It is noted that, unlike previous periods, the treasures of coins of the XVIII century are divided into categories of coin metals. When analyzing coin complexes, the conclusion is made: in the territory of the Vyatka region, copper coins took the place of a silver penny and began to dominate money circulation from the second half of the 18th century, although a copper coin appeared as legal tender in Peter's time. The circulation of copper coins is determined, which make up the majority of the treasures of finds of the indicated period, mainly in the circle of the social lower classes of society. It is emphasized that the large copper treasures, large in size and weight, do not indicate an increase in the standard of living of the population, but are a reaction of the population to the depreciation of bank notes. The reasons for the population's motivation for hoarding coin complexes

are explored: an active foreign policy, the growth of industry and trade, monetary crises and related reforms and innovations, and tax increase.

Key words: coin treasures; coin circulation; money turnover; topographic summary; hoarding; coin metal; Vyatka region.

MATERIAL RESOURCES

- DAK — *Dela Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii v arkhive Instituta istorii materialnoy kultury RAN*. 1882 g. D. 51; 1883 g. D. 15; 1890 g. D. 199; 1895 g. D. 293; 1896 g. D. 91, D. 126, D. 293; 1899 g. D. 181; 1901 g. D. 130; 1904 g. D. 208; 1911 g. D. 246; 1913 g. D. 162. (In Russ.).
- GAKO — *Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti*. F. 574. Op. 1, Op. 2; F. 582. Op. 2 e, Op. 2 zh, Op. 2 d, Op. 2 v; F. 583. Op. 15; F. R.-2222. Op. 2. (In Russ.).
- Kirovskaya pravda* (12 yanvarya 1951). (In Russ.).
- Kirovskaya pravda* (24 avgusta 1967). (In Russ.).
- Kirovskaya pravda* (5 noyabrya 1982). (In Russ.).
- Krasnoye znamya* (4 sentyabrya 1982). (In Russ.).
- OAK — *Otchety Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii*. 1890, 1895, 1896, 1899, 1901, 1903, 1904, 1909, 1910, 1911, 1913, 1914, 1915 gg. (In Russ.).
- Pro gorod (gazeta)* (20 avgusta 2005). (In Russ.).
- Tr. VUAK — *Trudy Vyatskoy Uchenoy Arkhivnoy komissii* (1915). Vyp. 1. Otd. 3. (In Russ.).
- Vecherniy Leningrad* (21 aprelya 1959). (In Russ.).
- Vechernyaya Krasnaya gazeta* (10 avgusta 1925). (In Russ.).
- Vyatskaya gazeta* (18 oktyabrya 1905). (In Russ.).
- Vyatskiye gubernskiye vedomosti* (1 avgusta 1898). (In Russ.).

REFERENCES

- Fasmer, P. P. (1926). Spisok monetnykh nakhodok, zaregistrirovannykh sektsiyey numizmatiki i gliptiki Akademii istorii materialnoy kultury v 1920—1925 gg. In: *Soobshcheniya GAIMK, I*: 281—324. (In Russ.).
- Grishkina, M. V. (1986). Osobennosti proniknoveniya tovarno-denezhnykh otnosheniy v udmurtskuyu derevnyu v XVII—XVIII vv. In: *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya derevni Srednego Povolzhya v period feodalizma*. Kazan': [b. i]. 98—109. (In Russ.).
- Komissarenko, A. I. (1966). Khlynovskiy gorodskoy rynek v 30—40-e gg. XVIII v. In: *Goroda feodalnoy Rossii*. Moskva: Nauka. 446—455. (In Russ.).
- Makarov, L. D. (2002). Darovskoy monetnyy klad XVIII v. iz Kirovskoy oblasti. In: *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya: materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii, 26—29 noyabrya 2002 g., Sankt-Peterburg*. Sankt-Peterburg: [b. i]. 191—193. (In Russ.).
- Maksimov, A. V. (1998). Yeshche raz o mednykh kladakh. In: *Shestaya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg 20—25 aprelya 1998 g: tezisy dokladov i soobshcheniy*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 164—165. (In Russ.).
- Maksimov, A. V. (2001). Tipichnyy predstavitel' epokhi mednykh kladov iz rossiyskoy glubinki. In: *Trudy GIM, 14. Numizmatika v Istoricheskom muzeje*. Moskva: GIM. 249—260. (In Russ.).

- Marshak, M. B. (1998). Russkiye mednyye klady XVIII — nachala XIX v. In: *V sobranii Ermitazha. Shestaya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg 20—25 aprelya 1998 g: tezisy dokladov i soobshcheniy*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 164—165. (In Russ.).
- Marshak, M. B. (2009). Predposylki poyavleniya bumazhnykh denezhnykh znakov v Rossii. In: *Trudy GE, XLVIII. Materialy i issledovaniya otdela numizmatiki*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Gos. Ermitazha. 159—185. (In Russ.).
- Melnikova, A. S., Dyadchenko, O. S. (1994). *Monetnyye klady. Svodka kladov i svedeniya o nikh*. Moskva: [b. i.]. (In Russ.).
- Pervukhin, N. G. (1896). Po sledam chudi. U verkhovnyey r. Kamy. In: *MAVGR*, 2. Moskva: [b. i.]. 128—160. (In Russ.).
- Radishchev, A. N. (1941). *Polnoye sobraniye sochineniy*, 2. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Ryazantseva, T. V., Maksimov, A. V. (1995). Yaroslavskiy monetnyy klad. In: *Klady zemli Yaroslavskoy*. Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet. 9—106. (In Russ.).
- Smirnov, M. I. (1992). Znachenie nakhodok kladov s mednoy monetoy XVIII stoletiya dlya izucheniya sotsialno-ekonomicheskoy istorii Rossii. K voprosu o sozdani topografii mednykh kladov. In: *Numizmaticheskii sbornik*, 2. Moskva: [b. i.]. 11—20. (In Russ.).
- Sotnikova, M. P. (1979). *Materialy k topografii russkikh monet XIV—XX vv., zaregistrirovannykh v Ermitazhe v 1948—1974 gg. Russkaya numizmatika II—XX vv*. Leningrad: Avra. (In Russ.).
- Sudovikov, M. S. (2010). Formirovaniye delovoy elity v Vyatsko-Kamskom regione vo vtoroy polovine XVIII v. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 3: 28—34. (In Russ.).
- Tatsenko, S. N. (2007). Klady XVIII — nachala XIX v. V sobranii Muzeya istorii Moskvy: proiskhozhdeniye, sostav i datirovka. In: *Numizmaticheskii sbornik GIM, XVIII*. Moskva: GPIB. 182—188. (In Russ.).
- Tokarev, S. V. (1928). *Krestyane Vyatskoy provintsii v XVIII v*. Vyatka: Izdaniye Vyatskogo pedinstituta imeni V. I. Lenina. (In Russ.).
- Uzdenikov, V. V. (1994). Perechekanka monet v XVIII v. In: *Monety Rossii XVIII — nachala XX veka. Ocherki po numizmatike*. Moskva: Mir Otechestva. 76—102. (In Russ.).
- Veksler, A. G., Melnikova, A. S. (1999). *Rossiyskaya istoriya v moskovskikh kladakh*. Moskva: Zhiraf. (In Russ.).
- Yukht, A. I. (1994). *Russkiye dengi ot Petra Velikogo do Aleksandra I*. Moskva: Finansy i statistika. (In Russ.).

Наливайко Р. А. Эволюция образа Московского государства в исторических трудах Яна Длугоша и Матвея Меховского : вторая половина XV — первая треть XVI веков / Р. А. Наливайко // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 422—432. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-422-432.

Nalyvayko, R. A. (2020). Evolution of Image of the Moscow State in Historical Works of Jan Dlugosh and Matvey Mehovsky: Second Half of XV — First Third of XVI Centuries. *Nauchnyi dialog*, 1: 422-432. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-422-432. (In Russ.).

УДК 94(47).041/.042:82-94

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-422-432

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ ЯНА ДЛУГОША И МАТВЕЯ МЕХОВСКОГО: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVI ВЕКОВ

© **Наливайко Роман Алексеевич (2020)**, orcid.org/0000-0001-6587-9595, ResearcherID M-5190-2015, SPIN 5701-6657, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), r.nalivaiko@spbu.ru.

Статья посвящена эволюции образа Московского княжества, а затем государства в трудах польских хронистов XV — XVI веков Яна Длугоша и Матвея Меховского. Уделяется внимание тем характеристикам, которые они давали Москве, и тому, как эти характеристики менялись по мере ее усиления. Особое внимание уделяется оценкам Я. Длугоша и М. Меховского в отношении современных им московских князей и правителей Польши и Литвы, а также расширения территории Московского княжества. Особенно отмечаются уважительное отношение к московским князьям и критика польских правителей. На основе сопоставительного анализа известий Я. Длугоша и М. Меховского показан растущий интерес к Московскому государству, географическое описание которого приводит М. Меховский. В работе показано, что польских хронистов пока не интересовала внутрисполитическая история Москвы — все упоминания были связаны исключительно с польскими или литовскими событиями. Актуальность исследования обусловлена той ролью, которая сыграла польская историография XV—XVI веков в формировании образа Московского государства, России в Европе, в частности «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского.

Ключевые слова: Длугош; Меховский; Иван III; Василий III; Московское государство; Великое княжество Литовское; московско-литовские войны; образ Москвы.

1. Начало формирования образа Московского государства

II половина XV века — I треть XVI века — правление Ивана III и Василия III — время стремительного усиления Московского княжества: к Москве были присоединены Новгород, Псков, Рязань, начато наступле-

ние на русские земли в составе Великого княжества Литовского. Именно в это время работали Ян Длугош и Матвей Меховский, польские хронисты, которые первыми в польской историографии стали приводить сведения о Москве, московско-литовских отношениях. При этом они сыграли едва ли не решающую роль в формировании образа Московского государства, России в Европе.

В связи с этим актуальным представляется анализ того образа «восточного соседа», который формировали Я. Длугош и М. Меховский, и осмысление того, как он менялся у каждого из этих хронистов.

2. Я. Длугош и М. Меховский. Общая характеристика работ

Ян Длугош (1415—1480) работал в 1455—1480 годах. Он известен своим капитальным трудом, который в современной историографии предпочитают называть «Анналы Польши» [Semkowicz-Zarembina, 1952] (далее — «Анналы»). Русские известия «Анналов» до 1238 года переведены Н. И. Щавелевой с комментариями А. В. Назаренко и Б. М. Клосса [Щавелева, 2004]. Русско-литовские известия 1386—1411 годов переведены Г. А. Стратановским в 1962 году [Длугош, 1962]. Большая часть «Анналов» на русский не переведена. В польской историографии есть критические разборы текста «Анналов» [Rozbiór, 1961; Rozbiór, 1962; Semkowicz, 1887].

Матвей Меховский (1457—1523) (его имя также приводят как Мацей или Мачей), польский хронист, работавший в начале XVI века, в отечественной историографии известен прежде всего как автор «Трактата о двух Сарматиях» (далее — «Трактат»), переведенного на русский язык в 1936 году [Матвей Меховский, 1936]. Другая работа М. Меховского «Хроника Польши» (далее — «Хроника») на русский язык не переведена, поскольку посвящена истории Польши и Литвы, русские известия фрагментарны и, как считается, вторичны по отношению к «Анналам Польши» Яна Длугоша. В отличие от Я. Длугоша, первое издание Анналов которого увидело свет только в 1615 году, работы М. Меховского были изданы уже при его жизни: «Трактат о двух Сарматиях» — первое издание 1517 года, «Хроника Польши» — 1519 года. Подробное перечисление изданий М. Меховского приведено в работе Д. В. Карнаухова [Карнаухов, 2009, с. 210—212].

3. «Анналы» Я. Длугоша

Я. Длугош работал, когда Московское княжество было хотя и наиболее могущественным, но еще не единственным на Северо-Востоке. В «Анналах» нет упоминаний о московских князьях XIV века. Первый московский князь, о котором говорит Я. Длугош, и то в связи с московско-литовской

войной — Василий I Дмитриевич. Василий II Темный по имени не упомянут ни разу, хотя несколько раз видим отсылку к «московским князьям» — «*principes Moschouie*» [Ioannis Długossii ..., 2001, p. 221]. Под 1448 год Я. Длугош сообщает, что к Казимиру — князю Литвы и королю Польши — прибыли с поздравлением в связи с коронацией послы от князей Москвы «*ducis Mosquitarum*» [Ibid., p. 59]. Под 1452 год, сообщая о смерти в Москве литовского князя Михаила Сигизмундовича, Я. Длугош обвиняет в его отравлении московского князя и вновь не называет его имени [Ibid., p. 124—125]. Я. Длугош ничего не пишет о внутренней истории Московского княжества, не упоминает о родственных связях московских князей.

Все сведения о Москве, как видим, в той или иной степени связаны либо с Литвой, либо с Польшей. Рассказ о завоевании Иваном III Новгорода также приведен в связи с тем, что перед этим Новгород признавал власть великого княжества Литовского.

И в рассказе о подчинении Новгорода Я. Длугош указал, что Иван избавился от татарской зависимости, назвав эту зависимость словом «*jugum*»: «*jugum barbaricum*», «*jugum servitutis*» [Горский, 2010, с. 183]. При этом Длугош не привел никакой конкретной информации, только рассказ об унижении московских князей [Ioannis Długossii, 2005, p. 442—443], который затем стал популярным в польский историографии XVI—XVII веков.

Я. Длугош был первым, кто использовал термин *Московия*: «*terra Mosquitarum*» [Ioannis Długossii ..., 1997, p. 14], «московиты» «*Moschouienses*» [Ioannis Długossii ..., 2005, p. 442].

4. Москва и «московиты» в работах М. Меховского

М. Меховский термины *Московия* и *московиты* использовал уже более часто. В «Трактате»: «*civitates Moskorum*», «*terra Moskouiae*, «*Tanais a Moskouitis Don nuncupatus*», государство москов — «*dominio Moskorum*» [Матвей Меховский, 1936, с. 187—189]. В «Хронике»: «*expeditionem contra Moscos*» [Mehovita, 1521, p. 372] и также в единственном числе «*Moskus*» [Mehovita, 1521, p. 379] — «Московит», причем по контексту здесь имеется в виду либо Московское государство, либо лично Иван III.

Время М. Меховского — первая четверть XVI века — Московское государство, Россия уже начала наступление на земли Великого княжества Литовского. Для Я. Длугоша еще не были очевидны успехи Москвы, время работы М. Меховского — новый этап: Великое княжество Литовское уже потеряло Верховские княжества, Чернигово-Северскую землю, Смоленск, хотя официально этих потерь пока еще не признала. Я. Длугош был свидетелем присоединения к Москве Новгорода, М. Меховский — ликвида-

ции независимости Пскова и Рязани. Московско-литовские «Порубежные войны» стали перерастать локальные рамки и когда начиналась борьба за Прибалтику, что отразилось в «Хронике» [Mechovita, 1521, p. 377].

Исторические труды Меховского всегда оставались в поле зрения отечественных исследователей. К переводу «Трактата» предисловие написал Б. Д. Греков, и затем автор перевода С. А. Аннинский подготовил подробный историографический обзор и провел анализ как «Трактата», так и «Хроники». Отечественными исследователями подробно проанализированы летописные известия «Трактата» и «Хроники» [Лимонов, 1978], дана характеристика структуре и основным историографическим концепциям М. Меховского [Карнаухов, 2009; Карнаухов, 2014]. В польской историографии также был осуществлен критический разбор «Хроники» [Borzemski, 1890]. С учетом популярности работ М. Меховского в Европе исследователи отмечают особую его роль в формировании образа Московского государства [Филюшкин, 2013, с. 314—315]. Именно ему приписывают и термин *монгольское иго* [Черникова, 2019, с. 89], и наименование жителей Московского государства *москами* или *московитами*, хотя в этом отношении он повторял слова Я. Длугоша [Горский, 2010, с. 183].

5. «Хроника» М. Меховского

В связи с изложенным выше вполне ожидаемо появление в «Хронике» М. Меховского сведений о событиях в Московском княжестве. И также показательно, что все это относится к последним годам правления Ивана III. При этом М. Меховский ничего не пишет о происхождении Ивана III, о его предшественниках, но упоминает политическую борьбу последних лет его правления. М. Меховскому известно о внуке Дмитрии: «назначил <...> Иван князь Московии преемником и наследником после себя своего внука Дмитрия (Demetrium), которого затем по более здравому совету, бросил в темницу, и содержа его в темнице, возвел князем Московии своего сына старшего по рождению Василия Ивановича (Vassil Iwanovicz)» [Mechovita, 1521, p. 377]. Однако, как видим, никаких подробностей нет, а оговорка о «здравом совете» «*saniori usus consilio*» всего лишь ничего не означающий штамп.

Сообщая о смерти Ивана III, М. Меховский повторяет рассказ Я. Длугоша о подчинении Новгорода, об избавлении от татарской зависимости, но добавляет, что Иван совершал нападения на «соседние народы» Швеции и Ливонии, и упоминает о подчинении и завоевании обширных земель Литовского княжества [Ibid.]. При этом самой этой войне в Хронике уделено мало внимания. М. Меховского больше интересуют татарские набеги, взаимоотношения Польши с Валахией и Молдавией. Причина вполне

объяснима — московско-литовские войны пока были делом Литвы, и польки ими мало интересовались, Польше это пока не угрожало, и интересы Польши и Московского государства никак не пересекались.

В то же время, повествуя об Иване III, Меховский называет его «Iwan Vassilovicz» или «Ioannes Basili», а затем ошибочно называет его же «Basilius Moscus» [Ibid., p. 378].

6. «Трактат о двух Сарматиях»

На 1506 году повествование «Хроники» заканчивается. Рассказ о событиях 1510-х годов и более подробные экскурсы в правление Ивана III находимы в «Трактате о двух Сарматиях» [Меховский, 1936].

«Трактат» называют первым географическим и этнографическим описанием Восточной Европы. Рассказ о политической истории начинается с Батыева нашествия и доведен до 1510-х годов.

Данный «Трактат» представляет Московское государство многонациональным.

Рассказывая о «югре и других жителях севера», М. Меховский пишет, что «подчинены они князю Московии и платят ему подати шкурами соболей, белок и другими» [Меховский, 1936, с. 84]. Среди покоренных Иваном III народов М. Меховский перечисляет «Пермь, Башкирия, Чиремиса, Югра и Корела ...» [Там же, с. 117]. При этом по поводу земли Пермской уточняет, что «князь Московский» покорил ее, «около двадцати лет тому назад принудил принять крещение по русскому или греческому обряду», «он поставил там владыку, то есть епископа, по имени Стефана, но дикари, по уходе князя, содрали с него кожу заживо и умертвили. Князь, воротившись, побил их и снова поставил им другого главу, под духовной властью которого они и живут теперь вновь обращенные в христианство и следуя русскому схизматическому обряду» [Там же]. Стефан, который упомянут М. Меховским, умер в 1396 году. Вогулами был убит его третий преемник Питирим [Там же, с. 260]. В данном известии С. А. Аннинский перевел «dux Moskorum» как «князь Московский», а не «князь Московитов или москов», как обычно.

7. Взаимоотношения с татарами

Интересно также, что, упоминая Казанское ханство («Козанская орда» — *horda Thartarorum Kosanensium*) [Меховский, 1936, с. 170], М. Меховский уточняет, что казанские татары — «данники князя Московии и зависят от воли его и в мирной жизни, и на войне, и в деле избрания себе вождей» [Там же, с. 92]. В латинском тексте — «omagiales <sunt> ducis Mosckouiae» [Там же, с. 171]. В этом рассказе, как представляется, отразился факт со-

юзных отношений Москвы и казанского хана Мухаммед-Эмина [Худяков, 1991, с. 67—68], хотя М. Меховский не приводит конкретных примеров или имен. И, по его утверждению, на земли Московского государства чаще всего совершали набеги ногайский татары [Матвей Меховский, 1936, с. 68, 93].

В «Хронике» М. Меховский описывает нападения крымских татар («Thartaros Przecopenses» или «Thauricanorum») на русские земли Великого княжества Литовского, в частности, Клецкую битву 1506 года [Mechovita, 1521, р. 369—371], пишет о войнах с ними поляков и литовцев, но пока еще нет упоминания о противостоянии Москвы с Крымским ханством. «Хроника» и «Трактат» были изданы до похода Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 году. Я. Длугош схожую позицию занимал в отношении Крымского ханства и Польши. Так, под 1466 год, сообщая о смерти крымского хана Хаджи-Гирея, он дал хану достаточно лестную характеристику, указывая, что он к христианам был более милостив, чем христиане друг к другу, хвалил его за мирные отношения с Польшей и Литвой [Joannis Długossii ..., 2005, р. 174]. Такие же хвалебные слова читаем и по отношению к хану Менгли-Гирею, который назван союзником Польши и Литвы [Ibid, р. 229—230]. О том, что Менгли-Гирей стал вассалом османского султана, Я. Длугош не пишет, хотя указывает, что он был пленен турками во время взятия Кафы в 1475 году [Ibid., р. 360—361].

8. Присоединение Новгорода, Пскова, Смоленска и Рязани

В «Трактате» встречаем интересные детали относительно подчинения Московским княжеством Новгорода, Пскова, Рязани, завоевания Смоленска.

Так, М. Меховский в «Трактате» указывает, что княжество Рязанское занято князем Московии [Матвей Меховский, 1936, с. 61], и это при том, что «Трактат» был издан в 1517 году, а традиционной датой ликвидации независимости Рязани принято считать 1521 год. Однако следует иметь в виду, что последний рязанский князь Иван Иванович уже с 1516 года находился в темнице в Москве [Иловайский, 1997, с. 117—118] и Рязань фактически была лишена независимости.

Подчинение Москвой Новгорода, Пскова и Смоленска представлено М. Меховским как завоевание их у Литвы. Смоленск с 1404 года находился в составе Великого княжества Литовского — его окончательно подчинил Витовт. М. Меховский утверждает, что также «Витольд присоединил к Литве княжество Псков, называемое Плесковией, а затем другое княжество Новгородское, называемое Нугардией» [Меховский, 1936, с. 103]. И «в правление великого князя и короля Сигизмунда князь Московии (Moskouiæ dux) Василий завоевал и занял княжество Псков, называемое Плеско-

вией, и Смоленское княжество» [Там же, с. 105]. И также в «Трактате» упомянуто подчинение Вязьмы, «которая занята нынешним князем Московии Василием». [Там же, с. 109].

Подчинение Новгорода в «Хронике» упомянуто в связи с рассказом о смерти Ивана III, не приводится никаких подробностей, лишь краткое указание, что город был захвачен «при пренебрежении» короля Казимира [Mechovita, 1521, p. 377]. Более подробен «Трактат», где М. Меховский так же, как и Я. Длугош, пишет о захвате новгородских сокровищ, однако не упоминает о казнях [Ioannis Długossii, 2005, p. 443], но добавляет рассказ о мерах по предотвращению «беспорядков, нападений и грабежей»: «поставил на пяти известнейших улицах города пять командиров с воинами» [Меховский, 1936, с. 106—107] — эти детали отсутствуют в «Анналах» Я. Длугоша.

И также в «Трактате» без указания даты М. Меховский описывает подчинение Пскова: «Василий, нынешний князь Московии, (Moskouiæ) благодаря изменнической сговорчивости старейшин, захватил Псков и ныне владеет им. Он снял колокол, по которому весь город собирался наказывать преступников. Вопреки договору и собственным обещаниям, Василий увел владыку, то есть местного епископа, а также много знатных людей и граждан псковских и поселил их в городе Москве (Moskwa) и других местах Московии» [Там же, с. 107]. В связи с этим примечательны рассуждения М. Меховского о власти московского князя: «в государстве москов, (dominio Moskorum) как и в землях турок, людей перебрасывают с места на место и из области в область для заселения, а на смену им посылают и размещают других» [Там же, с. 116].

9. Заключение

Итак, на основе проанализированной информации «Анналов» Я. Длугоша, «Хроники» и «Трактата» М. Меховского можно проследить, как трансформировался образ Москвы, Московского государства во II половине XV — первой трети XVI веков: от эпизодических упоминаний московско-литовских отношений и конфликтов в «Анналах» до обстоятельного географического описания в «Трактате».

При этом постепенно приходило и понимание значимости Москвы.

Я. Длугош, рассказав о подчинении Новгорода Иваном III, предрек, что в будущем православное население Великого княжества Литовского будет сочувствовать Москве [Ioannis Długossii, 2005, p. 443—444].

М. Меховский уже констатировал стремительную потерю русских земель: Черниговской земли, Смоленска, ликвидацию независимости Пскова и Рязани.

Поэтому вполне ожидаемы слова М. Меховского, что «Москва... — довольно большой город: вдвое больше тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии» [Меховский, 1936, с. 113].

Я. Длугош, а вслед за ним М. Меховский первыми из польских хронистов стали использовать русские летописи, но основное внимание уделяли тем землям, которые в итоге вошли в состав Великого княжества Литовского, и самой Литве, доведя рассказ о древнерусских землях до XIII века, или, как предполагают исследователи, до конца XIV века, но Древнерусский период никак не связали с Москвой. Даже установление монголо-татарского ига Я. Длугош, а вслед за ним и М. Меховский не связывают с Батыевым нашествием, относя его установление ко времени Витовта [Наливайко, 2015, с. 46—57]. Хотя следует отметить, что Я. Длугош и М. Меховский достаточно уважительно отзывались и об Иване III, и о Василии III, позволяя себе даже критику собственных правителей: Казимира IV, Александра, Сигизмунда Старого.

Источники и принятые сокращения

1. Длугош Я. Грюнвальдская битва / Ян Длугош. — Москва : Изд-во АН СССР, 1962. — 214 с.
2. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях : [введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского] / М. Меховский. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1936 г. — 288 с.
3. Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I — VI) : Текст, перевод, комментарий / Н. И. Щавелева. — Москва : Памятники исторической мысли, 2004. — 495 с.
4. *Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae* / Długossii Ioannis. — Varsaviae, 1997. — Lib. X—XI (1406—1413). — 352 p.
5. *Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae* / Długossii Ioannis. — Varsaviae, 2000. — Lib. XI (1413—1430). — 464 p.
6. *Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae* / Długossii Ioannis. — Varsaviae, 2001. — Lib. XI—XII (1431—1444). — 476 p.
7. *Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae* / Długossii Ioannis. — Varsaviae, 2003. — Lib. XII (1445—1461). — 562 p.
8. *Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae* / Długossii Ioannis. — Varsaviae, 2005. — Lib. XII (1462—1480). — 648 p.
9. *Mechovita M. de. Chronica Polonorum* / M. de Mechovita. — Cracoviae, 1521. — 379 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горский А. А. Русское средневековье / А. А. Горский. — Москва : Астрель ; Олимп., 2010. — 258 с.
2. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. Серия «Актуальная история России» / Д. И. Иловайский. — Москва : «Чарли», 1997. — 512 с.

3. Карнаухов Д. В. История русских земель в польской историографии конца XV — начала XVII в. / Д. В. Карнаухов ; Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. Отд-ния Рос. акад. Наук ; Новосиб. Гос. пед. ун-т ; научн. ред. А. Л. Посадсков. — Новосибирск : ГПНТСБ СО РАН, 2009. — 232 с.

4. Карнаухов Д. В. «Русские» и «Московские» известия в трудах польских историков второй половины XV — начала XVII вв. (историографический аспект) / Д. В. Карнаухов. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. — 209 с.

5. Лимонов Ю. А. Культурные связи России с Европейскими странами в XV — XVI веках / Ю. А. Лимонов. — Ленинград : Наука, 1978. — 272 с.

6. Наливайко Р. А. Русско-ордынские отношения XIII — XV вв. в «Анналах Польши» Яна Длугоша / Р. А. Наливайко // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Материалы научной конференции «Преподобный Сергий Радонежский : личность в контексте эпохи и история его почитания», Санкт-Петербург, 1—3 октября 2014 г. — Санкт-Петербург, Казань : СПГУ, 2015. — С. 46—57.

7. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы : Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков / А. И. Филюшкин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2013. — 881 с.

8. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923) / М. Г. Худяков. — Москва : ИНКАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. — 320 с.

9. Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога / Т. В. Черникова. — Москва : Академический проект ; Изд-во «Культура», 2019. — 438 с.

10. Borzemski A. Kronika Miechowity. Rozbiór krytyczny / A. Borzemsky. — Krakow, 1890. — 200 p.

11. Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1385—1444. — T. I. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1961. — 344 p.

12. Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1445—1480. — T. II. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1965. — 436 p.

13. Semkowicz A. Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384) / A. Semkowicz. — Kraków, 1887. — 408 p.

14. Semkowicz-Zarembina W. Powstanie i dzieje autographu Annalium Jana Długosza / W. Semkowicz-Zarembina. — Krakow : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1952. — 87 p.

EVOLUTION OF IMAGE OF THE MOSCOW STATE IN HISTORICAL WORKS OF JAN DLUGOSH AND MATVEY MEHOVSKY: SECOND HALF OF XV — FIRST THIRD OF XVI CENTURIES

© Roman A. Nalyvayko (2020), orcid.org/0000-0001-6587-9595, ResearcherID M-5190-2015, SPIN 5701-6657, PhD in History, associate professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), r.nalivaiko@spbu.ru.

The article is devoted to the evolution of the image of the Moscow principality, and then the state in the works of Polish chroniclers of the XV—XVI centuries Jan Dlugosh and Matvey Mekhovskiy. Attention is paid to the characteristics of Moscow, and how these characteristics changed as it strengthened. Particular attention is paid to the assessments of J. Dlugosh and M. Mekhovskiy regarding their contemporary Moscow princes and rulers of Poland and Lithuania, as well as the expansion of the territory of the Moscow principality. Respect for Moscow princes and criticism of Polish rulers are especially noted. Based on a comparative analysis of the news of J. Dlugosh and M. Mekhovskiy, a growing interest in the Moscow state is shown, a geographical description of which is given by M. Mekhovskiy. The work shows that the Polish chroniclers have not yet been interested in the internal political history of Moscow — all references were exclusively related to Polish or Lithuanian events. The relevance of the study is due to the role played by Polish historiography of the XV—XVI centuries in shaping the image of the Moscow state, Russia in Europe, in particular, M. Mekhovskiy's Treatise on the Two Sarmatians.

Key words: Dlugosh; Mekhovskiy; Ivan III; Vasily III; Moscow state; Grand Duchy of Lithuania; Moscow-Lithuanian wars; image of Moscow.

MATERIAL RESOURCES

- Dlugosh, Ya. (1962). *Gryunvaldskaya bitva*. Moskva: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).
- Ioannis Długossii. (1997). *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*. Varsaviae, X—XI (1406—1413). (In Pol.).
- Ioannis Długossii. (2000). *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*. Varsaviae, XI (1413—1430). (In Pol.).
- Ioannis Długossii. (2001). *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*. Varsaviae, XI—XII (1431—1444). (In Pol.).
- Ioannis Długossii. (2003). *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*. Varsaviae, XII (1445—1461). (In Pol.).
- Ioannis Długossii. (2005). *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*. Varsaviae, XII (1462—1480). (In Pol.).
- Mechovita, M. de. (1521). *Chronica Polonorum*. Cracoviae. (In Pol.).
- Mekhovskiy, M. (1936). *Traktat o dvukh Sarmatiyakh*. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Shchaveleva, N. I. (2004). *Drevnyaya Rus' v «Polskoy istorii» Yana Dlugosha (knigi I — VI): Tekst, perevod, kommentariy*. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.).

REFERENCES

- Borzemski, A. (1890). *Kronika Miechowity. Rozbiór krytyczny*. Krakow. (In Pol.).
- Chernikova, T. V. (2019). *Rossiya i Evropa. Nachalo dialoga*. Moskva: Akademicheskij projekt; Izd-vo «Kultura». (In Russ.).
- Filyushkin, A. I. (2013). *Izobretaya pervuyu voynu Rossii i Evropy: Baltiyskiye voyny vtoroy poloviny XVI veka glazami sovremennikov i potomkov*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- Gorskiy, A. A. (2010). *Russkoye srednevekovye*. Moskva: Astrel'; Olimp. (In Russ.).
- Ilovayskiy, D. I. (1997). *Istoriya Ryazanskogo knyazhestva. Seriya «Aktualnaya istoriya Rossii»*. Moskva: «Charli». (In Russ.).

- Karnaukhov, D. V. (2009). *Istoriya russkikh zemel' v polskoy istoriografii kontsa XV — nachala XVII v.* Novosibirsk: GPNTSB SO RAN. (In Russ.).
- Karnaukhov, D. V. (2014). «Russkiye» i «Moskovskiy» izvestiya v trudakh polskikh istorikov vtoroy poloviny XV — nachala XVII vv. (istoriograficheskiy aspekt). Novosibirsk: Izd-vo NGPU. (In Russ.).
- Khudyakov, M. G. (1991). *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva. Vosproizvedeno po tekstu 1-go izdaniya (Kazan'. Kombinat izd-va i pechati, 1923).* Moskva: INSAN, Sovet po sokhraneniyu i razvitiyu kultur malykh narodov, SFK. (In Russ.).
- Limonov, Yu. A. (1978). *Kulturnyye svyazi Rossii s Evropeyskimi stranami v XV — XVI vekakh.* Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Nalivayko, R. A. (2015). Russko-ordynskiye otnosheniya XIII — XV vv. V “Annalakh Polshi” Yana Długosha. In: *Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Materialy nauchnoy konferentsii “Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy: lichnost' v kontekste epokhi i istoriya yego pochitaniya”, Sankt-Peterburg, 1—3 oktyabrya 2014 g.* Sankt-Peterburg, Kazan'. 46—57. (In Russ.).
- Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1385—1444.* (1961). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1. (In Pol.).
- Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1445—1480.* (1965). Wrocław; Warszawa; Kraków, 2. (In Pol.).
- Semkowicz, A. (1887). *Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384).* Kraków. (In Pol.).
- Semkowicz-Zarembina, W. (1952). *Powstanie i dzieje autographu Annalium Jana Długosza.* Krakow: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. (In Pol.).

Рагулина М. В. Хозяйственная аккультурация нижеилимских эвенков : земледельцы и охотники-оленоводы (XVIII — начало XX веков) / М. В. Рагулина // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 433—450. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-433-450.

Ragulina, M. V. (2020). Economic Acculturation of Lower Ilim Evenki: Farmers and Reindeer Breeders (XVIII — Early XX Centuries). *Nauchnyi dialog*, 1: 433-450. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-433-450. (In Russ.).

УДК 94(571.53)“17/19”+397.4(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-433-450

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ НИЖНЕИЛИМСКИХ ЭВЕНКОВ: ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ОХОТНИКИ-ОЛЕНЕВОДЫ (XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

© Рагулина Милана Владимировна (2020), orcid.org/0000-0003-4784-296, доктор географических наук, профессор кафедры географии, безопасности жизнедеятельности и методики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»; ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия), milanara@yandex.ru.

Рассматривается вопрос аккультурации аборигенного населения Сибири на примере Нижнеилимской группы эвенков. Изучается появление «ясачных деревень» как переходная стадия между кочевым природопользованием и крестьянским земледельческим хозяйством. Показано, что сокращение численности нижеилимских эвенков в значительной мере обусловлено их переходом в крестьянское сословие, который не был зафиксирован в документах. Уделено внимание воздействию природных и социокультурных условий на трансформации природопользования и образа жизни. Установлено, что факторы соседства и чересполосного проживания с русским населением способствовали заимствованию земледелия только в том случае, когда это позволяла природная среда и имелись сопутствующие обстоятельства, такие как потеря оленей, снижение экономического потенциала кочевого коллектива. Выявлено два основных типа хозяйственной аккультурации, обладающих устойчивостью и эффективностью. Аккультурация нижеилимских эвенков рассмотрена на основе архивных источников. Новизна работы состоит во введении в научный оборот документов, позволяющих реконструировать ход хозяйственных и социальных изменений — от традиционного промыслово-оленоводческого образа жизни к оседлости и перемене этнической самоидентификации. Отмечается, что внимание к смешанному эвенкийско-русскому населению со стороны исследователей 1920-х годов было связано с поиском теоретических позиций преобразования туземного хозяйства.

Ключевые слова: эвенки; тунгусы; оседлость; ясачные деревни; Нижнеилимская инородная управа; бродячие инородцы; кочевые инородцы; земледелие; оленеводство; идентичность.

1. Введение

Эвенки исследуемой территории относятся к Илимско-Ленскому земледельческому району, сложившемуся в XVII—XVIII веках. Бассейн Илима находится в пределах Ангарского поднятия Илимской равнины и западной оконечности Лено-Ангарского плато. Рельеф плоских междуречий сочетается с широкими речными долинами, где хорошо развиты высокие и средние террасы, на которых были устроены первые пашни.

Тайга из лиственницы и сосны, пихтовые и кедровые участки верховьев долин, речные долины, покрытые ерниками и разнотравьем, стали кормовыми ресурсами для промысловых животных, луга позволили разводить скот, а особенности микроклимата и почв долин крупных рек дали возможность развивать хлебопашество и огородничество. Температурные колебания, неравномерность осадков, краткость вегетационного и безморозного периодов обуславливают принадлежность района к зоне рискованного земледелия. Данный регион стал ареалом естественной аккультурации таежных охотников, поскольку природно-ресурсные условия являлись оптимальными для охотничьего промысла и рыболовства и при очаговом освоении позволяли развивать земледелие и скотоводство. Данные виды деятельности требовали разной степени адаптивной гибкости от этнолокальных групп региона, как следствие, складывались ситуации, в которых формировались новые социальные отношения. Реакция эвенков на появление и приумножение в крае земледельческого населения при всем многообразии локальных вариантов сводилась к двум стратегиям: насколько это возможно, избежать тесного контакта, отойдя в труднодоступные места, либо наладить отношения с новопоселенцами, заимствуя у них черты хозяйства и быта. Поскольку полная изоляция эвенков была невозможна, обе стратегии предполагали разную степень культурного взаимовлияния.

Аккультурация и ассимиляция подразумевают ситуацию культурного контакта [Ngo, 2008]. При аккультурации оба контактирующих сообщества заимствуют элементы культуры друг друга или одно из них заимствует элементы культуры другого сообщества, адаптируя свою экономическую, религиозную, бытовую сферу под общий культурный контекст. У большинства нижнеилимских эвенков-земледельцев в XIX веке аккультурация представляла относительно плавный процесс заимствования и усвоения элементов русской культуры. В работе мы сосредоточились на экономической стороне аккультурации — изменении типа хозяйства от оленеводческо-промыслового к земледельческо-скотоводческо-промысловому. Отметим, что при аккультурации этническая идентификация сохраняется, а для ассимиляции как завершающей стадии аккультурации характерны полнота

усвоения заимствованных элементов иной культуры и исчезновение прежних этнических характеристик. Основным признаком произошедшей ассимиляции является перемена этнической идентификации.

Подходы к определению идентичности аборигенного населения с момента появления русских в регионе и до первых советских преобразований значительно трансформировались. Общее между ними состоит в применении внешних категорий идентификации. В дореволюционное время при определении подходов этнический критерий был подчинен сословному и тесно связан с конфессиональным. Далее рассмотрим основные категории идентификации.

В XVII — начале XIX веков все коренные жители региона назывались ясачными и управлялись ясачными волостями. К обобщающей сословной категории ясачных добавлялся этнический (к примеру, *ясачные тунгусы*, *ясачные буряты*), иногда конфессиональный (*новокрещенные ясачные тунгусы*) и, в большинстве случаев, территориальный признак (*ясачные тунгусы Нижнеилимской ясачной волости*).

Устав об управлении инородцев, принятый в рамках Сибирской реформы 1822 года, определил новые категории сословной идентификации, а именно три разряда: «В первой разряд включаются оседлые, то есть живущие в городах и селениях; во второй кочевые, занимающие определенные места по временам года переменяемая; в третий бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам» [Полное собрание ..., 1830, с. 394]. Оседлые инородцы жили в городах и селениях, занимались земледелием и торговлей. Конфессиональный критерий имел определяющую роль в устранении официальных этнических различий: оседлые инородцы-христиане вообще не считаются инородцами, а нехристиане «для различия от прочих именуются оседлыми инородцами» [Там же, с. 396]. Кочевые инородцы в сословном отношении сближались с крестьянами, но управлялись по своим законам и обычаям, освобождались от рекрутской повинности. Они занимались земледелием, скотоводством и местными промыслами в границах выделенных наделов. В современной терминологии кочевым инородцам соответствует оседлое и полuosедлое население. Иная ситуация сложилась с разрядом бродячих инородцев: эти этнические и этнолокальные группы, занятые охотничьим промыслом и рыболовством, не имели постоянных жилищ, и администрация лишь приблизительно могла локализовать ареалы их проживания. Разряды инородцев, будучи сословными категориями внешней идентификации, представляя сплав конфессиональных, этнических и хозяйственных признаков, просуществовали до советских преобразований.

После революции внешним признаком равноправия населения стало упразднение сословий. Национальность в обязательном порядке присутствовала в официальных документах, а народы Севера и Сибири стали именоваться туземцами. Усиление этнического принципа идентификации выразилось в смене номенклатуры этнонимов. Эта работа проводилась Комитетом Севера с целью привести их в соответствие с преобладающим самоназванием. Тунгусы региона стали называться эвенками, хотя самоназвание большинства было *илэ* [Сирина и др., 2009, с. 3]. Преобладающим мотивом описания коренных народов того времени была экономическая и культурная отсталость, которая на длительное время определяла «оптику» исследований.

Приполярная перепись классифицировала эвенков по различию образа жизни и хозяйства на оседлых и кочевых. Поскольку их идентификация в период Российской Империи производилась на сословном основании, а в 1920-е годы по этнохозяйственному признаку, с учетом приведенных данных [Материалы Приполярной..., 1928] следует считать обоснованным соответствие дореволюционного разряда бродячих тунгусов группе кочевых эвенков, а разряда кочевых тунгусов группе оседлых эвенков. С учетом названных выше особенностей интерпретации источников решается проблема сопоставимости дореволюционных и послереволюционных данных.

Нижнеилимские эвенки в XVIII—XIX веках считаются группой с высокой интенсивностью аккультурационных процессов [Курышов, 2017; Патканов, 1906; Туголуков, 1985; Ходукин, 2013; Шерстобоев, 1957]. Сокращение ареалов кочевания, падение продуктивности охоты, снижение поголовья оленей вели к аккультурации, этнической интеграции, и в итоге — ассимиляции эвенков русскими. Однако особенности и ход интеграции недостаточно изучены: при рассмотрении перехода эвенков к оседлости важны вопросы демографической динамики, специфики и продуктивности тунгусского земледелия, его регуляция властью и проблемы идентичности.

2. Аккультурация и хозяйство нижнеилимских тунгусов

До Сибирской реформы тунгусы Нижнего Илима принадлежали к Нижнеилимской ясачной волости. Как и остальные ясачные волости, она не имела четких границ, управлялась разрозненными указами и распоряжениями, важнейшие из которых — запрет закрепощения, освобождение от военной службы, соблюдение прав на промысловые угодья, решение земельных споров. Переписи коренного населения Илима в XVIII веке позволяют приблизительно реконструировать численность тунгусов. В Нижнеилимской ясачной волости в 1719 году записано 59 тунгусов — платель-

щиков ясака (с учетом численности семьи из 4 человек приблизительно 240 тунгусов), в 1732 — 107, а в 1750 — 93 мужчины (соответственно 214 и 186 чел. обоего пола) [Шерстобоев, 1957, с. 609]. Для 1771 года известна только численность ясачных плательщиков — 38 трудоспособных мужчин в возрасте от 18 лет. С учетом коэффициента семейности численность группы остается на прежнем уровне и составляет 150—160 чел. [Там же, с. 613]. Эти оценки неточны, В. Н. Шерстобоев отмечает плохую сохранность документов и разночтения, содержащиеся в них, и все же эти сведения позволяют заключить, что во второй трети XVIII века численность эвенкийского населения медленно снижается.

После Сибирской реформы 1822 года Нижнеилимская ясачная волость была преобразована в Нижнеилимскую инородную управу. В 1830 году тунгусы управы насчитывали 374 чел., 1834 — 379 и 1838 — 409 чел. В 1861 году было уже 330 тунгусов, далее их число снизилось до 281 чел. в 1865 году и 274 — в 1897. Для сопоставления данных далее приведена численность мужчин-эвенков группы (рис. 1).

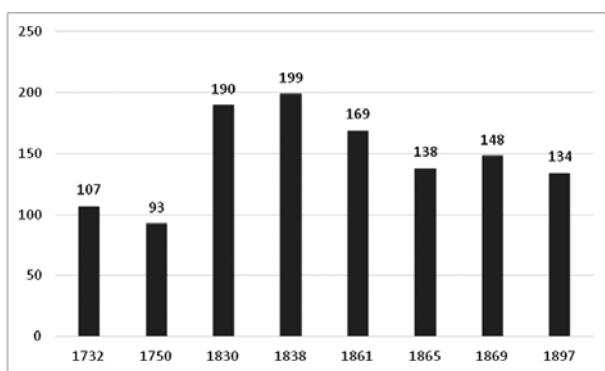

Рис. 1. Численность мужчин Нижнеилимской ясачной волости (с 1822 года — управы) в 1732—1897 годах, чел.

Составлено по данным: [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1, л. 70; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 5, л. 87; ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 42; Патканов, 1906, с. 109; Шерстобоев, 1957, с. 609—611].

Снижение численности эвенков к концу XIX века исследователи интерпретируют как «вымирание» [Курышов, 2017; Патканов, 1906]. Внутренние факторы, которые нивелируются усредненной демографической динамикой, ставят этот вывод под сомнение, прежде всего по отношению к аккультурационным процессам.

Акультурация эвенков Илимской группы началась с момента появления русских крестьян, в ней сочетались хозяйственные и конфессиональные факторы: «... в 1653 г. среди Илимских землепашцев не было ни одного туземца. В 1655 г. воеводой Оладыным построены в пашню под Верхоленинским острожком М. Г. Ханяпта и Ефимко Клементьев <...> все эти крестьяне <...> потеряли в своих именах признаки своего происхождения и единственным следом его осталось слово “новокрещенный”. Минует некоторое время, отпадет это слово, и тунгус или бурят затеряется среди русских крестьян» [Шерстобоев, 1949, с. 552]. Согласно переписи плательщиков ясака 1750 года, десятая часть эвенков Илимского уезда уже была крещена и жила в русских деревнях [Шерстобоев, 1957, с. 635]. В то же время группа около 200 чел. откочевала в тайгу, избежав учета и ясачного обложения [Шерстобоев, 1949, с. 541].

Большинство эвенков волости в то время были охотниками, оленеводами и рыболовами. Христианизация, сопряженная с разрывом родовых связей, вступлением в новую социальную среду, означала для ясачного «не перемену его заблуждений, а переход к новой хозяйственной деятельности <...> два пути открывала жизнь перед ясачным, когда он оказывался в среде русских: или превращение в хозяина-земледельца, или уход в ба-траки» [Шерстобоев, 1957, с. 634].

Нижнеилимская Инородная управа отчитывалась в 1830 году о 26 мужских ревизских душах кочевых тунгусов, занимающихся хлебопашеством, при этом общее количество кочевых инородцев составляло 77 человек, а бродячих — 297. Кочевые были расселены в трех селениях и имели 10 деревянных домов [ГАИО, ф. 461, оп. 1., д. 1., л. 70, 94]. В отчете управы за 1838 год в графе «Занятие женщин» сказано: «Женщины во время упрямывания хозяевами их по лесу зверей бродячие обращаются при поставлении и устройстве юрты и гонением оленей с имуществом, когда переходят с одного на другое место, где под юрты разгребают снег, а в свободное время занимаются деланием звериных шкур, шитьем разного рода из онаго платья. Кочевые по домоводству исправляют все надобности, прядут и ткнут разное из сурового холсты по крестьянскому обыкновению, а летом помогают мужчинам с уборкою с полей хлеб и сена, и в зимнее время вымолачиванием хлеба» [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 5, л. 88].

Численность бродячего (охотничье-оленево-водческого) и кочевого (земледельческого) населения управы обнаруживает противоположную динамику: убывание первого сопровождается ростом второго. К 1926 году тунгусы-земледельцы «исчезают», вернее, учитываются как русские, что означает их полную ассимиляцию и перемену этнической идентичности (рис. 2).

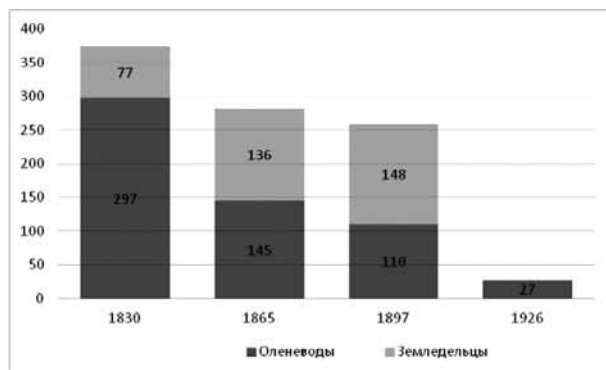

Рис. 2. Охотники-оленьеводы и земледельцы в общей численности нижнеилимских эвенков, чел.

Составлено по данным: [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1, л. 70; ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 42; Материалы Приполярной ..., 1928, с. 28; Патканов, 1906, с. 109].

Вопрос о разрядах и категориях идентификации вызывает путаницу не только у современных исследователей: в отчете за 1865 год тунгусы, прежде называвшиеся кочевыми, именуются оседлыми [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 41—42]. Впоследствии ошибка устраняется, и оседлые инородцы снова признаются кочевыми. То кочевыми, то оседлыми называет одну и ту же группу нижнеилимских тунгусов Д. Д. Ларионов [Ларионов, 1870, с. 152]. Получается противоречие: земледельцы и скотоводы оседло живут в русских домах, крещены, но продолжают называться кочевыми. А. М. Курышов задается вопросом, почему так происходит, и дает на него ответ: «... почему же они кочевые? Дело в том, что в отличие от своих соплеменников, живших охотой на копытных и пушным промыслом, “кочевые” тунгусы добывали исключительно пушного зверя, которого продавали или обменивали на необходимые вещи и продукты. Между сезонами “кочевые” тунгусы жили немного земледелием, немного скотоводством, нанимались в работники к русским крестьянам» [Курышов, 2017, с. 703].

С данной позицией сложно согласиться: общая промыслово-земледельческая хозяйственная модель русского, аборигенного и смешанного населения таежной зоны Сибири к XIX веку, кроме пушного, во всех без исключения группах включала промысел копытных [Рагулина, 2009]. Скорее, дело в следовании Уставу об управлении инородцев и тех льгот (освобождение от рекрутской повинности, защита угодий, самоуправление и др.), которыми пользовались кочевые инородцы в отличие от оседлых.

С позиции обыденного здравого смысла современникам было трудно называть русифицированных тунгусов, которые давно прекратили переезжать с места на место, *кочевыми*, как того требовала система разрядов, отсюда и эпизодические ошибки. Таким образом, немаловажную роль в путанице категорий сыграло смысловое несоответствие оседлого образа жизни формальной принадлежности к разряду кочевых инородцев.

С точки зрения глубины аккультурации кочевых тунгусов интересен вопрос о ясачных деревнях — компактном, этнически однородном расселении эвенков, которые в культурном и хозяйственном отношении находятся на пороге перемены этнической самоидентификации. В 1830 году сообщается о трех селениях кочевых инородцев, где в 10 деревянных домах жили 77 чел. тунгусов [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1, л. 70]. В 1869 году в управе было уже 5 селений: в Нижнеилимском участке — Нижнеилимское и Романовское с численностью 22 ревизских души обоего пола, в Верхнеилимском — Селезневское и Коченское, 43 ревизских души, в Ангарском — с. Закурдаевское, также 43 (табл. 1).

Таблица 1

Селения нижнеилимских тунгусов в 1869—1926 годы

1869		1897		1926	
Селения	Тунгусов (чел.)	Селения	Тунгусов (чел.)	Селение, год основания	Русских (чел.)
Нижнеилимское	22	Жилищинский улус	6	д. Жилище, 1882	34
Романовское		д. Романова	13	с. Романово, 1627	499
Селезневское	43	Селезневский улус	—	д. Селезнева, 1675	139
Коченское		Коченский улус	61	Коченский улус, д. Ясачная, д. Тунгусская, 1723	123
Закурдаевское	43	Закурдаевский улус	71	д. Закурдаева, 1750	111
Итого, чел.	108		151		906

По материалам: [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 11, л. 39; Патканов, 1906, с. 109—110; Список населенных ..., 1929, с. 890, 993, 894].

По материалам Переписи 1897 года Коченский улус (на правом берегу р. Коченги, на собственных землях) содержал 13 тунгусских хозяйств

с 61 чел. в них; Закурдаевский улус, на левом берегу Ангары, на землях Карапчанской волости — 9 хозяйств с 80 членами, среди которых было 8 русских, 71 тунгус и 1 якут; Жилищинский улус, также расположенный на левом берегу Ангары в пределах Карапчанской волости, имел 2 двора и 22 чел. в них, 6 из которых были тунгусами, а 16 — русскими.

О переходе аккультурации в стадию ассимиляции свидетельствует то, что все тунгусское население этих улусов говорило только по-русски, занималось земледелием, независимо от моно- или полиэтничности среды. Согласно С. К. Патканову, кроме небольших внешних особенностей, тунгусы данных селений ничем не отличаются от русских, но «все они, однако, продолжают считаться по сословиям инородцами, и по национальности тунгусами, пока они не пожелают перечислиться в разряд крестьян или мещан — решительный шаг, при котором они окончательно порывают всякую связь с родным племенем. Такие случаи ныне происходят редко, потому что инородцы Сибири освобождены от воинской повинности и платят меньше подати (ясака) чем русские крестьяне <...> подобный переход для них в категорию крестьян не выгоден. Но в прежние времена подобные перечисления из бродячих и кочевых инородцев в оседлые, в крестьяне и мещане совершались во время производства ревизий и притом без согласия на то заинтересованных лиц» [Патканов, 1906, с. 79]. Это объясняет случаи «исчезновения» тунгусов, вернее, смену этнической идентичности на русскую, что рядом исследователей трактуется как «вымирание».

Тунгусские селения и улусы часто назывались ясачными деревнями. *Ясачная* — не только территориальная, но также и этнонимическая и социальная категория описания, которая несколько изменила смысл в течение XIX века. До реформы 1822 года ясачными назывались и волости, и проживающие в них народы — плательщики ясака. Далее ясачными стали называть селения полуседлых эвенков и бурят. В работах этнографов и землеустроителей начала XX века, в архивных материалах Комитета Севера термин *ясачные* применяется только к аккультурированному и ассимилируемому населению. Понятие «ясачных» как официальная статистическая категория появляется в Сельскохозяйственной переписи 1917 году [Итоги предварительного ..., 1919]. Главные отличия ясачных — занятие земледелием и глубокая степень заимствований культуры и природопользования русских крестьян [Миротворцев, 2013].

Основным занятием тунгусов — жителей ясачных деревень — было подсечное земледелие. Трудоемкость, ограничения, связанные с рельефом, почвами, экономическими возможностями хозяйства, приводили к тому, что прирост пахотных земель был незначительным.

Считалось, что земледелие Киренского округа, куда административно относились нижеилимские тунгусы, из-за природных условий недостаточно развито. Поэтому распоряжением Начальника губернии в 1848 году были учреждены нормы обязательных расчисток земель из-под леса. В зависимости от достатка хозяйства они составляли от 1/2 десятины на работника до 1/8 десятины на семью [Ларионов, 1870, с. 17]. В русских волостях округа благодаря этой мере население перестало нуждаться в хлебе и получило возможность продавать его излишки. Тунгусов не принуждали к расчисткам, поэтому площадь их пашни увеличивалась медленно. В 1868 году у тунгусов Нижнеилимской управы была вымерена 101 десятина пахотной земли [Там же, с. 15].

Структура посевов учитывала суровые и многоснежные зимы, возможность раннеосенних и позднеосенних заморозков и была ориентирована на выращивание озимых, ржи и ячменя. Урожай, получаемый в нестабильных природно-климатических условиях, колебался в значительных пределах, что показывают данные 1830-х годов (рис. 3).

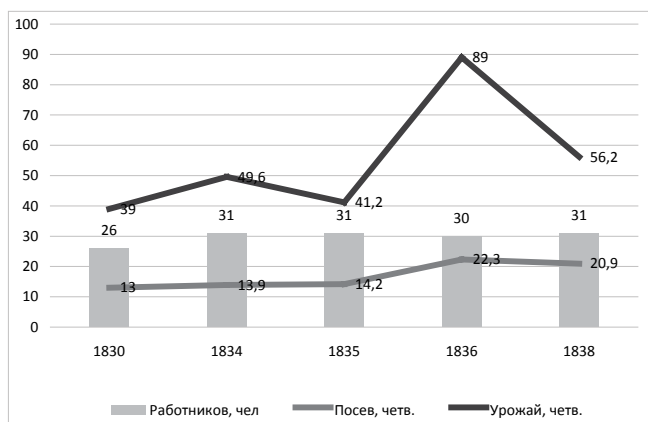

Рис. 3. Посев, урожай и количество работников-земледельцев среди нижеилимских эвенков в 1830-х годах

Составлено по материалам: [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1, л. 94; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 2, л. 143; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 3, л. 198; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 41, л. 237; ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 5, л. 87].

Показателем продуктивности аборигенного земледелия служит удовлетворение потребностей в продовольствии. Администрация управы рассчитывала норму потребления на душу населения в объеме 1 четверти озимо-

го, 1 четверти и 4 четверика ярового хлеба [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 42.]. За вычетом семенного материала в средний, не отличающийся экстремальными условиями 1865 год земледельцы обеспечили себя на 83 % приведенной нормы, что составило 18,7 пуда. Недостающий хлеб покупали у крестьян Нижнеилимской и Карапчанской русских волостей. В весовом эквиваленте рассчитанная управой норма равна приблизительно 22,5 пудам зерна. Для сравнения: в конце XIX века средняя обеспеченность крестьянских хозяйств Рязанской губернии в пересчете на рожь составила 18 пудов 33 фунта на душу. Это уровень минимального поддержания жизни населения, не позволяющий развивать земледелие. Оптимальная норма равна 20,5 пудам на человека и 7 для скота [Труды местных ..., 1904, с. 233]. С учетом того, что администрация Нижнеилимской управы при расчете норм исходила только из потребностей самих земледельцев и не учитывала скот, можно сделать вывод о сопоставимости показателей и более высокой продуктивности земледелия нижнеилимских эвенков. Отметим, что после Гражданской войны, в 1927 году специалисты Комитета Севера, планирующие централизованное снабжение тунгусов, у которых нет своего земледелия, исходили из нормы крупы и муки в 10 пудов на душу [ГАИО, ф. р-1461, оп. 1, д. 8, л. 23], что почти вдвое ниже количества зерна, самостоятельно выращенного нижнеилимскими эвенками-земледельцами.

Обеспеченность скотом семьи из 4 человек, по расчетам управы, должна составлять 5 голов крупного и мелкого рогатого скота и 6 оленей для разряда бродячих тунгусов [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 42]. Крупный рогатый и мелкий скот имелся исключительно у тунгусов из разряда кочевых (которые, как мы уже отмечали ранее, фактически были оседлыми земледельцами). Бродячие тунгусы (в послереволюционной терминологии — *кочевые*) не могли его содержать в условиях круглогодичного передвижения по тайге; корова и олень — непримиримые антиподы [Петри, 1930], не говоря уже о невозможности сочетания транспортного оленеводства и свиноводства. На каждое хозяйство в 1865 году в среднем приходилось крупного рогатого скота 2,4, мелкого — 3,7 голов [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 39, 42].

В 1867 году, по данным Д. Д. Ларионова, у русских крестьян Киренского округа Иркутской губернии на одно хозяйство было рогатого скота 2,5 головы, овец и свиней 3,25 голов; по всей Иркутской губернии — коров 2,25, мелкого скота, овец, свиней и коз 3,5. «Не много найдется европейско-русских губерний с такой обеспеченностью скотом», — заключает исследователь [Ларионов 1870, с. 123]. Следовательно, обеспеченность скотом в Нижнеилимской группе эвенков находится на достаточном уров-

не. Это в совокупности с достаточно результативным в существующих природных ограничениях земледелием создает картину успешности адаптации и аккультурационных заимствований в сфере хозяйства.

Несколько по-иному протекали адаптивные хозяйственные процессы у нижеилимских тунгусов, относившихся к разряду бродячих. Их отличала высокая миграционная активность: уход нижеилимских плательщиков ясака неоднократно отмечался с XVII века [Долгих, 1966]. Миграции было трудно отследить, поскольку администрация инородной управы имела приблизительные сведения о локализации таежных кочевников, но сведения о них в источниках имеются. В конце XIX века произошла миграция нижеилимских эвенков-оленоводов в Енисейскую губернию, где они, однако, по прибытии не были учтены [Патканов, 1906]. Приполярная перепись фиксирует переселение части нижеилимских эвенков в Туруханский край [Материалы Приполярной ..., 1928]. Группа, кочевавшая в районе р. Куты и р. Купы, в начале XX века ушла в долины р. Лена и р. Непа [Ходукин, 2013, с. 341].

Мобильность и эффективность охотничьего промысла зависела от количества транспортных оленей. В 1830 году на одно хозяйство приходилось 23,9 голов, что близко к границе оптимума для транспортного таежного оленеводства [ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 1. л. 95—96]. В 1865 году обеспеченность оленями упала до 7,4 голов на хозяйство [ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 61, 39.], при этом с 1830 года численность бродячих тунгусов снизилась почти вдвое.

В это время возможно увеличение численности безоленной разорившейся группы тунгусов, которые готовы перейти к оседлости, что косвенно подтверждает отчет управы за 1865 год: «... Бродячие имеют одно только средство в улове разных зверей и малую часть в промысле рыбы, каковыми источниками уплачивают казенной подати и повинностей и удовлетворение собственных их нужд, однако же на исправление всех их в быту надобностей промыслов сих недостаточно, почему инородцы большею частью в долгу у крестьян и других сословий людей» [ГАИО, ф. 46, оп. 2, д. 7, л. 61]. Задолженность эвенков в сочетании с потерей оленей, снижением мобильности и ухудшением экономического положения является фактором вынужденной аккультурации. Напротив, оленные группы высокомобильны: к примеру, во время переписи 1897 года в Енисейском округе было зафиксировано 20 чел. нижеилимских тунгусов Иркутской губернии [Патканов, 1906, с. 161]. Передвижения охотников-оленоводов происходили внутри известных и устоявшихся ареалов с размытыми границами. Но экстремальные события — конфликты, ясачные поборы сверх

нормы, военные действия и кризисные факторы природного характера — могли вызывать уход эвенков с обжитых территорий в соседние регионы. В то же время обеспеченность оленями, мобильность, трудность локализации позволяют предположить высокую сохранность традиционного охотничье-оленьеводческого типа хозяйства у эвенков, относившихся к разряду бродячих инородцев.

Таким образом, в течение рассмотренного периода хозяйственная аккультурация нижеилимских эвенков шла постоянно, что подтверждают демографическая и хозяйственная динамика населения, характеристики эффективности хлебопашества, распространение тунгусских ясачных и смешанных русско-тунгусских деревень.

3. Заключение

Рассмотренные особенности и характеристики хозяйства нижеилимских эвенков позволяют поставить под сомнение, по крайней мере, для данной группы, популярную в XIX веке парадигму «вымирания инородцев» и наследовавшую ее политизированную установку исследований первых лет советской власти на преувеличение социальных противоречий в регионе, а также хозяйственной и культурной отсталости коренных народов. Аккультурация и ассимиляция объясняют катастрофические, на первый взгляд, цифры демографической динамики эвенков не как следствие их депопуляции, а как результат смены этнической идентификации.

В 1920-х годах народы Сибири находились на пороге больших политических и хозяйственных перемен. В этой ситуации этнографы и географы не могли находиться в сфере чистой науки. Как отмечает А. А. Сирина, «осознавая возможные негативные последствия политического заказа на жизнь народов Севера <...> они искренне считали, что проведенные ими научные исследования пригодятся при выработке наиболее безболезненных преобразований» [Сирина, 2013, с. 38]. И в то же время акцентирование «эксплуататорской сущности» взаимоотношений между русскими и коренным населением, увлеченность марксистскими стадийными идеями развития побуждала представителей «государственной этнографии» к поиску сообществ, которые могли бы стать примером перехода к оседлости для кочевников. Под теоретическим углом зрения рассматривался опыт ясачных, позволяющий миновать стадию скотоводческого хозяйства и сразу перейти к земледелию [Миротворцев, 2013]. Пример оседлых эвенков деревни Ясачной привел к обобщающему теоретическому выводу о том, что переход тунгусов к оседлому образу жизни возможен без промежуточной — скотоводческой — формы хозяйства; что земледелие может стать

основной формой этого хозяйства, а исконный род занятий — охота, как и рыболовство, — подсобным промыслом [Ходукин, 2013].

Однако часто этнографы и географы имели в своем распоряжении полевой материал, который не укладывался в политически одобряемые рамки, а следовать партийному курсу было необходимо. Поэтому их позиция в отношении ясачных весьма противоречива, она представляет столкновение теоретической схемы с практикой. Понимая неоднозначность и непригодность выбора стратегии перехода к земледелию как стандартного пути для всех эвенков, Б. Э. Петри отмечал, что необходимо исследование «форм перехода от оленеводства к скотоводству и земледелию; учет эмпирического опыта тунгусов — положительные и отрицательные стороны перехода» [ГАИО, ф. р-1468, оп. ОЦ, д. 8, л. 66.]. При этом в распоряжении исследователей, сотрудничавших с Комитетом Севера и проводивших статистические обследования эвенков, не было документов инородных управ.

Данное обстоятельство усложнило ситуацию с отнесением аккультурированного населения к тунгусам либо русским, что необходимо было сделать Комитету Севера в преддверии проведения землеустроительной политики среди коренных народов. Охранительная стратегия, стремление соблюсти права на этническое и культурное своеобразие народов, оградить от русских, нарушающих их хозяйственные ареалы, сопровождались противоположными тенденциями. Они заключались в стремлении интегрировать туземцев в народно-хозяйственный комплекс, повысить их культурный и образовательный уровень, избавить от темных предрассудков, «гнета» кулаков и шаманов. Все сказанное изменило подход к определению границ идентичности: что значит «быть тунгусом», определяли внешние, хотя и не сословные, как до революции, но не менее жесткие критерии родства, языка, традиций, проживания. Местное сообщество получило лишь формальное право принимать решения о своей судьбе. Кроме того, основные рамки решений задавались не тунгусами: так, Я. Н. Ходукин, размышляя о проблеме «приобщения кочевников к культуре», предлагал создать на примере деревни Ясачной агитационно-образцовое хозяйство, которое показало бы всем тунгусам преимущества оседлого образа жизни. Тем не менее Комитет Севера принял решение отнести оседлых тунгусов д. Ясачной к русским и признать ассимиляцию состоявшейся. Земледельческое хозяйство к установлению Советской власти просуществовало в д. Ясачной более 150 лет, а жители приняли христианство на рубеже XVII—XVIII веков. Они постепенно заимствовали мировоззрение русского крестьянства, населив, по Я. Н. Ходукину [Ходукин, 2013], окружающий мир «лясными, соседками, маяками, ведьмами», и поэтому аккультурация и последовав-

шая за ней ассимиляция имели поступательный и необратимый характер. Во многом этому способствовали природные условия: ограниченность доступных пашен и сенокосов, низкое качество почв, климатические риски, с одной стороны, сдерживающие темпы, а с другой — делающие более надежным и прочным, «выстраданным» переход к оседлости.

Выделяются две основные стратегии хозяйственно-культурной адаптации и аккультурации нижеилимских эвенков. Первая, представленная у мобильных охотников-оленьеводов, связана с пространственным дистанцированным от русского населения сохранением кочевого ритма освоения угодий, этнической идентичности при билингвизме и относительно формальной христианизации. Эта стратегия выражается в частичном восприятии русских техник пушного промысла, регулярной покупке продовольствия, поддержании с русскими взаимовыгодных отношений покрупы. Вторая стратегия заключается в переходе на русскую земледельческо-промысловую хозяйственную модель с усвоением языка, религии, всей глубины мировоззрения и культурных констант.

Таким образом, нами выявлена зависимость перехода к оседлому хозяйству от локальных природно-ландшафтных условий, микро- и макромасштабных социально-экономических и политических факторов, определены количественные характеристики, которые позволили оценить и земледельческое и оленеводческо-промысловое природопользование эвенков с позиции адаптации к условиям природной и социальной среды.

Источники и принятые сокращения

1. ГАИО — Государственный архив Иркутской области. Ф. 461 — Нижнеилимская инородная управа. Ф.р-1468 — Иркутский уполномоченный комитета содействия малым народностям Сибирского края.
2. *Итоги* предварительного подсчета сельскохозяйственной переписи 1917 г. Иркутской губернии. — Иркутск, 1919. — 485 с.
3. *Материалы* Приполярной переписи 1926 / 27 гг. в Сибирском крае. Выпуск 1. — Красноярск, 1928—1929. — 36 с.
4. *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание 1. — Т. 38, № 29126. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 394—417.
5. *Список населенных мест Сибирского края*. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири / Сиб. краев. исполн. ком., Стат. отд. — Новосибирск : [б. и.], 1929. — 952 с.
6. *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : 34. — Санкт-Петербург : Типография «Народная польза», 1904. — 665 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих // Труды института этнографии. Новая серия. — Москва : Наука, 1960. — Т. 55. — 622 с.

2. *Курьшов А. М.* Эвенки Нижнего Илама в XVII — начале XX века / А. М. Курьшов // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18. — № 4. — С. 693—715.
3. *Ларионов Д. Д.* Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Статистика сельскохозяйственная / Д. Д. Ларионов. — Иркутск : Типография Н. Н. Синицына, 1870. — 380 с.
4. *Миротворцев К. Н.* Иркутские ясачные / К. Н. Миротворцев / Провинциальная наука : этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост. А. А. Сирина. — Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН ; Иркутск : [б. и.], 2013. — С. 169—179.
5. *Петри Б. Э.* Охота и оленеводство у тунгусских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства / Б. Э. Петри. — Иркутск : Тип. изд. «Власть труда», 1930. — 107 с.
6. *Патканов С. К.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири : на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1 : Тунгусы собственно / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург : Тип. «Слово», 1906. — 176 с.
7. *Рагулина М. В.* Традиционные способы жизнеобеспечения эвенков Прибайкалья / М. В. Рагулина // География и природные ресурсы. — 2009. — № 2. — С. 109—116.
8. *Сирина А. А.* Провинциальная наука : этнография в Иркутске в 1920-е годы / Провинциальная наука : этнография в Иркутске в 1920-е годы / А. А. Сирина / сост. А. А. Сирина. — Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН ; Иркутск : [б. и.], 2013. — С. 8—50.
9. *Сирина А. А.* Землеустройство коренных народов в преддверии коллективизации / А. А. Сирина, М. В. Рагулина // Промысловое хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски. — Иркутск : ИГ СО РАН, 2009. — С. 3—14.
10. *Туголуков В. А.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. — Москва : Наука, 1985. — 286 с.
11. *Ходукин Я. Н.* Тунгусы реки Коченги / Я. Н. Ходукин / Провинциальная наука : этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост. А. А. Сирина. — Москва : Ин-т этнологии и антропологии РАН ; Иркутск : [б. и.], 2013. — С. 338—362.
12. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. I. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркутское областное книжное издательство, 1949. — 596 с.
13. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. II. Илимский край во II—IV четвертях XVIII века / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркутское областное книжное издательство, 1957. — 674 с.
14. *Ngo V. H.* A critical examination of acculturation theories / V. H. Ngo // Critical Social Work. — 2008. — Vol. 9. — №. 1. — Pp. 1—6.

ECONOMIC ACCULTURATION OF LOWER ILIM EVENKI: FARMERS AND REINDEER BREEDERS (XVIII — EARLY XX CENTURIES)

© **Milana V. Ragulina (2020)**, orcid.org/0000-0003-4784-296, Doctor of Geography, professor, Department of Geography, Life Safety and Methods, Irkutsk State University; leading researcher, Laboratory of Geological Resources and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography of Siberian Branch RAS (Irkutsk, Russia), milanara@yandex.ru.

The issue of acculturation of the indigenous population of Siberia is considered on the example of the Lower Ilim group of Evenki. The emergence of “yasak villages” is studied as a transitional stage between nomadic nature management and peasant farming. It is shown that the reduction in the number of Lower Ilim Evenki is largely due to their transition to the peasant class, which was not recorded in the documents. Attention is paid to the impact of natural and sociocultural conditions on the transformation of nature management and lifestyle. It was established that the factors of neighborhood and characterized by strip farming living with the Russian population contributed to the borrowing of agriculture only when the natural environment allowed it and there were accompanying circumstances, such as the loss of deer, and the reduced economic potential of the nomadic collective. Two main types of economic acculturation with stability and efficiency have been identified. The acculturation of Lower Ilim Evenki is considered on the basis of archival sources. The novelty of the work consists in the introduction into the scientific circulation of documents that allow you to reconstruct the course of economic and social changes — from the traditional commercial-reindeer herding lifestyle to settled lifestyle and a change in ethnic self-identification. It is noted that the attention to the mixed Evenki-Russian population from the side of researchers of the 1920s was associated with the search for theoretical positions for the transformation of the native economy.

Key words: Evenki; Tungus; settlement; yasak villages; Low Ilim foreign government; roving foreigners; nomadic foreigners; agriculture; reindeer husbandry; identity.

MATERIAL RESOURCES

- GAIO — *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti*. F. 461 — Nizhneilimskaya inorodnaya uprava. F.r-1468 — Irkutskiy upolnomochennyy komiteta sodeystviya malym narodnostyam Sibirskogo kraya. (In Russ.).
- Itogi predvaritel'nogo podscheta selskokhozyaystvennoy perepisi 1917 g. Irkutskoy gubernii*. (1919). Irkutsk. (In Russ.).
- Materialy Pripolyarnoy perepisi 1926 / 27 gg. V Sibirskom kraye, 1*. (1928—1929). Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 1*, 38 / 29126. (1830). Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 394—417. (In Russ.).
- Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya, 2. Okruga Severo-Vostochnoy Sibiri*. (1929). Novosibirsk: [b. i.].
- Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh selskokhozyaystvennoy promyshlennosti: 34*. (1904). Sankt-Peterburg: Tipografiya «Narodnaya polza». (In Russ.).

REFERENCES

- Dolgikh, B. O. (1960). Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII veke. In: *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya*, 55. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Khodukin, Ya. N. (2013). Tungusy reki Kochengi. In: Sirina, A. A. (sost.) *Provintsialnaya nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-ye gody*. Moskva: In-t etnologii i antropologii RAN; Irkutsk: [b. i.]. 338—362. (In Russ.).
- Kuryshov, A. M. (2017). Evenki Nizhnego Ilima v XVII — nachale XX veka. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya*, 18 (4): 693—715. (In Russ.).
- Larionov, D. D. (1870). *Ocherk ekonomicheskoy statistiki Irkutskoy gubernii. Statistika selskokhozyaystvennaya*. Irkutsk: Tipografiya N. N. Sinitsyna. (In Russ.).
- Mirotvortsev, K. N. (2013). Irkutskie yasachnyye. In: Sirina, A. A. (sost.) *Provintsialnaya nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-ye gody*. Moskva: In-t etnologii i antropologii RAN; Irkutsk: [b. i.]. 169—179. (In Russ.).

- Ngo, V. H. (2008). A critical examination of acculturation theories. *Critical Social Work*, 9 (1): 1—6.
- Patkanov, S. K. (1906). *Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri: na osnovanii danykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugih istochnikov, 1: Tungusy sobstvenno*. Sankt-Peterburg: Slovo. (In Russ.).
- Petri, B. E. (1930). *Okhota i olenevodstvo u tuturskikh tungusov v svyazi s organizatsiyey okhotokhozyaystva*. Irkutsk: Tip. izd. «Vlast' truda». (In Russ.).
- Ragulina, M. V. (2009). Traditsionnyye sposoby zhizneobespecheniya evenkov Pribaykalya. *Geografiya i prirodnyye resursy*, 2: 109—116. (In Russ.).
- Sherstoboyev, V. N. (1949). *Ilimskaya pashnya, I. Pashnya Ilimskogo voyevodstva XVII i nachala XVIII veka*. Irkutsk: Irkutskoye oblastnoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Sherstoboyev, V. N. (1957). *Ilimskaya pashnya, II. Ilimskiy kray vo II—IV chetvertyakh XVIII veka*. Irkutsk: Irkutskoye oblastnoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Sirina, A. A. (2013). Provintsialnaya nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-ye gody. In: Sirina, A. A. (sost.) *Provintsialnaya nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-ye gody*. Moskva: In-t etnologii i antropologii RAN; Irkutsk: [b. i.]. 8—50. (In Russ.).
- Sirina, A. A., Ragulina, M. V. (2009). Zemleustroystvo korennykh narodov v preddverii kollektivizatsii. In: *Promyslovoye khozyaystvo tuzemnogo i russkogo naseleniya v verkhov'yakh Nizhney Tunguski*. Irkutsk: IG SO RAN. 3—14. (In Russ.).
- Tugolukov, V. A. (1985). *Tungusy (evenki i eveny) Sredney i Zapadnoy Sibiri*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Скипина И. В. Феномен «Пермской катастрофы» 1918 года в оценке современных исследователей гражданской войны в России / И. В. Скипина, В. В. Московкин // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 451—468. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468.

Skipina, I. V., Moskovkin, V. V. (2020). The Phenomenon of “The Perm disaster” of 1918 in the Assessment of Modern Researchers of the Civil War in Russia. *Nauchnyi dialog*, 1: 451–468. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468. (In Russ.).

УДК 94(470.53)“1918”+930(47)“20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468

ФЕНОМЕН «ПЕРМСКОЙ КАТАСТРОФЫ» 1918 ГОДА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

© Скипина Ирина Васильевна (2020), orcid.org/0000-0001-7061-1403, SPIN 6537-8614, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), i.v.skipina@utmn.ru.

© Московкин Владимир Васильевич (2020), orcid.org/0000-0001-8115-1975, SPIN 3864-6126, доктор исторических наук, научный сотрудник Сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии», федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), v.v.moskovkin@utmn.ru.

Статья посвящена особенностям освещения феномена «Пермской катастрофы» современными исследователями Гражданской войны в России. Целью статьи является анализ публикаций, вышедших в свет в последнее десятилетие, по истории военной операции под Пермью в декабре 1918 года, подведение итогов и определение перспектив исследования данного вопроса. Отмечается, что историки установили причины, ход и итоги операции. Сообщается, что сегодня она рассматривается как пролог кардинального изменения положения на Восточном фронте. Авторы утверждают, что в результате пермской операции современники стали свидетелями не только поражения Красной армии, но и проявления мощи большевистской диктатуры. Обобщаются выводы, сделанные исследователями: пермские события привели к обострению военной, социально-экономической, политической ситуации на Восточном фронте, оказали негативное воздействие на повседневную жизнь. Показано, как современные историки определили значимость этих событий для их участников: большевики пришли к решению об усилении террора, белые — к выводу о необходимости проведения генерального наступления, население — к пониманию мира как важнейшей жизненной ценности. Подчеркивается, что наиболее перспективным в изучении темы стал комплексный подход, основанный на отказе от политизации и мифотворчества революционного прошлого.

Ключевые слова: «Пермская катастрофа»; Гражданская война; Колчак; историография; Красная армия; Восточный фронт; большевики; 1918.

1. Введение

Столетие Гражданской войны повысило интерес к этому глобальному событию, оказавшему влияние на весь ход мировой истории. Ученые единодушны в том, что война как социально-политическое явление нуждается в дальнейшем изучении, в том числе и военных операций, от которых во многом зависел ее исход. Это знание о прошлом необходимо не только для понимания его сущности, но и его последствий.

Цель статьи — выявить достижения и перспективные направления современной историографии пермских событий, произошедших на Восточном фронте зимой 1918—1919 годов. Задачи статьи: показать основные этапы изучения феномена «Пермской катастрофы»; подчеркнуть неугасающий интерес историков к этому событию; представить современную историографию проблемы как новый период в оценке «катастрофы», отличающийся комплексным подходом, смысловой насыщенностью и перспективными планами дальнейших разработок. В статье использованы следующие методы: систематизация, сравнительно-исторический и ретроспективный анализ, персонификация, множественность интерпретаций. В основе исследования лежит принцип использования непротиворечащих друг другу элементов цивилизационного и модернизационного подходов.

2. Основные этапы изучения феномена «Пермской катастрофы»

Термин «*Пермская катастрофа*» впервые был использован партийно-следственной комиссией в составе И. Сталина и Ф. Дзержинского в отчете Совнаркому для описания ситуации, сложившейся после оставления Перми Красной армией в декабре 1918 года. Его подхватили исследователи — современники Гражданской войны, жившие в разных социально-политических системах, в которых формировались разные исторические школы и методологии, не связанные между собой из-за непреодолимых политических барьеров. Историографы выяснили, что в 1920 — начале 1930-х годов внимание авторов было сосредоточено на военной стороне проблемы и освещении роли И. Сталина в пермских событиях. Историки объясняли поражение Красной армии растянутостью частей, ослаблением «пролетарского ядра», превосходством врага в боевой силе и технике, отсутствием резервов, слабой согласованностью действий и изменами военспецов. Авторы не учли, что большинство уральских крестьян поддерживало контрреволюцию, способствуя успеху Белой армии зимой 1918—1919 годах [Васьковский, 1981, с. 28]. Судя по публикациям участников белого движения, зима 1918—1919 годов на Восточном фронте стала временем подготовки к решительной схватке [Петров, 2004, с. 18]. Взятие Перми на них произ-

вело сильное впечатление, сопровождавшееся сожалением о том, что эта победа не получила развития [Сахаров, 1923, с. 51]. Некоторые отмечали, что управление войсками в Красной армии налажено лучше, чем в Белой. Белый генерал Г. И. Клерже пришел к заключению, что страной правит коммунистическая партия, отстаивающая самые строгие порядки [Клерже, 2012, с. 231—232]. Одни удивлялись тому, что колчаковцы не преследовали красных на западе — в направлении на Вятку. Другие считали, что белые не имели разработанного плана ведения военных операций [Будберг, 1993, с. 340]. Современные историографы подчеркивают, что в публикациях 1920 — 1930-х годов пермскую операцию, начавшуюся 29 ноября 1918 года и завершившуюся в конце января 1919 года, авторы называли катастрофой, занявшей центральное место в решении вопроса о дальнейших действиях как Красной, так и Белой армии, в результате которой колчаковцам не удалось развить наступление на Вятку, и они сосредоточились на уфимском направлении.

Советские историки 1930-х — первой половины 1950-х годов писали, что на Восточном фронте решалась судьба революции, а направление Пермь — Вятка — Котлас стало для белых, намеревавшихся воссоединиться с англичанами и овладеть Москвой, решающим. Историки обращали особое внимание на ошибки, допущенные Главнокомандующим И. Вацетисом, говорили о дезорганизующем воздействии на командование фронта Л. Троцкого. Поражение под Пермью виделось им катастрофой, от которой большевики быстро оправались при активном участии Сталина. О. А. Васьковский писал об ошибочном, противоречащем действительности заключении ученых о том, что пермское направление было решающим на Восточном фронте, являющимся шагом назад по сравнению с оценками этого факта, изложенными в более ранних работах [Васьковский, 1981, с. 60]. Публикации, вышедшие за пределами советской России, во многом зависели от методологических установок их авторов. Историки-марксисты, соглашались с мнением советских ученых, а исследователи, придерживающиеся иных теоретико-методологических установок, в основном опирались на воспоминания эмигрантов-участников событий. В публикациях все четче просматривалось убеждение авторов в усилении пролетарской диктатуры, особенно проявившееся после зимних операций 1918—1919 годов.

Вторая половина 1950 — 1980-е гг. характеризовались перемещением внимания от анализа военных аспектов событий к социально-политическим. Значимый вклад в исследование рассматриваемой проблемы внесла уральская историографическая школа во главе с О. А. Васьковским. Ученые характеризовали пермскую операцию как имеющую существен-

ное значение для обеих сторон и были уверены в том, что поражение под Пермью для красных не являлось катастрофой. Большинство исследователей стали употреблять термин «пермская операция». Для них это была неудачная операция Красной армии, от которой она быстро оправилась, в это время Восточный фронт не являлся главным фронтом республики и центр тяжести военных действий переместился на Юг [Васьковский и др., 1984, с. 6]. Советские войска, по мнению И. С. Капцуговича, «... так изматывали и обескровили противника, что его наступательный порыв значительно угас» [Капцугович, 1969, с. 67]. Выводы отечественной и зарубежной историографии во многом не совпадали. За рубежом преобладало мнение о том, что большевики не поддерживались населением, да и колчаковцы, не имевшие планов на будущее, надеявшиеся на иностранную помощь, теряли популярность. Авторы подвергали белых критике за непоследовательность и ошибки, объясняя победу большевиков умелым руководством и многочисленной армией, которую им удалось создать [Кенез, 1996].

1990—2000-е годы стали новым этапом в изучении проблемы, характеризующимся «методологическим прорывом» [Полторак, 2014], переходом к многофакторности анализа проблемы [Скипина, 2003], развитием научных школ [Камынин и др., 2004]. Появились публикации об отдельных видах исторических источников, важных для исследования темы, особое внимание стало уделяться периодической печати [Обухов, 2012], в том числе и зарубежной прессе [Волков и др., 2016]. Этот период положил начало формированию транснациональной историографии [Голдин, 2012]. Появилась возможность знакомиться с работами зарубежных коллег, дискутировать, рассматривать события Гражданской войны на фоне мировых [Брентон, 2017, с. 21]. Авторы вновь обратились к оценке деятельности И. Сталина и его соратников на Восточном фронте [Войтиков, 2017], а также лидеров белого движения [Бордюгов и др. 1998]. В историографических трудах выявились разноплановые тенденции в изучении темы — одни основаны на переоценке предшествующей историографии и постановке новых проблем, другие продолжают сложившуюся традицию в изучении вопроса. Многочисленные дискуссии в этом отношении вызывают работы Б. Н. Миронова, его оппонентов Б. П. Булдакова и Т. Г. Леонтьевой [Миронов, 2013; Булдаков и др., 2015]. В современных публикациях наметились основные направления изучения пермских событий. В их числе дальнейшая разработка военных и социально-экономических аспектов пермской трагедии, рассмотрение ее как гуманитарной катастрофы, исследование роли лидеров борющихся сторон в произошедшем, изучение воздействия этих событий на трансформацию идентичности.

3. Исследование военных аспектов «Пермской катастрофы» на современном этапе историографии

Историки продолжают изучение военных аспектов «Пермской катастрофы», соглашаясь с предшественниками в том, что оставление Перми 24 декабря явилось одним из крупных поражений Красной армии. Масштабы потерь хорошо известны историкам. Н. С. Ларьков пишет, что в период с 22 по 29 декабря советская сторона потеряла 8 тысяч убитыми, ранеными, без вести пропавшими. Материальные потери составили 29 орудий, 10 тысяч снарядов, 8 миллионов патронов, 297 паровозов, 3000 вагонов, 900 тысяч пудов нефти и керосина, 150 вагонов продовольствия и другого имущества. На сторону белых перешли несколько частей Красной армии [Ларьков, 2017, с. 115]. Современные исследователи согласны со своими предшественниками в том, что пермские события повлияли на ход Гражданской войны, и считают, что поражение приостановило наступление красных на северном участке Восточного фронта [Ратьковский, 2016, с. 110]. Однако Красная армия продемонстрировала способность быстро восстанавливаться после поражения и вскоре одержала крупную победу на Южном участке. Успех кардинально не изменил положение белых: им не удалось развить наступление и объединиться с английскими войсками, наступавшими со стороны Архангельска.

События 1918 года сегодня закономерно ассоциируются с изменениями, происходившими в мире. Ю. А. Петров считает необходимым рассматривать Гражданскую войну в России как следствие Первой мировой войны [Петров, 2018, с. 7]. Успехи Колчака этого периода многие авторы связывают с усилением помощи белогвардейцам со стороны стран-победительниц. Однако подчеркивают: это не привело к быстрой и окончательной победе над большевиками, война затягивалась [Холквист, 1999, с. 83—84]. Несомненно, мировые события не могли не влиять на внутренне состояние страны. Большевики надеялись, что в Германии произойдет революция, но их предположения не оправдались. Изучив сложившееся положение, С. В. Волков пришел к заключению: большевики не сложили руки, а делали все для победы в Гражданской войне, активно привлекали на свою сторону старых специалистов [Волков, 2002, с. 73]. При этом искренняя поддержка революции офицерами была редким случаем, считает А. В. Ганин, развал государства и армии чаще воспринимался ими как личная трагедия [Ганин, 2016, с. 13, 20, 25]. Именно поражение под Пермью, по утверждению И. Ратьковского, привело большевистское руководство к мысли о необходимости действовать жестко по отношению к офицерству, вплоть до расстрелов и массовых репрессивных расправ [Ратьковский, 2016, с. 116].

Историкам очевидно, что неудачи красных на Восточном фронте во многом обуславливались не только просчетами военных, но и социальными, политическими, экономическими причинами, без анализа которых вряд ли удастся объективно оценить сложившееся положение. Документальные свидетельства позволили Д. Г. Симонову доказать, что одной из решающих причин неудач 3-й Красной армии под Пермью стала деятельность контрразведки и белогвардейских партизанских отрядов, которые активизировали антибольшевистскую настроенность населения Пермской губернии [Симонов, 2010, с. 380], в то время как Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) не обладала разведывательной структурой и занималась выявлением фактов шпионажа в учреждениях и частях Красной армии [Кирмель, 2007, с. 61]. Современные историки отметили важность пермских событий в переоценке ситуации борющимися сторонами, в итоге это привело лидеров большевиков к усилению террора, а белых к подготовке генерального наступления.

4. Освещение современными историками социально-экономической стороны пермской трагедии

Исследователи уделяют значительное место освещению социально-экономического положения по обе стороны фронта, считая, что военные события находятся с ними в прямой зависимости. После прихода к власти Колчака 18 ноября 1918 года, отмечают ученые, произошли важные изменения ситуации в стране, стало очевидно, что «третий путь» развития страны оказался невозможен, террор стал будничным явлением [Нарский, 2001, с. 236]. Экономическая политика режимов была направлена на удовлетворение нужд фронта. Верховный правитель, сделав ставку на военное решение проблемы, утратил связь с населением [Домовитова, 2014, с. 46]. На подконтрольной большевикам территории к декабрю 1918 года также утвердилась диктаторская власть, которая сопровождалась террором и активной пропагандой преимуществ «диктатуры пролетариата» над «диктатурой буржуазии» [Ратьковский, 2017, с. 286—287]. Нельзя не согласиться с авторами, утверждающими, что террор был характерен для всех участников противоборства [Ратьковский, 2018, с. 8]. Исследователи приводят многочисленные доказательства проявления гуманитарной катастрофы на Урале. И. В. Нарский уверен, что применение властями насилия, поборов по отношению к мирному населению заставляло людей задуматься о своем будущем и будущем страны [Нарский, 2018, с. 48]. «Пермская катастрофа» стала переломным моментом в плане решения вопроса поведения в сложившейся ситуации. Обстановка в районе Перми оказалась мало предсказуемой, насе-

ление вынуждено было выжидать, адаптируясь к быстро меняющейся ситуации. И. Плотников, написавший, что весной 1919 года крестьянство Урала окончательно повернулось в сторону большевиков, поторопился [Плотников, 1994, с. 8]. Люди, даже пережив ужасы и белой, и красной диктатуры, испытывали трудности в решении вопроса о самоопределении. По мнению О. С. Поршневой основная масса населения не желала участвовать в войне [Поршнева, 2013, с. 50]. Данный тезис вполне обоснован и объясняет поведение людей, не имеющих четкой политической позиции зимой 1918—1919 годов, надеявшихся впоследствии поддержать тех, кто сможет создать условия для стабильного существования.

В настоящее время в центре исследований находятся истории рядовых участников событий. Ученые уверены, что повседневная жизнь во многом определила исход борьбы, от нее зависели настроения сторон и воля к победе, а растущие трудности приводили простых людей к мысли о мире как главной жизненной ценности. Пермская трагедия стала рассматриваться как явление многоплановое, как критический момент, ухудшивший не только положение большевиков, но и в целом ситуацию по обе стороны фронта. Событие, судя по всему, стало катализатором кризиса идентичностей, предопределив новые социальные тенденции, требующие дальнейшего изучения.

5. Верхушка противоборствующих сторон в оценке современных историков

О значимости событий на Восточном фронте свидетельствует факт посещения места пермской операции лидерами красного (Сталин, Дзержинский) и белого (Колчак) движений, за чем последовали важные решения, приведшие в марте 1919 года к военным столкновениям, определившим дальнейший ход войны. Сегодня активно исследуется роль лидеров противоборствующих сторон в трагических событиях. Авторы обращаются к фигуре И. Сталина, старясь объективно оценить его деятельность [Хлевнюк, 2015]. Получила свежую оценку миссия советских руководителей в Перми зимой 1919 года [Войтиков, 2013]. Авторы отметили результативность усилий И. Сталина по преодолению последствий «Пермской катастрофы» и восстановлению боеспособности частей Красной армии [Дубинин, 2009]. В итоге историки пришли к выводу, что пермская экспедиция укрепила позиции Сталина и привела к налаживанию его товарищеских отношений с Дзержинским [Ратьковский, 2016, с. 114]. С. С. Войтиков отметил завершение противостояния лидеров, имевшее место в 1918 — начале 1919 годов, победой И. Сталина [Войтиков, 2014, с. 43].

Не остается без внимания и авангард белого движения. Ряд публикаций последних лет посвящен Верховному правителю [Кручинин, 2010], его взглядам и идеологии [Хандорин, 2017]. Появились специальные работы о А. Пепеляеве, считающемся архитектором «Пермской катастрофы» [Звягин, 2012]. В центре внимания ученых продолжает оставаться фигура Колчака, большинство из них считает, что диктатору не доставало твердости и организаторского опыта, это особенно ярко проявилось в области гражданского управления [Пайпс, 2005]. Сразу после пермской операции образ Верховного правителя, по мнению В. В. Журавлева, приобрел вождистский характер. На фоне успехов белых на Восточном фронте сторонникам Колчака удалось создать портрет успешного военачальника, который стал знаменем и выразителем идеологической платформы контрреволюции [Журавлев, 2017, с. 28]. Историки едины в том, что лидеры белых так и не смогли представить конструктивной, привлекательной большинству населения программы, выдвинув лозунг «непредрешения» будущего общественного развития России. Не удалось и объединение белого движения, что порождало неуверенность союзников в устойчивости военной диктатуры [Шлемев, 2017, с. 39—40]. Превосходство политических и военных лидеров красных, которые имели четкие планы и доносили их населению, Э. Модсли считает одной из основных причин их победы в Гражданской войне [Модсли, 2017, с. 230]. В представлении современных исследователей даже заметные участники белого движения, как правило, не являлись харизматичными людьми. Особой привлекательностью, по их мнению, выделялся А. Пепеляев, который был близок с солдатами и командирами, именно ему они отдают пальму первенства в успехе пермской операции [Ларьков, 2017, с. 102]. В отличие от большевиков, утверждают многие историки, лидеры белого движения имели авторитет в военном деле, но слабо разбирались в политических вопросах. В свою очередь большевики, являясь менее подготовленными в военном отношении и более сильными в идеологическом плане, вынуждены были привлекать специалистов царской армии, но при этом постоянно контролировать их благонадёжность.

В изучении персоналий исследователи сделали достаточно много, но наметившийся «антропологический поворот» нельзя считать законченным, важно показать специфику и значимость индивидуальных решений в условиях гражданского противостояния, остаются актуальными вопросы о кризисе самоидентичности, пережитом представителями разных политических лагерей и взглядов, характерном для эпохи революционных перемен.

6. Современные исследования о роли идеологии в противостоянии сторон

В XX веке на смену традиционным войнам пришли идеологические, чего не понял Колчак и его союзники, считая, что победу над большевиками можно одержать исключительно на поле боя [Московкин, 2018, с. 286]. Отсутствие единства в Белом движении выявилось в процессе обсуждения их лидерами дальнейших военных действий, которое состоялось после завершения Пермской операции. М. А. Облицов объясняет дискуссии белогвардейской элиты по вопросу определения главного удара несогласованностью общей цели, хотя цель могла бы сплотить сторонников Колчака [Облицов, 2018, с. 116]. И это в то время как коммунисты, при участии многочисленных агитаторов, работали с населением, объясняя рядовым гражданам, что их «классовые интересы» далеки от белогвардейских идеалов, таким образом, пропагандистская машина большевиков закладывала дальнейшие победы Красной армии. Лидеры белого движения не смогли быстро отреагировать на вызов времени, сделав идеологию действенной силой своего движения. По мнению М. Г. Нечаева, пропагандистская машина Колчака работала менее эффективно, чем большевистская [Нечаев, 2004, с. 244]. По мнению Р. Пайпса, белое движение потерпело неудачу прежде всего по причине идеологического банкротства, крайней контрреволюционности, неспособности понять чаяния народа [Пайпс, 2005, с. 68—69]. В. П. Булдаков считает, что большевики представили свой проект преодоления общественных противоречий, который вызывал доверие у значительной части населения в первую очередь своей новизной [Булдаков, 2017, с. 152]. Советские лидеры действительно предложили альтернативу старой одряхлевшей системе, предлагаемой белыми.

П. Холквист, по мнению которого война была тесно связана с новыми достижениями в политике управления массами, отстаивая тезис о самомобилизации общества, поставил вопрос о деятельности органов «осведомления», задача которых состояла в изучении настроений населения. Он пишет, что с осени 1918 года армейские политотделы регулярно составляли донесения о настроениях в воинских частях и вели постоянное наблюдение за гражданским населением в тылу. Система осведомления вскоре «расползлась» по всем «закоулкам» советского государственного аппарата, помогая большевикам усиливать роль идеологии в военном противостоянии [Холквист, 1999, с. 92]. В то же время учеными пока слабо исследуются практики политической и идеологической борьбы, которые использовали порожденные революцией общественные организации, взявшие на вооружение радикальные идеологии. Лидеры стремились различными

средствами склонить людей к поддержке своих взглядов, в том числе используя любой повод для мифологизации революционных событий.

7. О постановке проблемы идентичности в новейшей историографии

Проблемы идентичности по-прежнему принадлежат к числу малоисследованных, хотя историкам понятно, что от самоопределения людей во многом зависел исход войны. Ученые отмечают, что взятие белыми Перми представлялось А. Колчаку началом перелома в ходе войны. Однако «катастрофа» показала, что решающего успеха белые не достигли, так как усматривали источники побед в военной сфере, в помощи из-за рубежа, а не в доверии и поддержке народа, который в это время делал выбор между властями, стараясь уклониться от войны, о чем свидетельствует рост дезертирства из армейских частей. Бегство офицеров и солдат от красных к белым и наоборот авторы связывают с массовыми мобилизациями [Долгова, 2016, с. 16]. Историки подошли к пониманию того, что зима 1918—1919 годов стала временем раздумий, поиска идентичности, когда солдаты, будучи в большинстве своем крестьянами и рабочими, осознали, что главное реальный, а не обещанный мир, и они постепенно приходили к заключению о необходимости поддерживать тех, кто ближе к мирному решению насущных проблем.

В последнее время исследователи уделяют большое внимание вопросу самоопределения бывших офицеров. Одни пишут, что к середине 1918 года российское офицерство перестало существовать как единое сообщество и было разделено не только фронтами, но и предстало социально, морально и идейно разобщенным [Гребенкин, 2015, с. 473—478]. Другие представляют самоопределение военных сложным процессом. В большинстве своем, считают эти авторы, офицеры и солдаты думали, что не изменили присяге и продолжали служить Родине, делая выбор в пользу советской власти. В Красной армии выплачивали довольствие, которое помогало выжить в трудных условиях, но офицеры, пишет А. В. Ганин, нередко убегали от большевиков при первой же возможности [Ганин, 2016, с. 528]. Поведение офицерской элиты, считает С. И. Константинов, зависело от мотивов поступления на службу, отношения к ним властей, сослуживцев, бытовых обстоятельств [Константинов, 2013, с. 53—54].

Исследователи единодушны, говоря о том, что Колчак столкнулся с противником, имевшим четкие цели и идеи, обладавшим мощной революционной мотивацией и волей к победе, хорошо понимающим, что борьба будет жесткой и потребуются идти до победного конца. Диктатор руководствовался малопонятным большинству населения страны принци-

пом непредрешения. В. Ленин же предложил, подчеркивает В. С. Измозик, новую идею, объединяющую рядовых граждан, — идею социализма [Измозик, 2017, с. 483]. У большевиков, несмотря на военное поражение под Пермью, имелись как сторонники, так и противники на территории губернии. Нельзя отрицать, что большевистские взгляды продолжали проникать в умы людей. Становилось ясно, что общественный раскол имел глубинный характер, его невозможно было преодолеть военным путем, хотя исход войны еще не представлялся очевидным. На Урале, оказавшемся в центральной зоне военного конфликта, И. Нарский заметил процесс трансформации идентичности [Нарский, 2004, с. 222—223]. Он отстаивает идею дальнейшего исследования идентичностей на основе самых разных источников, предупреждая о неплототворности объяснения советской истории путем заимствований из зарубежных изданий [Нарский, 2017, с. 162]. В. П. Булдаков убежден в перспективности изучения истории Гражданской войны на основе методологии исторической памяти и исторической травмы [Булдаков, 2007, с. 114—115]. Думается, предложенный им подход может способствовать исследованию гуманитарной сущности пермской трагедии. Многие проблемы, связанные с освещением Гражданской войны, по утверждению Ш. Фицпатрик, связаны с тем, что ученые продолжают рассматривать события, используя теорию классовой борьбы, в то время как логично ставить вопрос об изучении идентичности [Фицпатрик, 2011, с. 41]. Кроме того, исследователь делает вывод, что создаваемый историками образ человека в конкретных жизненных обстоятельствах является ненадежным и уязвимым, поэтому изучение процессов самоидентификации необходимо продолжить, используя новые теоретико-методологические подходы, расширяя источниковую базу темы, включая эгоисточники [Narsky, 2013].

8. Заключение

События на Восточном фронте 1918—1919 годов являются предметом пристального внимания историков, вызывая острые дискуссии. На повестку дня поставлен вопрос о переосмыслении имеющегося историографического ресурса. Термин *«Пермская катастрофа»* сегодня активно используется авторами с целью отражения всеобъемлющего негативного воздействия военных событий на все стороны жизни общества, сопровождающегося невосполнимыми утратами. Достижением является то, что пермская трагедия в настоящее время исследуется в контексте мировой истории, рассматривается как событие, ставшее преддверием решающих боев, как проявление целого комплекса военных, социально-экономиче-

ских, личностных проблем, приведших современников к мысли, что в войне должен победить тот, кто способен обеспечить надежный мир. Прогресс в изучении истории повседневности позволил обоснованно говорить об изменениях в настроении населения, сопровождающихся разочарованием как в белых, так и в красных. На основе источников исследователи приходят к выводу о том, что, несмотря на поражение под Пермью, вскоре стала проявляться растущая уверенность большевиков в победе и неспособность А. В. Колчака переломить ситуацию. Отказ от классового подхода стимулировал изучение кризисных моментов, в которые людьми решался вопрос о самоопределении. Феномен «Пермской катастрофы» необходимо переосмыслить с позиции понимания его как рубежного факта в истории противостояния сторон, во многом определившего дальнейший ход военных операций на Восточном фронте. Пермская трагедия нуждается в дальнейшем анализе, прежде всего, как гуманитарная катастрофа. Необходимо исследование вопросов трансформации идентичности, наметившейся зимой 1918—1919 годов, о которой уже говорят некоторые историки, так как этот процесс стал прологом самоопределения населения и приблизил завершение Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бордюгов Г. А.* Белое дело : идеология, основы, режимы власти : историографические очерки / Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков, В. Ю. Чураков. — Москва : Русский мир, 1998. — 320 с.
2. *Будберг А.* Дневник белогвардейца / А. Будберг // Архив русской революции. — Москва : «ТЕРРА», 1993. — Т. 15—16. — С. 254—345.
3. *Булдаков В. П.* Война, породившая революцию / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. — Москва : Новый хронограф, 2015. — 720 с.
4. *Булдаков В. П.* Революция и гражданская война как травма исторической памяти / В. П. Булдаков // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. — 2007. — Вып. 4. — С. 98—115.
5. *Булдаков В. П.* Революция, эмоции, политика : к переосмыслению событий 1914—1917 гг. / В. П. Булдаков // Политическая концептология. — 2017. — № 2. — С. 147—180.
6. *Васьковский О. А.* Историография и социально-политические проблемы истории Гражданской войны на Урале / О. А. Васьковский. — Свердловск : УрГУ, 1981. — 76 с.
7. *Васьковский О. А.* Современная историография истории Урала периода Гражданской войны (1918—1920) / О. А. Васьковский, А. Т. Тертышный. — Екатеринбург : УрГУ, 1984. — 94 с.
8. *Войтиков С. С.* Новейшая историография деятельности И. В. Сталина в годы Гражданской войны / С. С. Войтиков // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Востоковедение. — 2017. — № 8 (29). — С. 122—129.
9. *Войтиков С. С.* «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова / С. С. Войтиков // Военно-исторический журнал. — 2013. — № 8. — С. 19—25.

10. *Войтиков С. С.* «Председатель ЦК» : Я. М. Свердлов в политической борьбе 1918 — начала 1919 года / С. С. Войтиков // Российская история. — 2014. — № 1. — С. 24—43.
11. *Волков Е. В.* «Русский Вашингтон» или сибирский диктатор? Образы и оценки А. В. Колчака как Верховного правителя в американской прессе (1918—1920) / Е. В. Волков, Д. Д. Ирвин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. — 2016. — Вып. 4. — С. 104—123.
12. *Волков Е. В.* А. В. Колчак как политик : образы и оценки Верховного правителя в британской прессе (1918—1920 годы) / Е. В. Волков, Д. Д. Ирвин // Новый исторический вестник. — 2016. — № 47. — С. 87—101.
13. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства / С. В. Волков. — Москва : Центрполиграф, 2002. — 509 с.
14. *Ганин А. В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком / А. В. Ганин. — Москва : Кучково поле, 2016. — 680 с.
15. *Голдин В. И.* Гражданская война в России сквозь призму лет : историографические процессы / В. И. Голдин. — Мурманск : МГГУ, 2012. — 333 с.
16. *Гребенкин И. Н.* Долг и выбор : Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914—1918 гг. / И. Н. Гребенкин. — Москва : АИРО—XXI, 2015. — 528 с.
17. *Долгова А. В.* Дезертирство из Красной армии и борьба с ним в 1918—1920 гг. как конфликт между властью и населением (на материалах Пермской губернии) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. В. Долгова. — Москва : РГГУ, 2016. — 26 с.
18. *Домовитова П. Я.* Проблема «двоевластия» на Урале в условиях режима А. В. Колчака (декабрь 1918 г. — апрель 1919 г.) / П. Я. Домовитова // Вестник Пермского университета. — 2014. — Вып. 2 (25). — С. 42—50.
19. *Дубинин Д. В.* Участие Сталина в ликвидации последствий Пермской катастрофы / Д. В. Дубинин // Исторические науки. — 2009. — № 6. — С. 13—17.
20. *Журавлев В. В.* Поездка А. В. Колчака на фронт 26 февраля 1919 г. : идеологический дизайн / В. В. Журавлев // Развитие территории. — 2017. — № 4 (10). — С. 24—35.
21. *Звягин С. П.* В. Н. Пепеляев : судьба либерала из Сибири в начале XX века / С. П. Звягин. — Томск : Изд-во Томского политехнического ун-та, 2012. — 342 с.
22. *Измозик В. С.* Общие вопросы истории революции : дискуссия / В. С. Измозик // Эпоха войн и революций 1914—1922 : материалы международного colloquium. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — С. 409—487.
23. *Камынин В. Д.* Уральская историографическая школа / В. Д. Камынин, Е. А. Цыпина // Известия Уральского государственного университета. Серия история 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2004. — Вып. 15. — № 29. — С. 67—75.
24. *Капцегович И. С.* Прикамье в огне Гражданской войны / И. С. Капцегович. — Пермь : Пермское книжное изд-во, 1969. — 132 с.
25. *Кенез П.* Западная историография гражданской войны в России [Электронный ресурс] / П. Кенез // Россия XIX—XX вв. Взгляд зарубежных историков. — Москва, 1996. — Режим доступа : <http://annales.info/rus/small/kenez.htm>.
26. *Кирмель Н. С.* Деятельность контрреволюционных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918—1922) / Н. С. Кирмель. — Москва : ВУ, 2007. — 136 с.
27. *Клерже Г. И.* Революция и Гражданская война. Личные воспоминания / Г. И. Клерже. — Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. — 544 с.

28. *Константинов С. И.* Специфика Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе и военная интеллигенция России / С. И. Константинов // Интеллигенция и мир. — 2013. — № 2. — С 37—59.
29. *Кручинин А. С.* Адмирал Колчак : жизнь, подвиг, память / А. С. Кручинин. — Москва : АСТ, 2010. — 540 с.
30. *Ларьков Н. С.* Сибирский белый генерал / Н. С. Ларьков. — Томск : Издательство Томского университета, 2017. — 312 с.
31. *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации / Б. Н. Миронов. — Москва : Весь мир, 2013. — 336 с.
32. *Модсли Э.* Поворот в Гражданской войне. Ноябрь 1918 / Э. Модсли // Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции / Э. Модсли. — Москва : Альпина нонфикшн, 2017. — С. 237—256.
33. *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917—1921 гг.) / В. В. Московкин. — Тюмень : ТюмГУ, 2018. — 292 с.
34. *Нарский И. В.* Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917—1922 гг. / И. В. Нарский // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 20. — № 3 (178). — С. 44—58.
35. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 632 с.
36. *Нарский И. В.* Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский // Ab Imperio. — 2004. — № 2. — С. 222—223.
37. *Нарский И. В.* Октябрьская революция 1917 года в советской и российской коллективной памяти / И. В. Нарский // Вестник ВЭГУ. — 2017. — № 2 (88). — С. 151—164.
38. *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений : 1917—1922 / М. Г. Нечаев. — Пермь : УрГУ, ПГПУ, 2004. — 335 с.
39. *Облицов М. А.* Гражданская война в России : социально-экономические причины поражения белого движения / М. А. Облицов // Державинский форум. — 2018. — № 5. — С. 109—119.
40. *Обухов Л.* Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны (на примере газет г. Перми периода колчаковщины) / Л. Обухов // Власть. — 2012. — № 4. — С. 131—133.
41. *Пайнс Р.* Русская революция : В 3 кн. Россия под большевиками. 1918—1924 / Р. Пайнс. — Москва : Захаров, 2005. — Кн. 3. — 696 с.
42. *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых / П. П. Петров // Восточный фронт адмирала Колчака / Сост. С. В. Волков. — Москва : Центрполиграф, 2004. — С. 7—60.
43. *Петров Ю. А.* Великая Российская революция : проблемы исторической памяти / Ю. А. Петров // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. — 2018. — № 1. — С. 6—9.
44. *Плотников И. Ф.* Смута / И. Ф. Плотников. — Уфа : Капитал, 1994. — 196 с.
45. *Полторак С. Н.* Современная историография Гражданской войны в России и перспективы ее развития / С. Н. Полторак // Проблемы истории и историографии : сборник докладов межвузовской научной конференции. — Санкт-Петербург : СПбГУТ, 2014. — Т. 2. — С. 16—29.

46. *Поршнева О. С.* Власть и рабочие Урала : эволюция взаимоотношений в условиях Гражданской войны / О. С. Поршнева // Российская история. — 2013. — № 1. — С. 47—62.
47. *Ратьковский И. С.* «Пермская катастрофа» Красной армии и становление стратегии террора железного Феликса / И. С. Ратьковский // *Questio Rossia*. — 2016. — № 3. — С. 109—118.
48. *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.) / И. С. Ратьковский. — Москва : Алгоритм, 2018. — 512 с.
49. *Ратьковский И. С.* Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции / И. С. Ратьковский. — Москва : Алгоритм, 2017. — 512 с.
50. *Сахаров К.* Белая Сибирь. Борьба за власть / К. Сахаров. — Мюнхен : [б. и.], 1923. — 325 с.
51. *Симонов Д. Г.* Белая армия в 1918 году / Д. Г. Симонов. — Новосибирск : НГУ, 2010. — 610 с.
52. *Скипина И. В.* Человек в условиях Гражданской войны на Урале / И. В. Скипина. — Тюмень : ТюмГУ, 2003. — 276 с.
53. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! : Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 375 с.
54. *Хандорин В. Г.* Национальная идея адмирала Колчака / В. Г. Хандорин. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — 624 с.
55. *Хлевнюк О. В.* Сталин. Жизнь одного вождя / О. В. Хлевнюк. — Москва : АСТ, 2015. — 464 с.
56. *Холквист П. С.* Тотальная мобилизация и политика населения : российская катастрофа (1914—1921) в европейском контексте / П. С. Холквист // Россия и Первая мировая война : материалы международного научного colloquium. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — С. 83—102.
57. *Шмелев А. В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918—1919 гг.) / А. В. Шмелев. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 266 с.

THE PHENOMENON OF “THE PERM DISASTER” OF 1918 IN THE ASSESSMENT OF MODERN RESEARCHERS OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA

© **Irina V. Skipina** (2020), orcid.org/0000-0001-7061-1403, SPIN 6537-8614, Doctor of History, professor, Department of Documentation System and Document Management, University of Tyumen (Tyumen, Russia), i.v.skipina@utmn.ru.

© **Vladimir V. Moskovkin** (2020), orcid.org/0000-0001-8115-1975, SPIN 3864-6126, Doctor of History, researcher, Network Research Center “Man, Nature, Technologies”, University of Tyumen (Tyumen, Russia), v.v.moskovkin@utmn.ru.

The article is devoted to the peculiarities of presentation of the phenomenon of “Perm disaster” by modern researchers of the Civil War in Russia. The purpose of the article is to analyze publications published in the last decade on the history of the military operation near Perm in December 1918, to summarize and determine the prospects for studying this issue.

It is noted that historians have established the causes, course and results of the operation. It is reported that today it is seen as a prologue to a cardinal change in the situation on the Eastern Front. The authors claim that as a result of the Perm operation, contemporaries witnessed not only the defeat of the Red Army, but also the manifestation of the power of the Bolshevik dictatorship. The conclusions made by researchers are summarized: Permian events led to an aggravation of the military, socio-economic, and political situation on the Eastern Front and had a negative impact on everyday life. It is shown how modern historians have determined the significance of these events for their participants: the Bolsheviks came to the decision to intensify terror, the white — to the conclusion that a general offensive was necessary, the population — to the understanding of the world as the most important life value. It is emphasized that the most promising in the study of the topic has become an integrated approach based on the rejection of politicization and myth-making of the revolutionary past.

Key words: "Perm disaster"; Civil War; Kolchak; historiography; Red Army; Eastern front; the Bolsheviks; 1918.

REFERENCES

- Bordyugov, G. A., Ushakov, A. I., Churakov, V. Yu. (1998). *Beloye delo: ideologiya, osnovy, rezhimy vlasti: istoriograficheskiye ocherki*. Moskva: Russkiy mir.
- Budberg, A. (1993). Dnevnik belogvardeytza. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii, 15—16*. Moskva: «TERRA». 254—345.
- Buldakov, V. P. (2007). Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna kak travma istoricheskoy pamyati. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 4: 98—115.
- Buldakov, V. P. (2017). Revolyutsiya, emotsii, politika: k pereosmysleniyu sobyitiy 1914—1917 gg. *Politicheskaya kontseptologiya*, 2: 147—180.
- Buldakov, V. P., Leontyeva, T. G. (2015). *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu*. Moskva: Novyy khronograf.
- Dolgova, A. V. (2016). *Dezertirstvo iz Krasnoy armii i borba s nim v 1918—1920 gg. kak konflikt mezhdru vlastyu i naseleniyem (na materialakh Permskoy gubernii): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva: RGGU.
- Domovitova, P. Ya. (2014). Problema «dvoevlastiya» na Urale v usloviyakh rezhima A. V. Kolchaka (dekabr' 1918 g. — aprel' 1919 g.). *Vestnik Permskogo universiteta*, 2 (25): 42—50.
- Dubinin, D. V. (2009). Uchastiye Stalina v likvidatsii posledstviy Permskoy katastrofy. *Istoricheskkiye nauki*, 6: 13—17.
- Fitspatrik, Sh. (2011). *Sryvayte maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossi XX veka*. Moskva: ROSSPEN.
- Ganin, A. V. (2016). *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom*. Moskva: Kuchkovo pole.
- Goldin, V. I. (2012). *Grazhdanskaya voyna v Rossii skvoz' prizmu let: istoriograficheskiye protsessy*. Murmansk: MGGU.
- Grebenkin, I. N. (2015). *Dolg i vybor: Russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii. 1914—1918 gg*. Moskva: AIRO—XXI.
- Izmozik, V. S. (2017). Obshchiye voprosy istorii revolyutsii: diskussiya. In: *Epokha voyn i revolyutsiy 1914—1922: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. 409—487.

- Kamynin, V. D., Tsykina, E. A. (2004). Uralskaya istoriograficheskaya shkola. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, 15 (29): 67—75.
- Kaptsugovich, I. S. (1969). *Prikamye v огне Grazhdanskoy voyny*. Perm': Permskoye knizhnoye izd-vo.
- Kenez, P. (1996). Zapadnaya istoriografiya grazhdankoy voyny v Rossii. In: *Rossiya XIX—XX vv. Vzgl'yad zarubezhnykh istorikov*. Moskva. Available at: <http://annales.info/rus/small/kenez.htm>.
- Khandorin, V. G. (2017). *Natsionalnaya ideya admirala Kolchaka*. Moskva: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
- Khlevnyuk, O. V. (2015). *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya*. Moskva: AST.
- Kholkvist, P. S. (1999). Totalnaya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiyskaya katastrofa (1914—1921) v yevropeyskom kontekste. In: *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 83—102.
- Kirmel', N. S. (2007). *Deyatel'nost' kontrrevolyutsionnykh organov belogvardeyskikh pravitelstv i armiy v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii (1918—1922)*. Moskva: VU.
- Klerzhe, G. I. (2012). *Revolutsiya i Grazhdanskaya vojna. Lichnye vospominaniya*. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
- Konstantinov, S. I. (2013). Spetsifika Grazhdanskoy voyny v Uralo-Povolzhskom regione i voyennaya intelligentsiya Rossii. *Intelligentsiya i mir*, 2: 37—59.
- Kruchinin, A. S. (2010). *Admiral Kolchak: zhizn', podvig, pamyat'*. Moskva: AST.
- Larkov, N. S. (2017). *Sibirskiy belyy general*. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta.
- Mironov, B. N. (2013). *Strasti po revolyutsii. Nravny v rossiyskoy istoriografii v vek informatsii*. Moskva: Ves' mir.
- Modslj, E. (2017). Povorot v Grazhdanskoy vojne. Noyabr' 1918. In: *Istoricheskaya neizbezhnost'? Klyuchevyye sobytiya russkoy revolyutsii*. Moskva: Alpina nonfikshn. 237—256.
- Moskovkin, V. V. (2018). *Protivoborstvo politicheskikh na Urale i v Zapadnoy Sibiri v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (1917—1921 gg.)*. Tyumen': TyumGU.
- Narskiy, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917—1922 gg.* Moskva: ROSSPEN.
- Narskiy, I. V. (2004). Konstruirovaniye mifa o grazhdanskoy vojne i osobennosti kollektivnogo zabyvaniya na Urale v 1917—1922 gg. *Ab Imperio*, 2: 222—223.
- Narskiy, I. V. (2017). Oktyabrskaya revolyutsiya 1917 goda v sovetskoy i rossiyskoy kollektivnoy pamyati. *Vestnik VEGU*, 2 (88): 151—164.
- Narskiy, I. V. (2018). Grazhdanskaya vojna, migratsiya i humanitarnaya katastrofa v Rossii 1917—1922 gg. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*, 20 (3 / 178). 44—58.
- Nechayev, M. G. (2004). *Tserkov' na Urale v period velikikh potryaseniy: 1917—1922*. Perm': UrGU, PGPU.
- Oblitsov, M. A. (2018). Grazhdanskaya vojna v Rossii: sotsialno-ekonomicheskiye prichiny porazheniya belogo dvizheniya. *Derzhavinskiy forum*, 5: 109—119.
- Obukhov, L. (2012). Periodicheskaya pechat' kak istochnik po istorii Grazhdanskoy voyny (na primere gazet g. Permi perioda kolchakovshchiny). *Vlast'*, 4: 131—133.

- Payps, R. (2005). *Russkaya revolyutsiya: V 3 kn. Rossiya pod bolshevikami. 1918—1924, 3*. Moskva: Zakharov.
- Petrov, P. P. (2004). Ot Volgi do Tikhogo okeana v ryadakh belykh. In: *Vostochnyy front admiral Kolchaka*. Moskva: Tsentrpoligraf. 7—60.
- Petrov, Yu. A. (2018). Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya: problemy istoricheskoy pamyati. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik finansovogo universiteta, 1*: 6—9.
- Plotnikov, I. F. (1994). *Smuta*. Ufa: Kapital.
- Poltorak, S. N. (2014). Sovremennaya istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii i perspektivy yeye razvitiya. In: *Problemy istorii i istoriografii: sbornik dokladov mezvuzovskoy nauchnoy konferentsii, 2*. Sankt-Peterburg: SPbGUT. 16—29.
- Porshneva, O. S. (2013). Vlast' i rabochiye Urala: evolyutsiya vzaimootnosheniy v usloviyakh Grazhdanskoy voyny. *Rossiyskaya istoriya, 1*: 47—62.
- Ratkovskiy, I. S. (2016). «Permskaya katastrofa» Krasnoy armii i stanovleniye strategii terrora zheleznogo Feliksa. *Questio Rossia, 3*: 109—118.
- Ratkovskiy, I. S. (2017). *Khronika krasnogo terrora VChK. Karayushchiy mezh revolyutsii*. Moskva: Algoritm.
- Ratkovskiy, I. S. (2018). *Khronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy (1917 — 1920 gg.)*. Moskva: Algoritm.
- Sakharov, K. (1923). *Belaya Sibir'. Borba za vlast'*. Myunkhen: [b. i.].
- Shmelev, A. V. (2017). *Vneshnyaya politika pravitelstva admirala Kolchaka (1918—1919 gg.)*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Simonov, D. G. (2010). *Belaya armiya v 1918 godu*. Novosibirsk: NGU.
- Skipina, I. V. (2003). *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale*. Tyumen': TyumGU.
- Vaskovskiy, O. A. (1981). *Istoriografiya i sotsialno-politicheskiye problemy istorii Grazhdanskoy voyny na Urale*. Sverdlovsk: UrGU.
- Vaskovskiy, O. A., Tertyshnyy A. T. (1984). *Sovremennaya istoriografiya istorii Urala perioda Grazhdanskoy voyny (1918—1920)*. Ekaterinburg: UrGU.
- Volkov, S. V. (2002). *Tragediya russkogo ofitserstva*. Moskva: Tsentrpoligraf.
- Volkov, E. V., Irvin, D. D. (2016). A. V. Kolchak kak politik: obrazy i otsenki Verkhovnogo pravatelya v britanskoy presse (1918—1920 gody). *Novyy istoricheskiy vestnik, 47*: 87—101.
- Volkov, E. V., Irvin, D. D. (2016). «Russkiy Vashington» ili sibirskiy diktator? Obrazy i otsenki A. V. Kolchaka kak Verkhovnogo pravatelya v amerikanskoy presse (1918—1920). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya, 4*: 104—123.
- Voytikov, S. S. (2013). «Permskaya katastrofa» Lva Trotskogo i Yakova Sverdlova. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal, 8*: 19—25.
- Voytikov, S. S. (2014). «Predsedatel' TsK»: Ya. M. Sverdlov v politicheskoy borbe 1918 — nachala 1919 goda. *Rossiyskaya istoriya, 1*: 24—43.
- Voytikov, S. S. (2017). Noveyshaya istoriografiya deyatelnosti I. V. Stalina v gody Grazhdanskoy voyny. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Vostokovedeniye, 8 (29)*: 122—129.
- Zhuravlev, V. V. (2017). Poyezdka A. V. Kolchaka na front 26 fevralya 1919 g.: ideologicheskoy dizayn. *Razvitiye territorii, 4 (10)*: 24—35.
- Zvyagin, S. P. (2012). *V. N. Pepelyayev: sudba liberala iz Sibiri v nachale XX veka*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo un-ta.

Спичак А. В. Добровольный уход духовных лиц в светское ведомство в первой половине XIX века: причины, результаты и порядок делопроизводства (по материалам Тобольской духовной консистории) / А. В. Спичак // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 469—483. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-469-483.

Spichak, A. V. (2020). Voluntary Departure of Clergy in the Secular Department in the First Half of the XIX Century: Causes, Results and Procedure of Office Work (on the Materials of the Tobolsk Spiritual Consistory). *Nauchnyi dialog*, 1: 469-483. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-469-483. (In Russ.).

УДК 930.253+94(47).06/.08+348.03(571.12)“18”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-469-483

ДОБРОВОЛЬНЫЙ УХОД ДУХОВНЫХ ЛИЦ В СВЕТСКОЕ ВЕДОМСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПРИЧИНЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОРЯДОК ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ)¹

© Спичак Александра Владимировна (2020), orcid.org/0000-0003-2223-8039, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований социальных систем, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный университет» (Нижегород, Россия), spichak-89@mail.ru.

Актуальность исследования во многом обусловлена тем, что в настоящее время, как и в рассматриваемый в статье период, многие духовные лица оставляют работу в церкви, а в период возрождения Русской православной церкви это может стать для нее существенной проблемой. Решение настоящего вопроса предполагает и необходимость изучения истории данного явления. Автор, исходя из содержания законодательных актов и с учетом трактовок современных учёных, рассмотрел одну из главных проблем в Русской православной церкви на протяжении XVIII — первых лет XX веков — добровольный уход духовных лиц в светское ведомство. В статье на основании архивных документов раскрываются основные причины, побуждающие молодых лиц духовного ведомства искать место службы в светских учреждениях в первой половине XIX века, результаты решения подобных дел Тобольской духовной консисторией, сроки и этапы делопроизводства. Методологической основой данного исследования послужили важнейшие принципы исторической науки, прежде всего такие, как системность, историзм, междисциплинарность и научная объективность, что позволило рассмотреть изучаемые явления в динамике и взаимодействии.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Тобольская епархия; Тобольская духовная консистория; добровольный уход в светское ведомство; причины данного явления; делопроизводство.

¹ Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (Конкурс — МК-2018) (МК-3701.2018.6).

1. Введение

Во все времена находилось немало священнических детей, решавших делать светскую карьеру [Кравецкий, 2018]. Однако были и те, кто изначально желал остаться в духовном ведомстве, но определенные обстоятельства вынуждали его перейти в разряд светских лиц. Изучению таких факторов посвящена настоящая статья.

Следует согласиться с мнением известного казанского ученого П. В. Знаменского о том, что «духовное звание не только не привлекало к себе посторонних людей, но еще в XVIII в. должно было почти силой удерживать у себя и своих природных членов, которые так и рвались из него на сторону, на разные пути более выгодной светской службы» [Знаменский, 1873]. Данный вывод подтверждают обнаруженные нами архивные документы. Например, выписка из журнала Тобольской духовной консистории (далее — ТДК) от 9 сентября 1869 года содержит замечания о том, что при относительно высоком жаловании «все <...> из семинарии ученики считают для себя за лучшее <...> служить в присутственных местах гражданского ведомства, где сравнительно и труда бывает меньше <...> и где скорее представляется возможность достигать повышения в должностях» [ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 11, д. 1023, лл. 1 об. — 2].

Неудовлетворительное материальное и социальное положение духовенства представлялось в отдельных работах как следствие недостаточной заботы о нем со стороны государства. Внимание ряда авторов, в частности П. В. Знаменского [Знаменский, 1873] и Е. Б. Макарчевой [Макарчева, 2001], привлекли такие последствия государственного давления на церковь, как принудительное удержание в рядах сословия его наиболее образованной элиты, затруднения в поступлении выходцев из сословия на государственную службу, усиление обособления представителей духовного ведомства от светского общества [Там же, с. 7, 15].

Проблема социальной и профессиональной мобильности духовенства довольно активно изучается современными историками [Лавицкая, 2009; Скутнев, 2007 и др.]. А. В. Мангилева, признавая объединение этих двух вопросов не вполне правомерным, утверждает, что сокращение численности сословия было связано прежде всего с неудовлетворенностью своим положением (материальным, социальным) и попытками найти выход из сложившейся ситуации; поэтому данные вопросы и исследуются во взаимосвязи [Мангилева, 2015, с. 44—45].

Установлено, что основной причиной оставления своих мест духовенством был уход на пенсию. Прошения об увольнении по собственному желанию подавали также из-за слабого здоровья, вдовства, несоответствия

занимаемой должности, нежелания нести церковную службу и нехватки средств на содержание семьи [Спичак, 2018, с. 1034].

Предстоит определить, каковы были причины добровольного ухода духовных лиц Тобольской епархии в светское ведомство и насколько это удавалось. Интересно раскрыть порядок делопроизводства ТДК по указанному вопросу, а также выяснить, создавались ли при этом специальные документы.

Источниками по избранной нами теме являются неопубликованные материалы ГБУТО ГАТ. Объектом изучения в названном архиве стал фонд 156 «Тобольская духовная консистория». Нами было обнаружено 29 дел по прошениям духовных лиц о переводе в светское ведомство за 1808—1830 годы, среди них 20 — от служителей церквей и учреждений по управлению церковью, 7 — учеников духовных учебных заведений и 2 — сыновей священника. Документы за первую половину XVIII века не сохранились по некоторым объективным и субъективным причинам. Примечательно, что все обнаруженные в государственном архиве дела по прошениям о переходе духовных лиц в светские учреждения были начаты после выхода в свет указа Синода от 18 марта 1803 года об удержании епархиальными архиереями подопечных под своим ведомством. Причины, по которым дела по данному вопросу, созданные после 1830 года, не сохранились, выяснить достаточно сложно. Возможно, это отказы архиереев в переходе на светскую службу, проблема сохранности архива ТДК и отсутствие мотивов хранить подобные дела.

2. Причины добровольного ухода духовных лиц в светское ведомство в первой половине XIX века

Рассмотренные ниже дела сгруппированы по основным причинам увольнений, группы расположены в порядке от тех, что встречались наиболее часто, на убывание.

2.1. Слабость здоровья

11 декабря 1817 года 22-летний дьячок Михаил Андреев Тиханов пожаловался на свои низкие доходы, тем более что ему приходилось содержать трех сестер после смерти родителей. Однако «последней каплей» в решении дьячка стало ухудшение здоровья, что не позволяло ему «исправлять трудные духовные должности с той неусыпной бодростью, как-вые требуются от служителей церкви» [ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 8, д. 334, л. 1а — 1а об.]. Таким образом, традиции семейной жизни того времени не позволяли молодым людям бросить на произвол судьбы своих оставшихся без попечения родственников, и человеку, еще самому «не вставшему на ноги», приходилось содержать всю семью.

14 декабря преосвященный велел ТДК «отослать просителя во врачебную управу для освидетельствования болезней его, препятствующих быть в духовном звании». Причина, по которой М. А. Тиханова отправили на проверку только 18 марта 1818 года (само освидетельствование состоялось 22 марта), не указана. 28 марта в журнале ТДК было записано ее мнение об увольнении, утвержденное резолюцией владыки, проставленной 31 мая на докладе консистории. Для Михаила Андреева ситуация разрешилась благополучно: «Училищный комитет Императорского Казанского университета от 24 июля (1818 года. — А. С.) за № 533 дал гимназии знать, что он согласен принять уволенного из духовного ведомства Михаила Тиханова в число кандидатов учительского звания, до перво-открывшейся вакансии учителя уездного училища» [Там же, лл. 1а—13].

Некоторые выпускники Тобольской духовной семинарии стремились «усовершенствовать себя в науках» и продолжить учебу, как, например, Лаврентий Васильев Афанасьев, в Педагогическом институте. Однако на основании указа Синода от 18 марта 1803 года, согласно которому епархиальные архиереи должны были «не только удерживаться от представлений Святейшему Синоду по подаваемым к ним от студентов высших классов прошениям, о увольнении их в светское ведомство; но и учеников низших классов, кроме опорачивающих свое состояние, самим собою из ведомства духовного не увольнять» [ПСЗРИ, собр. 1, т. XXVII, 20671, с. 503], просителю отказали, и через месяц — 17 мая 1817 года — Л. В. Афанасьев уже просил уволить его «из духовного состояния в светское», где собирался «занять место <...> по части народного училища». Примечательно, что, если верить второму прошению, Лаврентий «одного глаза <...> лишился в младенчестве от оспы, в продолжении семинарского учения от занятий и чтений книг и другим глазом с величайшим трудом» различал вещи, именно поэтому он признавал себя «неспособным быть в духовном звании». Выяснилось, что его проблемы со зрением действительно могут препятствовать службе. 31 мая владыка велел ТДК подготовить доношение в Синод. Тобольской губернской гимназии, чтобы принять Лаврентия на должность учителя, кроме его прошения, требовались копия синодского указа о его увольнении и свидетельство «об успехах и поведении». 27 сентября поступил указ Синода об увольнении Л. В. Афанасьева и о том, что если в течение месяца в ТДК не поступит «требование» (приглашение) из какого-либо светского учреждения, то следовало его отослать в Тобольское духовное правление, причем время отсчитывалось от дня подачи «просьбы о своем выпуске» [ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 8, д. 308, лл. 1 а—19].

Сторожу ТДК Дмитрию Филиппову Решикову, начавшему службу в этом учреждении с 1811 года, исправлять названную должность мешало плохое самочувствие — кружение головы, «истечение из ушей гнойной материи и чехотка». Кроме того, от получаемого жалованья (20 рублей в год) он пришел «в совершенное разорение». Основной причиной желаяния быть исключенным «из духовного звания», вероятно, является первая, так как при хорошем здоровье сторож мог бы найти дополнительные средства содержания, на что он и указывал в своем прошении от 25 февраля 1819 года. Данное дело было решено быстрее всех остальных — уже 8 марта Тобольское губернское правление уведомило ТДК о принятии Д. Ф. Решикова в число крестьян, как он и желал. Интересно, что просителя не отправляли на медицинское освидетельствование, возможно, его недуг был очевиден [Там же, д. 1057, лл. 2—5].

Дьячок Иван Карпов Пузырев, подобно многим остальным просителям имевший «частовременные болезненные припадки, препятствующие быть в духовном звании», 30 июля 1819 года просил об увольнении из духовного ведомства «во врачебную управу учеником». Через две недели выяснилось, что он «от своего природного сложения груди имеет большую наклонность к чахотке». После отправки представления в Синод Иван был уволен и отправлен в Тобольское духовное правление «для избрания рода жизни», о чем мы узнаем из рапорта Ялуторовского духовного правления от 5 марта 1820 года. Остается только догадываться, каким врачом он бы стал, имея «частовременные болезненные припадки» [Там же, д. 1120, лл. 2—13]. Несмотря на то, что проситель попал к врачам относительно быстро, решение его вопроса заняло достаточно много времени — семь месяцев.

Среди дел ТДК встречаются такие, которые объединяют два прошения. Так, коллежские регистраторы, причем получившие эту должность в один и тот же день, 31 декабря 1815 года, — Василий Михайлов Афанасьев и Николай Иванов Гигинов — в январе 1817 года решили уйти из духовного ведомства: первый — по причине проблем со здоровьем, а второй — из-за невозможности прожить на свое маленькое жалованье.

В. М. Афанасьев, начавший карьеру в ТДК 9 марта 1810 года, имел «от природы слабое здоровье, которое обязан хранить, как для собственной своей, так и общественный пользы». В. М. Афанасьев страдал от недугов, схожих с болезнью М. Тиханова, они описывали похожие симптомы — слабость, боль в груди, головокружение, а ведь были еще достаточно молоды. По этой причине Василий допускал «некоторое упущение», выполняя обязанности по его должности, а «всегдашнее занятие делами» только усу-

губляло его положение. Проситель 27 января 1817 года убеждал, что был у нескольких врачей, но воспользоваться выписанным лечением не мог опять-таки по причине его большой стоимости [Там же, д. 359, лл. 4—5].

13 февраля 1817 года ТДК в своем журнале записала, что за 1816—1817 годы из ТДК уволилось пять служителей, поэтому отпустить просителей можно только после обучения новых работников, а В. М. Афанасьева — еще и после того, как он наведет порядок в документации (за которую отвечал) о свечной прибыли. В деле мы впервые встречаем такой вид документа, как объяснение. Реквизит «наименование вида документа» не указан, название же запрашивается из содержания документа — В. М. Афанасьев 1 марта 1817 года сделал попытку объяснить руководству, почему он не может завершить свою работу: «я <...> удовольствием делал исполнить волю моего начальства, но как болезнь моя в груди <...> то я к исключению, а более не нахожу никаких спасительных средств» [Там же, лл. 5 об. — 6 об.]. На этом дело обрывается, и чем оно закончилось, можно только гадать. Однако, судя по другим подобным делам, В. М. Афанасьев должен был получить положительный ответ.

2.2. Недостаток средств к содержанию

Служащий в ТДК с 3 января 1808 года Н. И. Гигинов не мог приобрести на свое жалование даже «приличное одяение», был вынужден прибегать к «одолжению» «у разных кредиторов для одяения и пропитания себя» и нашел «одно только средство для удовлетворения кредиторов» — перейти на службу «по гражданской части», о чем просил епархиальное начальство 18 января 1817 года. Николай был, видимо, осведомлен о доходах в светских учреждениях, так как с уверенностью писал о том, что его ждет «безбедное пропитание» [Там же, л. 1а — 1а об.].

29-летний секретарь ТДК Дмитрий Гаврилов Лукьянов с трудом обеспечивал жену и двух детей на получаемое жалование. На следующий день после поступления прошения — 9 декабря 1808 года — архиепископ Амвросий (Келембет) написал в резолюции: «Консисторских приказных служителей обязать подписками, чтобы они, имев в виду законы, впредь удержались от подачи затейных прошений». Указанные «подписки» были приложены к делу. «Не находя себя в силах переносить таких крайностей», Д. Г. Лукьянов вместе со своим сослуживцем коллежским регистратором Павлом Петровым Забелиным, которому на епархиальном уровне тоже отказали в увольнении по причине болезни, решили попытать удачу еще раз и отправили по почте общее прошение уже Синоду. В этом прошении секретарь пожаловался на несправедливое решение начальства, которое он получил «вместо ожидаемого снисхождения к таковым обстоятельствам».

С полученного 19 апреля указа Синода (от 22 марта 1809 года), повелевшего исполнить волю просителей, в ТДК через четыре дня была сделана копия. Д. Г. Лукьянов после того, как «по дому архиерейскому книги и бумаги, касающиеся до сумм, хранящихся в кладовой, в надлежащий порядок и исправность привел», получил свой аттестат и был уволен по решению владыки от 19 мая 1809 года. Бедному Дмитрию Гаврилову пришлось полгода ждать решения дела по своему вопросу, которое, к его счастью, завершилось положительно [ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 6, д. 1568, лл. 1—3, 13—22].

Копиист Семипалатинского духовного правления Александр Федоров Тихонов назвал в прошении две причины, по которым он желал 15 октября 1819 года перейти на службу в светское ведомство: маленькое жалование (20 рублей в год) и высокие цены. Епархиальное начальство не увидело уважительных причин в увольнении просителя и выбрало часто применяемое в подобных случаях решение — повысить А. Ф. Тихонова в должности (до подканцеляриста), о чем известило его непосредственное руководство указом от 31 мая 1820 года [Там же, оп. 8, д. 1151, лл. 2—9 об.]. Производство по данному делу длилось дольше, чем по всем аналогичным делам — семь с половиной месяцев.

2.3. Потеря надежды сделать церковную карьеру

25-летний дьячок тобольской Крестовоздвиженской церкви Николай Иоаннов Бенкоген «по слабости <...> дарований» был «перемещен в уездное училище для знания церковного чтения и пения, и устава», а после и оттуда исключен «без всякой надежды к продолжению высшего сана». Хотя Николай и был рукоположен в стихарь 21 ноября 1816 года, однако его «доходов (было. — А. С.) весьма недостаточно к содержанию матери <...> и сестры». Н. И. Бенкоген в октябре 1819 года (число не указано) просил преосвященного позволить ему вступить в брак, «рукоположить в диакона на праздное место», а в случае отказа «уволить из духовного звания и отослать в Губернское правление для приискания <...> места». Преосвященный достаточно быстро принял решение уволить дьячка и «отослать в Губернское правление» — 17 октября 1819 года. ТДК отправила в Тобольское губернское правление указ уведомить о новом месте службы бывшего дьячка, Тобольская казенная палата согласилась принять последнего копиистом [Там же, д. 1145, лл. 2—5].

Пономарь Святительской церкви с. Аяшинского Томского ведомства Николай Каменщиков «заклучался в краже», однако дело о воровстве уже было прекращено, и пономаря освободили. Преосвященный в своей резолюции от 4 декабря 1830 года на прошении от 2 ноября 1828 года указал, что если бы Н. Каменщиков был оправдан, то его не пришлось бы отправлять

по делу о воровстве в светское ведомство, но так как данное дело «не было приведено в ясность» и пономарь показывал «средственное» поведение, то следовало «по мнению ТДК учинить». Во втором прошении (от 29 марта 1830 года) Николай в свою защиту писал, что был «оговорен напрасно», улики не нашлось. Во время затянувшегося следствия он проживал при церкви без дохода, не имея возможности кормить семью. Пономарь просил архиерея посвятить его в стихарь, а если это невозможно, то уволить, чтобы он «не смог <...> прийти в крайнее разорение и бедность». В итоге Каменщикова уволили [ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 11, д. 261, лл. 1—9].

2.4. Признание себя недостойным

Николай Каменщиков в 1825 году находился под следствием за соучастие вместе с крестьянином в краже у священника. 31 декабря 1827 года Томский земский суд освободил его, и 10 марта 1827 года ТДК своим указом велела Каменщикову избрать «новый род жизни», о чем ему и объявили в присутствии Духовного правления (далее — ДП). Однако 2 мая из-за недостатка духовенства в епархии преосвященный решил не увольнять Каменщикова. Ему предлагалось два варианта: «выучиться ноте» либо быть определенным в сторожа в ДП; при этом считалось, что «лучше рекомендовать учиться ноте». Сам Николай просился «немедленно» в светское ведомство, признавая себя «быть в духовном звании неспособным». Согласно клировым ведомостям, пономарю было 28 лет, он был холост, в семинарии не обучался, читал посредственно и Катехизис знал только отчасти, прослужил в церкви 11 лет (с 1 мая 1817 года). Просьбы пономаря остались без внимания, и поэтому 15 августа 1828 года он вновь подал прошение, но уже о желании вернуться на свое должностное место, так как ему нужно было содержать мать, сестру и бабушку [Там же, д. 150, лл. 1—7].

2.5. Отсутствие желания к церковной службе

Встречаются и эмоционально окрашенные прошения об увольнении из духовного ведомства. В прошении (от 14 февраля 1821 года) 18-летнего дьячка Бийской городской Успенской церкви Дмитрия Знаменского, чья церковная служба продлилась меньше года, говорилось: «... Но как по собственной моей бедности, медление ректора архимандрита Евгения в отдаче мне свидетельства, продолжающееся не менее месяца <...> и наконец многие другие несчастья, скопившись в слабом неопытном моем сердце, нанесли ему чувствительный удар и ввергнули в жестокую горячку, продолжавшуюся через месяц, и лишившую дара петь, непременно нужно сословию духовному. И как я в самой высочайшей степени чувствую склонность к продолжению жизни в роде канцелярских служителей <...> прошу уволить меня в число канцелярских служителей по губернскому

правлению». Через 4 месяца ТДК уведомила отца просителя священника Петра Знаменского об увольнении сына и отсылке его в Тобольское губернское правление. Скорее всего, именно отец и отправил Дмитрия в церковную службу, а он сам не чувствовал склонности к ней [ГБУТО ГАТ, ф. 156, оп. 9, д. 672, лл. 1—26].

2.6. Вдовство

31-летний священник томского Благовещенского собора Никифор Большенин до смерти его жены 20 июля 1826 года «должность свою проходил с должным благоуважением и всегдашней осторожностью». После трагического события, несмотря на то, что он старался вести себя так же, «но за всеми мерами», которые он употреблял в течение года, «никак не мог укротить сильно действующего <...> по молодости лет плотского вожделения». «Сей внутренний враг» вынудил Никифора признаться «в неспособности проходить далее <...> звание». Выходом из своего положения священник видел вступление во второй брак, но так как по церковным правилам он не мог этого сделать, занимая прежнюю должность, он просил 1 июля 1827 года уволить его в светское ведомство. 9 июля 1827 года владыка приказал ТДК: «учиня справку представить с мнением». Епархиальное начальство отказало просителю, сделав «пастырское увещание об оставлении такового намерения», то есть увольнения, и последнему ничего не оставалось, как просить помощи у высшего церковного руководства. Владыка после получения 22 декабря 1817 года указа Синода от 26 ноября того же года, «чтобы священнику Большенину сделано было-таки увещание о прибытии до смерти в настоящем его звании и сане», а в случае его «непреклонности» снять с него священнический сан и отправить в губернское правление «для избрания рода жизни», потребовал у ТДК «избрать для увещания способнейших и представить с мнением». Из рапорта настоятеля томского Алексеевского монастыря архимандрита Ефонида мы узнаем, что последним «было сделано всемерное увещание о пребытии ему до смерти в настоящем его звании и сане, но он ни малейшего не изъявил на то желания и вовсе остался непреклонным в предпринятом им намерении». Вдовец в повторном прошении от 17 февраля 1828 года объяснил владыке, что эти увещания «никакой услуги и ни малейших пособий к укрощению внутренних» его «побуждений <...> не оказывают». В апреле 1828 года с Никифора в Томском духовном правлении был снят священнический сан. Данное дело было самым долгим по времени рассмотрения в связи с длительным увещанием вдовца и перепиской с учреждениями и должностными лицами [Там же, оп. 11, д. 51, лл. 1—22].

3. Делопроизводство ТДК, посвященное вопросам увольнения духовенства по собственному желанию, и результаты решения дел

Архивные материалы свидетельствуют о наличии в первой четверти XIX века установленной епархиальной процедуры производства по делам, инициированным прошениями подопечных, в том числе желающих покинуть духовное сословие. Указанная процедура включала следующие этапы: 1) подача в ТДК просительного документа — «покорнейшего прошения», 2) передача просьбы на рассмотрение преосвященному, 3) вынесение резолюции епископом (по верхнему полю просительного документа), 4) слушание дела в ТДК, запись мнения в настольный журнал и составление протокола (выписка из журнала), 5) сбор необходимых сведений, составление справки по делу при недостатке информации, причем собирать недостающие данные могло потребоваться еще и позже, 6) составление «доклада» ТДК преосвященному, 7) заключительная резолюция по делу, 8) отправка указа непосредственному начальству просителя (если последний служил не в ТДК), 9) ответный рапорт о получении и исполнении решения руководства.

Однако делопроизводство по вопросам увольнения духовенства по собственному желанию имело свои особенности. Например, при положительном решении владыки к делопроизводству добавлялись следующие пункты: 10) оповещение духовной семинарии об увольнении, 11) получение от духовной семинарии аттестата и передача духовному лицу. При увольнении священнослужителей ТДК предстояло также: 12) снятие сана и написание подписки о неиспользовании впредь своего служебного положения, 13) «отобрание» ставленной грамоты у увольняемого. Если проситель служил не в ТДК, то архиерей в указе (8 пункт) велел духовному правлению осуществить последние два пункта. Таким образом, состав этапов делопроизводства зависел в том числе и от оставляемой должности.

Если духовное лицо не могло продолжать службу по причине болезни, то вместо справки ТДК в дело включали свидетельство врачебной управы. Таким образом, обычно делопроизводство по вопросам добровольного увольнения насчитывало десять этапов, а для служителей ТДК — восемь.

Количество этапов делопроизводства могло увеличиться из-за необходимости предоставления дополнительных документов. Например, в одном из рассмотренных дел мы впервые обнаружили документ под названием «объяснение», составленный просителем после того, как владыка усомнился в его болезненном состоянии. Следует отметить, что разъяснение не принесло желаемого результата, в увольнении было отказано.

Кроме того, производство по делу увеличивалось вдвое при объединенном рассмотрении двух прошений в одном деле. Это могло произойти,

к примеру, если двое коллег при отказе епархиального начальства решали обратиться в Синод с коллективным просительным документом. Тогда ТДК получала один общий синодский указ и объединяла два дела для последующего решения. Максимальное количество этапов делопроизводства (21 этап) из рассмотренных дел имело такое сдвоенное дело.

Когда преосвященный выносил отрицательную резолюцию, пятым этапом (в случае недостатка средств и вдовства) либо шестым (по болезни) становился сбор ТДК подписок со служителей о том, что они впредь не будут нарушать закон от 18 марта 1803 года «О запрете перехода в светское ведомство». После этого проситель мог обратиться в Синод, и в таком случае добавлялись следующие этапы: 1) получение ТДК указа Синода, 2) переписка копии с документа, 3) резолюция архиепископа, 4) слушание дела на заседании ТДК с составлением выписки из ее настольного журнала, 5) рапорт Синоду о результатах дела (в деле сохранялся черновик документа). Если Синод рекомендовал посредством бесед повлиять на просителя, но последний оставался непреклонен, то в ежемесячной ведомости ТДК Синоду о неисполненных указах в части за месяц, в котором произошло увольнение духовного лица, записывали указ, сообщая, когда и как он был исполнен, а в разделе за следующей месяц данный указ уже не значился.

Потеряв надежды сделать церковную карьеру из-за отсутствия способностей к выполнению обязанностей по должности священнослужителя, причетник, не имея возможности прокормить семью на получаемое жалование, мог просить о повышении и в случае отказа об увольнении. Не находя другого решения проблемы, епархиальное начальство отправляло церковнослужителя в Тобольское губернское правление при согласии одного из светских учреждений взять его на службу. На решение подобных дел уходило меньше всего времени — 1 месяц, а этапов делопроизводства — 6.

В XIX веке существовала установленная процедура перехода духовенства в светское ведомство: если в течение месяца духовная консистория не получала так называемое «требование» (приглашение) из какого-либо светского учреждения о возможном приеме на службу увольняемого духовного лица, то последнего отсылали в Тобольское губернское правление, причем время отсчитывалось от дня подачи «просьбы о своем выпуске».

Лицам, которым исполнять обязанности по духовному ведомству мешали серьезные проблемы со здоровьем, следовало запастись терпением — подобные дела могли затянуться на несколько месяцев, ждать медицинского освидетельствования приходилось до трех месяцев (бывали и исключения, самый короткий срок — 9 дней), а после еще два месяца занимало принятие решения об увольнении. Позже их жизнь могла изме-

ниться в лучшую сторону, так как уволенных по собственному желанию из духовного ведомства охотно принимали в светские учреждения, где и служба была легче, и жалование выше.

В самом крайнем случае, если епархиальное начальство не желало идти навстречу своим подчиненным, просители могли обратиться в Синод. Причинами могли стать невозможность прокормить семью и болезнь. Решение подобных дел затягивалось на месяцы, однако обнаруженные нами дела имели положительный исход для составителей прошений. Отказы владыки объясняются стремлением следовать церковному законодательству, согласно которому архиереям надлежало сдерживать отток подчиненных в светское ведомство. Решение Синода отпустить секретаря ТДК по бедности и коллежского регистратора по болезни также вполне понятно: 1) болеющих членов причта часто ставили на места «письмоводителей», так как для слабого человека служба в церкви была намного сложнее «сидячей» работы, для регистратора, вероятно, более легкой работы не нашлось; 2) когда из-за низкого жалования просил об увольнении церковнослужитель, то его можно было «повысить» до священнослужителя, а для секретаря ТДК не нашлось бы более достойного места. Однако если способностей причетника не хватало для получения сана, то епархиальное начальство в достаточно короткий срок — в течение месяца — увольняло его, а Тобольское губернское правление в случае необходимости само «сносилось» с другими учреждениями для поиска свободной вакансии.

Таким образом, состав этапов делопроизводства зависел от причины увольнения и покидаемой должности. Следует отметить, что выше приведен достаточно общий порядок рассмотрения дел, скорее некий образец, которому следовало епархиальное начальство. Данный порядок менялся в зависимости от причины подачи прошения. Этапов делопроизводства могло быть и меньше, и больше.

Еще одной отличительной чертой состава дел являлось практически полное отсутствие переписки между учреждениями, как, например, в делах о награждении (большое количество писем, отношений, рапортов) или о приеме на службу. Исключением является обнаруженное дело ТДК об увольнении в светское ведомство с наступлением вдовства.

4. Заключение

Материалы ГБАО ГАТ о добровольном переходе в светское ведомство духовных лиц позволили выявить его причины, результаты решения подобных дел ТДК в XIX веке, сроки и этапы делопроизводства. Как свидетельствуют архивные документы, большая часть просителей ссылалась

на болезненное состояние, мешавшее им продолжать службу. Другими причинами ухода из духовного ведомства были нехватка средств на содержание семьи, потеря надежды сделать церковную карьеру, признание себя недостойным занимаемой должности, нежелание нести церковную службу, наконец, вдовство.

Особенностью делопроизводства по вопросам увольнения духовенства по собственному желанию было то, что в зависимости от причины перехода в светское ведомство и вида оставляемой должности появлялись дополнительные этапы и специфические документы. Производство именно по таким делам наиболее отличалось от других.

Срок решения дел менялся при необходимости выяснения дополнительных сведений посредством переписки ТДК с учреждениями и должностями лицами, первоначального отказа епархиального начальства и последующей подачи прошения духовных лиц напрямую в Синод, причем непосредственное обращение в Синод встречается исключительно в делах об увольнении; наибольшее количество времени требовалось при увещании просителя. Дела о переходе в светское ведомство духовных лиц, не отличавшихся способностями, решались в самый короткий срок.

Таким образом, при наличии в XIX веке курса Русской православной церкви на сдерживание оттока духовенства в светское ведомство, в качестве исключения, если имелись уважительные причины, можно было добиться с санкции Синода увольнения из духовного ведомства. Тобольские архиереи старались выполнять церковное законодательство, но при этом они не прилагали больших усилий, чтобы оставить в числе своих подчиненных тех просителей, которые были лишены необходимых знаний и навыков.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГАТ — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»*. Ф. 156. Оп. 6. Д. 917. Лл. 1—7 об. ; Оп. 6. Д. 1568. Лл. 1—24 ; Оп. 8. Д. 334. Л. 1а—15 ; Д. 1145. Лл. 2—6 ; Д. 359. Лл. 1а—6 ; Д. 308. Лл. 1—26 ; Д. 1057. Лл. 2—6 ; Д. 1120. Лл. 2—11 ; Д. 1151. Лл. 2—8 ; Оп. 9. Д. 672. Лл. 1—26 ; Оп. 11. Д. 51. Лл. 1—22 ; Д. 150. Лл. 1—7 ; Д. 261. Лл. 1—9 ; Д. 1023. Лл. 1 об. — 6.
2. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской Империи*. Собр. 1. Том XXVII. 20671. — С. 502—504.
3. ТДК — *Тобольская духовная консистория*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра / П. В. Знаменский. — Казань : Унив. тип., 1873. — 851 с.

2. *Кравецкий Я. Г.* Поповичи революции. Как семинаристы становились бунтарями и террористами [Электронный ресурс] / Я. Г. Кравецкий. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/3634821>.

3. *Лавицкая М. И.* Динамика численности и изменения в составе приходского духовенства во вт. пол. XIX — нач. XX в. / М. И. Лавицкая // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2009. — № 3. — С. 37—44.

4. *Макарчева Е. Б.* Сословные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII — первой половине XIX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Б. Макарчева. — Новосибирск, 2001. — 261 с.

5. *Мангилева А. В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. В. Мангилева. — Екатеринбург, 2015. — 535 с.

6. *Скутнев А. В.* Социальная мобильность приходского духовенства в Вятской епархии в середине XIX — начале XX в. / А. В. Скутнев // Вопросы истории. — 2007. — № 11. — С. 146—150.

7. *Спицач А. В.* Причины оставления церковной службы духовными лицами во второй половине XVIII — начале XIX вв. (на примере Тобольской епархии) / А. В. Спицач // Былые годы. — 2018. — Т. 49. — Выпуск 3. — С. 1028—1036.

VOLUNTARY DEPARTURE OF CLERGY IN THE SECULAR DEPARTMENT IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: CAUSES, RESULTS AND PROCEDURE OF OFFICE WORK (ON THE MATERIALS OF THE TOBOLSK SPIRITUAL CONSISTORY)¹

© **Alexandra V. Spichak (2020)**, orcid.org/0000-0003-2223-8039, PhD in History, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia), spichak-89@mail.ru.

The relevance of the study is largely due to the fact that at present, as in the period under consideration in the article, many clergy leave their work in the Church, and in the period of revival of the Russian Orthodox Church, this may become a significant problem for it. Its solution implies the need to study the history of this phenomenon. The author, based on the content of legislative acts and the interpretations of modern scholars, considered one of the main problems in the Russian Orthodox Church – voluntary care of the clergy in secular authority, during the XVIII – early XX centuries. On the basis of archival documents, the article reveals the main reasons that encourage young people of the spiritual Department to seek a place of service in secular institutions in the first half of the XIX century, the results of solving such cases by the Tobolsk spiritual Consistory, the terms and stages of office work. The methodological basis of this study was the most important principles of historical science, primarily such as system, historicism, interdisciplinarity and scientific objectivity, which allowed us to consider the studied phenomena in dynamics and interaction.

¹ The study was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists — PhD (Competition MK-2018) (MK-3701.2018.6).

Keywords: Russian Orthodox Church; Tobolsk diocese; Tobolsk spiritual Consistory; voluntary departure to the secular Department; reasons for this phenomenon; office work.

MATERIAL RESOURCES

GBUTO GAT — *Gosudarstvennoye bjudzhetnoye uchrezhdeniye Tjumenskoy oblasti «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobolske»*. F. 156. Op. 6. D. 917. Ll. 1—7 ob; Op. 6. D. 1568. Ll. 1—24; Op. 8. D. 334. L. 1a—15; D. 1145. Ll. 2—6; D. 359. Ll. 1a—6; D. 308. Ll. 1—26; D. 1057. Ll. 2—6; D. 1120. Ll. 2—11; D. 1151. Ll. 2—8; Op. 9. D. 672. Ll. 1—26; Op. 11. D. 51. Ll. 1—22; D. 150. Ll. 1—7; D. 261. Ll. 1—9; D. 1023. Ll. 1 ob. — 6. (In Russ.).

PSZRI — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii*. Sobr. 1. Tom XXVII. 20671. 502—504. (In Russ.).

TDK — *Tobolskaya duhovnaya konsistoriya*. (In Russ.).

REFERENCES

- Kravetskiy, Ya. G. *Popovichi revolyutsii. Kak seminaristy stanovilis' buntaryami i terroristami*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3634821>. (In Russ.).
- Lavitskaya, M. I. (2009). Dinamika chislennosti i izmeneniya v sostave prikhodskogo dukhovenstva vo vt. pol. XIX — nach. XX v. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, 3: 37—44. (In Russ.).
- Makarcheva, E. B. (2001). *Soslovnyye problemy dukhovenstva Sibiri i tserkovnoye obrazovaniye v kontse XVIII — pervoy polovine XIX vv.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Novosibirsk. (In Russ.).
- Mangileva, A. V. (2015). *Sotsiokulturnyy oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoy gubernii v XIX — nachale XX v.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Skutnev, A. V. (2007). Sotsialnaya mobilnost' prikhodskogo dukhovenstva v Vyatskoy yeparkhii v seredine XIX — nachale XX v. *Voprosy istorii*, 11: 146—150. (In Russ.).
- Spichak, A. V. (2018). Prichiny ostavleniya tserkovnoy sluzhby dukhovnymi litsami vo vtoroy polovine XVIII — nachale XIX vv. (na primere Tobolskoy yeparkhii). *Bylyye gody*, 49 (3): 1028—1036.
- Znamenskiy, P. V. (1873). *Prikhodskoye dukhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra*. Kazan': Univ. tip. (In Russ.).

Суслова Л. Н. Становление системы пенсионного довольствия гражданских служащих Тобольской губернии XIX — начала XX веков / Л. Н. Суслова, И. В. Яркова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 484—494. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-484-494.

Suslova, L. N., Yarkova, I. V. (2020). Formation of a Pension Allowance system for Civil Servants of the Tobolsk Province of the 19th — early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 1: 484-494. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-484-494. (In Russ.).

УДК 94:331.25(571.12)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-484-494

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ДОВОЛЬСТВИЯ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

© Суслова Людмила Николаевна (2020), orcid.org/0000-0002-2426-2967, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и методик преподавания, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), Insuslova@yandex.ru.

© Яркова Ирина Васильевна (2020), orcid.org/0000-0002-6574-3695, кандидат исторических наук, и. о. заведующего кафедрой истории, философии и методик преподавания, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), irina_19714@mail.ru.

Статья посвящена изучению исторического опыта по организации пенсионного обеспечения служащих Тобольской губернии в XIX — начале XX вв. Интерес к обозначенной проблематике авторы статьи связывают со слабой ее изученностью, а также реформой пенсионного обеспечения в современной России. Источниковой базой проведенного исследования послужили законодательные, делопроизводственные и статистические документы фондов Дирекции училищ, Городской управы, Тобольского губернского правления, Тобольской казенной палаты, Тобольской женской гимназии, Тобольского отделения госбанка, Тобольской почтово-телеграфной конторы, Тобольского нотариального архива и др. Наиболее значимыми из их числа являются списки пенсионеров, проживающих в Тобольской губернии, ведомости Тобольской Казенной Палаты о пенсионерах, документы, фиксирующие количество и размер выданных и невыданных пенсий, дела о назначении пенсий. Авторы статьи отмечают отсутствие в рассматриваемый период единой для всех социальных категорий населения практики пенсионного обеспечения. Анализируются пенсионные выплаты, начисляемые чиновникам из средств казны, и накопительные из общественных эмеритальных касс. Сделан вывод о том, что становление пенсионного обеспечения гражданских служащих можно отнести к концу первой четверти XIX века. Обозначен круг лиц, имеющих право получать пенсион, определены источники пенсионного финансирования. Сделан вывод о том, для пенсионного обеспечения чиновников рассматриваемого периода была характерна зависимость пенсионного оклада от размера годового жалования, занимаемого чина и стажа гражданской службы.

Ключевые слова: пенсия; пенсионное обеспечение; чиновники; служащие; учителя; эмеритура; эмеритальные кассы, Комитет признания заслуженных государственных чиновников; Тобольская губерния.

1. Введение

Важность и необходимость обеспечения населения по старости и болезням стали осознаваться государством еще в XVIII веке, задолго до появления исторических условий для становления демократической правовой государственности. Современные демографические проблемы российского общества, реформирование системы пенсионного обеспечения невозможны без учета исторического опыта по созданию различных форм социальной поддержки населения.

Рассмотрим организацию государственных и эмеритальных довольствий для гражданских служащих Тобольской губернии. Хронологическими границами становления пенсионного обеспечения являются издание пенсионного Устава для российских госслужащих от 6 декабря 1827 года и создание новой системы пенсионного обеспечения граждан после событий 1917 года.

Анализ научной литературы, посвященной истории пенсионного системы в России и ее отдельных регионах, показал, что тема обеспечения служащих различных ведомств по старости и болезням в дореволюционный период практически не изучалась исследователями. На современном этапе В. А. Яременко, В. Б. Морозов, А. В. Яковлева, Г. В. Андреев, С. А. Иконников, уделяют внимание преимущественно становлению и развитию эмеритальной системы, пенсионного законодательства рабочих, военнотружущих, духовенства [Яременко, 2005; Морозов, 2009; Яковлева, 2011; Андреев, 2016; Иконников, 2018].

В работах Т. В. Филоненко, Ж. А. Подольской анализируется материальное положение учителей в дореволюционной России [Филоненко, 2004; Подольская, 2011].

К обобщающим комплексным работам по истории пенсионной системы в России, содержащим анализ пенсионного законодательства и его реализации, можно отнести лишь исследования Ю. П. Бокарева, Д. Б. Гусакова, Д. А. Квасова и А. Р. Кульчитцкого [Квасов, 2005; Гусаков, 2010; Кульчитцкий, 2011; Бокарев, 2018].

2. Практика пенсионных выплат гражданским служащим Тобольской губернии в контексте общероссийского социального обеспечения

Если становление пенсионного обеспечения военных чинов берет свое начало с издания Морского устава 1720 года и было связано с активной

внешней политикой Российской империи на протяжении XVIII века, то законодательное оформление прав служащих гражданских ведомств начинается в XIX веке и связано с реформами центрального и местного управления и ростом бюрократического аппарата той эпохи. Важной вехой в этом процессе явился изданный в 1827 году «Устав о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим», который касался уже не только военнослужащих, но и государственных чиновников. Устав распределил всех гражданских служащих на 9 разрядов с определенным размером пенсионного жалования. Размер пенсии зависел от должности и срока службы, за 35-летний срок службы был предусмотрен полный пенсионный оклад [ПСЗ, т. II, с. 1032—1044]. При этом величина пенсии определялась исходя из разряда должности, которую чиновник занимал в течение последних пяти лет [Кульчитцкий, 2011, с. 15—16]. Со второй четверти XIX века действовали особые пенсионные уставы для служащих некоторых ведомств. Новый устав о пенсиях для всех категорий служащих с небольшими дополнениями был издан в 1896 году и действовал до 1917 года.

Рассмотрим особенности пенсионного обеспечения служащих Тобольской губернии. К служащим в Российской империи, численность которых с первой половины XIX века неуклонно увеличивалась в связи с ростом бюрократического аппарата, относились: 1) чиновники центральных и местных органов управления; 2) земские служащие (учителя, агрономы, служащие канцелярии, страховые агенты, банковские работники) и 3) служащие разных ведомств (учителя, служащие банка, казенной продажи питей, пожарной охраны и т. д.). Статистические и делопроизводственные источники позволяют проанализировать практику пенсионного обеспечения служащих первой и третьей категорий.

Пенсии чиновничества Тобольской губернии ярко характеризует комплекс документов фонда Тобольской почтово-телеграфной конторы. Самые ранние сведения относятся к 1827 году — в этот год по смете расходов Сибирской Дирекции Почтового Департамента на содержание инвалидов было отпущено 600 руб. [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И205, оп. 1, д. 626, л. 46]. В 1827 году посмертные пенсии (выплачивающиеся до конца жизни пенсионера) были назначены из средств Государственного Казначейства: 1) секретарю Сибирского почтамта, надворному советнику Вышинскому при увольнении его в связи с болезнью в размере 279 руб. в год за 32-летнюю беспорочную службу; 2) вдове чиновника Сибирского почтамта для осмотра Почтовых станций Рязанова коллежского асессора с тремя малолетними детьми по 600 руб. в год [Там же, л. 51, 244.].

В 1843—1860 годах в Тобольской губернии проживали 30 пенсионеров, ранее служивших в Тобольской губернской почтовой конторе, а также их вдовы и дети, получавшие обеспечение по ведомству Почтового Департамента. Разница между выявленной минимальной и максимальной пенсиями была очень велика и зависела от чина и стажа работы в ведомстве: уездный почтмейстер, коллежский секретарь получал пенсию в размере — 120 руб. 61 коп., помощник почтмейстера, коллежский секретарь — 80 руб. 80 коп., письмоводитель почтового отделения: коллежский регистратор — 71 руб. 48 коп., губернский секретарь — 28 руб. 59 коп., экспедиторский помощник, канцелярист — 57 руб. 15 коп., станционный смотритель — 20 руб. 1 коп., почтальон — 17 руб. 16 коп.; вдова почтмейстера: коллежского советника — 17 руб. 60 коп., надворного советника — 60 руб. 29 коп., титулярного советника с двумя дочерьми — 15 руб. 75 коп., вдова письмоводителя почтового отделения, губернского секретаря — 35 руб. 74 коп., вдова станционного смотрителя, коллежского регистратора от 8 руб. 50 коп. до 28 руб. 59 коп., вдова почтальона — от 8 руб. 50 коп. до 17 руб. 16 коп. (с учетом пенсии дочери) [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И205, оп. 1, д. 771, л. 14—251, д. 802, л. 42, д. 819, л. 155. 849, л. 33, 106, д. 836, л. 135, д. 892, л. 20, д. 926, л. 148, 175]. Можно заключить, что размер пенсионных выплат варьировался от 1 руб. 45 коп. (такую пенсию получала вдова почтмейстера, титулярного советника) до 120 руб. 61 коп. (пенсия уездного почтмейстера, коллежского секретаря). Вдовы получали в основном пенсию в размере 8 руб. 50 коп.

Учет пенсионеров Почтового Департамента был детальным. Подробно фиксировались чин, фамилия, имя и отчество пенсионера, сумма пенсии с указанием того, какую часть от оклада она составляет, дата назначения и место получения. Составлялись и общие ведомости, куда вносились все категории пенсионеров — сами чиновники, их вдовы и сироты. В назначении пенсии чиновнику или его вдове могло быть отказано на основании факта его судимости [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И205, оп. 1, д. 646, л. 1—5].

В фондах ГБУТО ГА в г. Тобольске хранятся ведомости о пенсионерах разных ведомств (Главного Управления почт и телеграфов) и министерств (Юстиции, Внутренних дел, Народного Просвещения, Земледелия и Государственных имуществ), которым назначены пенсии из сумм государственных казначейств. На каждого пенсионера составлялась персональная ведомость. Согласно выявленным данным, в 1897 году в Тобольской губернии проживало 53 пенсионера-служащих в отставке, в 1899 году их число увеличилось до 80 человек. [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И154, оп. 15, д. 496, л. 1—470, д. 520, л. 1—404].

Помимо государственных средств, источником пенсионного обеспечения являлся Комитет призрения заслуженных государственных чиновников, образованный 21 февраля 1823 года. Из капиталов этого Комитета в 1831 году была назначена пенсия губернскому секретарю Льву Окуневскому [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И152, оп. 41, д. 10, л. 24].

Делопроизводство по части пенсионного обеспечения из сумм Комитета призрения заслуженных государственных чиновников включало в себя составление списков пенсионеров на год и ведомостей о выданных и невыданных пенсиях за полугодие. В Тобольской губернии в 1894 году по ведомости значился 21 пенсионер Комитета (3 лица м. п., 12 вдов, 6 детей) [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И154, оп. 15, д. 490, л. 25—28, д. 495, л. 7—10].

Порядок назначения пенсии можно проследить на примере дела коллежской секретарши Степаниды Бакулевой о ходатайстве ее детям пенсии, а ей денежного пособия. Первый этап — подача прошения с приложением формулярного списка о службе секретаря Бакулева и аттестата Семена Бакулева в том, что он вступил в статскую службу 19 ноября 1806 года. Кроме этого, прикладывался аттестат в том, что он исполнял службу добропорядочно, и донесение Тобольского Губернского суда о том, что никаких уголовных дел в отношении него не производилось. На втором этапе губернатор подавал ходатайство об оказании пособия вдове на имя Комитета Призрения заслуженных Гражданских чиновников. Третий этап — Комитет издавал постановление о назначении пенсии. В итоге с 15 февраля 1836 года С. Бакулевой была пожалована пенсия по 100 руб. из сумм Комитета Призрения заслуженных гражданских чиновников. Выдавалась пенсия из Туринского Окружного Казначейства [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И152, оп. 41, д. 14, л. 2—31].

Помимо чиновников, в Тобольской губернии получали пенсию врачи, учителя, служащие банка, пожарной охраны, Сибирской железной дороги и вольнонаемные служащие по казенной продаже питей.

Пенсионное обеспечение из средств казны в размере 450 рублей в год получал в 1883 году инспектор Тобольской врачебной управы доктор медицины статский советник Маврикий Петржевич. Министерство Внутренних Дел назначило доктору Петржевичу пенсию в размере половины оклада его жалованья (900 руб.) за двадцатилетнюю беспорочную службу [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И152, оп. 33, д. 421, л. 24]. Тюменскому окружному врачу, коллежскому советнику Ивану Черемшанскому Министерство Внутренних Дел за выслугу более двадцати лет назначило в пенсию половину из 450 руб. оклада его жалованья, а именно 225 руб. в год [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И152, оп. 33, д. 424, л. 15].

В 1897 году для служащих Государственного банка и Государственных Сберегательных касс была учреждена пенсионная касса. Ее капитал создавался за счет вычетов из жалования участников в размере 6 процентов, отчислений из чистых прибылей Государственного банка и доходов от капиталов кассы. Выдавали пенсии нескольких видов: а) эмеритальные — участникам кассы, независимо от состояния их здоровья; б) вдовьи — вдовам участников или пенсионеров, в размере, который получал муж или на какую он приобрел бы право в день смерти; в) обыкновенные сиротские — сиротам бывших участников или пенсионеров, уплачиваемые во время жизни матери в размере одной трети вдовой пенсии для каждой сироты; г) усиленные сиротские пенсии — круглым сиротам бывших участников или пенсионеров в двойном размере обыкновенных сиротских пенсий» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И177, оп. 1, д. 54, л. 24—25].

В марте 1900 года была учреждена всероссийская касса вольнонаемных служащих по казенной продаже питей. Число ее участников, проживающих в Тобольской губернии, в августе 1909 года составило 40 чел. Они вносили в кассу вступные (в размере 10 % годового жалования) и месячные взносы (6 % от суммы жалования в год) [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И583, оп. 1, д. 1245, л. 1—42].

Со второй четверти XIX века получали пенсии и учителя. «Устав о пенсиях... по ведомству ученому и учебному» предусматривал право на получение пенсии за 20-летнюю беспорочную службу в размере половины оклада, а за 25-летнюю — полного. За службу свыше 25 лет определялась прибавка к пенсии. Единовременное пособие либо пенсия выплачивались вдовам и сиротам [Филоненко, 2004].

В 1901 году Министерство народного просвещения инициировало устройство накопительных пенсионных касс народных учителей и учительниц с целью получения дополнительного пенсионного довольствия участниками касс и членам их семей. В 1904 году в кассе Западносибирского учебного округа состояло 420 чел., и число участников планомерно увеличивалось (1905 год — 440, 1906 год — 483, 1907 год — 565) [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И5, оп. 1, д. 22, л. 1—8]. Участие в эмеритальной кассе могло быть обязательным и добровольным. Обязательными членами становились учителя и учительницы начальных училищ, финансирование которых шло из государственных средств [Подольская, 2011]. Обязательные члены вносили в кассу 6 % жалования, еще 6 % им поступало из государственных средств или земских (местный бюджет). Добровольные участники кассы самостоятельно вносили 12 % жалования В 1907 году на счете

каждого участника, помимо личных взносов и процентов, начисляемых по таблицам, хранилось по 38 руб. 18 коп. В 1910 году сумма ежегодных взносов в эмеритальную учительскую кассу составляла в среднем 22 руб. [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И5, оп. 1, д. 22, л. 5.]. В 1908 году по Тобольской губернии 6-процентные государственные выплаты в пенсионную кассу составили: на учителей приходских училищ — 1210 руб. 18 коп., на начальных — 3123 руб. 38 коп. Из земских средств вычеты в пенсионную кассу начальных училищ составили по Тобольской губернии 868 руб. 50 коп (Ишим — 114 руб., Курган — 247 руб. 20 коп., Тобольск — 84 руб., 60 коп., Тюмень — 422 руб. 70 коп.) [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И5, оп. 1, д. 88, л. 33—35].

В 1901 году для служащих в учреждениях ведомства императрицы Марии была учреждена касса имени императора Александра III. Вступать в эту кассу могли лица обоего пола, находящиеся на штатных должностях. Из императорских средств ежегодно выделялось 100 тыс. руб. в субсидию. Участники кассы, в свою очередь, производили взносы в размере не выше 4 % оклада. В 1902 году 19 должностных лиц Тобольской Марининской женской школы входили в состав членов кассы имени Императора Александра III» — 19 человек [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И165, оп. 1, д. 203, л. 1—36].

В марте 1912 года Тобольская городская дума одобрила учреждение пенсионной кассы для пожарных служителей [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И8, оп. 1, д. 399, л. 95]. К тому же году относится и создание пенсионной кассы служащих на Сибирской железной дороге [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И438, оп. 1, д. 318; д. 319].

Кроме накопительных пенсионных касс и государственной казны, источником пенсий служащих были городские и земские сборы. Так, в 1903 году из указанных источников выплачивалась пенсия в размере 100 рублей в год повивальной бабке, выслуга лет которой превышала 10 лет [ГБУТО ГА в г. Тобольск, ф. И154, оп. 15, д. 556, л. 9—10].

4. Заключение

Результаты проведенного исследования позволили выделить основные этапы становления и развития системы пенсионного обеспечения служащих гражданских ведомств. Первый этап, важными вехами которого явились пенсионные Уставы 1827 и 1896 годов, характеризуется становлением системы государственного пенсионного обеспечения. Гражданские служащие Российской империи впервые получили гарантии на пенсионное обеспечение в старости, по болезни. Четко фиксируется размер государствен-

ной пенсии в зависимости от размера оклада и срока службы: за 35 лет выслуги выдавался полный оклад.

Во второй половине XIX века (второй этап) на территории Тобольской губернии начинается создание эмеритальных касс, которые являлись негосударственной формой пенсионного обеспечения с накопительным характером формирования.

Таким образом, существовало два главных источника финансирования пенсионного капитала чиновничества — это государственные казенные средства и капиталы накопительных эмеритальных касс различных ведомств. Однако в отдельных случаях могли привлекаться средства городской и земской казны. Выявлены три категории пенсионеров: сами служащие (инвалиды и по сроку службы), их вдовы, дети (сироты). Для того, чтобы стать пенсионером, нужно было нести службу добросовестно, не запятнать своё имя в судебном разбирательстве.

У государственных служащих преобладали казенные пенсии. Они были наиболее унифицированы. Самые ранние документы, касающиеся пенсий государственных служащих в Тобольской губернии, содержат сведения о почтовых служителях. Помимо государственной казны, источником пенсионного обеспечения являлся Комитет призрения заслуженных государственных чиновников. Пенсии из эмеритальных касс служили хорошим денежным дополнением к государственным пенсиям. На территории губернии именно в отношении служащих негосударственное пенсионное финансирование получило свое развитие. В Тобольской губернии существовали пенсионные кассы: служащих Тобольского отделения Государственного банка, вольнонаемных служащих по казенной продаже питей, народных учителей и учительниц, пожарных служителей, служащих на Сибирской железной дороге. Также в губернии проживали пенсионеры — участники кассы имени императора Александра III «для вспомоществования служащим в учреждениях ведомства императрицы Марии».

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске*. Ф. И5. Дирекция училищ. Оп. 1. Д. 22, 88. Ф. И8. Городская управа. Оп. 1. Д. 399. Ф. И152. Тобольское губернское правление. Оп. 33. Д. 421, 424. Оп. 41. Д. 10, 14. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 15. Д. 490, 495, 496, 520, 556. Ф. И165. Тобольская женская гимназия. Оп. 1. Д. 203. Ф. И177. Тобольское отделение госбанка. Оп. 1. Д. 54. Ф. И205. Тобольская почтово-телеграфная контора. Оп. 1. Д. 626, 646, 771, 802, 819, 836, 849, 892, 926. Ф. И438. Тобольский нотариальный архив. Оп. 1. Д. 318. Ф. И583 «Надзиратель акцизных сборов 4-го округа Омского акцизного управления, г. Тобольск Тобольской губернии»

2. ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. — Том II. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 1561 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. — Том VI. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. — 844 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. — Том XVI. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. — 925 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. — Том XXVII. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1853. — 802 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Г. В. Деятельность епархиальных попечительств о бедных духовного звания в период с 1894—1917 годы / Г. В. Андреев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2016. — № 8. — С. 7—11.
2. Бокарев Ю. П. Первые пенсионные системы Российской империи / Ю. П. Бокарев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2018. — Т. 18, № 4. — С. 15—24.
3. Гусаков Д. Б. История пенсионного обеспечения и социального страхования в России / Д. Б. Гусаков. — Санкт-Петербург, 2010. — 265 с.
4. Иконников С. А. Учреждение эмеритальных касс в епархиях Центрального Черноземья во второй половине XIX века: к истории вопроса / С. А. Иконников // Манускрипт. — 2018. — № 6 (92). — С. 22—26. — ISSN 2618-9690.
5. Квасов Д. А. Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих Российской империи XIX — начале XX вв.: диссертация ... кандидата юридических наук / Д. А. Квасов. — Москва, 2005. — 191 с.
6. Кульчицкий А. Р. История пенсионного обеспечения россиян за 1827—1917 гг.: автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / А. Р. Кульчицкий. — Курск, 2011. — 23 с.
7. Морозов В. Б. Профсоюзы и проблема социального страхования рабочих России в 1905—1912 годах / В. Б. Морозов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 103. — С. 15—21.
8. Подольская Ж. А. Правовое и материальное положение народных учителей России в пореформенный период / Ж. А. Подольская // Преподавание истории в школе. — 2011. — № 7. — С. 74—76.
9. Филоненко Т. В. Материальное положение учителей в дореволюционной России / Т. В. Филоненко, А. В. Шипилов // Педагогика. — 2004. — № 7. — С. 65—75.
10. Яковлева А. В. Возникновение и развитие страхования по безработице в России [Электронный ресурс] / А. В. Яковлева // Экономика и экологический менеджмент. — 2011. — № 2. — Режим доступа : <http://economics.open-mechanics.com/articles/414.pdf>.
11. Яременко В. А. Социальная защищенность военных чинов: от Ивана III до Николая II / В. А. Яременко // Военно-исторический журнал. — 2005. — № 6. — С. 53—59.

FORMATION OF A PENSION ALLOWANCE SYSTEM FOR CIVIL SERVANTS OF THE TOBOLSK PROVINCE OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

© **Lyudmila N. Suslova (2020)**, orcid.org/0000-0002-2426-2967, PhD in History, associate professor; Department of History, Philosophy and Teaching Techniques, University of Tyumen (Tyumen, Russia, Insuslova@yandex.ru).

© **Irina V. Yarkova (2020)**, orcid.org/0000-0002-6574-3695, PhD in History, acting as Head of the Department of History, Philosophy and Teaching Methods, University of Tyumen (Тюмень, Россия), irina_19714@mail.ru.

The article is devoted to the study of historical experience in the formation of pensions for employees of the Tobolsk province in the XIX - early XX centuries. The authors of the article associate their interest in the indicated problems with its poor knowledge, as well as the reform of pension provision in modern Russia. The source of the study was the legislative, clerical and statistical documents of the funds of the School Directorate, City Council, Tobolsk Provincial Board, Tobolsk State Chamber, Tobolsk Gymnasium, Tobolsk State Bank, Tobolsk Post and Telegraph Office, Tobolsk Notary Archive and others. The most significant of these are the lists of pensioners living in the Tobolsk province, the Tobolsk Treasury Chamber statements on pensioners, documents that fix the number and size of pensions issued and not issued, and cases regarding the assignment of pensions. The authors of the article note the absence in the period under review of a single pension provision practice for all social categories of the population. The author analyzes pension payments accrued to officials from the treasury, and funded payments from public emmerital cash desks. It is concluded that the formation of the pension provision of civil servants can be attributed to the end of the first quarter of the XIX century. The circle of persons entitled to receive a pension is designated, the sources of pension financing are identified. It was concluded that for the provision of pensions to officials of the period under review, the dependence of the pension salary on the size of the annual salary, the rank and length of service of the civil service was characteristic.

Key words: pension; pension provision; officials; employees; teachers; emerytura; old-age insurance saving bank, Committee of charity of honored government officials; Tobolsk province.

MATERIAL RESOURCES

- GBUTO GA v g. Tobolske — *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske*. F. I5. Direktsiya uchilishch. Op. 1. D. 22, 88. F. I8. Gorodskaya uprava. Op. 1. D. 399. F. I152. Tobolskoye gubernskoye pravleniye. Op. 33. D. 421, 424. Op. 41. D. 10, 14. F. 154. Tobolskaya kazennaya palata. Op. 15. D. 490, 495, 496, 520, 556. F. I165. Tobolskaya zhenskaya gimnaziya. Op. 1. D. 203. F. I177. Tobolskoye otdeleniye gosbanka. Op. 1. D. 54. F. I205. Tobolskaya pochtovo-telegrafnaya kontora. Op. 1. D. 626, 646, 771, 802, 819, 836, 849, 892, 926. F. 1438. Tobolskiy notarialnyy arkhiv. Op. 1. D. 318. F. I583 «Nadziratel' aktsiznykh sborov 4-go okruga Omskogo aktsiznogo upravleniya, g. Tobolsk Tobolskoy gubernii». (In Russ.).
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Vtoroye. Tom VI*. (1832). Sankt-Peterburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. (In Russ.).

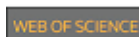
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Vtoroye. Tom XVI.* (1842). Sankt-Peterburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. (In Russ.).
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Vtoroye. Tom XXVII.* (1853). Sankt-Peterburg : Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. (In Russ.).
- PSZ — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Vtoroye. Tom II.* (1830). Sankt-Peterburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. (In Russ.).

REFERENCES

- Andreyev, G. V. (2016). Deyatelnost' eparkhialnykh popechitelstv o bednykh dukhovnogo zvaniya v period s 1894—1917 gody. *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 8: 7—11. (In Russ.).
- Bokarev, Yu. P. (2018). Pervyye pensionnyye sistemy Rossiyskoy imperii. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnyye nauki*, 18(4): 15—24. (In Russ.).
- Filonenko, T. V., Shipilov, A. V. (2004). Materialnoye polozheniye uchiteley v dorevolutsionnoy Rossii. *Pedagogika*, 7: 65—75. (In Russ.).
- Gusakov, D. B. (2010). *Istoriya pensionnogo obespecheniya i sotsialnogo strakhovaniya v Rossii*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Ikonnikov, S. A. (2018). Uchrezhdeniye emeraltnykh kass v eparkhiyakh Tsentralnogo Chernozemya vo vtoroy polovine XIX veka: k istorii voprosa. *Manuskript*, 6 (92): 22—26. ISSN 2618-9690. (In Russ.).
- Kulchittskiy, A. R. (2011). *Istoriya pensionnogo obespecheniya rossiyan za 1827—1917 gg.: avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk*. Kursk. (In Russ.).
- Kvasov, D. A. (2005). *Stanovleniye i razvitie pensionnogo zakonodatelstva o gosudarstvennykh sluzhashchikh Rossiyskoy imperii XIX — nachale XX vv.: dissertatsiya... kandidata yuridicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Morozov, V. B. (2009). Profsoyuzy i problema sotsialnogo strakhovaniya rabochikh Rossii v 1905—1912 godakh. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 103: 15—21.
- Podolskaya, Zh. A. (2011). Pravovoye i materialnoye polozheniye narodnykh uchiteley Rossii v poreformenny period. *Prepodavaniye istorii v shkole*, 7: 74—76. (In Russ.).
- Yakovleva, A. V. (2011). Vozniknoveniye i razvitie strakhovaniya po bezrabotitse v Rossii. *Ekonomika i ekologicheskij menedzhment*, 2. Available at: <http://economics.open-mechanics.com/articles/414.pdf>. (In Russ.).
- Yaremenko, V. A. (2005). Sotsialnaya zashchishchennost' voyennykh chinov: ot Ivana III do Nikolaya II. *Voyenno-istoricheskij zhurnal*, 6: 53—59. (In Russ.).

Филиппова В. В. Эвенки бассейна реки Олёкма: расселение и землепользование в XXI веке / В. В. Филиппова, А. Н. Саввинова, Г. Фондал // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 495—509. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-495-509.

Filippova, V. V., Savvinova, A. N., Fondahl, G. (2020). Evenki of River Basin Olyokma: Resettlement and Land Use in the XXI Century. *Nauchnyi dialog, 1*: 495-509. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-495-509. (In Russ.).

УДК 94(571.56)“20”+911.373.2(=512.212)“20”(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-495-509

ЭВЕНКИ БАСЕЙНА РЕКИ ОЛЁКМА: РАССЕЛЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В XXI ВЕКЕ

© **Филиппова Виктория Викторовна (2020)**, orcid.org/0000-0002-3900-918X, ResearcherID M-6988-2016, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), filipovav@mail.ru.

© **Саввинова Антонина Николаевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-3314-7688, ResearcherID X-6460-2019, кандидат географических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (Якутск, Россия), sava_73@mail.ru.

© **Фондал Гейл (2020)**, orcid.org/0000-0003-4287-1288, PhD, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Принс-Джордж, Канада), gail.fondahl@unbc.ca.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей расселения локальной группы эвенков бассейна реки Олекма, которая повлияла на современное землепользование и хозяйственно-культурные взаимоотношения эвенков, проживающих ныне на территории Олекминского района Республики Саха (Якутия), Каларского и Тунгиро-Олекминского районов Забайкальского края и Тындинского района Амурской области. В статье особое внимание уделяется изучению динамики численности эвенков на основе сопоставительного анализа материалов переписей населения XX века. Для сравнения приводятся современные данные численности эвенков в районах их проживания по данным переписи 2010 года. Анализ архивных источников показал, что изменения в расселении эвенкийских родов происходили одновременно с изменениями административно-территориального деления. Фактографические материалы, обнаруженные в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), подтверждают, что при решении вопросов административно-территориального устройства учитывались мнения и предложения местного населения. Составлены авторские карты, которые позволили провести пространственный анализ размещения населения и форм организации хозяйства эвенков. Выявлено, что в каждом регионе имеются свои специфические особенности землепользования, продиктованные административными решениями и проводимой региональной политикой.

Ключевые слова: расселение эвенков; численность эвенков; землепользование; традиционное природопользование; Олекма.

1. Расселение эвенков бассейна реки Олекма

Река Олёкма является одной из крупных рек Азиатской части России, протекающей по территории Забайкальского края, Амурской области и Якутии. Бассейн р. Олёкма является ареалом расселения эвенков, проживающих в бассейнах её притоков: Чара, Токко, Тяня и Нюкжа. Данная локальная группа эвенков включает в себя потомков витимо-олекминской группы эвенков севера Читинской, Амурской и Иркутской областей, ранее входивших в состав Витимо-Олекминского национального округа. До создания Витимо-Олекминского национального округа рассматриваемая группа эвенков входила в состав Тунги́ро-Олекминского района, образованного решением Президиума ВЦИК 6 января 1927 года в составе Алданского округа Якутской АССР [Василевич, 1969].

Тунги́ро-олекминские и каларские эвенки являются потомками следующих родов: Букочар, Донгоиль, Инголягир, Лалыгир, Локсекагир/Локшикагир, Нгангагир, Огдыренкур, Тамиганкур, Чакагир, Якоткар, Инелас / Инелагир / Инголягир, Метакар, Талигир, Конгэя, Эгдэрэл [Поворознюк, 2011, с. 31]. Из двух исторических групп каларских эвенков в районе нашего исследования проживает так называемая «чарская» группа эвенков, другая «каларская» группа проживает по бассейну р. Калар и ее притоков.

До административно-территориальных изменений, произошедших за 1920—1930 годы, часть рассматриваемой локальной группы входила в состав Тунги́ро-Олекминского района, граничившего на западе с Зейским округом Дальневосточного края, на северо-западе — с Бодайбинским районом, на севере — с Олекминским округом, а на востоке — с Алданским округом Якутии.

Тунги́ро-Олекминский район представлял собой самостоятельное территориальное образование, оторванное от населенных пунктов Бодайбинского района и мало связанное с южными районами Якутии. Основное население Тунги́ро-Олекминского района было представлено тунгусами 5 родов: Кандагирского, Нюкжинского, Верхне-Олекминского, Средне-Олекминского и Каларского. Разделение на рода было территориальным, а именно соответствовало расселению по бассейнам рек (рис. 1).

Так, тунгусы Тунгирского рода Тунги́ро-Олекминского района были разделены на два самостоятельных рода: на Средне-Олекминский и Кандагирский [НА РС(Я). ф. 50, оп. 1, д. 3716, л. 10]. Тунгусы Каларского рода Иркутского округа Сибирского края изъявили желание о присоединении рода к району на общем собрании от 29 марта 1929 года в пос. Тупик [Там же. л. 10]. Данное решение было поддержано на Втором Районном съезде советов, состоявшемся также в 1929 году [Там же. л. 14]

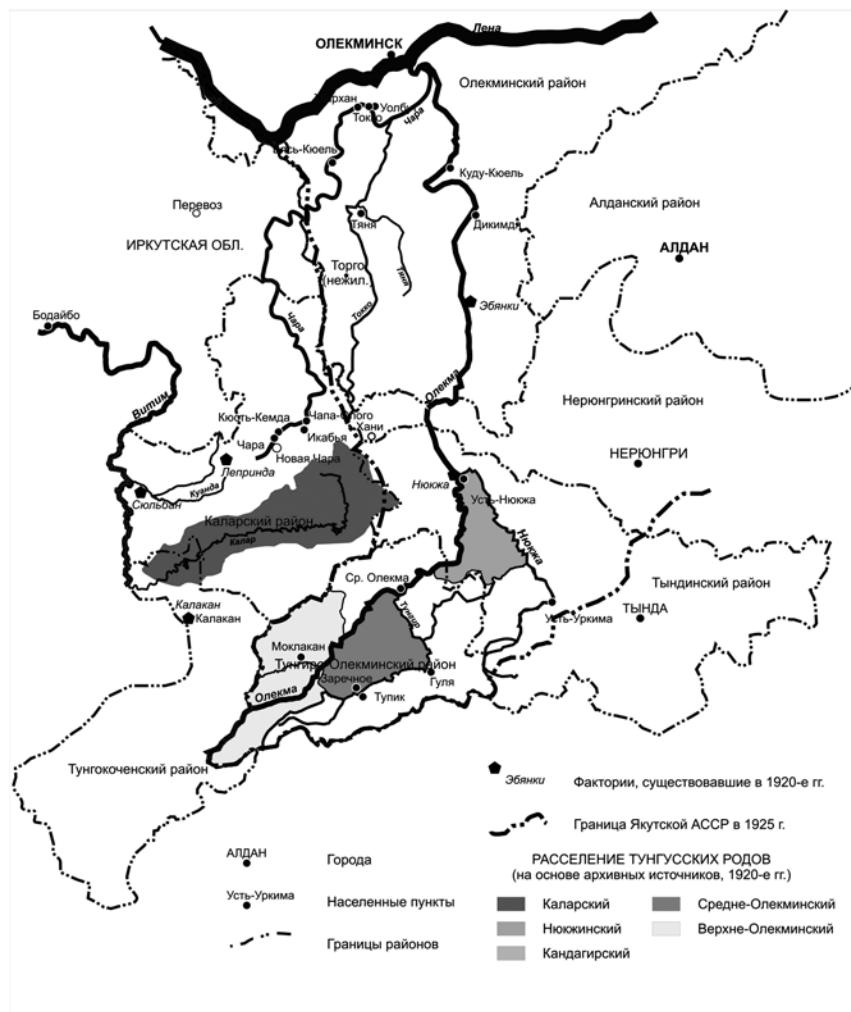

Рис. 1. Расселение тунгусских родов Тунги́ро-Олекминского района в конце 1920-х годов
(составлено В. В. Филипповой на основе архивных документов, хранящихся в НА РС(Я), 2019 г.)

В настоящее время эвенки рассматриваемой локальной группы проживают в Киндигирском, Тянском, Чаринском и Жарханском наслегах Олекминского района, имеющих статус национальных территориальных

образований; в Забайкальском крае на территории Каларского и Тунги-ро-Олекминского районов, в Амурской области — на территории Усть-Нюкжинского и Нюкжинского сельсоветов Тындинского района. Количество поселений компактного проживания эвенков на территории вышеуказанных административно-территориальных образований составляет 18 единиц.

География поселений эвенков относительно реки Олекма и её притоков следующая: непосредственно на берегу самой Олекмы находятся Куду-Кюель, Дикимдя и Средняя Олекма. Остальные поселения располагаются на берегах следующих притоков р. Олекма первого и второго порядка: на берегу р. Тунгир — Тупик, Гуля, Заречное; на р. Верх. Мола — Моклакан; на берегу р. Нюкжа — Усть-Нюкжа и Усть-Уркума; р. Тяня — с. Тяня. Остальные 9 населенных пунктов находятся на берегу р. Чара — с. Токко, с. Уолбут, с. Жархан, с. Бясь-Кюель, Чапа-Олого, Кюсть-Кемда, Чара, Икабья (рис. 2).

Населенные пункты, в которых проживают эвенки, являются местами традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, согласно распоряжению правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 года № 631-р.

2. Численность эвенков в бассейне реки Олекма

Для выявления картины изменения численности тунги-ро-олекминских эвенков рассмотрим данные переписи 1926—1927 гг. К сожалению, мы не можем установить точную численность тунгусов Олекминского округа на этот период, так как часть рассматриваемой локальной группы, находившаяся непосредственно в тайге в момент переписи населения, не была зафиксирована. Для сравнения можем привести данные переписи 1917 года, где численность населения тунгусов 5 родов Олекминского округа составляла 96 чел., в том числе Сологонский — 8 чел., Кангаласский — 4 чел., Киндигирский — 31 чел., Какырский — 5 чел., Какагирский — 48 чел. [Соколов, 1925, с. 98].

В 1926 году во время проведения переписи, в составе Алданского округа были зафиксированы тунгусы, проживающие в Калакане, и часть кочующего населения, общая численность которых была 1140 чел. В составе Олекминского округа переписью были учтены Каларский, Нелятский, Нюкжинский, Тунгирский рода, а также Вершино-Олекминский, Джемкуя и Тупик, общая численность которых составила 1130 чел. [НА РС(Я). ф. 70, оп. 1, д. 600, л. 1].

При передаче Тунги-ро-Олекминского района в состав Витимо-Олекминского национального округа в пределах территории Якутии остал-

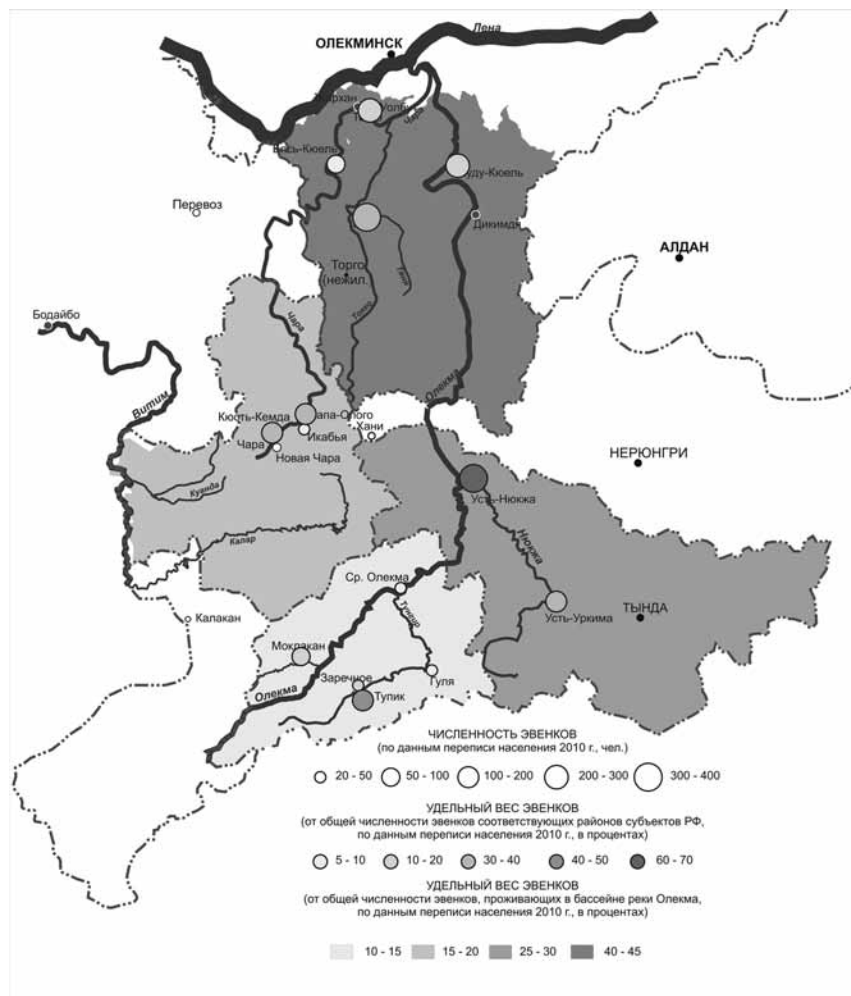

Рис. 2. Современное расселение эвенков бассейна реки Олекма
(составлено В. В. Филипповой, 2019 г.)

ся Нелятский род в количестве 185 чел., из которых эвенки составляли 13,5 % (25 чел.) [НА РС(Я). ф. 70, оп. 1, д. 427, л. 5]. В правительственной телеграмме, отправленной статистическим комитетом Якутии в ответ на запрос Иркутского крайучета, численность населения Тунгиро-Олекмин-

ского района по переписи 1926 года за вычетом эвенков Нелятского рода составляла всего 1691 чел., из которых эвенков было 1115 чел. (65,9 %), ороченов — 333 (19,7 %).

В 1929 году общая численность населения Тунгиро-Олекминского района составляла 1622 чел. (табл. 1). П. Х. Староватов в своем отчете отметил, что национальный состав этого населения установить сложно ввиду влияния Каларских приисков на изменение численности населения и на его состав, а также по причине отсутствия учета. При этом, по его подсчетам, численность тунгусов составила 1400 чел. [НА РС(Я). ф. р. 1339, оп. 1, д. 16].

Таблица 1

Численность населения Тунгиро-Олекминского района (1929)
по данным П. Х. Староватова (НА РС(Я). Ф. Р. 1339. Оп. 1. Д. 16)

Название родов	Количество семей	Всего человек
Средне-Олекминский	21	197
Кындыгирский	36	168
Верхне-Олекминский	27	117
Нюкжинский	55	311
Каларский	69	639
Поселок Тупик	0	190

Соответственно, в структуре витимо-тунгиро-олекминских эвенков большая часть населения составляли эвенки исследуемого района — Тунгиро-Олекминского (70,0 %).

Данное количество — 1400 чел. — указано и в отчете Кремнева, составленном по поручению Центрального исполнительного комитета Якутской АССР (ЯЦИК) в 1929 году. В своем отчете он пишет, что из 1400 чел. 950 чел. составляют якутские тунгусы, к которым относились тунгусы Каларского и Нюкжинского родов. В их образе хозяйствования, быта и особенно языка значительно проявлялось влияние якутов. Амурские тунгусы, к которым относили тунгусов Кандагирского, Верхне-Олекминского и Средне-Олекминского родов, владели разговорным русским языком, при этом не знали якутского языка. Для них было характерно перенимание привычек и форм организации домашнего хозяйства у русского населения [НА РС(Я). ф. 50, оп. 1, д. 2308, л. 53].

Динамику численности эвенков за советский период можно установить на основе данных переписей населения и опубликованных работ исследователей (табл. 2).

Таблица 2

Численность эвенков по данным переписей населения
(источники: [Демоскоп Weekly; Винокуров, 1994; Поворознюк, 2011])

Районы проживания эвенков в бассейне реки Олекма	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1989 г.
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУ- ТИЯ)	10432	9505	9097	14428
Олекминский район	564	572	653	942
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ	4344	1349	1445	1271
Каларский район	464	1200	266	493
Тунгиро-Олекминский район	290		-	320
АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	-	1388	1479	1617
Тындинский район	412	-	707 (на 01.01.1976)	866 (на 01.01.1990)

Анализ динамики численности эвенкийского населения Тындинского района, проведенного И. И. Винокуровым за 1970—1990-е годы, свидетельствует о весьма незначительном естественном приросте и отрицательном сальдо миграции [Винокуров, 1994]. По подсчетам О. А. Поворознюк, численность эвенков севера Забайкальского края в 1920—1980-х годах колебалась при сохранении тенденции к снижению [Поворознюк, 2011, с. 38]. В отличие от Забайкальского края и Амурской области в динамике численности эвенков Якутии наблюдалось увеличение эвенкийского населения, в том числе и в Олекминском районе в 1,6 раза за период с 1939 по 1989 годы.

В настоящее время общая численность населения, проживающего в данных районах, составляет 11114 чел., что составляет 23,0 % от общей численности населения рассматриваемых районов (Олекминского, Каларского, Тунгиро-Олекминского, Тындинского). Распределение населения по населенным пунктам дано в таблице, где мы видим, что общая численность эвенков, проживающих в них, составляет 2082 чел., или 18,7 % от общей численности населения (табл. 3). Несмотря на меньший удельный вес эвенков в структуре населения, они в основном проживают в районе нашего исследования, где сосредоточено 78,9 % от общей численности эвенков рассматриваемых четырех районов.

Эвенки, проживающие в четырех наслегх Олекминского района, составляют половину всех эвенков, проживающих в бассейне реки Олекма (51,2 %). Удельный вес нюкжинских (25,8 %) и забайкальских эвенков (23,0 %) в структуре эвенков бассейна р. Олекма почти одинаков.

Таблица 3

Численность эвенков в бассейне реки Олекма
(составлено на основе статистических данных, размещенных
на официальных сайтах территориальных комитетов)

Районы проживания эвенков в бассейне реки Олекма	Численность населения, чел.			Численность эвенков, 2010 г., чел.
	2002 г.	2010 г.	2017 г.	2010 г.
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)	949280	958528	962835	21008
Олекминский район	27563	26785	25139	1234
с. Куду-Кюель, с. Дикимдя	321	354	360	222
с. Тяня	451	499	493	399
с. Бясь-Кюель	266	215	195	60
с. Токко, с. Уолбут, с. Жархан	1306	1373	1412	230
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ	1155346	1107107	1078983	1387
Каларский район	9785	9051	8160	401
с. Чара	2063	1903	1903	156
с. Кюсть-Кемда	281	216	216	
с. Чапа-Олого	164	155	139	
с. Икабья	510	505	426	45
Тунгиро-Олекминский район	1643	1432	1328	275
с. Тупик	1041	971	919	133
с. Заречное	307	271	246	43
с. Моклакан	116	71	нет све- дений	53
с. Гуля	41	35		20
с. Средняя Олекма	138	84		26
АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ	902844	830103	801752	1481
Тындинский район	16701	16 065	13730	728
с. Усть-Нюкжа	598	596	576	353
с. Усть-Уркима	357	285	256	184
Всего эвенков в рассматриваемых субъектах				23876
Всего эвенков в рассматриваемых районах				2638
Всего тунгиро-олекминских эвенков				2082

Анализ современного расселения эвенков в рассматриваемых районах (рис. 2) показывает, что они распределены равномерно по населенным пунктам Олекминского района. В Каларском районе эвенки сосредоточены в основном в двух населенных пунктах — Чапа-Олого и Чара, в каждом из которых проживает до 40 % эвенков района. В Тунгиро-Олекминском районе почти половина эвенкийского населения — жители пос. Тупик (48,4 %). Такая же ситуация и у нюкжинских эвенков, где 65,7 % эвенков проживают в с. Усть-Нюкжа.

Резюмируя вышеизложенное можно сказать, что ареал ранее существовавшей тунгиро-олекминской локальной группы эвенков сохранен, при этом наблюдается сокращение его площади.

3. Землепользование и традиционное хозяйство в бассейне реки Олекма

Землепользование в бассейне реки Олекма связано с традиционным хозяйством эвенков — охотой и оленеводством. Земли, необходимые для ведения традиционной хозяйственной деятельности, а именно охотничьи угодья и оленьи пастбища, находятся в основном в лесном фонде. Сведения об охотугодьях, закрепленных за охотпользователями, ведущими охотничий промысел в бассейне реки Олекма, взяты из общедоступной информации, размещенной на официальных сайтах административных районов, и представлены на карте (рис. 3).

Землепользование эвенков Олекминского района осуществляется в границах территорий традиционного природопользования, которые совпадают с границами национальных наслегов. Первая территория традиционного природопользования (ТТП) была образована в Тянском наслеге в 2009 году, а на территории других ТТП были созданы в 2015 и 2016 годах, что было связано с принятием Закона о дальневосточном гектаре.

В Олекминском районе имеется всего 7 кочевых родовых общин: ПСХК КРО «Тяня»; ПСХК КРО «Токко»; РКО КМНС-эвенков «Тяня» («Равнина»); КРО МНС-Э Аятку; СХПК КРО «Эйиим»; ПСХК КРО «Киндигирь»; СХПК КРО «Донойю» [Инвестиционный ..., 2017, с. 43]. Данные общины занимаются в основном охотничьим промыслом и оленеводством. Общее поголовье оленей в 2017 году составило 6262 гол. Большая часть территории южной части Олекминского района закреплена за родовыми общинами в качестве охотугодий. Охотничьи угодья также используются эвенками как оленьи пастбища, что наблюдается и в других рассматриваемых районах.

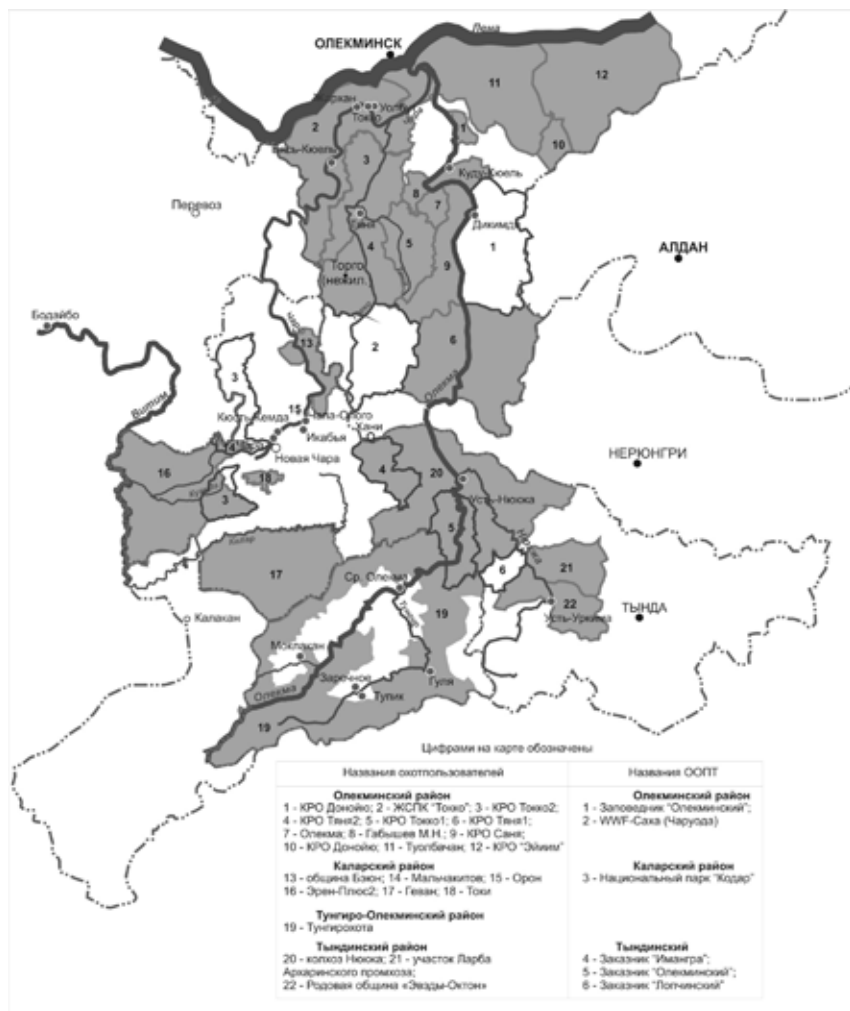

Рис. 3. Охотпользователи в бассейне р. Олекма

В Каларском районе находятся охотуголья двух охотпользователей: ООО «Эрен плюс» и общины ОМНС «Геван». А также на территории района зарегистрированы и осуществляют финансово-хозяйственную деятельность 7 общин КМНС («Бэюн», «Орон», «Сюльбан», «Метакат», «Геван», «Амикан», «Инкит»), 1 индивидуальный предприниматель, деятельность

которых направлена на осуществление традиционных промыслов КМНС (оленоводство, охотпромысел, рыболовство).

По состоянию на 01.01.2017 года поголовье оленей в районе насчитывало 3206 голов. Для реализации проекта Центра агроэтнотуризма «Белый олень», основной экономической деятельностью которого является предоставление туристических услуг и агроэтнотуристическая деятельность, используется территория, закрепленная за оленеводческим хозяйством Ю. Ю. Мальчакитова [Инвестиционный ..., 2017]. Интересно то, что в Каларском районе землепользование эвенков в основном осуществляется за пределами ТТП, созданных в 1999 году.

В отличие от Каларского района землепользование эвенков Тунги-ро-Олекминского района осуществляется в пределах созданных ТТП, однако большая территория района является межселенной. Все охотугоды района относятся единственному охотпользователю — ООО «Тунгирохота». В ходе экспедиции в марте 2018 года в Забайкальском крае авторы на основе интервью с местным населением выявили отсутствие оленей в Тунги-ро-Олекминском районе. Имеющееся в отчетности поголовье оленей (2237 гол.), числящихся за данным районом, являются оленями общины «Геван», фактически находящихся на территории Каларского района.

Интересна ситуация в Тындинском районе, связанная с территориями традиционного природопользования. Несмотря на имеющийся региональный Закон о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Амурской области, принятый еще в 2003 году, до сих пор не выделены границы ТТП. Согласно материалам по обоснованию схемы территориального планирования Амурской области, в соответствии с данными, предоставленными Управлением по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания Амурской области, территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Амурской области ввиду отсутствия не были выделены [Научно-исследовательская ..., 2018].

Однако в имеющемся Едином перечне территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера областного и местного значения, утвержденном Постановлением Законодательного Собрания Амурской области № 14/120 от 26.02.2009 года, перечислены 6 ТТП без описания границ. В исследуемом нами Тындинском районе имеются следующие ТТП областного значения: Гилюйская, Нюкжинская и Олекминская. Ввиду отсутствия официально зарегистрированных границ

данных ТТП невозможно установить, совпадают ли они с фактическим землепользованием малочисленных народов.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.05.2009 года № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов в Амурской области отнесены Зейский (сельское поселение Бомнакский сельсовет), Мазановский (сельское поселение Майский сельсовет), Селемджинский (сельское поселение Ивановский сельсовет) и Тындинский (сельские поселения: Нюкжинский сельсовет, Первомайский сельсовет и Усть-Нюкжинский сельсовет) районы.

В местах проживания нюкжинских эвенков охотничьи угодья закреплены за колхозом «Нюкжа», участком «Ларба» Архаринского промхоза и за родовой общиной «Эвэды-Октон». Из сельскохозяйственных предприятий самым стабильно работающим остается колхоз «Нюкжа», занимающийся организацией охотничьего промысла и заготовкой пушнины на закрепленных за ним охотничьих угодьях, общей площадью 2,2 млн га. Подавляющее большинство родовых общин зарегистрированы в Усть-Нюкжа (Атахтак, Кадар, Асикта, Агдан, Надежда, Нельки, Муя, Бобой, Улуки) и в с. Усть-Уркима (Эвэды-Октон, Орон, Нюкжакан, Тэгэми). В данных общинах было 3395 гол. оленей, а 1430 гол. числилось в личных хозяйствах жителей с. Усть-Нюкжа.

4. Заключение

Таким образом, изучение расселения и землепользования эвенков, населяющих бассейн реки Олекма, показало изолированность их локальных групп друг от друга не только внутри одного субъекта, но даже внутри одного муниципального района: например, тунгиро-олекминских от каларских в Забайкальском крае, киндигирских от тянских в Олекминском районе. В результате проведенного анализа численности эвенков бассейна р. Олекма можно говорить о том, что наибольшая их численность проживает в низовьях рассматриваемой реки, в южной части Олекминского района. Современное землепользование эвенков всех рассматриваемых районов связано с традиционным хозяйством — охотой и оленеводством. Во всех районах проживания эвенков бассейна р. Олекма имеются кочевые родовые общины, за которыми закреплены охотничьи угодья, используемые

как олени пастбища. Традиционную хозяйственную деятельность эвенки также ведут в границах территорий традиционного природопользования. Однако ТТП в Амурской области не имеют утвержденных границ, а в Каларском районе границы ТТП не совпадают с фактическим землепользованием эвенкийского населения. Неоднородность ситуации, сложившейся с численностью эвенков и землепользованием, связана с проводимой региональной политикой в отношении коренных малочисленных народов Севера. Для дальнейшего социально-экономического развития эвенкийского населения рассматриваемых районов региональным властям необходимо обмениваться имеющимся опытом по улучшению качества жизни с соседствующими субъектами.

Источники

1. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. — № 829—830. — 7—20.10.2019. — Режим доступа : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6.
2. НА РС(Я) — *Национальный архив Республики Саха (Якутия)*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2308; Ф. 50. Оп. 1. Д. 3716; Ф. 70. Оп. 1. Д. 427; Ф. 70. Оп. 1. Д. 600; Ф. 1339. Оп. 1. Д. 16.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василевич Г. М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.) / Г. М. Василевич. — Ленинград : Наука, 1969. — 288 с.
2. *Винокуров И. И.* Эвенки зоны Байкало-Амурской магистрали : историко-демографический аспект (1976—1990 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / И. И. Винокуров. — Якутск, 1994. — 22 с.
3. *Инвестиционный паспорт* МР «Каларский район» 2017 г. [Электронный ресурс]. — Официальный сайт Забайкальского края. — Режим доступа : kalar.zabaykalsky.ru/.../Проект%20решения%20Стратегии%20МР.
4. *Инвестиционный паспорт* МР «Олекминский район» 2017 г. [Электронный ресурс] // Приложение к Постановлению Главы муниципального района «Олекминский район» от 30 сентября 2014 г № 89. — Режим доступа : <https://mr-olekminskij.sakha.gov.ru/postanovlenija/2014-god->.
5. *Научно-исследовательская работа* «Подготовка проекта корректировки схемы территориального планирования Амурской области». Проект корректировки схемы территориального планирования амурской области. — Омск : ИТП Град, 2018. — Режим доступа : <https://www.amurobl.ru/upload/iblock/a2f/Materialy-po-obosnovaniyu-STP-Amurskoy-oblasti.pdf>.
6. *Поворознюк О. А.* Забайкальские эвенки : социально-экономические и культурные трансформации в XX—XXI веках / О. А. Поворознюк. — Москва : ИЭА РАН, 2011. — 350 с.
7. *Соколов М. П.* Якутия по переписи 1917 года : Вып. 1—2 с картами / М. П. Соколов. — Иркутск : Якутск. стат. упр., 1925. — 265 с.

EVENKI OF RIVER BASIN OLYOKMA: RESETTLEMENT AND LAND USE IN THE XXI CENTURY

© **Viktoriya V. Filippova (2020)**, orcid.org/0000-0002-3900-918X, ResearcherID M-6988-2016, PhD in History, senior researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), filippovav@mail.ru.

© **Antonina N. Savvinova (2020)**, orcid.org/0000-0002-3314-7688, ResearcherID X-6460-2019, PhD in Geography, associate professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia), sava_73@mail.ru.

© **Gail Fondahl (2020)**, orcid.org/0000-0003-4287-1288, PhD, professor, University of Northern British Columbia (Prince George, British Columbia, Canada), gail.fondahl@unbc.ca.

The relevance of the study is due to the need to study the characteristics of the resettlement of the local Evenki group of the Olekma River Basin, which influenced the modern land use and economic and cultural relations of Evenki living now in the Olekminsky District of the Republic of Sakha (Yakutia), the Kalarsky and Tungiro-Olekminsky Districts of the Trans-Baikal Territory and the Tyndinsky District of Amur region. The article focuses on the study of the Evenki population dynamics based on a comparative analysis of the materials of the censuses of the 20th century. For comparison, current data on the number of Evenks in their areas of residence according to the 2010 census are given. An analysis of archival sources showed that changes in the resettlement of Evenk clans occurred simultaneously with changes in the administrative-territorial division. Factographic materials found in the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) confirm that when deciding on the administrative-territorial structure, the opinions and proposals of the local population were taken into account. Author's maps were compiled, which allowed a spatial analysis of the distribution of the population and the forms of organization of the Evenki economy. It was found out that each region has its own specific land use determined by administrative decisions and regional policies.

Key words: Evenki resettlement; the number of Evenks; land use; traditional nature management; Olyokma.

MATERIAL RESOURCES

NA RS(Ya) — *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya)*. (In Russ.).

Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv. In: *Demoskop Weekly*, 829—830. 7—20.10.2019. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6. (In Russ.).

REFERENCES

Investitsionnyy pasport MR «Kalarskiy rayon» 2017 g. In: *Ofitsialnyy sayt Zabaykalskogo kraya*. Available at: kalar.zabaykalskiykray.rf/.../Proekt%20resheniya%20Strategii%20MR. (In Russ.).

Investitsionnyy pasport MR «Olekminskiy rayon» 2017 g. In: *Prilozheniye k Postanovleniyu Glavy munitsipalnogo rayona «Olekminskiy rayon» ot 30 sentyabrya 2014 g № 89*. Available at: <https://mr-olekminskiy.sakha.gov.ru/postanovleniya/2014-god->. (In Russ.).

- Nauchno-issledovatel'skaya rabota «Podgotovka proekta korrektyrovki skhemy territorial'nogo planirovaniya Amurskoy oblasti». Proekt korrektyrovki skhemy territorial'nogo planirovaniya amurskoy oblasti.* (2018). Omsk: ITP Grad. Available at: <https://www.amurobl.ru/upload/iblock/a2f/Materialy-po-obosnovaniyu-STP-Amurskoy-oblasti.pdf>. (In Russ.).
- Povoroznyuk, O. A. (2011). *Zabaykalskiye Evenki: sotsialno-ekonomicheskiye i kulturnyye transformatsii v XX—XXI vekakh.* Moskva: IEA RAN. (In Russ.).
- Sokolov, M. P. (1925). *Yakutiya po perepisi 1917 g. s kartami.* Irkutsk: Yakutsk. stat. upr. 1/2 (In Russ.).
- Sokolov, M. P. (1925). *Yakutiya po perepisi 1917 g. s kartami.* Irkutsk: Yakutsk. stat. upr. 2/2 (In Russ.).
- Vasilevich, G. M. (1969). *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.).* Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Vinokurov, I. I. (1994). *Evenki zony Baykalo-Amurskoy magistrali: istoriko-demograficheskiy aspekt (1976—1990 gg.): avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk.* Yakutsk. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
 Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК
 Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
 Индексируется в Google Академия
 Индексируется в Index Copernicus ICV 2017 = 90.21
 Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
 Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) 2017 = 0,376
 Десятилетний индекс Хирша 2017 = 17
 Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
 Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
 Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
 Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
 Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
 Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
 Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
 Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензент берет на себя обязательство провести анализ представленной к публикации статьи и подготовить рецензию в срок не более 18 дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее трех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2019), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация — шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*).

Ключевые слова — шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги

двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать издательство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.
5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.
6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.
8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.
9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : [http:// www.anpi.it/militari/rodi.html](http://www.anpi.it/militari/rodi.html).

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984**.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Axelrood D. A., Brodskaya M. S.</i> On the Specificity of Event Actualization in an English Verb Phrase Headed by a Verb of Movement	9
<i>Vasilyeva S. P.</i> Experience of Identifying the Specifics of Everyday Linguistic Consciousness of Russians according to Associative Dictionaries of the XX—XXI Centuries	27
<i>Guo Lijun, Shchetinina A. V.</i> Ideographic Reconstruction of the Nominative Set “Fundamentals of Power Relations in the State»	45
<i>Ioanesyan E. R.</i> Implicit Assessment and Argumentation	62
<i>Kondratyeva O. N., Kameneva V. A.</i> Linguopolitical Personology (Metaphorical Perspective of Research)	78
<i>Lavrova S. Yu.</i> Conceptual Status of Non-Reference Use of Pronouns in the Literary and Critical Discourse of the 19th Century Writer N. D. Akhsharumov	97
<i>Melnikova S. Yu., Gaponova Zh. K.</i> Derivatives with Formant <i>-teka</i> in Modern Russian	112
<i>Obvintseva O. V., Pitolin D. V., Obvintseva T. O.</i> Pragmatic Markers in the English-Language Election Discourse (on the Example of Speeches by Candidates for the Post of Leader of the Conservative Party of Great Britain)	124
<i>Osipchuk A. E.</i> Grammatical Means of Expressing the Semantics of Imperative in the Speech Genre “Command”	141
<i>Sergodeev I. V.</i> Experience of Analysis and Synthesis of Contextual Meanings of the Dominant Unit <i>child</i> in Poetic Text by W. Blake “The Lamb”: Intertextual Aspect	158
<i>Seagal K. Ya.</i> The Role of the Attitude in the Syntax of Artistic Speech (based on the Material of the Satirical Miniature play by V. Ardiv “This is What Your References Did ...»)	175
<i>Tokarchuk I. N., Erysheva A. Yu.</i> Particle <i>uzhe</i> [<i>already</i>] and Methods of its Translation into Vietnamese	192

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

<i>Grigorovskaya A. V.</i> In Search of Integrity: Ayn Rand’s novel “The Anthem” and J. Kerouac’s novel “On the Road”	212
<i>Skachkova V. N.</i> Documentary as a Multiple Reality: Verbatim “The Sun Rises”	229
<i>Zhang Lin, Zheng Luyan.</i> Semiotic System of Clothes and Decorations in Cao Xueqin’s Novel “Red Tower Dream”	242
<i>Shastina E. M., Kazakova Ju. K.</i> Functioning of Literary Anthroponyms in the Works by E. Canetti and K. Hoffer	257

HISTORICAL SCIENCES

<i>Valov T. V.</i> Implementation of the Monetary Stage of Russian Privatization in 1997 — early 1998: Key Trends and Regional Specifics (on the Example of St. Petersburg)	271

<i>Geht A. B., Nerovny A. V., Tsverianashvili I. A.</i> Academic Racism in Sweden in the First Half of XX Century: Creation and Activities of the State Institute of Racial Biology.....	288
<i>Dorokhov V. G., Karpinets A. Yu., Pyanov A. E.</i> Plant Growing and Animal Husbandry of Kuzbass in the Late XIX — Early XX Centuries.....	303
<i>Ivanov A. A.</i> Peasant Land Tenure with Rent in the Western Territory of the Russian Empire and Legislative Attempts to Eliminate it (Second Half of the 19 th — Early 20 th Centuries)	322
<i>Kuleshova E. V., Starostin D. N.</i> Problem of Reinterpretation of the Achievements of the 16th Century French Historiography in the Work of Philippe Labbe (1607—1667) “A New Library of Manuscript Books».....	341
<i>Mamkina I. N.</i> Conditions for the Development of the State System of Primary Education in Eastern Siberia in the 19 th — Early 20 th Centuries.....	356
<i>Mamyachenkov V. N., Lvova M. I.</i> Socio-Economic Situation of the Sverdlovsk Region in 1992: the First Year of “Shock Therapy” (according to Regional Statistics)	370
<i>Markova M. A.</i> A Family of Landowner Peasants in the St. Petersburg Province of the mid 19 th Century (according to Confessional Murals of Tsarskoye Selo Uyezd).....	386
<i>Mokerova E. Y., Tarasov K. N.</i> Coin Circulation in the Vyatka Region in the 30–90s of the 18th Century (according to the Data of Coin Treasures).....	400
<i>Nalyvayko R. A.</i> Evolution of Image of the Moscow State in Historical Works of Jan Dlugosh and Matvey Mehovsky: Second Half of XV — First Third of XVI Centuries	422
<i>Ragulina M. V.</i> Economic Acculturation of Lower Ilim Evenki: Farmers and Reindeer Breeders (XVIII — Early XX Centuries).....	433
<i>Skipina I. V., Moskovkin V. V.</i> The Phenomenon of “The Perm disaster” of 1918 in the Assessment of Modern Researchers of the Civil War in Russia	451
<i>Spichak A. V.</i> Voluntary Departure of Clergy in the Secular Department in the First Half of the XIX Century: Causes, Results and Procedure of Office Work (on the Materials of the Tobolsk Spiritual Consistory)	469
<i>Suslova L. N., Yarkova I. V.</i> Formation of a Pension Allowance system for Civil Servants of the Tobolsk Province of the 19 th — early 20 th Centuries.....	484
<i>Filippova V. V., Savvinova A. N., Fondahl G.</i> Evenki of River Basin Olyokma: Resettlement and Land Use in the XXI Century	495
TO AUTHORS.....	510

ПОДПИСКА

на журнал
«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий

Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 12.01.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 30,21. Тираж 500 экз. Заказ 12/01-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2019
Свободная цена